

А. БУЛИАШВИЛИ

БЕСИКИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
«ЗАРЯ ВОСТОКА»

Т Е Ф

L I S

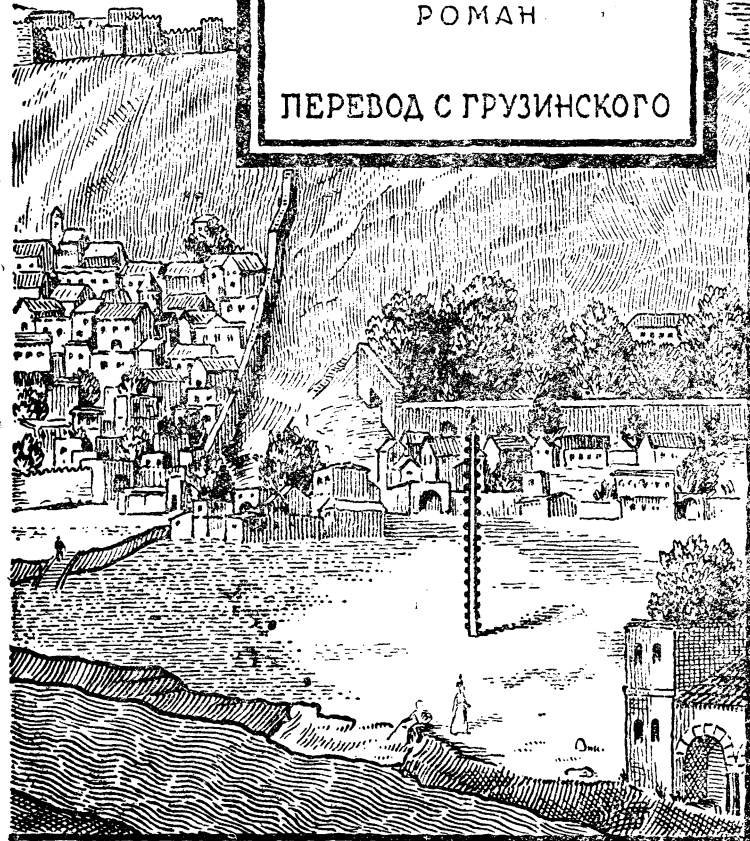
А. БЕЛИАШВИЛИ

БЕСИКИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО

Издательство
союза писателей Грузии
"ЗАРЯ ВОСТОКА"
ТБИЛИСИ • 1959

В

есна в 1770 году началась очень рано. Установилась теплая, солнечная погода. Снег на горных склонах быстро стаял. Вскоре Кура вздулась, потемнела, забурлила в Сейдабадском скалистом проходе: весна наступила и в горах. В крцанисских, сейдабадских и гареубанских садах деревья словно окутались бело-розовой дымкой. Раскрывались почки, и нежные лепестки трепетали под дуновением ветерка.

Притихший за зиму Тбилиси оживился, зашумел. В каждом уголке, на крышах домов, поднимавшихся в гору и похожих на высокие ступени, в узких переулках, на папертях храмов, у серных бань слышался людской говор. Одни из горожан выбивали ковры, другие раздували мангалы, третьи подметали дворы. Оживлению города радовались и воробьи, задорно чирикавшие на пыльных площадях. Они стайками рылись в навозе и при появлении прохожих с шумом пороховой вспышки взметались к небу.

В дворцовом саду забили фонтаны. Струи воды, вылетавшие из раскрытых пастей мраморных львов, с

шумом скрещивались, ниспадая в большой бассейн, куда царские слуги пустили живых рыб.

Тбилиси ожидал возвращения царя Ираклия из похода.

Городской моурав целый день ходил в сопровождении мелика и асасбаша по городу и бранил асасов, если находил где-либо грязь и сор. Пыхтя, обошел он несколько улиц и, минуя Нарикальскую крепость, поднялся у серных бань к Ганджинским воротам. На крепостных стенах работали триста каменщиков. Обветшавшие башни и зубчатые стены с многочисленными трещинами требовали обновления. Каменщики трудились не покладая рук. От дворцового сарайдара они узнали о письме Ираклия из Нахичевани, в котором указывалось: «Повеlevаю моураву исправить все изъяны в крепостях Кала, Метехи, Гареубани и в Стамбульской башне, а крепостные ворота оковать железом и насадить на них острия». Было велено закончить работу к приезду государя. Когда моурав подошел к крепостной стене, каменщики обедали. Сарайдар Стефане занимал почетное место. Перед ним стояла глубокая миска с бараньим соусом. Он уплетал вкусное блюдо, орудуя длинной деревянной ложкой. Прислужник обносил обедавших вином, налитым в рог. Увидев моурава, все встали. Сарайдар громко крикнул:

— Привет и долгоденствие нашему моураву!

— Да будут к вам милостивы бог и царь Ираклий! Садитесь, кушайте на здоровье,— произнес моурав.

Сарайдар мигнул юзбашу, и прислужник поднес моураву, мелику и асасбашу по полному рогу вина.

Моурав провел рукой по усам и, перекрестившись, обратился к каменщикам:

— Да будут непоколебимы древние стены Тбилиси! Да не лишится десница ваша блага и милости всевышнего!

— Да исполнится твое пожелание! — ответили каменщики.

Допивая вино, моурав заметил между зубцами стены какие-то две фигуры. Хотя взор моурава и был остер, ему не удалось их распознать. Он отдал рог, вытер усы шелковым цветным платком и спросил сарайдара:

— Кто это там?

— Светлейший князь Давид Орбелиани. Он осматривает городскую крепость и пушки. Попало от него

мастерам: плохо, мол, починили Сололакскую стену, и такой затеял спор...— жаловался сарайдар моураву, качая головой.

Но тот, ничего не ответив, опять спросил:

— А другой?..

— Сын богоотступника Захарии — Бесарион.

— Свирельщик! — с иронической улыбкой пробурчал моурав.

Бесарион, прозванный во дворце «Бесики», сочинил сатирические стихи на моурава и прочел их на пиру в присутствии царя Ираклия; у гостей от смеха разболелись бока. Для виду смеялся и сам правитель города, хотя ему было вовсе не до смеха, — он готов был провалиться сквозь землю. Не показывая виду, что оскорблен, моурав затаил злобу против Бесики, а пока что мстил ему исподтишка, обзывая «свирельщиком».

Давид и Бесики с утра начали осмотр городских стен. Давид Орбелиани недавно прибыл из Петербурга. Пять лет он провел в России, где изучал военное дело сперва в войсках Румянцева, а затем — Суворова. Он принимал участие в походах против Польши и достиг чина генерала. Получив письмо от Ираклия, он вынужден был покинуть Петербург. Царь сообщал о бедствиях, постигших Грузию, о малочисленности войск и повелевал спешно вернуться в Тбилиси.

Бесики в отроческие годы был другом Давида. Когда Захарию, отца Бесики, царь сослал в Кутаиси, лишив почестей и отобрав имущество, Бесики нашел приют в доме родителей Давида. Они вместе учились в семинарии. Давиду трудно давались латинский, греческий и арабский языки, Бесики же, наоборот, легко их усваивал. Через два года он свободно беседовал с итальянскими капуцинами и знатными персами, приехавшими в Грузию. Зато Давид превосходил своего друга в верховой езде и в фехтовании.

После отъезда Давида в Россию Бесики продолжал жить в семье Орбелиани, пока мачеха Ираклия, царица Анна-ханум, не взяла его к себе секретарем. Хотя Ираклий и был разгневан на Захарию, но к Бесики относился милостиво, ценя способности талантливого юноши.

Анна-ханум занимала четырнадцать комнат во втором этаже дворца Ираклия. В ее распоряжении было

много придворных, слуг и чиновников. Она считала себя законной правительницей Картли и не только на дворец, но и на все Картлийское царство смотрела, как на свою собственность. Ей трудно было мириться с тем, что царствовал Ираклий, а не она. Анна-ханум поощряла каждого, кто был недоволен царем, и покровительствовала всем, кто терял его милость. Захария Габашвили был ее любимцем. Старая царица не только назначила Бесики секретарем, но и предоставила ему комнату на своей половине.

Когда приехал Давид, Бесики уже считался во дворце своим человеком. Друзья детства так изменились за время разлуки, что при первой встрече не узнали друг друга. У стройного Бесики едва пробивались усики, а Давид, который был гораздо старше своего друга, уже успел отпустить длинные усы.

Бесики водил вернувшегося с чужбины Давида по родному городу, как гостя. Он хотел показать ему все, что им было запрещено в отрочестве, а теперь стало доступным.

Они кутили с друзьями в крцанисских садах, где виноторговец Авак неизменно накрывал стол для желанных гостей под цветущими персиковыми деревьями, где весь день не смолкал мелодичный перебор струн сазандари и песня сменялась песней.

В кофейнях смотрели забавные представления театра теней Карагеца, слушали песни ашугов о Ростоме, о Кероглы, о Карабоглы, беседовали с персидскими купцами о рубайях Омар Хайяма, о стихах Саади...

В один из вечеров Бесики признался Давиду, что у него, как и у Автандила, есть своя Фатьма, жена ахалцихского купца ага Ибреима — Гульнар. Золовка Гульнар — вдовушка Джаваира, случайно увидев Давида, вспылала к нему любовью. Друзей пригласили в гости. Хозяин дома Ибреим уехал по делам на продолжительное время в Стамбул. Гостей приняли в богато убранном зале, пол которого был устлан дорогими персидскими коврами. Стены, расписанные узорами, сверкали золотом и серебром. Широкую тахту украшали бархатные подушки. На скатерти, покрывавшей ее, были расставлены в хрустальных и фарфоровых вазах различные яства: стамбульский сахар, гилянский янтарный изюм, фисташки, финики в меду, исфаганский засахаренный миндаль

и халва. На блюдах лежали продолговатые грузинские хлебцы, сдобное печенье и хачапури.

В изящных узкогорлых серебряных кувшинах, украшенных чеканными узорами и чернью, подавались шербет и кахетинское вино. В позолоченной коробочке — гашиш.

Приятели, полулежа, как восточные владыки, на подушках, лакомились сладостями, пили вино, шербет и кофе из китайских чашечек. Женщины в прозрачных, синеватых, как дым, одеждах, украшенные драгоценными камнями, плясали и пели под аккомпанемент бубна...

Друзья покинули своих гурий на рассвете, когда в предутренней мгле обрисовался крест Метехской церкви. Опыленные гашишем, пошатываясь, они шли по темным улицам. Крадучись, осторожно проскользнули во дворец.

На другой день прохладная баня помогла унять головную боль. Предстояла охота. Но вечером прискакал гонец и привез приказ Ираклия. В нем сообщалось, что его светлость Давид Орбелиани назначается предводителем кахетино-картлийского войска и под его наблюдением должно производиться восстановление городских стен. Давид отменил охоту и вместе с сарайдарами приступил к выполнению царского приказа. Они начертили на пергаменте план города, обнесенного стенами, обозначив места, где должны были вестись работы. Бесики с любопытством рассматривал план, испещренный геометрическими фигурами.

Все это время Бесики не разлучался с Давидом. В тот момент, когда городской моурав увидел их на крепостной стене, Давид осматривал медные пушки, покрытые зеленым налетом. На некоторых из них виднелись арабские надписи, но на большинстве красовалась выбитая печать Ираклия. У всех пушек были низкие лафеты. Возле них лежали сложенные в пирамиды чугунные ядра.

— Нам необходимо завести постоянное войско, как у русской царицы, — сказал Давид. — Какой толк от этих пушек, если во всем городе не найти ни одного бомбардира-наводчика, знающего свое дело!.. Русские каждого десятого из крепостных берут в армию, зачисляя их в тот или иной род оружия. Солдаты служат двадцать пять лет. Имея такое хорошо обученное войско, Грузия была бы непобедима.

— Такое войско потребует больших денег,— заметил Бесики.

— Неужели мы не в состоянии содержать одного из десяти крепостных, взятого на военную службу? Взгляни на городскую крепость, она около трех миль длиною, а часовые стоят только у ворот и то лишь для того, чтобы с людей, входящих в город, взysкивать пошлины в пользу моурава. Такой большой город, и нет гарнизона! Хорошо, что враг этого не знает. Иначе двести воинов, подкравшись с лестницами, могли бы овладеть крепостью так быстро, что жители и ахнуть бы не успели.

— Враг умнее нас,— горько усмехнулся Бесики.— Все наши усилия тратятся на то, чтобы изгонять мусульман из наших же крепостей. Не проще ли было бы не отдавать их врагу?

— Вот в том-то и дело! Имеретинский царь Соломон с большим трудом освободил от турок Кутаисскую, Шорапанскую и Багдадскую крепости, но вместо того чтобы утвердиться в них, взорвал стены, а турки, спятив заняв эти крепости, восстановили их руками подданных самого же Соломона. Правда, Соломон — правитель решительный, а наш царь Ираклий, дай бог ему долголетней жизни, и подавно, но что дает одна их решительность государству, когда у нас непрерывно идут войны? Даже железо сгорает от постоянного накала. Не видно конца нашествиям и набегам. Царь Ираклий обратился за помощью к русской императрице. А неужели мы сами не можем создать свое постоянное войско? Разве не лучше иметь одного хорошо обученного пушкаря, чем сотню необученных воинов, подобных нашим? От предков своих мы наследовали мужество и храбрость, но забыли их мудрость.

Бесики заметил направлявшегося к ним моурава и глазами указал на него Давиду.

— К нам идет старый шакал и доносчик, переменим разговор.

— Если царь терпит таких взяточников, то разве можно ждать добра для страны,— вздохнул Давид. Потом, направив подозрительную трубу на гору святого Давида, начал внимательно смотреть в ту сторону.

В проходе, устроенном внутри стены, слышалось

сопение моурава: ему было трудно подниматься по крутой лестнице.

— Задыхается! — засмеялся Давид.

Когда моурав взобрался со своими спутниками на стену, друзья отвесили ему глубокий поклон. Хотя Ираклий назначил Давида предводителем войск, но это распоряжение не было еще скреплено грамотой и правитель города являлся для него старшим по должности. С трудом переведа дух, моурав едва смог ответить на приветствие. Тяжело дыша, он сел, прислонившись к зубцу, и, вытирая платком вспотевший лоб, обратился к Давиду:

— Каменщики жаловались, что вы признали негодной кладку Сололакской стены.

— Если эту стену не отстроить заново, она через месяц обрушится. Взгляните на нее в подзорную трубу, и вы сами в этом убедитесь.

— Не надо, — махнул рукой моурав, когда Давид протянул ему подзорную трубу. — Как я ни старался, ничего не мог увидеть через эту диковину. А что вы находите негодным в этой стене?

— Они начали кладку без фундамента, а там косягор с оползнями. Достаточно хорошего дождя, чтобы вся стена рухнула в овраг. Стену надо разобрать и построить вновь на надежном фундаменте.

— Но ведь это убыток в сто туманов! — вскрикнул пораженный моурав.

— Пусть виновный и возместит убыток, — спокойно ответил Давид и взглянул на Бесики, смотревшего в раздумье на раскинувшийся внизу город.

Моурав собрался встать, мелик и асасбаш бросились ему помогать. Он тяжело поднялся, — его объемистый живот колыхался, как бурдюк, — и взглянул в сторону Сололаки. Правитель города был в тайном сговоре с подрядчиками — ему доставалась половина прибыли. А теперь, если разрушить стену, убыток придется покрыть из собственного кармана, не то подрядчики могут пожаловаться царю, что моурав берет с них взятки. Ираклий круто расправлялся с виновными, и моурав рисковал тем, что в лучшем случае его лишат должности и, опозоренного, посадив на осла, повезут по городу всем напоказ. Он несколько раз вытер платком жирную шею, обдумывая, как ему выкрутиться.

В это время появился стражник и, отвесив поклон, доложил моураву:

— Из Стамбула прибыл караван ага Ибреима в сто верблюдов. С ним приехали и греки, выписанные царем Ираклием.

Услышав имя купца, Давид подмигнул Бесики. Оба улынулись, а у моурава от удовольствия просияло лицо. Прибытие каждого каравана было для него праздником — с каждых десяти рублей пошлины пять копеек шло в его пользу. Всякий приезжий из чужеземных стран обязан был явиться к моураву с подарком. Так гласил устав.

— Вот уважил меня, клянусь богом, — обратился моурав к стражнику. — И царь Ираклий обрадуется приезду греков! Где они?

— Там, на площади, где и караван. Ага Ибреим просит вас спешно прислать сборщиков, чтобы успеть до сумерек сложить товары в караван-сарай.

— Беги немедленно, передай мой сердечный привет и скажи, что иду. Слышишь, так и передай... а я скоро приду.

Стражник исчез. За ним стал спускаться по лестнице и моурав, но вдруг, остановившись, обратился к Давиду:

— Ничего не поделаешь, Сололакскую стену заставлю переложить, только не надо говорить об этом царю — разгневаается.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — ответил Давид.

Бесики продолжал задумчиво смотреть на город. На извилистых улицах и площадях копошился народ. Доносился глухой шум.

— О чем ты задумался? — спросил Давид и, сложив подозрную трубу, перекинул на прикрепленном к ней ремне через плечо. — Пойдем посмотрим на караван.

Бесики очнулся.

— Думал я о нашей стране, Давид. Она богата только развалинами! И как могло после блестящих дел царицы Тамары выпасть на нашу долю такое унижение? Взгляни на город: от его былого величия остались только одни храмы. Сколько городов на свете основано после Тбилиси, и все же они остаются богатыми и цветущими. Приходится удивляться, что после стольких иноземных нашествий и разорений он все же сохранил свой облик.

Как было бы хорошо, если бы город расширился до Дигомской долины, а заречная сторона застроилась до Грма-Геле, и улицы были бы прямыми, как стрела, такими, как, по твоим рассказам, в Петербурге. Я мечтаю увидеть в Тбилиси дома в несколько этажей, вымощенные площади и войско, стройно марширующее по широкой улице, столь грозное, чтобы от одного его вида чужеземные послы трепетали.

— О, милый мой, нам с тобой не дожить до этого,— сказал Давид.— Петербург... да, это чудо-город! Какие там сады, фонтаны, статуи. А улицы! Они выстланы шестигранными деревянными плитками, дождь или жара,— все равно улицы чистые. Не то что у нас, где в дождь не переплывешь через грязь, а в жару ничего не увидишь в облаках пыли.

— Что и говорить, захирели мы, к несчастью нашему, и не знаю, что может нас спасти,— ответил Бесики.— Царь добивается покровительства у России. Но, по-моему, нам лучше было бы в первую голову объединить нашу разорванную на части страну...

Давида волновали те же чувства. Слушая друга, он думал о неурядицах, раздиравших Грузию. Среди придворной знати мало было таких людей, мысли которых были бы заняты заботой о родине. Они больше думали о своей родовитости, имениях, интригах и вели споры о том, кто выше родом.

Эриставы и князья, боясь потерять свои владения и должности, обращались за поддержкой то к турецкому султану, то к персидскому шаху. Они потворствовали набегам хунзахского владетеля, разоряли родную страну, домогались получить от царя в дар то или иное владение.

Усиление власти Теймураза, а затем и его сына Ираклия несколько ослабило произвол феодалов, их домогательства, но зато многие из них, устроившись при дворе, предались полному безделью. Положение страны их не интересовало. Они стремились лишь к тому, чтобы получить новые земли и устроиться на высоких постах.

— Мой дорогой Бесарион,— Давид, улыбаясь, потрепал Бесики по плечу,— царь Ираклий — сильный и мудрый правитель, но и он силен лишь в борьбе с внешними врагами. С внутренними же — нерешителен, льстеца считает преданным другом, не ведая, сколько

зла таится в этих низких людях. Лицемерно угождая государю, они в то же время воровством и мотовством разоряют и без того разоренную страну. Сколько полезных начинаний провел царь по завету своего блаженной памяти отца Теймураза: арсенал, монетный двор, пороховой завод, солеварня, типография. А ныне он выписал из Стамбула мастеров-греков для выплавки аллавердской меди. Много хорошего он замыслил, но как осуществить все это, когда князья и вельможи чинят ему на каждом шагу препятствия? Сам знаешь — один в поле не воин. А заговоры?.. Сперва смутьяны хотели возвести на престол царевича Паата, а теперь подговаривают царевича Александра захватить престол. Они говорят, что Картли принадлежит Александру, а Ираклию достаточно одной Кахети. Удалось с трудом объединить Восточную Грузию, и вместо того чтобы слить ее воедино с Западной Грузией, безголовые князья из личных выгод готовы разодрать на клочки нашу родину. Русский император Петр беспощадно рубил головы изменникам, смирял упрямых бояр. Сам на верфях строгал мачты. Построил Петербург. Когда во время войны со Швецией не хватило меди, он велел снять церковные колокола и отлить из них пушки. Создал по новому образцу войско и нанес «непобедимым» шведам такое жестокое поражение, после которого навсегда закатилось солнце Карла Двенадцатого...

Вдруг Бесики дал знак Давиду замолчать. В одно мгновение он очутился у лестницы, быстро нагнулся и порывистым движением руки вытащил за шиворот подслушивавшего их асаса. Доносчик был с такой силой отброшен к стене, что упал и ударился головой о пушечный лафет. Испуганными глазами, не смея шевельнуться, он уставился на Давида.

— Кто тебя подослал? — строго спросил Бесики. — Асасбаш или моурав?

— Моурав... он велел мне подслушать и пересказать ему, — стонал перепуганный доносчик.

— Как тебя зовут?

— Гигола Бежанишвили. Не убивайте меня, пожалуйста семью...

— Все слышал, о чем мы говорили? — спросил Давид.

— Слышать-то слышал, но не все понял. Клянусь

жизнью, ни одного слова из слышанного я не передал бы моураву правильно! Ведь не всегда надо говорить все, что знаешь. Хоть я и простой человек, а смекалка есть. Чутьем понял, что вы говорили о хорошем. Если вы пощадите меня, я буду вам верным слугой. Может, и пригожусь когда-нибудь.

В его испуганных глазах светилась искренность.

— Встань! — приказал Давид.

Асас поднялся, но, покачнувшись, еле устоял на месте. Он весь дрожал от испуга.

— Не бойся, не убью, — успокоил его Давид. — Я мог бы, конечно, разделаться с тобою, сбросить со стены. Но бог с тобой — прощаю тебя.

Асас от радости не знал, что делать: страх не оставил еще его, не давал подобрать слова благодарности.

— А что ты скажешь моураву? — спросил Давид.

— Что скажу? — подобострастно улыбнулся асас. — Пусть столько лет живут мои дети, сколько похвал я наговорю ему, господин, от вашего имени... Раздую, как мыльный пузырь. Мы, асасы, мастера в таких делах. Да не лишит меня бог ваших милостей!

Асас ушел. Давид и Бесики некоторое время стояли молча. После этого случая им было как-то не по себе.

— Пойдем посмотрим на караван, поздравим ага Ибрейма со счастливым возвращением, — пошутил Давид.

— Пошли, — промолвил нехотя Бесики.

Площадь кишела людьми. Опустившиеся на колени герблюда были неподвижны, как каменные изваяния. Караванщики уже сняли с них тюки. Сборщики раскрывали их, производили опись товаров, спорили о цене с приказчиками ага Ибрейма. Они накидывали цены на привезенные товары, чтобы взыскать больше пошлины. Приказчики же старались выдать товары за самые дешевые, чтобы хозяин уплатил возможно меньше. Не могли никак договориться насчет одного ящика, в котором находилось штук двадцать золотых и серебряных карманных часов, очки, несколько подозрных труб и компасов. У всех от крика срывались голоса. Сборщики, не зная цены этих предметов, не доверяли приказчикам. Не договорившись, решили отложить оценку до прихода хозяина.

На площади толпился народ. Все хотели собственными глазами увидеть, что привез ага Ибреим из чужеземных стран. Богато разодетые придворные дамы осторожно ступали в расшитых золотом туфельках между тюками, осматривали парчу, шелк, бархат, сукно, атлас, ситец и разноцветный сатин.

Среди нарядных женщин особенно выделялась сестра царя Ираклия, княгиня Анна, жена эшикагасбаша Димитрия Орбелиани. Ей было тринадцать лет, когда ее выдали замуж за пятидесятилетнего Димитрия. Почти тридцать лет провела она в доме мужа, но, несмотря на это, лицо у нее было по-прежнему молодое и нежное, стан — гибкий, толстые косы доходили до пят, как у девушки, и лишь постигшее ее большое горе (у нее умер сын) наложило две легкие морщинки около пунцовых губ. Внучка, которую она назвала своим именем, сгладила ее горе. Маленькая Анна стала в тринадцать лет уже стройной девушкой. Все находили в ней большое сходство с бабушкой. Лыстецы называли их сестрами.

Анна никогда не любила своего мужа, походившего теперь больше на мешок с костями, чем на человека. На протяжении всех этих скучных лет она жила лишь мечтами — мечтами о витязе, который похитил бы ее из орбелиановской Каджетской крепости. Однако витязь не появлялся, а дряхлый муж вздыхал и кряхтел в своих сводчатых палатах, но не умирал. После смерти сына Анна переехала с мужем во дворец, к своему брату Ираклию. К больному супругу она приставила немецкого врача Рейнегса. Но врач больше ухаживал за красавицей Анной, чем за больным. Ежедневно он готовил для нее разные благоухающие мази и белила, учил ее реверансам и европейским танцам. Но когда этот новоявленный учитель осмелился было открыться ей в любви, Анна, гневно сведя брови, указала ему на дверь. Ей был противен кичливый вид немца. Всю жизнь она мечтала о витязе-герое, и вдруг — этот безусый, безбородый, как евнух, врач!..

Однажды на придворном балу Анна увидела молодого Бесики и тогда впервые почувствовала, как у нее забилося сердце. Поэт читал стихи под аккомпанемент тари и пел шуточные песенки. Придворные дамы толпились возле него, как бабочки вокруг горящего светильника.

Вернувшись в свои комнаты, Анна приказала прислужнице Гульвардис зажечь у большого зеркала свечи и долго перед сном смотрелась в него.

— Состарилась я, Гульвардис? — с затаенным трепетом спросила она служанку.

— Боже мой, что вы говорите, моя милостивая госпожа! Когда вас видят, то спрашивают, замужем вы или девушка? А персидский посол даже сказал, что женщины прекраснее княгини Анны нет и в гареме великого шаха. Клянусь солнцем Ираклия, что так и сказал!

При свечах Анна выглядела еще моложе. Ее тело сверкало белизной, на тонкой талии была заметна полоса от пояса.

— Наверно, и у бога в раю нет таких красивых ангелов,—продолжала Гульвардис.—Смотреть бы только на вас, ни есть, ни пить не надо...

Анна улыбнулась. Ее охватила дрожь. Она распустила свои длинные косы и опять оглядела себя. Невольно мелькнула мысль, как загорелись бы у Бесики глаза, если бы он ее сейчас увидел. От стыда у нее запылали щеки. Анна быстро отошла от зеркала. Но смутные желания продолжали ее тревожить. Она зажгла перед киотом лампаду, опустилась на колени и начала молиться, чтобы отогнать дурные мысли. Крестилась, клала земные поклоны, но греховные мысли, как ласковые прикосновения, не оставляли ее.

— Пресвятая богородица, царица небесная, прости нам милостиво наши грехи!

Всю неделю Анна говела и приняла в Сионском соборе святое причастие. Она снова как будто обрела душевный покой. Почти не покидала прикованного к постели мужа, старательно ухаживала за ним, вытирала шелковым платком его запавшие, гноившиеся глаза. Но когда во дворце царицы Дареджан она опять встретила Бесики, сердце ее так забилося, словно хотело выскочить из груди. Анна поняла, что напрасны были все ее старания. Ее опять охватило то греховное желание, которое заставило рассматривать себя нагую в зеркале. Прислонившись к высокой колонне балкона, княгиня смотрела на расстилавшийся перед ней город. Отсюда видны были церковь Анчисхати, палаты царевича Георгия, ростомовские конюшни и четырехэтажный дворец царя

Ираклия. Сверкал купол Сионского собора, цветные стекла гостиного двора отсвечивали радугой. В плавильной печи монетного двора полыхало, извивалось, как огненный плащ сатаны, пламя. Анна глядела на утопающий в сумерках город и думала:

«Годы мои уходят... С ними моя красота, мои надежды на любовь... А мне так хочется любить. Что у меня впереди? Старость и смерть. Загробная жизнь? Но кто знает, что это такое? Может быть, ее вовсе и нет?»

В этот вечер Анна решила овладеть сердцем Бесики во что бы то ни стало. Но тут требовалась исключительная осторожность, так как царица Дареджан ненавидела всех родственников своего царственного супруга и больше всех Анну, к которой приставила двух соглядатаев.

Анна знала все это и вела себя осторожно. При встречах с Бесики она сдвигала брови и холодно глядела на него, хотя сердце у нее сладко замирало.

Она терпеливо ждала благоприятного случая...

Как только Анна узнала о прибытии каравана ага Ибрейма, она вместе с внучкой, в сопровождении придворных дам, отправилась на площадь.

Дамы шли попарно.

Старшая Анна — пышная, прекрасная роза, младшая Анна, Анико, — нежный, благоухающий бутон. На старшей Анне было три жемчужных ожерелья, на младшей — одно. Талию старшей Анны охватывал золотой пояс, украшенный рубинами и изумрудами, на внучке был серебряный пояс с изумрудами и аметистами.

Анна остановилась у Анчисхатской церкви, перекрестилась и поцеловала икону, поставленную в нише. Анико и спутницы последовали ее примеру. Потом все опять попарно продолжали путь к площади.

Старший приказчик ага Ибрейма поспешил приветствовать сестру царя Ираклия. Опустившись на колени, он поцеловал подол платья княгини и повел ее к тюкам, у которых хлопотали караванщики.

Анна больше интересовалась тканями, хотя осматривала внимательно и остальные товары. Перед ней развернули английские цветные сукна, венецианский шелк, стамбульский бархат, златотканную парчу и персидские шелковые цветные ткани самых разнообразных оттенков.

Анна прикидывала, какие из них идут внучке. Лицо Анико вспыхивало то алым, то розовым, то золотистым

оттенками от струящегося шелка. Внучка являлась как бы зеркалом, в котором Анна видела свое отражение.

Вдруг Анико зарделась, чуть повела плечом и, опустив длинные ресницы, смущенно стала перебирать развернутую перед ней ткань.

Анна невольно оглянулась.

К ним подходили Давид и Бесики.

Анна взглянула на Анико, и сердце ее больно сжалось. Новое препятствие становилось на ее пути. Правда, судьбой внучки владела она, но неведомый голос опять шепнул, что время ее любви прошло...

«Нет, не прошло!» — упрямо ответил другой голос.

Анна любезно улыбнулась друзьям, протянула руку Давиду, потом несколько помедлив, — Бесики. Когда губы Бесики коснулись руки Анны, по всему телу ее пробежала дрожь. Она шутливо пожурела Давида за то, что он уже несколько дней не показывался во дворце.

— Ведь вы обещали мне подробно рассказать о Петербурге, а затем как будто нарочно исчезли...

— Все эти дни я был очень занят инженерным делом. Это вам подтвердит и Бесики.

— Если бы она была здесь, то, наверно, тогда вы были бы нашим постоянным спутником, — с улыбкой сказала Анна.

Давид провел рукой по усам и отвел смущенно глаза: Анна намекала на дочь Ираклия, царевну Тамару, гостившую в Телави.

Давид получил в Петербурге письмо с известием, что государь дал свое согласие на его брак с Тамарой. Решив это, Ираклий отказал ахалцихскому паше и владельцу Хунзаха, просившим руки его дочери и надеявшимся породниться с царем. Тамара и царевич Леван отличались среди детей Ираклия красотой и талантливостью. Тамара знала философию и богословие, изучила русский и французский языки, говорила по-персидски и по-армянски. Отец решил выдать ее замуж за близкого ему человека, хотя этот выбор окончательно поссорил его с ахалцихским пашой и с владельцем Хунзаха.

Анна относилась к Давиду уже по-родственному. Она непринужденно беседовала с ним, бросая время от времени косые взгляды на Бесики. Но тот не обращал никакого внимания ни на придворных дам, ни на Анико,

прижавшуюся, как обиженный ребенок, к жене именитого купца Пиралашвили.

— Чем ты удручен, Бесики, почему не развлекаешь дам? — обратилась к нему Анна.

Она радовалась в душе, что Бесики даже не взглянул на ее внучку: значит, она его вовсе не интересуется.

Бесики поднял голову на княгиню и вздрогнул. Взор Анны смутил его: так смотрели на него влюбленные женщины, таким взором встречала его Гульнар.

Бесики растерялся. Смущенно улыбаясь, он собирался ответить, но сверкнувший взор Анны погас, и она вновь обратилась к Давиду:

— Хочу посмотреть на греков. Много я слышала о былом величии их страны, ныне угнетаемой турками.

— Мы, ваша светлость, тоже пришли посмотреть на греческих переселенцев, — отвечал Давид. — Мы пойдем с вами, если разрешите.

— Лучших спутников у меня и быть не может.

Все направились к грекам, расположившимся на берегу Куры. Впереди шла Анна, за ней — Давид и Бесики. Позади — Анико, окруженная придворными дамами.

Разбив палатки у реки, греки развели костры. Женщины готовили обед, мужчины отдыхали, сидя в тени шатров. Некоторые из них курили трубки. Они не обращали никакого внимания на любопытных горожан, которые галдели, окружив палатки. На них были турецкие шаровары; тесно охватывая икры и бедра, они свисали, как огромные курдюки. Женщины носили тоже шаровары, доходившие до пят, и странные головные уборы, похожие на опрокинутые цветочные горшки.

Известный кулачный боец и песенник, ткач Дарчия, толкнул локтем стоявшего рядом с ним кожевника Казара:

— Эй, смотри, и мясник Мелко здесь, он может подумать, что у греков на самом деле курдюки, и срежет их.

Эти слова вызвали взрыв хохота.

У крайнего шатра дети обступили безбородого, как евнух, грека, у которого на плече сидела маленькая обезьянка. Зверек испуганно моргал глазами и водил крошечными пальчиками по голове хозяина, ища паразитов. Какая-то девочка протянула греку горсть изюма для обезьянки.

— Ай якши, чох якши! — сказал по-турецки грек и поднес изюм обезьяне.

Дети завизжали от восторга. Каждое движение обезьянки вызывало у них смех. Но громче всех в толпе хохотал, вернее ревел, как осел, высокий разиня Гига.

— Ребята, что за диковина?..

— Удивился, словно беса увидел!

— Это не бес, а обезьяна...

— Узнал своего брата?

Гига рассердился и грозно замахнулся на кого-то.

Обезьяна обернулась и тоже замахнулась на своего хозяина. Снова раздался взрыв смеха. Дети ликовали. Гига тоже продолжал гоготать:

— Ну и обезьяна, вот какие шутки выкидывает..

Вдруг весь лагерь пришел в движение. Старшина, размахивая руками, стал кричать грекам, чтобы они собрались перед шатрами. Люди, окружившие грека с обезьяной, заметили спускавшихся со склона княгиню Анну и ее свиту.

Бросив стряпню и приведя себя в порядок, женщины стали перед шатрами по левую сторону, мужчины — по правую. Впереди разместились старики, за ними — молодежь.

Когда Анна приблизилась к грекам, старшина шагнул ей навстречу и опустился на колени. Все переселенцы последовали его примеру.

Анна улыбнулась и медленно подняла руку в знак того, чтобы они встали.

— Пусть хранит вас Христос! — по-гречески приветствовала княгиня переселенцев.

Удивлению старшины не было границ. Не ожидал выросший в Турции грек, что где-то в далекой стране, его будут приветствовать на греческом языке. Несколько раз, в знак уважения и преданности, он коснулся лбом земли. То же самое сделали остальные.

Анна подошла к женщинам, приласкала некоторых из них, а детям раздала серебряные монеты. Осмотрев шатры, она обратилась к Давиду:

— Посмотри, какие они несчастные.

— Когда-то эллины были богатым народом, а теперь они рабы султана.

Анна простилась с греками и, дойдя до тропинки, ведущей в Кашвети, отпустила своих дам, кроме любими-

мицы Майи. Давида она пригласила пойти с ней в парк царевича Георгия. Бесики княгиня ничего не сказала, но, оставив при себе Майю, дала ему понять, что он тоже должен их сопровождать.

Все четверо медленно двинулись по подъему. Анико, оставшись с придворными дамами, с болью в сердце возвращалась назад: иногда она оглядывалась украдкой на две пары, шедшие по Кашветскому подъему.

Был уже поздний вечер, когда женщина в черной накидке, сопровождаемая асасом, прошла через Авлабарский мост, обогнула, минуя Метехский подъем, ограду дворца Сачино и очутилась у окованных железом ворот. Когда привратник отозвался на стук, она тихо сказала асасу:

— Жди меня в кузнице.

Асас скрылся в темноте.

А женщина, прижавшись к воротам, зашептала:

— Это я, открой.

— Кто ты?

— Своя.

Сторож долго возился с засовом и наконец приоткрыл калитку. Женщина, как змея, проскользнула во двор.

— Ты Гигола Бежанишвили? — спросила она.

— Да, а ты кто? В темноте не могу распознать.

— Царица у себя? — спросила женщина.

— У себя.

— Не спит?

— Нет, она в парадном одеянии, пока еще не известно, когда придет царь, а чтобы надеть такое платье, ей требуется два дня...

— Чего зря болтаешь языком? Отвечай, в какой она комнате?

— В зале.

— Чтобы ты сдох! — воскликнула женщина и беззвучно, словно летучая мышь, скрылась в потайном ходе.

— Ох, чтоб пропасть всему вашему роду! — выругался Гигола. — В эту темную дыру и я, мужчина, боюсь сунуться, а она побежала даже без свечки. Наверно, какие-то важные вести несет царице. Вот бы узнать...

Гигола покачал головой.

Женщина быстро прошла потайной ход, касаясь ру-

кой стены. Потом поднялась по винтовой лестнице и остановилась у двери, завешенной ковром. Осторожно отодвинув его и заглянув в комнату, она увидела там пареши, обнимавшего служанку. При появлении незнакомки, одетой во все черное, девушка вскрикнула и шмыгнула из комнаты. Пареши растерялся: застыв на месте, он в смущении поправил чоху. Женщина села на тахту и приказала:

— Иди, доложи царице, что ее ожидают в башенной комнате. Нет, нет... свечку не уноси, не оставаться же мне в темноте.

Пареши опустил протянутую к подсвечнику руку и, согнувшись, вышел через низкую дверь.

Женщина сидела на тахте, как рабыня из гарема, с закутанным лицом, и сняла вуаль, лишь когда появилась царица.

— Майя, это ты! Какие вести?..

Царица Дареджан говорила с легким мингрельским акцентом. На ней было парадное парчовое платье, отделанное тысячами мелких жемчужин и алмазов.

— Ой, государыня, что я разузнала, что я разузнала!.. Недаром так спешила к вам...

— Говори, говори... Никто не видел тебя?.. Подожди, надо проверить, не подслушивает ли кто-нибудь,— тихо сказала Дареджан.

Взяв свечу, царица беззвучно шагнула к двери и заглянула в другую комнату. Собираясь уже поставить свечу на полку, она вспомнила вдруг о потайном ходе и, осторожно отодвинув ковер, чуть не уронила свечу. Кто-то быстро отскочил, пытаясь проскользнуть в глубь прохода. Слепленный светом, незнакомец кинулся в сторону и со всей силы ударился о стену. Окончательно растерявшись, он уставился застывшими глазами на царицу. Майя бросилась к обомлевшей Дареджан. Обхватив ее за талию, она высоко подняла свечу, чтобы рассмотреть незнакомца.

— Гигола?!.. Чтоб тебе пусто было!

— Майя, выпроводи этого наглеца и приходи ко мне! — крикнула Дареджан, уходя в соседнюю комнату.

— Убирайся, чтоб тебе провалиться! — крикнула Майя на дрожавшего асаса, угостив его подзатыльником.

Гигола наконец пришел в себя и с такой быстротой

скрылся в темном проходе, словно его поглотила бездна.

Майя опустила ковер и последовала за царицей. Обе женщины рассмеялись.

— Ну и напугал он нас, да и сам струсил не меньше,— сказала Дареджан. — Позови пареши.

Когда пришел пареши, царица приказала ему сидеть в башенной комнате у тайного входа, а сама приготовилась слушать Майю.

Майя шепотом начала передавать слышанное и виденное ею: как они осматривали товары ага Ибреима, как ходили к грекам и как потом отправились в парк царевича Георгия.

— Клянусь, государыня, княгиня Анна вела себя так странно, что я заметила... хотя она мне еще не открылась, но, когда я с Бесики стояла вдвоем, она все время смотрела на нас.

— А как она обращалась с Давидом?..

— Очень любезно.

— Не будет этого, нет! — не стерпев, воскликнула Дареджан. — Тамару хотят возвести на кахетинский престол, а этого борова Георгия — на картлийский, моих же сыновей замышляют оставить нищими... Погодите же, пусть только Давид обвенчается с Тамарой и привезет ее из Телави сюда... Посмотрим, как она вернется в Кахети... Ну, рассказывай дальше, я прервала тебя.

— Потом Давид говорил княгине Анне о вашем свекре, царе Теймуразе. Я стояла тут же, совсем близко от них. Он рассказал, как ваш свекор влюбился в русскую красавицу.

— Знаю! Все свои стихи он посвящал Варваре Бутурлиной.

— Оказывается, ей было пятнадцать лет. Разве она подходила для вашего свекра? Ведь ему, наверное, перевалило тогда за шестьдесят? Ее любил еще один вельможа, который, узнав о любви вашего свекра, велел отравить его.

— Вот и я то же самое говорила... Ведь у него никакой болезни не было. У нас это происшествие скрыли и распустили слух, будто царь Теймураз прибыл в Россию, чтобы просить помощи у русского царя, а на самом деле, видишь, что он там вытворял. В нашей столице расплодился незаконнорожденных, да и там, оказывается, прекратил волокитства. А эта ханум всему свету говори-

ла (мачеху Ираклия, Анну-ханум, Дареджан называла «ханум»), что моего, мол, Теймураза погубил Ираклий, который нарочно послал старого отца в далекий Петербург, а тем временем прибрал к своим рукам престол Картли.

— Конечно, когда потаскушка оказывается у власти, нечего удивляться, если она о помазаннике божьем отзывается так непристойно,— сплетничала Майя. — Говорят, что муж Анны-ханум обличил в брачную ночь ее бесчестье. Он хотел ее убить, но, опасаясь вражды с родом Бараташвили, стерпел. Зато она сама отравила потом несчастного мужа и при помощи Захарии Габашвили вышла замуж за царя Теймураза.

— Потому и души не чаает она в Бесики, что Захария, отец Бесики, возвел эту потаскуху на престол. Да она и теперь не оставляет своих происков!

— Ой, убей меня бог, чуть было не забыла о самом главном! — спохватилась, ударив себя по щеке, Майя. — Первым долгом я должна была рассказать об этом, а я, дура...

— Ну, ну, рассказывай скорее, я приготовила тебе подарок,— нетерпеливо сказала Дареджан. Она поправила платье, уселась поудобнее и вся превратилась в слух.

Наклонив голову, Майя начала шептать:

— О том, что священник Габашвили поехал жаловаться на католикоса в Россию,— это ведь вам, государыня, известно? Теперь он тайно написал своему сыну Бесариону, а Бесики прочел это письмо Анне-ханум, но что в нем — один бог знает. Оба как в рот воды набрали... Сегодня вечером я как бы ненароком сказала Бесики о письме, полученном им от отца. Он сперва очень смутился, а потом, словно удивился, пожал плечами и ответил: «У меня нет никаких дел с отцом».

— А ты как узнала о письме?

— Когда прибыл гонец от генерала Тотлебена, его слуга спрашивал о Бесарионе Габаоне, чтобы передать ему письмо. А об остальном рассказала мне сестра Тэкле. Бесики прочел письмо Анне-ханум тайно, ночью. Чтобы никто не проведал об этом, они закрылись в китайской комнате. Тэкле все это видела через окно, что выходит на балкон.

Весть о письме заставила Дареджан задуматься.

Она не интересовалась враждой между католиком Антонием и Захарией, бывшим в свое время в большой милости у Теймураза и даже упросившим царя отправить Антония в Россию. Но впоследствии Ираклий вернул пастыря. А тот в свою очередь добился от царя изгнания своего врага из Грузии. Возможно, что теперь Захария, обиженный на Ираклия, замышлял что-то против него.

Дареджан тотчас же заключила, что в этом письме сообщается какая-то важная тайна. И если письмо Захарии, присланное из России, было прочтено Анне-ханум, значит, оно должно было касаться и царя Ираклия.

— Майя, — как-то особенно ласково начала Дареджан, — если ты достанешь это письмо и дашь мне прочесть, я тебя озолочу.

— Но как же его достать? — задумалась Майя. — Это невозможно.

— Как хочешь... Это письмо должно попасть в мои руки... Ты женщина умная и сумеешь всего добиться. Пригласи к себе Бесики. Ты ведь говорила, что он засматривается на тебя...

— Но разве он станет носить при себе такое письмо? — с дрожью в голосе прошептала Майя, словно лишь это обстоятельство являлось главным препятствием. Она вспомнила, как выразительно смотрел на нее Бесики во время беседы в парке, когда он прочел ей несколько любовных стихотворений, от которых затрепетало ее сердце.

— Если у него не будет письма при себе, заставь принести.

— А если бы этим занялся мандатур?.. — нерешительно проговорила Майя.

Но Дареджан покачала отрицательно головой.

— Разве можно действовать силой в таком тонком деле? Нет, Майя, я доверяюсь твоей ловкости...

Они еще немного посудачили. Уходя, Майя обещала царице, что попытается раздобыть письмо. Вернулась она той же дорогой и выскользнула на улицу так ловко, что Гигола ее не заметил. Только с улицы он услышал приглушенный голос Майи:

— Гигола, закрой калитку на засов.

Было полночь. Город уже спал, когда часовой на Сейдабадской башне услышал вдруг конский топот со

стороны Крцанисской долины. Кто бы это мог быть так поздно—враги или свои? Но когда из темноты раздался двадцать один пистолетный выстрел, часовой сейчас же зажег факел. Загремели приветно крепостные пушки. В город въезжал царь Ираклий...

На улицах тотчас же появились заспанные горожане — кетхуды и мастеровые с факелами в руках. С помощью своих подмастерьев они расстилали ковры на улицах, по которым должен был проехать государь,— от Таборской крепости до дворца. Народ заполнил плоские кровли и балконы домов. Все принарядились. Женщины накинули белые покрывала и, выйдя на кровли, с нетерпением смотрели в сторону Таборской крепости.

С тяжелых Сейдабадских ворот сняли железные засовы и со скрипом раскрыли обе их половины.

Войско вел царевич Леван. Его породистый карабахский конь встал на дыбы, испугавшись яркого света факелов. Леван резко натянул поводья и заставил коня сделать такой скачок в ворота, словно хотел перескочить через ров. Всадники последовали за царевичем. Воины потоком устремились в город.

Торговые люди, вышедшие встречать царя, высоко подняли факелы. Им хотелось увидеть Ираклия. Однако узнать его среди воинов было трудно: во время походов он носил самую простую одежду и в таком виде принимал участие в сражениях.

У воинов были утомленные лица. При свете факелов они выглядели бледными, бороды, брови и ресницы покрывала пыль. Некоторые дремали в седлах. Только передовой отряд Левана был бодр и резво проскакал по улицам. Остальные ехали шагом. От коней исходил острый запах пота. В непрерывном глухом топоте то здесь, то там слышалось фыркание. При свете факелов тени всадников метались, как фантастические призраки: они то скользили по стенам, то проносились среди женщин, стоявших на кровлях и балконах, то кидались в сторону и терялись в улицах.

Воины все шли и шли... За отрядом мтиулетцев и катинцев следовали наемные сотни черкесов, одетых в длиннополые серые чохы. Ружья в бурочных чехлах висели у них за плечами, вверх прикладами. Особенно выделялись отряды борчалинцев в синих чохах и высоких

конусообразных черных папахах. Длинные ружья они держали в правой руке, как пики.

Арьберггард замыкала сотня хевсуров. Их вылуженные кольчуги, персидские шлемы и начищенные щиты блестели при свете факелов, и казалось, что на конях сидели стальные люди.

За хевсурами медленно двигались пушки. Каждое орудие тащили несколько пар волов. Аробщики, сидя на переднем ярме, лицом к орудию, подгоняли их. За пушками следовали по три всадника и арбы, нагруженные ядрами. Девять пушек разного калибра насчитали горожане, встречавшие войска. Одна из них была очень короткой, но с широким дулом. Ее называли «жабой». Две другие больше походили на фальконеты. Ядра для них были величиной с персик, но зато эти орудия били на большое расстояние. Грознее всех выглядела девятая пушка на высоком лафете, походившая на толстую короткую ящерицу. Эту пушку отлил мастер шваб (присланный Фридрихом Вторым) в тбилисском арсенале. Горожане хорошо знали, как стреляло это орудие. Когда в первый раз, для испытания, из нее выстрелили с Мухатской горы, ядро упало очень далеко, за крепостью Нарикала.

Войска выстроились перед дворцом, на обширной площади. Факелы горели так ярко, что можно было найти оброненную иголку. На правом фланге и в центре стояли грузины. На левом фланге — борчалинцы и черкесы. Католикос отслужил молебен и окропил грузин освященной водой. Мусульман благословил муштеид. Народ лишь тогда узнал Ираклия, когда он подошел сперва к католикосу и поцеловал крест, а затем к муштеиду и приложился к корану. На царе была простая чуха с газырями. На поясе висел в золотых ножнах меч, подарок Надир-шаха. Легким шагом обошел он в сопровождении минбашей и высших начальников войска, потом вышел на середину площади и приказал минбашам расквартировать воинов. Приложив правую руку к груди, минбаши низко поклонились царю. Ираклий ответил им таким же поклоном и только после этого направился к дворцу.

По этикету весь двор встречал царя у мраморных колонн павильона, возвышавшегося над площадью. Дворцовый церемониймейстер обязан был каждому из

придворных предоставить место сообразно его положению. Впереди всех стояла царица Дареджан, справа от нее — княгиня Анна со своей внучкой и царевич Георгий. За ними — наиболее знатные особы из рода Орбелиани. По левую — заняли свои места Анна-ханум и юные царевичи — Иулон, Вахтанг, Теймураз и Мириан, а за ними — вельможи из рода Амилахвари и Цицишвили. Немного поодаль, в стороне, были предоставлены места послам и французским миссионерам.

Ираклий вместе с Леваном, в сопровождении высших военачальников, быстро поднялся по широкой лестнице, ведущей в павильон. Низко поклонившись собравшимся, он обнял сыновей. самого младшего, Мириана, у которого от сна слипались глаза, взял на руки и вошел во дворец. Все последовали за царем.

Тронный зал был освещен толстыми восковыми свечами. Ираклий подошел к трону и обвел глазами каждый уголок, как бы удостовераясь, все ли в порядке. Вошедшие заняли свои места и стали ждать, когда сядет царь, чтобы сесть самим. Ираклий, засмеявшись, обратился к присутствующим:

— Садитесь, а не то вам придется долго ждать. Семь месяцев сидел я в седле, поневоле хочется постоять.

Ираклий передал уснувшего у него на руках Мириана царице и опять обратился к собравшимся:

— Я не надолго задержу вас.

Он достал часы, открыл усыпанную алмазами крышку.

— Начало четвертого, — сказал он, — совет созовем завтра, после молебствия. Спасибо всевышнему, что вижу вас в благополучии.

Ираклий наклонил слегка голову и этим дал знать, что прием окончен. Все стали расходиться. Царь вместе с домашними вышел из палаты.

Зал постепенно опустел. Первыми ушли женщины. Мужчины еще кое-где стояли группами. Многие остались недовольны таким приемом. Ираклий был, видимо, не в духе. Никого ни о чем не расспросил, не роздал подарков. Огорчен был и Давид. Он думал, что Ираклий отличит его, обнимет, выведет перед войском и объявит о назначении его главным военачальником, но царь не обратил на него никакого внимания.

Наконец все покинули дарбази. Собрался уходить и Давид, так как слуги начали уже тушить свечи. С поникшей головой направился он к выходу.

— Давид!

Он оглянулся. Звал его Бесики, стоявший у входа в павильон.

— Куда идешь?..

Давид остановился.

— Да иди же сюда,— повторил Бесики. Он подошел к Давиду и, взяв его за руку, вывел на сводчатый балкон.

Балкон нависал над Курой. Слышался тихий рокот реки. Стоявшая в нише свеча освещала угол балкона, тахту с валиками и мягкими подушками. На ней сидел еще безбородый, но выглядевший очень мужественно, царевич Леван.

— Давид,— позвал его Леван. — Честь и место! Почему ты такой угрюмый? Отец пошел в баню. Он велел мне не отпускать тебя до его возвращения.

Давид сел рядом с царевичем.

Бесики взял лежавшее на мутаке тари, украшенное перламутром, и провел по струнам.

— Давид, тебя, должно быть, удивило, что отец не заговорил с тобой? — обратился к нему Леван.

— Конечно, клянусь солнцем Ираклия! — ответил Давид, понимая, что этот вопрос задан ему неспроста.

— Быть может, ты даже обиделся?

— Как не огорчиться, чувствуя, что царь гневается?

Да спасет меня бог от его гнева!

— Да ведь ты нарядился в русский генеральский мундир и в таком виде пожаловал на прием... Признаться, красивая форма...

— Неужели из-за этого мундира?

— Сейчас я тебе все объясню. Ты, конечно, знаешь, что Россия воюет с Турцией?

— Знаю.

— А что в Тбилиси находятся два турецких лазутчика — Фехти-бек и Тахсим-бек, слышал? Они хотят выведать, не в союзе ли мы с русской императрицей. Видимо, у них есть верительные грамоты, иначе их не пропустили бы во дворец. А ты, как нарочно, нарядился в русскую форму. Немудрено, что отец вынужден был притвориться к тебе равнодушным.

— Так вот в чем дело! — удивился Давид. — Пойду сейчас же переоденусь.

— Не надо! Теперь уже все равно поздно. Посидим здесь, а Бесики нам что-нибудь споет. Давно я не слышал его пения.

Бесики тронул струны, мягко зазвучавшие под его пальцами...

Под низкими сводами придворной бани стоял густой пар. Синевато-прозрачная горячая серная вода струилась из широкого блестящего крана в бассейн. Терщик Гасан поднял ушат и окатил водой простертую перед ним фигуру. Пена растаяла, и лежавший на тахте Ираклий облегченно вздохнул.

— Бог мой, как хорошо, — поблагодарил он Гасана, выжал бороду, протер глаза и встал.

Гасан опрокинул на него еще несколько ушатов воды. Ираклий провел рукой по телу — стальные мускулы задвигались под гладкой кожей. Он вошел в бассейн и подставил волосатую грудь под горячую приятную струю.

— Вот это подлинное блаженство! — говорил Ираклий, отдуваясь и словно стараясь остудить горячую воду. — Яхши су, Гасан!¹

— Чох яхши, чох!²

— А что дальше, Гасан? — спросил Ираклий и разлегся в бассейне. — Что сказали они?

— Издалека завели разговор, великий царь. Сперва спросили, кто я — шиит или суннит. Я им ответил уклончиво: что, мол, я, как правоверный, верую в коран. «Это неважно, — сказали они, — ты все-таки наш и скажи нам чистосердечно, не затевает ли царь союза с русскими?» Я ответил: разве я понимаю что-нибудь в государственных делах? Ведь я маленький человек, бедный терщик. А они все не отстают. «Русские, которые находятся здесь, виделись ли с твоим царем? Ты, должно быть, знаешь того русского, который часто ходит во дворец, — кто он такой?» Это про князя Давида Орбелиани. Я ответил, что он не русский.

¹ Хорошая вода, Гасан!

² Очень хорошая, очень!

— Дальше, дальше... что еще выпытывали они? — спросил Ираклий сонным голосом.

— Насчет Давида они не поверили до тех пор, пока я не поклялся несколько раз. Когда они выкупались и стали одеваться, один из них достал кошелек, набитый золотом, и сказал мне: «Если ты узнаешь и скажешь, на чьей стороне царь Ираклий, этот кошелек будет твоим».

— А что же ты ответил? — Ираклий переменял место в бассейне и лег на спину.

Гасан улыбнулся.

— Я ответил: для того, чтобы узнать об этом, мне самому придется истратить втрое больше, чем они мне предложили.

Ираклий сразу оживился.

— Ха-ха-ха! — засмеялся он. — Ну что, дали?

— Они долго совещались, гадали, можно ли мне верить. Тахсим-бек был за то, что можно, Фехти-бек — против. Потом повели меня к муштеиду и заставили поклясться на коране. Наконец решились и положили мне в карман тридцать туманов.

— Значит, ты разбогател, Гасан? — с еле заметной улыбкой сказал Ираклий и вновь начал дремать.

— Вы должны научить меня, что сказать этим пройдохам, чтобы они поверили, а то по договору придется вернуть им деньги. Без вас не сумею им ответить. Вот вчера я даже не решился купить что-либо на эти деньги. Уйму товаров привез ага Ибреим.

Ираклий вскочил так быстро, что испуганный Гасан выронил из рук кису.

— Ага Ибреим приехал? Когда?

— Как раз вчера.

— Скорее простыню и полотенце! — заторопился царь. — Позови дворецкого.

Ираклий вышел из бассейна, провел рукой по волосам и бороде и стал вытирать простыней мокрое тело. Слуги принесли ему одежду. Дворецкий осторожно заглянул в двери бани. Царь подал знак рукой, чтобы тот вошел.

— Приведи сейчас же ко мне ага Ибреима. Удивляюсь, почему он не встретил меня. Наверно, — улыбнулся Ираклий, — не смог оторваться от своей красавицы жены.

Дворецкий хотел удалиться, но Ираклий остановил его.

— Подожди, купец, должно быть, крепко спит. Не проснулся даже от грома пушечных выстрелов, значит, сильно устал. Конечно, устал,— такая длинная дорога, а дома красавица жена. Но ты все-таки разбуди его. Приведи даже в том случае, если придется спящего взвалить на плечи... Без него не являйся. Успей все сделать, пока я буду одеваться.

Дворецкий ушел. Ираклий быстро оделся и, расчесывая волосы, прошел в сводчатый коридор бани. Пареша и Гасан почтительно его провожали. У входа в дарбази Ираклий отпустил пареша и подозвал Гасана.

— Ты им передай так: наш царь послал Али-Гусейну письмо, но что там написано, скажи, не знаю. Когда ты назовешь Али-Гусейна, они тебе поверят и успокоятся.

Гасан низко поклонился царю и исчез. Ираклий поднялся по лестнице и взглянул на площадь. Занималась заря. Разноцветные оконные стекла горели сотнями огней. Площадь была пуста, лишь несколько асасов усердно ее подметали.

Прежде чем пройти в зал для приемов, Ираклий зашел в спальню жены. Дареджан при свечке читала какое-то письмо. Ираклий взглянул на постель — она была нетронута.

— Почему ты не спишь, царица? — спросил Ираклий.

Дареджан положила письмо в малахитовую шкапулку и с упреком обратилась к мужу:

— Ждала тебя... А ты, вместо того чтобы отдохнуть, опять занялся делами.

— Эх, моя Дареджан, разве ты не знаешь, что враги мои только того и ждут, чтобы я предался сну? Да, видимо, мой удел дремать лишь в седле. Но вечером я твой гость во дворце Сачино. А теперь пойдем к заутрене.

Они направились в дворцовую церковь, откуда уже доносился благозвучный голос архимандрита Элефтери. Звонили колокола храмов Сиони, Анчисхати и Ванка, Светало.

Царский караван-сарай, находившийся в ведении ага Ибрейма, был построен на косогоре, спускавшемся

между храмом Сиони и монетным двором к реке Куре, поэтому в верхний этаж, где помещались торговые отделения, можно было попасть прямо с улицы. Нижние этажи служили для складов. Огромное здание караван-сарая имело только одну дверь, и в нем не было ни единого окна. Свет проникал через сводчатую крышу и через небольшие отдушины в стенах, но они были настолько малы, что даже кошка с трудом могла бы в них пролезть.

Всю ночь не прерывалась суета приказчиков и галдеж носильщиков. Раскладывали привезенные товары. Длиннобородый ага появлялся, следя за работой, то внизу, в темных, как катакомбы, подвалах, то наверху, в торговых помещениях, устланных коврами. Он даже не пошел домой, а пообедал с приказчиками. Несколько раз приходили за ним жена и сестра, но ага отделивался от них то шуткой, то подарками. Нелегко было разложить товары, привезенные на ста верблюдах. В полночь, когда пушечные выстрелы возвестили о возвращении царя, приказчики Ибреима не успели еще справиться и с половиной товаров.

Царский дворецкий с трудом пробрался между нагроможденными тюками. Хотя в каждом углу и горели светильники, но свет их был недостаточен. Утомленный работой ага Ибреим дремал на тахте с четками в руках. Длинная борода закрывала его грудь. Иногда он, словно конь, дергал головой, открывал глаза, сзирался и опять погружался в дремоту.

— Привет тебе, ага! — поздоровался с купцом дворецкий и сел с ним рядом. — Что, сон осилил?..

Ага встрепнулся, протер глаза, встал и зевнул.

— Эх, Мамуча, для купца и царя сон всегда желанный плод. Клянусь богом, любой бедняк счастливее нас. Эй, Дарчия! — крикнул он приказчику. — Принеси шербету господину дворецкому.

— Нет, ага, не надо. Царь приказал тебе немедленно явиться к нему. Надо сейчас же идти. Он велел стрелять у твоего уха в случае, если бы ты спал.

— Ведь говорил я, что сон для помазанника божьего — редкий плод, хотя и надеялся, что государь этой ночью будет отдыхать. Пока я оденусь и приготовлю подарки царю, ты, Мамуча, ублажайся шербетом и халвой.

Ага приказал приказчикам положить на серебряные блюда подарки. Подручный принес Ибреиму из дому новое платье, и вскоре ага с Мамучей в сопровождении десяти слуг направились во дворец. Каждый нес по подносу с подарками.

У дворца ага Ибреим провел рукой по бороде, поправил пестрый шелковый кушак, заткнутый за него кинжал с крупным алмазом на рукоятке и взшел на дворцовую лестницу так гордо, словно был властелином Востока. Ага предполагал, что царь примет его в тронном зале, но когда он, в сопровождении слуг, вступил в сверкавший хрусталем и зеркалами зал, там никого не оказалось.

Дворецкий попросил Ибреима подождать, а сам скрылся, шмыгнув в какую-то потайную дверь.

В ожидании приема ага вновь пересмотрел подарки и остался ими доволен. Он не забыл ничего, чем особенно мог угодить царю. Один из слуг нес книги. Среди них было, помимо «Илиады» Гомера и «Диалогов» Платона, руководство по артиллерии. Главной же приманкой, по мнению ага Ибреима, являлось «Описание Востока и борьба за трон Персии», причем там больше говорилось о царе Ираклии, чем о Персии и претендентах на ее престол.

Другой слуга держал большую вазу из саксонского фарфора, на которой были изображены Теймураз и Ираклий. По дороге в Лейпциг ага на несколько дней остановился в Мейсене. Там он увидел, с каким искусством писали мастера портреты на фарфоре и какими замечательными красками: их нельзя было счистить даже песком. У ага на внутренней крышке часов были выгравированы портреты Теймураза и Ираклия. Копии их и были написаны на вазе.

Остальные слуги несли образцы привезенных товаров: парчу и шелк, французские пистолеты и миланские клинки.

Через некоторое время в зал вошел дворецкий и обратился к Ибреиму:

— Его величество царь Ираклий просит вас пожаловать! Слугам велено поднести подарки царице в русском зале.

Ага помрачнел. Он не пытался удивить царя своей щедростью, а хотел лишь заслужить его благодарность

за хороший выбор товаров, привезенных из заморских стран. Ираклий часто говорил ему: «Ты привези такой товар, в котором больше всего нуждается государство. Табак, опий и карты игральные — это для азартных игроков и бездельников. Чем больше привезешь этого добра, тем более повредишь государству». Зато Ираклий радовался как ребенок, когда купцы привозили общепользные товары, особенно он поощрял ввоз инструментов для ремесленников. Ага хотел похвастать хорошим подбором товаров, но, как видно, царя никакие подношения сейчас не интересовали, и ага был вынужден с болью в сердце примириться с царским приказом.

Взяв у одного из слуг поднос, он положил на него вместе с книгами письма к Ираклию, посланные иноземными правителями и папой Климентом XIV, и последовал за дворецким. Они прошли длинный ряд комнат и поднялись на верхний этаж. У дверей в персидский зал провожатый кивком головы дал знак ага войти к царю, а сам вернулся, чтобы провести слуг к царице.

Ибреим осторожно приоткрыл дверь, окованную серебром, и заглянул в зал. Царь сидел за столом и подписывал какие-то бумаги.

— Входи, входи, Ибреим, поздравляю со счастливым приездом! — приветствовал Ираклий купца.

— Пусть все ваши недуги перейдут к вашему покорному слуге Ибреиму Зубалашвили! — отвечал ага. Он поставил поднос на стол и, преклонившись, поцеловал колено Ираклия.

— Рассказывай, как ты путешествовал. Сколько утекло времени с тех пор, как я тебя не видел, вот уже скоро два года, как ты нас покинул.

— Кто не знал горя, тот не оценит радости. Многое я испытал за это время, пережил тысячу горестей, но, слава богу, мне все-таки удалось снова лицезреть вас, великий государь.

— Слышал я, что ты объездил много стран.

— Много, очень много, ваше величество.

— Обо всем этом расскажешь в другой раз. А теперь я хочу поговорить об ахалцихском паше...

Ираклий указал Ибреиму на тахту.

— Садись. После того как я отказался породниться с Сафар-пашой, — продолжал Ираклий, — он возненавидел меня. Мне сообщили, что султан науськивает его

против меня и наша готовится к войне. Твой караван они пропустили, чтобы усыпить мои подозрения, а то плохи были бы твои дела, мой Ибреим. Ты видел самого Сафар-пашу?

— Как же, он принял меня с большим почетом и даже пригласил на пир.

— Обо мне шла речь?

— Он говорил: «В чем я так провинился перед Ираклием, что он точит меч против меня, неужели потому, что я хочу с ним породниться? Пусть он не надеется на русских... Всемогущий султан скоро покончит с их заносчивостью». И еще добавил: «Султан повелевает мне собрать войско и сокрушить Ираклия, но если он выдаст за меня дочь, я буду его покорным слугой со всем моим войском».

— Значит, у него уже собрано войско?

— Не могу утверждать... На пиру был и хунзахский Малачини, которого паша упрекал при мне за вражду к вам.

— И Малачини был там?.. — взволнованно промолвил Ираклий, вставая с тахты. — Значит, они уже сговорились!

Ага тоже встал и с удивлением посмотрел на царя.

Ираклий стоял некоторое время погруженный в думы, затем, обернувшись к Ибреиму, уже спокойно сказал:

— Мои платежи по долгу тебе я задержу еще на некоторое время. Хотел рассчитаться с тобой, но так как предвидится поход, то будут и траты. Что делать, мой Ибреим, хорошо вести дела без долгов, но ведь ты знаешь: «Цари, властелины вселенной, стоящие скалой против врага, принуждены бывают просить милостыню у своих подданных...». Сколько всего я должен тебе?

— С процентами семьдесят тысяч туманов. Могу еще столько же вручить вам, если прикажете.

— Нет, мой Ибреим. Весь этот долг я скоро верну, если судьба мне не изменит.

Ага улыбнулся, провел рукой по бороде и хитро взглянул на Ираклия:

— Несдобровать судьбе, играющей с вашим мечом, государь, она порежет себе руки. Если бы я обладал всеми сокровищами мира, оставаясь под вашим покровительством, судьба была бы моей рабыней. Но... — ага

замолк и, словно спрашивая себя, продолжал,— неужели с пашой нельзя поладить мирным путем?

— Раз он в союзе с Малачини, нас, кроме меча, никто не примирит.

— А если бы вы отослали русских обратно, может быть?..

Ираклий тяжело вздохнул. Сперва он, видимо, не хотел сказать Ибреиму правду, но потом, словно облегчая душу, заговорил глухим, взволнованным голосом:

— Разве ты не видишь, мой Ибреим, что Грузия окружена врагами? Они не знают жалости и пощады. У нас нет друзей ни на юге, ни на западе, ни на востоке. Сегодняшний «друг» завтра становится лютым врагом. Кто перечтет нашествия и набеги, перенесенные нашей страной? Кто не устанет, отбиваясь от непрерывных нападений, наносить удары то в одну, то в другую, то в третью сторону?.. Устали мы, мой Ибреим, от постоянных войн. Если бы можно было отдохнуть хоть неделю, счастливее меня не было бы человека! Правда, «если вздремнет царь, страна не может спать спокойно», но ведь не помогает и мое бодрствование. Отца Малачини, Малачу, пять раз я побеждал, пока не поразил его насмерть. Опасный и храбрый был враг, жить мне не давал. И Малачини я нанес три поражения, не раз пытался заключить с ним мир, но он продолжает ковать свои кровавые замыслы...

Да, есть только одно государство, о дружбе с которым мы можем говорить. Это северный наш сосед — Россия. Она выросла в огромную силу. Границы ее невиданно расширились. Они подступают уже к самому Кавкасиони. Оберегая свой южный рубеж от Персии и Турции, желая безопасно торговать с Востоком, Россия неизбежно перешагнет через перевалы, вступит в жестокую борьбу с турками и персами. Это решит и нашу судьбу. Не приходится раздумывать, на чьей стороне нам быть. Лишиться дружбы России — значит, рухнуть в пропасть. Я понимаю, Ибреим, почему ты хочешь примирить меня с Сафар-пашой... Твоя торговля идет через его владенья. Но что поделатъ, тебе придется изменить караванный путь. Торговля с Россией и легче, и безопасней, и выгоднее, и нужнее нам. А ведь для тебя главное — пожинать обильный урожай золота.

— Что ж, попробую... Россия, говорят, страна бо-

гатая. Попытаюсь, если сил моих хватит на такое далекое путешествие...

— Хватит, мой Ибреим, хватит. Мы с тобой ровесники. Жизнь у нас еще впереди,— смеясь сказал ему Ираклий и похлопал купца по плечу. — Сегодня ты и твоя жена будете гостями у меня на пиру.

— Пусть бог не лишит меня ваших милостей...

Ираклий мельком взглянул на пергаментные свитки и, взяв с подноса книгу, спросил:

— Что это за книга?

— Ваше величество не одобрило моих прежних подношений, но этой книгой вы, наверное, останетесь довольны. В прошлом году, когда я был во Франкфурте, тамошний герцог, вознеся вам хвалу, преподнес мне эту книгу. Он говорил, что на Востоке нет царя могущественнее Ираклия, и в этой книге описываются его подвиги. Книгу эту написал француз, а немцы перевели ее на свой язык.

— Этим подарком ты меня действительно обрадовал. Я знал, что такая книга вышла в свет, но увидеть ее мне до сих пор не удалось. Король Людовик послал мне ее через капуцина, но она была потеряна им в дороге. Эту книгу я дам Рейнегсу перевести на грузинский язык. Интересно, что брешут в Европе о грузинском царе... — улыбнулся иронически Ираклий и стал перебирать послания чужеземных царей. — Не буду больше задерживать тебя, ага, я и так оторвал тебя от работы. Помни, жду тебя на пир.

— Ваш покорный слуга готов лечь прахом у ваших ног,— ответил с поклоном ага и вышел из зала.

Ираклий позвонил в колокольчик и, как только вошел дворецкий, приказал:

— Позови ко мне царевича Левана и его светлость Давида Орбелиани. Доложи господам мдиванбегам, чтобы они в двенадцать часов собрались в зале совета.

Давид, Леван и Бесики долго сидели за ужином на дворцовом балконе и не заметили, как подкрался рассвет. О чем они только не вспоминали — и о серьезном, и о веселом. Давид рассказывал о петербургских и московских новостях, его слушатели удивлялись, что в такой холодной стране, где пар от дыхания превращается

на усах в ледяные сосульки, люди могут жить и строить такие большие города.

Солнце стояло довольно высоко, когда дворецкий позвал Левана и Давида к царю. Бесики расстроился тем, что он не получил приглашения, хотя и не ждал его. Поэт решил вернуться в свою комнату, но его клонило ко сну. Он остался сидеть на тахте, прислонившись к подушкам.

В тенистом дворцовом парке звенела песня соловья. Утренний ветерок доносил оттуда сладкий аромат цветов. Птицы, словно опьяненные им, перепрыгивали, щебеча, с ветки на ветку, садились на перила дворцового павильона.

Бесики невольно следил за беспечными пернатыми. Его внимание особенно привлек соловей, севший перед ним на перила и звавший подружку. Но самка была занята, вероятно, другими соловьями и не обращала никакого внимания на страстные его призывы. А тот настойчиво, но безуспешно продолжал свои мольбы. Наконец прилетел второй соловей, они о чем-то пощебетали и улетели в парк.

Бесики несколько раз провел мизрапи по струнам тари, и они зазвенели, как соловьиные трели. Таинственный голос, слышный только ему одному, запел где-то в глубине души:

Розу славит соловей,
Как ему в плену скорбей
В поцелуе слиться с ней?

«О, несчастный», — ответили ему струны тари. Бесики подхватил эту фразу и продолжал:

О, несчастный:
Алый увидав цветок,
Соловей попал в силлок
И спасти себя не мог.
О, измученный любовью,
Пьяный нектаром мечты!
Грудь свою пронзив стрелою,
Что же радуешься ты?

Птицы продолжали щебетать. Река с глухим рокотом катила свои волны. Утреннее солнце расписало светом и тенью отвесные скалы Метехи и Сачино. Между ветвями чинар, возвышавшихся перед балконом дворца, как бы протянулись золотистые нити. Бесики очаровала

эта картина. Он ощущал и видел все кругом и в то же время как будто ничего не видел, не воспринимал. Он хотел творить и петь.

И мизрапи как бы само по себе продолжало скользить по струнам тари, и поэт отзывался на их мелодию:

О, несчастный!
Роза венчик не раскрыла
И, склонив его увяло,
Скорбью соловья убила!
О, измученный любовью,
Пьяный нектаром мечты!
Грудь свою пронзив стрелюю,
Что же радуешься ты?

Дворец был объят тишиной, все спали, так как ночью никто не смыкал глаз. Только асасы бодрствовали у дворцовых ворот. Дворецкий дремал у дверей персидского зала, в котором Ираклий совещался с Леваном и Давидом. Ушла в свои покои проведать больного мужа и княгиня Анна. Димитрий спал. Он дышал с каким-то присвистом и шипением, шевеля втянутыми старческими губами. Анна вздрогнула, взглянув на этот живой труп, и быстро ушла в свою спальню. Она подошла к зеркалу, чтобы снять нагрудные золотые застёжки, и когда увидела свое красивое лицо, сердце ее защемило какой-то странной болью. Анна отошла от зеркала и раскрыла окно с цветными стеклами. Лица ее коснулся прохладный предутренний ветерок, несущий с собой в окно пьянящий аромат цветов.

С балкона донеслись звуки тари. Из окна не видно было балкона, но туда вела из ее комнаты маленькая дверь. Анна приоткрыла ее, выглянула и отшатнулась.

Бесики сидел один на балконе. Она заглянула в большой зал. Там было пусто. Они были совершенно одни. Анна испугалась этого и хотела вернуться в свою комнату, но не могла. Ей казалось, что дьявол сковал ее волю.

Бесики все так же сидел на тахте и продолжал играть на тари, напевая вполголоса сочиненные им стихи. Анна сделала несколько шагов к балкону, чтобы уловить слова песни. И, не отдавая себе отчета, подошла к тахте.

Поэт, сидевший к ней вполоборота, продолжал петь:

О, несчастный!
Роза птицу пощадил,
Алый зававес открыла,
Соловью вернула силу.
О, измученный любовью,
Пьяный нектаром мечты!
Грудь свою пронзив стрелою,
Что же радуешься ты?

Слушая песню, Анна тяжело дышала.

«Я не Тинатин и не Нестан,— промелькнуло у нее в мыслях,— я Фатьма, я сама должна признаться возлюбленному в своем чувстве».

Когда Бесики закончил последнюю строфу, Анна осторожно коснулась пальцами его кудрявых волос. Юноша оглянулся.

Увидя Анну, он опустился на колени и почтительно поцеловал край ее платья. Прикосновение ее руки поэт принял за покровительственную ласку, но, подняв голову и встретив взгляд Анны, растерялся. Он быстро огляделся: не подсматривает ли кто. Хотел убежать, но пылавшие глаза Анны сковали волю, заставили забыть и испуг и уважение. Она ласково приблизила к себе его голову. Бесики быстро встал, и вдруг они обнялись. Юноша впился губами в горячие уста Анны.

Из Тронного зала послышались голоса.

— Жду тебя сегодня ночью в саду царевича... — успела шепнуть Анна и, скользнув по балкону, как легкий зефир, скрылась в своей комнате.

У нее кружилась голова. Анна села на постель. Сняла парчовый пояс. Попробовала расстегнуть пуговицы на платье, но они не поддавались. Оборвала их по одной: ей было тяжело дышать. Слезы хлынули потоком. Она зарыдала. Уткнув голову в подушку, чтобы сдержать рыдание, впилась зубами в расшитый бархат.

Бесики, ошеломленный неожиданной встречей, продолжал стоять на балконе. Когда княгиня скрылась, он огляделся, и его снова объял тот жуткий страх, который он испытал, встретив горящий взгляд Анны. Что бы с ними было, узнай об этой встрече Ираклий. Правда, та часть балкона, где они обнялись, была укрыта от посторонних взоров, но Бесики прекрасно знал, что во дворце всюду можно было напороться на пронырливый взгляд соглядатая. Трепеща от страха, он заглянул во все уг-

лы — даже в парк. Бесики собрался уйти, как вдруг столкнулся в дверях с царевичем Леваном.

— Что с тобой, на тебе лица нет? — спросил удивленный Леван. Он хотел сказать еще что-то, но, вспомнив, что должен был передать дворецкому приказ Ираклия, прошел в зал и крикнул:

— Мамуча! Отец приказал перевезти греков на Ахальские рудники.

Вернувшись, Леван спросил Бесики вторично:

— Почему ты такой бледный?

— Не знаю, — прозвучало глухо в ответ, — может быть, потому, что не спал...

— А если в походе придется не спать неделю, что с тобой тогда будет? — засмеялся Леван. — Иди, сейчас же и готовься! Идем на Ахалцихе. Только никому не говори об этом. Отец должен встретиться с генералом Тотлебенем и отправляется со всей свитой. Он приказал ехать и тебе. Отец пожаловал тебя половиной оклада. Я просил дать тебе полное содержание, но он отказал, говоря, что за свои стихи ты большего не заслуживаешь. Получишь, если отличишься в походе.

— Идем на Ахалцихе? Будет бой?

— Турецко-лезгинские войска уже находятся в Ахалцихе.

— Когда выступаем?

— Сегодня, когда стемнеет.

Бесики очень обрадовался, что его берут в поход, а главное тому, что надо отправляться этой же ночью. Он вздохнул свободно, как будто с его плеч сняли тяжелый камень. Восхищенными глазами взглянул он на Левана и тут же подумал: «Знал бы ты, что затеяла со мной твоя тетка». Но, отогнав эту мысль, горячо сказал:

— Как я рад! Сейчас же займусь сборами.

— Подожди, — остановил его Леван. — А знаешь, что тебе понадобится?

— Конечно!

— А ну, говори по порядку.

— Конь, чоха с газырями, ружье, пистолет, пороховница, кинжал, шашка, фляга, бурка, торба...

— Есть у тебя конь?

— Мерин, подаренный тобой...

— Ха-ха-ха! — засмеялся Леван. — Эта кляча?... Скажи конюху, пусть оседлает тебе мою абхазку. Пре-

дупреди музыкантов, чтоб приготовили тебе саз или тари. Если у Тотлебена будет пир, отец обязательно заставит тебя спеть ту очаровательную песню, которую ты посвятил ему. Ты будешь в моей свите. А теперь иди!

Леван хлопнул друга по плечу и ушел. Бесики быстро спустился в нижний этаж, где помещались палаты Анны-ханум и где поэт занимал маленькую комнату.

Он радовался, сам не зная чему: тому ли, что отправляется в поход, или тому, что избавился от свидания с Анной.

В сводчатом зале заседаний совета было прохладно.

В старину, при Ростоме, там стояла только одна тахта для царя. Князья и вельможи сидели на коврах. Этот порядок существовал до Теймураза II. Но Ираклий изменил ему. Он велел поставить в зале длинный стол и позолоченные кресла. Вначале вельможи чувствовали себя неловко,— не зря говорится, что привычка сильнее веры. Мдиванбеги, привыкшие сидеть по-турецки, не знали, куда девать руки: держать ли их под столом или положить на стол, а Иасэ Амилахвари жаловался, что, сидя на стуле, как курица на насесте, он не может собраться с мыслями.

Раньше всех пришел секретарь совета, молодой Соломон Леонидзе. Он сел у конца стола и начал проверять свои записи. Он раньше служил причетником у епископа Тбилели. Однажды Ираклий, подписывая бумаги, обратил внимание на несколько грамот, написанных очень красивым почерком. Царь спросил, кто их писал, и ему привели Соломона. Ираклия удивили начитанность молодого человека и умение себя держать. С него сняли рясу и назначили секретарем совета. Это был первый случай во дворце, когда наследственное право было обойдено. При дворе высокая должность обычно переходила от отца к сыну.

Вскоре пришли мдиванбеги и заняли свои места. В ожидании Ираклия они тихо беседовали. У мдиванбега Теймураза Цицишвили велась нескончаемая тяжба с Иоанном Орбелиани о спорных поместьях, и теперь они в сотый раз доказывали друг другу свои права. Оба ссылались на Иасэ Амилахвари, но тот не обращал на них внимания и беседовал с Кайхосро Авалишвили.

Только Чабуа Орбелиани сидел молча, с достоинством, как подобает мудрецам, и не принимал участия в беседе мдиванбегов.

Чабуа даже своей внешностью отличался от мдиванбегов. Он был очень худ. Казалось, что его физическое развитие остановилось, когда ему было четырнадцать лет. Чабуа слыл признанным мудрецом и ученым. Хотя он не получил высокого образования, но щеголял тем, что наизусть знал «Жизнь философов и их творения». Единственный экземпляр этой книги случайно попал в руки Чабуа. Текст был переведен сто лет тому назад с итальянского на грузинский пьемонтским патером Франческо.

Если любители просвещения в подтверждение своих мыслей цитировали Платона, Аристотеля и других известных мыслителей, Чабуа удивлял всех, авторитетно упоминая имена малоизвестных философов и историков, о которых читал, но с чьими произведениями не был знаком.

Из маленьких дверей, в сопровождении Левана и Давида Орбелиани, показался Ираклий. Он быстро подошел к своему креслу и приветствовал мдиванбегов. Вельможи встали и низко поклонились царю.

Ираклий перекрестился и сел. По правую сторону он посадил Давида, а по левую — Левана.

Заняли свои места и мдиванбеги. В зале на минуту воцарилась тишина. Ираклий велел Соломону Леонидзе доложить совету о делах.

Соломон раскрыл давтари.

— Василий Петрович привез рапорт генерала Тотлебена, написанный пятого апреля. Грузинский перевод я послал вашему величеству в Шамхори.

— Знаю, — ответил Ираклий. — Доложите вельможам, о чем там писалось.

— Генерал Тотлебен сообщает, что войска, состоящие из Томского пехотного полка, двух эскадронов карабинеров, двух эскадронов гусар, двухсот донских казаков и трехсот калмухцев, всего три тысячи семьсот семь человек, при двенадцати полевых пушках, целиком переведены в конце марта из Моздока в Душети.

— У меня две тысячи воинов да придворной свиты пятьсот человек, — не глядя ни на кого и словно разговаривая с самим собой, сказал Ираклий. — А у ахалчих-

ского паши семнадцать тысяч урумов и пять тысяч лезгин. Что вы на это скажете, господа мдиванбеги?

— Наше положение безвыходное! — воскликнул Иоанн Орбелиани. — Имея шесть тысяч человек, трудно разбить двадцать две тысячи.

— У Азат-хана афганского было пятьдесят тысяч, а у нас было сколько, не помнишь ли, Иоанн?

— У нас не было даже четырех тысяч. Но после победы над Азат-ханом прошло добрых двадцать лет. И руки были тогда крепче, и мечи наши рубили лучше.

— Удивляюсь вот чему, — вмешался Кайхосро Авалишвили: — русские нас подстрекают на войну с Турцией, а сами выставляют лишь этот отряд. Если такое огромное государство не в силах послать больше войска, так что можно собрать в нашей обедневшей и разоренной стране!

— Правда, что войско мое малочисленно, да и поднять людей в поход во время полевых работ тоже не легко. Царевич Георгий должен прислать из Кахети тысячу пятьсот человек, но не очень-то я надеюсь на него, — проговорил Ираклий и вдруг умолк.

Наследник престола Георгий ничем не был похож на отца. Всем были известны его леность и обжорство. Ираклий, зная привычки старшего сына, не собирался назначать его наследником, решив завещать трон Левану. Богомольного Георгия он хотел, в случае смерти Антония, возвести в сан католикоса. Но в это свое решение он не посвящал никого, и теперь, проявив недоверие к старшему сыну, невольно смутился.

— Разрешите, ваше величество, доложить, — почтительно обратился Леван к отцу.

— Говори!

— Если Георгий сумеет в Кахети собрать войско, он должен двинуться в Сигнахи и оттуда прикрывать дорогу, идущую из Белокани, так как, двигаясь к Ахалцихе, лезгины могут повернуть в ту сторону и напасть на нас с тыла.

Ираклий улыбнулся. Он понял, что Леван привел это соображение для оправдания бездеятельности царевича Георгия. Леван сам уже успел направить шамхорского бегларбека прикрыть тыл со стороны Белокани.

— А я думаю, ваше величество, — вмешался Иоанн Орбелиани, — что с ахалцихским паншой надо покончить

дело миром. Если же генерал хочет воевать, пусть идет в Имерети к царю Соломону на помощь.

— От своей судьбы никто не уйдет! С ахалцихским пашой нам никогда не помириться, и всякие возражения на этот счет бесполезны! — сказал Ираклий Иоанну, сдвинув брови, а затем обратился к Давиду, сидевшему молча и не принимавшему участия в обмене мнений:— А ты что нам скажешь, Давид?

— Я скажу, ваше величество, что судьбу войны не решает численность войск. Хронисты неоднократно писали о том, как хорошие полководцы с малочисленным войском побеждали более сильного врага.

— «Если сотни нападают, одного сразить легко» — сказано у Руставели,— заметил Иоанн.

— Это так,— согласился Давид,— но разве не тот же Руставели говорит: «Сотня тысячу осилит, если выбран верный путь»? Не помню я, господа мдиванбеги, чтобы царь Ираклий когда-нибудь сражался, имея войско, численно превосходящее противника.

— Верно, этого никогда не было,— подтвердил Теймураз Цицишвили.

— В скольких сражениях участвовал царь Ираклий до сегодняшнего дня? — спросил Давид у мдиванбегов.

— Примерно в шестидесяти, если не считать походов с Надир-шахом,— улыбаясь, ответил Ираклий за царедворцев.

— И вот во всех этих сражениях только один раз вы, государь, потерпели неудачу, в битве у Ганджи, и то по ошибке вашего блаженной памяти отца Теймураза. А во всех остальных ваш меч пожинал всегда победу на благо нашей родины. Неужели и теперь из-за малочисленности войск отказаться от похода?

Ираклий благосклонно взглянул на Давида и сказал, улыбаясь:

— Если твой меч так же остер, как решительны твои слова, наше счастье удвоится.— Потом он обратился к мдиванбегам: — Клянусь вам, что я не боюсь этого похода. Русское войско хотя и малочисленно, но хорошо обучено, и один русский солдат устоит против сотни. Невелико и мое войско, но зато—все конница. С божьей помощью мы победим урумов, насчет этого будьте спокойны. Соломон, сын мой, докладывай дальше.

Леонидзе развернул заранее приготовленный свиток пергамента.

— Хранитель ценностей Иоанн Доленджашвили просит ваше величество отдать приказ казначею о выдаче трех тысяч рублей вашей дочери Тамаре.

— Об этом доложит нам Иосиф-мушриби,— прервал его Ираклий и нахмурился. Личные дела царя никогда не рассматривались в совете. Правда, звание хранителя ценностей Доленджашвили получил только осенью, но он должен был уже знать порядок ведения дел. — Иоанну объяви выговор,— приказал Ираклий Леонидзе и велел Чабуа составить по образцу русских коллегий положение и устав для чиновников, в которых был бы указан порядок ведения дел. — На этом мы и закончим. Остальные дела обсудим после. А теперь помолимся всевышнему.

— Есть еще одно дело,— сказал Леонидзе и достал несколько сложенных бумаг.

Ираклий почуял, что молодой секретарь собирается доложить о чем-то серьезном, и насторожился.

— Бесарионом Габашвили получено письмо от его отца Захарии из России, к нему приложены два документа, касающиеся графа Тотлебена. Бесарион нижайше просил передать их вашему величеству.

— Читай! — велел Ираклий и приготовился слушать.

Секретарь развернул письмо и начал читать.

«Нашего славного сына Бесариона приветствует угнетенный и изгнанный на чужбину отец Захария. После того, мой сын, как я покинул Грузию, находился я сперва в Кизляре, где собирался приступить к богослужению по уставу православной церкви. Но еретик, католикос Антоний, прислал сюда письмо с приказом, подтвержденным нашим великим государем Ираклием, не допускать меня к священнослужению. Повеление царя возымело свое действие: двери храмов замкнулись передо мной, и из Кизляра меня изгнали. После многих испытаний я приехал в Москву и обратился с жалобой к митрополиту о том, что в нашей стране злой еретик извратил нашу святую православную веру. Святые отцы— епископы и митрополиты, вняв моей мольбе, воздели руки к всевышнему с молитвой вразумить царя нашего Ираклия: изгнать из святых храмов еретиков. Но несча-

стью, навлеченное на меня Антонием и поразившее меня громом, никогда не изменит моей любви и преданности моему великому государю. Я получил в Москве доступ ко двору наследников царя Вахтанга, там я видел Александра Бакаровича, который состоит на службе у русских, в чине полковника. Он, смеясь, рассказывал о том, что на помощь Ираклию послали генерала Тотлебена, который за измену чуть не был обезглавлен, и что у него есть тайные замыслы относительно Ираклия. О подробностях этих замыслов царевичу Александру ничего не известно, а эти два документа я выпросил у него и посылаю с доверенным лицом; вручи их царю. Скажи также о моей ему преданности. Написано декабря 20 числа 1769 года в городе Москве собственной рукой Захарии Габаона».

Ираклий слушал письмо, нахмурившись. В преданности Захарии он не сомневался, но упрямство этого старика было неодолимо. Когда Ираклий решил вызвать из России католикоса Антония, Захария решительно этому воспротивился и угрожал царю покинуть дворец. После приезда Антония упрямец перешел все границы благопристойности. Простой священник заставил католикоса всей Грузии, сына царя Иесе, потомка Багратионов, поклясться всенародно в Сионском соборе, что он не еретик. Но и добившись этого, Захария не угомонился, пока его не постригли и не посадили в монастырскую келью.

Возвести Антония, сына картлийского царя Иесе, в сан католикоса требовали государственные интересы. Только дав ему почетное место, можно было пресечь домогательства картлийских Багратионов — претендентов на престол. Этого не понимал упрямый старец и гнул свое. Цена искренность и преданность Захарии, Ираклий спас его: он поручил страже тайком освободить старика из монастыря и дать возможность бежать.

Теперь Захария, не сумев, по-видимому, устроиться, как ему хотелось в России, старался другими средствами расположить к себе Ираклия. Вот почему царь не придал большого значения сведениям, сообщенным Захарией. Александр Бакарович оспаривал трон у Ираклия и, чтобы найти себе приверженцев, распространял, должно быть, слухи о каких-то тайных замыслах Тотлебена:

— Что ты скажешь об этом, сардар? — обратился

Ираклий к Давиду Орбелиани, смотря ему прямо в глаза. — Ты жил в России и знаешь русские дела.

— Насчет Тотлебена Захария пишет, ваше величество, правду, — ответил Давид. — Семь лет тому назад Тотлебен был изгнан из России как изменник. Его лишили чинов и орденов. Императрица только в прошлом году вняла мольбам изгнанного и помиловала его, о чем было объявлено в «Санкт-Петербургских ведомостях». Что касается тайных замыслов Тотлебена, если только это правда, то трудно судить о том, что им задумано. Но я сомневаюсь, чтобы во время войны с Турцией даже Тотлебен стал действовать в ущерб нам, а значит, и России. Письмо Захарии призывает нас быть осторожными, но надо остерегаться и злоумышленных слухов. Для тревоги я не вижу оснований.

Ираклию понравились соображения Давида. Царь перестал хмуриться. Его сведенные брови расправились, и он обратился к Леонидзе:

— А что за документы приложены к письму?

— Здесь указ об изгнании генерала Тотлебена, напечатанный в Москве во вторник 29 апреля 1763 года, а второй указ о помиловании Тотлебена, опубликованный в Санкт-Петербурге 27 мая 1769 года, — доложил Соломон Леонидзе.

— Отнеси бумаги моему секретарю и скажи, чтоб перевел их на грузинский язык, а Бесариону передай мою благодарность. Теперь, господа мдиванбеги, пойдём в Сионский собор прослушать обедню и благословить Давида, будущего зятя моего, которого я назначаю главным военачальником.

Все встали.

Из Сиона уже доносился перезвон колоколов.

Готовясь к походу, Бесики рылся в своем сундуке. Под руку попала отцовская ряса. Он отбросил ее в сторону. На дне сундука увидел пачку бумаги. «Надо записать, пока не забылось, сегодняшнее стихотворение», — подумал Бесики и, достав чистый лист, подсел с пером к персидскому восьмиугольному столу. И снова в его памяти встала встреча с Анной, объятия, поцелуи...

«Что нужно от меня этой женщине?» — думал Бесики и вместо стихов, подсказанных песней соловья, написал совсем другие строки:

О, Анна...
Я пленник страсти — ты желанна...

«Эта женщина сведет меня с ума. Надо бежать от нее сегодня же. Сейчас же. Но ведь она будет ждать меня этой ночью... Сестра царя Ираклия, супруга князя Орбелиани будет ждать на свидание Бесики, сына изгнанного священника! На ней будет, наверное, голубое платье. Нет, не голубое, а гранатового цвета. Комната ее будет украшена розами, чтобы их аромат одурманил нас. И она сама будет как роза, неувядаемая, вечно молодая. Не дьявол ли вселился в эту женщину? Какие у нее длинные косы... А ресницы, оттеняющие щеки? Губы как цветок граната, и зубы словно жемчуг! А эта пленительная, покоряющая улыбка на лице, изваянном из слоновой кости!..

Со стройным станом, благоуханна, пришла желанной!
Твой локон милый все с большей силой пьянит дурманом!
Глаза, ресницы мне будут свиться, тревожа тайной!
А губы-лалы всех манят, алы, тая обману!
Меня припомни, царица сердца, луной венчанна!—

писал Бесики, забыв обо всем на свете.

Очей нарциссы, как звезды с выси, глядят, сверкая,
У нежной шеи повисли змеи под сенью рая,
А мушки эти — мечта поэта в цветущем крае,
Два апельсина, что над долиной дрожат, смущая,
Как не восславить, в томленьи страстном на них взирая!

Тихо шурша шелковым платьем, вошла в комнату его приемная мать Анна-ханум.

— Что это?.. Опять стихи?.. — с ласковой улыбкой молвила она. — Ты как мой Теймураз... Когда он слагал стихи, можно было выстрелить у его уха из пистолета, и он не расслышал бы...

Бесики восторженно взглянул на нее.

— Прочти мне (Анне-ханум нравились стихи Бесики), вероятно, что-нибудь любовное?

— Не стоит слушать, это еще черновик. — Бесики скомкал исписанную бумагу и бросил в сундук. — Сегодня отправляюсь, царица, в поход.

— В какой поход?

Анна-ханум взглянула на раскрытый сундук, а потом перевела взор на Бесики.

— Разве Ираклий опять отправляется в поход?

— Да, этой ночью мы выступаем.

— Этот несчастный враждует со всем миром, а потом жалуется, что ему не дают покоя. Куда идете?

— Не знаю.

Если так, то ведь надо подготовиться! Не пойдешь же ты в бой в этом танцевальном костюме! Идем, выбери какой-нибудь из походных костюмов моего покойного супруга.

— Хочу найти чоху с газырями, она где-то у меня запрятана.

— Пойдем, найду и чоху, и сапоги, и оружие. Одну тебя так, что от зависти окривеют и враги и друзья. Теймураз умел позаботиться о себе и о других. Сто чох было у него всегда в запасе. Кто ему угодит, тому и дарил. Пойдем...

Они направились в комнату, где хранилась одежда.

— Забыла тебе сказать. Тебя спрашивала Майя. Что нужно от тебя этой бесстыднице?

— Какая Майя?

— Татишвили. Остерегайся этой женщины. Не дай бог, узнает наш грозный барс (Анна-ханум подразумевала Ираклия), а ты ведь его знаешь...

— Майя?

— Набелила себе лицо, на кого она похожа, несчастная! «Мне нужно повидать Бесики, может, напишет мне прошение». Как будто я не знаю, что за прошения нужны этой распутнице.

Бесики ничего не ответил.

Он почувствовал головную боль. В висках его стучало, как молотком. Бессонная ночь и волнения давали себя знать.

Генерал Тотлебен был не в духе.

Ему не нравились ни эта гористая Грузия, ни маленький городишко Душети, у которого лагерем стоял его отряд, ни темный, мрачный старинный замок, в котором он поселился. И замок, и крепостные башни, и стены крепости были построены из неотесанных камней. Во дворе крепости росло всего два дерева — дуб и вяз. Они заменили и парк, и цветник.

Не правилась Тотлебену и местная жизнь.

В нижнем этаже обитала многочисленная семья владельца замка, и оттуда доносились неугомонный шум и гам.

— Странный народ эти кавказцы,— говорил он. — Целый день так кричат, точно между ними целая верста или они глухие. Неужели нельзя беседовать тихо? — Генерал несколько раз посылал к хозяевам переводчика с приказом не шуметь.

Тотлебен злился на императрицу: как будто простила его, а между тем, выходит, что отправила в ссылку.

Десять лет тому назад кто, как не он, получил ключи от Берлина, сдавшегося русским войскам? А через три года после этого его лишили по указу императрицы чинов, отличий и приговорили к смертной казни. Хорошо еще, что она успела сменить гнев на милость... Генерал старался не вспоминать о причинах этой немилости императрицы,— ведь его обвинили в измене. Вот и теперь: как будто государыня дала ему важное поручение поднять Грузию против турок, а все-таки и славы прежней у него нет, и должные почести ему не оказываются. Даже какой-то грузинский царек позволяет себе держаться с ним на равной ноге.

«Что же нужно сделать, чтобы создать себе прежнее положение при дворе и даже более высокое?» — Генерал не раз об этом думал.

«А что, если под видом войны с турками захватить Грузию, стать в ней наместником императрицы и положить к ногам Екатерины ключи от Тбилиси, как десять лет тому назад положил ключи от Берлина. Правда, царица подобных указаний ему не давала, но надо уметь читать чужие мысли: кто откажется от такого подарка и не наградит по заслугам того, кто догадался его сделать?.. Замысел заманчивый, но опасный. А вдруг неудача? Нелегко иметь дело с таким умным и хитрым человеком, как Ираклий. Он отличный воин и искусный дипломат. Конечно, прежде всего надо убрать этого царька со своей дороги. Но как это сделать, сохраняя позицию его союзника в борьбе с турками?»

И тут генерала осенила внезапная мысль: что, если натравить их друг на друга — грузин и турок, а самому под каким-либо предлогом остаться в стороне. Пусть истребляют друг друга. Тем легче будет для него, Тотлебена. Он сразу убьет двух зайцев: ослабит турок и после неизбежной гибели Ираклия захватит Восточную Грузию.

Начав войну с Турцией, Екатерина решила «подпа-

лить», — как выразилась она, — «Османскую империю с четырех сторон: с Дуная, с Крыма, с Мореи и даже с Грузии». Русские войска, посланные в Грузию, должны были с помощью войск кахетинско-картлийского и имеретинского царств освободить от турок захваченные ими грузинские земли и пробиться через Имерети к Черному морю. Все это неизбежно отвлекло бы турецкие силы от главного, Балканского театра военных действий. Но выполнение этой трудной и важной задачи Екатерина поручила генералу, не могшему, да и не хотевшему ее выполнить.

Напрасно граф Панин старался наставлять Тотлебена: «к соединению грузинских духов и рук изобретете средства наидостойнейшие. Теперь главнейшая нужда, чтобы грузинцы нам в войне помогали. Сие было намерение вашего в Грузию отправления».

Люди, хорошо разбиравшиеся в военном деле и в политике, говорили об этом выходе из Тюрингии:

— Тотлебен зело чванится тем, что немец и граф. Но у него нет ни ума, ни знаний стратегических, ни дипломатических способностей. Этот чванливый проходец, для которого весь смысл войны в хапанье денег, ничего, кроме вреда и срама, Российскому государству не принесет.

Поход русских войск в Грузию был очень тяжелым. Летом 1769 года они прошли по опасной горной дороге скалистый, мрачный Дарьял, чтобы затем через Сурами направиться в Имерети. С невероятным трудом были перетасчены из селения Степанцминда с помощью грузинских крестьян трехфунтовые пушки. Минуя Сурамский перевал, Тотлебен стал лагерем на поляне Адосминдори. Здесь его нагнал назначенный русским послом при дворе Ираклия Антон Романович Моуравов. По его совету Тотлебен послал нарочного к царю Ираклию с просьбой разрешить пройти через его владения. Вместе с тем он сообщал о необходимости повидаться с царем по важному делу.

Ираклий не замедлил ответить, что выезжает на встречу.

Тотлебен ликовал: прославленный на всем Востоке царь сам ехал его встречать. Генерал подробно разработал церемониал встречи и несколько раз его прорепетировал.

Двадцать девятого августа к Тотлебену явился царский камергер и сообщил, что государь разбил лагерь у селения Кода и просит генерала пожаловать к нему.

Тотлебен поморщился: как это так — «пожаловать к нему»? Но он вынужден был послушаться совета Моуравова и с внушительной свитой отправиться в лагерь Ираклия. Тут его встретил, в сопровождении десяти вельмож, главный начальник царских войск. Он пригласил генерала в поставленную для него палатку и просил отдохнуть, обещая сообщить, когда царь пожелает его принять.

Царский лагерь, раскинувшийся перед глазами Тотлебена, поразил его своей пышностью. На поле стояли нарядные палатки. Среди них выделялся своим убранством шестиугольный шатер царя. На его верхушке и над каждым углом высились царские штандарты, а расшитое золотом полотно ослепительно блистало на солнце.

Весь лагерь был окружен спешившимися воинами. Держа в поводу своих коней, они стояли, как изваяния. У входа в шатер Ираклия выстроились в два ряда царские пажи.

Через полчаса в палатку Тотлебена явились царские слуги. Они принесли медный таз, кувшин с водой, мыло и полотенце.

Потом пришел церемониймейстер и пригласил генерала к царю.

Тотлебен, в сопровождении Моуравова, пешком направился к царскому шатру. Посредине пути его встретили шесть вельмож и, низко поклонившись, пошли впереди, указывая дорогу. У царского шатра провожатые отошли, и гости, пройдя сквозь шеренгу склонивших головы пажей, приветствовали вышедших им навстречу царевичей Георгия и Левана. У самого входа их встретил католикос. Приняв от него благословение, они вошли в шатер.

Ираклий обнял, расцеловал Тотлебена и с восточной учтивостью сказал:

— Слава всевышнему, что вижу в моей стране такого прославленного воина, присланного всемилостивейшей императрицей для защиты христианских земель от неверных.

Потом, взяв гостя за руку, подвел его к сундуку, по-

крытому ковром и поставленному вместо кресла: это была единственная мебель в шатре, устланном роскошными коврами.

Тотлебен решил, что лучше устроиться на ковре по-восточному, и сел на него, поджав ноги. Его примеру последовали царь, католикос и царевичи. Моуравов поместился рядом с генералом.

Царь попросил Тотлебена посвятить его в то важное дело, о котором писал ему в Тбилиси. Когда генерал открыл Ираклию, что цель прихода русских войск в Грузию — уничтожение турецкого владычества, царь пришел в восторг.

Моуравов перевел генералу, что радости царя нет предела и что он готов пожертвовать жизнью во имя такой великой цели.

Затем царь приказал стольникам разостлать скатерть. Подали чай в дорогих фарфоровых чашках. После чая были предложены фрукты на больших серебряных подносах и кахетинское вино в высоких хрустальных бокалах.

После часовой беседы Тотлебен, сославшись на дело, собрался уходить. Царь просил его остаться и переночевать, но генерал, поблагодарив Ираклия и пригласив его посетить завтра русский лагерь, покинул шатер.

На следующий день Ираклий в сопровождении Левана отправился к Тотлебену. Генерал встретил царя за версту от лагеря. Заиграли фанфары, загремели пушечные залпы.

В палатке Тотлебена на ковре была разостлана скатерть и на ней расставлены яства. При провозглашении тостов в честь императрицы Екатерины и Ираклия снова раздались пушечные залпы. После обеда Ираклий ушел в отведенную ему палатку, куда вызвал Моуравова и долго с ним беседовал.

Затем Моуравов передал Тотлебену содержание беседы. Ираклий считал необходимым увеличить численность русских войск до пяти тысяч человек. Если такого количества людей нельзя выставить в этом году, то до зимы надобно иметь самое малое полторы тысячи солдат, с таким расчетом, чтобы к весне прибыли остальные. К тому времени Ираклий соберет свое ополчение и, пока турки расшевелиятся, объединенные грузино-русские войска разобьют врага.

Тотлебен обещал Ираклию выполнить этот план, как только получит соответствующее разрешение из Петербурга.

Второго сентября Ираклий вернулся в ставку, а на следующий день Тотлебен, отослав в Петербург курьера с донесением, двинулся в Имерети с целью захватить Шорапанскую крепость, чтобы себе одному приписать честь этой победы и лишний раз выслужиться перед императрицей.

Двадцать шестого сентября на Кортхе его встретил имеретинский царь Соломон. После торжественного приема и передачи грамот императрицы Тотлебен направился к Шорапанской крепости. Высившаяся на скале, омывавшейся с трех сторон реками Квирила и Дзирула, крепость была доступна только со стороны острого восточного гребня. Солдаты могли двигаться по нему лишь гуськом. Штурм крепости, предпринятый самонадеянным Тотлебенем, не имевшим пушек необходимого калибра, чтобы пробить в крепостных стенах брешь, закончился неудачей. Провалилась и попытка ночного штурма: продвижение солдат в темноте по скалистому острому гребню было еще опаснее, чем днем под вражескими пулями.

Между тем Соломон, получив известие, что князь Дадзиани вторгся в Имерети, поспешил туда. После неудачного штурма Тотлебен решил обложить крепость.

Но и тут его ждала неудача. У него не хватило продовольствия, и осаду пришлось снять.

Тотлебен вернулся в Душети. Из Кизляра к нему постепенно начали прибывать небольшими отрядами пополнения. Несколько успокоившись, генерал стал готовиться к выполнению своего замысла. После неудачи у Шорапани он пришел к убеждению, что захват Восточной Грузии теперь еще более необходим, чем до похода в Имерети.

Однако делать с этой целью распоряжения, не соответствующие духу дружественных отношений между Россией и Грузией, было очень трудно и даже рискованно; такие действия вызвали бы недовольство среди русских офицеров. Вот почему он под разными предложениями стал отстранять русских офицеров и заменять их немцами: в списке командного состава появились фамилии — Штейн, Винклер, Келлер, Пикспер...

Между тем, Ратиев, формировавший в Моздоке для экспедиционного корпуса отряд, подбирал на должности младших офицеров грузин. Это не соответствовало намерениям генерала и так его возмутило, что он послал приказ Ратиеву немедленно уволить всех младших офицеров-грузин и вместо них подобрать других.

Прибывших солдат надо было размещать. В Душети же не было помещения для большого воинского постоя. Пришлось рыть землянки. Снабжение войска становилось все затруднительнее. Провиант и фураж поступали с большим запозданием. Их надо было покупать. Душетские купцы вздули на все цены.

Хорошо еще, что вскоре прибыл караван, доставивший достаточное количество продуктов: это царевич Георгий прислал несколько сот ароб муки и тысячу пятьсот голов скота.

Дело со снабжением постепенно наладилось, и Тотлебен мог деньги, полагавшиеся на содержание войска, класть себе в карман.

Приближалось время похода. Поля зазеленели. Вода в Куре пошла на убыль. Русские солдаты в ожидании похода томились бездействием.

Царь Соломон ежедневно посылал гонцов в Душети. Им было все подготовлено для штурма Кутаисской, Душетской, Багдадской и Шорапанской крепостей, и он ждал прихода русских войск. Но Тотлебен не мог двинуться в Имерети: дорога, ведущая туда, находилась в руках ахалцихского паши. Надо было сперва покончить с ним, а затем уже идти на соединение с царем Соломоном.

Однажды казачий патруль задержал подозрительного турка. Его пытали, и он сознался, что был послан ахалцихским пашой собрать сведения о русских войсках. По его словам, паша собрал бесчисленное количество воинов, но сказать точно сколько, пленник не мог: то говорил — сто тридцать, то — тридцать... Тотлебен впал в раздумье. Ираклий не появлялся и ничего не сообщал о себе. Генерал решил действовать независимо от него.

В полдень он вызвал офицеров и приказал вывести войска на парад.

Едва генерал, облачившись в мундир, пристегнул шпагу и, надев треуголку, вышел на крыльцо, как во двор на взмыленном коне влетел всадник в чохе. Он

быстро соскочил с лошади и протянул генералу бумажный свиток.

— От кого? — спросил Тотлебен через переводчика.

— От царя Ираклия, — ответил гонец, вытирая пот со лба.

— А-а... Зер гут! — пробасил Тотлебен и развернул послание.

Ираклий просил Тотлебена немедленно двинуть войска к Сурами, где десятого апреля намечалась встреча с ними грузинских войск.

Письмо Ираклия обрадовало Тотлебена. Положение прояснилось. Раз встреча назначена с Сурами, а не в Тбилиси, значит, этот гордый царь считал пока что Тотлебена равным себе.

Теперь надо было только первым прибыть в Сурами, и тогда выйдет, что не Тотлебен прибыл к царю, а царь — к Тотлебену.

Генерал отдал войскам приказ выступить через час из Душети.

Где-то близко, совсем над ухом, пропел петух.

Дугаба, крепостной царицы Дареджан, проснулся и начал протирать глаза. Обычно он вставал с рассветом, но сегодня поднялся, когда еще было темно. Вчера в селение Лило примчался царский гонец и сообщил, что царь изволил выступить в поход против турок и созывает ополчение. Все крестьяне, бывшие с ним в походах, у которых оружие и кони сохранились в исправности, должны были немедленно собраться и под командой юзбашей или сотских, явиться — кто в Тбилиси, кто в Мцхета, к своим сардарам.

О царском повелении узнали в самую горячую пору пахоты. Людям было не до походов, но крестьяне подчинились приказу. С пахотой, как это уже не раз случилось, должны были справляться старики и дети.

Дугаба окликнул своего младшего сына, спавшего сладким сном, и приказал развести огонь в очаге. Жена Дугабы уже одевалась в темноте. Босой мальчик, зевая и почесываясь, подошел к очагу и разворошил золу. Угли под ней были еще красными. Мальчик нащупал хвост, мелко наломал тонкие прутья и, положив их кучкой на угли, стал раздувать огонь. Вспыхнуло пламя и озарило просторный крестьянский дом. Обширное четы-

реугольное дарбази — без окон (в те времена большинство картлийских и кахетинских домов строилось в виде землянок), с большим куполом. В центре купола зияло небольшое отверстие, через которое проникал дневной свет и выходил дым. Помещение делилось на две части деревянной балкой, которая посередине подпиралась толстым, украшенным резьбой столбом — «деда-бодзи» («мать-столб»). В дощатых закопченных стенах были вделаны шкафчики и полки, где хранились утварь и посуда. Просторные нары из толстых досок блестели, как отполированные. На этих нарах спала вся семья.

Вторая половина дарбази предназначалась для скота и птиц. Куры располагались на жердях, а гуси и утки бродили где попало, чаще у очагов.

Когда Гига начал разводить огонь, гуси с криком разбежались по углам. Успокоившись, они собрались в кучу и, следя за мальчиком, завели беседу на своем гусином языке. Посмотрит один из них на мальчика и проговорит скороговоркой соседу: «вит-вит, вит-вит»; «вит-вит, вит-вит» — отвечает сосед, и оба долго смотрят на происходящее.

Вскоре проснулась и вся семья Дугабы. Жена начала молиться и класть земные поклоны, дочь загромыхла посудой, а старший, двенадцатилетний сын Ваню подавал отцу то чоху, то обувь, то пояс с кинжалом, то саблю, то ружье и пистолет. Дугаба быстро одевался, давая наставления сыну:

— Смотри, сынок, теперь ты, вместо меня, старший в семье (при этих словах жена Дугабы всплакнула, она вспомнила двух своих сыновей, погибших в боях). Сперва вспашете незаливной луг, а потом уже — землю у реки. Если, бог даст, вернусь невредимым, принесу тебе ружье. — Потом, повернувшись к жене, сказал сурово: — Довольно тебе молиться! Положи хлеб в хурджины, на дорогу.

— О господи, — простонала женщина, еще раз перекрестилась, встала и принялась за дело, — боже, боже, зачем ты породил нас на свет? Всю жизнь — в тревоге. Все время походы, войны...

— Не тужи, жена, — сказал повеселевший Дугаба, успокаивая ее, — сейчас поход будет что прогулка. С нами — русские войска...

— Давно я слышу — «русские, русские», но где же они?..

— Как где! — возмутился Дугаба. — С зимы в Душети стоят. Сосед Кикола своими глазами видел. Чудеса рассказывает. Пушки привезли — на больших колесах, в конской упряжи, не так, как у нас, — на волах...

— Бог им в помощь, если они христиане.

— Конечно, христиане! Ну, жена, клади в хурджины сыр, копченую свинину да не забудь бурдючок с вином.

— Сыр, свинину в пост? — удивилась жена.

— Через неделю — святая пасха, а поход наш, ты думаешь, на два дня? Быть может, и через месяц не вернусь. Да, вспомнил, и чурчхел да яблоч не забудь положить. Мы вместе с русскими пасху будем справлять. Надо же хорошо угостить друзей... Ну, сынок, — обратился опять Дугаба к старшему сыну, — давай коня, и — с богом. Табунщики, наверное, уже пригнали лошадей.

На дворе было еще темно, хотя звезды уже погасли и на востоке небо стало стеклянно-прозрачным. Тянуло холодом, и мальчик, задрожав, запрыгал на месте, чтобы согреться. В деревне, о существовании которой можно было узнать только по поднимающимся из-под земли дымкам, был слышен лай собак, пение петухов и перекликанье соседей.

По отдаленному топоту мальчик догадался, где находился пригнанный табун, и побежал туда. Он быстро разыскал отцовского буланого. Узнав мальчика, лошадь приветно заржала. Схватившись крепко за гриву, он проворно вскочил на коня и прискакал домой. Отец уже дожидался с седлом в руках. Пока Дугаба седлал коня, Ваню принес в корыте овса и начал с рук кормить своего любимца. Отец, смеясь, сказал:

— Поставь на землю, сам дотянется.

Но Ваню продолжал держать корыто в руках, пока лошадь не съела весь овес и не начала водить губами по дну корыта в тщетных поисках зернышек.

Вскоре Дугаба услышал зов сотника и, прикрепив хурджины к луке седла, поочередно расцеловал членов своей семьи. Перекинув через плечо поданное ему в последнюю минуту ружье, он вскочил в седло и направился к церковной площади, к месту сбора ополченцев. Там уже собрались все участники похода и провожавшие

их — старики с детворой. Сельский священник в облачении благословлял воинов, окропляя их святой водой из чеканной бронзовой чаши. Старики тоже благословляли своих сыновей и, воздевая руки к небу, молили бога о даровании победы.

Сотник весело окликнул Дугабу и полушутя-полусерьезно сказал ему:

— Что так поздно? Заважничал, что ли? Разве не знаешь, что царский любимец должен являться первым?

— В бою нужно быть первым, а сейчас не беда, если человек немного опоздал, — ответил, улыбаясь, Дугаба.

К Дугабе подошла пожилая женщина; поправив на голове платок, она обратилась к нему:

— Да благословит тебя бог и дарует нам победу над нехристями!

— Спасибо, кума.

— У меня к тебе просьба, родной. Сынка моего поручаю тебе, — сказала женщина и указала на юношу, который стоял немного поодаль, держа за повод свою лошадь, — сам знаешь, один у меня остался, последний. Ему только что минуло шестнадцать лет, первый раз идет в поход. Присмотри за ним, родной, да сохранил господь твоих детей. Ты старый, хороший воин, и если он будет рядом с тобой, сердце мое успокоится...

— Подойди, малыш! — крикнул Дугаба. Юноша не спеша, улыбаясь, подошел, ведя за собой коня. — Что, боязно небось?..

— Э... не слушайте ее, — смущенно ответил он. — Что я — ребенок, что ли?.. Подумаешь, в бой иду... Прадед ходил, дед ходил, отец ходил...

— Всему учиться надо, — сказал Дугаба, сведя грозно брови. — Мать о тебе разумно заботится, а ты, глупый, обижаешься. Будешь все время рядом со мной находиться, научишься хорошо воевать, спасибо скажешь. Не бойся, мать, — обернулся Дугаба к соседке, — буду смотреть, как за своим сыном. Вернемся — вместе радоваться будем, не вернемся — молитвами нас помянешь. Ну, пошли!

Всадники, построившись, попарно выступили из села. Дугаба очутился рядом с одним из стариков, который когда-то так же, как теперь Дугаба, учил его воинскому делу.

— Здравствуй, Гела! — окликнул его Дугаба. — Тебе пора бы отдыхать, ведь за семьдесят перевалило.

— Ну и что же, — весело ответил Гела, — четверых таких, как ты, свяжу! Э-эх, мне и правда пора бы отдохнуть, — сказал старик и нахмурился: — раньше бывало от зари до зари — пашу ли, жну ли, траву ли кошу, не уставал, а сейчас уже без передышки не поработаешь...

— Ну и сидел бы дома.

— Не могу. Хочу на русских посмотреть, с ними вместе бить неверных. Быть может, больше мне не суждено в походы отправляться. Я с царем Ираклием все походы перенес. Да что говорить, ты ведь сам все время со мной был рядом. Сколько горя и тяжелых дней мы с тобой видели! И всегда во всех боях меня мучила одна думка: почему мы все время воюем одни, почему у нас нет такого соседа, который стал бы рядом с нами и помог бы нам. Тяжело нам одним-то. Со всех сторон окажные нехристи нападают: и турки, и лезгины, и персы. Разоряют народ, жгут деревни, в плен, в рабство людей уводят, продают, как скот. Тяжело нам без помощи...

— Не ты один, все мы так думаем, — перебил старика Дугаба.

— Сколько уже лет шел у нас разговор о русских, о дружбе с ними, и вот наконец-то, слава всевышнему, дождался я — русское войско идет вместе с нами на турок. Как же могу я сидеть дома?.. Нет, родной, не могу я сидеть дома.

Было уже около полудня, когда отряд, соединившись с другими отрядами, подошел к Тбилиси и стал лагерем на ристалище за городской стеной.

В полдень, когда через майдан провели арестованных Тахсим-бека и Фехти-бека, по городу разнеслась весть, что царь идет в поход. Сейчас же устабаши — староста ремесленников передал через моурава царю, что он может рассчитывать на тысячу воинов от их сословия.

Ираклия это сообщение очень обрадовало. Он приказал корчибашу выдать из арсенала новым воинам оружие. Еще со времен Теймураза добровольцы из ремесленников носили во время походов черные чохи, — отсюда и пошло их прозвище «карачохели».

Во время обеда царю сообщили и другую радость.

ную вестъ. Из Телави прибыл скороход царевича Георгия и передал, что тысяча воинов отправлена в Сигнахи, а сам царевич во главе двух с половиной тысяч всадников выступил в Тбилиси и уже прошел Уджарму.

Ираклий одарил гонца рубахой. Обрадованный полученной вестью, он хотел было отложить на день поход, но так как не любил отступать от своих решений, то приказал Левану вести войско, а сам, в сопровождении Давида, отправился встречать Георгия, чтобы повести кахетинцев кратчайшей дорогой прямо в Сурами.

Ираклий полагал, что догонит Левана у Ксани. Там раскинулись хорошие пастбища, и лошадей можно было бы пустить на подножный корм.

Вечером Леван со своей свитой направился в Сабуртало, где было построено войско. Царевич в сопровождении сотников обошел отряды. Особенно внимательно он осмотрел сотни карачохельцев и проверил их вооружение. Тридцать из них он отпустил по домам: у одних негодны были кони, у других — оружие, а третьи сами негодились как бойцы. После этого он стал во главе войска. Сотники заняли свои места, заиграли трубачи, и колонны воинов двинулись в путь.

Как ни опасался Бесики встречи с Анной, к вечеру все же не выдержал искушения и, воспользовавшись общей суматохой, тайком прокрался в парк в надежде увидеть ее. Быстро обошел аллеи и беседки, но нигде не было ни души. Махнув рукой, он пошел обратно, проклиная себя за то, что поддался непозволительной слабости.

Уже у выхода он заметил женскую фигуру, мелькнувшую между персиковыми деревьями. Юноша кинулся туда, еле переводя дыхание.

— Бесики это ты? Ох, как ты меня испугал. Кого ты здесь ищешь? — смеясь, обратилась к нему закутанная в шаль женщина.

Бесики тотчас же узнал Майю.

— Хотел повидать садовника... — растерянно ответил Бесики.

— Ты разве не идешь в поход?

— Конечно иду.

— Но ведь Леван уже отправился.

— У меня такой конь, что если я даже отправлюсь утром, и то догоню. А ты как очутилась здесь?

— Я? — засмеялась Майя и заглянула ему в глаза... — Все будешь знать, скоро состаришься.

— А все же? Впрочем... — Бесики собрался уходить, — какое мне дело! Ожидаешь, видно, кого-то?..

— Хотела повидать тебя.

— Меня? Откуда ты знала, что я приду?

— Знала, — Майя понизила голос и оглянулась. — Пойдем в беседку, здесь нас могут увидеть.

В беседке было темно. Сели на скамью, Майя откинула шаль, достала вчетверо сложенную записку и передала ее Бесики.

— От кого это? — спросил Бесики.

Он прикинулся наивным простаком, делая вид, что не догадался, от кого записка. Ему не понравилось, что Анна сделала Майю своей поверенной. Он слышал от Анны-ханум, что девушка была соглядатаем царицы. Бесики не знал, что делать. Не принять и вернуть записку было глупо, все равно Майя не поверила бы его неведению, так как видела, что он пришел на свиданье.

— А ты не предашь меня, Майя? — спросил он, наклоняясь к ее лицу.

— Зачем мне тебя предавать? Желанную весточку принесла, думала, щедро одаришь, а ты...

— Мое солнышко, — шепнул он ей, — разве, зная тебя, можно полюбить другую?

— Убирайся! — сказала Майя взволнованным голосом. — Ты, должно быть, каждой говоришь: «Мое солнышко, моя луна, моя...»

— Никому я не говорю, хочешь, поклянусь?

— А какие письма ты читаешь Анне-ханум? Чье это любовное письмо ты читал наемдни ей?

— Это было письмо моего отца.

— А позавчера, когда я спрашивала, откуда получил ты письмо, почему не сказал? Ты лжец и обманщик!

— Клянусь, это было письмо моего отца.

— А ну, покажи, если правда.

Бесики чуть не проговорился, что письмо он передал через Соломона Леонидзе царю, но вовремя прикусил язык. Он догадался, что это письмо кому-то не дает покоя, и решил схитрить.

— Как я могу тебе показать?.. Ведь я иду в поход, не возьму же я письма с собой.

Бесики почувствовал, что на этот раз Майя, смот-

ревшая на него влюбленными глазами, поверила ему.

— Что мне передать Анне? — спросила она.

Бесики улыбнулся.

— Как будто без меня ты не сумеешь придумать, что ей сказать? Скажи, что я расцеловал каждое слово ее записки. Ну, мне пора идти, уже совсем стемнело...
Благослови меня, Майя, ведь я иду в бой...

Майя вдруг крепко обхватила его шею, поцеловала в лоб и шепотом сказала:

— Да хранит тебя святая дева Мария!

Потом девушка сняла с себя маленький алмазный крест на тонкой цепочке и надела на шею Бесики.

— Пусть этот крест будет тебе защитой.

Когда Бесики сел на коня и тронулся в путь, его охватили горькие думы.

Любовное письмо посылала ему женщина, молодость которой уже закатилась, а женщина сомнительного поведения благословила на бой: судьба его не очень баловала.

Бесики взглянул на небо, усеянное звездами, и стегнул коня нагайкой.

Ветер свистел в ушах всадника, бил в лицо, раздувал конскую гриву. Несмотря на непроглядную темень, испытанный скакун так мчался по широкой дороге, что из-под копыт летели искры.

Когда Бесики нагнал карачохельцев, кто-то крикнул в темноте:

— Эй, кто там?

— Я, Бесики! — ответил поэт и придержал коня.

— Тебя по повелению Левана ищет саркардар, — отвечал из темноты тот же голос.

— А что ему надо?

— Откуда мне знать...

— Он хочет послать тебя вместе с Моуравовым к русскому генералу, — услышался голос с другой стороны. — Царевич пригрозил саркардару, что если он тотчас не отыщет тебя, то может принять святое причастие перед казнью...

Бесики поспешил к Левану. Свернув с дороги, он поскакал прямо по полю, обогнал медленно двигавшиеся войска и присоединился к свите царевича.

Леван был так зол, что чуть не ударил его плетью.

— Где ты шлялся до сих пор? — прогремел царе-

вич.— Перевернули весь город, а тебя нигде не нашли. Скажи сейчас же, догоняй Моуравова, он, вероятно, уже во Мцхете.

Леван ударил плетью абхазского коня Бесики. Взбешенный конь так резко сорвался с места, что всадник еле удержался в седле. Леван расхохотался. Бесики понял, что гроза миновала. Повернув в сторону Мцхета, он пустился догонять Моуравова.

Лиахви сильно разлилась. Тотлебену пришлось целый день простоять у Цхинвали. Бурная река снесла все мосты, а брода не нашли. Проводники советовали генералу подняться в Кехви, там Лиахви пробивалась сквозь узкое ущелье и со скал можно было перекинуть брусья для моста. Тотлебен отказался и предпочел другой способ переправы. С большим трудом протянули через реку канат и, подвязав к нему плот на бурдюках, начали мелкими группами переправлять войска.

Донские казаки и калмухцы, не дожидаясь парома, пустились на конях вплавь. Казакам, привыкшим к спокойным рекам, было трудно переправляться, и многих из них унесло быстрым течением.

Цхинвальцы бежали по берегу и криком ободряли пловцов. Одни тащили веревки, другие — длинные шесты. Всякий старался помочь, чем мог. Всего нескольких казаков снесло на порядочное расстояние, и за поворотом реки они скрылись из виду. Их считали уже погибшими, но через час казаки явились невредимыми. Они кинулись греться к кострам, разложенным на берегу ранее переправившимися товарищами. Цхинвальский моурав послал войскам вино в больших буйволиных бурдюках.

Тотлебен со штабными офицерами следил с горы за переправой. На этой горе, откуда был виден Цхинвали, как на ладони, стояла довольно высокая башня. Сторожем при ней был старик Беруча. Когда Тотлебен поднялся на гору и приблизился к башне, Беруча, преклонив колено, приветствовал генерала.

— Кто он такой? — спросил Тотлебен.

— Караульщик, — ответил переводчик.

— Гарнизон сей непобедимой крепости? — засмеялся Тотлебен и, повернувшись спиной к Беруча, стал смотреть на Цхинвали.

Старик не ожидал такого обращения: и царь Теймураз, и царь Ираклий относились к нему уважительно — когда он преклонялся перед ними, помогали встать, заходили в башню, расспрашивали о семье и одаривали.

Старик, недовольный генералом, вернулся в башню и по самодельной лестнице поднялся на верхушку. Отсюда была хорошо видна вся местность до самого Горисджвари. Обязанность Беруча заключалась в наблюдении за окрестностью. Если показывался враг или следовал сигнал тревоги с другой башни, он должен был зажигать на вышке сырую солому или обрезки лоз. Дым от соломы был беловатый и означал прибытие своих, лозы же давали дым черного цвета, и это возвещало о появлении врага.

Беруча растерялся, что зажигать теперь — солому или лозу? Хотя он и слышал, что русская царица послала Ираклию на помощь войско против султана, все же не знал, как действовать, и потому решил подождать. Он уселся на плоской кровле, положил рядом свое старое ружье и с любопытством стал следить за переправой войск.

Еще не переправилась и половина солдат, как приехал Моуравов, сопровождаемый русскими чиновниками и подоспевшим Бесики. Все сошли с коней и поднялись в гору.

Тотлебену наскучило следить за переправой войск, и он развлекался игрой в карты с офицерами.

Когда доложили о прибытии русского посла, генерал лишь кивком головы приветствовал прибывших и продолжал играть. Он только что проиграл триста рублей. Обозленный Тотлебен швырнул карты и обратился к Моуравову.

— Вот несчастье, всякий раз, когда вы приходите, я проигрываю!

— Главное, ваше превосходительство, выиграть войну, в карты же — сегодня проиграем, завтра выиграем, — с улыбкой сказал Моуравов.

— Если у вас такой дурной глаз, то и войны не выиграем, — ответил хмуро Тотлебен и встал.

Моуравов представил генералу своих спутников. Старших по чину Тотлебен удостоил поклона, Рейнегсу подал руку, по остальным скользнул взглядом. Заинте-

ресовал его лишь Бесики. Он с любопытством уставился на юношу, выделявшегося своей осанкой, своими, словно тонкой кистью очерченными бровями и ресницами, вдумчивыми, миндалевидными глазами.

— Это кто такой?..— спросил Тотлебен.

— Придворный поэт Габашвили,— ответил Моуравов.

— Ого, а я думал принц. Поэт! Кому это надо? Мужчина первым долгом должен быть кавалеристом, а потом чем угодно. Поэт... Да-а, если здешние поэты такие, как он, то воины должны быть голиафами.

— Про голиафов, ваше превосходительство, ничего не могу сказать, но грузины — отличные воины.

— Вы, кажется, по происхождению грузин?

— Да.

— Вы изменили родине, перешли на службу к русским и теперь, хваля Грузию, хотите искупить свою вину? — пошутил Тотлебен.

— Во всяком случае, ваше превосходительство, вы меньше всех можете упрекать меня в измене родине,— иронически заметил Моуравов.

Тотлебен понял, что пошутил опрометчиво, и постарался исправить свою ошибку:

— Не обижайтесь, это во всем карты виноваты... Когда я проигрываю, сам не ведаю, что говорю. Скажите мне, пожалуйста, правда ли, что царь Ираклий ведет ко мне пятидесятитысячную армию?

— Извольте шутить, ваше превосходительство. Если бы у царя Ираклия было столько войска, ваша прогулка по этой стране была бы излишней. У него сейчас под ружьем пять тысяч воинов...

— Как, у него и пятидесяти нет? — с удивлением спросил Тотлебен.— Может быть, все его войско состоит только из старика, что сидит на башне, и этого красивого поэта?..

Сообщение Моуравова о том, что у Ираклия едва пять тысяч воинов, втайне обрадовало Тотлебена. Это обстоятельство благоприятствовало его замыслам. Если войско Ираклия так малочисленно, то Тотлебену достаточно уклониться от боя, и судьба Грузии будет предreshена. Ахалцихский паша истребит войско Ираклия, а Тотлебен, не потеряв ни одного солдата, займет Тбилиси. Ираклий сам окажется виновником своей гибели, и

оставшуюся без хозяина страну примет под свое покровительство генерал Готлиб Курт Генрих граф фон Тотлебен.

Тотлебен неожиданно расхохотался. Он был в восторге от своего плана.

Штабной офицер Цорнау робко спросил: изволят ли его превосходительство продолжать игру в карты?

— Нет,— отрезал генерал.

Он хотел хорошенько обдумать план будущих действий. Приказав офицеру занять гостей карточной игрой, он в сопровождении адъютанта вошел в башню и осмотрел помещение.

— А куда делся гарнизон крепости, этот забавный старик? — спросил Тотлебен.

— Он поднялся на крышу башни, ваше превосходительство,— ответил адъютант.

— А-а, очень хорошо. Достаньте топографические карты.

Сев на тахту, генерал разложил карты и сделал вид, что занялся решением какой-то тактической задачи. В действительности же думал, как использовать так удачно сложившиеся обстоятельства. Беда была только в том, что он не имел под рукой надежного человека, которому можно было бы довериться. В эту тайну нельзя было посвящать даже кого-нибудь из офицеров — немецких выходцев. Вдруг он вспомнил о Рейнегсе, владевшем, кроме немецкого языка, русским, грузинским и турецким. Секретарь императрицы, молодой граф Безбородко, сообщил по секрету Тотлебену, что Екатерина послала Рейнегса следить за Ираклием. «Рейнегс за деньги готов продать родного сына», — тут же добавил он. Но Рейнегса Тотлебен не мог послать в Ахалцихе, а он хотел теперь же связаться с ахалцхским пашой.

Генерал так волновался, что ему стало душно. Расстегнув воротник мундира, глубоко вздохнул...

Вдруг он вскочил и крикнул адъютанту:

— Доставить ко мне Рейнегса! Говорят, он смыслит по-турецки... Привести сюда задержанного турка. Сейчас же снять с него кандалы и хорошенько накормить. Стать у двери и никого ко мне не пускать. Вокруг крепости расставить часовых на двадцать шагов друг от друга.

Адъютант побежал исполнять приказание. Тотлебен от удовольствия потер руки, потом достал табакерку, взял большую понюшку табаку и раз пять крепко чихнул: лежавший на крыше Беруча только теперь узнал, что в башню кто-то вошел.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Беруча, тихо спустился по ступеням и заглянул через щель потолка в комнату.

Увидя генерала, он невольно стал следить за ним.

Тотлебен еще раз понюхал табак и чихнул прямо в лицо вошедшему Рейнегсу.

— Простите, ради бога, — извинился побагровевший генерал, — прошу садиться. Не угодно ли? — И он протянул Рейнегсу табакерку.

— Табак — приятное зелье, ваше превосходительство, но так как медицина нам указывает, что он вреден, то я воздерживаюсь от его употребления.

Тотлебен сложил топографические карты и пригласил гостя сесть на тахту.

— Я очень обрадовался, когда узнал, что в Тифлисе находится мой соотечественник. Удивляюсь, как вы можете жить в этой пустынной и дикой стране? — сказал Тотлебен.

— Я здесь временно и только затем, чтобы хорошо заработать. Если бы мне было суждено остаться тут навсегда, я бы застрелился.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Тотлебен. — Вы правы, мой дорогой, тысячу раз правы, — и Тотлебен потрепал Рейнегса по плечу: — Но скажите мне, что вам дала служба при дворе этого восточного царька?

— Весьма мало, ваше превосходительство. Я думал, что за год или два сколочу тысяч десять, но вот скоро уже семь лет, как я здесь, а мне удалось скопить едва две тысячи рублей. Деньги есть только у здешних купцов, но они предпочитают лечиться у знахарей, а князья платят за услуги натурой — то вином, то пшеницей. Жалованье же, получаемое от царя, не покрывает и половины моих расходов.

— Значит, вы ждали счастливого случая: приедет генерал Тотлебен и сразу даст вам возможность получить десять тысяч?

— То есть как это, ваше превосходительство, я не понимаю?

— А-а, это большая тайна,— смеясь и грозя пальцем, отозвался Тотлебен. Потом встал и выглянул во двор, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто.

Часовые стояли на местах, все было в порядке...

— Объясните, ваше превосходительство, я не понимаю...

— Знаете, мой дорогой,— сказал Тотлебен, положив свою руку на руку Рейнегса,— это такое дело, что о нем только мы вдвоем должны знать. Не думайте, что я собираюсь предложить вам совершить проступок, который мог бы принести вред вам или Российской империи. Наоборот, как для меня и для вас, так и для российской императрицы это весьма полезное дело. Вместе с тем, не забывайте, что мы сумеем извлечь из всего этого и личную выгоду.

— Все же объясните мне суть дела.

— Вообразите на минуту, что вся Кавказская кампания прошла следующим образом: генерал Тотлебен, ваш покорный слуга, привел в Грузию войско из трех тысяч семисот человек на помощь царю Ираклию, воюющему с турками.

— Зачем же воображать, когда это на самом деле так,— заметил Рейнегс.

— Подождите, не перебивайте. Тотлебен ожидал, что в Грузии он встретит примерно пятидесятитысячную армию Ираклия. Но оказалось, что у Ираклия всего пять тысяч воинов, и вот он потребовал от Тотлебена, чтобы с этими силами пойти против стотысячной или, скажем, тридцатитысячной армии турок. Тотлебен считал лучшим уклониться от сражения. Ираклий же, обладая упрямым характером, к тому же увлекаемый честолюбием, решил сразиться с турками. И хотя он дрался геройски, все-таки пал на поле брани вместе со своим войском. Что оставалось тогда делать генералу Тотлебену? Расставить в крепостях свои гарнизоны и присоединить Грузию к России. Что вы на это скажете, уважаемый доктор?

— Извините, ваше превосходительство,— перебил генерала Рейнегс,— предположим, вы уклонились от боя, но ведь может оказаться, что Ираклий тоже договорится с ахалцихским пашой. Тогда все сорвется.

— Вот тут-то и нужна ваша помощь, чтобы заблаговременно договориться с ахалцихским пашой...

— Нет ли все же на таком пути какой-либо опасности, ваше превосходительство?

— Опасности? Об этом вы не беспокойтесь,— успокоил генерал Рейнегса: — генерал Тотлебен знает, как действовать.

— Я думал, что генералы только воюют. Не знал, что они умеют прибегать к таким ухищрениям.

— А это разве не война? Разве воюют только оружием?

— Признаться, до сегодняшнего дня я был такого мнения.

Тотлебен засмеялся.

— Если вы приехали в Грузию для того, чтобы сколотить себе состояние, то неужели граф Тотлебен должен ехать сюда лишь для того, чтобы в награду получить в лоб турецкую пулю? Когда вы делаете чужое дело, мой дорогой, первым долгом старайтесь обернуть его в свою пользу. А если при этом выиграет и козыин,— тем лучше. Только помните: все, что здесь говорится, строжайше секретно даже для отца родного.

— О, об этом не беспокойтесь, ваше превосходительство,— сдавленным голосом промолвил Рейнегс.— Вы только скажите, чем я могу служить.

— Вы знаете по-турецки?

— Пишу и читаю.

— В таком случае вы должны написать мне письмо к ахалцихскому паше. Возьмите перо, вот бумага. Я буду диктовать, а вы пишите по-турецки.

Рейнегс открыл карманный пенал, достал из него перо и чернильницу, взял переданную ему генералом бумагу и начал писать. Тотлебен, шагая взад и вперед, диктовал:

«Ваше превосходительство Сафар-паша! По велению судьбы я должен был стать во главе победоносного русского войска и поднять меч для завоевания страны, осененной властью великого султана и которой правите вы. Вы можете не сомневаться в том, что дело, которое поручено мне моей государыней, я выполню с честью, и страна ваша будет завоевана.

Но так как обстоятельства изменились, то можно мой поход направить к общему благу России и Турции по пути справедливости и дать вам возможность мирно

править страной. Предлагаю договориться на следующих условиях:

1. Если вы уплатите Российской империи контрибуцию в двести тысяч рублей, то я сочту поход оконченым и прекращу военные действия.

2. Это повлечет за собой прекращение военной помощи, оказываемой мной царю Ираклию. Надеюсь, ваше превосходительство, что вы должным образом оцените это благоприятное для вас предложение.

Ваш покорный слуга генерал-майор граф Готлиб Курт Генрих фон Тотлебен.

8 апреля 1770 года».

Когда Рейнегс закончил письмо, руки его так задрожали, что он уронил перо.

— Ваше превосходительство, а если этот документ, вместо того, чтобы попасть в руки Сафар-паши, окажется в других руках...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся от души Тотлебен. — Вы так испугались, что даже побледнели. Успокойтесь, мой дорогой. Через семь-восемь дней, как ни будет Сафар-паша стараться, он не прочтет ни одного слова в этом документе. В его руках окажется белая бумага.

— Как так?...

— Разве вы не знаете о существовании такой бумаги? В Штутгарте есть ловкий химик, и я раздобыл у него такую бумагу.

— Да... Это придумано просто замечательно! Но...

— Опять «но»! Чего вы еще трусите?

— Где же найти надежного человека, чтобы с ним отослать письмо?

— Я и об этом подумал, мой дорогой. У меня в руках лазутчик Сафар-паши. Кто может быть надежнее? Его сейчас приведут сюда, и вы объясните ему все, что надо делать.

Рейнегс с облегчением вздохнул.

Офицеры предложили Моуравову и его спутникам принять участие в карточной игре. Играли в «фараона», но гости, утомленные долгим путешествием, отказались. Они разостлали под деревьями плащи и улеглись, чтобы немного вздремнуть. Еще несколько часов нужно было ждать, пока переправят артиллерию и обоз. Моуравов не захотел отдыхать. Он и Бесики присоединились к

оживленно беседующей группе офицеров. Они говорили о царе Ираклии, рассказывали друг другу слышанное ими об этом удивительном полководце.

— Ваше превосходительство, неужели правда, что грузинский царь не испытал ни одного поражения? — обратился к Моуравову офицер Ременников. — Вот Платов утверждает, что Ираклий не проиграл еще ни одной битвы.

— Он сказал почти правду, — улыбаясь, ответил Моуравов.

— А верно ли, что в бою царь сражается как простой воин? Насколько мне известно, цари руководят сражениями или наблюдают издали.

— Обычно это так. Но Ираклий придерживается другого взгляда. Он в бою служит воинам личным примером. Много раз Ираклий наносил поражения в десять раз сильнейшему врагу. Русские войска отличаются от грузинских способом ведения войн. Они опираются на боевую подготовку и дисциплину. Во время боя войсковые колонны ведут младшие офицеры. А высшие начальники находятся в некотором отдалении, на возвышенности, откуда удобно следить за полем боя и движением войск. Грузинское войско не обучено и не дисциплинировано, как русское. Поэтому судьбу боя у грузин во многом решает личная отвага полководца. Каждый воин идет в бой, атакует противника или отступает, следуя примеру полководца.

— Выходит, что Ираклию всегда покровительствует фортуна? — заметил Бибииков.

— И не удивительно! — горячо воскликнул Платов. — Герою всегда сопутствует счастье!

— Конечно, известную роль может сыграть и случай, — продолжал Моуравов, — но очень многое зависит от опытности и находчивости полководца. Царь Ираклий внес ряд изменений в способ ведения боя и к каждому военачальнику назначил отряд телохранителей из двадцати отборных воинов. Они обязаны защищать его в бою, и если он погибнет, ни одному из них не будет пощады от своих же. Царя Ираклия всегда сопровождают десять телохранителей, семь из них — хевсуры.

— Да-а, это тоже неплохой метод воспитания воинской дисциплины, — заключил Штейн.

— Вы не слышали, как царь Ираклий разгромил Азат-хана? — спросил офицеров Моуравов.

— Нет, не приходилось слышать. Расскажите, князь, расскажите! — и молодежь окружила Моуравова.

— Я думаю, что этот подвиг — один из самых блестящих в боевой жизни царя, — начал Моуравов. — Лет двадцать тому назад в Персии выдвинулся правитель Азербайджана Азат-хан. Этот Азат-хан послал своего полководца Муса-хана завоевать Эривань. Муса-хан подступил к эриванской крепости и обложил ее. Жители Эривани обратились за помощью к Ираклию. Тот не медля двинулся им на выручку. Муса-хан, узнав о приближении грузинских войск, снял осаду и ушел. Ираклий, снабдив голодавших жителей продуктами, стал лагерем в Карабулахе, близ Эривани.

Муса-хан известил о случившемся Азат-хана, находившегося в Тавризе. Тот собрал пятидесятитысячную армию, усилил ее двенадцатью пушками, двумястами фальконетами и двинулся против Ираклия. На переправе у реки Гарни-чай Азат-хан на некоторое время задержался.

Ираклий созвал военный совет. Почти все его участники высказались за то, что, ввиду огромного численного превосходства персов, надо уклониться от боя, вернуться в Грузию, собрать большое войско и тогда двинуться против Азат-хана. Царь отверг этот план.

«Теперь уже поздно отступать, — сказал Ираклий. — Враг сочтет это за трусость, станет преследовать нас и может нанести нам поражение. Нет, постараемся покрыть навеки себя славой, подобно нашим храбрым предкам, или погибнем на поле сражения. Не стоит позорить себя для того, чтобы прожить несколько лишних лет!»

На другой день произвели подсчет. Выяснилось, что боеспособных воинов всего две тысячи пятьсот. Ираклий оставил больных в крепости, а с остальными двинулся против Азат-хана. Перед битвой он сошел с коня и обратился к войску со следующими словами:

«Сыновья и братья мои! Пусть не пугает вас многочисленность врага. Не для своего возвеличения и не для приобретения богатства мы будем проливать нашу кровь. Мы идем в этот бой для защиты родины. Вспомните славные дела наших предков. Вспомните блиста-

тельную победу царя Георгия при Кандагари, когда он с горстью людей нанес поражение неисчислимому вражью войску. Кизилбаши ведают о славных делах наших предков. Они знают, что вы их потомки. Дети мои, слушайте и запомните мой приказ! Пока я не выстрелю из пистолета, никто из вас не должен стрелять, даже если вражье копье коснется уже чьей-либо груди. Только когда я выстрелю, пускайте в ход оружие. Всем моим распоряжениям подчиняйтесь быстро и точно. Да поможет нам всевышний!»

Воины поклялись выполнить приказ царя.

Ираклий приказал всем всадникам спешиться, и воины, во главе с ним, медленным шагом двинулись в сторону врага.

Поведение грузин удивило Азат-хана и его войско. Они не понимали, что собирается предпринять противник. Большинство думало, что это малочисленное войско решило сдаться в плен. Азат-хан приказал окружить грузин. В этот момент к нему подошел какой-то хан и попросил разрешения лично взять в плен Ираклия и отдать его как подарок Азат-хану. Просьба была уважена. Услужливый хан подскакал к грузинскому войску и закричал зычным голосом: «Где царь Ираклий?» Тогда Ираклий выступил вперед и ответил по-персидски: «Перед тобой стоит царь Ираклий!» Обнаглевший хан попытался коснуться рукой Ираклия, но грянул выстрел из царского пистолета — и бездыханный труп наглеца грохнулся на землю. В ту же секунду раздался залп из двух тысяч пятисот ружей грузинских воинов, и пока персы, к которым грузины приблизились на расстояние двадцати шагов, пришли в себя, грянул второй залп из пистолетов. Сотни вражеских воинов пали на месте. Вскочив на коней, грузины обнажили мечи и с такой стремительностью ринулись на врага, что кизилбаши не сумели даже убежать. Вражеское войско было почти полностью истреблено. Азат-хан и с ним пятнадцать его приближенных едва успели спастись. Победителям достались богатые трофеи: двенадцать пушек, фальконеты, все вражеские знамена, тысяча верблюдов, две тысячи пятьсот палаток, большое количество лошадей и мулов и множество пленных. Вот история этого замечательного боя,— закончил свой рассказ Моуравов.

Рассказ произвел на офицеров большое впечатление.

— М-да-а,— сказал Платов,— не стыдно будет, если я сравню Ираклия с нашим Петром Великим, только царь Ираклий владеет очень маленькой страной.

— Эх, теперь она стала малой и разоренной,— заметил Моуравов,— но когда-то, лет семьсот тому назад, она представляла одно целое и занимала пространство от Черного моря до Каспийского. Взгляните на эти горы. Каждый склон, каждое ущелье здесь орошено кровью грузин. Эти остатки крепостей и разрушенные церкви — безмолвные свидетели славного прошлого Грузии.

— Грузия — это удивительная страна, — сказал Платов: — поразительна та борьба, которую это маленькое христианское государство ведет веками против таких сильных врагов, как Персия и Турция.

Время в беседе промелькнуло незаметно. Войска почти полностью закончили переправу, перевезли и артиллерию.

Тотлебен вышел из башни и приказал штабу переправляться на другой берег.

Собрались офицеры. Моуравов разбудил своих спутников, и все направились к парому.

Так как в первую очередь на пароме поместились Тотлебен, старшие офицеры и Моуравов, Бесики пришлось с остальными ждать второй очереди. Он отошел от берега и стал смотреть на медленно плывущий паром, на котором неподвижно стояли офицеры в треуголках. Среди них выделялась крупная фигура Тотлебена в треугольной шляпе с султаном. Паром вскоре пристал к берегу. Паромщик-солдат, гребя огромным веслом, повернул паром.

Только сейчас, в минуту вынужденного ожидания у переправы, Бесики получил возможность спокойно прочитать письмо Анны. Он развернул его и начал читать... «Ты взошел, как солнце, так поздно предназначенный судьбой для меня, мой Бесики. Ты свет моих очей, и молю бога, чтобы биение твоего сердца было подобно звону колокола, возвещающего мне радость...»

Продолжить чтение письма ему не удалось. Кто-то осторожно коснулся его руки и заставил обернуться.

Это был старик Беруча.

— Вижу, сынок, что ты близкий к царю,— обратился к нему Беруча.

— Да, это верно, а ты кто?

— Я сторож этой башни. Зовут меня Беруча. Ты кто будешь?

— Не знаю, как тебе объяснить, я сын священника Захарии Габашвили.

— Да? — вскричал Беруча, и лицо его просияло.

— Разве ты знаешь моего отца?

— Священника Захарию? Ведь он здесь был, в Цхинвали. Очень хорошо знаю Захарию и его сыновей Иоанна и Осэ. О Бесики я слышал, но не видел его. Мне говорили, что его усыновила царица.

— Вот я этот самый Бесики.

— Ой, сын мой, пусть мне достанутся твои горести! Какой ты красавец!..

Он хотел еще что-то сказать, но в это время паром пристал к берегу и Бесики позвали.

— Прости, Беруча, я должен идти, меня ждут на пароме.

— Подожди, сын мой, мне надо сказать тебе что-то важное. Я все искал человека, близкого к царю, и вот наконец нашел.

Беруча взял его за руку и отвел в сторону.

Бесики крикнул взошедшему на паром толмачу:

— Отплывайте, я переправлюсь позже.

Они прошли шагов десять, Беруча остановился и с огорчением сказал:

— Что сделали с Захарией, духовником Теймураза и наставником Ираклия!.. Скажи мне, ради бога, эти люди на самом деле приехали помочь царю?

— Конечно. Почему ты меня позвал, что хотел мне сказать? — нетерпеливо спросил Бесики и с некоторым сожалением посмотрел на отплывающий паром.

— Значит, они должны помочь нашему царю? — повторил Беруча.

— Конечно.

Беруча задумался. Большим и указательным пальцами он почесал себе грудь.

Потом опять спросил Бесики:

— А этот кто такой? Царевич?

-- Который?

-- Вот этот — начальник русский.

— Не царевич, а граф.

— Граф! Большой человек,— сказал Беруча, хотя и не знал, что такое граф.— Равен царю?

— Нет, даже меньше князя.

— Значит, он должен во всем подчиняться нашему царю?

— Ну да, без разрешения царя он и шагу не ступит.

Бесики охватило нетерпение, он не мог понять, почему позвал его этот старик и что, собственно, ему нужно.

Беруча опять задумался:

— Если все это так, тогда я ничего не понимаю.

— И я тебя не понимаю.

— Не понимаю потому, что он, вот этот граф-генерал, послал человека с письмом к ахалцихскому паше. А разве без ведома царя можно врагу посылать письмо? Наш царь идет всевать с пашой, а этот генерал посылает ему письмо.

— Письмо к ахалцихскому паше? Я тебя и вправду не понимаю.

— А вот так... Я случайно подслушал разговор. Генерал сперва беседовал с каким-то своим человеком, тут я ничего не понял, так как не знаю их языка. Но потом этот человек привел какого-то турка, дал ему письмо и сказал по-турецки: «Это вручи Сафар-паше» и подарил ему кошелек с золотом. «Если принесешь ответ от Сафар-паши,— прибавил он,— получишь еще столько же золота».

— О чем они еще говорили?

— Ведь я же тебе сказал, что они говорили по-ихнему, я ничего не понял, а турку сказали, чтобы он был осторожен и чтобы письмо не попало в чужие руки. Турок им ответил: «Не беспокойтесь, я перейду в Джавахетию, там у меня много приятелей и оттуда дорога безопасна».

Бесики задумался. Сперва он решил, что Тотлебен предлагает ахалцихскому паше сдать без боя, но тогда зачем предостерегал гонца не попасться в чьи-либо руки? И зачем дали ему столько золота и обещали еще одарить? Что за услуга, если она так вознаграждается? Что мог написать Тотлебен Сафар-паше? Спросить у Рейнегса? От Бесики не ускользнуло, что Тотлебен по-

звал немца и вместе с ним долго находился в башне. Но ведь Рейнегс не скажет Бесики правды.

Погнаться за турком? Но как узнать, по какой дороге он поехал? Быть может, Тотлебен и в самом деле предлагает Сафар-паше сложить оружие, в таком случае Бесики не имеет никакого права вмешиваться в это дело. Но, конечно, надо обо всем уведомить Левана.

Бесики все еще колебался, как ему поступить, когда паром вновь причалил.

— Спасибо тебе, Беруча, за честную службу,—сказал Бесики старику.

Он попрощался с ним и направился к парому, решив, что непременно повидается с Рейнегсом. Бесики хотел спросить его относительно письма.

Переправившись на другой берег, Бесики тотчас же отправился искать Рейнегса, но вскоре переменял свое решение. В дороге он узнал из разговоров с офицерами, что Тотлебен послал письмо ахалцихскому паше с требованием сдать. Бесики сразу успокоился и, когда встретил Рейнегса, уже ни о чем его не расспрашивал.

После ухода войск жизнь в Тбилиси затихла. Город словно опустел. На улицах показывались лишь редкие прохожие. Даже из кузниц почти не было слышно веселого перезвона молотков. Мастера собирались либо в духанах, либо на рыночной площади и целыми днями беседовали о русско-турецкой войне, о походе Ираклия. Некоторые утверждали, что турецкий султан предложил русской императрице выйти за него замуж, грозя в случае отказа войной.

И во дворце все притихло. Царица Дареджан переселилась в Сачино и целые дни проводила за молитвами в дворцовой церкви. Каждый день приезжал гонец от Ираклия и привозил письма. Дареджан их читала, а затем передавала содержание придворным дамам и царедворцам.

В гостиной Дареджан ежедневно собирались все, кто имел право являться во дворец. Разряженные дамы и вельможи спешили в Сачино, чтобы узнать новости. А, успокоив свою невольную тревогу, убедившись, что дела Ираклия идут хорошо, начинали потихоньку сплетничать и наговаривать друг на друга.

Развлекались игрой в нарды, шахматы, чтением

стихов и сочинением экспромтов. Находчивее всех была острая на язычок Анастасия, сестра царицы. Своими насмешливыми шутками она изводила Чабуа Орбелиани.

Иногда на эти вечера приходил и католикос Антоний. Но при нем дамы не решались ни смеяться, ни громко разговаривать, ни читать мирские книги. Томясь скукой, слушали сурового Антония, который затевал беседу о боголюбии, о добродетели и христианском долге. Особенно он осуждал кокетливых и нарумяненных женщин, бранил светские греховные книги, писателей и поэтов. Спорить с главой церкви никто не решался, за исключением царицы.

Дареджан почтительно возражала католикосу. Она говорила, что в каждом государстве есть знаменитые поэты, книги которых многие читают, ибо в этих книгах заключена мудрость. И если мудрое произведение Руставели у некоторых вызывает греховные мысли, то в этом не вина поэта. И долг церкви — воздействовать на заблуждающихся, чтобы они не забывали о любви к богу.

Католикос был недоволен ее рассуждениями, так как из слов Дареджан можно было сделать вывод, что если в народе убывает страх перед богом, то в этом виновен католикос, недостаточно опекающий верующих. Антоний в таких случаях незаметно менял тему беседы и начинал говорить о своих разногласиях с Захарией Габашвили. Он жаловался царице, что его враг хотя и переселился в Россию, но и оттуда не дает ему покоя.

Антоний слышал о письме Захарии к царю, но так как Ираклий, уйдя в поход, ни слова не сказал ему об этом письме, католикос был обижен. Антоний несколько раз спрашивал о нем царицу. Ему очень хотелось узнать, о чем писал Захария, но Дареджан тоже не читала этого послания и ничего не могла сообщить католикосу. Ничего нельзя было узнать и у мдиванбегов: без разрешения царя они не смели никому сообщить о том, что происходило или обсуждалось на заседаниях совета. И католикос уходил из Сачино со скрытым недовольством. Едва за ним закрывалась дверь, все с облегчением вздыхали, вновь слышался беззаботный смех женщин и сыпались остроты.

Даже придворный священник Лука, проводив като-

ликоса, возвращался в гостиную веселым и принимал участие во всех развлечениях. Дамы подшучивали над ним, а одна из них задала как-то лукавый вопрос:

— Отец Лука, вас, кроме креста, ничто не украшает?

Лука, прищутив хитро глаза, ответил:

— То, что у меня на груди, вы сами видите, а что касается остального, я украшен так, как подобает всем потомкам Адама.

Это вызвало взрыв хохота.

Анна не посещала этих вечеров и оставалась дома. Димитрий поправлялся и мог уже сидеть в постели. Приближалась последняя неделя великого поста, все говели, готовясь к исповеди и святому причастию.

После вечерни Анна и Майя часто запирались в какой-нибудь отдаленной комнате и целыми часами о чем-то шептались. Одинокая маленькая Анико или грустно глядела с веранды в парк, или сидела в комнате за книгой. Последнее время ею овладела странная грусть. Ей исполнилось четырнадцать лет, она стала взрослой, и, по уверениям ее сверстниц, в Анико должен был влюбиться какой-нибудь юноша. Гораздо менее красивые девушки уже имели обожателей, посылали им любовные письма, назначали свидания, давали, подобно Тинатин и Нестан, рыцарские поручения. Анико же не имела поклонника. Ей нравился только Бесики, и она с трепещущим сердцем ждала от него любовного послания. Девушка не раз пыталась как бы невзначай с ним встретиться или остаться наедине в надежде, что он, подобно Тариэлу, воспылет к ней любовью. Но поэт не замечал ее: при встречах или улыбался, или бросал равнодушно несколько незначительных слов и вообще обращался с ней, как с маленькой девочкой. Анико пыталась изгнать образ юноши из сердца, рассердиться на него, представляла себе его то уродом, то трусом, ставила ему в вину незнатное происхождение, но, как ни старалась забыть Бесики, ей это не удавалось. Узнав, что он уходит на войну, Анико заперлась в своей комнате и вышла на зеленом шелковом платке двустийше: «Ах, поцелуют небеса Рион, когда вернется к нам Бесарион». Платок предназначался поэту, отправлявшемуся в поход. Она заранее представляла себе его удивление, когда он где-то далеко, очень далеко, случайно прочтет этот вышитый

на платке стих. Тогда, наверное, Бесики догадается о ее любви и будет вспоминать Анико с нежным чувством.

Целый день Анико носила при себе платок, но ей никак не удавалось вручить его Бесики. Ночью она прижимала к груди парчовую подушку, пытаясь думать о чем-нибудь другом. То она повторяла стихи, то читала молитвы, представляя себе грозного Иисуса-спасителя, образ которого видела в Сионском соборе и который должен был взыскать с того, кто причинил боль маленькому сердцу Анико. Но воображение снова рисовало ей Бесики, который гордо сидит на коне, едет сражаться с неверными и вовсе не думает о ней.

Рассерженная Анико раскладывала подушечки и шепотом говорила:

— Вот возьму и выйду замуж, пусть тогда бьется головой о камень. Может быть, будет горевать, безумствовать и даже скроется в пустыне, но это будет ему поделом. Так ему и надо! Так и надо!..

Анико в темноте показала язык Бесики, потом уткнулась головой в подушку и, успокоенная тем, что так легко нашла способ отплатить своему возлюбленному, тотчас же уснула.

Быть может, все это горе она перенесла бы легче, будь у нее возможность открыть свою тайну подруге или старушке няне. Но после того как ее перевели во дворец к бабушке, она оказалась и без подруг и без няни. Обедни и молебны извели ее. Часами простаивала она с бабушкой, держа свечку в руке и слушая протяжно читаемые псалтырь и евангелие.

Вечером из Сачино прибыл дворецкий царицы и доложил Анне, что царица Дареджан просит ее пожаловать к ней вместе с внучкой.

— Я давно должна была навестить ее, но не могла оставить больного Димитрия. Теперь, хотя ему и стало лучше, он все же не отпускает меня ни на минуту,— сказала Анна дворецкому. — Доложите, что я прошу у царицы прощенья, но до тех пор не могу быть у нее, пока не приму святого причастия.

— Царица приказала передать вам, что у нее очень важное дело. Она также сказала,— добавил дворецкий,— что если вы не можете пожаловать, то они сами пожалуют к вам.

— Нет, как я осмелюсь так беспокоить царицу! До-
ложи, что приду сама.

Она велела Анико надеть парчовое платье. Наряди-
лась и сама.

Поручив прислуге уход за Дмитрием, Анна в со-
провождении Анико и Майи отправилась в Сачино.

Дареджан получила под вечер два письма. Одно от
Ираклия, довольно пространное, в котором описывалась
его встреча с Тотлебенем, другое прислал дядя имере-
тинского царя Соломона, Георгий, изгнанный из Имере-
ти и нашедший убежище в Зугдиди, у дяди Дареджан,
Кацья Даднани.

Пожилой и больной Георгий окончательно потерял
надежду вернуть себе имеретинский престол. Он заботил-
ся теперь о будущем своего сына, хотя сын его Давид
был припадочным. Какие только врачи не лечили юно-
шу, но ничего не помогало. Наконец по совету француз-
ского капуцина Георгий послал письмо римскому папе
с просьбой прислать какого-нибудь знаменитого врача.
Капуцин уверял Георгия, что врач, направленный свя-
тым отцом, обязательно вылечит его сына. Обнадежен-
ный этим, Георгий вознамерился найти невесту для Да-
вида. И, зная, что без согласия Ираклия никто не по-
смеет после Соломона взойти на имеретинский престол,
он написал письмо Дареджан, прося устроить женитьбу
его сына на внучке Дмитрия Орбелиани.

Дареджан смутила эта затея, так как она знала,
что сын Георгия неизлечимо болен и Ираклий не даст
согласия на этот брак. Но одно обстоятельство подава-
ло надежду, что это дело могло разрешиться в пользу
Георгия. Соломон всегда враждовал с Ираклием. Кто
знает, ведь с Соломоном может случиться несчастье, и
тогда Ираклий легко подчинил бы себе не только пород-
нившегося с ним Давида, но и Имерети... Она слышала
о том, что из Рима приглашен папский врач, который
обещал вылечить Давида. Таким образом, удастся уст-
ранить самое серьезное препятствие к браку. Взвесив
все это, царица пригласила Анну с внучкой.

Когда все трое — Анна, Майя и Анико — вошли в
большой дворцовый зал, он уже был полон придворными
дамами и вельможами. Слышались говор и смех.

Дареджан встала и приветствовала Анну.

— Милости просим, дорогая золовка. В последнее время вы совершенно забыли меня, и я лишилась возможности видеть среди своих гостей самую желанную гостью.

— Что вы, царица! — ответила Анна и быстрым взглядом окинула зал. — Если бы не болезнь Димитрия, я все время проводила бы с вами.

Дареджан в душе рассмеялась, хотя ни один мускул ее лица не дрогнул. Она вспомнила все, что ей передала Майя относительно Анны и Бесики.

— А как здоровье Димитрия? — спросила Дареджан и, не дожидаясь ответа, обняла Анико, поцеловала в лоб и оглядела: — Какая красавица, пожалуй, при нашем дворе другой такой не найдется! Почему не посылаешь ее ко мне? Она уже взрослая девушка, пусть приучается к обществу. Погоди, милая, дай еще раз взглянуть на тебя. Ты рождена для царской короны, и, думаю, что тебе скоро выпадет это счастье.

Дареджан засыпала смутившуюся Анико похвалами, затем, оставив ее и Майю в зале, прошла вместе с Анной в спальню. Там они сели на тахту, и Дареджан сообщила Анне о сватовстве Давида.

— Всевышний не простит Соломону грехов, которые он совершает, — сказала Дареджан. — Только из-за его прошлогоднего злодеяния не даст ему бог долгого царствования. Знаешь, говорят: «Осторожно идущий не спотыкается». А он, чтобы расширить свои владения и обогатиться, никого не щадит. Соломон изменил своему обещанию и ослепил Ростома, рачинского эристава. Если он и дальше так будет поступать, то скоро свернет себе шею. И сын его не попадет на имеретинский престол. Имеретинский трон принадлежит Георгию и его наследнику. Если будет на то согласие Ираклия и мое, это дело совершится. Что ты скажешь на это, Анна?

Анне было вовсе не по душе предложение Дареджан, и она нахмурилась.

— Говорят, что сын у Георгия больной, — тихо ответила Анна.

— Нет, моя дорогая, у него была детская болезнь, припадки от испуга. Об этом не стоит и говорить. Он очень красивый мужчина и такого высокого роста, что едва пройдет в эти двери. Он не очень учен, но умеет читать и писать. Вот персидский царь неграмотен, одна-

ко отлично правит своей страной. А Имерети не такое уж большое царство. Да и покровительство твоего брата выручит Давида из всякой беды.

— Но ведь возможно, что он всю жизнь так и останется без престола. Соломон может прожить сто лет, а Георгий и его сын по воле судьбы так и умрут бесприютными.

— Вот тоже сказала,— улыбнулась Дареджан.— Соломон, может быть, и проживет сто лет, но на троне может не просидеть и ста дней. Притом разве твой отец Теймураз или брат Ираклий взошли на престол легко?.. Известно, что Соломон болен падучей, а при этой болезни человек всегда находится под угрозой смерти.

— В этом вы правы, царица, но зачем вы принуждаете меня погубить Анико?

— Как это погубить? — спросила, нахмурившись, Дареджан.

— Я не в укор вам это сказала,— извинилась Анна,— разве я не понимаю, что вы для моей внучки желаете счастья, но не упрекайте и меня в том, что это дело я не могу решить так просто. Анико я люблю, как родную дочь, и совсем не расставалась бы с нею, будь на то моя воля.

— Что же мне написать Георгию?

— Подождем Ираклия, как он решит, так и будет,— ответила Анна.

Дареджан вздохнула свободнее. Она была уверена, что сумеет склонить Ираклия на свою сторону, и Анико станет женой Давида.

— Пусть будет по-твоему,— согласилась царица,— без царя, конечно, мы не можем ничего решить. Георгию я напишу о нашем решении и с твоего согласия обещаю.

Побеседовав еще некоторое время, они вернулись в зал. Анна присоединилась к гостям, а Дареджан, подзвав Анико, усадила ее рядом с собой.

— Дочь моя, ты и красивая и хорошая,— сказала ей Дареджан.— Ты уже взрослая и должна держать себя, как подобает.

— Постараюсь, ваше величество,— с дрожью в голосе ответила Анико.

— За тебя сватается один царевич. Потому я и го-

ворю, что тебе надо быть серьезнее. Ты хочешь стать царицей?

— Как прикажете, ваше величество! — ответила обрадованная Анико. В эту минуту она вспомнила Бесики и подумала: «Вот, отплатила тебе!» Она показала бы ему язык, если бы была одна.

Дареджан понравилась покорность Анико.

— Так вот, моя дочурка, — продолжала царица, — ты умная, царского происхождения, и ты станешь царицей. Не отдам же я тебя чужестранцу или магометанину! Ты будешь возле меня. Твой жених такой великан, что едва пройдет в эти двери. И я о тебе забочусь, потому что ты умница и послушная.

Анико слушала с поникшей головой, теребя конец косы. Она даже не расслышала последних слов Дареджан. Ей представилось, что она бежит по парку с Бесики, тщетно пытающимся поймать ее, и кричит ему: «А ну, если ты не трус, попробуй сразиться с моим женихом!..»

Дареджан хотела еще что-то сказать Анико, но в это время к ней подошел дворецкий и доложил о приходе мдиванбегов.

Дареджан встала и встретила пришедших у дверей.

В зал вошли Чабуа Орбелиани, Иасэ Амилахвари, Иоанн Орбелиани и Теймураз Цицишвили. Чабуа шел впереди, левое плечо было у него поднято, а голова склонена набок.

Сановники, скрестив, по обычаю, ноги, поклонились царице, а затем подошли к ее руке.

— Мы слышали, что вы, ваше величество, получили письмо от государя, — почтительно обратился Чабуа к царице, — простите за смелость, но мы, не вытерпев, поспешили к вам, чтобы узнать, о чем гласит послание.

— Хорошие вести сообщает наш царственный супруг, — ответила Дареджан. — Он приехал в Сурами, встретился с генералом Тотлебенем. Садитесь, господа, я прочту все по порядку.

Дареджан села на трон и развернула письмо. В зале вмиг воцарилась тишина, порой лишь слышалось легкое шуршание парчовых платьев.

Дареджан надела очки, пробежала начало письма, где царь писал о личных делах, потом, чуть кашлянув, стала громко читать:

— «...Я уже писал, что с царевичем Георгием я встретился в Уджарме. Войско привел он превосходное, отборных воинов. На рассвете, когда мы были в Цилкани, к нам присоединился Мухран-Батони с двумя тысячами человек, и мое войско увеличилось до семи тысяч. Да пошлет нам бог удачу. В Горы догнали мы царевича Левана, там на некоторое время остановились. Армяне просили разрешения на постройку церкви. Мы дали согласие и уделили им в дар триста миналтуни. Оттуда мы тронулись дальше и в сумерки благополучно прибыли к Сурамской крепости. По дороге застиг нас дождь, укрыться было негде, и мы промокли. Переночевали у коменданта крепости, который принял нас с большим почетом. Утром прискакал гонец с известием, что идет русское войско. Мы выстроили наше войско. Я в сопровождении Левана и Георгия встретил русских. Это было великолепное зрелище. Впереди шли музыканты. Выслушали рапорт графа и произвели смотр русскому войску. Встреча была очень горячей и несказанно всех обрадовала. Русские приветствовали нас громовым «ура». Это был незабываемый день. Впервые за все время наша дружба с единой Россией проявила себя так крепко. В жизни Грузии началась новая эпоха. Наш союз будет могучим и нерушимым на страх всем врагам.

После парада начался пир. Русские офицеры очень хвалили нас, мы, в свою очередь, воздали достойные похвалы России и русским. Потом пели и плясали. Бесики...»

Дареджан, не прерывая чтения, украдкой бросила взгляд на золовку. Анна вздрогнула...

Встреонулась и Анико. Но только одна Майя заметила, как она мгновенно подалась вперед, как лихорадочно заблестели ее глаза. Наперсница царицы сжала губы и наклонила голову. «Неужели и эта тоже влюбилась в Бесики?» — мелькнула у нее злобная мысль.

— «...Бесики всех поразил своим несравненным пением и прекрасными стихами,— продолжала читать Дареджан.— Он прочел множество стихов, а голос его, как вам известно, удивительный. Мы дали ему теперь полный чин мдивани и подтвердили звание жалованной грамотой. Пусть бог пошлет ему счастье.

Вечером устроили джигитовку. Донские казаки удивили нас своим искусством. На полном скаку они руби-

ли саблями воткнутые в землю толстые прутья, а один из казаков повесил на верхушку прута шапку. При каждом круге, на всем скаку, он так ловко срубал конец прута, что отрубленная часть падала на землю, а шапка продолжала висеть на пруте.

Затем пожелал принять участие в этом состязании и царевич Леван. Он велел поставить два прута: один с правой, другой, немного подальше, с левой стороны дороги и повесить на прутья шапки. Он с такой ловкостью срубил сперва верхушки левого, а потом правого прута, что ни на одном из них шапка и не пошевелинулась после взмаха сабли. Это было изумительное зрелище, и я благодарен всемогущему богу, что он дал мне такого сына. Русские приветствовали царевича громким «ура». Офицеры целовали его в плечо.

Потом настала очередь наших воинов. К концу шеста прикрепили серебряную чашу и начали состязаться в меткости стрельбы.

Но граф Тотлебен вскоре отдал распоряжение увести русские войска. Мы были сбескуражены. Я велел узнать, что случилось. Оказалось, Тотлебен приказал перенести свой лагерь подальше от нашего лагеря и запретил русским солдатам общаться с нашими воинами. Нас это крайне поразило, мы терялись в догадках: что сие могло бы означать? Потом выяснилось, что мои воины начали брататься с русскими солдатами, обмениваться пулями и, делая надрезы на руках, смешивали свою кровь с кровью своих единоверцев, русских. У нас, как известно, этот обычай считается священным: такой побратим называется родным братом. Русским солдатам это объяснили, и когда несколько наших воинов предложили им побрататься, они охотно согласились. После этого все наши воины пожелали иметь побратимов и началось повальное братание. Это событие нас так обрадовало, что я уже готов был отпраздновать его пиршеством, отпустив для этого две тысячи ведер вина. Но вышло совсем иное: Тотлебен увидел случайно обряд побратимства и спросил, что это такое. Когда ему объяснили, он рассвирепел, велел перенести свой лагерь и окружить его часовыми.

Что это может означать? Ведь он прибыл сюда, как друг наш, и братание наших воинов с русскими его должно было бы только радовать.

Не знаю, обидело ли его что-нибудь или по другой причине, но он был очень раздражен. Многим из своих командиров генерал совершенно беспричинно объявил выговор, да и с нами вел себя достаточно высокомерно. Очень трудно вести с ним беседу через двух переводчиков. Рейнегс заболел брюшным тифом и поэтому не может служить нам. На совете решили завтра утром двинуться через Ташикари и Ацкури.

Вечером тайно ко мне пришел один из русских офицеров, майор Ременников, и сказал, что русские офицеры недовольны поведением графа. Он ведет себя с ними недостойно и не намерен, видно, изменить свое грубое обхождение. Майор рассказал мне много нелестного о Тотлебене...»

Тут Дареджан прекратила чтение, так как оставшая часть письма касалась ее домашних дел и других мелких распоряжений.

В зале вдруг заговорили все вместе. Каждый желал высказаться по поводу услышанного.

Дамы встали со своих мест. Одни беседовали группами, другие подходили к царице, поздравляли ее с благополучным походом царя, хвалили воинское искусство царевича Левана. Их лица сияли радостью, парчовые платья отливали блеском. Особенно радовалась Анна. Когда было произнесено имя Бесики, на ее щеках выступил густой румянец. Чтобы скрыть волнение, она стала нюхать надушенный платок, но, оглядевшись кругом и уверившись, что все внимание окружающих обращено к царице, успокоилась.

Все выражали уверенность, что царь и в этой войне одержит победу. Все победу считали несомненной, если даже у Сафар-паши будет численное превосходство, радовались, что Ахалцихе, Месхети, этот прекрасный край, захваченный неверными, вернется в лоно родной Грузии.

Иасэ Амилахвари в восторге хлопал себя по колену.

— Вот так и должно быть! В добрый час!

— Это так, но... — Чабуа не разделял восторга Иасэ и в раздумье тер лоб.

— Неужели ты сомневаешься в победе царя? — запальчиво воскликнул Иасэ и обратился к Иоанну Орбелиани: — А ты что скажешь, Иоанн?

— Клянусь Ираклием, что я не вижу повода для сомнений, — ответил Иоанн и провел рукой по усам.

— Не знаю, почему Чабуа хмурится? Словно он из письма царя узнал нечто такое, чего мы не уразумели. Если тебя возмущает наглость графа, то будь покоен: Ираклий объезжал и более норовистых скакунов, чем этот Тотлебен.

— Маленькая туча часто несет сильный град,— ответил Чабуа.— По тону царя заметно, что он недоволен. Если письмо написано сдержанно, это не значит, что там не было сильной грозы.

— Эх, уважаемый, бывает, что гром гремит, а дождя нет. Быки могут драться между собой, но если покажется волк, они вместе бросаются на него. В лечебнике Ходжа написано: если у человека от солнечного удара заболит голова, у него начинает учащенно биться сердце, он способен наговорить много злого, но немного погодя, после того как смочит голову холодной водой и боль пройдет, у него меняется настроение. Может быть, и этому человеку, приехавшему из чужих краев, ударило в голову весеннее солнце: если у него сегодня плохое настроение, то завтра оно может измениться.

— Правду говоришь ты, мой Иасэ,— сказал с улыбкой Теймураз Цицивили, затем обратился к Чабуа:— Почему ты омрачаешь нам радость, не лучше ли предаться веселью, когда царь так удачно ведет это большое дело?

— «Радость чувствовать приятней, испытав сперва беду»,— ответил Чабуа словами Руставели, встал и направился к Анне.

Анна в группе женщин была увлечена веселой беседой и чему-то от души смеялась. При приближении Чабуа дамы смолкли.

— Анна, если вы собираетесь вернуться домой, я вас провожу, пойдемте вместе,— сказал Чабуа Анне и нахмурился: он злился на дам, потому что они избегали его общества. В каком бы веселом настроении ни были придворные дамы, достаточно было появиться Чабуа, как веселье прекращалось.

Анна переглянулась с собеседницами и нехотя встала. Ей хотелось побыть еще во дворце, но она не решалась отказать Чабуа.

— Конечно, иду,— ответила Анна.— Хорошо, что вы напомнили мне, а то гости царицы заставили меня забыть о Димитрии.

Она попросилась со всеми и поспешила к дверям, у которых ее ждали Чабуа и Майя.

Все трое покинули дворец и через западные ворота вышли на Авлабарскую площадь.

Солнце уже садилось и мечами лучей пронзало разорванные облака. По пыльной дороге со скрипом тащились арбы, нагруженные пшеницей...

Они пошли по улице, тянувшейся вдоль садов, и направлялась к Метехскому мосту. Анна и Майя перешептывались. Приподняв по обыкновению плечо, Чабуа медленно шагал рядом и в узких проходах предупредительно пропускал их вперед. Он остановился только у Метехского моста и вдруг, словно отвечая самому себе, громко сказал:

— С царем обязательно что-то случится!

Удивленная Анна взглянула на него и спросила:

— Что вы хотите этим сказать, Чабуа?

— Чувствую, что с царем что-то случится. Всемогущий бог, избавь нас от беды!

Чабуа снял шапку и перекрестился.

Его спутницы невольно сделали то же самое.

От Кизляра до Моздока, по необъятным степным просторам, тянулась однообразная, утомительная дорога.

Полулежа в кибитке, ехавшей в Моздок, подполковник Чоглоков предавался мечтам.

Не напрасно он отправился добровольцем на Кавказ. Здесь ему суждено пробить дорогу к счастью, начать триумфальное шествие от южной окраины империи до севера. Покинув Петербург незаметным подполковником, он должен вернуться прославленным полководцем...

И наиболее подходящим местом для такого предприятия Чоглокову показался Кавказ, где воевал союзник России знаменитый полководец Ираклий. Возле такого человека всегда представится возможность отличиться.

Испросив разрешение поехать добровольцем на Кавказ, Чоглоков взял с собой все свои драгоценности, до десяти тысяч деньгами и с целым штатом слуг отправился в Грузию. Он хотел произвести внушительное впечатление на губернаторов, военных лиц и начальни-

ков станций тех глухих провинций, через которые ему приходилось следовать.

Но путешествие оказалось таким длительным, скучным и утомительным, что у Чоглокова остыл первоначальный пыл.

И когда из Кизляра он направился в Моздок, то стал подумывать уже о том, не вернуться ли обратно. Ему теперь казалось, что было бы благоразумнее находиться в Петербурге при дворе, добиваясь постепенно положения и влияния. Это было бы лучше, чем затеряться в чужой стране и вдобавок рисковать жизнью. Близкая к императрице фрейлина могла дать ему больше, чем выигранное сражение.

Проезжая мимо какого-то постоянного двора, Чоглоков приказал кучеру заехать туда, чтобы накормить лошадей и дать им отдых.

Кучер взмахнул кнутом, кони понеслись, и вскоре экипаж, гроыхая, въехал во двор.

Чоглоков ленивой походкой направился к дому. В дверях с ним столкнулся незнакомый офицер в гусарской форме.

Они отдали друг другу честь.

— Честь имею представиться, подполковник Ратиев,— сказал незнакомец.

— Ах, Ратиев? Неужели? Я многое слышал о вас. И не здесь, в дороге, а в Петербурге,— сказал Чоглоков, бегло оглядев нового знакомого.

Ратиев был среднего роста и крепкого телосложения. Нос с горбинкой выдавал его грузинское происхождение. А смелое выражение лица и острый взгляд подтверждали, что это был человек решительного характера. Выцветший мундир и поношенные сапоги доказывали, что он привык к походной жизни. Всем своим видом Ратиев резко отличался от Чоглокова, щегольство которого свидетельствовало о том, что это был завсегдашай салянов.

— Много похвального о вас мне рассказывал генерал Медем,— продолжал, улыбаясь, Чоглоков. — Вы, оказывается, в прошлом году отличились на Кубани.

— Э, об этом даже говорить не стоит. Откуда изволите ехать и куда? Кроме того, разрешите узнать, с кем имею честь беседовать?

— Чоглоков, Наум Николаевич. Еду из Петербурга и направляюсь к грузинскому царю.

— Значит, мы с вами попутчики.

— Как, и вы туда? — воскликнул Чоглоков.

— Я — к Тотлебену. Веду к нему пополнение.

Чоглоков очень обрадовался, что его спутником оказался такой испытанный боевой офицер. Он пригласил его вместе отобедать. И пока хозяйка, полная, босая женщина, накрывала на стол, новые знакомые, покуривая длинные трубки, завязали беседу. Вскоре появилась и свита Чоглокова.

— Кто это? — спросил слегка удивленный Ратиев.

— Моя личная свита, князь, — ответил с самодовольной улыбкой Чоглоков, видя, что многочисленность свиты произвела впечатление на Ратиева.

Чоглокова сопровождали: переводчик Назаров, камердинер, повар, два егеря, шесть гусаров, фельдшер и несколько слуг — мужчин и женщин.

Назаров сейчас же, без приглашения, подсел к столу, представился Ратиеву и, как только узнал, что тот грузин, обнял и расцеловал его.

— Милый, значит, ты грузин? — спросил он Ратиева по-грузински. — Когда я встречаю кого-нибудь из наших, сердце у меня так начинает биться, что готово из груди выпрыгнуть...

— Ты как к нему попал? — улыбаясь, спросил его Ратиев.

— Знаешь, кто он такой? О, большой человек, клянусь. Говорят даже, что имеет наследственное право на престол. Рескрипт царицы у него в кармане. Он столько везет с собой денег и имущества, что может купить целое царство. До Астрахани, где я служил, дошли слухи, что Тотлебен в Грузии что-то путает. Офицеры пишут, что настоящее наказание служить у него. Тотлебен не знает русского языка и сам не считает русских за людей. Чоглоков рассказывает, что его в Грузию послали с особым поручением.

— Хорошо, если это так, — сказал Ратиев. — Тотлебен там действительно что-то путает и ведет себя слишком подозрительно. Вот я тут формировал отряд для отправки в Грузию на подмогу ему и думал, что в интересах дела хорошо было бы младших офицеров подобрать из грузин. Во-первых, они с особой охотой будут

служить у себя на родине, а, во-вторых, при объединенных действиях русских и грузинских войск смогут свободно объясняться с грузинскими военачальниками, если придется командовать грузинскими отрядами, что безусловно облегчило бы операции. И вдруг получаю строжайший приказ Тотлебена: всех офицеров и унтер-офицеров грузин немедленно отчислить и впредь не брать их в свой отряд. Почему? Что за амбиция?.. Чем он руководствуется?..

— Ну, а ты что сделал?..

— Конечно, не выполнил приказа. Пусть сперва объяснит, почему я должен гнать грузин из отряда. Тогда и меня следует прогнать, так ведь! Разве я неправду говорю?..

— Да-а... Это действительно что-то того... — протянул Назаров.

— Все это очень подозрительно. Он, наверное, забыл, что всего семь лет тому назад был приговорен за измену к смертной казни. Не задумал ли и теперь сей граф диверсию против нас и нашего союзника царя Ираклия?..

— Пусть он держит себя осторожнее, а то, если Ираклий разгневется, генералу несдобровать! — воскликнул Назаров.

— Подождем — увидим, — сказал Ратиев Назарову, а затем обратился к Чоглокову: — Вам придется переждать здесь несколько дней, чтобы мы были попутчиками.

— А по какой причине? — спросил Чоглоков.

— Отсюда до Моздока дорога безопасная, но ехать дальше рискованно. Правда, свита у вас большая, но если ли вы случайно встретитесь с разбойниками, рыскающими по большим дорогам, возможно, что вместо Грузии попадете в Стамбул, на невольничий рынок. Подождем лучше мой отряд и поедем вместе с ним.

— Конечно, — согласился Чоглоков. — Вам виднее, и местные условия вы, наверное, хорошо знаете.

Тем временем на столе появилась водка и закуска.

У Чоглокова заблестели глаза, когда он увидел маринованные грибы и водку. Он налил чарку и, не переводя духа, выпил. Не отстали от него и остальные.

Гости только начали закусывать, как со двора до-

несся звон бубенчиков. Вскоре послышалось фыркание коней и окрик кучера: «Тпру!.. Черт!..»

Через несколько минут порог переступил высокий офицер.

— Честь имею представиться, капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка Львов, — сказал звонким голосом вошедший.

— А-а-а, слава богу! — воскликнул вскочивший Чоглоков. — Вы несетесь, капитан, как вихрь. Вот и догнали меня.

Капитан Львов давно собирался в Грузию, но ему только пятого января удалось покинуть Петербург. Он был послан коллегией иностранных дел с особым поручением. Его неоднократно вызывали к графу Никите Ивановичу Панину. В первый раз ему передали жалованные грамоты императрицы для вручения царям Ираклию и Соломону. Потом Панин задержал его на два дня и передал личные письма к царям Ираклию и Соломону. Прождав еще несколько дней, он получил наконец приказ явиться во дворец. Тут ему передали в присутствии графа Григория Орлова ордена Андрея Первозванного, пожалованные царям Грузии. Он должен был в торжественной обстановке вручить эти высочайшие награды.

— Они, пожалуй, и не поймут, что им жалууют, — смеясь, говорил Орлов вытянувшемуся перед ним в струнку Львову. — Для них — это блестящие бляхи и только. Посему передайте его превосходительству графу Тотлебену, чтобы он устроил при передаче орденов внушительный парад. Пусть прикажет стрелять из пушек и не жалеет пороха.

Когда из казначейства принесли два увесистых кожаных мешка, набитых червонцами, Орлов сострил:

— Вот этому они знают цену. Но не будем неосмотрительно щедры... Вас предупреждал Никита Иванович?

— Так точно, ваше сиятельство, — ответил Львов.

— Очень хорошо. Передайте Тотлебену и Моуравву, что эти деньги грузинские цари могут получить лишь в том случае, если их казна окажется совершенно исчерпанной.

Еле выбравшись из Петербурга пятого января,

Львов только в средних числах марта с трудом достиг Кизляра.

До Астрахани он ехал на сани, а оттуда в коляске, так как в степях снег уже стоял и началась весна. Львов снял тяжелую шубу и, облаченный в нарядную гвардейскую форму, горделиво восседал в экипаже. Единственно, что его беспокоило,—это полное безденежье. Жалованье он проиграл в карты, когда остановился проездом в Москве, и теперь ему приходилось путешествовать на деньги, взятые займы. Озлобленный тем, что мешки с золотом лежат у его ног, а сам он — без гроша, Львов стократ проклинал судьбу. Он любил жить на широкую ногу и не хотел, чтобы кто-либо заметил, как нуждается офицер лейб-гвардии.

Он заехал на постоялый двор, чтобы напиться чаю, пока накормят лошадей. При виде же накрытого стола и сидящих за ним офицеров его охватило радостное настроение. Можно было подумать, что оно вызвано встречей с Чоглоковым.

— Граф, неужели это вы? — приветствовал капитан Чоглокова. — Не узнал вас. Говорят — хорошая примета: разбогатеете!

— Иди, иди, красавец! — сказал Чоглоков и, взяв Львова под руку, подвел к столу: — Сперва выпей чарочку для вдохновения, а потом рассказывай новости. Ратнев, вот наш новый спутник, гвардии капитан Львов и, как гвардейцу подобает, ветреник и бессребреник!

Чоглоков посадил Львова рядом с собой и налил ему чарку водки.

— Когда приехал в Кизляр?.. Да пей же, чего ждешь?

— Ваше здоровье! — Львов поднял чарку и выпил залпом.

— Молодец! Вот это я люблю, — сказал Чоглоков, потрепав Львова по плечу. — Теперь расскажи, что говорят обо мне в Петербурге. Ничего не слышно при дворе?

О Чоглокове Львов ничего особенного не слышал. Только Панин как-то сказал ему: «Чоглоков поехал добровольцем в Грузию, следите, чтобы он не выкинул там какой-нибудь глупости».

Он не знал, что ответить любезному хозяину.

— Скажите, — обратился Львов к Чоглокову, — по-

чему вы задержались в дороге? Я полагал, что вы уже давно в Грузии.

— Болел, мой дорогой, и потому пришлось пробыть целый месяц в Кизляре. К тому же я распродал свои имения и ждал получения денег.

— Именья? Почему?

— Эх, мой дорогой, большому кораблю — большое плаванье. Я взойду или на эшафот или на престол.

— Как?

Хотя Львов опьянел, но последняя фраза Чоглокова сразу его отрезвила. Он испуганно огляделся и взглянул на Ратиева, как бы спрашивая: «Чего он дурака валяет?»

— Чего ты удивляешься и осматриваешься? — с легким раздражением обратился к нему Чоглоков. — Ты, должно быть, и не знаешь, с кем говоришь?

Он налил себе водки, выпил и продолжал:

— Если не знал, так узнай теперь. Ты имеешь счастье беседовать с законным престолонаследником российским, который пока числится простым офицером.

Теперь удивился и Ратиев. А Львова настолько поразило это заявление, что он взволнованно крикнул Чоглокову:

— Да вам, должно быть, вино ударило в голову!

— Ничуть, мой дорогой.

— Тогда это бред! — заключил Львов. — Я знаю единственного престолонаследника — Павла Петровича.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Чоглоков. — Если ты, кроме этого, ничего не знаешь, то далеко не уедешь.

— Я думаю, что вы несколько преувеличиваете свои возможности... — улыбаясь, вмешался Ратиев.

— Не волнуйтесь, господа, и не возмущайтесь. Глотнем еще по стаканчику и попытаемся во всем разобраться, — обратился Чоглоков к офицерам. — Значит, вы в этом сомневаетесь?

— Не то что сомневаюсь, но и запрещаю вам говорить об этом! — резко ответил Львов.

— Ты, может быть, думаешь, что я на тебя сержусь? — сказал Чоглоков. — Наоборот, хвалю, мой дорогой. Офицер должен быть верен присяге, но при этом не надо терять и сообразительность. Офицер Преображенского полка должен все знать и уметь во всем разбираться. Почему после смерти Петра Великого престо-

лом завладели женщины? Насчет этого история скажет впоследствии свое веское слово и выведет все на свет божий. Если волей судьбы я взойду на эшафот, то она скажет и о том, что прямым потомком Петра Великого был подполковник Чоглоков...

Чоглоков достал из кучи сложенных в углу вещей чемодан, поставил его на стол и открыл. Он был полон золотых вещей и драгоценных камней. Там лежали вперемишку украшенные крупными бриллиантами браслеты, диадемы, жемчужные ожерелья с перлами величинной с лесной орех, табакерки, медальоны, кольца и нательные кресты. Все это сверкало и переливалось радужным блеском, слепило глаза.

Чоглоков с насмешливой улыбкой смотрел на окружающих, не сумевших скрыть волнение при виде этих сокровищ. Они произвели на них, несомненно, большее впечатление, чем уверения Чоглокова о его происхождении и ссылки на историю. Ратиев глядел на все это богатство со сдержанным удивлением, а Назаров — с благоговейным трепетом.

— Здесь, правда, столько ценностей, — наконец промолвил Ратиев, — что на них можно купить целое царство, если оно вам понадобится...

— И к чему, ваше сиятельство, вы везете столько сокровищ в Грузию? — с дрожью в голосе спросил его Львов.

— Это ведь не все, мне должны прислать еще деньги, врученные от проданных поместий. Вы думали, что я бросаю слова на ветер? — продолжал хвастать Чоглоков. — Вы хотели доказательств. Но разве для вас недостаточно, что моя мать — племянница Петра Великого? Разве императрица не воспитанница моей матери? Неужели вы и этого не знали? Вы хотите документ? Вот он!

Чоглоков достал из чемодана золотую табакерку, усыпанную бриллиантами. Открыв ее, он показал офицерам выгравированную на внутренней стороне крышки надпись: «Да будет счастлив наследник наш, призванный богом править страной». И там же более мелко: «Графине Чоглоквой в день рождения сына».

Львов прочел надпись и передал табакерку Ратиеву, а тот, в свою очередь, Назарову, который мельком взглянул на надпись и, взвесив на ладони табакерку, воскликнул:

— Вот это штука! Она стоит, наверное, не меньше тысячи рублей!

— А для меня она дороже и тысячи тысяч,— заметил Чоглоков и окинул всех торжествующим взглядом.

Львов стал снова рассматривать табакерку, сделав вид, будто поверил словам Чоглокова. Ратиев загадочно улыбался. «Это, должно быть, прожженный авантюрист или искренний маниак и будущая жертва дворцовых интриг,— подумал он.— Но пока что его можно в нужный момент использовать...»

Чоглоков бережно спрятал табакерку в чемодан, замкнул его, снес в угол и завалил другими вещами. Потом сел и наполнил стаканы водкой.

— Если я попаду на эшафот, то выпейте тогда, господа, за упокой моей души. А теперь за успех нашего путешествия!

— Ура! — воскликнул Львов и чокнулся с Чоглоковым.

В этот день они так перепились, что пришлось остаться ночевать на постоялом дворе.

На другой день все трое выехали в Моздок.

Царь Ираклий со своими войсками подошел к Квишхети и стал там лагерем.

Тотлебен остался в Сурами.

Поход задержался по двум причинам: во-первых, через Күру надобно было навести мост и, во-вторых, ни русские, ни грузинские войска не были достаточно снабжены провиантом. Ираклий воспользовался приближением пасхи и послал три тысячи человек для заготовки продовольствия. За постройку моста тоже взялись сейчас же, и к великому четвергу он уже был готов.

В тот же день сардары доложили царю о возвращении посланных им отрядов, которые доставили в достаточном количестве провиант. Кроме печеного хлеба, было привезено много муки. Ираклий тотчас же приказал снабдить провиантом русских. Тотлебену он велел передать, что откладывать наступление дольше нельзя, что войска должны двинуться в поход в пятницу утром.

Моуравов лично приехал к графу, чтобы сообщить о приказе Ираклия. Вечером он вернулся и привез царю радостную весть:

— Капитан Львов привез Тотлебену из Петербурга

жалованные грамоты императрицы и ордена Андрея Первозванного для вручения их вам, государь, и царю имеретинскому Соломону.

Тотлебен просил Ираклия отложить поход еще на пять дней ввиду необходимости подготовиться к церемониалу вручения орденов. Желательно для большей торжественности, чтобы эта высокая награда была передана царю в день светлого праздника.

Отсрочка похода вновь озаботила Ираклия, так как опять приходилось думать о снабжении армии. Поблизости уже ничего нельзя было достать, а привоз провианта из Гаре-Кахети и из центральной Картли требовал много времени. При всех хлопотах не удавалось собрать больше ста коди припасов в день, тогда как нужно было не меньше ста двадцати. А будь войско уже на вражеской земле, отряды, посылавшиеся на фуражировку, доставляли бы с избытком провиант и фураж.

Ираклий призвал мушрибов, они еще раз обсудили вопрос о снабжении войск и после долгого совещания порешили снабжать провиантом русские войска до вторжения в Ахалцихский пашалык, грузинские же предупредить об экономном расходовании хлеба, а некоторой части воинов выдать вместо хлеба деньги.

Поход был отложен. Ираклий нехотя согласился на это. Он чувствовал, что Тотлебен умышленно ищет причину, чтобы отсрочить с какой-то целью время выступления войск.

Ираклий был поглощен этими мыслями, когда дворецкий доложил ему, что пришли русские офицеры и просят их принять. К Ираклию иногда навевывались офицеры, всегда встречавшие радушный прием. Он и теперь приказал дворецкому принять их и позвать Давида Орбелиани, царевича Левана и дежурного секретаря.

Моуравов счел неудобным остаться при царе, так как знал, по какому делу явились офицеры. Он попросил разрешения не присутствовать на приеме. В палатку вошли подполковник Зубов, майор Ременников, капитан Платов, поручик Дегралье, Чоглоков и Назаров. Ременников представил царю Чоглокова и прибавил, что этот офицер приехал добровольцем.

Назаров перевел его слова царю и добавил:

— Насчет этого офицера, ваше высочество (так титуловались в России грузинские цари), доложу отдельно.

Ираклий удивился, что среди русских оказался человек, свободно владеющий грузинским языком, и спросил:

— Где ты научился говорить по-грузински?

— Я родился в Грузии,— ответил Назаров.— Отец мой служил у царя Теймураза, потом переселился в Моздок... Я тогда был еще ребенком. Позже я поступил на русскую службу. Теперь судьба вновь привела меня в родные места. Да не лишит меня бог ваших милостей.

Ираклий хотел что-то ответить, но в этот момент вошли царевич Леван, Давид и Бесики. Они низко поклонились царю, а потом приветствовали офицеров. Царь сел по-восточному на ковер и пригласил всех сесть там же. В чалме, с четками в руках Ираклий больше походил на мусульманского властелина, чем на грузинского царя.

Русским офицерам было трудно сидеть по-турецки: они были в узких лосинах и с трудом сгибали ноги, мешали и шпоры. Офицеры вынуждены были сидеть, опираясь на руку, полулежа. Чоглоков долго вертелся, пока, наконец, кое-как устроился.

Бесики приготовил чернила и перо, чтобы записывать, если понадобится, беседу.

— Давид, передай офицерам, что я готов выслушать их,—сказал Ираклий, перебирая жемчужные четки.

Давид провел рукой по усам, обвел молча всех взглядом, как бы не зная, с чего начать, и задумчиво посмотрел на изумительно вытканый кирманский ковер.

— Господа офицеры,—наконец обратился Давид по-русски,—царь просит вас доложить, о чем вы хотите с ним говорить.

— Ваше превосходительство,—обратился Ременников к Давиду,—я беру на себя смелость доложить его высочеству, что если мы не примем решительных мер, то на славное российское воинство ляжет пятно позора и притом не по его вине. Мы утверждаем, что генерал Тотлебен—злодей и изменник. Я—испытанный в боях офицер, в такой же мере опытен и мои друзья. Мы достаточно разбираемся в военной науке. Генерал Тотлебен в секретном порядке разослал инженеров и соглядатаев для изучения обороноспособности ваших крепостей. У нас создается впечатление, что его больше интересует ваша страна, чем поход на Ахалцихе. Он

собрал сведения о мощности вашей артиллерии. Если мы приехали сюда, чтобы воевать с турками, то мы должны были бы разведать прежде всего боевые силы врага. Однако на этот счет он не предпринял никаких мер.

Давид перевел Ираклию слова Ременникова.

Ираклий выслушал его, но ничего не ответил и продолжал перебирать четки.

— Сегодня Тотлебен объявил нам строгий выговор и под угрозой ареста запретил бывать у вас,— продолжал Ременников.— Спрашивается, что это значит? Если мы союзники и друзья, то почему же русские офицеры не могут посещать грузинского царя? Ваше высочество, мы сражались во многих боях, в нашей преданности родине до этого никто не сомневался, а теперь Тотлебен из-за того, что мы питаем к грузинскому царю уважение, приравнивает нас к изменникам родины. Он запретил нашим солдатам брататься с грузинами. А сейчас мы узнали, что Ратиеву послан приказ, запрещающий ему подбирать в свой отряд офицеров-грузин. Разве все это делается с благими намерениями?

— Он авантюрист! — воскликнул Дегралье.

— Как?.. Как?.. — спросил Ираклий, так как Давид не перевел ему слово «авантюрист».

— То есть... — замялся Давид, — авантюрист — это человек, который, не разбираясь в средствах, домогается создать себе имя и положение.

— Ах, вот что! — промолвил Ираклий и продолжал перебирать четки.

— Проволочка с наступлением,— продолжал Ременников,— позволяет врагу собрать и увеличить свои силы. Все это может отразиться пагубно на наших боевых действиях и в конечном счете привести к поражению. Поэтому мы решили, ваше высочество, арестовать Тотлебена и, пока императрица не убедится в правильности такого решения, просить вашего покровительства.

— Это невозможно, — ответил Ираклий.

Офицеры с удивлением переглянулись. Чоглоков хотел что-то сказать, но Ираклий жестом остановил его и продолжал:

— Тотлебен пока не совершил ничего преступного в отношении меня или вас, и его арест может вызвать нежелательные осложнения. Благодарю вас за доверие,

но я не могу быть соучастником заговора. Назначение генерала Тотлебена или его увольнение — это право только самой императрицы. Я не могу вам приказывать, но по-отечески прошу не вовлекать меня в дело, которое восстановит ее величество против меня.

— Ваше высочество, мы готовы исполнить не только вашу просьбу, но и всякий ваш приказ, но наше решение в отношении Тотлебена непоколебимо: жребий брошен, мы арестуем его после того, как он вручит вам высокую награду, — сказал Ременников.

— Ваше высочество, — воскликнул, сорвавшись с места, Чоглоков, — я беру всю ответственность на себя! После наследника престола, царевича Павла, я являюсь законным претендентом на российский трон. В Грузию меня послала лично императрица с чрезвычайным поручением. Я сам объяснюсь с ней по этому вопросу, и вы будете совершенно ни при чем. Пока весть об устранении Тотлебена достигнет Петербурга, мы обязательно победим турок, а, как вам известно, победителей не судят.

Ираклий что-то шепнул Давиду. Тот в знак согласия наклонил голову и обратился к офицерам:

— Господа, царь повторяет вам свою просьбу и выражает надежду продолжить беседу с вами. Теперь его высочество желает отдельно побеседовать с господином Чоглоковым. Бесики, проводи господ офицеров.

Офицеры встали, откланялись и покинули шатер.

Офицеры решили, не мешкая, вернуться в Сурами. Они не подождали Чоглокова, отказались и от ужина. Им не хотелось возбуждать в Тотлебене какие-либо подозрения.

Назаров не поехал, желая поговорить с Бесики. Но Бесики был погружен в свои думы и на его вопросы отвечал односложными «да» или «нет». Он невольно вспомнил рассказ Беруча о письме, которое Тотлебен отправил ахалцихскому паше. Сомнения мучили его.

Правда, Бесики рассказал впоследствии все царевичу Левану, но тот не придал этому никакого значения, так как сам Тотлебен сообщил царю о своем письме ахалцихскому паше. Вот почему подозрения Бесики показались царевичу просто смешными. Пост тогда был настолько смущен, что в душе проклинал этого глухого старика Беруча, который своим дурацким подозрением

звел его в заблуждение. Сейчас сомнения опять закрались в душу и начали беспокоить его. Рейнегс знал, конечно, о чем говорилось в письме. Нужно было только заставить его сознаться и передать содержание письма. Этот проходимец находился в лагере Тотлебена. Правда, он заболел тифом и помещен в лазарет, к нему никого не допускают, но Бесики мог бы сказать, что пришел навестить больного по поручению царя, и тогда ему не отказали бы в свидании.

Бесики разыскал Соломона Леонидзе и попросил его подежурить, пока он вернется из Сурами. Потом взял разрешение отлучиться из лагеря. Когда Чоглоков вышел из царской палатки, Бесики попросил через Назарова разрешить ему поехать вместе с ними, так как через русский лагерь, расположенный у въезда в город, посторонних лиц не пропускали.

Чоглоков согласился и, дружески потрепав поэта по плечу, сказал Назарову:

— Какой красивый юноша. Он, наверное, царского рода. Скажи ему, что я охотно возьму его с собой.

Бесики поблагодарил.

Стремянные привели коней. Чоглоков ловко вскочил в седло и в сопровождении эскорта поскакал в Сурами: в Моздоке, по приказу генерала Медема, проявившего к Чоглокову особое внимание, он получил конвой из пятидесяти гусаров.

Уже смеркалось, когда Чоглоков и Бесики миновали аванпосты русских войск и въехали в Сурами. Сурамская крепость с высокой башней и зубчатыми стенами возвышалась на крутой скале, сурово взирая на скученные у ее подножия домики.

В городе Бесики попрощался с Чоглоковым и направился к дому католических миссионеров, где находился Рейнегс.

Больница помещалась в маленьком флигеле. Бесики спрыгнул с коня и огляделся. Во дворе никого не было. Привязав лошадь к перилам, он взошел на балкон и, не постучав в дверь, резким движением открыл ее.

В комнате горела свеча, хотя еще не было темно и дневной свет проникал через окно, затянутое мутной вошеной бумагой. Бесики уже собирался окликнуть Рейнегеа, но, заметив вдруг, что с ним рядом еще кто-то лежит, быстро прикрыл дверь и громко постучал.

До него донесся шепот и шаги, потом дверь приоткрылась и показалось испуганное лицо Рейнегса.

— Ах, Бесики, это ты? — с облегчением вздохнул больной и распахнул дверь...— Заходи, заходи...

— По-моему, ты не один?

— Пустяки, ведь ты свой,— смеясь, сказал Рейнегс и направился к кровати.

Бесики вошел в комнату. Сидевшая на постели женщина закрыла голову чадрой и стала неторопливо одеваться, ничуть не стесняясь его присутствия.

— Садись, не обращай на нее внимания, она сейчас уйдет,— сказал Рейнегс и натянул на себя одеяло.— Если собираешься у меня переночевать, не соскучишься, она приведет подругу...

Бесики ничего не ответил. Он подождал ухода женщины. Потом сел на низенькую табуретку и обратился к Рейнегсу:

— Ты в самом деле болел?

Рейнегсу не понравился тон Бесики, и он нахмурился, почувствовав, что вопрос задан неспроста.

— Конечно, болел, да еще как!

— По тебе это незаметно,— цвет лица отличный и...

Бесики показал глазами на дверь, только что закрывшуюся за ушедшей женщиной.

— Э, цвет лица — пустое! Патер Доминик дал мне такое лекарство, от которого на другой же день болезнь прекратилась. Вот уже два дня, как я пью вино и ем курятину.

— Знаешь, что я тебе скажу? — Бесики встал, огляделся и быстро защелкнул дверную задвижку.— Если патер Доминик дает лекарство вроде того, какое я только что видел, то для меня ясна и твоя болезнь. Короче говоря, ты должен немедленно сказать мне, что вы с Тотлебенем писали ахалцихскому паше? Знай, что у меня нет времени долго говорить с тобой. Здесь же устрою тебе отпевание, если не выложишь всей правды.

Рейнегс стал шарить рукой под подушкой, стараясь нащупать пистолет, но никак не мог до него добраться.

— Вот уж напрасные подозрения,— попытался Рейнегс беззаботным тоном разуверить Бесики.— О чем мог писать Тотлебен ахалцихскому паше? Конечно, о капитуляции. Не мог же он писать ему о том, что интересуется здоровьем его тетушки.

— Значит, он предлагал ему сдаться?

— Да.

— Ты знаешь Джалила? — спросил Бесики.

— Какого Джалила?

— Афганца — царского палача. Хочешь, чтоб я привел его для твоего лечения?

Рейнегс растерялся было, но, запустив глубже руку под подушку и нащупав пистолет, сразу успокоился.

— Гм, Джалила... — фыркнул Рейнегс. — У меня есть такое волшебное средство, против которого и Джалил бессилен.

От Бесики не укрылось движение Рейнегса, он хотел кинуться на него, вырвать оружие, но тотчас же отверг эту мысль. Рейнегс все равно не посмеет применить оружие против царского секретаря.

— Значит, не хочешь рассказать, о чем вы писали ахалцихскому паше?

— Ты мне надоел со своим допросом! — уже раздраженно воскликнул Рейнегс.

— Тебе надоело, видно, жить.

— Жизнь не мне, а тебе надоела. Советую тебе убираться отсюда, если не хочешь попасть в руки Джалила. Я больше знаю о тебе, чем ты думаешь. Берегись, доложу царю, что ты любовник его сестры, и тогда посмотрим, что ты запоешь.

— Что?.. Что ты сказал?.. — воскликнул побледневший Бесики.

— Я вижу, тебе это не понравилось. Мне тоже стал поперек горла твой допрос. Теперь мы квиты.

Бесики готов был броситься на Рейнегса и придушить его, как собаку. Сердце его так быстро забилося, что у него дух захватило. По всему телу пробежала дрожь негодования. Но, сделав усилие, он потер виски и пришел в себя.

Рейнегс смотрел на него с насмешливой улыбкой и играл вистолетом, держа палец на собачке.

— Давай договоримся, — сказал наконец мнимый больной и ел на постели. — Не будем ссориться. Ты еще молод и не смыслишь ничего в жизни. За добро не жди добра. Как ни старайся, мой дорогой, но в конце концов ты или сгниешь в темнице, или над тобой учинят что-либо похуже... Вспомни, кстати, судьбу своего отца. Разве ты не знаешь характера царя? Хоть тысячу раз

подвергай себя опасности ради него, но если ему понадобится,—не пощадит и прикажет пытаться тебя клещами.

Бесики бессмысленно глядел на Рейнегса и думал совершенно о другом. Он вспомнил Анну, ее письмо, которое хранил у себя на груди, в кармане архалука.

— Ну, что скажешь? — спросил Рейнегс. — Принимаешь мое предложение...

Бесики не слышал, что говорил ему Рейнегс. Некоторое время он стоял в задумчивости, затем повернулся и сказал Рейнегсу:

— Знай, что я не боюсь ни смерти, ни пыток. Я не возлюбленный сестры царя, как ты посмел сказать, но злой язык может осквернить и богоматерь. Предупреждаю, если ты еще раз посмеешь говорить о сестре царя непристойно, то, даже если я буду в могиле, встану и вырву твое пакостное сердце.

— Значит, договорились. Знаешь пословицу: «Слово — серебро, а молчание — золото». — И Рейнегс стал одеваться. — Лучше ты играй на сазе и сочиняй стихи. Разве кот в силах разнять сцепившихся льва и тигра? Ты еще молод, зачем рисковать головой? Хорошо, что сегодня все обошлось мирно, могло быть и хуже.

Одеваясь, Рейнегс не заметил, как Бесики исчез, и только когда со двора донесся топот копыт, понял, что он ускакал.

Рейнегс забеспокоился. А что, если этот взбалмошный стихотворец поделится своими предположениями о содержании письма, посланного ахалцихскому паше, и расскажет обо всем, что произошло между ними сегодня. Тогда конец, тогда не миновать цепких рук царского палача, неопикуемых пыток и мучительной смерти.

Рейнегс в ужасе побежал к Тотлебену и рассказал ему обо всем.

— Ничего, это маленькое пятно мы сейчас сотрем, — сказал Тотлебен и велел адъютанту привести арканщика — калмыка Салавата.

Он приказал калмыку догнать Бесики, заарканить его и убить. В награду обещал десять золотых.

— Сумеешь его захватить? — спросил Тотлебен.

Салават только улыбнулся... Рейнегс с облегчением вздохнул.

Когда Чоглоков попросился с Бесики и вернулся в

лагерь, он спросил, где Ременников. Ему хотелось рассказать о своей беседе с Ираклием.

Денщик сообщил Чоглокову, что чедавно майор вместе с другими офицерами куда-то ушел, но куда именно, не знает. Тогда Чоглоков послал Назарова их разыскать, а сам направился к палатке Львова, где мерцал огонек.

Капитан сидел за маленьким столом и что-то писал. Кивком головы он приветствовал Чоглокова и продолжал писать.

— Где вы были? — спросил он Чоглокова.

— У царя. Почему ты не пошел с нами?

— У царя?.. — капитан положил перо и пытливо взглянул на Чоглокова. — Несмотря на запрещение, вы все же пошли к царю? А что скажет граф?

— Дался тебе этот граф!

Чоглоков был в хорошем настроении. После разговора с Ираклием он воображал себя владыкой мира. Царь даже пригласил его на пасхальный обед. Чоглокову не терпелось перед кем-нибудь похвастаться и поделиться своими впечатлениями. Ременникова он не застал, и так как считал Львова своим задушевым другом, то решил все выложить ему.

— Ты забыл, что твой граф еще недавно сидел в тюрьме, — развязно продолжал Чоглоков и сел, развалившись, на сундук, заменявший стул. — Да и вообще он ровно ничего для меня не значит.

— Как не значит? — удивился Львов. — Пока что он наш начальник.

— Скажи, пожалуйста, что ты нашел в этом графе, что так отстаиваешь его начальнический авторитет? Вместо того, чтобы лично вручить царю грамоты императрицы, ты даже не повидался с ним. Ираклий тебе этого не простит. Неужели ты не понимаешь, что императрица ведет с Ираклием непосредственную переписку и, быть может, пишет ему о таких делах, о которых не должен знать Тотлебен?

— Если бы это было так, — возразил Львов, — мне бы поручили передать эти документы царю тайно от графа. И я советую тебе, если не хочешь навлечь на себя гнев генерала, не ходи больше в царский шатер.

— Этого твоего любимого графа мы завтра арестуем и лишим всех прав! — бросил Львову раздражен-

ный Чоглоков.— Я и Ременников уже договорились. Мы хотели арестовать его сегодня, но отложили на несколько дней.

Удивленный Львов вскочил с табуретки и уставился на Чоглокова: он хотел прочесть по его лицу, шутит тот или говорит правду.

Нет, Чоглоков не шутил.

— Как можно арестовать графа без санкции императрицы? — спросил Львов.

— Можно.

— Вас отдадут под суд.

— Волков бояться — в лес не ходить! Что ж, будем отвечать, но и оправдаться сумеем... А тебе советую слушаться нас. Как только арестуем графа, командование передадим Ременникову. Он испытанный боевой офицер, и этот немец ему в подметки не годится. Грузины и мы до Стамбула дойдем. Вот тогда и увидишь, какие разыграются события.

Львов задумался: выдать ли Чоглокова или держать его сторону? Опасно было и то и другое.

Надо было действовать осторожно.

— А Моуравов знает о вашем заговоре? — спросил Львов.

— Кажется, нет.

— Многие вам сочувствуют? Неужели все недовольны?

— Почти все, но, как тебе известно, не каждый в силах быть зачинщиком. Главари — Ременников, Дегралье и еще, знаешь, кто с ними?

— Кто?

— Ратиев.

— Он ведь остался в Моздоке.

— Правда, но он, наверно, уже собрал отряд и теперь в дороге. Ничего, и без него справимся.

— Когда вы собираетесь арестовать графа? — Львов таким тоном задал вопрос, как будто и сам смешал с арестом Тотлебена.

— Завтра вечером.

— Я вас попрошу об одном.

— О чем?

— Арестуете или не арестуете графа — это ваше дело. Я не могу принять участие в заговоре. Пока что лучше мне ничего не знать о ваших замыслах...

— Струсил? Ха-ха-ха! Я думал, что ты решительнее.— Чоглоков снова расхохотался, потом, дружески потрепав Львова по плечу, добавил: — Нет, я шушу. Твое предложение вполне разумно. В будущем ты нам понадобишься. А теперь, в самом деле, лучше тебе остаться в стороне и молчать.

— Правильно.

— Ну, прощай! Помни, уговор дороже денег.

Чоглоков ушел. Львова охватило раздумье. Попробовал писать, но получилось нескладно. Он никак не мог подавить в себе все возрастающую тревогу.

Львов лег на войлочную подстилку, заложил руку под голову и стал размышлять: «Не донести ли о заговоре Тотлебену? Но они, может быть, действительно арестуют графа. А потом? Потом, вероятно, обратятся к войскам с воззванием и вручат Чоглокову, как близкому ко двору человеку, командование. А что, если Тотлебен уже знает о заговоре? Он арестует всех его участников, и Чоглоков на допросе может сказать, что Львов знал о заговоре. И тогда, как там ни оправдывайся, пожалуйста, Львов, вместе с заговорщиками в Сибирь... Нет, я сейчас же должен обо всем сообщить графу,— решил Львов.— Потом, может быть, уже будет поздно, надо все рассказать без утайки...»

Он вскочил и застегнул мундир. По дороге к Тотлебену встретил Рейнегса, который торопился, видимо, туда же.

— Что случилось, доктор? — крикнул Львов.— Почему вы так спешите?

Рейнегс вздрогнул, словно его поймали на месте преступления, но, увидя Львова, подавил смущение и спокойно его приветствовал:

— А-а, это вы, капитан, добрый вечер!

«Кажется, и он узнал о заговоре,— подумал Львов.— Почему он несся так стремительно к Тотлебену?»

— Что случилось? — повторил Львов свой вопрос.

— Ничего... Ничего особенного. Хочу повидать графа. И вы к нему?

— Да.

— Он в своей палатке? — спросил Рейнегс, прикидываясь несведущим простаком.

— В своей. Пойдемте.

Рейнегс хотел остаться с Тотлебенем наедине, и его никак не устраивало присутствие Львова.

«Этот дворцовый интриган, видимо, разнюхал что-то,—гадал Рейнегс,—и, вероятно, попытается у меня что-нибудь выпытать. Нет, голубчик, ты еще молод, котки не отросли. Ничего ты у меня не узнаешь».

Они заглянули в палатку Тотлебена. Граф сидел в расстегнутом мундире у стока и при свече читал какую-то бумагу. Увидев Львова и Рейнегса, он положил ее на стол и пригласил их зайти.

— Салават уехал? — спросил он Рейнегса.

— Уехать-то уехал, но...— со вздохом покачал головой Рейнегс.

— Не тревожьтесь. Вы можете считать, что он уже привез то, что ему поручили,— успокоил доктора Тотлебен. Затем обратился к Львову:— Ну, капитан, что вы мне скажете нового?

— Ваше превосходительство, у меня к вам экстренное дело, и,— он посмотрел на Рейнегса,— мне бы хотелось побеседовать с вами конфиденциально.

Тотлебен с удивлением взглянул на Львова, потом глазами указал Рейнегсу на выход. Тот нехотя покинул палатку.

— Можете спать спокойно! — крикнул ему вдогонку Тотлебен.— Завтра утром я сообщу вам обо всем.

— Нет, ваше превосходительство,— ответил Рейнегс,— я лучше подожду Салавата на аванпостах. Я не успокоюсь до тех пор, пока...

— Хорошо, хорошо,— прервал его Тотлебен,— буду ждать вас с Салаватом вместе.

Рейнегс вышел.

— Я слушаю вас, капитан,— сказал Тотлебен Львову.— Садитесь вот тут, на постель.

Львов сел и с дрожью в голосе рассказал все, что он узнал от Чоглокова. Тотлебен слушал, казалось, совершенно спокойно.

Когда Львов кончил говорить, генерал некоторое время молчал, пристально глядя на пламя свечи, которое моментами расплывалось и трепетало, как бабочка.

— Я вам очень благодарен, капитан,— медленно сказал Тотлебен.— Благодарю вас за преданность, но я уже в курсе событий.

Он взял со стола бумагу и протянул Львову.

— Что это, ваше превосходительство?

— Приказ об аресте заговорщиков. Майор Ременников, поручик Дегралье и остальные будут арестованы этой же ночью. Благодаря бдительности и преданности майоров Жолубова и Карпа преступный замысел раскрыт. Но я очень благодарен и вам, капитан.

— Что вы, ваше превосходительство! Это моя обязанность, как солдата. Как только я узнал, сейчас же поспешил к вам.

— И Чоглокова арестую вместе с ними, несмотря на то, что у него при дворе сильные покровители.

— Чоглоков уверяет, что он третье после императрицы и престолонаследника лицо в империи,— улыбаясь, сказал Львов.— Неужели, ваше превосходительство, этому можно поверить?

— Это, конечно, абсурд, но при дворе ему покровительствуют несколько влиятельных лиц.

— Быть может, лучше не арестовывать пока Чоглокова, ваше превосходительство? Если у него на самом деле...

— Это ничего не значит,— прервал Тотлебен.— Я не боюсь его покровителей. Хотя, впрочем, посмотрим... Раз главари будут у меня в руках, он неопасен.

На дворе послышался какой-то шум. Потом в палатку вбежал Рейнегс, тяжело дыша.

— Что случилось? — спросил встревоженный Тотлебен.

— Ваше превосходительство, лошадь Салавата без седока прискакала в лагерь,— еле выговорил Рейнегс и беспомощно опустился на постель.

— Как без седока? А где же он?..

— Лошадь не умеет говорить, ваше превосходительство.

Войска построились к пасхальной заутрене. Служба шла в большой палатке из белых полотнищ, которая освещалась множеством свечей и в темноте казалась огромным фонарем. Внутри палатки находился только Иракий с приближенными, сардары же и воины стояли снаружи у откинутого полога и оттуда слушали богослужение. Заутреня давно уже шла, когда в последних рядах послышался тревожный говор.

Мандатур царя, пробившись через толпу, прошел в передние ряды и что-то шепнул Давиду. Тот с удивлением взглянул на мандатура, затем вызвал из палатки царевича Левана, и все трое направились к крепости.

— Он ранен? — спросил Леван мандатура.

— Нет, вывихнул плечо, но потом само вправилось. Лекарь Турманидзе говорит, что боль пройдет дня через два.

Они миновали подъем и вошли в крепостную башню.

Посреди башни горел огонь. Бесики сидел у очага на низенькой скамье. Его левая рука была подвязана свернутым шелковым платком.

— Расскажи, расскажи, как все произошло? — с нетерпением обратился к нему Давид.

— Возвращался из Сурами. Ехал рысью. Потом, задумавшись, пустил коня шагом. Вот мысли, должно быть, и помешали мне услышать, как подкрадывается ко мне этот разбойник.

— Какой разбойник? — недоумевая, спросил Леван.

— А вот он там, в углу, — кивнул головой Бесики.

Леван и Давид только теперь заметили связанного калмыка, который, прижавшись к стене, глядел сверкающими, как у волка, глазами на беседующих.

— Вдруг я почувствовал, что петля стиснула мне плечи и сорвала меня с седла, словно я весил не больше горобья. Хорошо еще, что на землю упал плечом. Я потерял сознание. Пришел в себя лишь тогда, когда меня поволокли по земле. Петля стиснула тело выше локтей. Попробовал встать, но этот нехристь потянул веревку, и я вновь грохнулся на землю. Он соскочил с коня и кинулся ко мне. Я сообразил: ведь ниже локтей руки у меня свободны, выхватил кинжал и перерезал веревку. И когда этот разбойник подскочил ко мне, то напоролся на кинжал. Этого он не ожидал и растерялся. Попытался было убежать, но я ударил его кинжалом плашмя, он струсил и упал на колени. Я приказал ему встать и погнал перед собой, наведя на него пистолет. Но в дороге плечо мое так разболелось, что я чуть не упал в обморок. Наконец мы подошли к реке. Наши воины купали лошадей, они и помогли мне, а то я не добрал бы сюда.

— Повезло тебе, ловко ты спасся! — сказал Давид и

обратился по-русски к калмыку: — Говоришь по-русски?

— Мала-мала...

— Почему напал на него?

— Генерал велел... не смел слушаться...

— Сам генерал?

— Да.

— Больше он ничего не приказал?

— Ничего. Сказал задержи, а если не сдастся...—

Салават запнулся и умолк.

— Понятно и без слов,— сказал Давид.

— Что же делать с пленником? — спросил Бесики.

— Надо доложить царю! Пусть царь решит, что делать,— закончил Давид и приказал хорошо караулить Салавата.

Потом все трое пошли дослушать заутреню.

Бесики не сказал друзьям, у кого он был в Сурами, боясь упомянуть имя Рейнегса. Он сообщил лишь, что ездил, чтобы расспросить офицеров, не знает ли кто из них о содержании письма, посланного паше.

— Да вы скажите в конце концов, враг ли нам этот человек или друг? — воскликнул Леван. — Свой лагерь он окружил часовыми и издал приказ никого туда не впускать и не выпускать оттуда. Словно он находится во вражеской стране. Я спрашивал Моуравова, и что же тот сказал! Генерал, мол, человек с тяжелым характером, приходится терпеть. Но я думаю, что поведение Тоглебена объясняется и другими причинами...

— Я с тобой согласен,— промолвил Давид.

Когда они пришли в лагерь, заутреня уже кончилась. Все радостно христосовались. Лагерь был освещен вылающими кострами. Расположившиеся у огня воины разговаривались, закивая жареную баранину вином.

Леван с Давидом направился к царскому шатру. Царевич предложил и Бесики пойти с ними, но тот не хотел являться к царю без приглашения и решил отправиться в свою палатку — отоспаться.

В большом приемном зале дворца ахалцихского пашы поспешно собирались беки.

Для Сафар-пашы день выдался беспокойный. На рассвете его разбудил слуга и прямо в спальню ввел уставшего, запяленного гонца с письмом в руке.

Прочитав письмо, паша велел позвать управителя.

Он приказал ему разослать слуг с приглашением бекам явиться во дворец. Все они в ожидании открытия военных действий находились в Ахалцихе. Бегларбек Артани — Эмин, присланный из Стамбула лезгин — Супфав-хан и Малачини гостили у Сафар-паши и явились раньше других. Они вошли в зал и уселись, поджав под себя ноги, на маленьких квадратных ковриках.

Вскоре к ним присоединились таоскарийский бек Мусалим-Рача, молодой, но уже склонный к полноте мужчина, шавшетский Киским-бек, шелковистая борода которого закрывала ему грудь, и артаанский бек Калым.

Сафар-паша долго не появлялся. Ему было над чем подумать. Положение создалось трудное. Конечно, разгром Ираклия-хана прославит его на весь мир. Он станет первым визирем султана. В Стамбуле подарят ему мраморный дворец. Он приберет к рукам Имерети, Абхазию, Мингрелию, а потом может стать и султаном...

Дойдя до этой мысли, Сафар-паша испугался и стал вновь перечитывать письмо.

Конечно, приятно одержать победу, но она обойдется не дешево... двести тысяч рублей. Стоит ли рисковать такой суммой? А что, если Тотлебен обманет? Тогда в какую нору прятаться? Да и чтобы набрать двести тысяч, придется продать золото, серебро, драгоценные камни, ковры, парчу, шелк... налогами столько не собрать... Дружба с Ираклием может принести ему если не пользу, то, во всяком случае, оградит от неприятностей. Если он договорится с Ираклием, под его власть попадут и Дадзиани мингрельский, и владетельный князь Абхазии, и имеретинский царь Соломон, тем более, что Ираклию — Соломон, что кошке собака. Правда, Ираклий стремится вернуть Самцхе-Саатабаго.

Говорят, что этот край когда-то был драгоценным камнем в грузинской короне. Старинные развалины крепостей и храмов — доказательство того, что он принадлежал Грузии. О том же свидетельствуют и развалины Вардзин, где на одной из стен сохранился портрет царицы Тамары.

Теперь эти земли населены мусульманами, но фамилии они носят грузинские, и если перед их глазами сверкнет меч Ираклия, эти грузины-мусульмане бросят в грязь свои чалмы и станут креститься на развалины церквей.

Нет, пожалуй, выгоднее остаться другом Ираклия, владельцем Ахалцихе, иметь сорок жен, этот дворец и быть спокойным за свое достояние.

Вот лезгин Супфав-хан мечтает завоевать Тбилиси. В Стамбуле ему вручили двести тысяч рублей и обещали, если он победит Ираклия, передать ему власть над страной. Что ж, пожалуйста...

Если ему хочется стать владетельным ханом, пусть пошлет Тотлебену десять сундуков с золотом, которые он привез из Стамбула. Сафар-паша от этого ничего не потеряет. Он не лишится благоволения султана, а если дело не выгорит, то всегда сумеет примириться с царем Ираклием.

Приняв такое решение, Сафар-паша решительно вошел в зал и приветствовал собравшихся.

Взяв у секретаря письмо Тотлебена, он стал громко его читать.

Все слушали, затаив дыхание.

Сафар-паша закончил чтение, скосил глаза, провел рукой по бороде и вкрадчиво повел такую речь:

— Кто знаком с мечом Ираклия, тому такое предложение лучше рая, обещанного Магометом. Думаю, что более удобного случая расправиться с Ираклием не подвернется. Сам аллах запутал дело русских и грузин, а нам, правоверным, повелевает использовать это обстоятельство. Но есть маленькое препятствие, преграждающее нам путь, которое мы должны сообща преодолеть. Казна моя не может целиком выплатить ту сумму, которую требует генерал Тотлебен, думаю, что...

Супфав-хан вдруг вскочил, низко поклонился Сафар-паше и попросил прощения, что прервал его речь.

— Что ты хочешь сказать, Супфав? — улыбаясь, спросил Сафар-паша, радуясь, что такой большой сом сразу кинулся на приманку.

— Разрешите слуге вашей тени сказать несколько слов.

«Теперь ты называешь себя слугой моей тени, но если ты овладеешь Тбилиси, мне придется простираться перед твоей тенью...» — подумал Сафар-паша.

— Я не ищу ни земель, ни богатства, — начал Супфав-хан и взглянул на участников совещания. — Тот, кто ниже бога, но выше солнца, наш султан, вручил мне двести тысяч рублей с тем, чтобы я, использовав их в

военном деле, нанес поражение Ираклию и взял Тбилиси. Я готов отдать эти деньги, только с одним условием: после того как мы разобьем Ираклия, наши войска поведу на Тбилиси я...

— Согласен,— промолвил Сафар-паша.

— Выслушайте же и меня,— вскочил Малачини. — Хотя я и твой гость, Сафар-паша, и не подобает мне обременять хозяина просьбами, но если ты не выслушаешь, я тут же прострелю себе груди!

— Говори!

— Не миновать нам битвы с Ираклием. Это ясно. Хотя мы и ставим западню льву, но если он и попадет в нее, кто осмелится взять льва голыми руками? Победить Ираклия не так легко. Но я вижу, что конец его близок. Только при одном условии я могу согласиться с вашим решением...

— При каком условии? — с удивлением спросил Сафар-паша.

— Если вы мне дадите возможность самому убить Ираклия. Вы покупаете победу золотом, у меня нет золота, но мой меч не уклонится от встречи с мечом Ираклия. Я его кровник, и только я имею право убить его.

— Малачини прав,— обратился Сафар-паша к бекам и взглянул на Супфава, который нахмурился.— Я вижу, что Супфав недоволен требованием Малачини, но мы не можем ему препятствовать отомстить убийце его отца.

— Я согласен,— проговорил Супфав-хан, расправляя плечи.— Только знайте, если счастье изменит Малачини, я вступаю в поединок с Ираклием и никому не уступлю этого права.

Сафар-паша в душе смеялся над тем, что эти два молодца лезли, как обреченные ягнята, в пасть волка. Сафар-паша был убежден, что грузинское войско будет разбито, но ничуть не был уверен, что в единоборстве с Ираклием возьмут верх Малачини или Супфав. Правда, они были отличные вояки, особенно Малачини, про которого шел слух, что он взмахом сабли рассекает всадника, но Сафар-паша знал, каким опасным противником является Ираклий. Как хозяин, он слушал обоих с любезной улыбкой и делал вид, что восхищается их смелостью.

После короткого совещания было решено послать к

генералу гонца, который укажет место для встречи.

С Тотлебенем должен был встретиться Супфав-хан. Ему следовало немедленно ехать в Аджури, откуда легче всего было связаться с генералом.

— Не знаю, кому несет христианское воскресение счастье — нам или им, — смеясь, сказал Сафар-паша. — Сегодня у них торжество и веселье. Думаю, аллах не прогневаётся, если и мы повеселимся по случаю этого счастливого дела.

Паша призвал слугу и приказал накрыть на стол.

Наклонившись над картой, Тотлебен через переводчика объяснял Ираклию:

— Это река, — Тотлебен провел пальцем по черной извилистой линии и сказал переводчику: — Переведи.

Переводчик переводил с немецкого на русский сказанное Тотлебенем, с русского же на грузинский переводил Давид Орбелиани.

— Это горы, — продолжал Тотлебен.

Давид вдруг рассердился, сдвинул брови и обратился к переводчику.

— Передай его превосходительству, что его высочество прекрасно разбирается в картах и знает все условные знаки. Пусть его превосходительство благоволит говорить по существу дела.

Переводчик вздрогнул: он медлил передать Тотлебену слова Давида.

— Что такое? — спросил Тотлебен. — Что он говорит?

Переводчик изложил сказанное.

Тотлебен не рассердился. После того как заговорщики были арестованы, генерал вздохнул свободно. Он опасался волнений в войсках, но все обошлось благополучно. Тотлебен спокойно направился тогда в лагерь Ираклия и с большим торжеством под гром тридцати двух артиллерийских залпов вручил царю орден Андрея Первозванного...

Ираклий стал рассматривать карту.

Переводчик привел Моуравова.

— Куда вы пропали, князь? — обратился к нему Тотлебен.

— Простите, ваше превосходительство. Писал письмо Панину о сегодняшнем торжестве и о вручении вами ордена царю.

— А-а, это хорошо, но незачем с этим спешить.

Тотлебен взглянул на карту и сказал Моуравову:

— Доложите его высочеству, что я советую ему главный лагерь перенести в Садгери. Я со своим войском буду идти до самого Адкурн по левому берегу Куры, а его высочество пусть едет по правому берегу.

— Это невозможно,— сказал Ираклий, когда Моуравов перевел ему предложение Тотлебена: — левый берег до крепости Петра непроходим, и мы не сможем провести по этой дороге артиллерию. Мы должны двигаться по правому берегу, перейти реку по Адкурскому мосту, а оттуда до самого Ахалцихе идти равниной.

— Разве не лучше после взятия Адкурской крепости занять выгодные позиции и, опираясь на них, разгромить противника? — спросил Тотлебен.

— Адкурскую крепость мы вряд ли сумеем взять,— сказал Ираклий. — Сомневаюсь, чтобы ваши двенадцатифунтовые пушки смогли пробить брешь в ее стенах. Лучше перейти на правый берег, захватить окружающие деревни, а затем уже двинуться прямо навстречу турецкому войску. Свое войско я поведу по правому берегу и самой короткой дорогой выйду на Рокитский перевал,— Ираклий при этом провел пальцем по карте: — Вот здесь Аспиндза, отсюда идет кратчайшая дорога к Ахалцихе. Таким образом я отрежу туркам путь к отступлению. Когда же вы на равнине у Ахалцихе встретите врага, я одновременно ударю на него с тыла, и турки будут окружены.

Тотлебен задумался и стал внимательно всматриваться в карту. Такой план ему был на руку.

Если ахалцихский паша отвергнет его предложение и будет осуществлен план Ираклия, с турками будет покончено.

Если же ахалцихский паша согласится на предложение Тотлебена, создастся такая обстановка, при которой неизбежна гибель войск Ираклия, которые на пути к Рокитскому перевалу окажутся запертыми в узком ущелье. Если Тотлебен отступит от Адкурн, турки могут с помощью адкурского гарнизона отрезать Ираклию путь к отступлению, а пока грузины выйдут на перевал, главным силам турок представится возможность окружить их в ущелье и истребить.

Тотлебен вновь пришел в хорошее настроение. Он

достал из кармана табакерку, но тут же положил ее обратно. Этикет не разрешал в присутствии царя нюхать табак.

— Я согласен, ваше высочество. Без всякой лести смею утверждать, что ваш план разгрома турок — блестящий. Значит, решено. Теперь скажите, когда вы предполагаете двинуться?

— Это зависит от вас, ваше превосходительство. Я могу сегодня же двинуть свое войско, — ответил Ираклий. — Разрешите и мне спросить — а когда выступите вы?

— Завтра.

— Пусть будет по-вашему, — сказал Ираклий.

— Разрешите попрощаться, — поклонился Тотлебен царю.

Ираклий позвал дворецкого и приказал, чтобы сардары проводили генерала.

Когда Тотлебен вышел из шатра, царь обратился к Моуравову:

— Ты что-то не в духе, Антон?

— Многое заботит меня, царь.

— А что именно?

— Я хочу вам сообщить кое-что важное.

Моуравов огляделся и сказал царю:

— Императрица вместе с орденом послала вам пятьдесят тысяч рублей, но эти деньги граф почему-то не передал вам. Эти деньги высланы на военные расходы. Правда, Панин пишет графу: эти деньги передай Ираклию, если он нуждается, — но разве об этом приходится говорить? Вот вы сегодня роздали войску деньги, почему же все должно идти только из вашего кармана?

Ираклий нахмурился, потом посмотрел пристально на Моуравова и неожиданно рассмеялся:

— Какую волшебную силу имеет это презренное золото: оно слепит глаза всем, будь то купец или полководец. Все же я заставлю генерала выложить деньги. Я напишу Панину письмо с требованием денег на военные расходы, ни словом не упомянув об этих пятидесяти тысячах. А ты в своем письме подтверди, что я нуждаюсь в деньгах. Тогда Тотлебену поневоле придется раскошелиться.

— И я так думаю, государь. А пока как-нибудь переждемся.

— Что ты узнал насчет заговорщиков? — спросил Ираклий.

— Львов рассказал мне, что вчера на рассвете был арестован Ременников. Он на допросе держал себя вызывающе. «Мы еще встретимся», — сказал он графу и так взглянул на Львова, словно эта угроза была обращена и к нему. Дегралье уволен, а Чоглоков под стражей отправлен в Россию.

— Все это плохо, очень плохо, — сказал задумчиво Ираклий, прощаясь с Моуравовым.

В понедельник на заре, когда на небе еще сверкала поздняя серповидная луна, в грузинском лагере прозвучали трубы. Воины сложили палатки, связали тюки и пригнали коней с пастбища. Через час все было готово к походу. Движением войск руководил Давид Орбелиани. В авангарде шел полк хевсуров. Их кони двинулись волчьим шагом. Хевсуры радовались, как дети, что им предстоит первыми встретить врага.

С выступлением войск уполномоченные, во главе с Бесики, приступили по приказу Давида к подсчету воинов. Бесики записывал цифры.

Давиду бросилась в глаза большая убыль людей. Хотя тысячу человек царь послал за хлебом, но отсутствие их не могло броситься сразу в глаза во всей массе войск. Давид поделился своей тревогой с царем, но тот успокоил его:

— Наверное, они разбрелись по близлежащим деревням покупать хлеб. Не беспокойся, пока дойдем до моста, догонят.

Ираклий отлично знал, что войска, стоящие лагерем, начинают от безделья скучать и частично разбредаются.

Давид, привыкший к суровой дисциплине, царившей в русской армии, не мог примириться с подобным самоуправством и с удивлением смотрел на царя.

— Ваше величество, разве воины имеют право самовольно оставлять лагерь?

— А что, многих не хватает?

— Я приказал пересчитать. Думаю, что не осталось и половины.

— Когда подойдем к Садгери, проверим людей по спискам и обяжем помещиков пополнить убыль.

Давид отъехал. Злоба душила его. Он чувствовал себя беспомощным: ему казалось, что и царь, и сановники, и чиновники относились благодушно к тому, что его возмущало, к неурядицам в государстве.

Предутренний туман рассеялся. Давид увидел на равнине приближающиеся группы всадников. Взглянув в подзорную трубу, он убедился, что это грузины.

«Возвращаются», — подумал Давид, и у него отлегло от сердца.

Давид повернул коня и поскакал к крепости.

Там, во дворе, он застал Ираклия, окруженного сановниками и сардарами и расспрашивавшего о чем-то Манучара Туманишвили.

Давид спрыгнул с коня и, подойдя к царевичу Георгию, спросил, о чем идет речь.

— Утром царь отправил к Тотлебену Манучара Туманишвили, — ответил шепотом царевич, — чтобы узнать, когда выступает русское войско. Но граф приказал часовым никого не впускать в лагерь: они чуть не подняли Манучара на штыки.

Выходка графа возмутила всех, особенно вспылчивого Давида. Он крепко сжал рукоятку сабли и обратился к Ираклию:

— Государь, быть может, граф хочет, как полководец, говорить только с вашим сардаром и ни с кем другим. Разрешите мне самому отправиться к Тотлебену.

А про себя подумал: «Посмотрим, как он осмелится не принять меня!»

Ираклий кинул на Давида острый взгляд, догадавшись, что он задумал. А может быть, и лучше будет проучить этого наглеца. Если поступки Тотлебена пока вызывали возмущение у подчиненных Ираклия, то завтра такое поведение генерала могло уронить авторитет и самого Ираклия.

Народу нужен сильный царь. Подданные должны его бояться. Отпустить ли Давида к Тотлебену и разом пресечь возмутительные выходки генерала или же порвать с ним вообще и отделиться от русских войск? Тогда уже Тотлебену придется умолять царя... Но годится ли такая тактика? Вот уже три века, как грузинские цари идут по пути дружбы с Россией, и разве стоит из-за этого зазнавшегося графа отступать от мудрой политики...

Ираклий мягко сказал Давиду:

— Тебе незачем идти туда. Генерал приказал часовым не пропускать никого, и они точно выполнили его приказ. Наверно, он просто забыл предупредить их, чтобы наших гонцов беспрепятственно пропускали к нему. Вот мы попросим господина Моуравова передать графу наше поручение. Мы же не будем задерживаться с отъездом в Садгери.

Моуравов тотчас же отправился в Сурами. Ираклий приказал царевичу Георгию, ведавшему всем обозом, не задерживать отправки ароб, а сам в сопровождении свиты присоединился к войску, растянувшемуся длинной лентой.

Бесики было приказано пересчитать воинов во время движения войск, и он очень задержался. Только к полудню прошли последние отряды и обоз. Тут подошел Моуравов, и они двинулись в путь.

Весь день была чудная погода. На синем небе не было ни облачка. В девственных лесах, поднимавшихся до горных вершин, то здесь, то там виднелись купы сосен и елей, темно-зеленые конусы которых резко выделялись на ярко-изумрудном фоне других деревьев. От Ахалдабы начинался сосновый лес, и воздух был напоитан запахом хвои, нагретой весенним солнцем. На склонах гор цвели ирисы и фиалки, источая дурманящий аромат.

Дорога шла то по каменистому берегу Куры, то поднималась в гору, извивалась, исчезала в дремучем лесу. На ветках старых столетних елей мох висел серыми клочьями. Пушистые белки прыгали по деревьям и обгладывали кору на молодых веточках.

Бесики впервые видел эти места и невольно залюбовался природой, забыв и о списках воинов, и о боли в плече, и о том, что он был в походе. Он пустил коня свободным шагом. Навострив уши, лошадь прислушивалась к шорохам леса. Бесики ни о чем не думал и лишь глядел на извивающуюся по ущелью реку, на горы, которые цепью тянулись вдоль ущелья, на вековые деревья, на убранные цветами лужайки.

Моуравов тоже был восхищен красотой гор, расцвеченных пленительными красками. При переходе через речку Шавцкали лошади стали жадно пить воду.

— Ишь, как понравилась! — воскликнул Моуравов,

тщетно несколько раз натягивая поводья, чтобы оторвать коня от воды.

— Здесь такая вода, что от нее не оторвешься,— заметил седобородый всадник, который ехал с Бесики.— Она пенится, как молодое вино, и если ее налить в кувшин и крепко закрыть, то он может лопнуть. Эту воду любят пить олени. Соль в ней есть. Лошадям она тоже по вкусу.

Моуравов тяжело вздохнул и взглянул на Бесики.

— Из Петербурга едут богачи в Германию и Италию, чтобы пить вот такую воду. Однажды и мне удалось побывать на курорте Карлсбад.

— Наверное, там красивые места.

— Наши красивее. Но там все хорошо устроено: мощные улицы, аллеи, фонтаны. Если здесь сделать то же самое, эта местность будет куда лучше тамошней. Там всего-навсего маленький ручеек, проведенный по трубам к бассейну, расположенному в стеклянном павильоне. А здесь течет целая река, и мы поим из нее лошадей. Эх, может быть, и Грузия дождетя лучших времен...

Моуравов стегнул коня, лошадь, разбрызгивая воду, перешла речку и стала взбираться по подъему. Бесики последовал за послом. Всмотривался в окрестности, пытался представить себе эти дикие места такими, какими описал Моуравов Карлсбад.

Вон там, на скалистом гребне горы, должен красоваться дворец с высокими башнями. В нем должна жить черноокая, с длинными косами, царица.

«Анна! — он потрянул головой, словно желая отогнать эту мысль. — Нет... не Анна».

Поехал быстрее. Догнал Моуравова. Стал с ним беседовать. Но в его сознании опять всплыл образ Анны.

«Анна, Анна должна жить в этом дворце».

Смеркалось, когда они поднялись на плоскогорье Садгери. Войска уже расположились лагерем, но палаток не поставили. На опушке развели костры. Вокруг них на бурках сидели и лежали воины.

Царь и сановники устроились в Садгерской крепости.

Моуравов пошел к царю. Бесики нашел Давида, который с вершины башни осматривал долину.

На башню поднялся Леван.

— Из Тбилиси только что прибыл гонец и привез письма. И тебе есть письмо,— обратился он к Давиду.

— От кого?

— А ну-ка, угадай! От Тамары. Она приехала из Телави и осведомляется о тебе.

Давид протянул руку, чтобы взять письмо.

Бесики через силу улыбался. Может быть, и ему хотели написать, но не посмели послать письмо...

Тамара приехала в Тбилиси в субботу утром, накануне светлого воскресенья, и прямо отправилась во дворец, не побывав в Сачино. Во дворце она, как старшая дочь царя, пользовалась большим авторитетом, чем ее мачеха. Поэтому она не считала обязательным для себя повидаться с Дареджан. Сменив дорожное платье на роскошный туалет, Тамара направилась навестить тетку.

Анна с внучкой сидела в гостиной и вышивала нагрудник. Увидя Тамару, она отложила вышивание, порывисто вскочила и радостно воскликнула:

— Ах ты, моя радость, откуда ты появилась? — Анна обняла и расцеловала Тамару. — Как я рада тебя видеть! Дай полюбоваться тобою. Ты настоящая царица Тамара.

— Это ты царица, моя дорогая тетя, неувядающая роза! — смеясь, сказала Тамара. Потом она обняла Анико: — Ах ты, моя голубка! Ну, как поживаете? Как здоровье Димитрия?..

— И не спрашивай! — тяжело вздохнула Анна. — Несчастной я родилась на свет...

— Что, опять в постели?

— Да, слег.

— А что говорят лекари?

— Что они могут сказать? Рейнегс говорит, что остается лишь удивляться, что хворый человек в таком возрасте еще живет. Идем сядем, чего стоишь?

Они устроились на тахте и продолжали беседу. Расспросили друг друга обо всем. Анна поделилась с Тамарой дворцовыми новостями: здесь после отъезда Ираклия воцарилась такая тоска, что оставалось только ходить на обедни и молебны. В городе жизнь тоже замерла.

— Молим всевышнего о том, чтобы царь вернулся

невредимым, а вместе с ним и другие. Вот тогда и поселимся. А твой Давид?..

— Оставь его в покое,— смеясь, сказала Тамара.

Она стеснялась говорить о своем женихе.

— Сколько времени вы не виделись?

— Даже не помню, приблизительно лет пять. Правда, что он носит русскую форму, забыл грузинский язык и говорит только по-русски?

— Глупости! Он носил раньше русскую форму, она шла к нему. Мне же она вообще не нравится... В белых лосинах человек кажется голоногим. Но теперь Давид носит форму сардара. Дай бог ему вернуться невредимым и тогда вас обвенчаем.

— А где же Бесики, — вдруг спросила Тамара,— хранитель моих тайн?

При упоминании о Бесики Анна вздрогнула, словно в нее вонзилась стрела.

Вздрогнула и маленькая Анико, но тотчас же склонила голову и еще усерднее принялась вышивать.

— И он ушел в поход,— ответила Анна.

— Ах, этот плут и проказник,— засмеялась Тамара,— тоже отправился воевать. Хотела бы знать, к кому он теперь пылает любовью? Раньше он воспевал жену Ибреима и, кажется, добился успеха. Мне очень хотелось бы с ним повидаться. Он еще пишет стихи?

— Кажется, пишет,— ответила Анна изменившимся голосом: об интрижке Бесики с Гульнар она не знала.

Ревность стиснула ей сердце, и румянец схлынул с лица.

«Нет, это невозможно,— подумала Анна.— Это было раньше, в прошлом году, но теперь... сейчас этого не может быть!»

— Нет! — воскликнула Анна.

— Что нет? — с изумлением спросила Тамара, блеснув глазами, так как это «нет» было произнесено другим тоном и не относилось к стихам Бесики.

Анна смутилась.

— Ох, меня мучат сомнения,— сказала она: — даст ли бог победу моему брату? Если он потерпит поражение, турки ворвутся к нам и все уничтожат... Вот я и сказала «нет»...

Слезы выступили на глазах Анны.

Тамара обняла тетку. В эту минуту она была такая

жалкая и вместе с тем такая очаровательная, что Тамару охватило желание приласкать ее. Она прижала Анну к груди и нежно сказала:

— Нет, моя тетушка, этого никогда не будет.

— Чабуа говорит...— Анна достала платок и вытерла слезы.— Чабуа говорит: «Сердце предвещает мне беду, и вести приходят нехорошие».

— Что Чабуа может знать?

— Но про него все говорят, что он мудрец.

— Тоже нашелся мудрец! И кто это выдумал? А что ты вышиваешь? — Тамара взяла вышивку у Анны.— Какой замечательный рисунок. Где ты его видела? Или нарисовал тебе кто-нибудь? Да, я узнала, что приехал Ибреим. Наверное, привез лионские шелка. Ты не заходила к нему?

— Все никак не могу собраться... Я недавно была на площади и мельком видела его товар.

— Пойдем вместе. Сейчас же. Ты засиделась в этой комнате...— Тамара вскочила, выхватила из рук Анны рукоделие и бросила в сторону.— Надо уметь осилить горе, само оно не утихнет. А ты что молчишь? — обратилась Тамара к Анико.— Насупилась, как монахиня. Вставай, идем с нами.

Тамара схватила Анико, обняла и закружилась с ней по комнате...

С приездом Тамары притихший дворец снова ожил.

Пасхальный обед царевна устроила в большом зале: музыканты и певцы заполнили хоры. Были приглашены жены знатных горожан.

Дареджан пришлось чаще бывать в царском дворце, так как ее стали редко навещать придворные. Даже юные царевичи стремились в большой дворец и целые дни проводили в обществе старшей сестры. Они очень ее любили и удивлялись, что мать относилась к Тамаре равнодушно, а иногда беспричинно сердилась на нее.

— Вот увидите, ее сумасбродство навлечет на нас несчастье,— ворчала Дареджан.— За смехом всегда следуют слезы.

Тамара сейчас же после приезда написала письмо Давиду, но так как связь с войсками не была еще налажена, получила ответ только через пять дней. Затем

она стала получать письма ежедневно. Давид писал ей длинные, но сдержанные послания.

В одном из них Давид подробно описал происшествие с Бесики, который сумел освободиться от аркана Салавата. Анна с трепетом прочла это письмо. Мужество и находчивость Бесики обрадовали ее. Он стал в ее глазах подлинным мужчиной.

Незаметно прошла пасхальная неделя. Закончились званые обеды и веселье. Жизнь во дворце затихла. Тамара и Анна накупили в караван-сараях Ибреима всяких тканей и принялись за шитье. Тамара готовилась к свадьбе, и ей нужно было пополнить гардероб новыми платьями. Вся комната была завалена парчой, шелками, бархатом, и целые дни портнихи занимались примеркой, кройкой и шитьем.

Занятые нарядами Тамара и Анна не замечали, как бежит время, и однажды даже забыли узнать, приехал ли гонец с письмом от Ираклия. Лишь на следующий день Анна спохватилась и ахнула:

— Да ведь мы вчера не читали письма!

— Вчера письма не было,— проговорила Тамара,— Гульвардис не пришла. За каждое письмо я дарю ей миналтуни, и она всегда успевает перехватить его у гонца.

— Может, случилось что-нибудь с гонцом,— попыталась успокоить себя Анна.— Он, наверно, прибудет сегодня, ведь царь каждый день посылает скороходов.

Но гонец не явился ни в тот день, ни на другой, ни на третий.

Это взволновало обеих женщин, и они несколько раз ходили к Дареджан в Сачино справляться, нет ли вестей от Ираклия.

Тамара и Анна чувствовали, что молчание царя не предвещает ничего хорошего.

Дареджан ежедневно отправляла гонцов к царю, но они не возвращались, словно проваливались сквозь землю.

В субботу вечером Тамара и Анна молча сидели в комнате, объятые горькими думами.

— Сегодня двадцатое апреля? — спросила Анна.

— Да, суббота, двадцатое число,— ответила Тамара после короткого молчания.— Сколько дней, как мы не получали известий?

Анна не успела ответить, как в комнату ворвалась Майя с расцарапанными щеками и растрепанными волосами.

— Убейте! Убейте меня, Христа ради! — завопила она и грохнулась, рыдая, на пол.

Потрясенная Анна бросилась к Майе, опустилась возле нее на колени.

— Что случилось, Майя?

— Майя, что ты узнала? — воскликнула в свою очередь Тамара, прижав ладони к щекам, чтобы сдерживать рыданье.

Приподнявшись, вестница отрывисто выкрикнула:

— Ахалцихский паша разбил царское войско... Не оставил в живых ни одного человека... Генерал Тотлебен приказал присягнуть на верность русской императрице.

— Что ты сказала, Майя? — воскликнули обе женщины и зарыдали.

— Послезавтра Тотлебен со своим войском придет в Тбилиси, — продолжала Майя. — До чего мы дожили!..

— Кто передал тебе это? — спросила, придя в себя, побледневшая Тамара.

— Я была у царицы... Все собрались у нее. Чабуа сказал, что ему сообщил об этом русский резидент Лопухин. Он тоже там. Убейте меня, несчастную! — начала опять причитать Майя, царапая свое заплаканное лицо.

Ираклию целую неделю пришлось ждать в Садгери подхода войск Тотлебена. Отряд, посланный за хлебом, также задержался. Потребовалось отправить еще пятьсот человек.

Теперь царю стало ясно, что Тотлебен умышленно затягивает поход, чтобы поставить грузинские войска в тяжелое положение. Ираклий решил отложить поход и не возобновлять его, пока из Петербурга не отзовут этого генерала — интригана и самоуправца. Моуравов не мог разобраться в поведении Тотлебена и проклинал судьбу, которая связала его с ним...

Но неожиданно русские войска под барабанный бой вступили в Боржомское ущелье. Ираклий выехал на встречу Тотлебену и пригласил его в крепость Петра.

Посоветовавшись, они решили на другой же день

двинуться в сторону Ацкури, не дожидаясь грузинских отрядов, отправленных за хлебом.

Ираклий рассчитывал быстро дойти до Ацкури: там, на вражеской земле, можно будет легко добыть провиант и фураж.

По требованию Тотлебена грузины должны были выступить первыми.

Но царь колебался. Его все же беспокоило отсутствие провианта. Он поделился своими сомнениями с Давидом и Леваном, но те успокоили царя: воины обеспечены хлебом в достаточном количестве.

— Как это так? — удивился Ираклий. — Разве прибыли люди царевича Георгия?

— Нет, отец, — сказал Леван, — наши достали хлеб у русских.

— У русских?..

— Да. Когда русские солдаты узнали, что у нас нет хлеба, они с радостью стали предлагать нашим воинам свой хлеб.

— Но разве так можно было снабдить всех? Что за чепуха!

— Все с хлебом. Мы спрашивали. У всех теперь запас на несколько дней.

— Вот еще новая забота! — воскликнул Ираклий. — А что же осталось у русских?

— Не знаю. Видимо, у них оказался лишний... Ни офицеры, ни сам генерал не запрещали солдатам отдавать нашим хлеб.

— Если так, то очень хорошо, — промолвил царь. — Видно, и впрямь верна поговорка — истинная дружба познается в беде.

Ираклий со свитой отправился из крепости Петра. Тотлебен встретил его со своим штабом. Царь и генерал верхом поднялись на горку и стали следить за движением грузинских войск. Ираклий был в персидском златотканном халате, с голубой лентой через плечо. На груди его красовался орден Андрея Первозванного. Уздечка, седло и подпруги на его коне сверкали золотым набором и самоцветами. Тотлебен был в расшитом золотом парадном мундире и треуголке с развевающимся султаном.

Среди грузинских воинов распространился слух, что между царем и русским генералом возник разлад.

Но теперь, видя их вместе, воины воспрянули духом и молодцевато проехали перед ними.

Прошли грузины, замерли звуки труб, и вслед за грузинами двинулись русские. Ираклий поскакал вперед, чтобы догнать авангард, а Тотлебен вернулся в крепость, снял парадный мундир и приказал майору Жолубову:

— Сейчас же пошлите отряд в Садгерскую крепость, а другой расквартируйте здесь. На всех дорогах расставьте часовых. Кроме наших, пусть никого не пропускают. Если даже явится сам царь Ираклий, так задержать и привести ко мне.

Потом, сев на коня, генерал поехал к войскам.

Вследствие узости дороги колонны продвигались медленно и только под вечер достигли Ацкури. Воздвигнутая на скале и опоясанная массивными стенами Ацкурская крепость, мрачная, как легендарная Каджети, возвышалась над узким ущельем Куры.

Из крепости не доносилось ни звука, точно она была всеми покинута. Но там был гарнизон в тысячу человек, и в ней укрылось все население Ацкури. Жители поздно узнали о приближении грузинских войск и не успели забрать в крепость скот и имущество. Все это было оставлено на произвол судьбы.

Ираклий, взойдя на гору, не отрываясь, смотрел на город и крепость, словно вросшую в скалу и высившуюся над ней зубчатыми стенами и башнями. Рядом с царем молча стояли сардары. Он обвел испытующим взором окрестность, потом посмотрел на небо. Таявшие облака на горизонте еще хранили красноватые отблески вечерней зари.

Ираклий подозвал Давида и приказал ему распорядиться, чтобы воины не смели разорять город.

— На мосту поставь хевсуров, — прибавил царь.

— А что делать со скотом? Население оставило его без присмотра.

— Пусть пригонят сюда. Если где найдут провиант, пусть также заберут, а остальное не трогать. Объявить, что хотя мы находимся сейчас в краю, над которым властвуют турки, но это наша родная земля: разорять ее — преступление. Половину скота отослать русским, хотя я видел, что казаки уже успели угнать голов сто.

Но чтобы Тотлебен не был в претензии, поделимся с ним нашей добычей.

Давид поклонился царю и, сопровождаемый сардами, стал спускаться с горы.

Ираклий опять взглянул на Ацкури.

Свита его безмолвно стояла неподалеку. Все были уверены, что царь обдумывает план штурма.

Но Ираклий вовсе не думал о штурме. Он вспоминал своего учителя Иасэ, который преподавал ему географию. Однажды старик развернул перед ним большую карту времен царя Ростомы, показал грузинские земли и, положив палец на Самцхе-Саатабаго и Тао-Кларджети, сказал:

— Вот здесь — колыбель нашей страны, сын мой, но горе нам: в этой колыбели ныне — чужой младенец.

Эти слова глубоко врезались в сердце Ираклия. Он с грустью смотрел на карту и, охватывая взглядом очертания Европы и Азии, еле находил на этом огромном пространстве свою родную страну. Она была величиной с ладонь, да еще разделена на многие царства. В Западной Грузии, которая делилась на самостоятельные княжества — Абхазское, Мингрельское, Гурийское, Рачинское и Сванское, — в городе Кутаиси сидел царь Александр — отец нынешнего царя Соломона, которому ни одно из этих княжеств не подчинялось.

Восточная Грузия была разделена на два царства: Картлийское со столицей Тбилиси, которым правил царь Вахтанг Шестой, и Кахетинское со столицей Телави, в которой сидел царем отец Ираклия — Теймураз Второй. Оба царя были вассалами Персии.

Юго-западной Грузией, Самцхе-Саатабаго и Тао-Кларджети владели турки. Захватив эти земли, они огнем и мечом начали распространять среди грузинского населения магометанство, уничтожали грузинскую культуру, письменность, церкви, угоняли красивейших девушек в гаремы, а молодых людей в мамлюкское войско... Эта часть Грузии, некогда славившаяся своими зодчими, философами, поэтами, мастерами ювелирной чеканки, художниками, была порабощена турками и совершенно разорена...

Такова была Грузия, когда Ираклий впервые по карте познакомился с миром и со своей страной.

С тех пор прошло много времени и многое измени-

лось. Ираклий сумел не только объединить Картлийское и Кахетинское царства в одно целое, покончить с вассальной зависимостью их от Персии: он подчинил себе Ганджинское и Эриванское ханства, которые примыкали к Грузии с востока и юго-востока. Но Самцхе-Саатабаго и Тао-Кларджети — эти искони грузинские земли, земли месхов, оставались под турецким ярмом, и он не переставал мечтать о воссоединении их с Грузией.

Часто вспоминались Ираклию слова учителя: «...здесь колыбель нашей страны».

«Ах, если бы Иасэ был жив и находился здесь», — подумал Ираклий и обернулся.

Ближе всех к нему стояли Леван и Бесики. Ираклий улыбнулся им.

Леван решил, что царь уже обдумал штурм крепости и его улыбка — залог успеха.

Он восторженно взглянул на отца и обратился к нему:

— Отец, разреши мне первым идти на приступ.

Ираклий посмотрел на крепость, потом на Левана.

— Крепость мы взять не сможем, — спокойно сказал он. — Сперва надо разгромить войско Гола-паши, а тогда и Ацкури и Ахалцихе сдадутся сами: штурмовать крепость — безнадежно.

— А русские пушки?

— Русским пушкам этих стен не разрушить.

Ираклий ничего больше не сказал и направился в свою палатку. За ним последовала свита. На возвышенности остались только Леван и Бесики.

— Слышал, что сказал отец? — воскликнул Леван. — А я думал завтра уже водрузить на главной крепостной башне грузинское знамя! Погоди, что это такое? Ты видишь? — указал пальцем Леван: — Русские везут сюда пушки.

На гору медленно взбиралась артиллерия. Бомбардиры вели под уздцы лошадей, которые с трудом тащили пушки на высоких колесах. Солдаты криками понукали лошадей.

Вскоре появился и офицер. Заметив в сумерках Левана и Бесики, он крикнул:

— Кто здесь?

— Царевич и царский секретарь, — ответил Бесики на ломаном русском языке.

— Царевич? — удивленно переспросил офицер и, подойдя поближе, узнал Левана. — Ваша светлость, разрешите мне установить на этой горе артиллерию.

— О чем он говорит? — спросил Леван у Бесики.

— Он просит разрешения установить здесь пушки.

— Пусть устанавливает — это его дело. Но спроси его, смогут ли эти пушки разбить крепостные стены?

Бесики перевел офицеру вопрос Левана, но тот ответил уклончиво:

— Это зависит от того, насколько крепки стены и как велика наша настойчивость.

— Значит, Тотлебен решил взять крепость?

— Разумеется, затем мы и пришли сюда.

Орудия втащили на гору. Утомленные лошади тяжело дышали. Офицер приказал тотчас же установить орудия и определил место для каждой батареи. Двенадцатифунтовые пушки поставили в ряд на горе, а трехфунтовые «единороги» — впереди, на ее склоне.

Леван и Бесики с любопытством смотрели на действия солдат, которые безмолвно и точно выполняли приказы начальников. Одна из пушек оказалась около Левана и Бесики. Пожилой, с обвисшими седыми усами, старший бомбардир басистым голосом отдавал приказания. Он проверил установку пушки, затем взглянул на крепость. Уже смеркалось, и Ацкурская крепость обрисовывалась в небе черным силуэтом.

— Ладно, наведем завтра утром... — проговорил бомбардир.

Леван и Бесики направились в лагерь. Они осторожно шагали в темноте по каменистому отрогу горы. Всюду ярко пылали костры. Их пламя освещало дым, который косматыми клочьями вился во мраке.

Как только рассвело, раздались пушечные выстрелы. Лежавший у потухающего костра Бесики вскочил и огляделся. Воины, собравшись, смотрели в ту сторону, откуда доносился гром русских пушек.

Батареи стреляли по очереди. В каждой батарее было по три пушки, и когда приближалась очередь последней батареи, первая была уже подготовлена бомбардирами к стрельбе. Взмахом сабли офицер подавал сигнал, и тотчас же из пушек вылетали белые клубы дыма и раздавался тяжелый грохот.

Грузины с восхищением следили за пальбой и кричали:

— Так им!

— Угодил как раз в стену!

— Еще им, еще, дорогие...

Грохот пушек не смолкал, и грузинские войны все больше воодушевлялись. Они не находили себе места. Достаточно было бросить клич, и все ринулись бы в бой.

Но Ираклий не разделял общего восторга. В эту ночь он настойчиво советовал Тотлебену оставить у Ацкурской крепости лишь небольшой заслон, а с остальными войсками немедленно двинуться к Ахалцихе. Грузины были расположены к юго-востоку от Ацкури, на склонах ущелья, ведущего к Рокити. Русские части стояли севернее. Они могли быстро миновать мост и начать наступление в сторону Ахалцихе. К тому времени, когда русская пехота подойдет к Ахалцихе, кавалерия Ираклия, обойдя Рокити, успеет подойти туда же. Начинать осаду Ацкурской крепости — бесполезно. Артиллерия не в силах пробить брешь в крепостных стенах. Войска падут духом, провиант кончится и поражение станет неминуемым. Но Тотлебен упрямо возражал. По его мнению, ветхие стены Ацкурской крепости не выдержат и одного залпа. В течение получаса пушки разрушат стены, и крепость будет взята штурмом. В ней они найдут уйму провианта. А затем можно будет продолжать поход.

Как ни пытался Ираклий доказать Тотлебену, что его план неосуществим, тот стоял упрямо на своем: царь ушел, ни в чем с ним не столковавшись.

Как только утром начался артиллерийский обстрел, Ираклий в подзорную трубу стал следить за его результатами. Бомбардиры, видно, были хорошими наводчиками, так как ядра точно попадали в цель. За короткий промежуток времени более двухсот ядер было послано в стены крепости, но никакого следа бреши никто не смог заметить.

Грузины вежоре убедились, что обстрел не дает никаких результатов, и возбуждение их быстро остыло. Уже не было слышно веселых восклицаний, только изредка войны недоуменно обращались друг к другу!

— Стоит, проклятая стена!

— Подождем, может быть, поддастся...— успокаивали другие.

— И ждать нечего! Разве не видишь?

Неожиданно русские прекратили стрельбу. Наступила тишина. Все стали смотреть на вершину горы. Артиллеристы налаживали построения, впрягали лошадей и увозили пушки.

— Что же это,— они уходят?..— раздался чей-то крик. Кто-то побежал в ту сторону, чтобы разузнать, что случилось.

Моуравов заволновался. Чувствуя неладное, он послал казака в ставку Тотлебена узнать, в чем дело.

Волнение среди грузинских воинов все усиливалось.

Крик и шум росли. К царской палатке подскочил всадник. Соскочив с лошади, он прерывающимся голосом доложил:

— Государь! Генерал увел свои войска!

— Увел? — с удивлением повторил Иракий.— Откуда ты знаешь?

— Я стоял на посту у дороги, где мне было приказано. Я все видел. Генерал увел свои войска...

Известие об уходе Тотлебеном своих войск молниеносно распространилось по всему лагерю. Все стали укладываться и седлать лошадей. Послышались крики:

— Мы погибли!

— Генерал оставил нас!

Среди поднявшегося переполоха не заметили, как турки открыли крепостные ворота и пятьсот всадников напали на расположившийся у крепости отряд грузин. Взяв в плен семьдесят человек, турки увели их в крепость. Спасшиеся воины кинулись в лагерь, сея сумятицу.

Сардары не знали, что предпринять. Угрозы не действовали, их голоса тонули в шуме и криках. Люди стали разбегаться. Давид вскочил на коня. В сопровождении минбашей он погнался за беглецами, пытаясь вернуть их в лагерь.

Пораженный Иракий с горечью глядел на вестника. Ему вспомнились слова Ременникова и других офицеров-заговорщиков, говоривших ему о том, что Тотлебен готовит предательство. Вспомнил он и о письме Захарии Габашвили.

Иракий призвал царевича Георгия.

— Поезжай, догони этого Иуду. Спроси, почему он ушел? Может быть, заставишь его вернуться. Привел сюда, заманил в западню и оставил!

— Хорошо, государь,— угрюмо ответил Георгий.— Скажу ему, что следует.

— Говори с ним сдержанно. Не давай повода...

— Знаю...

Георгий вскочил на коня и со свитой поскакал к крепости Петра.

Иракий понял, что здесь ему не собрать рассеявшихся воинов, и решил отступить на одну эджу, к Тихревской роще.

Но едва стремянные подвели царю коня, со стены крепости зазвучала труба. Потом загредел барабан, и на башнях и стенах показались торжествующие турки. Они глядели в сторону Куры, махая руками, кого-то приветствовали.

За рекой, на дороге, показалась турецкая конница. Она двигалась под водительством артаанского владельца Калым-бека. Турки неслись вскачь. За плечами всадников развевались разноцветные плащи. Подняв над головами сабли, они с криком переехали мост и остановились у крепостных ворот. Навстречу вышли защитники крепости, радостно их приветствуя. Они показывали прибывшим на грузинский лагерь и торопили начать атаку.

Калым-бек, осмотрев окрестность, понял, что нельзя упустить такой благоприятный момент для разгрома грузинских войск.

— Через полчаса Иракий будет в моих руках,— смеясь, сказал Калым-бек,— но я боюсь, чтобы на меня не были в обиде Супфав-хан и Малачини.

Калым-бек разделил турок на десять отрядов и приказал им окружить грузинский лагерь. Потом сел на коня, возвел руки к небу, моля аллаха о победе, и пустился с места в карьер.

Турки с гиканьем понеслись вслед. По всему полю, как языки пламени, трепетали их развевающиеся плащи.

В грузинском лагере смятение все усиливалось. Сардары, видя, что на малодушных не действуют ни крики, ни угрозы, обнажили мечи и пытались силой преградить бегущим дорогу.

Побледневший Бесики тщетно разыскивал своего коня. Наконец он схватил брошенную кем-то лошадь и вскочил на нее. Обнажив саблю, Давид вместе с другими попытался остановить беглецов. Он настиг какого-то воина и ударил его плашмя саблей по спине.

— Куда бежишь? — крикнул он беглецу, который от удара саблей свалился на землю. — Поворачивай сейчас же обратно.

Воин с испугом посмотрел на Давида. Потом, вскочив на ноги, кинулся бежать. Давид погнался было за ним, но ему перебежал дорогу другой беглец.

— Куда, трус? — крикнул Давид и замахнулся на него саблей.

Тот остановился, отступил на шаг и стал растерянно оглядываться.

— Кайхосро, это ты? — с удивлением воскликнул Давид.

Перед ним стоял Кайхосро Мурванишвили, старый испытанный воин, побывавший во многих битвах.

— Что ты делаешь, не стыдно тебе?

— Сам дьявол не поймет, что со мной случилось... — смущенно оправдывался Кайхосро. — Кажется, и я с ума спятил в этом сумасшедшем беспорядке. Эй, куда бежите, проклятые? — схватился за саблю Кайхосро и преградил дорогу трем молодым воинам: — Поворачивайте! А не то, клянусь душой покойного отца, прикончу вас!

Кайхосро крикнул это таким голосом, что беглецы замерли на месте.

— С ума сошли? — кричал Кайхосро, но вдруг голос у него пресекся, и он продолжал, хрипя: — И меня свели с ума! Идите за мной!

Молодые воины покорно пошли за ним. Кайхосро теперь набросился на другую группу бегущих.

Бесики стал помогать ему и незаметно очутился у шатра Ираклия.

Ираклий сидел на коне и, казалось, не обращал внимания на воинов, охваченных смятением. Он внимательно следил за турками на ацкурском поле. Сразу догадавшись, что замыслил враг, он подозвал к себе Левана:

— Их конница может нанести нам большие потери. Я возьму с собой сотню хевсуров и расположу войска в

Тихревской роше, тут нельзя оставаться. Ты же возьми двести хевсур и удержи турецкую конницу. Ударь на них с фланга, развернув отряд циркулем. Если опрокинешь их, гони до самой крепости, потом отходи. Если же не удастся, старайся заманить в мою сторону. Да поможет тебе бог!

Леван поклонился царю и поспешил к хевсурам. Бесики последовал за царевичем и только теперь заметил, что из всех войск только хевсурский отряд сохранил воинский порядок. Хевсуры сидели на конях и ждали приказа царя. Их сардар, широкоплечий, облаченный в кольчугу, Сумбат Лохакришвили, почтительно встретил Левана.

— Гудамакарцы — к царю! — приказал Леван. — Остальным построиться в два ряда! Укрыться под косягом так, чтоб враг вас не заметил.

В это время донесся боевой клич турок и топот коней. Леван оглянулся. Он увидел Бесики и тихо ему сказал:

— Что тебе здесь надо?

— Хочу быть с тобой, — ответил Бесики.

Оба они глядели в сторону крепости. На окраине поля показались турки. Они надвигались лавой. Длинный строй всадников, пестревший красно-желтыми плащами, извивался по полю.

— Ишь, как мчатся! — заметил Леван и обратился к Бесики: — Отъезжай в сторону, не то хевсуры могут задавить тебя во время атаки. Куда ты лезешь со своим большим плечом?

Сумбат подъехал к Левану и, посмотрев в сторону турок, спокойно проговорил:

— Много их, проклятых!

— Мы должны их разбить, Сумбат! — твердо и повелительно ответил ему Леван.

— Они узнают силу наших мечей, но и нам достанется.

Турки быстро приближались.

— Вот теперь пора, — сказал Леван, измерив на глаз расстояние до противника. — Начинай, Сумбат, с нами бог!

Оба перекрестились, потом повернули коней и подъехали к хевсурам, находившимся в засаде.

Бесики чувствовал, что он со своим вывихнутым

плечом не пара этим богатырям, но ему было неловко съезжать. Леван, словно разгадав его колебание, сказал ему, улыбаясь:

— Я же тебе сказал, уезжай! Да где ты нашел такую конягу?

Потом, поднявшись на стременах, обнажил меч и крикнул хевсурам:

— Слава вам, хевсуры! Святой Георгий дарует нам победу!

Хевсуры разделились на два отряда. Один повел Леван, другой — Сумбат Лохакришвили. Бесики едва успел отъехать в сторону, как мимо него, словно ураган, промчались закованные в железо всадники. Их обоюдоострые мечи, на которых играло солнце, сверкали ослепительными искрами.

Развернувшись циркулем, отряды, как две стрелы, понеслись на врага.

Турки продолжали скакать, не убавляя ходу, чтобы догнать отступавшие грузинские войска. Их поднятые кривые сабли словно гнулись от ветра. Уже доносились отрывистые крики:

— Алла!.. А-а-а!.. Смерть гяурам!..

Хевсуры налетели с фланга и приковали турецких всадников к месту. Их строй стал извиваться, как змея, они попятились и начали отступать.

Для Калым-бека этот удар оказался неожиданным. Теперь ему уже было не до главных сил грузин, отведенных Ираклием к Тихревской роще, пришлось отбиваться от хевсуров, которые заходили в тыл.

Он попытался перестроить ряды своей конницы, но было уже поздно.

Хевсуры смяли первые ряды противника и с такой силой обрушились на остальных, что весь отряд распался на части. Грузины окружили это метавшееся скопище и, рубя, гнали турок до самых ворот. Но гарнизон крепости начал стрелять по хевсурам. Пятеро из них были ранены, трое остались без лошадей, убитых турецкими пулями.

Хевсуры, выйдя из-под обстрела, остановились, перевязали раненых и собрали оружие, брошенное турками, некоторые погнались за лошадьми, оставшимися без всадников.

Обрадованный Бесики поспешно стал спускаться с горы, ему хотелось обнять Левана и поздравить с победой.

Леван, опустившись на колено, склонился над раненым седовласым хевсуром.

— Передайте нашим, — угасающим голосом говорил старик, — пусть вспоминают обо мне... почтут память боевой песней... Похороните в родной земле...

Воин хотел еще что-то сказать, но голос его пресекался, он тяжело вздохнул и поник головой...

Леван достал из-за пазухи шелковый платок и прикрыл лицо умершего...

Воины не помнили, чтобы царь был когда-либо так разгневан, как в этот день. Даже старые ратники, бывавшие с Ираклием в былых походах, не видели его таким.

Войско, пройдя небольшое расстояние, остановилось в Тихревской роще. Сюда постепенно собирались войска. Сотня гудамакарских хевсуров, которую послал вперед Ираклий, чтоб останавливать малодушных, стояла в конце поля, около ущелья. Но сейчас она стала ненужной. Смятение и растерянность прошли. Среди воинов разнеслась радостная весть: пришли ратники и сказали, что видели собственными глазами, как хевсуры обратили в бегство турецкую конницу. Это известие всех ободрило. Люди стали просить своих начальников повести их в бой. В это время показался Ираклий в сопровождении Давида и своего конвоя из семи хевсуров. Он проехал мимо выстроившихся войск и таким взором обвел воинов, что многие задрожали от страха.

Царский знаменосец Гогия Фатрели, не выдержав этого взгляда, крепко стиснул древко знамени и медленно опустился на колени. Все воины, последовав его примеру, низко склонили головы.

— Встань, Гогия! — спокойно обратился Ираклий к знаменосцу, потом, взглянув на воинов, вдруг прогремел гневным голосом: — Встать!

Он сошел с коня, бросив поводья, и снял царский халат, надетый поверх чохи.

— Я вам больше не царь! Для стада требуются только пастух и собака. До нынешнего дня я думал, что препоясан мечом и в руках держу царский скипетр, но

я убедился, что мой меч — это палка, скипетр — свирель, что мои великие предки оставили мне не подданных, а овечью отару. Уходите и расскажите своим старикам отцам и седым матерям, как вы бежали с родной земли, орошенной кровью наших предков! А мне лучше, чем переносить такой позор, явиться к ахалцихскому паше, стать перед ним на колени и умолить его дать мне место водоноса.

Опустив головы, воины слушали царя, стараясь не встретиться с ним глазами. Чем резче говорил Ираклий, тем ниже склоняли головы воины, и скоро все войско пало ниц на землю.

Давид и Иасэ Эристави подняли царское одеяние. К ним подошли и другие сардары, и все стали умолять Ираклия вновь в него облачиться.

Но царь отстегнул и саблю.

— Вот вам и моя сабля,— обратился Ираклий к сардарам. — Мы одного племени, и, видно, я тоже не достоин носить саблю... Трусам надлежит быть с трусами, считайте и меня таким же.

— Прости, государь! — воскликнул Дугаба.

И эти два слова подхватило в один голос все войско:

— Прости!..

Дугаба поднял голову и посмотрел в глаза Ираклию.

— Государь, я состарился, служа тебе, разреши мне сказать слово.

— Мы с тобой бились в Афганистане, ты первым взошел на Кандаарскую крепость,— обратился к нему Ираклий. — Тогда мы служили шаху и все же никогда не отступали перед врагом. Теперь же мы дожили до того, что не можем отстоять родной земли! Лучше умереть нам с тобой, Дугаба, чем пережить такой позор.

Дугаба расправил плечи, окинул взором воинов, потом взглянул на Ираклия, прижав ладонь к сердцу, поклонился и сказал:

— Государь, пусть отсохнет у меня правая рука, если я когда-нибудь заступлюсь за труса... Трус достоин смерти, но...

Дугаба смолк и, словно нища слова, приложил руку к губам.

Все слушали затаив дыхание.

— ..Но, царь, ты сам видел, что случилось... Нас

предали... Генерал увел свои войска. Пусть он и ответит перед тобой за все.

— Так, так, пусть ответит! — дружно отозвались воины.

— Увидав, что русские уходят, наши люди растерялись и дрогнули. Не от трусости! Если человек обопрется о стену и она повалится, разве он не пошатнется, а может быть, даже упадет, но тотчас же встанет на ноги. Так стало и с ними, государь, и за это не гневайся. Правду я говорю? — вновь обратился Дугаба к воинам.

— Верно, верно! Сушая правда! — грянуло в ответ.

В это время послышался топот коней, прерываемый веселыми восклицаниями. Все оглянулись и увидели отряд хевсуров, скакавших к лагерю. Среди них было несколько русских.

Отряд остановился перед царем. Царевич Леван, Бесики и пять русских офицеров подошли к Ираклию. При виде русских у него блеснула надежда. Он подумал, что Георгию удалось переупрямить Тотлебена, и тот послал этих офицеров с каким-нибудь поручением.

Но Леван разрушил его надежду. Он сказал:

— Эти офицеры с двумя сотнями казаков перешли к нам. Они поклялись, что лучше умрут в рядах войск Ираклия, чем покроют себя позором, оставшись с Тотлебенем.

Царь обнял, поблагодарил каждого из офицеров и обратился к войскам:

— Вы видите — русские тут неповинны, изменил нам генерал, и он за это заплатится. А теперь вы должны доказать, что достойны воинского звания. Пока вы этого не докажете на деле, я не облечусь в царскую одежду, ибо считаю себя недостойным носить ее. И не возражайте мне. Сардар Давид, прикажи войскам готовиться в путь. Пусть накормят коней, увяжут поклажу. А ты, Бесики, найди подходящее место для совещания: позвать на совещание сардаров, пригласить господина Моуравова и русских офицеров.

Бесики быстро нашел удобное место и приказал слугам разостлать бурки.

Приглашенные быстро собрались.

— Для каждого из нас ясно, — начал Ираклий, — что мы находимся между двух огней. Положение исключительно тяжелое. У Адзури нас не пропустит кавалерия

Калым-бека. Она теперь уже, должно быть, оправилась от поражения, и если даже не выйдет из крепости, то все равно может в узком проходе обстрелять нас ружейным огнем. Если мы все же прорвемся и последуем за Тотлебенем, наше положение не улучшится. Он занял, конечно, крепость Петра, и ничего хорошего от него ждать нельзя. Итак, у нас остается единственный надежный путь к отступлению: мы должны перейти Рокитский перевал и, выйдя на Ахалкалакское плоскогорье, миновать врага. Если Сафар-паша ведет свое главное войско в Ацкури, мы разминемся с ним... Но если он угадает план нашего отступления и поведет свое войско через Рустави, тогда придется прорываться с боем. Уверен, что каждый из вас выполнит с честью свой долг и свои всеенные обязанности.

В лагере началась какая-то тревога. Ираклий приказал Соломону Леонидзе:

— Пойди узнай и доложи, что случилось. — Затем обратился к Давиду: — Теперь я убедился в том, кто такой граф Тотлебен, — это не только авантюрист, он настоящий подлец! Вот как с нами поступил этот изменник, — повернулся Ираклий к Моуравову, — заманил в ловушку и предал!

— Государь, разрешите мне доложить, — начал Моуравов. — Тотлебен ушел, тут ничего не поделаешь. Я обо всем сообщу императрице, она сурово его покарает, но теперь нам надо думать о другом. Пока турки придут в себя, мы должны их опередить и напасть на них у Ацкури. Ваше воинское искусство обеспечит нам победу. Императрице мы доложим, что посланный ею генерал оказался изменником, но что мы остались ей верны и разбили турок. Пусть она сама делает отсюда выводы. Клянусь душой моего отца, она вашему высочеству поручит судить этого предателя.

Соломон Леонидзе вернулся и доложил царю, что приехал царевич Георгий.

— Где он? — нетерпеливо спросил Ираклий.

— Идет сюда.

Утомленный Георгий медленно подошел к отцу.

— Ну что, царевич? — молвил Ираклий. — Что скажешь нам?..

Георгий махнул рукой и тяжело опустился на разо-

стланную бурку, оперся на локоть левой руки, а правой ударил нагайкой по земле и со вздохом сказал:

— Тотлебен ушел к крепости Петра.

— По какой причине?

— В том-то и суть, что никакого довода он не мог привести. Сперва сказал, что получил приказ императрицы и потому уходит. Когда же я попросил показать приказ, он выдумал другую причину, — а именно, что у него нет провианта и голодные солдаты не могут сражаться.

— Теперь все ясно! — сказал Иракий и повернулся к Моуравову: — Ваш совет хорош, но исполнить его невозможно. Мы уже не можем идти на Ацкури. Ясно, мы заперты в этом ущелье. У нас осталась единственная дорога. Если мы до сумерек успеем перебраться через перевал, то можем еще уйти от врага. Но если урумы нагонят нас на подъеме, они закроют и этот проход, тогда... — Он умолк и, вздохнув, добавил: — Тогда сбудется заветное желание ахалцихского паши — и наши отрубленные головы преподнесут в подарок султану.

Войско двигалось по узкой тропинке. Она извивалась по ущелью, потом подымалась на хребет, шла то по вершине, то по склону. Всадники вынуждены были ехать гуськом, что сильно задерживало продвижение.

Давид и Бесики проехали вперед. Давид сам хотел выбрать место для лагеря. Леван остался с войсками.

С вершины вся окрестность казалась выжженной. Выше альпийских лугов тянулись лишь каменистые голые отроги.

Давид и Бесики сошли с коней и сели на камни. Давид посмотрел вокруг.

— Нам, наверно, придется ждать восхода луны. А чем кормить здесь лошадей? Гнать же их в сторону опасно.

Бесики тяжело вздохнул.

— Как ты думаешь, мы теперь вне опасности?

— Если Тотлебен не известил турок заранее о своем маневре, тогда, пожалуй, мы успеем ускользнуть, но если он нас предал, турки перережут нам дорогу и наша судьба будет зависеть только от нашего меча.

— Значит, не миновать нам сражения, — заключил Бесики.

— Я так думаю. Страх небось берет?

— Я боюсь не за себя,— продолжал Бесики после некоторого раздумья.— Меня беспокоит исход сражения. Ведь у ахалцихского паши двенадцать тысяч воинов, а у нас едва ли половина этого наберется.

— Не тревожься, мой поэт,— сказал Давид и дружески похлопал его по плечу.— наших воинов испугала не численность врага, а измена генерала.

Ты в детстве испытывал страх? — спросил Давид после некоторого молчания.

— Конечно. Кто не испытал его?

— А со мной вот что однажды произошло. Как-то на базаре бездельники купцы раздражили быка. Разъяренный зверь кинулся на людей. Народ с криком стал разбегаться. Хотя я был еще мальчишкой, было мне лет четырнадцать, но я не испугался. Выхватил меч, загородил быку дорогу и хотя не смог отрубить голову, но так глубоко прорубил шею, что он рухнул на землю. А теперь расскажу тебе про другой случай. Как-то летом, перед отъездом в Россию, пошел я в алазанские заросли охотиться на тигра. С ружьем в руках я выслеживал зверя. Двигаюсь осторожно, прислушиваюсь к каждому шороху, слышу даже, как звенит над ухом комар. Вдруг, о боже, перед самым носом взлетел фазан и так напугал меня, что я обомлел и выронил ружье... Тигра мы потом искали целую неделю, но и следов его не нашли. Я ведь и прежде охотился на фазанов, но в это время думал о тигре, поэтому вылетевший из-под ног фазан так напугал меня, что весь день у меня дрожали руки. Так-то, мой Бесики. Страшно бывает только до тех пор, пока не увидишь врага... А вот едет и царь, поедem встретим его.

На пригорке показался Ираклий со свитой. Давид вскочил на коня и поехал навстречу. Бесики остался на месте и задумчиво глядел на поляну, где постепенно собирались войска.

Лошадь усердно шипала редкую травку, то и дело натягивая повод, чтобы дотянуться до нового пучка. Бесики разнуздal коня и пустил его пастись.

Скоро спустились сумерки. Небо было покрыто свинцовыми облаками. Вечерний ветерок временами доносил карканье ворон, взлетающих со скал. Войска уже собрались, и сардары отдали приказ всадникам спешиться.

До восхода луны войны должны были двигаться в пешем строю, чтобы дать подкормиться и отдохнуть лошадям.

Бесики, взяв лошадь под уздцы, стал спускаться по склону. Он и не заметил, что значительно опередил войска. Слева дорогу теснили высокие скалы. Справа гора обрывалась, и в глубине зияющей пропасти с шумом неслась полноводная Кура.

Вдруг лошадь насторожила уши, дернула головой и заржала. Бесики стал пристально вглядываться. Пёказались силуэты трех всадников. Они быстро приближались, шум копыт заглушала трава. Бесики оглянулся. «Кто это может быть? — мелькнула у него мысль. — Враги или друзья?» Он мигом вскочил на свою лошадь, но не мог сразу решить, что делать — скакать ли назад и сообщить своим о незнакомцах или двинуться к ним навстречу. Но если всадники окажутся вражескими разведчиками? Пока свои подоспеют на помощь, они успеют с ним разделаться.

«Что со мной? Неужели я струсил? Какой позор!»

И Бесики, стегнув плетью абхазку, выхватил пистолет и, приблизившись к всадникам, резко окликнул:

— Арда гедирсан?*

Незнакомцы остановились, и один в свою очередь крикнул:

— Откуда вылез этот нехристь?.. Бей собаку!

Все трое выхватили сабли. Они с такой быстротой напали на Бесики, что тот еле успел крикнуть:

— Вы грузины?..

Незнакомцы придержали коней, и один из них с удивлением спросил:

— Погодите, ведь это свой... В темноте не распознал тебя!

— Я Бесики, царский секретарь. А ты кто такой?

— Я узнал тебя по голосу, — отозвался незнакомец. — Тут все свои: я — Васо Котетишвили, этот — Джаншата Иванаури из Гудани, а тот — Самана, кузнец.

— Откуда вы?

— Нас послал царь на разведку, — ответил Васо и спросил в свою очередь: — Наши далеко еще?

— Они тут, совсем близко. Что вы узнали? Видели кого-нибудь? Не столкнулись ли с турками?

* Куда идешь?

Васо повернул коня и смеясь ответил:

— Ты еще молод, много будешь знать, скоро состаришься. Поехали,— обратился Васо к спутникам и стегнул коня.

Бесики последовал за разведчиками, но по дороге встретился с царевичем Георгием. На вопрос, знает ли он что-нибудь о противнике, Георгий вздохнул и, не отвечая на вопрос, показал рукой в темноту за своей спиной:

— Там они все.

— Кто? — спросил Бесики.

— Отец и военачальники. Они совещаются.

— О чем?

— Шесть тысяч турок и лезгин перешли мост у Аспиндзы и расположились там. Разведчики донесли, что новые вражеские отряды подходят к мосту.

— Значит... — у Бесики от волнения осекся голос.

Георгий закончил его мысль:

— Мы окружены, мой Бесики, и завтра мечом должны пробить себе дорогу.

Ираклий приказал войскам остановиться и разрешил воинам вздремнуть до восхода луны. Вызвав Агабаба Эристави, Симона Мухран-Батони и Худиа борчалинского, Ираклий поручил им обойти с правой стороны Аспиндзу, прокрасться к мосту и перепилить незаметно продольные брусья. Все это они должны были выполнить до восхода луны. Затем Ираклий отобрал небольшой отряд и приказал ему на рассвете ворваться в Аспиндзу и поджечь деревню. Он задумал таким приемом отвлечь внимание врага, чтобы, обойдя Рустави, неожиданно напасть на турок с тыла. Скрываясь за буграми, воины могли подкрасться к врагу почти на сто шагов.

Царевичу Левану он выделил пятьсот воинов. Ему до рассвета надо было обойти Аспиндзу, занять сторожевую башню и устроить засаду у дороги на Ахалкалаки. Когда будет нужно, Ираклий подаст ему знак, и лишь тогда отряд Левана вступит в бой.

Давид командовал семьями отборными воинами, которые первыми должны были атаковать врага в лоб.

Остальное войско царь разделил на три отряда: первым командовал Иасэ Эристави, вторым—Александр

Цицишвили, третьим — Соломон Тархнишвили. Эти отряды сам Ираклий должен был повести в атаку. Триста воинов он выделил царевичу Георгию и оставил его в резерве.

Хотя воинам и было разрешено отдохнуть до восхода луны, но никто не сомкнул глаз.

Ираклий стал обходить ряды воинов, заговаривая то с одним, то с другим из них. В их словах и ответах чувствовались твердость и уверенность. От смятения, пережитого утром, не осталось и следа.

— Кахетинцы? — спросил Ираклий, проходя мимо отряда ратников в круглых войлочных шапках.

Из темноты кто-то ответил:

— Мы из Кизикского моуравства.

— Я надеюсь, сынки, что не осрамите меня, — обратился к ним Ираклий. — Сегодня я снял царский халат, завтра вы своими руками должны надеть его на меня.

— Все как один скалой встанем против врага! — услышались голоса.

— «Достойный воин умрет на поле брани, а трус найдет свою гибель у хлева, в ожидании любовницы», — говорится у нас в народе, — пробасил воин, стоявший возле Ираклия.

Ираклий всмотрелся в говорившего, но в темноте трудно было рассмотреть черты лица.

— Это, кажется, ты, Пирана? — спросил Ираклий, узнав его по росту.

— Да, государь, это я, Пирана, — и воин опустился на одно колено.

— Встань, мой Пирана: «Нам угрожают мечи множества врагов, но им с нами не справиться, наши руки из стали». Так ведь, Пирана?

Пирана поцеловал колено царя, потом выпрямился. Царь, подняв голову, кивнул ему. Пирана был ростом чуть ли не в сажень.

Ираклий подошел к другому отряду.

— Кто тут стоит?

— Карачохельцы, ваше величество, — доложил Давид.

— Что примолкли, мастера? — спросил Ираклий. — О чем горюете?

— Да вот эти головорезы вспомнили о своих возлюбленных и развесили уши, как ишак Шахпаруна, —

раздался голос кулачного бойца, богатыря Карап-Кандога.

В рядах карачохельцев раздался дружный хохот.

— Тебе-то что? Двух жен ты уже отправил туда, откуда не возвращаются, и незачем тебе горевать!— крикнул кто-то Карап-Кандогу.

— А по-твоему, они должны были меня похоронить!— ответил тот.— Погодите — и увидите, как я в четвертый раз буду венчаться.

Когда смех утих, Ираклий обратился к карачохельцам:

— Вы ведь воюете под моим дарованным вам знаменем, а знаете ли, к чему это обязывает?

— Мы стоим за тебя, государь...— раздалось в ответ.

— Будь спокоен, государь...

— Что было утром, того не будет вечером.

Отходя от карачохельцев, Ираклий велел юзбашам известить воинов, что хочет сказать им несколько слов. После этого он со свитой поднялся на пригорок. Воины рядами подошли вплотную к нему.

Когда воцарилась тишина, Ираклий обратился к войску, чуть повысив голос:

— Дети мои, завтра наша судьба будет зависеть только от нас самих. Вы не женщины, чтобы успокаивать вас, и не дети, чтобы обманывать. Я хочу сказать вам правду. У Сафар-паши — двенадцать тысяч...

— Пусть будет сто тысяч, мы не боимся! — прозвенел чей-то юный голос, но его сейчас же оборвали:

— Тс... Тише!..

— Дай слушать государя!

Ираклия очень обрадовало это восклицание, оно словно вырвалось из глубины сердец всех воинов.

— Смелая речь украшает доблестного ратника, как сабля. Сейчас я услышал именно такие смелые слова,— продолжал Ираклий.— Многочисленность врага ничего еще не значит. У Азат-хана было двадцать тысяч, а у меня — всего две тысячи воинов. Дугаба, ты помнишь этот бой? — обратился Ираклий в ту сторону, где должен был стоять Дугаба.

— Помню,— откликнулся старый воин.

Ираклий продолжал:

— Один бился против десяти, и мы нанесли врагу

такое поражение, что спаслось только пятнадцать человек. Если войско дрогнет, то его погонят и дети. Помните, как утром пустой страх превратил вас в стадо овец. Но если завтра мы достойно встретим врага, то и один выстоит против двадцати. Сумбат, ты не забыл, как в Боржомском ущелье мы с двадцатью воинами обратили в бегство две тысячи лезгин?

— Как можно это забыть, государь! — ответил Сумбат, находившийся в свите Ираклия и стоявший тут же.

— Теперь идите и помните, что завтра все мы или победим, или ляжем костями на поле брани. С незапамятных времен существует наша родина, кровью наших славных предков орошены эти камни, это поле, где мы стоим. Неужели завтрашний день по нашей вине должен стать днем позора для всей Грузии? Неужели мы отдадим наших детей, матерей и жен врагам на поругание? Неужели мы дадим вражеским ордам разорить и поработить нашу родину?..

Войско зашумело. Послышались восклицания:

— Завтра погасим для врага солнце!

— Пусть только настанет утро!

— Что, напрасно, что ли, носим дедовские кивжалы?..

Ираклий хотел сказать еще что-то, но передумал. Он приказал слугам поставить малую палатку и зажечь свет.

Когда воины постепенно разошлись, а шум и говор смолкли, Ираклий огляделся и сказал:

— Позвать ко мне Бесики!

— Я здесь, государь, — отозвался Бесики, стоявший поблизости.

— Иди ко мне, сын мой, ты мне поможешь в одном деле. Вы же оставайтесь здесь, — обратился он к свите и направился к палатке.

Бесики последовал за царем. Слуги кончали устанавливать палатку, один из них высекал огонь.

Небо стало ясным. В ночной темноте можно было разглядеть войско: одни воины стояли, другие полулежали. Кто-то играл на свирели. Переливчатые трели звенели в ночной тишине, проникая в душу и лаская слух. Они то уносились вдаль, постепенно замирая, то снова приближались...

«Неужели последняя моя ночь?»—мелькнула мысль у Бесики, и от этой мысли сжалось сердце. Он крепко зажмурил глаза: ему вдруг представилось, что он лежит в поле с пронзенной грудью, лицом вверх и уже не видит этих звезд...— «Нет, этого не случится»,— подумал Бесики, тряхнув головой, словно желая отогнать тяжелые мысли, открыл широко глаза и с надеждой взглянул на Ираклия.

Слуги разостлали в палатке ковер, зажгли свечу, установили ее в фонаре и повесили его на перекладине.

Ираклий дал знак Бесики следовать за ним.

— Приготовь бумагу и перо, сын мой.

Потом царь приказал слугам стать около палатки и никого не впускать.

Бесики сел на ковер, положил на колени широкую кожаную сумку, на нее — бумагу и приготовился писать.

— Никак не могу забыть письмо твоего отца! — воскликнул Ираклий.— Оно не дает мне покоя. Как жаль, что я поверил Тотлебену. Но теперь поздно горевать об этом. Записывай, сын мой, то, что я буду тебе диктовать. Этот документ будет храниться у тебя, и в свое время ты передашь его кому следует. Начинай:

«Милостью божьей, мы, Иесиан Давитиан Панкратован, сын помазанника божьего, царя грузин Теймураза, владетель Картли и царь Кахети, владетель Ганджи, Эривани, Казаха, Шамшадилы и Борчало, удельный князь Кахи, Шемахи, Ширвана и владетельный наследник Самцхе-Саатабаго, Ираклий Второй, написали это завещание грузинскому народу...»

По телу Бесики пробежала дрожь, и рука его чуть не выронила перо.

Царь заметил, как юноша вздрогнул. Догадавшись, чем это было вызвано, Ираклий улыбнулся.

— Что с тобой, сын мой, почему ты вздрогнул?

— Простите, государь...

— Оттого, что ты пишешь мое завещание? Не печалься. Ты еще неопытен в ратном деле. Если жителя долины поставить на край пропасти, у него закружится голова, а горец и бровью не поведет... Поверь мне,— продолжал Ираклий после некоторого раздумья,— завтра, если не произойдет чего-либо непредвиденного, мы победим. Когда войска знают, что у них нет пути к отступлению, они должны победить, как бы ни был

многочислен враг. Завтра Сафар-паша будет разбит. Завещание же я пишу потому, что один бог знает, что может случиться с человеком. — Продолжай, сын мой, на чем мы остановились?

— «...завещание грузинскому народу...» — прочел Бесики.

— «Наш престол, — продолжал Иракий, — после нашего царствования должен занять достойный наследник наш, одаренный всеми добродетелями и отвагой, царевич Леван...»

Бесики тщательно вывел имя своего покровителя и друга. Иракий прервал диктовку, взглянул на Бесики и отеческим тоном наставительно сказал:

— Знай, сын мой, пока я жив, об этом никто не должен знать, даже сам Леван. Ведь тебе известен устав о секретарях царя? Виновному в выдаче царской тайны отрезают язык.

— Знаю, государь.

— Продолжай писать...

Серпообразный ушербленный месяц медленно, крадучись показался из-за вершины горы.

Вдруг звуки горна прорезали воздух и облетели лагерь. Ратники сразу поднялись и стали разминать ноги, чтобы согреться. Взнуздали коней, подтянули подпруги, проверили седла.

Первым направился в сторону Куры Давид со своими всадниками. Он разделил отряд на две части: вперед пустил кахетинцев во главе с Давидом Демурашвили, Заалом Бараташвили и тушином Кохно Баблиашвили. Сам же повел второй отряд, состоявший из хевсуров. Справа ехал Абай Битураули, слева — Сумбат Лохакришвили, в центре — сам Давид.

Почти одновременно выступил и отряд царевича Левана, который должен был засесть в засаде у Ахалкалакской дороги. Леван помчался на своем скакуне, а за ним, перекаtywаясь волнами через бугры, понеслись его воины. Вскоре они скрылись из глаз.

Тотчас же двинулось и остальное войско. Сперва тронулся отряд Иасэ Эристави, за ним — отряд Александра Цицишвили и наконец — Соломона Тархншвили.

Иракий наблюдал за движением войска и затем

приказал своей свите следовать за отрядом царевича Георгия. Сам он с семьей хевсурами, двумя секретарями, Соломоном Леонидзе и Бесики, в сопровождении русских, поехал за главной частью войск.

Вскоре рассвело. Грузинские войска быстро продвигались. Те из них, которыми предводительствовал Ираклий, были скрыты от противника горами. Он мог заметить только отряд Давида, шедший по открытому месту.

Бесики увидел скакавшую со стороны Аспиндзы вражескую конницу. Он затруднялся определить количество всадников, и ему показалось, что на них наступают все войско Сафар-паши.

Ираклий задержал коня и внимательно стал наблюдать за противником, потом посмотрел в сторону отряда Давида. Там еще не заметили приближения врага.

Ираклий подозвал к себе хевсура и послал его к Иасэ Эривани.

— Передай ему: что бы ни случилось, пусть продолжает двигаться.

Потом оглянулся, и взор его привлекла абхазка Бесики. Видно, ему понравилась лошадь, и он решил послать гонцом своего секретаря.

— Сын мой,—обратился к нему Ираклий,—сообщи Давиду, что на него идут полторы тысячи лезгин и левантийцев. Наши еще не видят врага...

Бесики, забыв всякую осторожность, поскакал по спуску. Выехав на равнину, он обернулся в сторону врага, колонна всадников исчезла уже из виду.

Давид заметил мчавшегося верхового и поскакал навстречу.

— Какие вести? — издали крикнул он Бесики.

— На тебя идут лезгины и левантийцы,—ответил Бесики и, близко подъехав к нему, тихо сказал: — Полторы тысячи.

— Хорошо, возвращайся,—сказал Давид,—передай царю, что мне помощь не нужна.

Издали уже доносились возгласы людей и топот коней. Бесики, поднявшись на гору, увидел, что передовой грузинский отряд помчался навстречу врагу. Саблю воинов засверкали, и ветер доносил боевые возгласы.

Два отряда быстро сближались. Столкнувшись, они как бы замерли на месте. Только по взмахам и звону

сабель можно было со стороны заметить, что идет бой. Пользуясь своим численным превосходством, противник стал обходить отряд Давида.

Сердце Бесики молотом застучало в груди от волнения. Он уже решил, что вражеская конница, окружив грузин, уничтожит их. Но в это время из засады ринулись хевсуры. Впереди их мчался Давид на белом коне. Он первым врезался во вражеские ряды. За ним ринулись сверкающие сталью воины.

Несколько минут столкнувшиеся отряды словно толпились на одном месте, но вскоре отделились друг от друга, и наконец левантийцы и лезгины обратились в бегство.

За равниной Бесики увидел столбы дыма, поднимающиеся к небу. На склоне горы горела деревня.

«Горит Аспиндза»,— решил Бесики.

Близ берега Куры виднелись главные силы турок. Бежавшие всадники вскоре присоединились к ним. Они указывали в сторону, где находился разбивший их отряд Давида, и торопили своих к атаке.

Бесики встал на стремяна, пытаясь увидеть отряд Давида, скрытый за холмом.

И вдруг показались мчащиеся хевсуры. Мелькали остроконечные шлемы, сверкали кольчуги. Окутанные пылью, поднятой их быстроногими конями, они, словно стальные стрелы, рассекали пространство.

Натиск хевсуров привел турок в замешательство. Военачальники криками и угрозами пытались восстановить порядок, но их никто не слушал. Только один из предводителей не обращал никакого внимания на сумятицу. Это был Малачини. Он, как ястреб, оглядывал грузин, врезавшихся в ряды турок, и искал лихорадочно горевшим взором Ираклия. Оpozнав Давида, Малачини догадался, что Ираклий должен быть на другом фланге. Он повернул своего коня и помчался в противоположную сторону.

Пробившись через ряды грузин, он вылетел на открытое поле, вихрем погнав коня, громко крича:

— Эрекле-хан, свинья, выходи, трус!..

Ираклий тотчас же узнал Малачини.

— Вызывает меня на поединок! — воскликнул Ираклий, не глядя на свою свиту.

Он не отрывал своего взгляда от Малачини.

Хевсуры-телохранители схватились за мечи.

Хевсур Накуда Каидзешвили подъехал к царю и стал умолять его:

— Разреши, государь, сразиться с этим дерзким лезгинном.

Ираклий жестом руки приказал ему вернуться.

— Не горячись, Накуда! Вон смотри...

Навстречу Малачини уже скакал какой-то грузинский воин.

Малачини не обратил никакого внимания на мчавшегося к нему всадника. Он даже не считал нужным уклониться в сторону или двинуться навстречу. Крепко натянув поводья, он словно приковал к месту своего коня и, вращая над головой саблю, вновь крикнул:

— Донгуз-хан! Эрекле-хан!.. Ау!..

Всадник быстро приближался к Малачини.

— Это Сумбат! — воскликнул Накуда. — Сумбат Лохауридзе. Убей его, неверного! Убей собачьего сына!

Ираклий с сожалением следил за всадником, который лишал его самой возможности сразить врага. Царь был уверен, что Сумбат возьмет верх.

Сумбат подскакал к Малачини и замахнулся мечом. Его противник не тронулся с места, лишь молнией мелькнула его сабля. Сумбат нагнулся, медленно перевесился через коня и рухнул наземь.

Малачини, подняв своего скакуна на дыбы, заставил сделать его несколько скачков и опять закричал:

— Эрекле-хан!.. Копак-оглы!..

Свита Ираклия, схватившись за мечи, устремилась отомстить за смерть Сумбата, но Ираклий громким окриком вернул всех обратно. Он слегка натянул поводья и коротким галопом повел коня по полю, — казалось, он выехал на прогулку.

Свита затаив дыхание следила за ним.

Малачини воздел руки к небу, словно благодаря аллаха, потом гикнул и помчался навстречу Ираклию.

Противники с такой быстротой сблизились и промчались друг подле друга, что никто не заметил, когда они взмахнули саблями. Но когда мчавшийся в сторону свиты Малачини сполз с седла и конь потащил его за собой (нога Малачини застряла в стремях), всем стал ясен исход поединка. Ираклий задержал своего коня и подъехал к Малачини. Тот лежал, протершись на зем-

ле. Лошадь обнюхивала лицо хозяина, потом, подняв голову, жалобно заржала. Ираклий остановился. Вложив саблю в ножны, он выхватил пистолет. Раздался выстрел. Конь зашатался и упал рядом с хозяином.

— Почему, государь, ты убил коня? — спросил Ираклия хевсур Накуда, когда все поздравили царя с победой.

— Малачини — храбрец, и копь у него был отменный, — ответил Ираклий. — На таком коне не должен сидеть воин, уступающий Малачини. Не снимайте с мертвого оружия, положите с ним в могилу.

Трудно было догадаться, следили ли сражающиеся за поединком Ираклия с Малачини, но вдруг среди турок пронесся пронзительный крик одного, а затем и нескольких делибашей.

— Я... я... вай... Малачини убит!..

— Гнев аллаха над нами!..

— Алла!.. Малачини убит!..

Эти крики усилили панику в турецкой коннице. Между тем отряды Ираклия, мчавшиеся уже во весь опор, со всей силой врезались в смешавшиеся ряды турок и обратили их в бегство.

Бесики явственно различил, как турецкие всадники помчались в сторону моста и как следом за конницей устремилось и все турецкое войско. Но едва всадники заполнили мост, пролет моста вдруг вогнулся, брусья переломились и вместе с всадниками рухнули в пучину бушующей Куры. Турки, подошедшие уже к мосту, растерялись. Передние ряды повернули назад, задние напирали на передние, пробиваясь к мосту.

В это время с Ахалкалакской дороги неожиданно устремились на противника всадники Левана. Они напали на турецких воинов у моста и начали их рубить.

Ираклий зорко следил за ходом боя и, если замечал, что где-либо грузинам приходилось туго, спешил на помощь. Достаточно было одного его появления, чтобы воины, воспрянув духом, брали верх над противником.

Бой уже подходил к концу. Ираклий поднялся на холм, придержал коня и оглядел поле сражения.

Турки были прижаты к берегу бурной реки, мост через которую обрушился. Только в одном месте, где отряд Иасэ Эривани должен был соединиться с отрядом

Левана, оставалась лазейка, которую могли использовать турки. Там тянулась узкая ложбинка, через нее враг мог выскользнуть из окружения и зайти в тыл грузинам.

Ираклий подозвал своего лекаря Турманидзе и приказал:

— Иване, скажи немедленно к царевичу Георгию и скажи, чтобы он быстро занял вон ту ложбинку и оттуда атаковал врага. Пусть забирает всех и оставит обоз без охраны! — крикнул ему вдогонку Ираклий.

Иване с трудом нашел отряд Георгия, расположившийся в роше.

Царевич, полулежа на бурке, спокойно завтракал со своей свитой.

Это зрелище поразило Иване. Он предполагал найти отряд Георгия в полной боевой готовности, а между тем и царевич и его свита благодушествовали, словно все, что происходило на поле боя, вовсе их не касалось.

— Царевич, разве допустима сейчас такая беспечность? — воскликнул Иване.

— Какие вести, Иване, что скажешь? — лениво спросил Георгий.

— Царь приказал вам немедленно выступить.

— А что случилось?

— Об этом сообщу вам по дороге.

— А если расскажешь тут, обидишь бога? — сказал Георгий. — Слезай с коня!

— Разве время теперь спорить? — настойчиво повторил Иване и обратился к воинам: — Эй, ребята! На коней!

Воины кинулись к лошадям, но, видя, что ни царевич, ни его свита не трогаются с места, стали мяться и в недоумении переглядываться.

Георгий, нахмурившись, взглянул на Иване, недовольный тем, что без его разрешения приказал воинам садиться на коней.

— Да сойди с коня, не слышишь? — снова обратился к посланцу Георгий. — Ведь ты передал мне поручение царя, и достаточно. Садись, выпей вина, позавтракай. Остальное — мое дело. Царевич приглашает тебя на трапезу, а ты отказываешься!

Георгию хотелось разузнать у Иване, действительно ли царь находится в таком тяжелом положении, что

принужден ввести в бой даже обозную охрану. В таком случае самое разумное — не подчиняться приказу, а поспешить в Тбилиси.

— Не могу и не смею, царевич, — ответил Иване. — Я должен немедленно вернуться. Царский приказ я вам передал, теперь поступайте как хотите...

— Вот тоже, вояка, — заметил Георгий. — У лекаря свое ремесло, какое тебе дело до войны?

Иване ничего не ответил, натянул поводья и помчался обратно.

Георгий проводил его ленивым взглядом и приказал пареши:

— Налей мне рог, надо выпить за упокой души Иване.

Свита подобострастно захихикала.

Войны некоторое время потоптались на месте, но, не дождавшись распоряжения царевича, разошлись и стали балагурить.

Дольше нельзя было ждать. Отряд Георгия запаздывал, и Ираклий не знал, кого послать перерезать дорогу в ложбинке. Вдруг он вспомнил о казаках, находившихся в засаде, в трехстах шагах от него.

Ираклий сам поскакал к ним и еще издали крикнул Моуравову:

— Антон, мне нужна помощь русских!

— Готов служить, государь, — ответил Моуравов и крикнул казакам: — А ну, молодцы, с богом — в бой! Следуйте за государем, он вас поведет!

Казаки поскакали за Ираклием. Они перехватили турок, бежавших к ложбине, и погнали обратно.

Грузины окончательно замкнули кольцо вокруг противника.

Ираклий въехал на пригорок. Одним взглядом оценил создавшееся положение, осадил коня и спокойно сказал:

— Конец туркам!

Грузины наотмашь рубили растерявшихся турецких воинов. Только кое-где отчаянно защищались небольшие группы неприятельских всадников.

Битва кончилась. Лишь на берегу Куры, в кустах и камышах еще виднелись грузинские войны, преследовавшие немногих уцелевших турок.

Одни воины, спешившись, собирали трофеи, другие ловили коней, некоторые несли царю отсеченные головы вражеских сардаров.

Худиа-борчалинец принес голову Супфав-хана, спустя некоторое время Абай Битураули бросил к ногам царя голову владельца двух княжеств — Гола-паши. Ескоре к этим головам прибавились головы бегларбегов — Эмина, Калым-бека, Киским-бека, Баш-аги, Баш-дели, таскарийского бека Мусалим-Рача. Груда отсеченных голов росла...

Утомленный Давид подошел к царю и поздравил его с победой. Ираклий обнял Давида.

— Это я должен поздравить тебя, а не ты меня.

Подъехал и Бесики, вынул из-за пазухи свиток и протянул царю. Сначала Ираклий не догадался, что это за бумага, но потом вспомнил и улыбнулся:

— Счастливая у тебя рука, сын мой, — сказал Ираклий и спрятал бумагу во внутренний карман. — Теперь я вправе вновь облечься в царские одежды.

Пареши сейчас же принесли халат, и сардары надели его на Ираклия.

На сбор добычи и оружия понадобилось больше времени, чем на сражение, которое продолжалось не более двух часов. Турецкое войско было истреблено почти целиком. Воины принесли больше четырех тысяч отсеченных голов. Около тысячи турок нашли гибель в стремнинах Куры, и только человек сто успели спастись бегством. Двадцать восемь человек было захвачено в плен казаками.

Особенно радовался Моуравов.

— Государь! — обратился он к Ираклию, поцеловав ему колено и поздравив с победой. — Теперь путь на Ахалцихе открыт. Город мы возьмем без боя и сообщим императрице, что генерал, как сорвавшийся с привязи козел, бродит по чужим огородам в то время, как мы громим турок.

— Ты прав, Антон, Ахалцихе мы овладеем... — Ираклий умолк и обвел взглядом царедворцев. — И наша давнишняя мечта вернуть Грузии этот богатый край исполнится. Но мы возьмем Ахалцихе, а граф тем временем захватит Тбилиси.

— Тбилиси?.. — переспросил пораженный Моуравов. — Кто вам сообщил о таком его намерении?

— Об этом не трудно догадаться, зная теперь, что за человек Тотлебен. Завтра же мы должны быть в Тбилиси, а не то будет поздно.

О действиях Тотлебена доходили до Тбилиси чуть ли не каждый час все новые сведения. По возвращении в Сурами он собрал народ, призвал духовенство и всех заставил присягнуть русской императрице. Народу объявили, что Ираклий, поступая неразумно, потерпел в сражении с турками поражение и погиб.

Потом разнесся слух, что к Тотлебену явились князья Амилахвари, арагвские Эристави и Павленишвили, присягнули на верность России, что граф возвратил им поместья, отобранные у них Ираклием.

Начальник города Гори отправил гонца к царице с извещением, что Тотлебен, прибыв в Цхинвали, сообщил о гибели царя Ираклия и привел горожан к присяге на русское подданство, что завтра генерал собирается в Гори, и он, начальник, не знает, как ему поступить.

Дареджан обращалась за советом то к католикосу, то к мдиванбегам, то к своим камеристкам, но ни тот, ни другие, ни третьи ничем не могли ей помочь: они растерялись еще больше, чем сама царица.

Под вечер распространились слухи, что Кура несет трупы грузин, погибших в сражении. Все население города устремилось к берегам реки. Полноводная река с шумом стремилась мутные, пенистые волны. В них действительно виднелись трупы. Но распознать было невозможно — турки это или грузины: мелькали то нога, то рука, то спина.

Женщины, вопя и царапая щеки, бегали по берегу, мужчины угрюмо глядели на воду.

До поздней ночи народ толпился у реки.

Вначале говорили, что проплыло двадцать трупов, потом утверждали, что собственными глазами видели триста трупов, а под конец уверяли, что проплыло пять тысяч трупов. Эти слухи, конечно, были нелепы, но народ настолько был потрясен событиями, что верил всяким небылицам.

К одиннадцати часам утра из Гори прискакал новый гонец с вестью: Тотлебен вчера ночью прибыл в Гори, поставил в крепости свой гарнизон, а сегодня дол-

жен привести народ к присяге на подданство русской императрице.

Царица снова вызвала во дворец мдиванбегов. Она умоляла их посоветовать, как поступить. Чабуа Орбелиани усиленно крутил усы, словно желая из них извлечь какую-нибудь мысль, но ничего толкового не сказал. У него в душе теплилась надежда, что теперь положение его станет несравненно лучше. Он предусмотрительно зашел к русскому резиденту Василию Петровичу Лопухину, прося его пожаловать к государыне.

Лопухин явился во дворец, выразил царице соболезнование по случаю гибели царя Ираклия и обнадежил, что русские не оставят страну на произвол судьбы. Пусть ее высочество ни о чем не беспокоится.

Дареджан обняла маленького Иулона и стала умолять Лопухина:

— Сейчас он единственный наследник. Вы должны возвести его на престол. Горе мне, несчастной, до чего я дожила!..

Однако кто-то из придворных сказал царице, что на престол будет возведен, вероятно, внук Вахтанга VI царевич Александр Бакарович.

Обезумевшая Дареджан то умоляла городского мурава закрыть городские ворота и вызвать из Кахети войска, то собиралась искать убежища в Персии, у Керим-хана, то молила перед иконой бога помочь ей, бедной женщине. Потом окончательно решила бежать в Телави, чтобы не попасть в руки Тотлебена. В Тбилиси она предполагала вернуться, лишь убедившись в доброжелательном отношении к ней генерала. А в крайнем случае из Кахети можно было бы уехать в Исфгань. Дареджан перебралась из Сачино во дворец и стала готовиться к отъезду.

— Кого же вы, золовка, ждете? — обратилась Дареджан к Анне, встретившись с ней в дворцовом зале. — Надо спасаться, а то будет поздно!

Анна остановилась, сомкнула свои длинные ресницы и тихо вздохнула.

— Зачем мне жизнь, царица, все, что мне было дорого, — Анна медленно подняла руку и показала на запад, — погребло там.

Анна говорила о Бесики. Дареджан же подумала, что она скорбит о брате, и торопливо ответила:

— Разве там не погас и мой свет? Но я горюю не о себе, моя Анна, я забочусь о сыновьях моих, о ваших племянниках...

— Я останусь здесь, — твердо ответила Анна. — Здесь остается и Тамара. Мы обе разделим судьбу наших близких.

Дареджан, как бы извиняясь, еще раз упомянула о своих сыновьях, ради которых она уезжает в Телави, и поспешила в свои палаты.

Анна направилась в соседнюю комнату, в которой с распущенными волосами, безудержно рыдая, сидели Тамара, Майя и маленькая Анико.

— Твоя мачеха едет в Телави, — сказала Анна Тамаре, — спасает себя.

— Пусть едет, куда хочет! — порывисто воскликнула Тамара. — Пусть едет, пусть!..

Их разговор был прерван необычным шумом, раздавшимся за окном.

Тамара подбежала к окну...

— Что случилось?.. — обратилась Анна к Майе. — Неужели вошли русские? Пойди узнай.

Майя выбежала из комнаты.

— Что это значит? Народ бежит к дворцу...

Не успела Анна договорить, как в комнату вбежала Майя и закричала:

— Гонец!.. — она зашаталась от волнения, но, собравшись с силами, отрывисто крикнула: — Победа!.. Истреблено все турецкое войско!..

— Майя, что ты говоришь? — воскликнула Анна.

— Помогите!.. — прошептала побледневшая Тамара и упала на пол.

Обморок Тамары продолжался недолго. Ее привели в чувство, и все четверо очутились на крыльце, выходящем на дворцовую площадь.

Все население города, от мала до велика, спешило на площадь. Побросав без присмотра дома, мастерские и лавки, люди, перепрыгивая через плетни и каменные ограды, бежали ко дворцу.

Народ обступил гонца так тесно, что не видно было даже его коня. Широкоплечий Гогия Фатрели, улыбаясь, умолял столпившихся горожан пропустить его во дворец.

Когда на крыльце показались Дареджан, Тамара, Анна и придворные дамы, Гогия выхватил пистолет, вы-

стрелил в воздух и, оттеснив окружившую его толпу, подскочил вплотную к ступеням. Он спрыгнул с коня, опустился на колени и обратился к царице:

— Да не лишит господь и впредь своих милостей моего государя Ираклия!

— Пусть бог пошлет и тебе, сын мой, удачу,—ответила Дареджан.

Подозвав своего главного казначея Осепа Корганишвили, царица взяла у него тяжелый кожаный мешок, развязала его и обрушила на голову Гогия поток золотых монет.

Подняв голову, гонец подробно рассказал обо всем.

Шум на площади все нарастал. Раздались звуки зурны. Зазвонили колокола. Народ нетерпеливо ловил каждое слово вестника: стоявшие ближе к нему передавали услышанное остальным. Когда Гогия сообщил Дареджан, что царь с войском должен быть уже на Бере, весь народ устремился их встречать. У городских ворот образовался такой затор, что за стены невозможно было проникнуть. С трудом очистили путь католикосу, который нес чудотворную икону Анчисхати. За ним шло духовенство в парадном облачении. Затем следовала царица в сопровождении придворных дам и царедворцев.

Народ двумя потоками, обходя ряды вельмож и опережая их, спешил к Бере.

Впереди бежали, резвясь и крича, дети. За ними со смехом попевали девушки, и их шелковые шарфы развевались, словно знамена.

Анна и Майя шли среди придворных. Они готовы были бежать навстречу войску, но этого не позволял этикет. Маленькая же Анико, ускользнув, присоединилась к девушкам и вместе с ними опередила сановников и придворных. Увидя войско, шедшее к крепости, она, как лань, устремилась к нему.

Взволнованный и усталый Бесики вбежал в свою комнату. Столько шума, криков, объятий ему еще не приходилось видеть.

Он сел на стул. Снял с шеи шелковый платок.

Бесики только теперь вспомнил: первой встретила его маленькая Анико и накинула на шею этот платок.

Он развернул его и прочел вышитые на шелке

слова: «Ах, поцелуют небеса Рион, когда вернется к нам Бесарион».

Юноша улыбнулся. Бросив платок на тахту, он раскрыл сундук, чтобы вынуть самый дорогой нарядный костюм.

В дворцовом зале накрывали большой парадный стол. А в городе уже пировали. Со всех сторон слышались звуки зурны, тари и дайры.

Бесики достал из сундука шелковое белье, архалук, папаху.

Под руки попались какие-то бумаги. Развернул одну из них и вздрогнул.

«Со стройным станом, благоуханна, пришла желанной!» — прочел он стихи, посвященные Анне. Он только что видел ее издали, проехав городские ворота. По ее щекам текли слезы.

Бесики поспешно спрятал обратно в сундук листок со стихами, вышел из дому и направился к бане.

В сводчатой бане Леван и Давид уже раздевались.

— Бесики, тебя встретила твоя Гульнар? — спросил, смеясь, Леван.

— А как твоя Джаваира, по-прежнему красива? — ответил Бесики.

Друзья, как дети, брызгали друг на друга водой и хохотали. Потом долго одевались, и когда покинули баню, уже смеркалось.

Нарядно одетые, мягко ступая, вошли они в главный зал. Толстые восковые свечи распространяли такой обильный свет, что отделанные зеркалами стены и потолки блистали, словно усыпанные алмазами.

Зал наполнился роскошно разодетыми дамами и сановниками. Они стояли группами в ожидании выхода царя и царицы. Одни развлекались стихами и шутками, другие беседовали о походе, восторгались храбростью и военным искусством Ираклия. Дворец дышал радостью большого праздника.

Тамара с Анной сидели в углу зала. Приятельницы о чем-то шептались и тихо пересмеивались.

— Вот и наши витязи, — сказала Тамара, кивнув в сторону вошедших в зал Левана, Давида и Бесики.

Вошедшие сделали общий поклон и направились к Анне-ханум. Они приветствовали вдовствующую царицу

и почтительно поцеловали у нее руку, потом подошли к Анне и приветствовали ее.

Тамара взяла за плечо Левана и, повернув его направо и налево, заявила:

— Хорош!

Потом осмотрела Бесики.

— А ты еще лучше...

— А каков он?—смеясь, указал Бесики на Давида.

Тамара, чуть нахмурившись, искоса взглянула на Давида и дала понять Бесики, что и тот не хуже своих друзей.

Три друга обходили зал и приветствовали дам по старшинству.

Во втором зале, более обширном, с золочеными колоннами, суетились слуги. Они расставляли на столе фарфоровую посуду, серебряные блюда и хрустальные бокалы.

К Левану подошел дворецкий и шепнул ему на ухо:

— Царь изволит запоздать, но я не могу сказать, по какой причине. Подошел я к двери, кашлянул несколько раз, но никто не отозвался. Может быть, вы, царевич, соблаговолите пройти к царю?

К Ираклию без разрешения никто не мог входить, кроме Левана. Кивнув дворецкому в знак согласия головой, он подозвал Давида и Бесики.

— Идем к отцу, попросим его пожаловать в зал.

Втроем они проскользнули за тяжелые бархатные занавеси, прошли коридор и поднялись в верхний этаж. Леван смело открыл дверь, отделанную серебром, а Давид и Бесики остановились у порога в почтительном ожидании. Леван шагнул в комнату, но тотчас остановился и рукой дал знак друзьям не шуметь.

Ираклий спал одетый на тахте. Он даже не успел переменить походного платья. Парадная одежда лежала рядом на кресле.

Давид и Бесики, вытянув шеи, заглянули в комнату. Леван на цыпочках прошел через нее, взял легкую белую бурку и, осторожно накрыв ею отца, бесшумно вышел.

— Пусть спит наш лев,—прошептал Давид,—Идем, не будем его тревожить.

— Состарился отец,—задумчиво сказал Леван.—Первый раз вижу, чтобы его взяла усталость.

Они вернулись в зал. Леван предупредил дворецкого, чтобы он не беспокоил уснувшего царя.

Скоро музыканты, помещавшиеся на хорах, настроили инструменты, и загремела музыка.

Центр зала быстро опустел. Дамы и мужчины, образовав круг, стали хлопать в ладоши, приглашая танцоров показать свое искусство.

Известный царский плясун Бека Хетагури плавно вбежал в круг; слегка покачиваясь и перебирая с неуловимой быстротой ногами, понесся по паркету. Улыбаясь, он повел глазами, выбирая, кого пригласить на танец. Вдруг, сорвавшись с места, скользнул с середины зала к маленькой Анико и опустился перед ней на колени.

Анико, сделав несколько шагов, взмахнула, словно крыльями, руками и поплыла по залу, будто ее нес нежный ветерок.

Когда девушка оказалась около Бесики, она заглянула ему в глаза и чуть заметно улыбнулась.

Он вздрогнул, потом взглянул на Анну. Хлопая в ладоши, она смотрела на него. Щеки ее залил румянец. Уста алели.

Бесики словно почувствовал прикосновение этих губ. У него закружилась голова. Он вышел из зала.

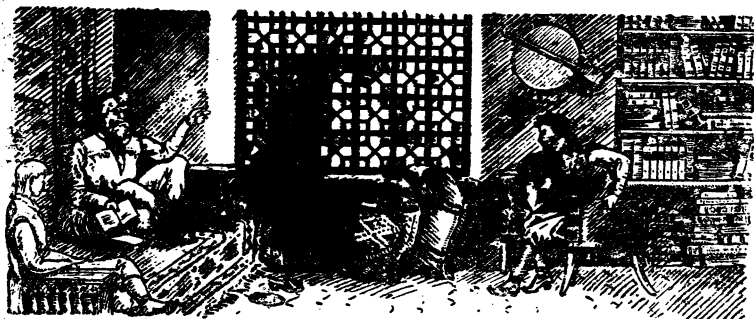
Город, над которым простерлась апрельская теплая ночь, сверкал тысячами огней. На каждой кровле, в каждом углу, в духанах, мастерских, на площадях — везде пылали, словно расцветающие маки, факелы, светились стеклянные и бумажные фонари, горели костры.

В зареве ярких огней виднелись устремленные ввысь башни Нарикальской крепости.

На дворцовой площади рыжебородый шваб пускал со станка ракеты. Они кометами рассекали темную синеву неба и, взрываясь, рассыпались многоцветными звездочками.

Тбилиси праздновал победу.

П

ротив Сионского собора, около первых лавок сапожного ряда, начиналась узенькая улица, поднимавшаяся к крепости. На одной стороне ее, за углом, высилось здание суда, а напротив него — двухэтажный дом книготорговца Иасэ. Верхний этаж дома был отведен под жилые комнаты хозяина, половина нижнего этажа — под лавку, в которой продавались книги и бумага. Через всю лавку тянулся широкий прилавок, стены до потолка были уставлены книжными полками. Вторая половина нижнего этажа представляла собой просторное помещение, в котором вокруг большого стола сидели ученики Иасэ и с утра до вечера писали. Один переписывал книгу, другой был занят переводом, третьи, достигшие звания мастера, писали жалобщикам прошения в суд. Клиентов этого рода у Иасэ было множество благодаря близости здания суда. И судья, мдиванбег Иесе Осесдзе, смотреть не хотел на прошения, если они не были написаны учениками книготорговца Иасэ. По этому поводу в городе даже сложили шутливую поговорку: если хочешь выиграть дело в суде, исповедуйся у Иасэ и причастись у Иесе.

Иасэ был дворянином из старинного рода, а в те времена торговля считалась постыдным занятием не только для дворянина, но и для крестьянина. Но Иасэ, во-первых, в отличие от своих братьев, был католиком, а во-вторых, продавал книги и бумагу, что не только не осуждалось, как торговля, а, наоборот, считалось богоугодным делом, вроде продажи в церквах свечей или молитвенников.

У Иасэ были ученики, которых он обучал не только грузинскому слогу, но и чужеземным языкам — персидскому, арабскому, латинскому. Сам он владел многими языками, прочел огромное количество книг (от них у него в лавке и в верхних комнатах ломились полки) и считался в Тбилиси мудрецом, знатоком философии, интересным собеседником. По вечерам у него собирались именитые тбилисцы, любители ученых споров — философы, богословы, физики, геометры, знатоки естественных наук. Здесь можно было встретить любителей светских книг, а вместе с ними веселых историй — мдиванбегов Теймураза Цицишвили, Кайхосро Авалишвили, Иасэ Амилахвари. Тут часто гремел голос опасного противника в словесных поединках, острого на язык философа мдиванбега и судьи Мзечабуки Орбелиани. Сюда часто приходили неутомимые переписчики мудрых книг — философ митрополит Михаил Тбилели, архимандрит Трифилий, протопресвитер Сионского собора, Иоанн Осешвили, переводчики при католикосе Антонии — Тер-Филипп, Тер-Петрос и Тер-Давид. Частыми гостями книготорговца бывали миссионеры-католики, купцы, ученые, многие другие светские и духовные лица. Судья Иесе Осесдзе, который до обеда разбирал судебные дела, а после обеда писал приговоры, вечера проводил в гостях у Иасэ, ведя приятную беседу и просматривая чужеземные книги.

Иасэ обычно сидел на тахте, поджав под себя ноги. Седая борода закрывала ему грудь до самого пояса. Опираясь локтем на продолговатую подушку и перебирая четки, он либо читал книгу, развернутую у него на коленях, либо беседовал с гостем. Лишь изредка книготорговец отдавал короткое приказание приказчику, стоявшему за прилавком, или отвечал какому-либо ученику на его вопрос. Обучал он, следуя своеобразному правилу; считал, что ученику надо объяснять все только на-

половину, а до остального он должен дойти сам. Помогать же нужно только там, где ученик решительно не в силах разобраться. «Если не привыкнешь думать,—говорил Иасэ,— то ничему не научишься». Способ ли обучения был в самом деле хорош, или ученики были удачно подобраны, но школа Иасэ была лучшей в городе. Ученики Иасэ так быстро, чисто и красиво писали, что с ними не могли сравниться ни семинаристы, ни ученики латинской школы. Однажды они вызвали на состязание даже типографщиков, похваляясь, что пока те наберут и сверстают псалтырь, исправят ошибки и отпечатают пятьсот экземпляров, ими столько же будет переписано.

По воскресеньям ученики были свободны. Вечером в эти дни в мастерской собирались гости и завязывалась беседа. Иасэ, у которого собеседования превратились в привычку, спускался каждый воскресный вечер в нижний этаж и приказывал разжечь в камине огонь. Ему приносили кипы разнообразных книг, и он, усевшись на тахте и обложившись ими, углублялся в ожидании гостей в чтение. Каких только книг не было у Иасэ! И такие большие, что едва пролезали в дверь, и маленькие, величиной с ладонь. Самыми красивыми и дорогими были персидские и арабские книги. На их страницах сверкали золотые орнаменты, а текст был так мелко и красиво написан, что, перелистывая книгу, нельзя было не восхищаться искусством переписчиков. Иасэ больше всего любил читать и рассматривать эти книги. В особенности пристрастился он к одной из них, содержавшей рубайи Омара Хаяма. Многие просили его уступить эту книгу, предлагая взамен все, что он пожелает, но Иасэ и слышать об этом не хотел. Персидский посол тщетно пытался соблазнить его золотыми часами, шахским подарком. Часы были редкие: кроме обычной часовой и минутной стрелок, у них была и секундная стрелка. Такие часы, тоже подаренные шахом, были еще у царя Ираклия.

В эту именно книгу и был погружен Иасэ в описываемый воскресный вечер, когда к нему пришел в гости мдиванбег Иоанн Орбелиани. Иасэ поспешно встал навстречу почетному гостю.

— Добро пожаловать, ваше сиятельство! Редким вы стали гостем у меня,— сказал Иасэ, низко поклонившись и предложив Иоанну сесть на тахту.

Потом он позвал слугу, приказал накрыть на стол и снова обратился к гостю:

— Совсем забыли дорогу ко мне, ваше сиятельство! Впрочем, эти дни были счастливыми для всех, и было ли время думать обо мне, когда вы пировали в государственном дворце!

— Оставь, бога ради! — отмахнулся от него Иоанн. Он сел на тахту и окинул взглядом разложенные книги. — Говорят, ага Ибреим привез много хороших книг. Полагаю, что твоей лавки эти книги не могли миновать.

— Я покажу вам все, что получено. Вот только одну книгу унес вчера Бесики.

— Какую?

— Лесажа. Называется «Жиль Блаз». Большой охотник до книг этот молодой человек, ваше сиятельство. Всякую новую книгу должен прочесть первым. Просто удивительно, что у этого изувера Захарии родился такой умный, достойный сын.

— А стихотворец он хороший?

— Превосходный! Если даст ему бог веку, будет у грузин второй Руставели! Одна беда — в голове у парня ветер. Голос у него прекрасный, ему рады на каждом пиру. Вот он и веселится ночи напролет, а тут еще женщины теряют от него голову... Если так пойдет и дальше, скоро придется ему распрощаться и с талантом, и с мечтами о славе.

— Легкомыслие юности, мой Иасэ! Мы все прошли через это, — сказал с улыбкой Иоанн. — Большой беды тут нет. Пусть! Молодое вино должно перебродить. Впрочем, теперь у него и досуга не станет для кутежей. Он назначен царским секретарем, и если будет продвигаться так же и дальше, то, наверное, высоко взлетит!

— Дай бог!.. А большое, должно быть, веселье во дворце! Говорят, уже третий день пирующие не встают из-за царского стола! Еще бы, такая победа...

— Что проку от этой победы, мой Иасэ!

— Я вас не понимаю! Почему?..

— А вот почему. Разве дело только в истреблении вражеских воинов? Уничтожишь тысячу, придут две. Истинная победа только та, после которой у врага нет силы подняться. Нам впору не пировать, а горевать! Только помни — я говорю не для всех ушей. Похорони

то, что слышишь, в своем сердце и не делись ни с кем. Весь город предается веселью, празднует победу Ираклия, но никто не ведает, что творится на самом деле. Ведь во дворце пир, а государь с тех пор, как вернулся, ни разу не выходил из своих покоев. Почему?

— Разве это — тревожный знак, ваше сиятельство? Может быть, государю нездоровится или у него неотложные дела?..

— Ну что ты, право! Я с самого начала твердил государю, что дружба с русскими к добру не приведет. Нам лучше было договориться с турками, а генерал пусть себе отправился бы в Имерети. Не послушался меня царь, и вот — случилось то, чего я опасался. Генерал Тотлебен бросил государя у Ацкури на произвол судьбы. Хорошо, что господь хранит всегда нашего повелителя! Он все же сокрушил и уничтожил турецкие полчища. Но что из этого вышло? Турки окончательно стали нашими врагами, а генерал не только не помогает нам, но и сам собирается с нами воевать. Вот тебе и победа!

— Генерал хочет с нами воевать?..

— Да, выходит, что так. Разве ты не знаешь, что он творил, пока не дошли до него вести о победе Ираклия? В наших крепостях он поставил свои войска, а народ заставлял присягать русской императрице. Теперь этот наш союзник решил свергнуть царя Ираклия и упразднить грузинский престол. Мы очутились между двух огней.

Он хотел еще что-то добавить, но в эту минуту вошел слуга и стал накрывать на стол. Иоанн взял в руки первую попавшуюся книгу и, пока слуга возился в комнате, молча ее рассматривал. Когда же слуга удалился, гость положил книгу и продолжил прерванный разговор:

— «Удивляйся доброй вести, а дурной чего дивиться?» — не иначе, как о нас сказал это Руставели. Но должен же наступить конец нашим невзгодам! Очень уж трудно нам приходится в последнее время. Как быть, что делать? Этой весной по приказу государя начали отстраивать разоренные и брошенные крестьянами деревни. Это, конечно, прекрасное дело. Опустошенным землям нужна хозяйская рука. В одних только моих имениях, должно быть, десять тысяч крестьянских дворов. Но

где взять народ? Зачем нам деревни без людей? Что за деревня — пять дворов? И сколько нужно лет, чтобы пять превратились в сто? Разве нам дадут покой, чтобы мы могли утвердиться на своей земле и размножиться? Было у нас достаточно людей в старину. Сначала Шах-Тамаз истреблял наш народ, потом Шах-Аббас залил кровью нашу землю, — разве все наши беды перескажешь? А теперь что от нас осталось? Нам ли с другими тягаться? Нельзя же все время держать наемные войска, да еще будучи по горло в долгах! А своих дружин столько нам не собрать, чтобы и турок отбить и не бояться генерала. Ну, так вот, теперь суди сам, куда мы идем и правилен ли избранный нами путь?

— Ну и вести вы мне сообщили, ваше сиятельство! — изумленно воскликнул Иасэ. Он потянулся за серебряным кофейником, налил кофе в фарфоровую чашку и подал Иоанну. — Сахару положите по вашему вкусу. Или вы по-прежнему избегаете сладкого? Помню, у вас болели зубы.

— Нет, я дал вырвать себе три испорченных зуба. Остальные пока держатся крепко, но до зубов ли нам, мой Иасэ? Головы сохранить бы!

— Выходит, что мы на краю пропасти?

— Над самой бездной! Один толчок и... конец! — Иоанн глотнул кофе и шепотом сказал: — Каждую минуту надо ждать появления русских...

— И что же? — так же шепотом спросил Иасэ.

— А то, что отбиться от них мы не в силах. Государь распустил ополчение, осталось не больше пятисот воинов. Если русские придут, то одолеют нас без труда.

— Значит, нам пришел конец! — Иасэ отставил чашку в сторону. — Печальные вести вы принесли, ваше сиятельство! А я-то радуюсь победе, ликую, блаженствую, предаюсь веселью!

— Осторожней, как бы кто не услышал! Город полон тайных врагов, всюду любопытные уши. Говори потише, не то нам обоим придется несладко. Не миновать нам царского гнева! Если народ узнает о настоящем положении дел, все перепугаются, как овцы, и потом с ними сладу не будет! Наш государь прекрасно это знает, и потому на его лице никогда не прочтешь, весел он или озабочен. Как бы ему ни было трудно, он бровью не поведет: знает, что все взоры устремлены на него и

что он — единственная наша надежда. В самом деле, кто бы мог сохранить присутствие духа, если бы государь предался печали и страху? Вот он и повелел, чтобы показать, что все обстоит благополучно, сыграть первого мая, в день ангела царевны Тамары, свадьбу ее с сардаром Давидом Орбелиани. Во дворце — веселье, смех, свадебные приготовления. Можно подумать, что бог решил переместить рай в палаты царя Ираклия!

— Вот это — радостная весть, ваше сиятельство! Почему же эджиб не сообщил мне об этом? Надо вовремя подумать о подарке для новобрачной! Моей супруге тоже ничего не известно. Ваша новость застала нас врасплох. Сегодня двадцать восьмое апреля, воскресенье; значит, первое мая будет в среду. Как же можно в пост справлять свадьбу?

— Венчание состоится ночью, в двенадцать часов. После полуночи будет уже не среда, а четверг.

— Вот как! Этого я не сообразил. Ах, лучше бы вы мне ничего не рассказывали, а только бы возвестили об этой свадьбе! Боюсь, что от тревожных мыслей сегодня ночью я не сомкну глаз!

— Тебе, мой Иасэ, бояться нечего! Хоть ты и княжеского рода, но записан в сословие горожан, твои книги всегда обеспечат тебе кусок хлеба. А каково нам, тем, кто живет на царское жалованье? Случись какая-нибудь беда — в первую голову она обрушится на нас. Горожане, торговые люди и ремесленники даже обрадуются, если произойдет смена власти. Прислушайся — то там, то здесь шепчутся: надоели, мол, постоянные войны, истомила беспокойная жизнь, хоть бы русские приняли нас под свою власть и дали нам мир...

— Этого я ни от кого не слышал, вам неправду сказали. Но если бы государь обеспечил нам покровительство России, это было бы великое дело! Уж одно то хорошо, что с лезгинскими нападениями и грабежами было бы покончено. Из-за них мои имения не дают никакого дохода! Да что там — доход! Каждый год приходится выкупать крестьян, уведенных в плен! Эти выкупы просто разоряют меня.

С улицы донесся голос: «Иасэ дома?» С балкона ответили: «Дома». Тотчас без стука открылась дверь, и в лавку вошел домоправитель государя. Длинные усы

его ниспадали до самых плеч. Он почтительно приветствовал Иоанна.

— И вы здесь, ваше сиятельство! Рад, что нашел вас.

— В чем дело, Мамуча? — спросил Иоанн.

— Государь спешно призывает вас к себе. Он совещается с мдиванбегами. Князь Моуразов получил письмо от какого-то русского полковника, который ведет войска и просит разрешения предстать перед государем. Он собирается взять под стражу генерала Тотлебена.

— Неужели правда? — вскопчил Иоанн. — Вот это — приятное известие. Если бы ты был священником, я бы приложился к твоей руке. Воистину, судьба милостива к нам! Дай бог долгой жизни государю!

Иасэ взял большой кусок сахара и поднес его к губам Мамучи.

— А ну-ка, открой рот! Мед и сахар твоим устам, вестник радости!

— погоди, Иасэ! — едва успел промолвить Мамуча, но сахар был уже у него во рту. — У меня к вам...

— Кушай, кушай, пожалуйста! Изволь выпить и чашку кофе. А вот и сладости — я знаю, ты до них большой охотник!

Мамуча погрыз сахар, потом взял чашку кофе из рук Иасэ, сделал несколько глотков и снова обратился к Иоанну:

— Вам следует отправиться без промедления, ваше сиятельство. Вас ищут повсюду, с ног сбились.

— Сейчас пойду. А тебе разве не нужно во дворец?

— Нет, у меня дело к Иасэ. Нам нужен бумажный свиток, чтобы составить список приданого царевны. Свиток должен быть длиной в десять локтей и обязательно цельный, не склеенный из кусков.

— Так я пойду, — сказал Иоанн. — Очень мне хотелось порыться в твоих книгах, Иасэ, но видишь, — некогда... Как только улучу время, приду.

— Сделайте милость, ваше сиятельство, приходите когда угодно. У меня для вас отложено много хороших книг, — с почтением сказал Иасэ, провожая гостя до дверей. Заперев за ним дверь, он обратился к царскому домоправителю: — Ну, мой Мамуча, теперь уважим и твою просьбу. Свиток в десять локтей длиной я для

тебя раздобуду, даже если его придется достать из-под земли!

Вечером в гостиной царского дворца собрались знатные дамы, чтобы развлекать невесту. Зал пестрел разноцветными парчовыми и шелковыми платьями, сверкал бриллиантами. Туго заплетенные косы придворных дам ниспадали до пят. Чужеземец удивился бы одинаковой их длине. В зале не было ни одной девушки или дамы, у которой волосы были бы хоть немного короче, чем у другой. Казалось, все косы сделаны по одной мерке. Точно так же все дамы, без различия возраста, были одинаково набелены и наруганы.

Каждая вновь пришедшая гостья подносила царевне Тамаре букет роз и какой-нибудь подарок. Поздравив царевну, гостья присаживалась рядом и старалась развлечь ее разговором до тех пор, пока не подходила с поздравлением другая. Лишь после появления следующей поздравительницы первая отходила от невесты и присоединялась к беседовавшим гостям.

Гостиная уже была полна поздравительниц, когда в нее вихрем ворвался царевич Леван с шумной свитой из тридцати юношей. Молодые люди внесли в женское общество струю беспечного веселья. Сначала они приветствовали царевну Тамару, опускаясь по очереди перед нею на одно колено и целуя у нее руку. Потом, по просьбе Левана, подсевшего к сестре, стали один за другим показывать свое искусство — в красноречии, в чтении стихов или в плясках.

— Я предлагаю поиграть в азбуку, — сказал Леван, хлопнув в ладоши. — Начни ты, Анастасия, — обратился он к Анастасии Цицишвили. — Отвечай на букву «а». Ты знаешь эту игру? Все твои ответы должны начинаться на заданную букву. Итак, приступаю. Откуда идешь?

— Из Ацкури, — ответила Анастасия и тряхнула косями. — Эту игру я хорошо знаю, и вам меня не поймать!

— Куда идешь?

— Куда... — запнулась Анастасия.

— Ага, уже споткнулась!

— В Ананури. Дайте подумать минуту, зачем вы меня торопите!

— Кто твой господин? — спросил Леван и незаметно подмигнул Тамаре.

А Тамара еле слышно шепнула ему:

— Ее нужно было спрашивать на букву «к»: она бы назвала Каплана.

— Амириндо.

— Как тебя зовут?

— Анастасия, — уж в этом я не ошибусь!

— Из чего сделан твой лук?

— Лук...

— Да, лук. Отвечай скорей, а не то заплатишь штраф.

— А... а... — растерялась Анастасия. — Да, да, вспомнила!.. Из айвы!

— А стрела?

— Стре-е-е-ла?..

— Ты еще раз переспроси! Довольно, проиграла. Налагаю штраф: завтра приложишься к руке дьякона тбилисского митрополита. Кто следующий?

Леван обвел взглядом зал, выбирая очередную жертву. Но не успел он остановиться на ком-нибудь, как дверь гостиной распахнулась и вошла царица Дареджан в сопровождении царицы Анны-ханум, княгини Анны, придворных дам и царских секретарей, среди которых был и Бесики. Все поднялись с мест. Царица приветствовала собравшихся легким наклоением головы, а подошедших к ней Левана и Тамару поцеловала в лоб. Потом опустилась в кресло и предложила всем сесть. Дамы, шурша платьями, уселись на стульях. Мужчины выстроились вдоль стен.

— Ну-ка, приобщите нас к своему веселью! — обратилась Дареджан к собравшимся. — Продолжайте...

— Мы играли в азбуку, государыня, — сказал Леван. — Если вы разрешите...

— Нет, погодите! — горячо заспорила Анастасия. — Чего же вы на нас, женщин, ополчились? Давайте будем спрашивать мужчин!

— Да, да, пусть теперь отвечают мужчины! — зашумели дамы.

— Будем спрашивать Бесики! — воскликнула Анастасия. Она подбежала к Бесики, который стоял у стены, вывела его на середину гостиной и обратилась к дамам: — Ну-ка, возьмитесь за него хорошенько, чтобы он

не мог вздохнуть. Я начну первая. Отвечай на букву «а», Бесики. Откуда идешь?

Бесики с улыбкой посмотрел в сторону дам, потом — на Левана, словно спрашивая у него совета — отвечать или нет.

— Погодите, погодите! — вскричал с места Леван. — Слушай, Анастасия! Мы согласны отвечать, но с одним условием. Если Бесики ответит правильно, пусть он поцелует ту, которая его спрашивала.

Дамы запротестовали, но было заметно, что предложение царевича не так уж им неприятно.

— А если Бесики проиграет, пусть спрашивающая даст ему щелчок в лоб.

— Как это можно! — сказала Анастасия. — Если он проиграет, пусть в наказание выпьет большую чашу вина.

— Ладно, я согласен. Принести кувшин вина! — крикнул Леван слугам. — Начинай, Анастасия.

В зале воцарилась тишина. Дамы с ободряющими улыбками бросали взгляды на Бесики, который выглядел печальным и, по-видимому, был не в духе.

— Итак, на букву «а». Откуда идешь? — спросила Анастасия.

Бесики лишь на мгновенье, словно что-то вспоминая, задержался с ответом, затем плавно и без запинки произнес:

Я, воспитанный в Афинах мудрецами, Автандил,
В Ахатане господину Алмасхану послужил.
Горе-егерь, ветвь Алоэ я в Айвовый лук вложил,
Целил в Аиста на крыше, да в Арбуз стрелу вонзил!

Никто не ожидал сразу полного ответа, да еще в стихах. Присутствующие шумно выразили свое восхищение и осыпали Бесики похвалами. Леван радовался так, как будто удачный ответ Бесики принадлежал ему самому. Он подбежал к Бесики и порывисто обнял его.

— Теперь подходи за штрафом! — подтолкнул он товарища и шепнул ему на ухо: — Поцелуй Анастасию в лоб. Я приказываю!

Бесики с улыбкой приблизился к Анастасии, поцеловал ей руку и вернулся на свое место.

— Ну, кто следующий? Спрашивайте! — воскликнул Леван.

— Погодите хвалиться,— сказала Тэкле Туманишвили. — Пусть он теперь ответит на букву «б».

— Спрашивай, если не боишься! — подзадоривал ее Леван.

У Тэкле зарделись щеки. От водворившейся в зале тишины она еще больше растерялась и чуть слышным голосом спросила:

— На букву «б». Откуда идешь?

Бесики снова взглядом попросил разрешения у Левана, и тот, чуть улыбнувшись, кивнул ему в знак согласия. И Бесики еще более тихо и певуче, словно подчеркивая этим, что отвечает очень молоденькой девушке, произнес:

Я, Бежал, рожден в Багдаде. Ныне я беглец, изгой
В Басре славному Бараму стал я другом и слугой.
Стрелы сделал из Березы, а из Бука — лук тугой.
Белку в Брюшко поражаю, мех не порчу дорогой.

Тэкле вскочила, подбежала к Тамаре и спряталась у нее за спиной, испугавшись, как бы Бесики в самом деле не поцеловал ее. Все весело расхохотались. Леван попытался заставить Тэкле заплатить штраф, но поэт с улыбкой взглянул на девушку и сделал ей знак рукой, чтобы она не боялась.

Смех и веселый шум смолкли. Бесики ждал, чтобы кто-нибудь задал ему следующий вопрос, но дамы не решались продолжать игру. Анастасия вскочила и обратилась к ним:

— Чего вы испугались? Думаете, что у него на каждую букву готов ответ? Не уступать же нам так сразу победу мужчинам!

Анна вдруг подалась вперед. Она сама не знала, как у нее вырвалось:

— На букву «д»... Откуда идешь?

Тотчас же воцарилась мертвая тишина. Анна смутилась еще больше. Она старалась убедить себя, что тишина эта была знаком почтения к ней, государевой сестре, но в напряженном молчании гостей она чувствовала другой, скрытый смысл. Анне казалось, что каждый из них осведомлен о ее любви и этим молчанием говорит ей и Бесики: «Знайτε оба, что нам все известно». Сердце у нее билось все сильнее и сильнее. «Ты просто хочешь, чтобы Бесики тебя поцеловал!» — слышал-

ся ей тайный голос. Она чувствовала, что задыхается, словно кто-то сдавил ей горло рукой.

Но тут снова раздался спокойный бархатный голос Бесики, и томительная тишина была нарушена. Невидимый враг, сжимавший Anne горло, отпрянул, и она с облегчением перевела дух.

Пересек я кряж Дидгори, поселился в древнем Двине,
Здесь Димитрию служу я...

Когда Бесики произнес имя супруга Анны, все в зале одобрительно улыбнулись и переглянулись между собой. Гости старались перехватить взгляд Анны, чтобы показать ей, что довольны находчивостью поэта.

Здесь Димитрию служу я, Дачи, раб при господине,
Лук мой из крещайшей Дзелквы, стрелы дал мне Дуб в низине.
Дава ранил я в Десвицу, верно, помнит, пес, доныне.

Среди общего оживления и одобрительных восклицаний Бесики приблизился к Anne, отвесил глубокий поклон и коснулся губами ее протянутой руки.

Теперь уже всем захотелось задавать вопросы. Со всех сторон зала слышалось:

— Отвечай на букву «в». Откуда идешь?

— Скажи на букву «з»!

Бесики уже не знал, кому отвечать.

Каждому не терпелось испытать находчивость поэта. Его наперебой засыпали вопросами и заставили перебрать почти весь алфавит от начала до конца.

— Ну, а что ты скажешь на букву «ы», — слышалось с разных сторон.

— В самом деле, ведь на эту букву не начинается название ни одного растения, птицы или животного! — сказала с улыбкой царица Дареджан. — Ну-ка, сын мой, отвечай на букву «ы». Откуда идешь?

В зале снова воцарилась тишина. Бесики опустился перед царицей на одно колено и, склонив голову, проговорил:

На Ыгыту к Ыдылбаю я пришел издалека.

Звалс я Ыргеном в тундре, где течет Ылыч-река.

Стал я дerviшем, шаманом, жизнь моя теперь легка.

Коль дотронусь я до лука, пусть отыметсa рука.

Вопрос царицы и удачный ответ Бесики еще больше развеселили собравшихся. Царица поцеловала юношу в лоб и протянула ему коралловые четки. Бесики поч-

тительно принял из ее рук почетный подарок, приложился к подолу ее платья и, пятась, чтобы не повернуться к ней спиной, отошел к стене. Леван приказал позвать музыкантов и попросил дам протанцевать «Самайюп», но тут в дверях появился домоправитель и громко возгласил:

— Секретарей Соломона Леонидзе и Бесики Габашили государь требует к себе в зал Совета!

Бесики и Соломон низко поклонились царице и вышли из гостиной.

Ираклий возбужденно шагал по залу Совета. Временами он останавливался около окна или около своего кресла и взволнованно продолжал прерванную внезапно речь. Это было признаком величайшего гнева.

Притихшие мдиванбеги испуганными взглядами следили за царем.

Моуравов сидел недалеко от царского кресла. Опустив голову, он притально глядел на ковер перед собой и молчал.

— Немало мы видели врагов,— говорил Ираклий, перебирая четки с такой яростью, точно хотел разорвать шнурок,— но враг врагу рознь! Однажды я и блаженной памяти отец мой царь Теймураз были в Цхинвали со свитой, состоявшей всего из двадцати человек. Случилось, что в это самое время проходил хунзахский владетель с пятитысячным войском. Он направлялся из Ахалцихе к себе в Хунзах. Один негодяй, из вражды к нам, выдал нас. Мы с хунзахским владетелем были кровными врагами. Что могли бы мы поделать с нашими двумя десятками воинов против целого войска? Но хунзахский владетель ответил предателю: «Царь Теймураз и царь Ираклий — наши враги, но будет постыдно для нас и оскорбительно для Теймураза и Ираклия, если мы нападём на них, когда у них нет с собой войска». Доносчику он отрубил голову и прислал ее нам, а сам снял лагерь и ушел. Да, и такие враги бывают...

Ираклий отошел от окна, прошелся по залу, остановился около мдиванбега, который сидел в конце стола, и продолжал:

— А теперь посмотрите, каковы нынче у нас друзья. У Адкури его сиятельство генерал Тотлебен (ничего не поделаешь, оказывается, и коварство может си-

ять!) оставил нас одних, когда мы стояли лицом к лицу с численно превосходившим нас врагом, а сам ушел внутрь нашего государства, решив завладеть им. Кто же нам враг, и кто друг? Могу ли я считать хунзахского владетеля врагом, а Тотлебена другом? Слыхали ли вы, чтобы кто-нибудь так поступал со своим союзником? Разве можно положиться на такого друга, довериться ему? Известно, что даже подчиненные этого генерала возмущены его действиями и переходят на нашу сторону. Нет, если вовремя не отсечь руку такому коварному другу, если своевременно не отрубить ему голову, то потом придется горько каяться!

Ираклий опять прошелся по комнате и подошел к своему креслу.

— Разрешите сказать слово, ваше высочество! — проговорил Моуравов, подняв с усилием голову.

— Антон, я верю, что ты желаешь Грузии добра. Говори! — Ираклий тяжело опустился в кресло и устремил на Моуравова внимательный взгляд.

— Не следует думать, государь, что императрица послала сюда свои войска только ради любви и участия к нашей многострадальной стране. У императрицы свои большие заботы. Она воюет с Турцией, и ее главные военные усилия направлены на Балканы, на юг Европы. Послав в Грузию экспедиционный корпус, она хотела с помощью вашего высочества и имеретинского царя Соломона произвести диверсию против турок. Таким образом Россия рассчитывала ослабить турецкие силы на Балканах. Ясно, что при таких намерениях императрица нуждается в прочном союзе с вами и с царем Соломоном. Я, ваше высочество, думаю, что генерал Тотлебен действует самовольно, что как только об этом узнают в Петербурге, тотчас же будут приняты соответствующие меры. Этому недостойному человеку не миновать заслуженной кары.

— Я тоже не сомневаюсь в этом, — ответил Ираклий, — но пока до Петербурга дойдут правильные сведения о здешних событиях и пока мы получим оттуда ответ, пройдет целых три месяца. Ну, а что нам делать сегодня, завтра, через месяц?.. Глядеть, как Тотлебен разоряет чужой огород, словно сбежавший от хозяина козел?

— Вот почему я, ваше высочество, счел нужным

призвать сюда Ратиева с его пятьюстами гусарами. Надеюсь, что вы не сомневаетесь в его честности? Он вполне разделяет мнение вашего высочества и считает Тотлебена предателем. Нам необходимо также каким-нибудь способом добиться приезда графа в Тбилиси, примириться с ним, а потом уже действовать так, как будут требовать обстоятельства. Может быть, мы сумеем договориться с Тотлебенем, может быть, он изменит свои намерения.

Ираклий задумался. Видно было, что ему понравилась мысль Моуравова. В самом деле, если бы удалось заманить Тотлебена в Тбилиси, коварного генерала было бы нетрудно обезвредить. Войска не сочувствовали своему начальнику. От него перешло к Ираклию больше трехсот солдат и офицеров. Ратиев со своими гусарами тоже был на пути к Тбилиси. Таким образом, в распоряжении Ираклия оказывалась внушительная сила. Она может возрасти еще больше. А тогда самому Тотлебену придется, пожалуй, просить помощи у Ираклия.

— Прочти нам, что тебе пишет Ратиев! — сказал Ираклий Моуравову, очнувшись от своих мыслей.

— Я, ваше высочество, еще не перевел его письма на грузинский язык, — ответил Моуравов и достал из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу. — Постараюсь, впрочем, слово в слово передать вам все, что здесь написано, а впоследствии доставлю и перевод. Вот что мне пишет подполковник Ратиев: «Ваше благородие, Антон Романович! Спешу известить вас о моих делах. Двадцать пятого апреля сего года, направляясь с пятьюстами гусарами в Грузию, повстречал я между Пасанаури и Ананури трех офицеров: майора Карпа, ротмистра Цорнау и поручика Бирксхеда, которых сопровождало двадцать солдат. Офицеры эти имели приказ взять меня под стражу, а моих гусар отвести к графу. Однако с помощью моих верных солдат и офицеров я сам арестовал их всех, за исключением скрывшихся во время перестрелки майора Карпа и одного его солдата. Арестованные находятся у меня под стражей. Я прошу вас умолить его высочество царя Ираклия, чтобы он принял нас под свое покровительство. Тотлебен — враг Грузии. Он ненавидит грузин, и в этом объяснение его поступков. Все то, что я узнал о генерале, доказывает, что это изменник. Мало того, что он вероломно покинул

царя Ираклия у Ацкури и тайно бежал с поля боя,— теперь он арестовывает своих штаб-офицеров и отправляет их в ссылку, а за какую вину — никто не знает. Я думаю, что изменнические действия этого бесчестного генерала вызовут возмущение ее императорского величества и ей будет весьма отраднo узнать, что мы своевременно обезвредили предателя, не дав ему совершить новые преступления. Прошу вас, Антон Романович, доложить все это его высочеству царю Ираклию и незамедлительно сообщить мне его ответ. Подполковник Георгий Ратиев. Город Ананури, двадцать пятого апреля тысяча семьсот семидесятого года».

Письмо произвело на Ираклия и мдиванбегов большое впечатление. Последние удовлетворенно улыбнулись и переглянулись между собой.

— Клянусь головой,— воскликнул Кайхосро Авалишвили,— само небо посылает нам этого человека!

— Это который Ратиев? — спросил Иоани. — Не тот ли, который сопровождал в прошлом году генерала у Адос-Миндори?

— Тот самый,— ответил Моуравов.

— Я думаю, нам не следует мешкать, ваше высочество,— сказал Кайхосро.— Нужно немедленно послать Ратиеву письмо с просьбой прибыть сюда. Затем мы попросим господина Моуравова уговорить Тотлебена прибыть в Тбилиси, а приговор вынесем ему сами.

Мдиванбег Рамаз незаметно для других толкнул в колено Кайхосро и взглядом показал ему, чтобы он остановился. Кайхосро понял, что не следовало так откровенно выбалтывать свои тайные мысли, и попытался исправить ошибку.

— Я отнюдь не говорю, что генерал Тотлебен подвергнется с нашей стороны какому-либо недостойному обращению, хотя, если правду сказать, он достоин наихудшего. Пусть не вредят нам, и мы ничего плохого ему не сделаем. Что же касается Ратиева, лишь бы он сюда прибыл, а остальное я беру на себя.

— Уж не хочешь ли породниться с ним? — с улыбкой спросил Ираклий Кайхосро и обратился к Моуравову. — Ратиеву я сам пошлю письмо, а Тотлебену вы напишите обстоятельно обо всем — в особенности о том, что с нами было у Аспиндзы. Пусть он знает, что ничего не добьется своим вероломством и повредить нам не

сможет. Напишите также, что мы благополучно вернулись в Тбилиси и отпустили всех воинов, за исключением кахетинцев (нужно написать правду, иначе он может испугаться и не явится к нам). Напишите еще, что мы намеревались продолжать военные действия, но сочли нужным вернуться, чтобы запастись провиантом и всеми необходимыми припасами. Не зная в точности местопребывания графа, мы предложили Ратиеву явиться сюда и просим также графа стать лагерем близ Тбилиси. Что касается провианта или каких-либо иных припасов, в которых у графа будет нужда, мы предоставим ему все в изобилии. Напишите ему, чтобы он не останавливался в Мухрани, так как это место во всех отношениях неудобное, а прямо пожаловал бы к нам.

— Завтра же, ваше высочество, пошлю письмо. Копию представляю вам.

— Да, вспомнил: напишите о наших делах и графу Панину.

— Когда вы собираетесь, ваше высочество, послать в Петербург пленных и знамена, захваченные у Аспиндзы?

— Завтра.

— Письма у меня уже готовы. Только письмо к ее величеству еще не написано. Если вы разрешите,— Моуравов поднялся,— я пойду к себе, чтобы сегодня же вечером дописать все, что осталось незаконченным.

— Хорошо, но помни, что я жду тебя сегодня к ужину со всеми твоими подчиненными.

Моуравов попрощался с царем и вышел. Поднялись с мест и мдиванбеги. Ираклий встал и подошел к окну.

— Небо ясное, в ближайшие дни установится хорошая погода,— сказал он и, отвернувшись от окна, позвонил в колокольчик.

В зал вошел домоправитель.

— Где секретари? — спросил Ираклий.

— Здесь, государь. Прикажете позвать?

— Пусть придут! — Царь обернулся к мдиванбегам: — Я надеюсь, что мы успешно поведем наши дела. Даст бог, нам удастся от души повеселиться на свадьбе Давида и Тамары.

— Пусть падут все ваши заботы на мою голову, государь! — воскликнул Иоанн. — Где же нам повеселиться, как не на свадьбе царевны?

В зал вошли Соломон и Бесики. Они низко склонились перед царем.

— Идите сюда, дети мои, садитесь поближе ко мне. Нам нужно немного поработать. Господа мдиванбеги, я вас больше не задерживаю. Во дворце вас ждет царевна Тамара. Поднимитесь наверх, а я скоро присоединюсь к вам.

Мдиванбеги вышли из зала Совета. Соломон и Бесики очинили гусиные перья, положили перед собой чистые листы бумаги и приготовились писать.

— Вы не огорчены, что я оторвал вас от веселого времяпрепровождения? — улыбнулся Ираклий.

— Нет, государь, что вы! — одновременно ответили оба секретаря.

— О, я прекрасно знаю, — глаза Ираклия лукаво улыбались, — что молодым людям более по сердцу общество красавиц... Но ничего, успеется и это!

Соломон осмелел, увидев улыбку на лице Ираклия.

— Дамы затеяли игру в азбуку, и Бесики ответил стихами на все буквы алфавита.

— Ни разу не осекся?

— Нет. Напоследок сама царица приказала ему ответить на букву «ы».

— Ну и что?.. — Ираклий взглянул на Бесики с улыбкой.

— Ответил, как сумел, ваше величество.

— Из чего же у тебя были лук и стрела? На эту букву не сыщешь названия дерева.

— Пришлось немного схитрить, ваше величество.

— Схитрить? Ну-ка, скажи и мне свои стихи!

Бесики повторил стихи, которыми он ответил на вопрос царицы. Ираклий от души расхохотался.

— Ха-ха-ха! Это ты хорошо придумал. Запиши все свои ответы, мы прочтем их еще раз. Поэтический дар — большое счастье! Отец мой немало потрудился и написал множество стихов, но его стихам не хватало прелести и силы. Ни один подражатель Руставели не смог подняться до высоты нашего великого поэта... Но оставим это и перейдем к делу. Нам нужно написать несколько писем и притом не засиживаться слишком поздно. Первое письмо будешь писать ты, Бесики.

Бесики приготовился писать, Ираклий стал медлен-

но, тихим голосом диктовать. Глаза его следили за движением пера Бесики.

— «Двадцать восьмого апреля тысяча семьсот семидеятого года.—Ираклий задержался на мгновение, взглянул на написанное и, откинувшись на спинку кресла, продолжал:—Его благородию князю Ратиеву шлю привет и наилучшие пожелания. О ваших делах сообщил нам в подробностях господин Моуравов, коему мы верим совершенно. Мы всячески старались быть в согласии с генералом, но усилия наши были напрасны. Он желает нам только зла и всеми силами стремится вредить нам. В Адцури он вероломно покинул нас, а теперь поставил в наших крепостях свои войска, ни в чем нас не спрашивается, и я не постигаю его намерений. С какой целью прибыл он сюда—для того, чтобы воевать с турками, или для того, чтобы низвергнуть нас? Прошу вас, по получении этого письма немедленно выступить со всем вашим отрядом и прибыть без промедления в Тбилиси. О провианте для войска не беспокойтесь. Обо всех же делах подробно переговорим по вашем приезде».

Ираклий кончил диктовать и терпеливо ждал, покуда Бесики дописывал последние слова. Потом он снял с пальца перстень с печатью, разогрел его на пламени свечи, поданной Соломоном, и приложил в конце письма. На белой поверхности бумаги ясно изобразилась надпись «Ираклий», окруженная четырехугольной рамкой. Он взялся было за колокольчик, чтобы позвать слугу, но не позвонил; по сдвинутым бровям его было видно, что он принял какое-то решение.

— Бесики, сын мой, это письмо ты отвезешь Ратиеву сам. Возьми с собой двух есаулов и вооруженную охрану из двадцати человек. Если выедешь через час, завтра вечером будешь в Ананури. Поручаю тебе также сопровождать Ратиева от Ананури до Тбилиси. Постарайся не опоздать к свадьбе Давида и Тамары.

Майор Карп возвращался после своей неудачи из Ананури в сопровождении единственного гусара. Между Ананури и Душети он встретил капитана Тотина, который вез под конвоем арестованного Чоглокова в Моздок. С ним ехал и Карл Дегралье, уволенный Тотлебе-ном со службы. Тотину было дано строжайшее распоря-

жение не разрешать Чоглокову с кем-либо общаться. Конвой должен был пресекать всякую его попытку начать разговор.

Когда отряд, миновав Душети, спустился в ущелье Арагви, у Чоглокова уже был готов план побега, согласованный с Тотиным. Весьма важную роль в этом плане играл Дегралье, который собирался вернуться в Тбилиси вместе с Чоглоковым. Предполагалось, что Дегралье уедет вперед, купит или наймет в ближайшей деревне двух лошадей, а потом устроит засаду на берегу Арагви и, увидев приближающийся конвой с арестованным Чоглоковым, несколько раз выстрелит из пистолета. Тотин прикажет конвойным залечь и открыть ответную стрельбу, а Чоглоков, улучив удобный момент, скроется.

Все подробности побега были заранее предусмотрены. Дегралье заблаговременно уехал вперед и достал лошадей. Конвой уже приближался к назначенному месту, когда внезапно на дороге показался майор Карп.

— Поворачивайте обратно! — крикнул он издали Тотину. — Вперед пути нет, там новый бунтовщик.

— Почему вы возвращаетесь назад? — спросил Тотин.

— Благодарение богу, что я хоть остался в живых! Нужно спешить прочь отсюда, возможно, что за мной погоня.

— Но скажите же мне, что случилось?

— Подполковник Ратиев едва не отправил меня на тот свет. Он разоружил весь мой отряд. Мне самому удалось бежать, но Цорнау и Бирксхед попали в его руки. Я еле унес ноги. Вот как обстоят дела, господин капитан!

— Почему же Ратиев напал на вас?

— Разве вы ничего не знаете? Я должен был арестовать Ратиева.

— За что?

— Он вместе с Ременниковым и Чоглоковым был в заговоре против Тотлебена. Оказывается, они, еще будучи в Моздоке, сговорились между собой, что арестуют генерала. Все это вскрылось на допросе, когда арестовали Ременникова. Ну, генерал, конечно, послал нас и велел захватить Ратиева, но его кто-то предупредил об этом. И как только мы подошли к его лагерю, нас окружили гусары и предложили сложить оружие. Я, конеч-

но, скомандовал стрелять, но гусары пошли на нас в атаку. Я едва успел спастись, а людей моих Ратиев приказал захватить...

— Выходит, что дорога между Ананури и Пасанури перерезана,— промолвил Тотин.— Впрочем, что Ратиев может иметь против нас?

— Вы хотите попасть в руки к бунтовщику? — набросился на него Карп.— Вы конвоируете их главаря, самого первого бунтовщика, и думаете, что вас так и пропустят?

Тотин растерялся. Ему было выгоднее всего продолжать свой путь. Если Ратиев силой освободит Чоглокова, Тотина ни в чем нельзя будет обвинить.

— Ну, теперь в путь. За мной! — скомандовал Карп и пришпорил лошадь.— Нельзя задерживаться: если за мной выслана погоня, нас могут настигнуть.

— Что ж, ничего не поделаешь! — Тотин нехотя повернул лошадь и приказал своим людям следовать за ним.

Тотин, пожалуй, решил бы послушаться Карпа и продолжать свой путь, но он знал, что этот доносчик представит Тотлебену дело в таком свете, что ему, Тотину, не миновать Сибири.

Майор Карп — пьяница, игрок и развратник — всегда ходил без денег и без надежды откуда-нибудь их добыть. Единственную свою надежду он возлагал на продвижение по службе и всеми способами старался заслужить благосклонность начальства. Специальностью его были доносы и слежка за товарищами по службе. За это Тотлебен удостоил его своим вниманием и, миновав все служебные препоны, произвел в майоры. После того как Карп выдал заговор Ременникова, Тотлебен щедро одарил его за верную службу. Более того, он обещал, что еще до окончания Кавказской кампании произведет его в подполковники и наградит орденом. В ответ на это Карп удесятирил свое усердие и всячески старался угождать Тотлебену.

Всем было известно, что с Карпом надо держать себя осторожно. Поэтому и Тотин счел за лучшее согласиться с ним. Но не успели они отъехать на двадцать шагов, как из чаши раздалось несколько выстрелов. Солдаты сейчас же залегли возле дороги и в свою очередь открыли стрельбу. Карп испугался. Он хлестнул

коня и поскакал прочь с такой быстротой, что даже ехавший с ним гусар не мог догнать его. Чоглоков уличил минуту, схватил свою сумку, прыгнул в канаву и побежал.

Тотин поднял страшную суматоху — выстрелил из пистолета, обнажил шпагу и для виду погнался за Чоглоковым. Он бросался без толку в разные стороны и вскоре убедился, что майор Карп отъехал на значительное расстояние, а Чоглоков и Дегралье скачут на свежих лошадях по направлению к Ананури. Тотин разочарованно махнул рукой, вернулся назад и нехотя последовал за Карпом.

Дегралье и Чоглоков условились еще раньше направиться после побега в сторону Тбилиси, но Чоглоков, подбежав к своему приятелю, вскочил на лошадь и погнался по направлению к Ананури. Дегралье встревоженно крикнул ему:

— Стой, куда ты? Это не наша дорога!

Чоглоков обернулся к нему, показал рукой на север и пришпорил лошадь.

— Скорей за мной! Нам нужно в эту сторону.

Дегралье вынужден был последовать за Чоглоковым, который успел уже отъехать довольно далеко. Догнав приятеля, Дегралье несколько раз просил его сказать, куда они едут. Но Чоглоков ничего не отвечал ему и молча скакал вперед.

Когда они наконец придержали взмыленных коней, Дегралье снова обратился к Чоглокову:

— Скажи мне наконец, почему мы не поехали в Тбилиси и что нам нужно в Ананури?

— Подполковник Ратиев, с которым я очень хорошо знаком...

-- Я его тоже знаю,— вставил Дегралье.

— Так вот, подполковник Ратиев со своими гусарами стоит в Ананури. Он разоружил отряд, посланный к нему Тотлебеню. Что скажешь на это?

-- Постой, постой, как это так?

— А вот так, мой друг: Тотлебен решил арестовать Ратиева, а тот... Жаль только, что майор Карп сумел убежать... Негодяй прекрасно знал, что Ратиев не погладит его по головке, и удрал. Но это не беда, он от нас не уйдет. Вот увидишь, какие теперь начнутся дела! Ираклий наголову разбил турок, а мы снова на свободе...

Теперь мы посмотрим — кто кого одолеет! Этому предателю придется иметь дело со мной!

Чоглоков долго еще развлекал Дегралье своим хвастовством. Но вот из-за поворота показались высокие зубчатые стены Ананурского замка, дворец арагвского эристава и большой храм с высоким куполом. Путники пришпорили лошадей и через несколько минут очутились среди русского лагеря, разбитого под самыми стенами замка. Они спешили и спросили:

— Где подполковник Ратиев?..

— У арагвского эристава,— ответил молодой светлоусый гусар, принимая от них коней.— Прикажете доложить?

— Доложи — подполковник Чоглоков и подпоручик Дегралье...

Гусар пошел вперед. В воротах крепости стояли часовые арагвского эристава, которые учтиво приветствовали русских офицеров. Гостей провели в приемный зал дворца.

Ратиев радостно поздоровался с Чоглоковым.

— Откуда вы? Какими судьбами?.. Мне сказали, что Тотлебен арестовал вас!

— Да, князь, было такое дело! Но теперь, как вы сами видите, я свободен, как птица. Мы еще посмотрим, кто кого арестует! — И Чоглоков, повернувшись к хозяину дома, почтительно осведомился о его здоровье: — Как вы поживаете, ваше сиятельство?

— Пожалуйте сюда, садитесь рядом со мной,— грузинский сказал эристав Чоглокову и показал рукой на тахту, заваленную подушками.

Чоглоков поблагодарил и обратился к Ратиеву:

— Когда мы едем в Тбилиси?

— Я ожидаю оттуда ответа.

— Ответа? — удивился Чоглоков.— Какого? От кого? Надо ехать немедленно. Ваши курьеры могут попасть Тотлебену в руки, и тогда вы не дожидаетесь ответа и через год! Этот проходимец разослал повсюду патрули, чтобы перерезать все дороги. Нам ни в коем случае нельзя медлить.

— Я послал курьера самой короткой дорогой. Эристав дал мне проводников. Ответ я получу не позднее завтрашнего дня, а пока нам и здесь не плохо.

— Но до завтра Тотлебен может перерезать глав-

ную дорогу, по которой мы должны пройти! Не по кратчайшей же дороге мы поведем в Тбилиси кавалерию?

— Пусть и это вас не беспокоит! — успокоил Ратиев Чоглокова. — Главное — получить через господина Моуравова согласие царя Ираклия. Тогда мы двинемся в путь.

— Вы ничего не слышали о Ременникове? — спросил Чоглоков. — Он первым был отослан Тотлебенем в Россию.

— К сожалению, я не встретил его на пути, иначе он был бы сейчас свободен.

— А Назарова, моего переводчика, вы не встречали?

— Как, неужели и его арестовал Тотлебен?

— Не только арестовал, но содержал его в самых жестоких условиях, как будто имел дело с разбойником. Сначала Назаров сидел в яме, а потом его под усиленным конвоем отправили связанного в Моздок. Нам придется прибегнуть к помощи ее величества, чтобы освободить обоих. Но до этого мы должны арестовать Тотлебена.

Ратиев кивнул Чоглокову в знак согласия и стал расспрашивать Дегралье о причине его увольнения со службы. Тот рассказал, как Тотлебен поручил ему составить описание Грузии для коллегии иностранных дел. В этом описании о царстве Грузинском говорилось, как о стране, которую необходимо покорить.

— Тотлебен приказал мне написать, что Грузия населена настоящими дикарями, что люди здесь не говорят, а лают, что у них нет никакого представления о самых простых правилах человеческой нравственности.

— И вы написали это? — возмущенно спросил Ратиев, побледнев от гнева.

— Написал, поскольку мне было приказано. Но я тотчас же рассказал обо всем Ременникову, — быстро добавил Дегралье, увидев по лицу Ратиева, какое впечатление произвели на последнего его слова.

Ратиев собирался что-то ответить Дегралье, но хозяин дома пригласил всех в другую комнату, и разговор прервался сам собой. Войдя в просторную столовую, гости увидели перед собой роскошно сервированный стол.

— Ах, какое великолепие! — воскликнул Чоглоков. — Взгляните на этот стол, господа! И Тотлебен смеет утверждать, что Грузия населена дикарями!

В комнате появились слуги, каждый из которых держал в руках кувшин, медный таз, душистое мыло и полотенце.

Когда гости вымыли руки и разместились за столом по старшинству, вошел епископ. Все встали. Епископ осенил собравшихся крестным знамением и, перед тем как приступить к ужину, прочел «Отче наш». Из уважения к гостям он читал молитву по-русски.

Свадебные приготовления во дворце шли обычным порядком. Составлялся бесконечный перечень приданого, переписка которого на бумажный свиток длиной в десять локтей потребовала целого дня. Было заколото множество быков, телят, ягнят, баранов. В торне пекли хлеба разных сортов. Готовилось много сортов плова, для которого поварята перебирали рис, очищали кишмиш и гранаты, растирали корицу и гвоздику. В высоких ступках толкли душистые травы. В огромной царской кухне стоял такой чад, что одурманенный правитель дворца ходил, шатаясь, как пьяный. Он должен был все проверить сам — вина, хлеб, приправы, мясо, птицу. На столах в кладовой высились горы битой дичи. Нужно было осмотреть каждую куропатку, каждого фазана.

Больше всех был увлечен свадебными приготовлениями восьмилетний царевич Вахтанг. Он с утра до вечера ходил по пятам за слугами, смотрел, как убирают залы, как готовят кушанья, как шьют подвенечное платье невесты, — словом, путался у всех под ногами. Впрочем, старшие не отставали от него. Свадебные приготовления захватили всех. Особенно оживленно хлопотала Анна. Она была счастлива. Брак Давида и Тамары был делом ее рук. Возвышение рода Орбелиани ослабляло влияние царицы Дареджан, которая приблизила к себе безродных Корганашвили и Бебуташвили, а князей царской крови старалась отдалить от двора. Царица Дареджан давно уже стремилась избавиться от падчерицы. Когда Давид находился еще в России, она употребляла все свое влияние, чтобы добиться брака Тамары с владельцем Хунзаха. Она даже несколько раз поссорилась из-за этого с Ираклием; но из ее затей ничего не вышло, и царица вынуждена была примириться с тем, что случилось. Однако, несмотря на затаенное не-

довольство, Дареджан из страха перед молвой проявляла поистине царскую щедрость. Она призвала к себе правителя двора и выработала вместе с ним церемониал бракосочетания. Посаженой матерью Тамары она назначила Анну. Разборку и укладку приданого взяла на себя. Казначей царицы Осепа недовольно ворчал и несколько раз даже осмелился заспорить с Дареджан.

— Вы не хотите, чтобы вас обвиняли в дурном обращении с падчерицей, и ради этого готовы отдать ей в приданое даже меня. Нельзя так, ваше величество! Надо и нас послушать! Посмотрите только на эту алмазную брошь. Она стоит семь тысяч миналтуни!

— Пусть хоть десять тысяч! Я и тогда ее для дочери не пожалею!

— Эх! — покачал головой Осепа и проводил взглядом слугу, который принял от него брошь и положил ее на стол перед Соломоном Леонидзе. Осепа не вытерпел и тоже подошел к столу, на котором были свалены в кучу ценные вещи, входившие в приданое.

Церемониймейстер Гиви Асланишвили брал драгоценности одну за другой, рассматривал их и диктовал их описание Соломону для внесения в список. Когда Осепа подошел к столу, Гиви держал в руках икону.

— Церковная принадлежность, — продиктовал он Соломону: — образ Иисуса Христа в окладе из червонного золота, украшенный двадцатью четырьмя драгоценными яхонтами, четырнадцатью крупными рубинами, двадцатью четырьмя светлыми сапфирами... Постой, сколько тут жемчужин, надо сосчитать.

Осепа пересчитал иконы, лежавшие на столе. Их оказалось больше тридцати, в том числе несколько в золотых ризах. Схватив одну из них, в окладе которой сверкал крупный, величиной с орех, изумруд, он воскликнул:

— Кто принес сюда икону царицы Тамары? Она ни разу еще не выносилась из дворца Багратионов, а вы хотите включить ее в приданое? Если государь об этом узнает, он снесет нам головы! Ваше величество... — Осепа с иконой в руках направился к царице, которая стояла за одной из колонн сводчатого зала. — Ваше величество, неужели эта икона принесена по вашему приказу?

— Упаси боже! Как она попала сюда? — притворно

удивилась Дареджан, которая прекрасно помнила, как сама приказала слугам отнести икону к Соломону Леонидзе.— Кто это сделал?

Она окинула взглядом слуг и служанок, которые стояли ни живы ни мертвы от страха.

— Осепа, осмотри, пожалуйста, внимательно все, что тут есть. Как бы нам не прогневать государя. Проверь каждую вещь, и если увидишь что-нибудь лишнее, доложи нам,— приказала Дареджан своему казначею.

Таким образом, Дареджан и Осепа установили полное согласие между собой. Теперь уж никто не мог обвинить царицу в скупости. Между тем Осепа, выставляя напоказ свою преданность царю, отбирал вещь за вещь и в конце концов сократил приданое Тамары едва ли не втрое.

Хлопоты с приданым протянулись до позднего вечера. Осепа был недоволен результатами своих трудов. Когда уже ночью все покинули казнохранилище, он еще раз окинул взглядом увязанные тюки и пошел к Ираклию.

— Ну, как, Осепа? — улыбаясь, спросил Ираклий, отодвигая бумаги в сторону.— Покончили с этим делом?

— Покончили! Устали мы все так, что еле держимся на ногах. Я велел подсчитать стоимость приданого. Получается около миллиона миналтуни.

— Ну так что ж? По-твоему, это много?

— Ваше величество! Уж не думаете ли вы, что казна ваша неиссякаема? Нас, армян, упрекают в расчетливости. Но разве возможно прожить иначе? Конечно, когда мы говорим, что доходы нашего царя не превышают ста тысяч в год, и выставляем напоказ нашу бедность, мы делаем это нарочно. Но ведь и в самом деле мы не так богаты, чтобы выбрасывать на приданое целый миллион! Не гневайтесь на меня за мою преданность, государь!

— Так-то так, мой Осепа, но ведь это имущество не уходит из нашей страны! Оно остается у нас дома. Да и кроме того, не буду же я считать женские наряды и украшения?

— Простите меня за смелость, государь, но ведь все это стоит денег! Куда они денут тридцать золотых и серебряных икон, украшенных рубинами и сапфирами? Вы говорите — наряды! Там есть одно платье, на котором

нашито пять тысяч крупных жемчужин, из них тридцать — величиной с орех. Таких платьев еще восемь: три — с тремя тысячами и пять — с двумя тысячами жемчужин. Одних мехов столько, что если разложить их у нас на Майдане, то в Телави, почуяв запах зверя, залают собаки. Все это добро вы отдаете за одной старшей дочерью. А ведь у вас есть и другие! Им тоже надо дать не меньше — иначе обидятся. Не так ли, ваше величество?

— Не знаю, мне сейчас не до этого. Список приданого еще не утвержден. Когда мы с царицей будем вместе просматривать его, то примем во внимание твои соображения. Правда, у Руставели сказано — «То, что спрятано, — пропало, то, что роздано, — твое...» Но нам теперь и в самом деле следует быть осторожнее, так как многое из того, что мы отдали, не сохранилось, а именно пропало.

— Клянусь вашей жизнью: из пяти мешков жемчуга, которые были в вашей казне, не осталось и двух. Да что это — жемчуг или морской песок? Можно ли так сорить им? Я знаю женщин, они хвастают друг перед другом: одна нашьет себе на платье пятнадцать тысяч жемчужин, а другая спешит нацепить двадцать тысяч. И как они только таскают на себе такую тяжесть! Не платья, а сионские колокола.

Ираклий от души рассмеялся. Осепа облегченно вздохнул: он сумел-таки развеселить царя и привести беседу к благополучному окончанию. Он хотел было пошутить еще, но Ираклий слегка наклонил голову в знак того, что аудиенция окончена, и Осепа с улыбающимся лицом вышел из царского кабинета.

На следующее утро во дворце приступили к исполнению сложного свадебного церемониала. По обычаю, он должен был начаться за две недели до свадьбы, но Ираклий торопился, и весь церемониал решено было провести в два дня.

В десять часов утра во дворец явились родственники Давида Орбелиани, которые поднесли Тамаре брачный залог — драгоценные украшения на золотом блюде и серебряный поднос с разнообразными сладостями. При церемонии поднесения брачного залога присутствовали все придворные вельможи, но царя и царицы не

было: их обязанности должна была по правилам выполнять посаженная мать.

Анна встретила посреди зала эджиба, присланного Давидом. Она с волнением ожидала этого утра, так как знала, что Давид избрал своим эджибом Бесики. Каково же было ее удивление, когда перед ней оказался не Бесики, а Манучар Туманишвили. Взяв из его рук блюдо, она тотчас же отошла к Тамаре и стала надевать на нее поднесенные украшения.

— Дай бог тебе счастья, милая Тамара! Я никогда еще не видела такого великолепного подношения!

И в самом деле, подаркам не было цены. Придворные шепотом выражали свое восхищение, когда Анна брала с блюда какую-нибудь вещь и прикрепляла ее к платью или волосам Тамары. Всем хотелось рассмотреть поближе драгоценные украшения, но никто не решился подойти к невесте.

Надев на Тамару все украшения, Анна поставила перед ней на маленьком шестиугольном столике блюдо со сладостями и обратилась к посланцам Давида:

— Передайте его светлости Давиду, нашему зятю, что мы ждем его к нам сегодня вечером.

Гости поклонились присутствующим и, пятясь к дверям, удалились из зала.

Мужчины проводили их до дверей, а женщины с веселым щебетом окружили Тамару, наперебой поздравляя ее с помолвкой и бесцеремонно рассматривая поднесенные ей женихом драгоценности.

Вечером во дворце был новый прием. Гости и хозяева собрались в русском аудиенц-зале, где был накрыт большой стол. Ираклий и Дареджан не присутствовали и на этой «совместной трапезе». Давид должен был сам явиться к ним. Он застал царя и царицу в китайской комнате, получил от них благословение и только после этого направился в празднично убранный зал.

Анна встретила жениха своей племянницы в дверях, поцеловала его в лоб и подвела к Тамаре, которая стояла посреди зала, смущенно опустив голову и покусывая нижнюю губу.

Бриллианты и жемчуга, подаренные Давидом невесте, сверкали и переливались на ней.

Домоправитель пригласил гостей к столу. Соблюдая обычай, женщины разместились по одну сторону стола,

мужчины — по другую. Против каждой госты сидел ее муж, отец или какой-нибудь близкий родственник. Этот порядок всегда строго соблюдался на пирах. Давида посадили напротив Тамары. Придворный священник благословил трапезу, и ужин начался.

Тамадой выбрали Иоанна Орбелиани. После того как было осушено несколько заздравных кубков и гости развеселились, Давида почтительно попросили занять место рядом с невестой.

Давид поднялся. Тамара под столом схватила руку Анны и испуганно шепнула ей:

— Боже мой, он идет сюда! Не оставляй меня, Анна, милая!

Анна засмеялась и ответила ей также шепотом:

— Ты с ума сошла! Не съест же он тебя! Что с тобой?

— Не знаю, не знаю... Сердце у меня бьется так, словно хочет выпрыгнуть из груди.

Под ободряющими взглядами пирующих Давид, улыбаясь, направился к креслу, поставленному рядом с креслом Тамары. Когда он сел, его мужественная осанка сразу бросилась всем в глаза. Широкоплечий и стройный, с волнистыми, зачесанными назад кудрями, он выделялся среди дам, как тур среди пестреющего яркими цветами горного луга. Он очаровал всех своим свободным, но вместе с тем изысканно-учтивым обращением. В нем не было и следа робости или смущения, обычных для каждого в такой торжественный, долгожданный день. Однако никто не знал, что его рассеянность и некоторое безразличие к происходившему были вызваны совершенно посторонними причинами. Давиду было известно, что царь назначил его свадьбу с Тамарой так скоро, чтобы отвлечь всеобщее внимание от напряженного положения, столь неожиданно возникшего в стране. И он, подобно самому Ираклию, старался казаться спокойным и беспечным, хотя все его мысли в эти дни были заняты тревожными событиями. Сегодняшний день не был исключением. Давид провел его на пушечном дворе, где осматривал печь для плавки металла, горн, в котором должен был составляться сплав, и графитовые ковши. Он проверил также запас меди, олова и готовой бронзы. Давид надеялся, что можно будет отлить за несколько дней не меньше двадцати крепостных пушек, но

надежды его не оправдались: Запас металла был настолько мал, что из него едва ли можно было отлить больше десяти — двенадцати пушечных стволов. Кроме того, требовалось, при недостатке мастеров, немало времени, чтобы обточить их, оковать лафеты, сделать колеса и прочие части пушек. Даже при круглосуточной работе десять орудий могли быть готовы не раньше, чем через три месяца. К тому же модели, находившиеся в мастерской, давно уже устарели: пушки этого образца не отливались больше ни в России, ни в западноевропейских странах.

Эти непредвиденные затруднения так расстроили Давида, что он забыл и о свадьбе, и о самом себе. В полдень он призвал к себе мелика и усташа цеха кузнецов и приказал им взять на учет весь запас меди, олова и бронзы, который найдется в городе. Мелик с сомнением покачал головой и в ответ на грозный взгляд Давида осторожно сказал:

— Попытаюсь, ваша светлость, но сомневаюсь, чтобы из этого дела что-нибудь вышло.

— Почему?

— Потому что, как только ваше распоряжение станет известным, мастера все припрячут.

— Но почему? Мы ведь не грабить их собрались, им будет уплачено!

— Они не поверят. А если мы начнем потихоньку скупать медь, то достаточно будет купить у одного, как остальные тотчас же пронюхают, в чем дело, скроют свои запасы, а потом будут выносить медь по золотнику и продавать на вес золота.

— Так вот оно что! Правильно говорят — от купца не жди добра. Что ж, хорошо!.. Ступайте, обойдите всех ремесленников и узнайте, сколько у кого меди, олова, бронзы, а об остальном позабочусь я сам. Кому надоела жизнь, пусть сразу же зовет священника и причащается...

Мелик и усташ ушли, а Давид долго еще не мог успокоиться, настолько разгневало его корыстолюбие ремесленников. Под этим впечатлением он отправился во дворец. Внешне он был выдержан и приветливо улыбался, в сердце же его бушевала злоба. Каждый раз, как он вспоминал свою беседу с меликом, у него сжимались кулаки.

Опустившись в кресло около Тамары, он долго не мог вспомнить, что должен надеть ей на палец кольцо и вручить осыпанное алмазами золотое яблоко. Анна напомнила ему. Давид осторожно взял руку Тамары в свою. Когда он надевал ей кольцо, в зале наступила глубокая тишина. От прикосновения теплой и нежной руки невесты по телу Давида пробежала дрожь. Только теперь он испытал сладостное чувство счастья. Тамара смело подняла на него свои миндалевидные глаза и улыбнулась. Давид вручил ей золотое яблоко. Они были так заняты друг другом, что забыли обо всем и совершенно не замечали напряженного молчания, царившего за столом. Громкий возглас тамады: «Горько, горько!» и одобрительные крики остальных вывели молодых из забытья. Давид смущенно отказывался, так как ему было неловко обнять в первый раз свою невесту на людях, но обычай был обязателен, и ни один жених не мог нарушить его.

— Ну-ка, мой Таризэл, обними свою Нестан,—не отставал от него тамада.— «Пусть сплетутся тесно руки и к устам прильнут уста».

— Смелей, Давид!

— «Если холоден любимый, ты ему подай пример». Поцелуй-ка его сама, сестра. Разве не видишь,— он сам не решается! — сказал Тамаре, смеясь, Леван.

— Плох тот витязь, который испугался женщины! — Кайхосро Авалишвили поднялся со стула, развел руками и устремил на Давида изумленный взгляд, словно спрашивая его, что с ним происходит.

Со всех сторон раздавались возгласы:

— Довольно, заждались!..

— Целуй невесту, жених!..

— Мы не можем больше ждать!..

Но Давид все еще колебался. Наконец женщины потеряли терпение, вскочили с мест и, окружив Давида, стали грозить, что прогонят его, если он сейчас же не докажет поцелуем своей любви к Тамаре. Тогда Давид обнял невесту, наклонился к ней и поцеловал ее в висок. В разгаре пира он незаметно обменялся платком с Тамарой, встал из-за стола и направился к себе домой. По обычаю, жених не имел права оставаться дольше.

Свадьба была назначена на первое мая, но ее едва не пришлось отложить. Из Мцхета приехал неожиданно католикос в сопровождении русских солдат. Эти солдаты ушли из войск Тотлебена, стоявших в Гори, и, проходя через Мцхета, зашли в собор Светицховели помолиться. Католикос, который хорошо знал русский язык, беседовал с солдатами. Они рассказали владыке, как они бежали от генерала, не вытерпев жестокого обращения, и сообщили, что Тотлебен намеревается свергнуть царя Ираклия с престола. Антоний был поражен. Он тотчас же приказал запрягать лошадей и поехал в Тбилиси. Правда, ему были известны многие неблагоприятные поступки Тотлебена, но подобной дерзости он не мог себе представить.

Солдаты окружили экипаж католикоса и так шли до самого Тбилиси. Подъехав к Кабахи, Антоний вышел из экипажа, благословил духовенство, встречавшее его во главе с митрополитом тбилиским, и направился прямо в царский дворец. Духовенство удивилось поспешности католикоса. Обычно, какие бы неотложные у него ни были дела к царю, он первым делом шел в Анчисхатскую церковь или в Сионский собор, служил там молебен и лишь после этого начинал заниматься духовными или светскими делами. Всеобщее удивление вызвало также и то, что его сопровождали русские солдаты. По городу пошли слухи. Одни говорили, что католикос прислан русским генералом, чтобы объявить Ираклию, что он низложен, другие, — что солдаты, прибывшие с Антонием, имеют приказ свергнуть царя, если он откажется добровольно отречься, а ключи от города отвезти Тотлебену. Слухи эти дошли и до Моуравова. Растерявшись, посол выскочил на улицу и побежал на Кабахи. По дороге он столкнулся с Давидом, который был удивлен не меньше его. Оба одновременно задали друг другу один и тот же вопрос:

— Что случилось?

— Я ничего не знаю.

— И я ничего не знаю. Может быть, вам известно из достоверных источников... — протянул Моуравов и остановился.

Он хотел первым услышать от Давида неприятную весть, но у Давида, по-видимому, было такое же намерение. Он выжидательно глядел на русского посла и

молчал. В это время появился узбаш Кайхосро Мурванишвили.

— На Кабахи дожидаются русские солдаты,—сказал он, низко поклонившись Давиду.— Они просили, чтобы государь вышел к ним. Как прикажете поступить? Они говорят, что не ели два дня. Если вы согласны, я отведу их в Нарикалу, к коменданту. Сначала накормим их, а потом поступим, как повелит государь.

— Хорошо, так будет лучше всего. Прикажи мандатуру захватить с собой переводчика, снимите с них подробные показания обо всем, что касается русских войск, запишите и доложите государю. Есть у них оружие?

— Да, ружья со штыками и шашки.

— Оружие отберите и сдайте коменданту крепости. Я слышал, что прибыл католикос?

— Да. Он сразу проследовал к государю.

— Хорошо,—Давид знаком отпустил узбаша и повернулся к Моуравову:— Как вы думаете поступить: повидаете русских солдат или прямо пойдете к государю?

— Правду говоря, мне следовало бы повидать раньше солдат и узнать у них обо всем, что происходит у Тотлебена... Но, посудите сами, на что будет похоже, если русский посол вступит в сношение с солдатами, отказавшимися подчиниться начальнику? Лучше сначала повидаться с государем.

— Хорошо, тогда пойдем вместе.

Они направились во дворец. У ворот их встретил царский эджиб. Он передал Давиду, что Ираклий требует его немедленно к себе.

— Проводите господина Моуравова в большую гостиную,—сказал Давид эджибу.— Я доложу государю, что русский посол просит принять его.

Моуравов пошел за эджибом, а Давид направился к царю.

Открыв дверь царского кабинета, он собрался приветствовать царя, но Ираклий не дал ему говорить.

— Боюсь, дорогой мой, — обратился взволнованно Ираклий к Давиду, — как бы вместо того, чтобы венчаться, вам не пришлось, подобно Таризлу, идти на хатайцев. Владыка привез такие вести, что нам остает-

ся лишь седлать коней. Промедление может оказаться гибельным. Необходимо немедленно созвать войско.

Давид спокойно выслушал Ираклия, потом подошел к католику под благословение, поклонился царевичам и лишь после этого сказал:

— Ваше величество, русский посол господин Моуравов просит принять его. У него очень важное дело к вам.

— Хорошо, пусть войдет. Мне нечего скрывать от него! — Ираклий позвонил и, когда в дверях появился Соломон Леонидзе, приказал ему: — Попросите господина Моуравова!

Католикос еще раз повторил рассказ, слышанный им от солдат.

Антоний еще не кончил своего рассказа, когда в кабинет вошел Моуравов.

— Ваше высочество,— сказал посол,— я не вижу причины для тревоги. Не следует принимать на веру рассказы беглых солдат. Служить в русской армии нелегко. Должно быть, этих солдат ожидало наказание за какие-нибудь провинности и они бежали из части, надеясь, что не пропадут в христианской стране. А для того, чтобы завоевать ваше расположение, они придумывают небылицы. Рассказы о действиях генерала, несомненно, преувеличены, и объясняется это только тем, что рассказчики ищут вашего покровительства...

Давид прервал Моуравова:

— Что рассказы о Тотлебене не сплетни, это несомненно. Простите меня, Антон Романович, но терпеть дольше наглость этого генерала невозможно. Что скажет о нас народ, если мы не поднимем голоса и не обнажим в случае надобности меча? Если нам суждено погибнуть, то лучше принять славную смерть с мечом в руках, чем жить в позоре. Разрешите мне поехать к Тотлебену. Я возьму с собой самую немногочисленную свиту, чтобы не испугать его. Я потребую от него, чтобы он немедленно, в моем присутствии, во-первых, письменно обязался оказывать государю должное уважение, во-вторых, извинился за все злодеяния, совершенные им против нашего государства, и, в-третьих, отменил все свои последние приказы... И если он ответит отказом, то пусть на себя пеняет. Иного выхода нет. Не надо обманываться — волка добрым словом не приручишь!

Слушая Давида, Моуравов побледнел. Он попросил слова, но Ираклий предупредил его:

— Давид, ты предлагаешь невозможное! Из-за одного плохого человека мы можем навлечь на себя гнев могущественной державы. Россия — единственное государство, под покровительством которого мы можем свободно вздохнуть и приняться за восстановление нашей разоренной страны. Надо придумать иной путь. Индийские звероловы даже львов заманивают в ловушку. Для такого мелкого шакала, как Тотлебен, достаточно будет самого простого капкана. Пошлем к генералу гонца, попросим его стать лагерем в Мухрани, а потом сообщим, что я хочу торжественно присягнуть императрице в Сионском соборе, и предложим приехать в Тбилиси. Об остальном не беспокойтесь. Самый свирепый волк, если на него надеть намордник, станет смиренным, как ягненок. Нужно только суметь это сделать. Арест или убийство Тотлебена не принесут нам никакой пользы, а только восстановят против нас императрицу.

— Не нужно забывать, сын мой, что мы имеем дело не лично с Тотлебенем, а с государством Российским, — обратился католикос к Давиду. — Дурные поступки генерала нельзя отождествлять с политикой государства, в покровительстве которого мы в настоящее время нуждаемся больше чем когда-либо. Я понимаю, что ты не можешь примириться с оскорбительным поведением генерала, но в делах государственных приходится руководствоваться доводами рассудка, а не порывами сердца. Спокойствие и терпение, сын мой, вот что сейчас нужнее всего. Терпение — это та скала, о которую разбиваются волны человеческого безрассудства. Подумай сам, сын мой; ведь Россия — единственное единоеверное нам государство, которое только одно и может спасти нас от варварских нашествий мусульман. Святая наша церковь денно и нощно молит всевышнего о ниспослании нам этой великой милости. Посмотреть только, что сделали турки с нашими священными землями, которые им удалось временно от нас отнять! Они огнем и мечом распространяют среди населения магометанство, разрушают святые церкви, жгут иконы и священные книги, а людей, которые отказываются принять мусульманскую веру, умерщвляют или продают в рабство. Сколько веков они терзают многострадальный грузинский народ.

Страна наша ведь считается уделом пресвятой богородицы, и допустимо ли, чтобы она и впредь оставалась в руках магометанских завоевателей? Нет! Мы должны вернуть наши земли в лоно еднй православной Грузии. Но сделать это одни, без помощи России, мы не в силах. Вот те великие задачи, которые поставила перед нами наша родина и наша святая церковь. И подумай, сын мой, что значит перед лицом этих задач сумасбродство какого-то зазнавшегося генерала, поступки которого, несомненно, будут осуждены русской императрицей? Мужество, сын мой, не только в удали, но и в великом терпении, когда того требуют разум и государственные интересы.

— Правду, сущую правду изволите говорить, ваше святейшество,— сказа Ираклий.— Жаль, что его светлость Давид не желает нам верить.

В продолжение этого разговора Леван стоял у окна, погруженный в свои мысли, и смотрел на площадь перед дворцом. Он не разделял мнения отца и был всецело на стороне Давида. Царевич не одобрил только намерения Давида самому отправиться к Тотлебену. Рисковать собой Давиду, конечно, было незачем.

Совет длился долго. Давид настойчиво советовал царю прибегнуть к быстрым и решительным действиям. Моуравов испытывал жестокие муки, боясь как бы Давид в самом деле не убедил царя, и всячески поддерживал Ираклия против него. Георгий не принимал участия в разговоре, так как мысли его шли по совершенно иному пути. Он не мог решить, что выгоднее для него,— победа или поражение Тотлебена. Если генерал победит и свергнет Ираклия, то ведь должен же кто-нибудь наследовать грузинский престол, не оставят же русские Грузию без царя! И, конечно, этим царем будет он, Георгий. Не зная, чьей стороны держаться в этом запутанном положении, царевич то соглашался с Давидом, то подкивал отцу, то поддерживал Моуравова. Ираклий то и дело бросал удивленные взгляды на своего старшего сына.

Совещание было прервано внезапным восклицанием Левана, который, стоя у окна, глядел на улицу.

— Бесики приехал! С ним русские офицеры.

Все поспешили к окну. Только царь и католикос не тронулись с места.

— Слава богу! Теперь нам не о чем больше заботиться! — облегченно воскликнул Ираклий и обратился к католикосу: — Это, ваше святейшество, приехал Ратиев. Он привел с собой отряд гусар. Сын мой Леван, — обратился Ираклий к царевичу, — ступай навстречу и проводи гостей в тронный зал. Мы с католикосом сейчас придем туда.

Леван поспешно оставил кабинет и почти бегом спустился по лестнице. Он приказал эджибам попросить сановников и придворных в тронный зал, а сам в сопровождении дежурных минбашей вышел на площадь. Прибывшие русские офицеры уже спешили и теперь отряхивали свое запыленное платье. При виде Левана офицеры выстроились в шеренгу. Ратиев скомандовал:

— Смирно, господа офицеры! — Затем твердым шагом, позванивая шпорами, подошел к Левану, четко приставил правую ногу к левой и отрапортовал:

— Ваше высочество, подполковник Ратиев по приказанию царя Грузии Ираклия Второго прибыл с пятьюстами гусарами в Тбилиси. Со мной прибыли также подполковник граф Чоглоков и поручик Дегралье.

Вытянувшись в струнку, Ратиев ждал от Левана приказаний. Царевич от неожиданной церемонии несколько растерялся. Правда, он уже видел, как в русской армии встречают старших командиров и высокопоставленных особ, но вытянувшаяся вдоль площади стройная шеренга офицеров и быстрый, четкий рапорт Ратиева были для него так неожиданны, что он смущался и не знал, как поступить. Леван обвел глазами площадь и увидел Бесики, который, улыбаясь, делал ему какие-то непонятные знаки. Из затруднения вывел его сам Ратиев.

— Скажите «вольно», — шепнул он.

— Вольно, — кое-как выдавил из себя Леван. Ратиев повторил приказание по-русски. Леван подошел к офицерам и обнял каждого из них.

Бесики поцеловал царевича в плечо. Леван пригласил гостей во дворец и осыпал своего друга вопросами.

— Как вы могли приехать так быстро? Мы ждали вас только через два дня...

— Мы проехали через Тианети, — ответил Бесики. — Ехали днем и ночью, не останавливаясь, загнали лошадей, да и сами не лучше их... Ноги у меня совсем оде-

ревенели от долгой езды. Ну как, свадьбу еще не справили? Я очень боялся опоздать!

— На твое счастье, венчание будет как раз сегодня ночью. Попировать-то мы всегда успеем, только бы нам свернуть шею этому Тотлебену...

— Гм, Тотлебену! — улыбнулся Бесики и взглядом показал царевичу на русских офицеров. — Вы потерпите немного — скоро узнаете любопытные вещи. Эти люди быстро покончат с Тотлебеном.

Свадьба получилась довольно беспорядочная. Прежде всего, было нарушено торжественное настроение, которое обычно царит в доме невесты перед прибытием жениха. Напряженное ожидание прерывается «вестником радости», влетающим на всем скаку во двор. Потом с радостными возгласами, пением и звуками зурны въезжает процессия — жених со своей свитой. Сегодня все шло не так, как полагается. Дружки Давида не знали, как быть: жених с утра ушел во дворец, куда его следовало проводить лишь перед венчанием. Он сидел у царя в кабинете и, как видно, даже не собирался возвращаться домой. Вызвать его не было возможности. Не могла же свита отправиться в дом невесты без жениха? С какой вестью прискакал бы во дворец «вестник радости»?

Ираклий, казалось, забыл, что в его дворце нынче вечером свадьба. Давида и Левана он послал устроить гусар Ратиева, а сам вызвал к себе ага Ибреима, просившего уже несколько раз у него приема.

Царь заперся с купцом один на один и выслушал его жалобы на плохие дела. За эти два года у ага Ибреима скопилось на складах шестьсот тысяч мотков шелковой пряжи, тысяча вьюков шелка-сырца и множество тюков с другими ценными товарами.

Шелк он хотел доставить в Лион. Между тем, вследствие войны с Турцией, дороги закрылись. Держать дольше товар было невозможно. Ага Ибреим думал было повезти шелк через Россию, но отношения с ней были неясны, и он боялся потерять по пути все свое добро: могут русские отобрать на границе, могут напасть горцы и ограбить до нитки.

Ага Ибреим советовал царю порвать с русскими и договориться с Турцией. Роль посредника он брал на себя.

— Я сам явлюсь к султану и представлю ему все дело в таком виде, что он добровольно уступит вам весь Ахалцихский пашалык. Если падишах узнает, что вы решили объявить русским войну, он обезумеет от радости! Лучшего времени для того, чтобы договориться с султаном, мы не найдем. Пусть вас не тревожит, что вы разбили его войско под Аспиндзой. Турки сами должны винить себя в этом. Они и не заикнутся о том, что было, напротив, вас осыпят щедрыми дарами. Если султан не пожалел двадцати тысяч туманов, чтобы восстановить против вас Супфав-хана, то для того, чтобы задобрить вас, он заплатит впятеро больше.

— Значит, ты собираешься скоро ехать? — спросил погруженный в свои мысли Ираклий.

— Если будет на то ваше согласие... Я буду готов через месяц. Но ваше величество должно одолжить мне тысячу верблюдов. Плату за пользование ими я зачту в проценты вашего долга.

— Ты поедешь через Ахалцихе?

— Нет, по Лори-Бамбакской дороге через Арзрум. Арзрумский паша мой хороший друг. Я распущу слух, будто еду в Персию, в Шираз, к Керим-хану. По правде говоря, я мог бы отправиться и в ту сторону с тем, чтобы попасть в Багдад: крап там ценится дорого. Но мне все же выгоднее ехать через Арзрум. Я поеду прямо в Смирну, и пока мой крап будет продаваться, съезжу в Стамбул. В Смирне я не достану корабля, так что поездки в Стамбул мне все равно не миновать.

— Нет, лучше ты поезжай через Персию, — посоветовал купцу Ираклий, — иначе все это может стать известно и кто-нибудь донесет русским. Я пошлю к Керим-хану вместе с тобой своего посла. Шах даст тебе от себя фирман, и ты отправишься в Турцию в качестве персидского купца. Правда, ты будешь в Стамбуле не раньше, чем через два, а то и через три месяца, но я не могу дать тебе разрешение ехать прямо в Турцию.

Ираклий, разумеется, и в мыслях не имел действительно завязать с турками переговоры. Но ему надо было усыпить их бдительность, заставить поверить, что Грузия меняет свою политику. Ага Ибреим мог сослужить ему хорошую службу. Пока султан через посредство своих послов начнет переговоры с тбилисским двором, пройдет изрядное время, а там придет ответ из Пе-

тербурга. Этого генерала-самоуправца уберут, и русские войска смогут действовать вместе с грузинскими против турок. Таким образом, благодаря ага Ибреиму Ираклий мог выиграть время, а уже впоследствии поговорить с турками по-иному.

— Разве не лучше для вашего величества, как и для меня, попасть как можно скорее в Стамбул? — спросил ага Ибреим. — По-моему, лучше начать переговоры до того, как турки снова нападут на нас.

— Нет, торопиться не следует. Надо дать им забыть про поражение, иначе турки и близко тебя не подпустят. А выступить снова против нас они до осени не сумеют, да и осенью соберутся только в том случае, если у них улучшатся дела на Балканах. Русский фельдмаршал граф Румянцев здорово их колотит.

— Значит, ваше величество, вы советуете мне ехать через Исфагань?

— Так будет лучше. Недаром говорится: «Лучше выбрать долгий путь, да домой приехать с миром». К тому же, разве шелк нельзя продать в Исфагани или в Ширазе?

— О, государь, — улыбнулся ага Ибреим, — в Исфагани я не получу за него и трегьей части того, что дадут в Лионе.

— Но ведь сколько ты должен заплатить одних пошлин, проезжая через все это множество стран?

— Ничего не поделаешь, государь! Таков удел купца. Нужно выдержать все — и пошлины, и разбойников, и пиратов. Вы сражаетесь, а мы торгуем — одно стоит другого.

— Значит, так, мой Ибреим. Когда будешь готов к отъезду, побеседуем еще раз. Я со своей стороны подготовлю посольство, назначу посла и — с богом в путь. Завтра прошу тебя быть на свадьбе моей дочери.

— Завтра? — удивился ага Ибреим. — Разве свадьбу отложили на завтрашний день?

— Постой, постой, — ударил себя по лбу Ираклий, — какой сегодня день? Первое мая? Господи помилуй, я так ушел в дела, что забыл обо всем на свете и зятя моего усрал с поручением. Который час? — Он посмотрел на большие стенные часы. — Скоро восемь! Спасибо тебе, что напомнил. Эй, эджиб!..

В дверях появился Соломон Леонидзе и застыл на

пороге в ожидании распоряжений. Ага Ибреим попрощался с царем. Ираклий велел Соломону позвать к нему эджиба и слуг и осведомился, все ли подготовлено для свадебной церемонии.

— Все готово, государы! — ответил Соломон.

— Где Давид?

— Не знаю, ваше величество. Он ушел куда-то вместе с царевичем Леваном и взял с собой русских офицеров.

— А, знаю! Ради бога, ступай немедленно за ним и скажи, пусть он бросает все дела и спешит сюда вместе со свадебной свитой. Если его еще нет дома, то найдешь его за Авлабаром, в поле, где стали лагерем русские. Пригласи на свадьбу русских офицеров, а для солдат прикажи дворецкому зарезать десять быков. Угостите их на славу. Не будем мешкать, поторопись.

Соломон ушел. Ираклий засуетился. Он снял с себя халат и туфли, надел парадный, шитый золотом камзол, синие сафьяновые сапоги на высоких каблуках и направился в покои царицы. Эджиба, встреченного в галерее, он послал отдать приказание, чтобы осветили город факелами и оповестили население колокольным звоном о начале свадебного торжества.

Весь дворец сразу ожил и засуетился. Многие уже начали было сомневаться в том, что свадьба состоится. Теперь все облегченно вздохнули. Слуги зажгли во дворцовых залах лампы и свечи. Празднично убранные залы дворца наполнились придворными и гостями. В пиршественном зале раздались звуки музыки. Около десяти часов на площади перед дворцом раздался pistolетный выстрел.

— Жених едет! — крикнул «вестник радости».

Гогия Фатрели протянул ему чашу, наполненную атенским вином. Вестник осушил ее и, как того требовал обычай, попытался завладеть ею. Но, кажется, легче было похитить самого Гогия Фатрели, чем отнять у него чашу.

Скоро появился и жених со своей свитой. Напев зурны, глухие звуки бубна, pistolетные выстрелы слились в общий праздничный шум.

Жениха встретила посаженная мать. Она заключила его в объятия, а потом повела во французский зал.

Здесь его ожидала невеста, одетая во все белое, с фатой, опущенной на лицо.

Все как будто наладилось, церемония шла по всем правилам дворцового этикета. Залы были полны гостей. Всюду царили радость и веселье. Но вскоре произошла новая досадная заминка.

Царь должен был благословить жениха и невесту, соединив их руки.

Между тем он запоздал с выходом.

По обычаю, в эти минуты невеста и все остальные женщины должны были сидеть неподвижно, так, чтобы даже не пошевелинуть серьгой. Именно такая торжественная тишина царила в зале, когда Анна ввела Давида и посадила его рядом с невестой. Никто не повернул головы, но все взгляды обратились к дверям, через которые должен был войти Ираклий. Царь все не появлялся. Ожидание становилось томительным, и все же никто не смел не только вымолвить слово, но даже переменить положение. Сама царица Дареджан сидела в застывшей позе рядом с Тамарой и терпеливо ждала, устремив взгляд на дверь. Лишь когда ожидание стало уже нестерпимым, она подала чуть заметный знак домоправителю, чтобы тот пошел к царю.

Ираклия задержал гонец, прискакавший из Мухрани с тревожными вестями о действиях Тотлебена. Царь, нахмурясь, выслушал гонца, отпустил его и долго сидел в кресле молча, погруженный в свои думы. Когда вошедший домоправитель напомнил ему, что его ждут в зале, Ираклий встал и быстрыми шагами направился туда. По пути к нему присоединились секретари, ожидавшие в галерее. Они почтительно следовали за царем.

Когда Ираклий показался в дверях, все облегченно вздохнули. Он направился прямо к жениху и невесте, соединил их руки, отступил на шаг, устремил взгляд вперед, поверх голов присутствующих и, подбирая подобающие моменту слова, начал благословение. По его лицу было видно, что думает он совсем о другом, что ему трудно говорить.

— Ныне объявляю всем княжеским и дворянским родам Грузии и всем подданным моего государства, — глухо, взволнованно звучал голос царя, — да будет над ними благословение святейшего католикоса-патриарха и да хранят их молитвы всего духовенства нашего, воз-

носимые в храмах по всей земле Грузинской! По собственной доброй воле нашей соединяем мы дочь нашу Тамару с главным начальником грузинского воинства и правителем нашего двора...

По залу пробежал еле слышный шепот. Вельможи переглянулись. Объявление Давида правителем двора было совершенно неожиданным для всех. Многие из самых знатных вельмож добивались этой наивысшей в государстве должности и не жалели сил для того, чтобы привлечь к себе сердце Ираклия. Пожилым мдиванбегам, естественно, не понравилось, что над ними поставили молодого князя, но никто не осмелился высказать недовольство или обиду. Только Чабуа Орбелиани слегка нахмурился. Зато друзья Давида, в особенности Леван и Бесики, были на седьмом небе от радости. Они переглянулись и обменялись радостными улыбками.

—...с правителем двора Давидом Орбелиани,— продолжал Ираклий среди мертвой тишины. — Да благословит их союз и да ниспошлет им счастье всевышний! К вам обращаю мольбу, сын мой Давид! Будьте покровителем и защитником дочери нашей, как подобает потомку благородного, прославленного и просвещенного рода вашего.

Последние слова Ираклий произнес с такой мольбой в голосе, с таким искренним чувством, что, казалось, он вручал Давиду судьбу Грузии, а не своей дочери.

Женщины прослезились. Давид встал и почтительно принес благодарность царю. Он больше не сел. Все, кроме царя и царицы, отправились в Сионский собор.

Всю улицу от дворца до порога храма устлали цветами. Поверх ковров была постлана для молодых розовая шелковая дорожка. Обе стороны улицы, крыши и балконы домов заполнились празднично разодетым народом. Люди стояли так густо, что не было видно стен. Давид держал правой рукой рукав шубки, накинутой на плечи Тамары. Они шли медленным, торжественным шагом. Чуть позади шествовали посаженная мать Тамары — Анна и эджиб Давида — Манучар Туманишвили. За ними, в порядке старшинства, шли дамы, придворные и дружки. Тускло поблескивали при свете факелов шелк и парча нарядных одежд, сверкали и переливались

всеми цветами радуги драгоценные украшения женщин.

Стройная, величественная свадебная песня «Макрули» еще более усиливала торжественность.

В соборе русским офицерам были отведены почетные места по правую руку от царских врат. Здесь стояло возвышение с позолоченным балдахином, предназначенное для царя и царицы. Офицерам хотелось рассмотреть невесту, на голову которой была наброшена полупрозрачная вуаль, ступшеывающая черты ее лица. Тамара стояла, слегка склонив голову, рядом с Давидом. Она едва доставала ему до плеч. При взгляде на них могло показаться, что хрупкая Тамара гораздо моложе Давида, и русские офицеры шепотом переговаривались: «Как она молода! Совсем ребенок! Наверное, ей не больше тринадцати лет». Они, конечно, не знали, что в Тбилиси двадцатилетнюю девушку считали уже перезрелой и что Тамара уже давно миновала этот возраст.

Гулко отдаваясь под сводами, раздались с хоров голоса певчих. Приятный сильный бас архидиакона разнесся по храму: началось таинство бракосочетания.

На головы Давида и Тамары возложили свадебные венцы, состоявшие из золотых обручей с привешенными к ним четыремя золотыми шнурами. Низенькому священнику пришлось подняться на цыпочки, чтобы достать до головы Давида, и это вызвало у русских офицеров улыбку.

— Ну и богатырь! — сказал Чоглоков и вдруг, весь встрепенувшись, схватил Ратиева за руку: — Послушайте, кто эта красавица, что стоит позади невесты?

— Не знаю.

— Узнайте, пожалуйста! Как она прекрасна! Спросите кого-нибудь...

Ратиев тронул за руку секретаря русского посольства Бежана Эгутова, но Чоглоков опередил его:

— Кто эта дама, Эгутов?

— Сестра царя Ираклия, Анна.

— Сестра царя?.. — удивился Чоглоков. — Это невозможно. Сколько же ей лет? Неужели у государя такая молодая сестра?

— Ей все сорок пять, а может быть, и больше, — ответил Эгутов.

— Не может быть!

— Честное слово!

— Ох! — вырвалось у Чоглокова. — Не можете ли вы представить меня ее светлости?

— Боюсь, что вы уже опоздали, граф! — ответил, иронически улыбаясь, Эгутов.

С тех пор как войска вернулись из похода, Анна все надеялась встретиться с Бесики наедине. Она пыталась было тайком назначить Бесики свидание, но это оказалось невозможным. Майя не смогла ни разу выполнить ее поручение, так как, по ее словам, Бесики все время дежурил у царя или не разлучался с Давидом, а затем его послали в Ананури за Ратиевым. Неудачи только разжигали желание Анны увидеться с любимым. Страсть всецело овладела ею, она совершенно лишилась покоя и утратила всякую осторожность. Она настолько осмелела, что даже пошла к Анне-ханум и постаралась попасть в комнату Бесики. Ее жгло желание дотронуться до тех предметов, к которым прикасался Бесики, дышать тем воздухом, которым он дышал, ощутить его близость.

С женской хитростью Анна завела со своей мачехой разговор о Бесики. Для начала она вспомнила Захарию, наказание, которое он понес без вины, и его изгнание. Потом стала хвалить Анну-ханум за ее заботу о Бесики, и, наконец, осторожно высказала желание осмотреть комнату, в которой писал стихи молодой, но уже известный поэт. Анна-ханум тотчас же проводила ее туда.

Комната была чисто убрана. Все вызывало у Анны восхищение. Она брала в руки каждый предмет и подолгу рассматривала его. Книги, стопками лежавшие на столе, вызвали в ней неподдельный восторг.

— Боже мой, сколько у него книг! — Она перелистала одну из них. — Греческая или латинская книга? А эта? Ах, арабская! Разве у него нет грузинских книг? Боже, вот «Тимсариани», сочинение моего отца! Любопытно, когда он переписал?

Пересмотрев все книги, Анна стала перебирать исписанные листы бумаги.

— А это что такое? Ах, стихи! Вы не видели, матушка, как он пишет стихи?

— Видела, и не раз! — улыбнулась Анна-ханум.—

Когда он сочиняет, можно около самого его уха выстрелить из пушки,— все равно не услышит.

Анна скользнула рассеянным взглядом по листкам, уселась вместе с мачехой на тахту и долго беседовала с ней. Ей не хотелось уходить. В душе она молила бога, чтобы открылась дверь и вошел Бесики: при одной только мысли об этом сердце ее начинало усиленно биться.

Тщательно осмотрев комнату Бесики, Анна убедилась, что незаметно проникнуть в нее нельзя.

После долгой беседы Анна попрощалась с мачехой и отправилась домой. Она была теперь гораздо спокойней и принялась искать Тамару, чтобы перемолвиться с ней словом. Но Тамара, которая всегда была весела и смешлива, теперь почему-то выглядела взволнованной. Она полулежала в усталой позе на мягкой тахте. Анна ласково спросила племянницу о причине ее грусти.

— Не знаю почему,— ответила Тамара,— но у меня тяжело на сердце. Мне кажется, что теперь конец всему. До сих пор я была сама себе госпожа, а теперь...

— Ну что ты, милая моя! О чем тебе грустить? Ты уже не девочка. Детство у тебя было счастливое, и в девушках ты побыла, сколько душе было угодно, а теперь, когда подоспела пора свить гнездо, выходишь за прекрасного человека. А что мне сказать? Я была еще почти ребенком — мне было всего четырнадцать лет,— когда меня выдали замуж, да еще за человека, который был старше моего отца! А ты будешь в объятиях молодого, сильного, красивого, любящего тебя мужа.

— Ах, Анна, стоит мне подумать об этом, как я вся дрожу от страха! Боже мой, он будет обнимать меня, целовать!..

— Глупенькая! А как же иначе!

Тамара умолкла и устремила испуганный взгляд в пространство. Анна с улыбкой глядела на племянницу... «Ах, дурочка, дурочка! — думала она. — Ты даже не умеешь насладиться своим счастьем. Отчего так несправедлива жизнь? Для одного счастье — запретный плод, а другому оно само плывет в руки».

Анна посмотрела вокруг себя растерянным взором и зябко повела плечами.

— Тебе холодно? — спросила Тамара.

— Нет... — Анна умолкла, потом рассмеялась, обняла Тамару за талию и прошептала ей на ухо: — Тебя

греет весеннее солнце, девочка моя, а ко мне стучится зима... Вот и холодно.

Тамаре захотелось утешить и ободрить тетку. Она сказала:

— Кто знает, как еще повернется твоя судьба!

Но Анна безнадежно махнула рукой:

— Эх, моя Тамара, мне уже поздно надеяться. Это тебе радоваться счастью. А я уже скоро выдам замуж мою маленькую Анико...

— Кстати, не забыть бы тебе сказать... — Тамара приподнялась на локте: — Ты знаешь, по ком вздыхает Анико?

— Как, уже? — Анна, казалось, была изумлена.

— Не угадаешь! Нечаянно я узнала ее тайну, увидев, как она вышивала на платке слова: «Для Бесики».

— Что, что?... — Все завертелось перед глазами Анны, она чуть не упала. Но это продолжалось лишь одно мгновение. С трудом пересилив себя, Анна проговорила: — Ах, как я испугалась! Подумала совсем другое... Глупая! Можно ли влюбляться в Бесики девушке царского рода? Как она этого не понимает!

— Выйдет замуж и забудет! — сказала Тамара. — Что ты ответила имеретинскому царевичу?

— Пока ничего. Но, конечно, мы согласимся. Лучшего жениха не найти.

Анна была так взволнована тем, что услышала от Тамары, что была готова завтра же послать дяде царя Соломона Георгию согласие на брак своей внучки с его сыном. Анико следовало любым способом удалить отсюда, спасти от этой опасной любви.

Анна провела беспокойную ночь. На другой день она несколько раз пыталась увидеться с Ираклием. Письма к Георгию и к владетельному князю Мингрелии Кации Дадиани были уже готовы. Она ждала только согласия брата, чтобы тотчас же послать гонца в Зугдиди. Очень боялась, что царь не согласится на этот брак. Однако все ее попытки поговорить с Ираклием оказались тщетными, и она так переволновалась за день, что вечером насилу могла выйти в зал к гостям. Когда Бесики стал рядом с нею, Анна не решилась даже взглянуть на него. Свадебный пир, празднично одетые гости, музыка — все это вызывало в ней странное

волнение. Минутами ей казалось, что это ее собственная свадьба, а Бесики — ее жених.

В душе ее созрело решение: этой ночью или никогда!

«Этот пир будет и моей свадьбой», — мелькнуло у нее в голове.

Анна решила встретиться с Бесики в маленькой комнате дворцовой башни, на рассвете, когда гости начнут расходиться и молодоженов поведут в их покои. За столом останутся только самые выносливые мужчины, а из женщин — одни пойдут спать, другие соберутся в колонном зале, чтобы за игрой в нарды поджидать своих мужей. Никто не заметит отсутствия Анны и Бесики, а если кто и заметит, то кому придет в голову, что они в эту минуту вместе? Башенная комната с окошком, выходившим на Куру, была удобна тем, что имела тайный выход через подземелье. Этим подземным ходом можно было незаметно выйти на берег Куры. Достаточно было надавить на рычаг, и дверь в каменной стене сама поворачивалась, открывая проход.

Именно из-за этого тайного хода выбрала Анна башенную комнату для встречи с Бесики. Впрочем, опасность все же не была исключена, так как через тайный ход можно было только вывести Бесики из башни. Для того, чтобы попасть в нее, он непременно должен был пройти через комнату, в которой лежал больной Димитрий. Правда, слух и зрение Димитрия в последние годы очень ослабели, но все же то, что происходило в комнате, редко ускользало от его внимания. Прикованный к постели, он привык спать днем и целые ночи проводил без сна, лежа с открытыми глазами. Анна, которая хорошо знала это его свойство, послала заблаговременно свою верную Майю к придворному врачу — патеру Леонардо, у которого всегда имелось в запасе снотворное. Получив снадобье, Анна приказала Майе подсыпать его в лекарство, которое давали на ночь Димитрию.

Таким образом, все было подготовлено для свидания, нужно было только дать знать Бесики, чтобы он на рассвете незаметно прошел в башенную комнату.

Это Анна должна была сделать сама.

Но это оказалось труднее всего.

До того как гости сели за стол, ей несколько раз представлялась возможность незаметно сказать своему

возлюбленному несколько слов, но она так сильно волновалась, что не могла выговорить ни слова. Каждый раз, упустив возможность, она откладывала исполнение своего решения до следующего удобного случая и оправдывалась перед собой тем, что риск был слишком велик.

Но когда сели ужинать, Анна убедилась, что она уже не сможет поговорить с Бесики и что все ее приготовления были напрасны. Правда, он сидел напротив Анны, но даже если бы она сумела пересилить свое волнение, все равно никак нельзя было незаметно для всех заговорить с ним или передать ему записку.

Она сидела, упорно глядя в тарелку, или с преувеличенной заботливостью просила Тамару поест чего-нибудь. И тетка и племянница от волнения не могли притронуться к кушаньям.

— Ешь, родная! Возьми хоть этой чурчхелы, иначе ты совсем ослабешь,— говорила Анна и подкладывала Тамаре на позолоченную фарфоровую тарелку то одно, то другое кушанье.

— Я не хочу есть, тетя, право, не хочу,— отказывалась Тамара, не замечая, что Анна тоже не притрагивается к кушаньям.

На рассвете, когда гости встали из-за стола и молодоженов проводили до их спальни, Анна была так обессилена долгим волнением, что ни о чем не могла думать. Вместе с придворными дамами она проводила Тамару до спальни, сняла с нее украшения и пожелала ей приятного сна. Тамара крепко схватила ее за руку и умоляюще зашептала:

—Тетя, дорогая, не оставляй меня, не уходи!

Анна поцеловала еще раз племянницу, высвободила руку и отправилась в свои покои. Медленным шагом, с опущенной головой шла она по залам и наконец оказалась на балконе, украшенном аркадой. Здесь было полно женщин. Облепив перила, они любовались фейерверком. Разноцветные огни ярко вспыхивали в предрасветной мгле. С Нарикальской крепости через определенные промежутки времени доносился грохот пушечных залпов. Ракеты рассыпались красными, зелеными, синими звездочками. На площади от бенгальских огней было светло, как днем...

Анна равнодушно прошла мимо этого праздничного зрелища. Усталая, отчаявшись в своих надеждах,

брела она по балкону и совершенно неожиданно столкнулась лицом к лицу с Бесики.

Анна быстро огляделась вокруг. Та часть балкона, в которой они находились, была совершенно пуста. Тут же недалеко виднелась дверь, ведущая в ее комнаты. Сердце Анны замерло. Силы оставили ее, она зашаталась и, теряя сознание, прислонилась к стене...

Бесики подскочил к ней, подхватил ее на руки, огляделся и, толкнув дверь плечом, внес ее в комнату. Здесь было темно. Лишь пробившийся с балкона свет узкой полоской протянулся по полу.

В первую минуту Бесики не мог ничего разглядеть, но постепенно глаза его привыкли к темноте. В углу можно было разглядеть тахту. Уложив на нее лишившуюся чувств Анну, он стал искать графин с водой, но, шаря в темноте, столкнулся со стола какой-то предмет, покачивавшийся со звоном по полу...

Анна вздрогнула и открыла глаза. Не сразу сообразив, что с ней, она в испуге вскочила с тахты и провела рукой по глазам:

Послышался тихий голос!

— Ваша светлость, что с вами?..

Анна взглянула на Бесики и порывисто обвила руками его шею.

— Бесики! — прошептала она. — Бесики! — но слабость снова охватила ее. Прислонившись к стене, она знаком показала ему прикрыть дверь.

Из пиршественного зала слышались громкие голоса: наиболее крепкие из гостей продолжали пировать. С балкона донеслись обрывки слов. Бесики быстро прикрыл дверь. В комнате стало совсем темно.

Анна вскочила, схватила Бесики за руку и потащила за собой, чтобы пройти через соседнюю комнату в башню: здесь было опасно оставаться, так как каждую минуту могла войти Анико. Смущенный Бесики, сопротивляясь, тянул Анну назад: он знал, что в соседней комнате лежит Димитрий. Но Анна с силой увлекла его за собой и спокойно открыла дверь в соседнюю комнату, но тут же застыла на пороге. Около тахты Димитрия горела свеча. Больной лежал с широко раскрытыми глазами и смотрел на дверь. Увидев Анну, он приподнял голову.

— Что за проклятие! Никак не могу заснуть...

Неожиданное препятствие и неудержимая страсть к Бесики заставили Анну принять смелое решение. Оставив возлюбленного за дверью, она быстро подошла к постели мужа.

— Тебе мешает заснуть свет! — сказала она и погасила свечу. — Ну, а теперь спи спокойно и дай мне уснуть. Я очень устала...

В темноте она вернулась к двери и, схватив Бесики за руку, провела его на цыпочках в башенную комнату.

Свадебный пир длился три дня. Усталые гости едва успевали прилечь, чтобы хоть немного передохнуть, как в большом зале, на балконе или в саду снова накрывались столы, и опять разносились по дворцу стройные звуки сазандари, нежные баяти, напев зурны, тревожное, похожее на удары сильно бьющегося сердца, уханье бубна. Русские офицеры были почетными гостями на пиру. Им отвели за столом лучшие места и учили пить «по-грузински» из больших рогов и чаш. Боясь, как бы офицеры не перепились и не позволили себе спьяну чего-нибудь лишнего, Ратиев строго запретил им пить вино без его разрешения. Приказ не относился к Чоглокову. Осушая до капли один рог за другим, он не пьянел и твердо стоял на ногах. Он так понравился всем, что к концу пира придворные и вельможи стали наперебой приглашать его, а вместе с ним и Ратиева к себе в гости..

Первым позвал их на ужин в сад Анны царевич Леван. Сад был за городской оградой и примыкал к Сололакской стене. Тут же рядом стоял большой караван-сарай купца Бежанова. Отсюда поднималась зигзагами в гору Коджорская дорога. Леван пригласил к ужину названных Ратиевым офицеров. Кроме того, он позвал своих молодых друзей. Ему хотелось попить в мужской компании, без стеснения, но Анна неожиданно также изъявила желание придти в сад, и Леван вынужден был пригласить ради нее дам. Вольного, веселого пира не получилось. К тому же беседа за столом приняла неожиданный оборот. Леван и Ратиев, привлекая к себе напряженное внимание гостей, разговорились о русско-грузинских отношениях. Царевич задавал вопросы, а Ратиев подробно отвечал, попутно объясняя русским офицерам, о чем идет речь.

Чоглоков, представленный, наконец, к великой своей

радости, Анне, сидел за столом наискось от нее. Он всячески старался блеснуть высоким происхождением и знанием государственных дел. Вмешавшись в беседу, он принял в ней самое горячее участие. Ратиев едва успевал переводить Левану его слова. Увлеченно, настойчиво объяснял он царевичу свой план: арестовать Тотлебена, объединить русские и грузинские войска и двинуться на завоевание Стамбула.

— Ваше высочество,— возбужденно разглагольствовал Чоглоков,— вы представляете себе, какая будет сила — пять тысяч русских солдат и с ними десять — пятнадцать тысяч грузинских воинов,— если армию будет возглавлять царь Ираклий? Легко предвидеть, как разовьются события. Мы уничтожим Турцию одним ударом и повернем колесо истории.

Вдруг из темноты появился Бесики: он направился к пирующим и, отыскав среди них Левана, подошел к нему. Гости встретили поэта веселыми возгласами. Леван указал ему на место рядом с собой, но поэт не сел и протянул царевичу какую-то свернутую бумагу.

— Что это такое? — спросил Леван, бросив на свиток рассеянный взгляд.— Садись-ка лучше сюда, что наш пир без тебя?

— К сожалению, не могу остаться... Боюсь, что я и вам испорчу веселье. Государь требует вас к себе.

— Как, сейчас же, немедленно? Что случилось? — нахмурился Леван.

— Прочтите эту бумагу — и все узнаете.

Леван взял свиток из его рук, развернул его и стал при свете поднесенного слугой фонаря читать. Через минуту он взволнованно вскочил.

— Так! Но это — грузинский перевод. Где же русский текст?

— Что это такое? — встревоженно спросила Анна.

— Манифест Тотлебена.

— Манифест?.. Читай, читай скорее! — Анна в нетерпении встала из-за стола.

Гости последовали за ней. По нахмуренному лицу Левана видно было, что манифест не содержит в себе ничего приятного. Все молча ждали, чтобы Леван огласил его. Анна бросила на Бесики вопросительный взгляд, но тот показал глазами на Левана и стал шептаться с Соломоном Леонидзе. У того от удивления вы-

тянулось лицо. Не спрашивая разрешения царевича, он торопливо покинул сад и побежал во дворец. Леван начал читать вслух:

«Тот, кто доставит изменников Ратиева, Чоглокова и Дегралье живыми в русский имперский корпус, находящийся под командой графа Тотлебена, получит в награду тысячу золотых. За доставку указанных преступников в корпус мертвыми будет выдана награда в тысячу рублей наличными деньгами. Вышепоименованные лица виновны в государственной измене. Они являются бунтовщиками как против высочайшей особы императрицы, так и против всей Российской державы и принятого под высочайшее покровительство царя Ираклия и рода его. Те, которые присоединятся к указанным бунтовщикам или окажут им содействие, будут также считаться виновными в измене и подвергнутся достойному наказанию. Подписал командуящий российскими войсками в Грузии генерал граф Тотлебен».

Леван свернул бумагу, отдал ее Бесики и взглянул на Ратиева, который, наклонившись к Чоглокову, переводил ему содержание манифеста.

— Что вы скажете? — спросил он.

Ратиев выпрямился, пожал плечами и сказал:

— Что мы можем сказать, ваше высочество? Если верить Тотлебену, то мы изменили не только русской императрице, но и царю Ираклию. Прикажете арестовать нас, так как манифест, должно быть, уже разослан генералом по всей Грузии, и может случиться...

— Погодите! — глаза Левана сверкнули гневом: он был способен вспыхивать сразу, как и его отец. — Продолжайте веселиться, а я пойду к государю. Тетушка, поручаю вам наших гостей. Не давайте господам офицерам предаваться чувству печали и уныния. Тамадой стола назначаю господина Ратиева. Пойдем, Бесики!

Леван подал знак рукой слугам, почтительно стоявшим неподалеку. Они тотчас же зажгли факелы и пошли впереди царевича по спуску, освещая ему путь. Бесики едва успел бросить на Анну мимолетный взгляд и тотчас последовал за царевичем.

Хотя Анна попыталась пересилить себя и развеселить гостей, ей это не удалось. Напрасно старалась она завязать общий разговор, обращая то к Ратиеву, то к Чоглокову, напрасно заставляла дам петь, — все ее ста-

рания были тщетны. Веселье исчезло и не возвращалось: единственным предметом разговора был манифест Тотлебена.

Чоглокову не сиделось на месте. Он то вставал и прогуливался взад и вперед по аллее, то подсаживался к Ратиеву и взволнованно шептался с ним.

— Каков негодяй, а? — говорил он. — Обвиняет нас в измене царю Ираклию, чтобы восстановить против нас грузин!

— Ну так что же?

— Неужели не понимаешь? Ведь это только мы с тобой знаем, кто настоящий изменник, а народу ничего не известно! Теперь можно ожидать из-за каждого угла предательской пули или кинжала. Для простого человека тысяча золотых — огромное богатство.

Ратиев ничего не ответил.

— Он может таким же точно образом издать обращение с призывом к убийству царя Ираклия! — продолжал Чоглоков. — Назначит награду в десять тысяч золотых... Неужели царь не догадается? Ах, надо было нам самим пойти к царю и объяснить ему... Знаешь, что... давай уйдем отсюда! Мне кажется, я здесь задыхаюсь! К тому же похоже на то, что собирается гроза. Скажи ее светлости Анне Теймуразовне...

Ратиев согласился с ним и попросил Анну разрешить им удалиться. Анна встала из-за стола, вслед за нею поднялись и остальные.

Ночь была темная и душная. Дрожащие огоньки фонарей, покачивавшихся в руках слуг, тускло освещали путь шедшим впереди женщинам.

Устав после целого дня работы над составлением бумаг, Моуравов прилег отдохнуть, но едва посол успел задремать, как пришел Эгутов. Он бесцеремонно тряс Моуравова за плечи, пока тот не проснулся, и сразу оглушил его ошеломляющим известием. Царь подписал и вручил Ратиеву приказ об аресте Тотлебена.

Посол вскочил с постели и стал торопливо одеваться. Пока болтливый Эгутов передавал ему подробности происшествия, он поставил на ноги все посольство, надел парадный мундир и в сопровождении свиты направился во дворец. Выйдя на дворцовую площадь, Моуравов увидел в окне царского кабинета свет: очевидно,

Ираклий еще не спал. Посол решил непременно его по-видать.

В воротах дворца Эгутову преградили путь часовые. Моуравов приказал им вызвать дежурного юзбаша. Когда тот появился, он попросил доложить царю, что его высокоблагородие господин русский посол просит государя срочно принять его. Юзбаш почтительно склонился перед Моуравовым, но сказал, что государь ушел почивать и до завтра никого не сможет принять.

— Разве государь не велел тебе докладывать о приходе русского посла во всякое время дня и ночи? — рассердился Моуравов. — Ступай и доложи сейчас же, если тебе дорога жизнь!

— Не могу, ваше высокоблагородие!

— Ну, так позови ко мне эджиба. Скорей!

Юзбаш сначала не хотел будить и эджиба. Только настойчивые требования Моуравова заставили его сдаться и пойти за эджибом.

Моуравову и его спутникам пришлось долго ждать возвращения юзбаша. Эджиб не появлялся. Часовые стояли, выстроившись в ряд перед воротами, неподвижные и молчаливые, как каменные изваяния. Наконец вернулся юзбаш и, рассыпавшись в извинениях, сказал, что эджиб не может выйти.

— Он просил передать вам, что государь удалился на отдых и приказал ни в коем случае не будить его, кто бы ни пришел.

— Ну, так доложи, что явился сам сатана и перевернул весь дворец! — вскричал разгневанный Моуравов. Он понял, что против него составлен заговор и что, как бы он ни настаивал, царь не примет его, пока Ратиев не покинет Тбилиси.

По совету Эгутова, он решил найти Ратиева и уговорить его отказаться от своего намерения. Конечно, послу не подобало являться самому среди ночи к начальнику отряда. Но Моуравов знал, что если он пошлет за Ратиевым, тот и не подумает явиться в посольство. И, решив пренебречь посольским достоинством, Моуравов поспешно отправился на Кабахи.

Небо было покрыто грозowymi тучами. Путники не успели дойти до Речных ворот, как разразился сильнейший ливень. Потоки воды затопили улицы. Дождь перешел в град. Где-то совсем рядом ударила молния и про-

грохотал гром. Факелы у казаков, сопровождавших Моуравова, погасли. Казалось, весь мир рушится. Со вздохом облегчения они укрылись под сводом Речных ворот.

В одной из башен, высившихся над воротами, горел огонь. Старый сторож сидел на треногой скамейке перед камином и дремал. Между коленями он держал длинный мушкет, за ствол которого крепко ухватился обеими руками.

Наклонившись, Моуравов вошел в низкую дверь башни.

— Здравствуй! — кивнул он быстро вскочившему сторожу.

— Дай бог вам здоровья, пожалуйста! — ответил тот, отодвигаясь в сторону, так как вошедшие немедленно устремились к пылающему камину.

— Есть у тебя хворост? — спросил сторожа Моуравов.

— Есть, сударь, как не быть!

— Ну, так принеси его и подложи в огонь. Вот так погода! Насквозь промокли. Как твое имя?

— Беруча, сударь. Сейчас разведу такой огонь, что жарко станет! Вот так град! Наказание божье! От садов ничего не останется! Ну, ладно, иду, — заторопился Беруча, перекинул ружье через плечо и вышел.

Через минуту он вернулся с охапкой хвороста, наломал его и подложил в огонь. Сырой хворост сначала только дымился, но Беруча стал раздувать огонь, и скоро в камине вспыхнуло яркое пламя, которое осветило внутренность башни. Моуравов и Эгутов подошли поближе к огню, чтобы обсушиться. Казаки выстроились поодаль у стены.

— Ты давно тут служишь, Беруча? — спросил Моуравов сторожа, который, остановившись вблизи каминна, с почтительным видом рассматривал незнакомого ему человека в расшитом золотом мундире.

— Нынче вечером поставили на дежурство, — протянул в ответ Беруча и внезапно спросил: — А кто вы будете, сударь, — русский или грузин?

— Я нахожусь при особе государя. Я — русский посол.

— Вот оно как!

Достав с полки глиняные чашки, Беруча извлек из какого-то темного угла объемистый кувшин и принялся угощать гостей душистым красным вином.

— Простите меня, убогого, за бедное угощение! Больше у меня ничего нет! — извинился Беруча. — Угощайтесь, а тем временем дождь пройдет.

— Скажи, Беруча, давно ли проехало русское конное войско? — спросил Моуравов.

— Не могу сказать. Здесь они не проезжали. Должно быть, поднялись по Базарной улице и выехали из города через Высокие ворота. Сейчас они стоят лагерем на Кабахи. Вы туда идете?..

— Да.

— Говорят, что сардар этого войска привел его к государю.

— Что еще говорят?

— Еще говорят, будто он, по чину подполковник, обещал государю привести к нему связанным русского генерала, который изменил нам у Ахалцихе.

Моуравов поставил полную чашу на треногую скамейку и устремил выжидательный взгляд на Беручу. Ему не терпелось узнать, что говорят в народе о событиях последнего времени.

— Ну, а еще что говорят? — спрашивал посол торопливо старика.

— Чего же еще? Дальше говорят, государь дал свое согласие, и подполковник собирается завтра в поход.

— Когда ты это слышал?

— Нынче вечером. Эх, дай бог, чтобы он сумел что-нибудь сделать. Авось будет нам счастье и поправятся наши дела!

— Эгутов, слышишь? — сказал Моуравов по-русски переводчику. — Простой башенный сторож раньше нас узнает столь важные новости! Куда мы годимся?..

Беседа продолжалась еще долго. Наконец дождь перестал, и Моуравов со спутниками, успев обсушиться, вышел на улицу. Светало. Небо на востоке уже начало бледнеть, доносилось пение петухов. Тучи ушли за Махатскую гору. Откуда-то издалека еще доносился заглушенный шум дождя. Воздух был холоден. Повсюду блестяли лужи.

Беруча открыл маленькую дверь, сделанную в воротах, и все направились на Кабахи. Оказалось, что Сололакская речка от дождя сильно разлилась. Они свернули влево, перешли мост, поднялись вдоль ограды храма Пашаванк и, миновав армянское кладбище, вы-

шли на Кабахи. Обширная площадь была покрыта палатками. Гусары уже поднялись. Они собирались в поход и седлали лошадей. В утренней тишине слышались сонные голоса. Лошади, засунув головы в торбы, с хрустом жевали ячмень. Молодцеватый дежурный офицер, узнав в пришедшем русского посла, скомандовал гусарам «смирно», подошел и представился.

— Где подполковник Ратиев? — спросил Моуравов.

— Не могу знать!

— Не знаете, где ваш начальник? В таком случае прикажите горнисту трубить сбор. Командир услышит и придет. А гусары пусть перестанут разбирать палатки.

— Не могу, ваше превосходительство!

— Я вам приказываю! Вы обязаны мне подчиниться!

— Простите, но я подчиняюсь только приказам моего начальника — подполковника Ратиева.

— Тогда немедленно доставьте ко мне начальника.

— Он приказал ни в коем случае не искать его.

Удивленный Моуравов несколько минут глядел на офицера застывшим взглядом. Все это было для него настолько неожиданным, что он не сразу пришел в себя. Наконец, резко повернувшись спиной к офицеру, он приказал своим казакам дать несколько ружейных залпов в воздух. Они тотчас же достали свои ружья из бурочных чехлов и принялись палить...

Три часа подряд кричали друг на друга Моуравов и Ратиев. Предметом спора этих двух грузин, русских подданных, находившихся на русской службе, была судьба их родины. Каждый из них доказывал, что он больше другого любит Грузию и не позволит низвергнуть ее в пропасть. Поняв, что криком от Ратиева ничего не добиться, Моуравов стал умолять:

— Не губите эту маленькую страну, — говорил он, — не вводите царя в заблуждение. Из этой авантюры ничего не выйдет, вы погубите не только себя, но вместе с собой и всю Грузию...

Горячая искренность, волнение Моуравова как будто бы убедили Ратиева.

— Что же мне делать, ваше превосходительство? — В его словах чувствовалось колебание. — Не могу же я не выполнить приказа царя... Хорошо, согласен. Подождите, пока вы вернетесь из дворца. Но если вы через два

часа не вернетесь, я тронусь в путь, и завтра утром Тотлебен будет в моих руках.

Моуравов немедленно отправился во дворец. Эджибу, встретившему его у ворот, он приказал доложить о себе царю. Тон его был такой ветерпеливый, он так грозно глядел, что эджиб не посмел послушаться и побежал к Ираклию.

В ожидании ответа посол бегал по приемной, как зверь, запертый в клетке, и от волнения тяжело вздыхал. Увидев шедших к царю мдиванбегов Иоанна и Чабуа Орбелиани, он бросился им навстречу.

— Слыханное ли это дело, господа мдиванбеги? — Он поглядел сначала на Иоанна, потом на Чабуа. — Можно ли рубить сук, на котором сидишь? Какой безумец посоветовал царю арестовать Тотлебена? Кто внушил ему такое гибельное решение? Молю вас, помогите мне убедить государя отказаться от этой мысли. Иначе нам не избежать гнева русской императрицы: она сотрет всех нас с лица земли!

— Вы думаете, мы не советовали государю отказаться от этого намерения? — ответил Иоанн. — Но все увещания были напрасны. Впрочем, мог ли государь поступить иначе, ознакомившись с манифестом Тотлебена? Государь рассуждает совершенно правильно: завтра Тотлебен может обнародовать обращение, направленное против царя, назначить убийце награду в десять тысяч золотых и спрятать за каждым кустом изменника с мушкетом. Посудите сами, можно ли обвинять государя в чрезмерной запальчивости?

— Нет, то, о чем вы говорите, никогда не может случиться! Тотлебен не посмеет действовать против особы царя Ираклия. А этого дуралея Чоглокова вместе с Ратневым и Дегралье я взял бы под стражу и отвез со связанными руками к Тотлебену.

— Что такое? — услышался вдруг громкий голос Давида Орбелиани, который вошел в зал. — Почему же господин посол советует нам выдать Тотлебену русских офицеров? Потому, что они не хотят подчиниться предателю?

Моуравов уже собирался заспорить с Давидом, когда появился эджиб и объявил, что государь ожидает русского посла. Моуравов поклонился своим собеседникам и поспешил к царю.

Давид проводил Моуравова взглядом и сказал: — Напрасно он старается, государь ни за что не отменит своего решения.

— Как знаты! — сказа́л Чабуа, откинув разрезной рукав, и добавил: — Известно, что слово может и зажечь и погасить огонь. К тому же, сдается мне, лучше, если государь отменит свой приказ. Я думал всю ночь и наконец пришел к заключению, что так будет правильнее всего.

— Ну, теперь держись, начинается софистика, — улыбнулся Давид.

— Некоторым людям не мешало бы владеть не только мечом, но и софистикой, — рассердился Чабуа. — И я полагаю, что следовало бы избавить государя от молодых неразумных советчиков. Добро бы еще были знатные люди! Какие-то жалкие выскочки осмеливаются вмешиваться в государственные дела! Что они понимают? — Чабуа на мгновение умолк и продолжал: — Втихомолку пробираются к государю, нашептывают ему, советуют то так поступить, то этак! Советники! Можно подумать, что они изучали искусство управления государством по истории римлян или греков!

— Кого вы подразумеваете, господин Чабуа? — нахмутив брови, спросил мдиванбега Давид. — Насколько мне известно, единственным молодым советником его величества является царевич Леван. Уж не думаете ли вы, что он не умеет отличить хороший совет от дурного? Или, по-вашему, он недостаточно мудр, чтобы действовать по собственному разумению?

Чабуа смутился. Он не ожидал, что словам его будет придано такое значение. Он испуганно взглянул на собеседника.

Давид считал, что все недовольство Чабуа объясняется страхом потерять влияние при дворе. Ему передали ядовитую шутку Чабуа. «Сардар, военный поставлен над всеми мдиванбегами, — сказал Чабуа. — Уж не собирается ли громить нас, как басурманов». В этом было все дело: молодые, быстро выдвигавшиеся придворные были приверженцами Давида. Чабуа знал это и был их ярым противником.

Чабуа стал оправдываться.

— Не нужно фехтовать словами. Сказанное мной относится отнюдь не к царевичу Левану, а только к мо-

лодым секретарям, перед которыми всегда открыты двери царского кабинета и которые имеют возможность беседовать с государем наедине, по-домашнему. Когда государь приказал Ратиеву арестовать Тотлебена, Бесики и Соломон Леонидзе поздравляли друг друга. На радостях они вместе с царевичем Леваном и целой компанией пировали всю ночь до рассвета в саду Кайбулы. Не пировать и веселиться следует, не распевать «шикасты» и «баяти», а молиться богу.

— Значит, вы, господин Чабуа, за Тотлебена?..

— Нет, но знаю, что без помощи России мы погибнем. Быть может, Тотлебен и не ладит с государем, но, во всяком случае, из его манифеста этого не видно. Царь Ираклий упоминается в нем сразу после российской императрицы,— продолжал Чабуа.— Между тем, этих трех офицеров — Ратиева, Чоглокова и Дегралье — генерал именует изменниками и предателями интересов не только императрицы, но и нашего государя. Скажите, как это следует понимать, господин сардар?

— А вот как, господин Чабуа. Если государь завтра же не отошлет всех троих связанными к Тотлебену, то генерал объявит и его изменником. Он обманывает всех грузин, называя этих офицеров изменниками, предавшими царя Ираклия, и требуя, чтобы никто не предоставлял им убежища. Он, конечно, прекрасно знает, что все трое находятся здесь, у нас, в Тбилиси...

К Давиду и Чабуа Орбелиани подошли мдиванбеги Кайхосро Авалишвили, Иасэ Амилахвари и Теймураз Цицишвили. Увлечшись разговором, беседующие незаметно для себя вошли из приемной во французскую гостиную, где их встретили придворные дамы во главе с Анной. Женщины засыпали мдиванбегов вопросами. Они хотели знать, что творится в стране и почему все так встревожены.

— Неужели женщины настолько не способны судить о государственных делах, что их нужно держать в неведении?

— Никто этого не думает,— с улыбкой ответил Давид Анне, которая одною из первых обратилась к нему с этим вопросом.— Но неужели вы еще ничего не знаете? Генерал Тотлебен издал манифест, в котором...

— Это мне известно,— прервала его Анна.— Но что случилось? Почему русский посол прибежал ни свет ни

заря и так упорно добивался свидания с государем?

— Его величество отдал приказ об аресте Тотлебена, и это, естественно, встревожило русского посла.

— И не только русского посла, дорогая моя невестка! Нас эта весть взволновала еще сильнее,— сказал Чабуа.— Если государь не отменит приказа, нас ожидает большая беда. Это — не шуточное дело!

— Но и не такое уж опасное, ваше сиятельство! — успокоил Давид встревоженного мдиванбега.

Женщины в один голос поддержали Давида и заспорили с Чабуа.

— Государь не мог поступить иначе! Нужно унять этого наглого генерала, который ворвался в наш дом и своевольничает, делая все, что взбредет ему в голову! Не хватает только, чтобы он потребовал наших девушек себе в невольницы! Может быть, вы хотите, чтобы дошло и до этого?

Женщины так дружно и с такой энергией атаковали Чабуа, что Давида разобрал смех. Он махнул рукой и пошел в верхний этаж, где были расположены царские покои.

В галерее Давид увидел нескольких молодых секретарей, стоявших, как тени, у стен и о чем-то шептавшихся между собой. Занавеси на окнах были спущены, и глаза Давида не сразу освоились после ярко освещенного зала с полутьмой галереи.

— Что нового, молодые люди? — спросил он.

— А, господин Давид,— слышался знакомый голос,— пожалуйста!

— Соломон, вы? — сказал Давид.— Вот и господин Бесики, а кто же третий?

— Это я, Сулхан Туманишвили.

Секретари окружили Давида, который вполголоса спросил:

— Посол все еще у государя?

— Да,— ответил Соломон.— Вы желаете видеть его величество?

— Да, желаю.

— Не знаю, что вам ответить. Господин посол в присутствии государя сказал мне, чтобы я не впускал никого, потому что у него, дескать, важное, чрезвычайно секретное дело к государю! Как будто мы не знаем, что у него за дело!

— Какие там секреты, мы уже слышали больше половины из того, что там говорилось,— шепотом сказал Беснки Давиду.— Как только не изощрялся Моуравов! Он угрожал, что покончит самоубийством на глазах у государя, кричал: «Вот этим кинжалом рассеку себе грудь, если ваше величество хоть на йоту сомневается во мне».

— Как, он обнажил оружие в присутствии государя? — удивился Давид.— Откуда у него кинжал?

— Он лежал на письменном столе. По-видимому, Моуравов на него и показывал. Государь попросил посла встать и успокоиться. Должно быть, бедняга упал на колени перед государем. Он все повторял, что ни минуты не хочет оставаться в живых, если государь не доверяет ему, и умолял царя не подчинять разум чувству, не поддаваться порыву и милостиво выслушать его.

— Ну и что же?..— нетерпеливо спросил Давид.— Что было дальше?..

— Дальше я ничего не знаю, они стали говорить тихо, и я не разобрал слов.

— Где Леван?

— Пошел к Ратиеву. Чоглоков прислал сказать, что у них будет небольшое совещание, и попросил царевича присутствовать. У них уже все готово, ждут только провианта для похода. Как только припасы будут получены, Ратиев тотчас же двинется в путь.

— Как мне быть? Войти? — Вопрос Давида был скорее обращен к самому себе, чем к секретарям.

— Войдите,— посоветовал ему Соломон.— Пусть лучше государь будет недоволен — лишь бы не провалилось все наше дело!

— Нет, так не годится. Если я понадобится, государь сам позовет меня. Я пойду пока к царице. Вы потом расскажете мне обо всем, что было, я же тем временем попытаюсь убедить государыню, чтобы она посоветовала его величеству не отменять своего приказа...

— Ваше величество, если Ратиев даже сумеет арестовать Тотлебена и подчинить нам все его войско, мы не можем и мечтать о том, чтобы с этой горсточкой солдат вторгнуться в Турцию, как это безрассудно предлагает Чоглоков. Только Чоглоков, в голове у которого гуляет ветер, может думать, что поход в Турцию — это

приятная прогулка. Даже такой огромной стране, как Россия, тяжело вести войну с султаном. Неужели мы с помощью малочисленного отряда войск, незаконно перешедшего на нашу сторону, можем нанести урон туркам? Пусть даже нам удастся взять Ахалцихе, Карс,— что же дальше?.. Зачем нам ставить самим себе ловушку? Только этого не хватает разоренной, пострадавшей стране! Поверьте мне, государь,— я русский посол и должен действовать только так, как требуют интересы России. Я обязан даже, если эти интересы потребуют, хладнокровно обречь Грузию на гибель, но знайте, ваше величество, что Антон Моуравов скорее пронзит себе грудь, чем причинит малейший вред Грузии. Чоглокову и ему подобным нечего терять,— это авантюристы, которые ищут славы и наживы. Они могут поставить всю Грузию на карту, как червонец, и если проиграют,— бровью не поведут. Сегодня вы им дали пристанище, завтра они найдут приют и поле для своей опасной деятельности в другом месте. Ну, а что будете делать вы, когда над вашей страной будут занесены мечи шаха и султана, а Россия отвернется от нее? Сейчас не время прибегать к силе, лучше действовать хитростью. Поступайте, государь, так, чтобы не унижить себя и не погубить дела, поддавшись порыву. Тотлебен уже причинил вам немало неприятностей, но, если вы будете действовать осторожно, он поплатится за это вдвойне!

Моуравов остановился и устремил выжидательный взгляд на царя. Ираклий, казалось, всецело ушел в свои мысли. Он даже не заметил, как Моуравов умолк. Губы его были упрямо сжаты. Он пристально смотрел в угол комнаты и перебирал пальцами четки. Так продолжалось несколько мгновений. Наконец Ираклий, словно внезапно вспомнив, что ему следовало слушать Моуравова, встрепенулся, вздохнул и торопливо проговорил:

— Да, да, я слушаю, продолжайте...

Моуравов был ошеломлен. Битый час говорил он не переставая, а оказалось, что государь его вовсе не слушал. Ираклий угадал его мысли и улыбнулся:

— Я внимательно слушал тебя, Антон! Все, что ты сказал, уже не раз мною думано и передумано, но...

— Что означает, государь, это «но»?

— Это означает, что я пока не вижу другого выхо-

да. Я верю вашей искренности, господин Моуравов, и весьма уважаю вас. Из уважения к вам я прикажу Ратиеву отложить поход на три дня. Напишите еще раз Тотлебену. Я знаю, что из этого ничего не выйдет, но для того, чтобы вы окончательно уверились в невозможности сговориться с ним, попробуйте в последний раз убедить его. Напишите, что я готов предать забвению все, что было, и действовать с ним в согласии против общего врага. Если он испытывает недостаток в провианте или фураже, то все необходимое ему немедленно будет доставлено.

Ираклий встал. Тотчас поднялся и Моуравов. Он взял со стола свою треугольную шляпу.

— Если же генерал еще раз позволит себе какой-либо поступок, оскорбляющий наше достоинство, пусть пеняет на себя!

Моуравов облегченно вздохнул. Правда, он еще окончательно не уговорил Ираклия, но можно было надеяться, что за три дня дело как-нибудь образуется. Можно посоветоваться с некоторыми вельможами, послать их к царю и наконец убедить его в необходимости отмены опасного приказа. Попрощавшись с царем, он немедленно отправился в посольство, чтобы поговорить с Ратиевым, Чоглоковым и Дегралье. Моуравов хотел еще раз попытаться убедить Ратиева отказаться от своего намерения.

В посольстве Моуравов застал фельдъегеря, присланного Тотлебенем. Бросив свою кожаную сумку на стол и растянувшись в усталой позе на тахте, он отдыхал после долгого пути. Увидев посла, он лениво поднялся, отрапортовал, устало растягивая слова, о своем прибытии и вручил ему письмо, извлеченное из сумки. Моуравов взял письмо, попросил фельдъегеря сесть и приказал сотрудникам посольства вместе с Эгутовым оставить их наедине.

Сотрудники удалились с недовольным видом. Моуравов, не распечатывая письма, стал расспрашивать фельдъегеря о последних событиях.

— Где сейчас генерал?

— В Душетах. Я еду оттуда. Мы взяли эту крепость.

— Взяли?.. Что это значит?

— Я не понимаю вашего вопроса.— Гусар удивленно взглянул на Моуравова.

— Ах, боже мой! Да скажите же мне, для чего вам понадобилось брать Душетскую крепость?

— Как для чего? Чтобы подчинить Грузию, а всех грузин заставить присягнуть на русское подданство. К графу уже явились князья Амилахвари, Павленов и другие. Душетский эристав не пожелал явиться и теперь, конечно, раскаивается.

— Значит, Тотлебен решил...

— Решил, что на днях возьмет в плен царя Ираклия, отберет у него орден Андрея Первозванного и отправит под стражей в Россию. Потом он заставит всех изъявивших покорность князей присягнуть императрице. Таким образом, со всеми грузинскими делами будет покончено в две недели.

— Ну, а по-вашему, это возможно?

— Почему же нет? Имея три тысячи солдат, мы проведем всю операцию так быстро, что и оглянуться не успеете.

— Не ваша ли это собственная фантазия?

— Нет, что вы! Тотлебен уже давно беседовал обо всем этом с каждым офицером. Я думал, что вы знаете. Разве капитан Львов не сообщил вам? Есть указ императрицы...

— Вы своими глазами видели указ?

— Нет, не видел, но Львов говорит, что читал его.

Ответы фельдъегеря ошеломили Моуравова. Несколько мгновений он стоял словно в дурмане. Он не догадался даже сесть, хотя чувствовал такую слабость, что едва держался на ногах. Глаза, воспаленные от бессонной ночи, горели, что-то тяжелое подступало к самому сердцу.

— Безумец! — вырвалось у него. Он схватился руками за голову. — Безумец, поистине безумец!

— Кто безумец, ваше превосходительство?

— Всякому понятно — кто! Да знаете ли вы, с кем имеете дело? — вскричал Моуравов, обращаясь к фельдъегерю, как будто это был сам Тотлебен. — Знаете или нет? Ираклий раздавит вас, как котят. Никакого указа императрицы нет, все это выдумки! Генерал хочет своими безумными действиями искупить позор, которым он покрыл себя под Ацкури. Он хочет принести в жертву своему честолюбию жизнь трех тысяч русских людей! Нет, никогда! Я не дам ему права на это!..

Фельдъегерь смотрел изумленно на посла. Моуравов бежал по комнате и бесновался. Наконец он упал на стул, схватился руками за голову и в таком положении молча просидел некоторое время. Потом, тяжело вздохнув, послал фельдъегеря к Эгутову с тем, чтобы тот накормил его, сам же схватил перо и принялся писать письмо к Панину.

«Здесьние дела совсем запутались,—писал, брызгая чернилами, Моуравов, словно эта торопливость могла ему помочь быстрее снестись с Петербургом, до которого надо было ехать целый месяц.— Граф Тотлебен со своим корпусом находится ныне в Грузии, а именно в Душетах, почти ближайшем к границе России пункте. Здесь, по словам грузин, он взял из крепости две пушки, так как готовился встретиться с врагом; но все это есть лишь выдумка, цели которой я не знаю...»

Моуравов остановился и пробежал взглядом написанное. Волнение сказывалось: письмо выходило нескладное. Подумав немного, он махнул рукой и продолжал:

«...хотя Ираклий ежедневно выслушивает жалобы жителей на бесчисленные оскорбительные и дерзостные действия графа Тотлебена, дошедшие до того, что греческая церковь вблизи Душет была разграблена. Лишь искреннее чувство покорности все милостивейшей нашей монархине удерживает Ираклия в границах глубокого уважения к ее военачальнику и войскам. Душетский эристав вынужден был спастись бегством, дабы не подвергнуться опасности. Волнение и тревога царят здесь. Ими объаты как сам царь, так и все высокородные вельможи, узнавшие об описанных выше бесчинствах. Довожу также до сведения вашего сиятельства, что граф Тотлебен опубликовал манифест, направленный против офицеров — подполковника Ратиева, графа Чоглокова и поручика Дегралье. Экземпляр оного на русском и грузинском языках осмеливаюсь переслать вашему сиятельству вместе с копией письма царя Ираклия, адресованного на мое имя. Сие письмо заслуживает внимательного рассмотрения со стороны вашего сиятельства.

Подполковник Чоглоков и поручик Дегралье прибыли в Тифлис 1 мая по своему желанию. Из них подполковник Чоглоков был арестован графом Тотлебенем

и выслан в Россию прошлого 4 апреля, а поручик Де-гралье тогда же уволен со службы. Подполковник Ратиев был приглашен царем Ираклием в Тифлис с целью снабжения провиантом его отряда, шедшего вместе с ним на соединение с войсками графа Тотлебена. Подполковник Ратиев рассчитывал найти графа Тотлебена в Мухрани, как об этом сам граф сообщал мне еще во время пребывания его у Ацкури. Более того, Ираклий посылал к графу гонцов, прося его прибыть в Тифлис — от Мухрани же до Тифлиса лишь полдня езды. Граф Тотлебен требовал у Ираклия выдачи ему упомянутых трех офицеров. Ираклий намеревался препроводить их к графу, но Тотлебен, не дожидаясь ответа Ираклия, обнародовал этот манифест, который вызывает в здешнем народе тревогу и удивление, ибо здесь никогда не слышали ни о чем подобном. Сам царь Ираклий также встревожен, ибо опасается, как бы подобные меры не были предприняты и по отношению к собственной его особе. Слепое подчинение российскому престолу со стороны здешних азиатов или стремление какого-либо негодяя к наживе может подвергнуть опасности жизнь монарха, тем более, если на это будет дано манифестом соизволение главнокомандующего здешними русскими войсками. Приняв во внимание указанные выше соображения и чтобы избежать пролития крови, быть может, совершенно невинных людей, царь Ираклий решил сам отправить их в Петербург.

гор. Тифлис, 10 мая 1770 г.»

Моуравов пробежал глазами письмо и на минуту задумался. Он колебался: отписать ли Панину все, что наболтал фельдъегерь? Однако в манифесте Ираклий был упомянут с почтением, как царь, состоящий под покровительством императрицы. Моуравов подумал, что все эти разговоры, возникшие в русском лагере, возможно, были только домыслом досужих людей, и решил совершенно умолчать о них.

«Боже, помоги мне,— вздохнул Моуравов, сложил письмо, зажег свечу и стал шарить на столе в поисках сургуча: — Господи, избави меня от этой напасти и воздай творящему зло по его заслугам!»

Три дня Моуравов без усталости бегал по городу. Он обращался к мдиванбегам, к судьям, к царевичам, к

правителю города и убеждал их посоветовать Ираклию не обострять положения и отказаться от ареста Тотлебена. В конце концов его хлопоты увенчались успехом. Неожиданно у него оказалось много единомышленников, особенно среди пожилых людей, которые уже не чувствовали в себе былых сил, чтобы в тяжкую годину мужественно переносить испытания, и не мечтали ни о чем, кроме спокойной жизни. Их поддержал и царевич Георгий, который собрал всех своих единомышленников, явился вместе с ними к Ираклию и после долгих увещаний убедил наконец отца вытребовать назад от Ратиева письменный приказ об аресте Тотлебена. Это вызвало недовольство и ропот среди той части знати и молодых царедворцев, которая группировалась вокруг царевича Левана.

Давид Орбелиани немедленно отправился к царю, чтобы убедить его, что подобное отступление обращает в ничто величие, обретенное Грузией благодаря его же бранным трудам, и превращает грузинского царя в покорного слугу Тотлебена. Тем временем Леван отыскал Ратиева, отозвал его в сторону и приказал ни за что не возвращать государю записки с приказом об аресте Тотлебена. Вслед за этим он отправился к отцу, чтобы поддержать своего друга и зятя. Леван был уверен, что у Давида произойдет бурное столкновение с царем и что, если он не подоспеет вовремя, дело может обернуться плохо. Каково же было его удивление, когда он увидел в приемной грустного Давида. Тут же ожидали царской аудиенции главный мандатур Глаха Цицишвили и судья Иесе.

— Видел отца? — спросил царевич.

Давид отрицательно покачал головой.

— Почему?

— Эджиб встретил меня у дверей и сказал, что ему велено никого не пускать.

— Как никого? Даже самого правителя двора? Что это значит? Государь один?

— Нет.

— Кто у него?

— Бесики.

— Бесики?.. — Леван сразу успокоился. — Ну, это еще ничего. Я боялся найти там кое-кого другого. Что ж, пойду повидая государя.

И Леван вступил в галерею, которая соединяла приемную с царским кабинетом. Но тут эджиб, который стоял у дверей кабинета, вышел навстречу ему и почтительно доложил, что государь не велел принимать даже самого царевича. Ираклий просил сына и зятя извинить его и обещал, что сам всех созовет, когда придет время. Леван вернулся, позвал Давида и вместе с ним направился к Анне. Она радостно встретила их, поцеловала каждого в лоб, усадила на тахте и осведомилась о здоровье Тамары.

— Ну, как она, мое бесценное сокровище? Привыкли друг к другу? — с улыбкой спросила Анна. — Наверное, привыкли, иначе разве она не пришла бы к нам хоть раз за все это время? Совсем стала затворницей наша Тамара! А ведь от вас до дворца рукой подать...

— Вот видите, а она на вас в обиде: совсем, говорит, тетушка меня забыла. Спасибо Левану — все время у нас: и днем и ночью. Право, в нашем доме не так уж неуютно, отчего же вы бываете у нас так редко?

— Я бы рада не расставаться с вами, да ведь знаете мои обстоятельства...

— Знаю, знаю! Сейчас скажете: «Мой Димитрий, я не могу его оставить...» — прервал ее Давид. — Нашли чем отговариваться! Разве мало у вас слуг, которые могут присмотреть за Димитрием? Как поживает мой почтенный дядюшка?

— Известно, как! Теперь у него появилось новое чудачество — стал капризен, как малый ребенок. Увидит суп и от радости бьет в ладоши. А если ему не дадут варенья, — хнычет, как младенец... Эх, лучше вы расскажите о себе. Леван, что с тобой? Похоже, что тебя рассердили. — Анна взглянула с любовью на племянника.

Леван вместо ответа только махнул рукой и, раскрывая нарды, сказал Давиду:

— Давай сыграем, скоротаем время, пока Бесики кончит свою беседу с отцом.

— Бесики?.. — переспросила Анна.

— Да, Бесики, — нахмурился Леван, занятый расстановкой шашек на игральной доске. — Отец заперся с ним. Даже нас с Давидом не пропустили. Любопытно, какие там у них секреты?

Сердце Анны бешено заколотилось. Что могло случиться? Быть может, Майя выдала ее тайну и слух о ее

любви к Бесики дошел до Ираклия? Анна строила в уме тысячи догадок, но каждый раз возвращалась к этому предположению. Никакой другой причины для тайной беседы Ираклия с Бесики она не могла придумать.

Чтобы скрыть волнение, Анна вышла в другую комнату. Приказав Анико, занятой рукоделием, выйти к Левану и Давиду, она понюхала духи и кое-как заставила себя успокоиться. Когда сердце ее стало биться спокойнее, она решительно направилась к Анне-ханум, рассчитывая все разузнать у нее. Но надежды ее не оправдались: спросить напрямик она не решилась, а окольным путем ничего не смогла выведать.

Когда Анна вернулась к себе, Давида и Левана уже не было. Судя по тому, что нарды остались раскрытыми, игра прервалась неожиданно. Анна беспомощно огляделась и принялась теперь искать внучку. Служанка, прибежавшая на зов, сказала ей, что Анико ушла к царице Дареджан. Маленький царевич Иулон неожиданно заболел, и все женщины, какие находились во дворце, ушли во дворец Сачино.

— Когда же вы все успели узнать об этом? — удивилась Анна.

— Да минут пять тому назад. Прибежал слуга от царицы, разыскивал врачей. У царевича, оказывается, страшный жар. Он весь горит.

— Боже мой, боже мой! Ах, какая беда! Как же я не знала? Я сейчас же должна идти туда. Почему они меня не подождали?

— Они только что отправились. Наверное, еще и до моста не дошли.

— Скорей дай мне туфли и зонтик! — засуетилась Анна и вмиг забыла о собственном горе. Торопливо надев на ноги расшитые золотом туфельки на высоких каблуках, она взяла зонтик и поспешила в Сачино, к царице Дареджан.

Сходя по лестнице, она увидела нескольких вельмож, которые тоже куда-то торопились. Среди них был Чабуа. Анна крикнула ему:

— Чабуа, Чабуа, подождите меня! — Она бегом догнала мдиванбега и, с трудом переводя дыхание, спросила: — Вы идете в Сачино?

— Да, в Сачино, — ответил Чабуа с глубоким поклоном.

Другие сановники тоже остановились и почтительно приветствовали сестру царя.

— Ну, так пойдем вместе,— сказала Анна. — Что это за несчастье свалилось на нас! Чем заболел мой милый маленький Иулон?

— Не могу сказать. Лекари только сейчас пошли в Сачино.

— А государь уже там?

— Нет, государь занят: заперся в своем кабинете и никого к себе не допускает. Ему даже не решились доложить о болезни царевича...

— Боже мой, да как же это так? Разве можно не докладывать? Я пойду скажу ему. Как можно не сообщить ему о болезни сына!— Анна, подобрав платье и оставив Чабуа, устремилась вверх по лестнице.

Снова сердце ее забилось изо всех сил. Совершенно неожиданно у нее появился повод пойти к Ираклию и узнать, о чем он беседовал наедине с Бесики. Еще минута, и тяжкие ее сомнения будут разрешены. Но, дойдя до галереи, Анна невольно замедлила шаг. Повод был очень удачный, она увидит брата, чтобы сообщить ему о болезни сына, и одним взглядом определит, что там происходит — разговаривает ли царь с Бесики о делах, диктует ли ему, или грозит ему лютой карой за любовь к своей сестре. Даже волнение ее не внушит Ираклию никаких подозрений.

Но что, если беседа Ираклия и Бесики действительно касается ее? Как тогда быть?.. У нее тут же на месте разорвется сердце. Ах, как оно бьется! Как стучит в висках!..

Чем ближе подходила Анна к кабинету Ираклия, тем труднее для нее становился каждый шаг.

Эджиб, который стоял перед дверью, вышел вперед с почтительным поклоном и остановился в изумлении: он никогда не видел княгиню такой взволнованной.

Анна остановилась, хотела о чем-то спросить эджиба, но не смогла взять себя в руки. Пока она старалась произнести хоть одно слово, дверь отворилась и в галерею вышел улыбающийся Бесики.

Анна сразу поняла, что все ее волнение было совершенно напрасно. Она мгновенно успокоилась и сразу почувствовала во всем теле страшную усталость. Колени у нее задрожали, слезы хлынули из глаз. Она не-

сколько раз прерывисто вздохнула и, даже не кивнув Бесики в ответ на его почтительное приветствие, вбежала в кабинет.

— Горе мне, горе! — крикнула она, задыхаясь. — Наш маленький Иулон заболел! — И Анна с душераздирающим плачем опустила на тахту.

— Заболел? — удивился Иракий. — Но ведь еще вчера он был совершенно здоров!

— Говорят, у него страшный жар, — сказала Анна, прикладывая платок к глазам.

— Да перестань ты, ради бога! Вечно вы перепугаетесь, да и других можете перепугать! Наверное, пустьяки какие-нибудь. Пойдем посмотрим. Врачей позвали?..

Анна вытерла слезы и, окончательно успокоившись, сказала чуть дрожащим голосом:

— Врачи только что пошли туда.

— Поедем и мы. Эй, эджиб! — Иракий ударил в ладоши и приказал неподвижно вытянувшемуся в дверях слуге:

— Скорее лошадей!..

В Сачино они застали множество людей. Двор, балконы и комнаты были переполнены вельможами и придворными дамами. Это удивило и встревожило Иракия. Он взбежал по башенной лестнице в круглую комнату, где находился больной.

Царевич лежал на спине и тяжело дышал. Лицо его было пунцовым от жара, широко раскрытые глаза смотрели в потолок. При виде отца мальчик улыбнулся и протянул обе руки, чтобы обнять его за шею. Иракий опустился на колени около постели, наклонился к сыну и провел рукой по его воспаленному лбу. Иулон обвил шею отца обеими руками и крепко прижался к нему.

— Папа, — шептал прерывисто около самого уха отца мальчик, — папочка, подари мне лошадку!

— Хорошо, сынок, подарю тебе моего арабского скакуна, — сказал Иракий, тщето стараясь освободиться из цепких объятий сына.

Иулон еще крепче обхватил ручонками его шею и шепнул:

— Буланого?..

— Да, да, буланого, — успокаивал его Иракий, — а к нему золотое седло и золотую саблю.

Анна старалась привлечь к себе внимание царевича, чтобы помочь Ираклию, стоявшему на коленях перед постелью в очень неудобной позе, подняться и сесть, но тщетно: едва взглянув на Анну, Иулон еще крепче сжал свои руки.

Только Дареджан смогла, наконец, оторвать ребенка от отца. Ираклию подали кресло. Поставив его тут же, у изголовья больного, он сел и осмотрелся. В комнате находились царица Дареджан, Леван, Анна и три врача. Патер Леонардо, самый известный из всех местных врачей, еще до прихода царя приказал никого не пускать к больному, бесцеремонно выпроводил всех, кроме Дареджан и Левана, и раскрыл настежь окна, чтобы освежить воздух.

Ираклий окинул врачей вопросительным взглядом и остановил его на Леонардо, собрался ему что-то сказать, но Турманидзе предупредил его:

— У царевича воспалены легкие, государь. Он дышит с хрипом, пульс бьется неправильно, лицо налилось кровью. Дыхание весьма затруднено. Причиной всему — избыток крови. Доктор Гален пишет, что к этому недугу не следует легко относиться: болезнь мучительная, опасная и очень заразная.

— Не тревожьтесь, государь, — сказал успокоительным тоном Леонардо, — благодарение господу богу, у меня в аптеке есть столь сильные лекарства для лечения этой болезни, что я берусь в самое короткое время поставить царевича на ноги.

— Надо пустить больному кровь, — пробормотал Турманидзе укоризненным тоном, как будто говоря патеру Леонардо: «Что же ты, кичишься своими познаниями, а забыл такую простую вещь!»

— И кровь нужно пустить, и желудок очистить, — подтвердил Леонардо и бросил на Турманидзе красноречивый взгляд, говоривший: «Поучитесь у меня — пригодится».

Ираклий вопросительно взглянул на третьего врача — Зазу Асланишвили, стоявшего в стороне и не принимавшего участия в разговоре. Врачебное искусство Заза изучил в Риме. Он только недавно вернулся оттуда.

— А ты что скажешь? — спросил Ираклий Зазу.

— Не предавайтесь тревоге, государы! Но больному нужен покой. Одного человека в комнате царевича со-

вершено достаточно. Вашим величествам и всем остальным придется удалиться. У постели больного должен быть днем и ночью врач.

— Это легко выполнить, нас троих совершенно достаточно,— сказал Леонардо.— Я согласен ухаживать за царевичем ночью.

— Я должен также сказать следующее,— прервал Заза Леонардо.— Эту болезнь лечат разными способами. Лекарств известно много, но не все хороши. Я лечу одним способом, Леонардо— другим, а наш Иванэ, хоть он и хирург, тоже умеет лечить эту болезнь по-своему. Мы должны остановиться на чем-нибудь одном. Пусть ваше величество возложит руководство лечением на того из нас, кому больше доверяет, а остальные будут в точности следовать его указаниям. Это я вот почему позволил себе сказать: царевич в жару — я хотел положить ему на лоб влажное полотенце, а патер Леонардо воспротивился. Иванэ же сказал, что полотенце надо положить боковым на грудь.

Леонардо и Турманидзе хотели что-то возразить, но Ираклий знаком остановил их и приказал Асланишвили руководить лечением. Заза почтительно склонился перед царем.

Анна скоро вернулась к себе во дворец, ей не терпелось узнать, о чем беседовали Ираклий с Бесики. Во дворце, кроме прислуги, никого не было — все придворные ушли в Сачино. Анна намеревалась пойти к мачехе будто бы для того, чтобы сообщить ей о болезни Иулана, а на самом деле, чтобы встретиться с Бесики или хотя бы узнать что-нибудь о нем. Но когда она пришла к себе, то увидела своего управляющего, который сидел около постели Дмитрия и беседовал с ним.

С тех пор как муж Анны заболел, она сама заботилась о всех своих и мужниных поместях. Имения ее были многочисленны и обширны: управлять ими было не легким делом.

Большинство селений в Грузии было разорено и почти обезлюдено. Крестьяне массами покидали насиженные места, спасаясь и от своих помещиков, и от совершенно непосильных повинностей, и от непрерывных набегов дагестанских горцев. Тот помещик, который не мог держать постоянную вооруженную охрану для защиты

своих поместий от набегов, терял крепостных одного за другим. Их не могли удержать даже те помещики, которые слыли у крестьян «добрыми господами». Ираклий был вынужден издать особый указ о постройке деревень. Помещикам вменялось в обязанность отстроить новые большие селения вместо опустошенных и разоренных, в тех местах, где были старинные крепости, восстановление которых не требовало больших затрат, или там, где легко было возвести укрепления. Помещики получили по указу право разыскивать своих беглых крепостных и заселять ими новые деревни.

Всеми хозяйственными делами в поместьях мужа должна была заниматься сама Анна. В течение года она сумела с помощью своего управляющего Росаба Мачавариани разместить тысячу семей своих крепостных в двадцати пяти деревнях вместо прежних шестидесяти. Каждая из этих деревень находилась под защитой крепости или хотя бы башни. Правда, все эти укрепления были в значительной степени повреждены, но Анна надеялась, что их можно будет легко привести в порядок, хотя для восстановления крепостей нужны были по меньшей мере триста или четыреста туманов, которыми она не располагала. Конечно, у нее было много золота, серебра и драгоценностей, но кому пришло бы в голову закладывать или продавать жемчуг и бриллианты для того, чтобы привести в порядок поместья? Анна надеялась на доход от своих владений: деньги должны были дать все те же крепостные.

Едва ли не самой трудной задачей оказался розыск беглых крестьян. Анна поручила управляющему составить список таких людей, чтобы предъявить государю, и, получив разрешение, приступить к их переселению. Составление списка было не простым делом: управляющий уже почти шесть месяцев разыскивал беглых крестьян. Правда, всех беглецов не удалось найти, но большинство все же было обнаружено, и теперь Росаб явился к Анне с поименным списком.

— Здравствуй, Росаб,— приветствовала управляющего Анна.

— Повелительницу нашу, сестру государя, почтительнейше приветствует покорный раб и слуга ее Росаб Мачавариани.— Управляющий вскочил со стула, опу-

стился на колени и, по турецкому обычаю, коснулся лбом пола.

— Зачем, зачем это? Вставай! — приказала Анна. Она села в кресло и указала управляющему на стул. — Садись и расскажи мне, как ты поживаешь.

— Стоит ли занимать ваше внимание моей скромной особой? Лишь бы ваша светлость с супругом здравствовали и были счастливы долгие лета!

— Как у тебя с пахотой и севом? — спросила, перебирая четки, Анна.

— Да вот я уже докладывал тут его сиятельству.

Димитрий вдруг приподнялся и, смешно шевеля губами и сюсюкая беззубым ртом, воскликнул:

— А ну вас всех к... (у него вырвалось непристойное ругательство) с вашей пахотой и севом! Голодом меня морят, ты понимаешь? Ничего не дают мне есть! Этого ли я заслужил? Эх, вы... гм, да... голодом морят! Вот оно как!

Управляющий провел рукой по бороде и покачал головой, показывая этим князю, что с ним поступают нехорошо. В то же время он едва заметной улыбкой дал почувствовать Анне, что понимает причину капризов Димитрия.

— Перестань, пожалуйста! — прикрикнула на мужа Анна. — Ты забыл, что тебе сказали врачи? Если не хочешь умереть, не ешь через меру.

— А ну вас к... с вашими врачами... — начал опять Димитрий, но тут Анна поднялась.

— Выйдем в другую комнату, — сказала она управляющему. — Видишь, он потерял разум, а с ним и всякое понятие о пристойности!

Управляющий последовал за Анной. Оба прошли в другую комнату. Анна села, поджав ноги, на тахту, а управляющий опустил на стул, стоявший рядом, и достал из-за пазухи сложенную вчетверо бумагу.

— Вот, ваша светлость, список разысканных крестьян.

— Постой, скажи сначала, как ты управился с пахотой и севом?

— Какая же там пахота, скоро за жатву надо приниматься! На господских полях хлеба давно уже колосятся — любо взглянуть!

— А как с шелком? Много получили?

— Как вам сказать? Червей мы развели, сколько можно, по числу тутовых деревьев: тысячи две мотков получим.

— Меньше, чем в прошлом году? — удивилась Анна.

— Не знаю, оттого ли, что на новолуние было дело, только червей из каждого золотника вылупилась едва половина против прошлогоднего.

— Хорошо, об этом поговорим после. Покажи список.

Управляющий развернул сложенный лист и поглядел на него, отодвинув далеко от глаз. Потом достал очки и, вооружившись ими, стал просматривать список.

— Здесь обозначены имена двадцати двух крепостных. Горашвили обнаружен в Лалис-кури, Беруа, как его фамилия, не знаю, — в Ортвала, в Руиспири найден Зураб Кемхишвили, в Мерэ — Ахалкацишвили, в Ахатели — другой Кемхишвили, имени которого не знаю, в Телави — Менабдишвили. Этот приютился у какого-то Гаджимамедова и называется армянином в надежде, что его примут за горожанина и не тронут. Там же, в Телави, нашелся жестянщик.

— Наш мастер жестянщик?

— Он самый. Имени его я не знаю, все так и зовут его «жестянщиком». Этот тоже укрылся в городе, принял грегорианство, объявил себя армянином и открыл на базаре мастерскую. Кто тут еще? — управляющий стал искать глазами в списке, видимо, потеряв то место, где он остановился. — Да, да, в Шилде обнаружен Давид, тот самый, который одним духом опорожнял кувшин...

— Помню, — сказала Анна.

— В Шилде же нашлись Хахаро и Тучашвили, в Кварели — Цикубадзе и Чолаха Гона, в Кучатани — Берделашвили, в Чикаани — Окромчедлишвили, в Грдзелминдори — Таблисчири...

— Это что еще за Таблисчири?

— Такое у него прозвище — обжора. — Управляющий улыбнулся и посмотрел на Анну поверх очков. — Своего настоящего имени он и сам не знает. Дальше... Цаганашвили нашелся в Гурджаани, Беридзишвили Отар — в Вакири, Стефан-кузнец — в Тбилиси. Этот тоже принял армянское вероисповедание... Увидел меня

и говорит: «Я теперь горожанин, никто меня пальцем не посмеет тронуть». А я ему отвечаю: «Стань хоть мусульманином, я тебя все равно заставлю вернуться в деревню». Он уже и жену завел в городе вот с такими локонами,— управляющий показал руками.— Как она разохалась: не поеду, мол, в деревню, я к городской жизни привыкла.

— Больше никого нет?

— Еще только один — Симон Купатадзе. Этого нашли в Грдзелминдори. Если будет соизволение государя и если нам дадут есаула, мы всех их доставим на поселение в ваши деревни. Земли у нас на всех хватит. Поместий у вас, слава богу, столько, что только подавай людей... В один день расселю хоть тысячу.

— Хорошо, дай сюда список. Я сегодня же пойду с ним к государю. Здесь записаны все наши беглые?

— По книгам у нас в деревнях недостает еще около двадцати человек, ваша светлость, но остальных мне не удалось разыскать. Если кто и знает, где они, то не говорят. И этих-то мне так трудно было отыскать, что я не раз проклинал свою судьбу!

— Почему же они убегают, не понимаю, почему?— воскликнула, нахмурив брови, Анна.— Разве я их притесняю?..

— Новые хозяева, к которым они убегают, притесняют их, наверное, больше, чем вы...

— Но почему же?.. Объясни мне, пожалуйста, почему они убегают?

— Благодарение господу богу, ваша светлость, у нас хоть не бунтуют, как у других. Да и то сказать, зачем нашим бунтовать? Кто не знает доброты вашей светлости! Нашим людям молиться на вас надо,— скрасил Росаб свой умолчивый ответ лстивыми похвалами Анне, крепостные которой то и дело проявляли «непокорность». — А бегут потому, что ищут надежных убежищ от разбойников. Что за жизнь у мужика, если он не может собрать урожай или выгнать скот на пастбище? Царский же указ требует, чтобы людей селили как раз у больших дорог, чтобы абрагам неповадно было рыскать по ним. Крестьяне это понимают, их не обманешь. Вот и бегут они туда, где понадежнее. Другое дело, если бы у нас были большие деревни... Большое селе-

ние не так-то легко разорить: оно может защититься от разбойников.

— Так мы потому и переселяем крестьян, чтобы сделать деревни большими.

— Да ведь они, ваша светлость, уже обжились там, куда бежали. Не легкое дело — согнать крестьянина с обжитого места. Дома вы им дадите, а виноградники, а скот, а сады?.. Это все нажить надо... Эх, что и говорить, тяжело народу живется. А тут еще бунты эти... Бога люди забыли... Разоряют, жгут господские усадьбы. Убивают господ...

— Ах, какой ужас, какой ужас, мой Росаб! Вся надежда на тебя! Сам видишь, больше некому обо мне позаботиться: супруг мой, как дитя малое... Если мы с тобой не постараемся, мне придется по миру пойти.

— Ну, что вы, что вы, ваша светлость! Как это можно — по миру пойти! Да хранит вас бог! Этаким напастим и врагу не пожелаешь.

— Ты, наверное, голоден с дороги?

— Нет, благодарю, ваша светлость... — попытался было отказаться управляющей, но Анна не дала ему говорить.

— Сейчас я прикажу слуге позаботиться о тебе, а пока отдохни немного.

— У меня в городе дела, ваша светлость. Надо купить подков, гвоздей, немного шелку... Одних только кос требуется нам тридцать штук, не то пропадут наши покосы.

— Хорошо, кончай в городе все свои дела, подкрепись с дороги, отдохни, а обо всем остальном поговорим после.

Анна позвала слугу, приказала подать управляющему обед и сказала, в какой комнате положить его спать, а сама поспешно отправилась к Анне-ханум. Ей все не давал покоя секретный разговор Бесики с государем.

Старой царицы не оказалось дома. Служанка сообщила Анне, что мачеха ее отправилась в Сачино навестить больного царевича. Анна хотела было уйти, но потом раздумала и с чуть заметной дрожью в голосе спросила:

— А где Бесики?..

— Позвать его? — спросила служанка и поглядела в сторону комнаты Бесики.

— Позови, — приказала ей Анна и села на тахту.

Служанка ушла. Но Анна ни ее, ни Бесики так и не дождалась. Она решила, что Бесики избегает встречи с ней, и сердце ее болезненно сжалось. Она вспомнила все те случаи, когда ей удавалось поговорить с Бесики наедине. Как испуганно озирался он каждый раз по сторонам, как старался сократить свидание! Она приписывала эту торопливость чрезмерной осторожности, но теперь стала догадываться об истинной причине. Конечно, думала Анна, ведь она в матери ему годится. Бесики не может ее любить. Его преклонение перед нею вызвано не любовью, а тем, что она сестра государя. Отношения их могли только тяготить юного поэта. Должно быть, он поэтому и сейчас не торопится выйти к ней. Анна вдруг почувствовала такую тоску, что едва могла удержаться от слез...

Вернувшись в свои комнаты, она понемногу успокоилась и стала упрекать себя за излишнюю подозрительность. «Может быть, Бесики не был одет — ведь он никого не ждал! Не мог же он выскочить навстречу гостю в туфлях на босу ногу! А может быть, он писал стихи, любовные стихи. Может быть, он писал обо мне! «Люблю я длинные ресницы Анны...»

Погруженная в эти мысли, Анна взялась за вышивание, чтобы чем-нибудь занять себя, но вошел слуга и доложил:

— Секретарь государя Бесарион Габашвили желает вас видеть.

— Пусть войдет. — Анна засуетилась, бросила рукоделие и пошла к дверям навстречу Бесики.

— Простите меня, ваша светлость, — проговорил Бесики, склонившись перед ней. — Не гневайтесь на меня за дерзость. Я заставил вас ждать...

— Ничего, ничего... — Анна чуть не сказала «сын мой», но осеклась и прикусила губу. — Подойди ко мне, я хочу кое о чем спросить тебя.

Она усадила гостя, села сама и, поправив косы, бросила взгляд на дверь. В замочной скважине блеснул чей-то глаз. Анна поняла, что слуга следит за ними, но, прежде чем она собралась встать, глаз исчез: слуга уловил взгляд Анны и убежал.

— Сегодня ты долго оставался у государя. — Анна еще некоторое время глядела в сторону двери и лишь после того как убедилась, что слуга действительно ушел, подняла глаза на Бесики. — О чем он говорил с тобой так секретно, что не захотел даже принять сына и зятя?

— Мало ли тайных дел у государя, ваша светлость?

— Но какие у него могут быть секреты с тобой? Вот что меня занимает. — Анна опустила голову. — У меня чуть сердце не разорвалось, — сказала она, понизив голос. — Я уже решила, что до него дошла какая-нибудь сплетня о нас... Может быть, Майя, чтобы отомстить мне...

— Пусть Майя вас не беспокоит, — шепотом ответил Бесики, бросив взгляд в сторону соседней комнаты. Анна взглядом же дала ему понять, что можно говорить, ничего не опасаясь, и он спокойно продолжал: — Я не думаю, чтобы она посмела что-либо сказать. Государь вызвал меня совсем по другой причине.

— А мне нельзя узнать эту причину?

— Отчего же нет?.. Только государь приказал мне никому пока не говорить.

— Даже мне?

— Вам?.. — Бесики замолчал.

— Я-то ведь никому не скажу.

— Что вы, что вы... дело не в этом... но...

— Опять «но»! Ты не доверяешь мне?

— Ваша светлость... слово государя — закон!

— Вот ты как! — Анна рассердилась и бросила на Бесики взгляд исподлобья.

— Хорошо, я скажу вам, но только...

— Не надо, не говори!

— Государь повелел мне...

— Я не слушаю тебя. — Анна закрыла уши руками.

— Государь повелел мне отправиться послом в Шираз к персидскому шаху Керим-хану Занду. Но умоляю вас, не говорите никому, ваша светлость...

— В Персию?..

— Да. Я должен уехать тайно, так, чтобы никто не знал. Как только мне сошьют посольское платье, я тотчас же отправлюсь.

— Ах, боже мой! Значит, мы тебя не увидим не-

сколько лет! — сказала Анна упавшим голосом. — Неужели государь не мог послать никого другого, кроме тебя?

— Я скоро вернусь, — успокоил ее Бесики. — В Ширазе я останусь лишь несколько дней.

— На одну только дорогу в оба конца уйдет у тебя больше трех месяцев... Да и в пути столько опасностей... О господи, отчего я не могу поехать вместе с тобой? Какое поручение дано тебе к шаху?

— Этого даже страх перед вашим гневом не заставит меня сказать, — проговорил Бесики и, опасаясь дальнейших расспросов, поднялся, чтобы уйти. — Разрешите мне удалиться?

— Хорошо, ступай, — вздохнула Анна. — Скоро ты уезжаешь?

— Думаю, не позднее чем через две недели, — ответил Бесики, почтительно поклонился и быстрыми шагами вышел из комнаты.

Девять суток Ираклий не отходил от постели Иулона: маленький царевич был все время в жару. На седьмой день ребенок стал бредить. Сознание его помутилось, он выкрикивал бессвязные слова. То ему казалось, что он скачет на лошади, охотясь с борзыми, то он кричал архангелу Гавриилу, чтобы тот отошел от него.

Ираклий старался успокоить сына, уговаривал, ласкал его и собственноручно менял мокрое полотенце на лбу у больного.

Наступил девятый день болезни. Ребенок метался так, что его трудно было удержать в постели. Под голову ему подложили вместо подушки наполненный холодной водой бурдюк. Мокрое полотенце на лбу приходилось менять чуть ли не каждую минуту.

Ираклий был так измучен, что царица Дареджан жалела его больше, чем сына. Он не чувствовал ни жажды, ни голода: кусочек хлеба да изредка стакан горячего чая — вот все, что он ел и пил. Никто не мог видеть государя, он совершенно забросил все дела.

На десятый день к вечеру Иулон как будто бы несколько успокоился. Жар стал понижаться, ребенок заснул. Врач пощупал у царевича пульс, снял с его лба полотенце, заменил бурдюк мягкой подушкой и поздравил царя со спасением сына.

Ираклий не сразу поверил, что опасность миновала. Прислушавшись к ровному дыханию ребенка и убедившись, что больной спит крепким сном, он облегченно вздохнул и немедленно отправился в дворцовую церковь. Ночь была ясная и прохладная. Ираклий поглядел на усыпанное звездами небо, перекрестился и молитвенно произнес:

— Господи, спаси от гибели так же и мою страну!

В церкви он истово молился и выстоял службу до конца.

Маленькая дворцовая церковь была переполнена близкими родственниками царя и знатью. Здесь стояли Леван и Давид, но Ираклий даже не посмотрел на них. После службы, никому не сказав ни слова, он удалился в опочивальню и только к полудню следующего дня покинул Сачино.

Ираклий мог теперь заняться государственными делами.

В течение всех этих дней положение страны оставалось очень опасным. Дела государства пришли в еще большее расстройство. Ратиев отказался вернуть царский приказ и каждый день собирался отправиться арестовать Тотлебена, но не мог вырваться из сетей, которыми опутал его Моуравов. Между ними произошла жестокая перепалка.

В результате споров с послом и ежедневной отсрочки похода Ратиев утратил первоначальную решимость и стал сомневаться в удачном исходе своего предприятия. Время было упущено: он уже не мог неожиданно напасть на Тотлебена, чтобы без борьбы, без шума арестовать его. Стало ясно, что нужно применить оружие, а это таило большую опасность. Правда, Ратиев рассчитывал на содействие нескольких русских офицеров, которых он лично знал и считал своими приверженцами, но как они повели бы себя в решающий момент? Ратиеву было известно, что Тотлебен ежедневно получает из русского посольства письма, о которых Моуравов ничего не знает и в которых, должно быть, подробно описывается каждый шаг подполковника. Было совершенно очевидно, что некоторые сотрудники посольства действуют против Моуравова и поддерживают Тотлебена. По этой же причине, должно быть, Ираклий ежедневно получал анонимные письма, полные самых невероятных небы-

лиц. В этих письмах Ратиев, Чоглоков и даже сам Моуравов назывались изменниками, предающими царя.

Одно такое письмо, в котором подробно рассказывалось о службе Дегралье у Тотлебена, попало в руки Соломона Леонидзе. Письмо было написано на плохом грузинском языке и предупреждало царя, чтобы тот не доверял Дегралье. Последний, по словам автора письма, был занят только тем, что писал императрице доносы на Ираклия и Тотлебена, обвинял грузинского царя в измене, а генерала — в покровительстве ему.

Когда Ираклий вернулся из Сачино во дворец, он застал дела в таком запущенном состоянии, что не знал, за что взяться в первую очередь. Приемная его была полна народу. Здесь находились мдиванбеги, тбилисский градоправитель, начальник мандатуров, градоначальники, коменданты крепостей, управляющие царскими имениями, судьи, высшие военачальники и даже одна крестьянка, пришедшая жаловаться царю на судью Иесе.

Появление крестьянина или крестьянки в царской приемной среди знати не было необычным явлением, так как Ираклий часто принимал простых людей с их жалобами. Поэтому на женщину никто не обратил внимания. Она тихонько стояла в углу с прошением в руках, лишь изредка поправляя платок на голове или вытягивая шею, чтобы взглянуть в окно, не идет ли царь. Мдиванбег Рамаз мимоходом спросил ее, по какому делу она обращается к государю.

— Ты спрашиваешь, по какому делу?.. — вскрикнула женщина так громко, что все испугались. — Точно не знаешь?.. Сил у нас нет терпеть дольше! Я хочу броситься к ногам моего государя!..

— Постой, не кричи, ведь мы не глухие! Говори тише, мы и так пойдем, — со смехом сказал ей мдиванбег Иоанн. — Откуда ты?

— Из Гавази я, добрый господин. Судья Иесе хочет согнать меня с земли. Я подавала прошение, и государь пожаловал мне указ — ежели, говорит, ты родом из Гавази, то тебя и выселять оттуда нельзя.

— Чего же хотел от тебя Иесе? — спросил Рамаз.

— Приказал перебраться в Вашловани. — Женщина так повысила голос, словно хотела, чтобы он был слышен в ее деревне. — «Там, говорит, ты и должна жить с этих пор». Я показала ему царский указ, а он

взял у меня бумагу и говорит: «Я стал твоим господином раньше, чем наш государь добыл себе царство... Он тебя у меня не отнимет!»

— Что? Как? — закричали вдруг со всех сторон. — Как он сказал? — Вельможи окружили крестьянку.

— «Ираклий, говорит, еще не добыл себе царства, когда я стал твоим господином», — повторила женщина, испуганно озираясь: она была встревожена волнением, которое вызвали ее слова.

— Ты не выдумываешь? — задыхаясь от волнения, воскликнул Иоани Орбелиани и ударил себя рукой по лбу. — Неужели он так и сказал?

— Так и сказал, клянусь моими детьми!

— Может быть, ты все это выдумала?

— Нет, клянусь жизнью государя! Это точно слова моего господина Иесе.

Непочтительный отзыв о государе со стороны такого высокого сановника, как судья Иесе, был чудовищным поступком не только в эти напряженные дни, когда Ираклий мог заподозрить каждого своего подданного в измене, но и в самые спокойные времена, когда в стране царили мир и благополучие.

Слова Иесе содержали оскорбительный намек. Выходило, что Ираклий не наследовал престола по закону, а присвоил его. Мало того, дерзко высказанная мысль судьи Иесе подвергла сомнению самую незыблемость царской власти.

Рамаз попытался заступиться за судью и упрекнул Иоанна за то, что тот поверил наговорам первой попавшейся деревенской бабы. Может быть, Иесе не говорил ничего подобного. Нельзя же по глупому доносу губить важного сановника, отмеченного царской милостью.

И, понизив голос, шепнул на ухо Иоанну:

— Завтра и нас с тобой могут оговорить перед царем. Этак в Грузии скоро не останется ни одного человека, который не был бы в опале!

— Рассказ этой бабы все равно дойдет до государя. Не погибать же нам из-за Иесе! — огрызнулся Иоанн, откинул разрезные рукава и снова принялся восклицать: — Так и сказал? Как только у него язык повернулся?..

В приемную вошел Бесики и объявил о прибытии государя. Он окинул взглядом ожидающих и уже соби-

рался вызывать сановников по их рангам, как вдруг Иоанн указал ему на крестьянку.

Когда Бесики увел женщину в кабинет, мдиванбег проговорил про себя, но так, чтобы все было слышно:

— Пусть сама скажет государю то, что ей нужно, а то еще Иесе подумает, что кто-нибудь из нас донес на него.

Когда Бесики ввел в кабинет просительницу, Ираклий был занят чтением накопившихся писем и докладов. Бесики взял у крестьянки из рук прошение и положил на стол перед царем. Ираклий, сдвинув брови, взглянул на бумагу, потом повернулся, поднял голову и посмотрел поверх очков на женщину, которая опустилась у дверей на колени.

— Кто это? — спросил царь Бесики.

— Она из Гавази, государь. С прошением.

— А, знаю, — вспомнил Ираклий и обратился к женщине: — Я же велел выдать тебе охранную грамоту. Чего тебе еще нужно?

— Да продлит господь вашу жизнь, государы! Иесе отобрал у меня грамоту. «Я, говорит, стал твоим господином раньше, чем наш государь добыл себе трон».

— Постой, постой! — Ираклий взял перо и записал: «Я стал твоим господином раньше, чем наш государь добыл себе трон». Дальше?

— «И государь не может тебя у меня отнять».

— Не может отнять — повторил Ираклий, усмехнулся, отложил написанное в сторону и сказал женщине: — Хорошо, ступай! Не бойся, никто тебя пальцем не посмеет тронуть.

Проговорив эти слова, Ираклий снова склонился над бумагами. Бесики замахал руками на просительницу, чтобы она быстрее убиралась прочь.

Царь погрузился в чтение какой-то бумаги. Бесики украдкой взглянул через его плечо. Это было анонимное письмо — донос на Дегралье.

— Кто еще хочет меня видеть? — спросил Ираклий, не прерывая чтения.

— Мдиванбеги Иоанн, Рамаз и Горджасп, горийский градоначальник Георгий Бабалашвили, цхинвальский управляющий Иесе, начальник мандатуров Глаха Цицишвили...

— Впусти начальника мандатуров, — прервал его

Ираклий. — Впрочем, нет, не надо, передай ему мой приказ: господина Чоглокова и этого, как его зовут, — Ираклий заглянул в письмо, — поручика Карла Дегралье повелеваю взять под стражу и заключить в башню Нарикальской крепости. Всех остальных приму вечером.

Неожиданное решение царя словно громом поразило Бесики. Он не двинулся с места и как остолбенелый глядел на Ираклия. Царь спокойно поправил очки и вновь занялся бумагами.

Против царского дворца, в глубине площади, стоял двухэтажный дворец Давида Орбелиани. Широкий балкон второго этажа, подпертый каменными колоннами, выходил на площадь. Узорчатые перила балкона и покрытые резьбой деревянные столбы были увиты глициниями. Каждое лето над балконом опускался занавес из зеленых листьев, пестревших лиловыми гроздьями глициний.

Переехав во дворец мужа, Тамара тотчас же начала обставлять комнаты и украшать их по своему вкусу. Пол и стены она покрыла дорогими коврами, на окнах повесила кружевные занавески, тахты забросала подушками, даже веранду превратила в уютный уголок, где охотнее всего собирались и гости и домашние.

Чоглоков особенно восхищался этой удивительно тихой верандой, восточное убранство которой было ему очень по вкусу. Он был частым гостем у Давида.

Тамара некоторое время совсем не выходила к гостям, и на веранде собирались одни мужчины. Лишь когда стало известно, что Иулон выздоровел и Ираклий возвратился в большой дворец, она впервые появилась среди гостей на веранде.

Давид был занят беседой с Чоглоковым, когда Тамара, шелестя шелковым платьем, вышла на балкон и присела рядом с ними.

— Славу богу! — сказал Чоглоков с улыбкой, увидев Тамару. — Наконец-то вы решили выйти к нам, а то сидели взаперти, как монахиня. Мы очень соскучились без вас!

— Надеюсь, я не помешала вашей беседе? Или у вас секретные дела? — спросила Тамара.

— Какие там секреты! Мы беседовали о государе. Он сегодня вернулся во дворец и, надеюсь, наконец при-

кажет нам взяться за дела. Очень уж долго я бездельничая, злоупотребляя вашим гостеприимством.

Давид увидел Анну, шедшую через площадь в сопровождении двух придворных дам, и сказал жене:

— К нам идет княгиня Анна.

— Неужели? — Тамара вскочила, раздвинула густую листву глициний и посмотрела на улицу. Увидев Анну, она в восторге забила в ладоши и побежала ее встречать.

Мужчины тоже поднялись и пошли вслед за Тамарой. В первый раз после свадьбы племянницы Анна посетила ее в доме Давида. Приветствиям и взаимным упрекам не было конца.

— Постой, не души меня, девочка моя! Дай-ка я посмотрю, как ты хозяйничаешь в своем доме, — со смехом сказала Анна и огляделась кругом. — Ну, вот видите! Я так и знала! — сказала она Давиду. — Ваших комнат не узнать — так она их украсила. А вы не цените женщин!

— Как же не ценим, ваша светлость! Разве не за них мы жертвуем собой в битвах, сражаясь с врагами? Кого нам любить и лелеять, если не вас? — ответил Давид.

Анна захотела осмотреть все комнаты. Оставив своих спутниц на веранде, она вместе с Тамарой пошла осматривать дворец. Она побывала в каждом уголке, все проверила, спустилась во двор, заглянула в помещение для прислуги, в пекарню, кухню, кладовые, конюшни, амбары и даже на псарню, делала замечания, давала советы.

Тамара слушала тетку очень внимательно. По тону и по выражению лица Анны было видно, что она очень довольна хозяйственными способностями племянницы.

Обойдя весь дворец, Анна и Тамара вернулись на веранду. Здесь они застали уже новых гостей: поручика Дегралье и минбаша Кайхосро Мурванишвили. Чоглоков и они беседовали с Давидом об очень важном, по видимому, деле, так как не обращали никакого внимания на дам, сидевших неподвижно на тахте и скучавших. При виде Анны и Тамары все вскочили и почти-тельно их приветствовали.

— Кажется, мы вам помешали, — сказала Анна

Давиду, — вы побеседуйте здесь о делах, а мы пойдем в комнаты.

— Нет, нет, — успокоил ее Давид, — вы нисколько нам не помешаете.

— Простите меня, ради бога, — вмешался Чоглоков, — я хотел, чтобы ее светлость Анна Теймуразовна знала содержание нашей беседы. Думаю, что это и для нашего дела будет лучше. Что вы скажете?

— Я буду попутно объяснять ее светлости, о чем идет речь. Продолжайте, пожалуйста, — сказал Давид гостю.

Чоглоков составил подробный план похода в Турцию и теперь излагал его Давиду. После взятия Ахалцихе объединенные русско-грузинские войска должны были пройти к Кутаису, а отсюда — к берегу Черного моря, в сторону Батума и Трапезунда. Тем временем царь Соломон двинет свои войска к Сухуму, а затем — к Адлеру.

На севере предназначалось действовать особому русскому корпусу под командованием генерала Медема. Цель его действий: захват Кубани и Кабарды, подвластных крымскому хану. Наступление Медема должно было обезопасить тыл русско-грузинских войск от нападения северокавказских горцев.

— Таким образом, мы врежемся в самое сердце Турции... Но, ваше сиятельство... — Чоглоков остановился и с упреком взглянул на Давида, — мы понапрасну теряем время — самое драгоценное оружие полководца, и это может поставить под сомнение нашу победу! Не понимаю, почему царь Ираклий так медлит и не посылает Ратиева арестовать Тотлебена? Я имею достоверные сведения, что многие офицеры — Платов, Орлов, Бибииков, да и другие — решили порвать с Тотлебенем и вернуться вместе со своими войсковыми частями в Россию. Вот почему Тотлебен укрепился в Ананури: он перерезал Арагвскую дорогу, чтобы войска не могли уйти через Дарьял.

— Это действительно так? — спросил Давид.

— Можете не сомневаться, — ответил ему Деграле. — Я получил от Платова записку. Мы написали всем недовольным офицерам, советуя им оставить Тотлебена и прибыть вместе со своими частями в Тифлис. Платов ответил, что он не может нарушить присягу. Од-

нако и он не хочет иметь дело с этим сумасшедшим генералом, и поэтому решил вернуться в Россию. Но выполнить свое намерение ему не удалось: генерал, с помощью преданных ему калмыков, неожиданно занял Ананури. Таким образом, ущелье Арагвы, единственная дорога, по которой русские войска могут перевалить через Кавказский хребет, оказалось закрытым.

— Сколько удобных случаев мы уже упустили! — горячо воскликнул Чоглоков. — Можно ' подумать, что мы нарочно отталкиваем счастье, которое само хочет подружиться с нами. Если бы Ратиев в тот же день сразу отправился в Душет, он захватил бы Тотлебена без всякого труда. И сейчас еще не поздно. Но если мы будем колебаться, как царь Ираклий, который сначала отдает распоряжение, а потом берет назад свой приказ, у нас ничего не выйдет...

— Во всем виноват Моуравов, — со вздохом сказал Давид.

Чоглоков перебил его:

— От Моуравова необходимо избавиться как-нибудь хоть на несколько дней, ваше сиятельство. Попросим кого-нибудь пригласить его погостить к себе в деревню или же... арестуем его...

Появление Бесики заставило Чоглокова прервать свою речь. Вновь пришедший остановился в дверях и отвесил учтивый поклон сначала женщинам, а потом мужчинам.

— А, Бесики, милости просим! — приветствовал его Давид. — Кайхосро, подай стул царскому секретарю! Что с тобой, почему ты так бледен?..

— Разрешите сказать вам два слова наедине!

Давид пригласил Бесики в соседнюю комнату.

— Что случилось? — спросил он, понизив голос.

— Государь повелел арестовать твоих гостей, — так же шепотом ответил Бесики и показал глазами в сторону веранды.

— Что? Что ты говоришь?.. — изумился Давид.

— Начальник мандатуров со своими людьми стоит внизу у дверей, не зная, как поступить. Войти сюда и арестовать в доме правителя двора его гостей он не решается, но и царского приказа он не может не исполнить.

— Это невероятно! Я сейчас же пойду к государю!— воскликнул Давид.

— Нет, не надо!— остановил Бесики.— Все равно ты ничего не добьешься и только доставишь себе неприятность. Лучше извинись перед гостями и скажи, что государь вызывает их к себе во дворец.

— Я ничего не понимаю.— Давид схватился за голову и забегал по комнате.— Объясни мне, что происходит?..

— Успокойся, пожалуйста, а то скажешь что-нибудь лишнее. Слышал, что сегодня случилось с судьей Иесе?

— С судьей Иесе?— Давид вопросительно взглянул на Бесики.— Нет, я ничего не слышал.

— Плохо его дело. Но об этом я расскажу после. А сейчас решай, как нам поступить с этими офицерами.

— Скажи начальнику мандатуров, чтобы он не смел их трогать, пока они у меня в гостях. Когда уйдут от меня, пусть делает с ними, что хочет, но в дом к себе я мандатуров не впущу!

— Хорошо, я передам.

— Но как же я теперь буду разговаривать с ними? Как мне взглянуть им в глаза? Нет, это невыносимо! Я должен сейчас же пойти к государю,— твердо сказал Давид и пошел в свою комнату, чтобы переодеться.

Бесики попытался прибегнуть к помощи женщин, чтобы удержать Давида от ошибочного шага. Он обратился к вошедшей в эту минуту Тамаре, за которой следовали Анна и придворные дамы. Все они окружили Бесики и стали наперебой спрашивать его, что случилось.

Бесики, однако, ничего не сказал им, а только попросил Тамару не отпускать Давида во дворец до ухода гостей и вышел на веранду, чтобы извиниться перед Чоглоковым за отсутствие Давида и как-нибудь рассеять создавшуюся неловкость. Гости, однако, догадались, что произошло что-то неприятное, и сами вывели хозяев из неловкого положения. Они тотчас же встали, попрощались и покинули дворец. Оставшиеся могли видеть с веранды, как к Чоглокову и Дегралье, пересекавшим площадь, подошел начальник мандатуров Глаха Цицишвили. Они остановились. Есаулы окружили офицеров, отобрали у них оружие и повели по улице, поднимавшейся

к крепости Нарикала. Вскоре вся группа скрылась за крепостными воротами.

Несколько дней стояла пасмурная погода. Дул холодный ветер. Казалось, снова вернулась зима. Все сидели дома у пылающих каминов. Базары были пусты и безлюдны. Ремесленники бросили работу и, грея руки над жаровнями, стоявшими в мастерских, вяло переговаривались между собой. Ветер в ярости метался по городу, свистел, завывал в кривых переулках, поднимал вихри пыли. Лавочки вынуждены были закрыть ставни, так как прилавки густо покрывались песком. Все старались как-нибудь укрыть свои лучшие товары.

Ветер, казалось, рассеял общее напряженное состояние: город притих и успокоился. Люди притаились у себя в домах, словно боясь, как бы ветер не нашел их.

Замерла жизнь и во дворце. Царь, царевичи, придворные заперлись в своих комнатах. Большинство проводило время за чтением книг. Бесики воспользовался неожиданным досугом, чтобы прочесть «Жиль-Блаза». Сначала ему было очень трудно читать по-французски, так как он привык прибегать к помощи патера Леонардо, переводившего ему непонятные слова. Один, без учителя, Бесики не понимал доброй половины прочитанного, но постепенно он привык к чужому языку, вспоминал значение забытых слов, о смысле других догадывался, и читать ему становилось все легче и легче. Чтение помогало ему забыть о тревожных событиях последнего времени. От дежурства при особе государя он был освобожден, так как уже готовился к отъезду в Персию. Он должен был подобрать себе спутников, сшить платье, приличествующее послу, и выехать вместе с караваном ага Ибрейма. Торопиться, впрочем, было незачем, так как одолженные купцу Ираклием верблюды еще не прибыли: отъезд откладывался по меньшей мере до середины июня.

В ночь на шестое июня ветер неожиданно стих. Увлеченный чтением, Бесики еще не спал. Внезапно почувствовав вокруг себя непривычное спокойствие, он с удивлением посмотрел в сторону окна, стекла которого в течение нескольких дней не переставая дребезжали от ветра. Дребезжания больше не было слышно, умолк и свист ветра за окном. Бесики выглянул на двор. Безоб-

лачное небо сияло звездами. Из сада доносилось стрекотание цикад. Завтра, очевидно, можно было ожидать хорошей погоды. Бесики снова лег в постель, отложил книгу, потушил свечу и отдался течению мыслей. Завтра предстоял хлопотливый день. Он вспомнил о Чоглокове, о Ратиеве, о тревоге Левана, об осложнившихся отношениях с Россией и вообще о всех запутанных делах, возникших в последнее время...

Ратиев не возвратил царю приказа об аресте Тотлебена. Узнав, что Чоглоков арестован, он тотчас же со своим конным отрядом покинул Тбилиси.

Все думали, что царь пошлет за ним погоню, но Иракий спокойно выслушал доклад об уходе отряда, ни словом не обмолвясь о том, чтобы задержать его или арестовать самого Ратиева.

Давид и Леван заключили из этого, что царь предпочел предоставить Ратиеву возможность действовать по своему усмотрению.

Сразу после того, как Ратиев оставил Тбилиси, поднялся этот ужасный ветер, загнавший всех в дома... Никто не было вестей...

«Ах, если бы знать, арестовал ли Ратиев этого негодяя?» — подумал Бесики, лежа в постели. Он ясно представил себе сцену ареста Тотлебена. Сон начал смыкать его глаза...

Ему пригрезился русский лагерь. Ратиев прибыл туда. Сговорившись с офицерами, он твердым шагом идет, чтобы отдать Тотлебену рапорт о прибытии. Вот он приблизился к генералу, приставил ногу, щелкнул каблуками, звякнул шпорами, взмахнул рукой, и вдруг... поднятый в воздух Тотлебен смешно задрыгал ногами и брякнулся оземь! Теперь Бесики уже стоял рядом с Ратиевым, обнимая его. Ратиев со смехом говорил ему: «Неужели, ты до сих пор не знал, что я Жиль-Блаз де Сантильян?» Бесики сел на лошадь и поехал по какому-то крутому, покрытому грязью склону. Лошадь скользила. Он перегнулся с седла и с ужасом увидел, что его собственные ноги увязли в грязи.

Склон становился все круче. Карабкаясь вверх, приходилось напрягать все силы, но, чем больше он старался, тем труднее ему было продвигаться. Каждый шаг стоил огромных усилий, он задыхался, сердце готово было выскочить из груди. А впереди виднелась вер-

шина: на ней стояла Анна и в отчаянии звала: «Скорее, Бесики, скорее сюда!»

Бесики сделал последнее усилие и — проснулся...

— Бесики, вставай скорей, — услышался голос.

Было уже светло. Луч солнца, похожий на сверкающий клинок, протянулся через окно.

— Войди, кто там? — откликнулся Бесики, закрываясь одеялом. — Дверь не заперта.

В комнату ворвалась служанка Анны-ханум и, задыхаясь от волнения, затараторила:

— Вставай, вставай скорей, нужно уезжать. В городе чума!..

— Что? Чума? Какая чума?!

— Чума, понимаешь, мор? Люди мрут, как мухи. Уже грузят арбы, мы должны уехать. Анна-ханум изволила отбыть в Урбниси.

— Постой, постой, расскажи толком!

— Эх, да ты, я вижу, никак не можешь проснуться! — рассердилась служанка. — Нет у меня времени с тобой разговаривать...

— Постой, говорю!

Служанка махнула рукой и выбежала из комнаты.

Бесики быстро оделся и вышел в большую дворцовую галерею. Слуги, придворные, чиновники, вельможи — все бегали в разные стороны: кто таскал вещи, кто отдавал распоряжения, кто в ужасе бессмысленно метался по комнатам. В общем гуле голосов слышались отдельные фразы:

— Что ты тащишь? А куда делаешь постель?

— Заколотил дверь?

— Нет. Ни молотка, ни гвоздей не нашлось.

— Помогите, дорогие, детей бы не забыть!

— Ах, чтоб тебя! Где арбы? Где, черт побери, арбы?

— Откуда я знаю!

— Заал, это еще что за божье наказание, а, Заал?

— Эй, Курбан, уложил царские ковры?

— Где, черт тебя побери, арбы? Где арбы, говорю? — Слова эти сопровождались звуком пощечин.

Перед лестницей, которая вела во второй этаж, Бесики увидел Гогию Фатрели, спокойно стоявшего на часах и бесстрастно наблюдавшего за всей этой суматохой.

Гогия неторопливо рассказал Бесики о том, что творилось в городе.

— Прошлой ночью в доме Китесы Мататашвили, что в самом конце Базарной улицы, заболел постоялец. Позвали лекаря, тот посмотрел на больного и сразу закричал: «Спасайтесь, у него чума!» Ему не поверили. Через некоторое время в лавке Маркара поднял крик приказчик. Прибежали люди, смотрят, а он уже весь черный. Опять позвали лекаря, а тот свое: «Спасайся, кто может, я же сказал, это чума!» До рассвета оба больных отдали богу душу. Доложили государю. Он тут же приказал сжечь дом Китесы и лавку Маркара. Взгляни-ка, они и сейчас дымятся! — показал в окно рукой Гогия. — Да только, выходит, что зря их сожгли. В городе уже заболело пятнадцать человек, и не то что близкие соседи, — чума гуляет уже и на Сейдабаде, и в Кала, и на Авлабаре. Она захватит весь город!.. Ох, господи, и хоронить некому будет, никого в живых не останется.

— Государь еще здесь?

— Эх! — воскликнул Гогия таким тоном, как будто упрекал Бесики за ребяческий вопрос. — Государь со всем своим семейством тотчас же уехал. Из царской семьи в городе никого не осталось, кроме княгини Анны. И то она задержалась потому, что ждет арбу для мужа.

— А ты сам, что собираешься делать?

— То есть как это, что я собираюсь делать?

— Никуда не уезжаешь?

— Что ты! Разве я могу оставить дворец? Кто же его будет охранять? Да к тому же — я чумы не боюсь. Когда мы воевали в Индии, там тоже случился мор, — да какой! — трупы валялись прямо на улицах в несметном количестве. Так мы и ходили по мертвым телам, а я все же не заразился! Чума не ко всякому пристаёт. Бывает, что в одном доме она всех до одного истребит, а у соседей никого не тронет. Вот такая это болезнь! Говорят, кто ее боится, на тех она и нападает, Пронесется, как вихрь, истребит всех, кому положено судьбой от нее умереть, и исчезнет так же, как появилась.

Спокойствие Гогии передалось и Бесики. Он посмотрел в окно на город. Там не чувствовалось никакого смятения. Лавки были открыты. Женщины на плоских крышах выбивали ковры, матрацы и подушки. По улицам ходили разносчики с лотками на головах, водоносы,

продавцы мацони и угольщики, которые выкрикивали хриплыми голосами:

— Мацони!.. Мацони!..

— Угли!.. Угли!..

Город покидали, по-видимому, только придворные, знатные люди и чиновники. Горожане — ремесленники и купцы — остались. Выезд двора и знати из города во время эпидемий не был редкостью. Горожане давно привыкли к этому. Вот почему они и сейчас довольно равнодушно смотрели на покрытые коврами арбы, медленно ползущие к Ганджинским, Речным, а частью к Авлабарским воротам.

Между тем суматоха во дворце не утихала. Прислуга стаскивала в подвалы мебель, ковры, стенные украшения, занавески. Бесики разыскал домоправителя, метавшегося по залам и галереям и охрипшим голосом отдававшего распоряжения.

— Мамуча, как ты мне советуешь поступить? — спросил он. — Государь не оставил для меня никаких распоряжений?

— Не знаю, не знаю! Что я могу тебе посоветовать? У каждого своя голова на плечах. А мне-то какво управлять здесь одному?

— Где правитель двора?

— Уехал с государем, а семью, кажется, отправил в Тандзию.

— А где государь?

— Тут же, поблизости, разве он уедет далеко? Знаешь деревню Ираклисцихе? Весь двор там...

— Где царевич Леван?

— Царевич поручил управление крепостью Иосифу Бебуташвили, а сам вместе с католикосом уехал в Мцхета.

— А мдиванбеги?

— Разъехались по своим замкам и поместьям. Некоторые, думаю, еще не успели уехать. Не сегодня-завтра все разъедутся. А ты разве не уезжаешь?

— Куда мне ехать? У меня нет ни деревни, ни родни. Ехать к государю не решаюсь, видно, он хочет, чтобы с ним было как можно меньше людей...

— Это правильно, — прервал его Мамуча, вытирая лоб цветным платком. — Ираклисцихе — маленькая деревня, а народу туда наедет, наверное, столько, что и

куска хлеба не достанешь — помрешь с голоду. Почему ты не уехал вместе с Анной-ханум в Урбниси?

— Во-первых, она уехала, ничего мне не сказав, а, во-вторых, мне и нельзя было бы туда ехать.

— Почему?

— Там повсюду рыщут лазутчики Тотлебена. Найдется какой-нибудь подлец, донесет государю, что Анна-ханум ищет союза с генералом, а я ей помогаю. Только этого мне и не хватало!

— И это правда. Да, кстати, вспомнил, ступай к мушрибу Иосифу, — государь приказал раздать всем секретарям деньги в счет жалованья, — получи, что тебе следует, пока Иосиф здесь.

Бесики немедленно направился к казначею. Мушриб отсчитал пятьдесят серебряных рублей и сказал:

— Государь приказал тебе договориться с ага Ибреимом и поступить так же, как он.

Приказ этот поставил Бесики в тупик. Он не мог ехать в Персию без достаточного количества наличных денег и, главное, без посольской свиты по меньшей мере в двадцать человек. Кроме того, нужно было отвезти шаху подарки. На все требовалось особое царское распоряжение, а в этой неразберихе, без денег, без свиты и с пустыми руками, нечего было и думать о поездке. Бесики все же разыскал ага Ибреима и сообщил ему о приказе царя. Купец был насмерть перепуган чумой и тоже готовился к бегству.

— Какое время теперь ехать? — воскликнул он и махнул рукой. — Таможенные чиновники Керим-хана сожгут весь мой товар, узнав, что он вывезен из города, пораженного чумой.

Купец пригласил Бесики поехать вместе с ним в Тандзию, куда он собирался отправиться по приглашению Давида Орбелиани. Радостно засверкали глаза у жены ага Ибреима Гульнар, когда Бесики принял предложение; что касается Джаваиры, то она без стеснения высказала свой восторг:

— Если с нами будет секретарь государя, да еще такой поэт, как вы, нам не на что будет пожаловаться. Поезжайте с нами, Бесики, и у вас ни в чем не будет недостатка.

Джаваира проводила гостя до ворот, оглянувшись кругом — не следят ли за ними — и шепнула:

— Давид тоже там будет! — Она крепко ушипнула Бесики и, звонко хохоча, побежала в дом.

Бесики покачал головой: «Очень уж распустились эти избалованные бездельем купчихи. Джаваире и в голову не приходит, что Давид, который только что женился, вряд ли даже решился бы поднять глаза на черноокою вдовушку».

Вернувшись домой, Бесики стал собираться в дорогу. Правда, вещей у него было немного, но и то, что имелось, надо было собрать и уложить. Он взял у казначея два объемистых хурджина и в первую очередь стал укладывать книги. Не успел он набить доверху один хурджин, как дверь без стука отворилась и в комнату, шелестя шелковым платьем, вошла Анна.

— Бесики... — простонала она с мольбой, и когда тот опустился перед ней на одно колено, крепко обвила обеими руками его шею. — Я уезжаю в Дманиси... Поедешь со мной? Если нам суждено умереть, умрем вместе, но последние свои дни я хочу провести с тобой. Ты совсем, совсем забыл меня!..

— Ваша светлость!..

— Не надо, молчи! Мне не нужны твои оправдания! Знаю, что моя любовь тяготит тебя. Я не дитя и не хочу обманывать себя. И все же... поедем!

Бесики встал. Анна не разжала рук и теперь смотрела снизу вверх на статного молодого человека.

— Поедешь?.. — на глазах у нее были слезы. — Мы будем совсем одни: Анико я отослала к царице Дареджан. Дворец у меня хороший, вина много — веселись и радуйся, сколько душе угодно. Поедешь?..

Бесики обвил рукой ее стан. Анна, с просиявшим лицом, прижалась к его груди: поняла, что он согласен...

В продолжение целой недели Бесики не мог выехать из Тбилиси. Его лошадь забрал один из друзей Левана и не думал ее возвращать. Между тем до Дманиси было далеко. Анна предложила ему свою лошадь с тем, чтобы самой поехать вместе с мужем на арбе, но Бесики отказался. Он надеялся, что его лошадь будет возвращена и что он быстро догонит караван Анны.

Анна двинулась в путь в сопровождении вооруженной свиты, посоветовав Бесики не задерживаться в городе. К вечеру дворец опустел. Бесики поминутно выбе-

гал во двор, спрашивал стражу, не привели ли его лошадь. Он попытался достать лошадь или мула напрокат, однако люди, которых он разослал во все концы города, к вечеру вернулись ни с чем. Все, у кого была лошадь, мул или осел, сами собирались покинуть город и не соглашались ни за какие деньги уступить их.

— Идите пешком,— посоветовал ему есаул Гигола,— минуете Соганлуг, там достанете лошадь или мула. А здесь вы только напрасно потеряете время. Скиньте ваши нарядные сапожки, я дам вам пару хороших деревенских каламанов,— и с богом в путь!

— А если на меня нападут по дороге лезгины? Далеко ли я уйду от них в твоих каламанах?

Бесики снова отправился к ага Ибреиму, который еще не успел уехать. У купца было множество вещей, и он ожидал верблюдов. В его квартале еще никто не заразился чумой, и купец не торопился с отъездом. Он спокойно припрятывал свое добро и теперь прилаживал к ставням караван-сарая крепкие железные засовы, на которые собирался навесить большие замки. Редкостные товары и драгоценности он увязывал в тюки, чтобы взять с собой.

— Вы еще здесь?—спросил Бесики купца, который, нагнувшись над тюком в караван-сараяе, затягивал веревки.

— А куда спешить? — тяжело дыша от напряжения, ответил ага и с силой потянул за веревку. Закрепив ее узлом, он выпрямился и потрогал туго стянутый тюк. Поспешишь — людей насмешишь!

— Что же нам — ждать, пока заразимся чумой?

— Эх, дорогой поэт, если тебе суждено умереть, то, как ни старайся избежать смерти, все равно от этой старухи не спрячешься. Она играет нами, как хочет. Иного совсем забудет — вот как Дмитрия Орбелиани, которого вчера повезли на арбе. Ну стоило ли его везти?.. А иного выкрадывает прямо из колыбели.

— А все-таки, когда вы поедете?

— Если не сегодня, то завтра во всяком случае. Ты едешь с нами?

— Нет, я должен явиться в Дманиси к княгине Анне. Впрочем, Тандзиа оттуда недалеко — мы будем соседями. Вот только лошадь мою кто-то увел!

— Что ж, как хочешь,— спокойно проговорил ага и

вернулся к своим тюкам.— Лошади у меня нет, а если не побрезгуешь путешествием на верблюде, могу услужить.

— Я никогда не садился на верблюда.

— Ну, тогда не советую. Езда на верблюде напоминает путешествие на корабле в бурю. С непривычки будет мутить. Лучше достань лошадь.

На другой день ага Ибреим выехал из Тбилиси. Караван из пятидесяти верблюдов, вытянувшись длинной цепочкой и позвякивая колокольчиками, медленно двинулся в путь.

Бесики проводил завистливым взглядом отъезжающих. Возвратившись во дворец, он почувствовал такое одиночество, такую тоску, что решил пойти пешком, если до вечера не достанет коня. Между тем, чума быстро распространялась по городу. По словам Гогии Фатрели, заболело уже больше трехсот человек, тридцать пять из них умерли. Отовсюду слышались плач и причитания, над городом несея погребальный звон. По улицам то и дело проходили могильщики с носилками, на которых лежал завернутый в саван покойник.

В первые дни за носилками обычно шли двое или трое близких. Но вскоре покойников уже никто не стал провожать на кладбище. Одни похоронные служки бегали по городу, работая днем и ночью. Горожане заперлись в домах, никто не решался выйти на улицу. Если в доме заболел кто-нибудь, испуганные родственники тотчас же выносили больного на двор и оставляли там на произвол судьбы.

Единственный врач, который решил остаться в городе и ухаживать за больными, был патер Леонардо. Он, словно привидение, бродил по улицам в странной одежде, которая делала его похожим на ангела смерти. Патер больше пугал больных своим видом, чем помогал им. Он был закутан в широкий и длинный черный балахон. Таких балахонов на нем было надето пять — один поверх другого. Он жил за городом и каждый раз, когда отправлялся обходить больных, проделывал сложную процедуру переодевания. Выйдя из своих дверей, надевал первый балахон, около села Кайбулы — второй, который был спрятан среди камней, около Ванкского собора — третий, хранившийся у одной женщины, около старого дуба — четвертый, укрытый в дупле, и, наконец, у

городских ворот — пятый. Голова Леонардо была покрыта колпаком, закрывавшим все его лицо и заостренным спереди наподобие воробьиного клюва. Как только он появлялся в городе, пьяные лавочники поднимали крик: — Спасайся, кто может, ангел смерти идет!

Но Леонардо, не обращая на них никакого внимания, спокойно ходил по улицам, раздавал лекарства или глухим, доносящимся откуда-то из-под маски голосом, произносил слова утешения. Он приказал городским стражам развести побольше извести в воде и полить ею улицы. Стражи так ревностно выполняли приказание Леонардо, что мостовые стали белыми. Даже лежавшие на улицах больные получали свою долю известки—авось поможет!

А чума уносила все больше и больше жертв... В день умирало уже до пятидесяти человек. Не только отпевать, но и хоронить их было некому. Никто больше не оплакивал мертвецов. Не было слышно погребального колокольного звона. Зато улицы все чаще оглашались пьяными песнями, уханьем барабана и захлебывающимся напевом зурны.

Виноторговцы откупорили огромные мехи с вином, и пошло повальное пьянство. По улицам разгуливали группами подвыпившие ремесленники в черных черкесках. Они останавливались около каждого покойника или больного. Один из приятелей спрашивал:

— Кто это — Баграт?

— Баграт,— отвечал другой, нацеживая рог вина из бурдюка, который нес под мышкой. Рог он подавал одному из своих собутыльников со словами: — Упокой, господи, его душу!

— Амины! — отвечали все хором.

— А это кто? Талала? За спасение его души!

Иногда раздавался слабый голос больного:

— Спасите... Я еще живой.

— Вах, тем лучше! — отвечал кто-либо из ремесленников.— Значит, сам услышишь наше доброе слово. А вот за упокой наших душ, должно быть, некому будет выпить. Тебе, брат, повезло. Ребята, выпьем за спасение его души!

— Спаси его душу, господи!

Кутилы пировали дни и ночи напролет. Бесики больше не выходил из дому. Он томился без сна, так как

визг зурны и грохот барабана не давали ему покоя до самого рассвета. Утром он бросался к окну и смотрел на город. Удрученный страшным зрелищем, он готов был уже пуститься в путь пешком, но во всем городе не осталось свободной улицы, по которой можно было бы пройти, не натолкнувшись на покойника или не будучи схваченным руками умирающего. Больные громко молили помочь им. Однако никто не отваживался подойти к зачумленным, чтобы дать им лекарство или воду.

Бесики уже начал впадать в отчаяние. Но вдруг счастливый случай помог ему. Как-то утром он заметил плот, плывший посередине Куры. Он тотчас же побежал к берегу и крикнул плотовщикам, чтобы они пристали. Они, против ожидания, оказались сговорчивыми, и скоро тяжелый плот подошел близко к берегу. Бесики ринулся в реку и, спотыкаясь о камни, быстро добрался до плота. Плотовщики плыли из Боржоми и не знали, что в Тбилиси чума. Бесики велел им поскорее отчалить, и лишь когда Ортачальский остров остался позади, повернулся, чтобы бросить на город прощальный взгляд.

Нарикальская крепость гордо высилась на скале. Из труб, торчавших над плоскими крышами домов, медленно поднимался дым. Издали город казался таким спокойным и мирным, как будто в нем ничего не случилось...

Когда миновали Ортачала, Бесики сошел на берег, дал плотовщикам серебряную монету и пустился пешком по тропинке, которая поднималась на Шавнабаду.

В Телети Бесики приобрел за шесть рублей серебром заморенную клячу и поехал по Дманисской дороге. Вскоре он выехал на обширный Ширванский луг, служивший обычно стоянкой для царских верблюдов. Впереди на дороге виднелись три спутника. Двое из них, судя по одежде, были русские офицеры, третий походил на грузина. Он шел, опираясь на костыли, едва волоча ноги.

Приблизившись, Бесики узнал в русских офицерах Чоглокова и Дегралье. Уже за несколько шагов он весело приветствовал знакомых, а подъехав вплотную к ним, слез с лошади. Чоглоков узнал поэта, бросился к нему и порывисто заключил его в свои объятия.

— Это вы, дорогой мой? Вы живы? Как я рад! Откуда едете?

— Скажите лучше, откуда вы сами и куда направ-

ляетесь? — Бесики высвободился из объятий Чоглокова, протянул руку Дегралье и слегка кивнул третьему, которого изодранная одежда, заросшее бородой до самых глаз лицо и костыли под мышками делали похожим на нищего. — Вас освободили?

— Вот именно, освободили! Караул в крепости разбежался, и мы — фюйть!..

— Ты кто такой? — внезапно спросил молчавший до сих пор грузин, взглядываясь в лицо Бесики. — Что-то я тебя не узнаю.

— Я — Габашвили.

— Захарии-священника сын? — Путник загадочно улыбнулся. — Не узнал меня?

— Нет. — Бесики отрицательно покачал головой и стал в свою очередь взглядываться в собеседника.

Изжелта-бледное лицо незнакомца свидетельствовало о том, что он провел долгие годы в темнице.

— Неужели не помнишь Александра Амилахвари?

— Господи, неужели это ты, Александр? — вырвалось у Бесики.

В памяти его возник образ красивого, статного юноши, стоящего посреди стражи на городской площади и покорно ожидающего приговора. Вот как закончилось для него участие в заговоре царевича Пааты против Ираклия.

Кара была суровой. Царь повелел перерезать Александру сухожилия ног, так как на суде выяснилось, что молодой князь исполнял у заговорщиков обязанности гонца. Палач схватил Александра, блеснул острый кинжал, и пронзительный крик прорезал воздух. Толпа, пришедшая поглазеть на это жестокое зрелище, расходилась в смятении.

— Да, да, это я! — сказал Александр. — Что, очень изменился? Конечно, как меня узнать! Прежде я был человек сильный, владетельный князь, а теперь стал похож на нищего, — впору попрошайничать! Где же твой отец? Эх, — горько вздохнул Александр, — он тоже в числе тех, кому я обязан своим несчастьем! Немало он потрудился, чтобы погубить род Амилахвари. Только напрасно он надеялся на благородство Ираклия. Где он теперь?..

— Бежал в Россию.

— В Россию! Скоро, должно быть, наш дракон всю

Грузию заставит туда переселиться!—сказал Александр. Однако пойдем, зачем мы теряем время?

— Куда вы идете? — спросил Бесики.

— Вперед, куда глаза глядят. Авось достанем где-нибудь лошадь, я поднимусь через Манглиси в Ахалгори, а оттуда — тоже в Россию.

Бесики уступил свою клячу Александру, который с большим трудом, при помощи своих спутников, уселся в седло. Когда Бесики подсаживал Александра, в ноздри ему ударил такой отвратительный запах, что он невольно отвернул лицо. Александр заметил это и сказал с горькой улыбкой:

— Трудно вынести запах моей одежды, не правда ли? Что делать? Так бывает со всеми, кто долго сидит в тюрьме. Начинаешь гнить заживо. Если останусь жив, отплачу Ираклию за все! И ведь не я один оказался его жертвой. Видишь, бог послал великому грешнику наказание: скоро всех его подданных унесет чума!

— И впрямь постиг нас гнев божий! — горько вздохнул Бесики и посмотрел в сторону Тбилиси, словно желая еще раз увидеть любимый город.

Но Тбилиси был скрыт горами. Справа поблескивало покрытое рябью озеро Кумиси, за ним виднелись склоны Шавнабады, покрытые травой, еще не высушенной летним зноем.

До селения Кумиси было недалеко. Там беглецы рассчитывали достать лошадей. По дороге Александр Амилахвари рассказал Бесики обо всем, что он перенес, и поделился с ним своими намерениями. Он собирался ехать в Россию вместе с Чоглоковым, который со свойственным ему легкомыслием обещал представить беглеца императрице. Амилахвари со своей стороны обещал довести Чоглокова и Дегралье до Петербурга за свой счет и оказать им покровительство в случае, если коменданты Моздока или Кизляра захотят арестовать их по приказу Тотлебена.

«Вот уж действительно — мертвец мертвеца обещал дотащить до могилы!» — мелькнуло в голове у Бесики.

— Как же ты жил после изгнания отца? — спросил Александр поэта.

Узнав, что Анна-ханум приютила юношу у себя, а Ираклий назначил его своим секретарем, Амилахвари язвительно усмехнулся:

— Какова лисица! С виду как будто сделал одолжение вдове своего отца, а на самом деле попросту завел у нее в доме своего соглядатая! Знаешь, что я тебе посоветую, юноша? Ты Анну-ханум предать не захочешь, а, живя по совести, Ираклию не угодишь. Он сгноит тебя в тюрьме или отрубит тебе голову. Видишь, что он сделал с этими русскими офицерами? Лучше уйди от него и поезжай с нами. Я тебя доведу до Москвы, сдам на руки отцу, а там поступай как знаешь.

Бесики поблагодарил его, но от предложения отказался.

В Кумиси Александр вернул Бесики его клячу и вместе с русскими офицерами пошел по дворам искать лошадей. Бесики попрощался со спутниками и погнал своего овра по Дманисской дороге.

Замок Дманиси достался в наследство деду Димитрия, Каплану Орбелиани, около ста лет тому назад. Он восстановил разрушенные стены, а во дворе замка поставил каменный жилой дом. Наследники Каплана снова забросили Дманиси, и строения опять совершенно обветшали. Замку угрожало полное разрушение, но Димитрий Орбелиани, по настойчивой просьбе Анны, еще раз восстановил его. Анна, руководившая восстановительными работами, проводила потом здесь каждое лето. В последние годы из-за болезни мужа она вновь забросила этот чудесный, тихий уголок.

Управляющий докладывал Анне, что Дманисское имение ее в порядке, но, приехав туда, она нашла полное запустение. Крепостная стража совершенно разорила замок. Дом был завален мусором, двери сняты с петель и превращены в лежанки, окна выбиты, перила балконов и потолочные балки пошли на дрова.

Анна пришла в ужас, увидев, во что превратили ее любимый уголок. Она срочно послала человека в Тандзию за управляющим, но тот сказался больным и не явился к разгневанной госпоже. Вызвав крестьян из соседних деревень, княгиня поручила им привести постройки в порядок. Рабочие разобрали в Дманиси несколько брошенных хороших домов, и весь сохранившийся материал — балки, бревна, двери и оконные рамы, столбы и перила — свезли во двор. Часть добытого леса была распилена на доски, часть пошла на балки и столбы.

Через неделю в доме уже можно было жить. Анну огорчало только то, что оконные стекла пришлось заменить вошеной бумагой. Но о покупке стекол и думать не приходилось. В Тбилиси нельзя было ехать из-за чумы, а до Телави, где они тоже продавались, было очень далеко.

Дом состоял из трех комнат. Одна из них, самая большая, занимала весь нижний этаж. В ней был огромный камин, и она служила кухней и столовой. В верхнем этаже было две комнаты — в одной лежал Димитрий, другую занимали Анна и ее служанка Гульвардис. Слуги жили в крепостных башнях. Лишь одну башню никто не занимал: доступ сюда был запрещен не только слугам, но и крепостной страже. В башне было три комнаты, одна над другой. Из нее шли два тайных хода. Один, проложенный внутри крепостной стены, соединял башню с домом, другой, пробитый в скале, выходил к берегу реки Машавери. Анна распорядилась привести башню в полный порядок, а комнату среднего этажа устлать коврами. Крестьян обязали привезти в замок запас провизии и дров.

По расчетам Анны, Бесики должен был прибыть в Дманиси самое позднее через три дня после ее приезда. Но вот уже прошло десять дней, а его все еще не было. Сначала Анна испугалась, решив, что он заразился чумой и умирает где-нибудь в одиночестве, без присмотра. Потом подумала, что его вызвал царь. Но постепенно оба эти предположения были вытеснены третьим, которое было подсказано ревностью.

Она убедила себя в том, что Бесики любит другую женщину, должно быть, молодую, как и он, девушку, но не решается сознаться в этом, не смеет отказать в любви сестре царя.

Она была зла на себя за то, что унижалась перед юношей, годившимся ей в сыновья, выпрашивая у него, как милостыню, хоть капельку внимания.

Бессонные ночи измучили Анну. Больной Димитрий громко зевал в соседней комнате. Его стоны и непрестанное хныканье из-за пищи выводили Анну из терпения. Она часто выходила по ночам во двор замка, чтобы рассеять прогулкой истомившую ее тоску. Гульвардис каждый раз должна была сопровождать госпожу. Служанка хорошо знала причину ее тоски и всячески старалась ее успокоить:

— Это все от лишней крови, госпожа моя,— сказала Гульвардис однажды, когда Анна вскочила вдруг среди ночи с постели и стала поспешно одеваться,— позовем цирюльника, он пустит кровь, вы успокоитесь, и все забудется. Зачем вы так убиваетесь, успокойтесь, лягте, отдохните...

Анна ничего не ответила. Она села в постели, откинула распущенные волосы и, сжав губы, задумалась. Внезапно она решила завтра же утром вызвать дманисского епископа, исповедаться у него и во всем покаяться. Это была единственная возможность избавиться от душевных мук и обрести спокойствие. Да, она должна навеки побороть свое чувство. Анна снова улеглась в постель. Гульвардис ощупью разыскала второе одеяло и, прикрывая им княгиню, шепнула:

— Не тоскуйте, моя госпожа, он придет!

— Кто? — быстро спросила Анна и, словно испугавшись ответа, тут же добавила: — день искупления уже пришел, а больше никто не придет.

На другой день она послала слугу с лошадьёю за епископом и попросила передать его преосвященству извинение за то, что она по болезни не может явиться сама. Хотя она знает, что владыка стар и немощен, что ему трудно совершить столь дальнее путешествие, она все же просит его пожаловать в Дманиси.

Епископ Доментий был в самом деле очень стар, но волосы его были лишь слегка тронуты сединой. Несмотря на свой высокий сан, он почитал скромность самым ценным качеством человека. Хотя схимнику, отказавшемуся от соблазнов грешного мира, подобали степенность и глубокомыслие в речах, епископ был удивительно веселым и остроумным собеседником. Он умел во-время вставить в разговор красное словцо и так заразительно смеялся, что мог развеселить самого хмурого собеседника.

Доментий незамедлительно приехал в Дманиси. С веселым видом вошел он в комнату Анны и сразу, с порога крикнул:

— Красе и гордости нашего края, новоявленной царице Тамаре, мое благословение! Постой, да ты внучка Анны или сама Анна?

— Ах, владыко, вы все шутите! — ответила с улыб-

кой Анна.— Разве шутки не засчитываются святым отцам как грех?

— В евангелии сказано: «Когда введут вас в место собрания и поставят перед знатью, царями и сильными мира сего, не заботьтесь о том, какими словами отвечать им и что сказать. Что внушит вам дух святой, то и говорите». Как могу я, недостойный, противиться духу святому, одарившему меня таким свойством, и гневить его?

«Может, и мне святой дух внушил решение обрести спокойствие через исповедь»,— мелькнуло в мыслях у Анны. Ей уже больше не хотелось раскрывать свою тайну, но она все старалась убедить себя, что только чистосердечное раскаяние даст ей избавление от душевных мук.

А епископ продолжал весело шутить. Однако, когда зашел разговор о чуме в Тбилиси, он нахмурился, проворчал молитву и перекрестился.

— Единственное, чем мы можем утешаться,— сказал он со вздохом,— это тем, что господь широко раскроет врата рая перед страдальцами и дарует им царствие небесное! Воистину, должно быть, сильно разгневали мы господя, если он послал нам столь суровую кару!

Княгиня решила, что сейчас настала самая удобная минута для того, чтобы сообщить епископу о своем намерении исповедаться. Она набралась храбрости, но едва решилась завести об этом разговор, как в комнату вошла Гульвардис. По выражению ее лица Анна тотчас же догадалась, что Бесики приехал.

— Что тебе, Гульвардис?—спросила она дрожащим от волнения голосом.

— Я хотела узнать, не нужно ли вам чего-нибудь...

— Нет,— сказала Анна и покачала головой. Движением этим она как бы спросила: «нет?»

Гульвардис таким же незаметным движением головы ответила «да» и тотчас вышла из комнаты.

От волнения у Анны захватило дыхание, но она постаралась взять себя в руки и внешне спокойно продолжала беседовать с Доментием. Лишь выдержав приличный промежуток времени, она учтиво проводила епископа к Димитрию.

Прочитав молитву и благословив больного, Доментий тут же начал перебрасываться с ним шутками.

Анна вернулась в свою комнату, бросилась к окну и, проткнув длинной головной шпилькой вощеную бумагу, выглянула во двор. Там, однако, никого не было. Анна подошла к другому окну, но опять никого не увидела. Тогда она вышла на балкон и сразу в воротах замка разглядела Бесики. Начальник крепости держал под уздцы его лошадь. Поэт стоял рядом и обменивался с ним приветствиями.

Гульвардис с кувшином, полотенцем и мылом в руках почтительно ожидала поодаль. Бесики, загорелый, с давно не бритой, но красиво оттенявшей его лицо бордой, казался уже не юношей, а зрелым мужем.

Анна вбежала в комнату, улыбаясь самой себе, взглянула в зеркало, поправила платье, надела драгоценности и спустилась в нижний этаж, чтобы встретить возлюбленного. Бесики умылся, отряхнул свое платье и красиво зачесал назад волнистые волосы.

Они учтиво приветствовали друг друга и чуть смущенно поздоровались. Анна заметила, что Бесики с любопытством осматривается вокруг.

— Как тебе нравится здесь? — спросила Анна.

— Я и раньше бывал в этих местах, ваша светлость, — ответил Бесики. — Вы находились в то время в Тбилиси, а я сопровождал в Лори царевича Левана. Он показал мне с дороги ваш замок.

Анна спросила его, почему он опоздал и что делается в городе. Узнав, что мор в Тбилиси принял ужасающие размеры, она поздравила Бесики со спасением и расплакалась.

— О господи, за что караешь нас? — сказала она, всхлипывая. — Бедная, бедная Грузия, этого только тебе не хватало! Люди разбежались по лесам и ущельям, словно стадо овец, лишившееся пастуха! На что теперь похоже наше царство? Мой брат, должно быть, отбыл в Телави. Он, наверное, и тебя скоро вызовет к себе... Но я тебя не отпущу отсюда. А теперь ступай и посмотри свою комнату в башне. Надеюсь, она тебе понравится.

Бесики после долгого путешествия так устал, что, войдя в комнату, сразу же, не раздеваясь, повалился на постель и крепко заснул. Проснулся он только под утро. Открыв глаза и осмотревшись, он не мог сначала сообщить, где находится. В открытую дверь, которая выходила на двор замка, виднелось бледное небо с розова-

тыми облаками. Было тихо, только где-то вдали пели петухи.

Бесики протер глаза, помахал руками, чтобы согреться — утро было свежее, и он продрог, — потом вышел во двор.

У ворот замка, около догоравшего костра, дремал, присев на камень, сторож с ружьем. Рядом лежала большая лохматая овчарка. Услышав шаги во дворе, она наострила обрубленные уши и глухо залаяла.

Сторож вздрогнул, но, заметив спускавшегося во двор по лестнице Бесики, прикрикнул на овчарку и почтительно приветствовал подошедшего к нему гостя княгини.

— Рано изволили встать. С добрым утром!

— Здравствуй! — сказал Бесики и подошел к огню. — Как холодно у вас.

— Здесь не Тбилиси, — усмехнулся сторож. Толкнув ногой овчарку, он пододвинул камень, чтобы Бесики мог сесть, разгреб золу и обложил тлеющее полено сухим хворостом. — Здесь по утрам воздух суровый, иной раз так прохватит, что дрожись, как осиновый лист!

— Как тебя зовут?

— Мгелика.

— Ты хевсур?

— Нет, я здешний, а вот мой дед, говорят, был хевсур и служил отцу нашего князя. Потом он поселился здесь и женился на здешней женщине. Это его ружье.

Хворост сначала дымился, но потом вспыхнул ярким пламенем. Бесики протянул руки к огню, откинув голову, чтобы защитить глаза от едкого дыма.

— А что, Мгелика, — спросил он, — хорошая у вас охота?

— Лучшей не пожелать! На горе Кегути по лесам бродят олени стада. В Лори можно набрести на диких кабанов, они пасутся, как домашние свиньи. На горе Болולי и внизу, в стороне Болниси, водятся джейраны. — Мгелика заметно оживился. Охота была для него величайшим удовольствием в жизни, и теперь он выказал свой восторг тем, что подсыпал в огонь еще целую охапку сухого хвороста.

Собака жалась к огню, глядя на беседующих умными глазами, и, чтобы привлечь к себе внимание, смешно виляла остатком обрубленного хвоста.

Мгелика толкнул ее прикладом и спросил Бесики:

— А скоро вы собираетесь на охоту?

— Когда лучше, как ты думаешь?

— Лучше всего дожидаться дождя. Теперь земля сухая, зверь услышит шаги и не подпустит к себе, а когда земля сырая, можно так близко подкрасться к нему, что хоть руками лови! Давно мы здесь не хаживали на охоту! С тех пор, как князь Димитрий, дай ему бог здоровья, слег, в наших лесах ни одного охотника не было.

— Ну, так пойдем на охоту, Мгелика! — сказал Бесики с улыбкой.

— Скажите только начальнику крепости, что хотите взять меня. Ребята так соскучились по охоте, что наперебой будут проситься с вами.

— Ладно, скажу.

— На оленя теперь ходить не время, — рассуждал Мгелика. — В эту пору лучше всего бить джейранов, а оленей — в сентябре, когда они трубят. Когда самец ищет самку и зовет ее, к нему легко подкрадываться. В ноябре уже пора ходить на кабанов, а если пожелаете поохотиться с загонщиками, можно отправиться в любое время, лишь бы не в самый дождь...

Мгелика посмотрел на небо и покачал головой. День обещал быть ясным, погода установилась, по-видимому, хорошая.

— Вот увидите, теперь будет, как на зло, все время сухо, — печально проговорил сторож. Но тут он вспомнил, что через два-три дня наступит новолуние, и радостно воскликнул: — Нет, быть дождю!

— Откуда ты знаешь?

— Скоро новолуние. Как это я сразу не вспомнил! Будьте покойны, пока мы приведем в порядок ружья да отольем пули, пойдет дождь.

— Хорошее у тебя ружье? Покажи.

— По сравнению с княжеским ружьем оно ничего не стоит. — Мгелика протянул Бесики свое кремневое ружье. — Если вы возьмете с собой ружье князя, охота будет в самом деле стоящая. Князю теперь все равно уже больше не стрелять!

— Какое же у него ружье? — спросил Бесики.

— Прежде всего легкое, как камышовая трость. Ствол у него с такими тонкими стенками, что, кажется,

только нажми, раздавишь. Из дамасской стали ковано. Ложе украшено золотом. Дай только мне это ружье,— я согласен ни есть, ни пить.

Во дворе появились преснувшие слуги и воины крепостной стражи. Бесики вернул сторожу ружье и пошел к источнику умываться. Вода в нем, подведенная по глиняным трубам, когда-то была сильной струей, однако с течением времени стала постепенно убывать и теперь едва текла тоненькой струйкой.

Бесики подставил руки под струю. Умываясь, он с удовольствием следил за утками, которые шумно плескались в воде.

Полтора месяца, проведенные Бесики в замке Анны, показались ему сказочным сном. Он сразу завоевал доверие и любовь всех обитателей замка. Слуги выбивались из сил, чтобы угодить гостю, всячески старались сделать ему приятное. Правда, они сразу догадались, что между ним и их госпожой существуют близкие отношения. В замке пошли перешептывания: «Посмотри-ка на нашу госпожу,— говорили слуги,— какого возлюбленного она себе нашла! Красавец!» Но никому и в голову не приходило порицать Анну за такой поступок. «А что ей делать, бедняжке? — говорили люди.— Женщина ведь, а не камень! О чем думали, когда выдавали ее за старика?»

Слуги всячески старались заслужить внимание гостя, но всех опередил Мгелика, который в день приезда первым разговорился с ним. Он стал преданным слугой и наперсником Бесики. Где бы ни появлялся поэт — на охоте, на рыбной ловле или на джигитовке,— Мгелика всюду сопровождал его.

Первые дни Бесики не мог забыть страшных картин чумы, свирепствовавшей в Тбилиси, ходил грустный, ничто не доставляло ему удовольствия. С трудом согласился он отправиться на рыбную ловлю с Мгеликой, который умолял его развлечься хоть этим до охоты на джейранов. Одна группа крестьян, созданных с разрешения Анны, перегородила плотиной из камней и земли выход из основного русла в рукав Машавери. Другая группа сплела вершу для рыбной ловли и поставила ее в нижнем конце рукава. Бесики сначала равнодушно смотрел на веселую суету крестьян и рассеяно слушал

восторженные выкрики Мгелики, но когда вода в рукаве стала быстро спадать и по мокрым камням русла запрыгала форель, у него загорелись глаза. Засучив рукава, он присоединился к рыболовам. Раза два Бесики поскользнулся на мокрых камнях и покатился, запачкал свою богатую одежду в грязи, но, увлекшись рыбной ловлей, не обратил на это внимания. Вскоре две огромные плетеные корзины были доверху наполнены форелью. Мгелика разжег на острове среди кустов костер и стал печь рыбу на углях, заворачивая ее в ореховые листья. Крестьяне развязали кожаные торбы, достали оттуда хлеб и расселись вокруг скатерти на зеленой траве. Принесли вино в кувшинах. Поздравив друг друга с удачной ловлей, рыболовы выпили за здоровье Бесики.

— Ты принес нам удачу, — говорили крестьяне. — Сколько раз мы спускали воду из этого рукава, но не вылавливали ни одной рыбешки!

Мгелика отдал одну корзину с рыбой крестьянам, а другую послал в замок, хотя Бесики и уверял его, что и полкорзины будет слишком много.

Солнце уже садилось, когда Бесики и Мгелика отправились домой. Багровый отблеск лежал на бархатных склонах холмов, стены замка, гордо высившегося над скалой, горели в лучах заходящего солнца. Белорозовые облака плыли по небу, как лебеди.

Ястреб с неподвижно распростертыми крыльями парил высоко над землей. Порой, высмотрев добычу, он устремлялся вниз, несколько раз взмахивал крыльями, описывал широкий круг и снова повисал в воздухе.

Пастухи с ружьями гнали стадо по проселочной дороге на противоположном берегу Машавери. Оттуда доносилось мычание коров и разноголосый звон колокольчиков и бубенцов. Лохматые овчарки степенно шествовали по обе стороны стада. Поравнявшись с Бесики и Мгеликой, собаки подняли лай.

Бесики поддался очарованию этой картины. Охваченный чувством радостного покоя, он остановился на зеленой лужайке вблизи замка, разлегся на мягкой траве и, опершись на локоть, стал любоваться игрою закатных лучей.

Скоро вокруг стало совсем тихо: Мгелика вошел в замок, стада скрылись за поворотом. В небе больше не

было видно ястреба. Розовые облака стали лиловыми. На западе засияла вечерняя звезда.

Вдруг кто-то, подкравшись сзади, закрыл ему рукой глаза. Бесики ощупал руку на своем лице и по кольцам узнал Анну.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Анна и опустила на траву рядом с ним. — Я увидела тебя из окна башни...

— Какой прекрасный вечер! — ответил Бесики и украдкой взглянул в сторону замка, чтобы убедиться, что за ними никто не следит.

Анна поймала его взгляд и спокойно сказала:

— Не бойся, милый, никто за нами не следит, а если бы и следили, нам нечего бояться. Ты в моих владениях. Здесь даже камни мне верны.

Оба умолкли и взглянули друг на друга. На Анне было синее шелковое платье и вышитые туфельки, надетые на босу ногу.

Спущенная с цепи овчарка выскочила из ворот и раза два пролаяла. Заметив Бесики и Анну, она подбежала к ним и, радостно повизгивая, стала носиться вокруг. Она даже умудрилась лизнуть Бесики в щеку, за что получила крепкий пинок. Впрочем, собака привыкла, по-видимому, к такому обращению, так как совершенно не обиделась, а, напротив, приняла пинок за выражение дружбы. Припав на передние лапы, она ласково полаяла на любовников, а затем, как верный страж, побегала вокруг. Бесики брезгливо провел рукой по щеке, которую лизнула собака. Анна с тихим смехом обвила его шею и шепнула:

— Видишь? Здесь даже самая злая собака любит тебя!

— Недаром же я целых два дня старался ее приручить и скормил ей чуть ли не целого барана! Сначала она и близко меня к себе не подпускала!

Бесики снова опасливо оглянулся и тихонько снял со своей шеи руку Анны.

— Что с тобой? — обиженно спросила Анна.

— Я боюсь.

— Чего?

— Чтобы нас не увидел кто-нибудь.

— Пусть видят! Я — женщина, и то не боюсь. Чего же ты испугался?

— Я не хочу, чтобы...

Бесики остановился, не докончив фразы.

— Чтобы о тебе плохо говорили...

— Ну?..

— Что обо мне могут сказать плохого? Что? — сказала Анна с внезапной злостью и вызывающе взглянула ему в глаза. — Пусть говорят, что хотят! Хватит и того, что с самого детства мою жизнь превратили в ад! Помнишь начало третьей книги царств в библии?

— Нет!

— Сейчас я прочту тебе. Я всю эту главу наизусть знаю, потому что... Впрочем, сначала прочитаю. Как же она начинается? Господи, как назло сейчас забыла! Неужели ты не помнишь? Ах, да, вспомнила: «И был царь Давид стар и немощен, ибо протекли дни его, и одевали его в одежды многие, ибо он больше не согревался. И сказали рабы его: «Найдем господину нашему юницу, и пусть она предстанет перед царем и будет согревать господина нашего». И искали юницу по всему царству Израильскому, и нашли Авису Суманитскую, и привели ее пред царские очи. И была юница эта прекрасна, и стала она согревать царя, и служила ему, но царь не познал ее».

Анна отвела взгляд и со слезами в голосе продолжала:

— Я была только что обвенчана, когда впервые натолкнулась на эту главу Ветхого завета. В эту минуту я вдруг поняла всю глубину своего несчастья и ужаснулась... Словно змея ужалила меня в сердце!..

Анна ближе пододвинулась к Бесики и оперлась о его плечо.

— Скажи мне что-нибудь, что хоть немного бы облегчило мою тоску! Тяжкий грех взяла я на душу, Бесики, и предчувствую, что за мгновенье счастья воздастся мне вечными страданиями в аду!

Закат почти угас. От недавней оргии огненных красок осталась только багровая полоска зари. Облака стали темно-лиловыми и неподвижно висели в небе. Они казались обращенными к западу, словно печально глядели вслед ушедшему солнцу.

— Не бойся,—сказал Бесики, вспомни, что сказано в евангелии: «Книжники и фарисеи привели к Иисусу-

су женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали ему: «Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии, а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь?» Он, восклонившись, сказал им: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень.» Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних, и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди».

На ресницах Анны заблестели слезы.

Темная южная ночь быстро опускалась на землю. Словно свечи, в небе зажглись звезды.

— Говори! — попросила Анна.

И Бесики шептал ей на ухо:

— «Господи, владыка всего живого, спасший Езекию от смерти, не осудивший блудницу, погрязшую во грехе, и оправдавший мытаря пред фарисеем, молю тебя, причисли меня к ним и помилуй».

— Помилуй! — повторила Анна.

Плечи ее тряслись от сдерживаемых рыданий.

Бесики обвел взглядом окрестность. Темный силуэт замка вырисовывался на скале. Казалось, угрюмый, суровый воин смотрит на них.

Бесики тихо сказал Анне:

— Пожалуй, нам лучше будет вернуться домой.

Анна ничего не ответила.

Бесики нагнулся к ней и осторожно коснулся ее плеч.

— Анна!

Она по-прежнему молчала.

— Анна!

— Оставь меня! — вдруг вскочила она и почти побежала к замку, придерживая рукой длинное платье, путавшееся у нее в ногах. На Бесики она даже не взглянула.

Бесики поднял с земли свою каракулевою шапку и медленно направился к воротам замка. Овчарка весело бегала вокруг него, ласкаясь и прыгая ему на грудь.

Во дворе его встретил Мгелика, который все это время наблюдал с удобного места за окрестностями, оберегая влюбленных от случайных или намеренных соглядатаев.

— Сегодня же ночью сделаю бандули, — сказал

Мгелика занятому своими мыслями Бесики.— Завтра обязательно пойдет дождь, так что послезавтра самая пора на охоту.

— А разве понадобятся бандули?

— Конечно, понадобятся! Придется лазить на скалы, а без бандули на них не удержишься. Придется и кошки подвязать к ногам. Завтра прикажу кузнецам их выковать.

— Неужели придется ходить по такой круче?

— А как же? Иной раз охотнику вот на какие кручи надо взбираться.— Мгелика показал рукой, вывернув ладонь.— Джейраны разгуливают по таким же скалам, как туры.

Мгелика помолчал с минуту. Бесики собрался уйти.

— Вы уже к себе?

— Да. А что?..

— Просим вас не побрезговать нашим хлебом-солью: пожалуйста к нам на ужин. Начальник крепости тоже просил. Там у нас сварили форель, зарезали кур. Вино у нас такое, что хоть к царскому столу! Придете?

— Отчего же не придти? Приду.

— Я так и знал, что вы не откажетесь. Я и нашим сказал, что вы обязательно будете. Вот увидите, как они обрадуются!

Когда Бесики и Мгелика вошли в башенную комнату, там был только старый воин Тато. Он сидел перед пылающим очагом на низенькой треногой скамейке и надевал на вертел распластанную молодую курицу.

Увидев в дверях Бесики, Тато вскочил ему навстречу и показал на скамью, покрытую буркой,— для почетного гостя, а затем вернулся к своему занятию. Мгелика поднялся по проделанной внутри стены узкой каменной лестнице в верхний этаж, чтобы позвать начальника крепости и других воинов.

Комната была освещена лишь пылающим очагом. Нештукатуренные стены были сложены из речного булыжника. Каждый ряд или венец строители выложили из камней одного размера и одинаковой формы так, что вся стена напоминала своим узором пестрый шерстяной носок.

Вскоре пришли и воины крепостной стражи. Они поздоровались с Бесики и тут же деловито засуетились.

Один принес низенький стол, другой — треногие скамеечки и длинную скамью, третий — лоток со свежеепеченным хлебом-лавашом. Начальник крепости внес большое сито с форелью. Тато достал объемистый бурдюк, который положил к себе на колени, как ребенка. Стол, поставленный перед Бесики, застлали тонкими, как холст, лавашами, на которых разложили рыбу.

Тато перекрестился, прочел молитву и обратился к Бесики:

— Дорогой гость, не скучай за нашим столом, кушай и пей в свое удовольствие!

Все принялись за еду. Некоторое время за столом царила полная тишина. Лишь после того как пирующие несколько подкрепились и осушили первые чаши, завязалась беседа. Пляшущее пламя очага бросало вокруг причудливые отблески. Тени сидящих за столом метались по стенам: то укорачивались, то вытягивались до потолка и глядели сверху, то устраивали замысловатый танец на стене, словно и они были участниками пира и на радостях завели веселый хоровод.

Тато прислонил бурдюк к стене, выгреб из огня кучу раскаленных углей, поставил по сторонам от нее два камня и уложил на этих подставках, над жаром, вертела с курами. Чтобы света не стало меньше, он подбросил хворосту в огонь, который продолжал ярко пылать в глубине очага, и вернулся к столу.

— Знаешь, почему мы любим видеть у себя в гостях таких уважаемых людей, как ты? — сказал Тато. — Потому, что мы узнаем от них о делах государства. Ты — ученый человек, правая рука царя. Скажи нам, дорогой гость, что творится на свете? Мир ли сошел с ума, или близится день страшного суда?

— Почему ты так думаешь?

— А как же думать иначе, дай бог тебе счастья! Чем дальше, тем дела наши хуже и хуже! Должен же быть какой-нибудь конец? Кизилбаш, урум, лезгин — все на нас напали разом, грабят, жгут, разоряют. Ну как устоять против всех? До того дошло, что грузинский крестьянин не может в поле выйти без ружья... Вот госпожа упрекнула нас за то, что мы ее дворец запустили... А разве мы виноваты? Не то что дворец, вся Грузия разорена! Что мы можем сделать? Разве у нас было время следить за княжеским дворцом? Каждую минуту откуда-

нибудь зовут на помощь. Там Гига Патронашвили попал в руки разбойников, здесь увели Гола Кисташвили, угнали крестьянский скот, разграбили деревню... Днем и ночью рыскаем по горам то на лошадях, а то и пешком... Все время гоняемся за разбойниками... Нас всего восемь человек, а часто приходится иметь дело с целой сотней!.. Ах, какого молодца убили у нас прошлой зимой!.. Упокой, господи, его душу! Такой был богатырь, что любо посмотреть!

— Я слышал, что государь призвал русское войско и хочет разместить его в наших крепостях. Правда это? — спросил начальник крепости.

— Не совсем, — ответил Бесики. — Русское войско в самом деле находится в Грузии, но только для войны с турками.

— Один человек из Болниси, который ходил в ахалцихский поход, — вмешался в разговор молодой воин Тагвиа, — рассказывал, что у русских удивительное войско. Так они обучены, что все делают по команде, а когда идут, то все вместе, разом бьют то левой, то правой ногой, так, что земля дрожит!

— Да я и сам это видел! — перебил его Тато, занятый разливанием вина по чашам. — Построятся все в ряд, один к одному, ровно, как по ниточке. Одеты, обуты все одинаково, шапки, ружья и снаряжение тоже одинаковые. Крикнет по-своему что-то ихний узбаш, они разом повернутся направо, крикнет еще — повернутся налево, а то пойдут, да так чудно — все разом переставят левую ногу, потом так же разом — правую, словно один человек...

— Неужели нельзя и у нас завести такое войско? — вздохнул Тагвиа, взглянув на Бесики.

— Отчего же нет? — улыбнулся Бесики.

— Можно, все можно сделать, да только надо учиться, понял? — сказал Тато с упреком, как будто одна лишь лень Тагвиа была причиной того, что Грузия не имела обученного войска. — Русские каждый день учат своих воинов и так, что к концу учения они ног под собой не чувствуют. Не то, что ты — лежебока! Целый день валяешься... А что, разве не так? — пожаловался Тато. — Понадобится мне послать его за хворостом, так если я раза два не огрею палкой, он и с места не сдвинется! Поэтому-то отец и выгнал его из дому. «Ступай, говорит,

послужи лучше в княжеской страже, может, пригодишься государю, а то деревне ты ни на что не нужен!»

— Я ученя не боюсь! Пусть только меня поучат — чему хочешь, научусь! — заспорил Тагвиа.

— Отчего не научишься? Силы у тебя хватит, да и смекалкой бог не обидел, только лень одолевает!

— А я думаю, что дело не только в том, как поворачиваются и ходят воины,— вмешался Мгелика.— В бою разве вспомнишь, какую ногу куда переставить? Главное в том, как они врага бьют! У русской царицы, говорят, такое войско, равного которому по силе нигде нет. Вот оно как! Эх, выпьем еще чашу, и будет две! Давай сюда! Пожелаем долгой жизни секретарю нашего государя! Начальник крепости, аллаверды к тебе!

— Яхшиол!* — ответил тот и взялся за чашу.

Застольцы подняли полные глиняные чаши. Тато снял шапку, возвел кверху глаза и проговорил:

— Да благословит тебя господь!

— Аминь! — воскликнули остальные хором.

Воины осушили чаши, не переводя дыхания, и провели руками по усам. Начальник крепости затянул мощным баритоном:

Эй, Гаджи Чалаб, разбойник, вор...

Все разом подхватили песню.

Ты заплатишь нам за кровь сторицей.

Меч царя Ираклия остер,

От него врагу не схорониться.

— Эх! И я в ту пору был с государем на войне, — сказал расчувствовавшийся Тато, когда воины прервали песню и на минуту настала тишина.— Тебя, Бесики, тогда, должно быть, не было еще на свете. Мы настигли этого негодяя около Казаха, на самой границе Шамшадила. Наш князь Димитрий только что обвенчался тогда с госпожой Анной, сестрой царя. Он был еще в полной своей силе, хотя, кажется, тогда ему было уже под шестьдесят. Он пошел с государем в поход и нас взял с собой. Я был совсем еще молод. Все, что народ вытерпел от Гаджи Чалаба, мы с лихвой выместили на его сыне ага Киши. Правда, сам он убежал от нас и спрятался в

* Будь здоров!

Шаки, но войско его мы полностью истребили. Как-то ищу я в тростниках татарина и вдруг,— Тато усмехнулся и покачал головой,— натыкаюсь на молодую татарку! Она и не пикнула, так сразу и легла, бесстыдно раскинулась передо мной... Я как гаркну на нее: «Гэт арват— прочь отсюда!»

— Отпустил? — воскликнул Тагвиа с сожалением.

Тато грозно взглянул на него из-под нахмуренных бровей.

— Отпустил, конечно! Что же мне, обниматься с татаркой? Разве я Тагвиа? Воин — защитник слабых, а не насильник, не знаешь, что ли?

— Да ну тебя! — ухмыльнулся Тагвиа.— Жаль, что меня на такую войну никто не берет,— не везет мне, право! Чтобы мне попалась в руки татарка и чтобы я ее отпустил? Нет, шалишь! А они-то, разве они щадят наших? Тоже, сказал!

— Борода и усы у воина для чести, а медведю что пользы от всей его шерсти? Не будь так, разве мы назывались бы христианами? Что, неправду я говорю? — обернулся Тато к Бесики.

— Ну, завертелась мельница! — прикрикнул на Тато начальник крепости.— Наполняй лучше чаши!

— Правильно, выпьем по одной, чтобы стало две! — обрадовался Мгелика, не любивший лишних разговоров.

— Сколько ни пьем, у тебя все выходит две. Как это ты считаешь? — улыбнулся Тато и стал наливать вино.— Пригляди-ка за вертелами, что-то запахло жареным...

Мгелика подбежал к очагу и стал возиться с вертелами. Куры действительно успели подрумяниться с одного бока и издавали аппетитный запах.

Тато наполнил чаши, роздал их товарищам и скороговоркой, словно читая молитву, сказал:

— Великий боже, пошли нашему царю Ираклию победу. Пусть и в беде, и в счастье, и во время войны, и во время мира твое всевидящее око охраняет его!

— Аминь! — закончили остальные и осушили чаши. Лишь теперь, после третьей чаши, Бесики почувствовал, что по всему его телу разливается блаженное тепло. Он обвел взглядом стены комнаты, словно искал чего-то. Догадливый Мгелика откуда-то извлек маленький саз и протянул его Бесики.

— Как ты угадал?

— Куда бы я годился, если бы не умел угадывать ваши желания?

Бесики взял саз у него из рук и стал подтягивать струны. Воины молчали. Настроив саз, Бесики вопросительно взглянул на них.

— Хотите, чтобы я спел?

— Конечно! Видишь, ребята смотрят на тебя во все глаза! Дай и нам услышать песни, которыми ты наслаждаешь царя!

Бесики ударил костяной пластинкой по струнам и некоторое время только играл, словно не решаясь запеть. Закончив вступление звонким аккордом, он запел своим мягким, приятным голосом. Слушатели переглянулись и замерли.

Шея как мрамор, лицо светозарней луны — где они?
Зерна жемчужин, что в створках коралла видны, — где они?
Родинки, темные звезды на тверди хрустальной,
Две тетивы, что, как ворона крылья, черны, — где они?

Пока певец, окончив куплет, звенел струнами саза, слушатели шепотом делились друг с другом своим восторгом:

— Эх, как поет!

— Ну-ка, догадайся, что значит «тетива черней воронова крыла»? — спросил Тагвиа Тато.

— Не знаю, откуда мне знать?

— То-то, что не знаешь!

— Тише, вы! — остановил их начальник крепости, так как Бесики поднял голову и начал новую строфу.

Очи — озера, что глубиью бездонной манят, — где они?
Стрелы ресниц и огнем обжигающий взгляд — где они?
Или с тобою не связан я жгучею тайной?
Страсти дурман и желания сладостный чад — где они?

Собравшиеся готовы были слушать Бесики без конца, но он оборвал песню и отложил саз:

— Хватит, а то вино скиснет, — сказал поэт, смеясь.

— Ну что ты! — воскликнул восторженно Тато. — Я такого пения никогда в жизни не слышал. Доводилось мне в молодости слышать Саят-Нову, но у тебя голос лучше!

— Саят-Нова был соловей, а я по сравнению с ним и в вороны не гожусь.

— Это я не из лести сказал, клянусь жизнью государя! Говорю от чистого сердца.

— Правда, истинная правда,— подхватил начальник крепости.— Я думал до сих пор, что умею петь и что голосом бог меня не обидел... Но теперь я, пожалуй, никогда больше не решусь запеть.

— Да ну вас! — рассмеялся Бесики, берясь за чашу, наполненную вином,— это все от вина... Вы скоро скажете, наверное, что я пою лучше соловья...

Через день небо заволокло тучами. Дождя не было, но с гор подул влажный ветерок, и Мгелика тотчас суетливо принялся за приготовления к охоте. Он сплел бандули, вычистил ружье и пистолеты и сказал Бесики, что еще до обеда нужно двинуться в путь, чтобы засветло дойти до пещеры, где им предстоит переночевать.

— Но ведь дождя нет? — сказал Бесики, всматриваясь в небо.— Ты же говорил, что охотиться надо после дождя!

— В горах дождь,— ответил Мгелика.— А если и нет дождя, то в горах так сыро, что земля обязательно будет мокрая. Самая лучшая погода для охоты.

— Ну, так двинемся.

— Как прикажете. Я сейчас приведу лошадей. Хорошо бы взять еще одного мула да нагрузить его хворостом, а то ночью понадобится разжечь костер, а там, кроме щепня да травы, ничего не найдешь.

— Разве в этих горах нет кустарника?

— Один колючий шиповник! Если даже обрубить ветви кинжалом, то ведь все равно рукой не притронешься! Я, собственно, за вас беспокоюсь. Мне-то огонь не нужен, а вот вы можете озябнуть с непривычки.

— Ничего, выдержу. Мы поедем вдвоем?

— А зачем нам еще люди? Только мешать будут!

— Ладно, приготовься.

В полдень, подавая, как обычно, Бесики в комнату завтрак, Гульвардис сказала ему, что сейчас придет Анна. Бесики удивился: до сих пор в Дманиси он всегда обедал и ужинал один. Анна ни разу не пригласила его к себе и сама не приходила к нему в комнату в часы обеда или ужина.

Гульвардис постелила скатерть на тахте и поставила несколько серебряных блюд с крышками. Бесики

снял крышку с одного из них и почувствовал приятный запах заправленного пряностями плова. Гульвардис внесла кувшин и таз и дала Бесики умыть руки. Скоро пришла и Анна. Она молча сбросила туфли и, поджав ноги, уселась на тахте перед скатертью. Широкое платье, развернувшись, окружило ее пышной шелковой волной. Бесики занял место против Анны. Гульвардис поставила перед ними фарфоровые тарелки и собралась прислуживать, но Анна сказала ей:

— Можешь идти. Ты все принесла?..

— Все, ваша светлость.

— Где вино?

— В этом кувшине.

— Ступай. И чтобы никто, кроме тебя, когда я позову, не входил.

Гульвардис еще раз окинула кушанья заботливым взглядом и, убедившись, что ничего не забыто, молча удалилась. Анна сняла крышку с одного из блюд и положила кушанье на тарелку Бесики. Он с любопытством следил за Анной, которая хозяйничала, опустив голову и даже не взглянув на него.

Завтракали молча. Так же молча Бесики пил янтарное вино, которое Анна все время подливала ему в стакан. Сама она едва притрагивалась губами к своему бокалу и, только окончив завтрак, взяла большую чашу, наполнила ее вином и выпила до дна, не переводя дыхания. Потом, отдышавшись, впервые взглянула на Бесики.

Глаза ее заволкло туманом. Она оперлась на руку, словно собираясь встать, но, обессиленная, откинулась назад и обвела комнату усталым взглядом. Бесики подвинулся поближе и обнял Анну за плечи. Дрожь прошла по ее телу. Упрямым жестом отбросила она руку Бесики.

— Двадцать лет провела я в этой башне,—сказала она.— Двадцать лет! Вот в этом углу стояла моя тахта. Здесь были сундуки. Тебе сколько лет? Двадцать, не правда ли?

Она показала рукой на кувшин.

— Налей!

Бесики наполнил ее бокал, но Анна уже забыла о том, что сказала. Она подошла к окну.

— Сколько раз стояла я у этого окна, мечтала и

ждала, когда же появится мой витязь, мой герой! Двадцать лет прождала я здесь, и провидение вознаградило меня за терпение, обратило мечту в действительность, послало мне прекрасного юношу! Вот он, мой герой, мой витязь! Он здесь, в моей комнате, сидит и с печальной улыбкой смотрит на меня. Вот он встал, опустился на колени передо мной... Нет, постой, не трогай меня! Я хочу вообразить, что ты не Бесики, а моя мечта... Так будет лучше...

— Почему? — удивленно спросил поэт.

— Потому, что судьба хочет посмеяться надо мной, а я этого не хочу! Она послала мне юношу!.. Как может любить двадцатилетний юноша женщину, которая вдвое старше его? Разве я не знаю, что ты думаешь обо мне то же самое, что Автандил думал о Фатьме?

Бесики опустился перед Анной на колени. Ему хотелось успокоить, утешить ее, но он не мог, не находил слов. В глубине души он чувствовал, что Анна права. Он был послушным слугой, а не возлюбленным Анны. Правда, ее чарующая прелесть, ее прекрасное, такое молодое лицо, ее стройный стан, ее длинные черные косы, а больше всего — ее пленительная улыбка пьянили Бесики, заставляли его сердце блаженно замирать, но это не была светлая любовь, воспетая Руставели.

Анна нежно провела рукой по волосам Бесики.

— Мой рыцарь! — сказала она. — Скажи мне правду, — любишь меня?

Бесики с благоговейной нежностью обнял ее стан. Слова его звучали, как молитва:

О, что за сила в тебе, светило, чей путь неведом!
Косы — как змеи. Тронуть не смея, скитаюсь следом,
Звездные очи, лучи средь ночи, дурманят бредом.
Уста — кораллы, нежны и алы — причина бедам.
Помни, о фея, меня, жалея, — молю об этом.

— Как это прекрасно сказано! — прошептала Анна. — Но почему же «помни»? Разве ты покидаешь меня?

— Ненадолго, — рассмеялся Бесики. — Я еду на охоту.

— Когда вернешься?

— Завтра вечером.

— Ну что ж, поезжай, — ласково улыбнулась ему Анна.

С минуту она глядела на Бесики. Потом вдруг наклонилась, прильнула к его губам, так же сразу оторвалась и быстро вышла из комнаты. Бесики так и остался стоять на коленях...

Когда Бесики, переодеваясь перед охотой, натягивал на ноги горную обувь — бандули, Гульвардис принесла ему ружье в войлочном футляре.

— Вот госпожа прислала вам ружье, — сказала она. — Возьмите его на охоту.

Бесики попросил поблагодарить Анну и раскрыл футляр.

— Какое прекрасное ружье! — воскликнул он в восхищении.

Приклад ружья украшали инкрустации из слоновой кости и перламутра, а стальной ствол — впаянные в сталь золотые кресты. Ружье было в полном порядке — только чуть заржавел курок и стерся кремь. Бесики приказал Мгелике переменить кремь, почистить ружье и зарядить его, а сам стал одеваться.

Увидев ружье, Мгелика с детской радостью схватил его, прижал к груди и воскликнул:

— Наконец-то довелось мне его в руках подержать! Сейчас начищу его до блеска! Оно у меня заговорит, как Илья-пророк, только позвольте хоть раз из него выстрелить на охоте!

— Хорошо, только ступай, не задерживайся!

Мгелика спустился во двор и, пока Бесики одевался, привел ружье в полный порядок, натер курок до блеска, прочистил дуло шомполом и забил заряд.

Он велел Тагвиа, которого решил взять с собой для присмотра за лошадьми, навьючить мула хворостом и ехать вперед.

Тагвиа лениво принялся за работу. Пока он седлал мула и навьючивал его хворостом, Мгелика и Бесики сели на лошадей и пустились в путь. Уже издали, обернувшись назад, Мгелика увидел, как Тагвиа, стараясь их нагнать, забавно трясется на муле, нагруженном вязанками хвороста.

Бесики и Мгелика переехали через небольшую речку и очутились в безлюдном, диком ущелье. Без отдыха гнали путники лошадей и все же только к полуночи до-

стигли того места, где, по словам Мгелики, находились пещеры. Тут они спешили. Бесики заметил впереди похожую на крепость скалу с зубчатым гребнем. Им пришлось еще долго идти к ней пешком. Наконец они добрались до скалы. Мгелика высек огонь, подпалил трут, поднес к нему обваленную в порохе паклю и от этого факела зажег дорожный фонарь.

Пещера была довольно обширна. Она состояла из нескольких зал, словно высеченных в скале человеческой рукой. Пол был необычайно гладкий, в него как бы упирались огромные каменные колонны, подпиравшие своды.

— Господи, куда это мы попали? — испуганно воскликнул Тагвиа.

— Что, струсил? — спросил Мгелика и сунул ему в руки фонарь. — Держи, пока я введу лошадей, потом разожжем костер.

— Но ведь это — логовище дэвов!

— Ну да.

— Зачем же мы сюда пришли? — вскрикнул Тагвиа.

— Не ори! Мне приходилось одному здесь ночевать, и все же я не трусил! Баба ты, что ли? — прикрикнул на него Мгелика и, введя в пещеру лошадей, начал их развьючивать. — Иди сюда, подсоби мне! Попроси господина подержать фонарь. Ну-ка, живей, не то... я знаю, как унять дрожь в твоих коленях!

Страх Тагвиа забавлял Бесики. Он взял фонарь и стал светить Мгелике.

Скоро все трое принялись за ужин, полуразвалясь на разостланных около костра бурках. Мгелика шутя поддразнивал Тагвиа, который все еще не поборол страха.

Усталый Бесики молча слушал их препирательства и незаметно для себя уснул. Проснулся он на рассвете, когда Мгелика осторожно потряс его за плечи и сказал, что пора идти.

На месте костра темнела куча золы. Было туманно и холодно. Тагвиа молча следил за сборами охотников. Он всю ночь не смыкал глаз и не выпускал ружья со взведенным курком. Сейчас ему предстояло остаться здесь одному и до возвращения охотников пасти лошадей. Он поторопился вывести их на траву и убрался из пещеры раньше, чем Бесики и Мгелика покинули ее.

На землю лег густой утренний туман: в десяти шагах ничего не было видно. Мгелика пошел вперед, а Бесики следовал за ним по пятам. Скоро они поднялись на узкий, полуосыпавшийся скалистый гребень. Бесики скоро устал прыгать с утеса на утес и пробираться по скользким кручам. В ответ на его просьбу подождать Мгелика сделал отрицательный знак рукой и продолжал быстро идти.

Наконец, упершись в отвесную скалу, они остановились, чтобы передохнуть и подождать, пока рассеется туман.

Ждать пришлось недолго — туман исчез с первыми лучами солнца. Внизу виднелись пустынные горные хребты.

— Смотри! — шепнул Мгелика, указывая куда-то рукой.

Бесики долго всматривался вдаль, прежде чем различил джейрана, застывшего, подобно изваянию, на скале.

Мгелика указал Бесики удобное место и посоветовал ему лечь в засаду, сам же решил подкрасться к животному и, если самому не удастся убить, погнать его к Бесики.

— Он охраняет стадо, — сказал Мгелика. — Ветер дует в нашу сторону, они все придут сюда. Не торопитесь, подпустите их поближе. — С этими словами Мгелика стал спускаться по склону. Так легка была его поступь, что казалось, он не идет, а плывет по воздуху.

Бесики устроился за большим камнем, навел ружье и стал следить за джейраном. Ему показалось, что животное испугалось и ушло, но, взглядевшись, он снова увидел взметнувшиеся среди камней рога.

Бесики вздрогнул, сердце его учащенно забилося...

Вдруг в напряженной тишине раздался выстрел. Через минуту Бесики увидел несколько джейранов, буквально перелетавших длинными прыжками со скалы на скалу. Джейраны неслись к нему с такой быстротой, что он едва успел прицелиться и выстрелил наугад. Ему показалось, что один из джейранов подпрыгнул и свалился вниз. Он вскочил и побежал к месту падения животного, но, отойдя от своей засады, потерял направление и не знал, куда идти. Бросаясь то в одну, то в другую сторону, он обегал все ближние скалы...

— Идите сюда, ко мне! — слышался голос Мгелики.

Он оглянулся и увидел на крутой осыпи Мгелику, склонившегося над убитым животным. Не жалея ног, задыхавшись, Бесики взбежал на скалу.

Убитый джейран лежал, беспомощно раскинувшись на камнях. Шея его была неестественно откинута назад, глаза широко открыты. Короткая гладкая шерсть лоснилась и блестела. Животное было так красиво, что Бесики охватило чувство жалости и раскаяния.

А Мгелика восторженно поздравлял его с удачным выстрелом.

— Я же сказал, что у вас легкая рука! Я хоть и близко подкрался, а промахнулся, а вы вон откуда попали! И то сказать — ружье у вас на славу!

Анна получила письмо от брата. Ираклий писал сестре, что с этим письмом присылает ей двенадцать беглых крестьянских семейств, которые удалось обнаружить. Он просил не задерживать долго есаула и конвоиров и как можно скорее вернуть их обратно.

Анна была сердечно тронута этой заботой брата и заторопилась: управляющего опять не было на месте, Бесики был на охоте, и невольно за дело приходилось браться самой.

— А где они? — спросила Анна есаула, доставившего письмо и беглых крестьян.

— Там, внизу, на берегу речки, — ответил есаул. — Куда прикажете их отвести? Нам надо до вечера разместить их, чтобы завтра утром можно было выехать обратно.

— А что они говорят?

— Ох, и не спрашивайте, — мотая головой, проговорил есаул, — все время режут, как будто их гнали на продажу туркам. Не хотят селиться в этих краях.

— Я пойду поговорить с ними, — сказала Анна.

— Не стоит, ваша светлость. Говорить с ними — все равно, что волкам евангелие читать. Они могут так разжалобить вас, что и впрямь выпросят вольную.

— Нет, я не собираюсь давать им вольную. Я хочу объяснить им, что они зря страшатся этих мест.

Накинув белую вуаль для защиты от мошкеры и раскрыв зонтик, Анна в сопровождении есаула и нес-

кольных воинов из личной охраны отправились к берегу реки, где расположились кто как мог беглые крестьяне. День был жаркий, сильно пекло солнце, и Анна, прикрываясь зонтиком от его палящих лучей, шла впереди охраны по нагретой траве. С косогора она увидела на берегу речки беглых крестьян и невольно замедлила шаг, присматриваясь к ним. Среди разбросанного домашнего скарба, узелков и тюков копошились одетые в пестрые лохмотья женщины и дети. Большинство мужчин спало на земле прямо под палящими лучами солнца. Неподалеку, выбрав небольшую запруду у переката, плескались в воде мальчишки, оглашая окрестности веселым визгом. На берегу паслись несколько расседланных лошадей, которые, защищаясь от назойливых оводов, неистово стегали себя хвостами.

Когда Анна и ее спутники приблизились к поляне, женщины начали расталкивать и будить мужчин, потом, поправив выцветшие платки и одернув пестрые от заплат платья, продвинулись робко вперед и остановились. Лица у всех были обожжены солнцем и испещрены множеством морщин. Черные, корявые, как корни дерева, руки — покрыты мозолями, кожа на них растрескалась, босые ноги были исцарапаны до крови. Мужчины выглядели еще хуже. Только один из них, одетый в поношенное, но целое платье и обутый в хорошие каламаны, выделялся своим более или менее опрятным видом. На нем был даже пояс с серебряным набором.

Анна подошла ближе к толпе. Крестьяне упали на колени, коснулись лбами земли и хором заголосили. Каждый из них старался первым высказать свое горе и перекричать других. Поднялся такой гвалт, что в шуме ничего нельзя было разобрать. Обливаясь слезами и царапая себе лица, женщины тянулись к Анне, чтобы поцеловать ее ноги и подол платья. Мужчины били себя кулаками в грудь и молили о пощаде.

Эти крики и причитания раздавались бы еще очень долго, если бы грозный окрик царского есаула не заставил всех замолчать. Он оттеснил толпу от Анны и стал укорять крестьян:

— Ну и дурачьё! Как же ее светлость поймет, что вам нужно, ежели вы все разом забрехали, словно деревенские собаки?

Все смолкли, только женщины продолжали всхли-
пывать, утирая слезы.

— Что случилось, почему вы плачете? — обратилась к ним Анна. Ее лицо выражало не только удивление, но и обиду. Она оглянулась, желая подыскать удобное место, где бы можно было сесть, но, ничего не найдя, продолжала стоять, прикрываясь зонтиком. — Неужели я такая страшная, что служить мне — для вас большое горе?

В ответ опять все заговорили сразу, и есаулу снова пришлось наводить порядок.

— Пусть один говорит за всех, а остальные пусть молчат!

— Хорошо, пусть Гиго говорит, он лучше всех скажет, — заговорили крестьяне, указывая на обладателя серебряного пояса Гиго Менабдишвили. — Он человек ученый, даже писать умеет. Говори, Гиго, скажи все. Говори, чего ждешь? Да замолчите же, дайте ему сказать...

— Почему молчать? А может быть, я скажу лучше, чем Гиго? — выкрикнул кто-то из толпы.

Шум возобновился. Теперь даже окрики есаула не помогали. Тогда сама Анна решила вмешаться в дело и подозвала Гиго.

Люди постепенно угомонились, стараясь расслышать, о чем говорили княгиня и Гиго, который снял шапку, стал перед ней на колени и начал рассказывать о причинах бегства крестьян из этих краев.

— Ты спрашиваешь, госпожа, почему мы бежали отсюда? А что нам было делать? Мы хорошо знаем, что принадлежим господам «вместе с гнездом и матерью» и должны служить им, пахать, сеять, пасти скот, выращивать быков, баранов, кур, чтобы вашу светлость в благоденствии содержать и трудом праведным самим кормиться. Так уж установлено самим богом, и разве мы отказываемся от этого?..

— Врет он, ваша светлость, — сказал есаул, — он в горожане записался, уклониться от барщины захотел.

— Пусть сразит меня гром, если я вру! — ударяя себя в грудь кулаком, воскликнул Гиго. — Но как жить нам здесь, в разоренном краю? Земли тут неполивные, луга выгорают от жары, леса истреблены. Если уродится хлеб, — у вашего управляющего своя мерка, на два

пальца шире нашей,— отмерит себе зерна, а мы ни с чем и остаемся. Купить ничего не можем, денег у нас нет и не бывает. Я вот стал горожанином, мастером, котлы умею ковать... вздохнул немного, думал счастье найти... Я же из плена бежал, а царский указ даровал волю всем бежавшим из плена. Значит, и я вольный человек. Зачем же царские слуги схватили меня и пригнали сюда. Зачем, спрашиваю? Будь справедливой, дай мне вольную, говорю ведь, что из турецкого плена бежал. Они у меня,— Гиго указал на есаула,— требуют грамоту. «Почему, говорят, у тебя нет грамоты, что ты вольный? Откуда мы знаем, что ты в плену был?» Я ведь не вру, вы сами, чай, помните, как в Иванов день схватили нас абраги и продали в рабство. Спросите кого угодно...

— Неправду он говорит, ваша светлость,— сказал есаул. — Он, оказывается, хвастался в Телави перед мастеровыми, что обманул господ. Когда его деревню разорили лезгины, его не было там, он гостил где-то, и никто его в плен не брал. Вернулся, видит— село разорено, ну и махнул в Телави.

— Кто это выдумал? Клянусь...

— А ты что скажешь? — обратилась Анна к седобородому старику, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но, не осмеливаясь вмешаться в разговор, только вздыхал и укоризненно качал головой.

— Что мне сказать, госпожа? — сняв шапку, начал старик. — Служил я вам всю жизнь верой и правдой, спины не разгибал, но сбежал. Каюсь, сбежал. Селить нас обратно на этих местах — все равно, что сажать дерево в пустыне. Нет у нас ничего...

— Земли у меня вдоволь,— сказала Анна.

— Земли много, я знаю, но землю пахать надо. Вы же не сбавите нам оброка! Здешняя земля плохая, и запахивать нужно втрое больше, чем в Кахети. А чем пахать, где волы? Имели бы мы хоть по паре волов на двор! Сами знаете, чтобы целину распахать, не меньше двенадцати пар нужно. А у нас не то что волов да буйволов — даже баранов и кур нет в помине. Лес далеко. Чтобы съездить за деревом для сохи или для ярма, нужно два дня потратить. Но это еще ничего. Беда в том, что у нас нет и зерна для посева.

— Зерно мы дадим,— сказала Анна. — У меня его

много, только вы не ленитесь. Сейчас займетесь сенокосом, видите, какая тут трава растет, какие луга хорошие! Будете пасти мой скот и за это получите десятую от приплода. Через год у вас своя скотина будет. Чего вам еще?

— Это хорошее дело,—сказал в нерешительности старик. Он оглянулся, ища поддержки, но увидел лишь рассвирепевших женщин и осекся.

Женщины почувствовали, что разговор стал принимать нежелательный для них оборот. Они надеялись выпросить у Анны разрешение поселиться в Кахети, а не здесь, где жизнь им осточертела, и когда увидели, что никакие доводы не убеждают Анну, снова завопили. Пожилая крестьянка выскочила вперед и оттащила старика с руганью и проклятиями.

— Ты что, согласен здесь селиться? Не быть этому! — гневно крикнула она и затем обратилась к Анне: — Не гневайся на меня, госпожа! Двенадцать детей вырастила здесь я, но ни одного у меня не осталось. Все они либо убиты на войне, либо похищены и проданы в рабство. Теперь у меня единственный мальчик, я хочу его вырастить, чтобы он закрыл мне глаза, когда я умру. Там, в Кахети, мы не треть урожая, а половину отдавали князю, но я готова отдавать две трети, лишь бы не видеть больше того горя, что мне пришлось испытать здесь двенадцать раз. Ты мать, ты должна понять меня. Смилуйся над нами, выпроси у царя землю в Телави или около Тбилиси и посели нас там. Будем верой и правдой служить тебе, будем молиться за тебя...

— Подожди, мать,—сказала Анна,—слушай меня. Ты думаешь, что враг туда не придет? Здесь будешь жить или около Тбилиси,—все равно, враг везде рыщет. Я хочу поселить вас не в одиночку, а всех вместе в большом селе, под защитой крепости. Я соединю десять деревень в одну, потому что грабители боятся нападать на большие селения. Вас будет тысяча человек. Понятно это тебе?

— Понятно, как не понять, дай бог вам долгой жизни! Но отпусти нас обратно. Окажи такую милость, посели нас в Кахети.

— Сил никаких нет с вами разговаривать! — возмутилась Анна. — Вы упрямы, как ишаки. По закону я должна вас всех жестоко наказать и бросить в подзе-

мелье за побег, а я вам предлагаю вместо тюрьмы хорошую жизнь.

— А что ж, бросьте нас в тюрьму! Там лучше, хоть отдохнем немного,— заплакала одна из женщин,— а если помрем,— еще лучше, может, на том свете обречем покой...

Босой, загорелый мальчик с черными, как уголь, глазами подбежал к женщине, прильнул к ней и зло уставился на Анну.

— Темная ты женщина и упрямая! — грозно прикрикнул на крестьянку есаул. — Да как ты смеешь так непочтительно говорить! Ты что, с соседкой разговариваешь или с сестрой царя?

Мальчик вдруг оставил мать, подбежал к есаулу и, подпрыгнув, ударил его кулачком по щеке. Это всех рассмешило. Женщина бросилась за сыном, чтобы наказать его за дерзкий поступок, но ребенок пустился наутек, оглянувшись на есаула и пригрозив ему кулаком. Есаул тоже рассмеялся, смущенно потирая щеку.

— Пустое все это,— обратился он к крестьянам,— у вас всегда такой обычай: раз вас не наказали да не бросили в сырые ямы, вы тотчас же начинаете попросить прощания. Вместо того чтобы сказать спасибо ее светлости за милостивое обхождение, вы просите того, что вам не положено ни по царскому, ни по божескому закону. Коли так, бросим вас в подземелье, потом сами будете просить, чтобы вас поселили хоть на краю света...

— Да разве мы против того, чтобы служить госпоже? — слышались нерешительные голоса. — Мы требуем обхождения по закону.

— Эх, что и говорить,— крикнула из задних рядов какая-то женщина,— законы тоже ими писаны! Ведите нас, куда хотите, везде одинаково — как в аду!

Анна распорядилась, чтобы крестьян поселили в Дманиси, обещав им скоро навестить их и посмотреть, как они устроились на новом месте.

Крестьяне, понурив головы, принялись собирать свой скарб, а Анна вернулась в замок. Ей не удалось сломить упрямство крестьян — пришлось чуть ли не силой расселять их в своих поместьях. Она досадовала на себя: как это она не достигла того, чего добивалась. Анна была уверена, что крестьяне, после разговора с ней,

раскаются и с благодарностью примут ее предложение. Она не могла успокоиться до тех пор, пока не вернулся Бесики...

Незаметно летело время. Лето входило в свои права, наступили знойные дни. Днем уже трудно было выходить из дому. Бесики изредка ходил на охоту, но больше сидел в своей комнате, где царила благодатная прохлада. Он проводил время, валяясь на тахте и читая книги, или писал стихи.

Анна часто приходила к нему, но в такое время, когда ее не могли заметить. Большею частью это бывало после полудня, когда слуги и прочая челядь укрывались от зноя в своих помещениях. В эти часы посторонний человек мог бы подумать, что замок погружен в глубокий сон.

Анна проходила по тайному ходу, соединявшему дом с башней, и никем не замеченная появлялась неожиданно в комнате Бесики.

Эти посещения были для поэта источником постоянной тревоги. Он предчувствовал, что тайна его отношений с Анной будет когда-нибудь раскрыта и гнев Ираклия падет на его голову. Ничто не спасло бы тогда любовника сестры царя от смерти.

Ему все еще казалось, что кроме Гульвардис, никто не знает о его любви: поэтому он был очень сдержан и осторожен.

Но чем осторожнее был Бесики, тем беспечнее вела себя Анна. Она всем своим поведением выдавала себя: наряжалась, белилась, сурьмила ресницы и брови, заплетала волосы в тонкие косички или в толстую косу, которой обвивала шею, а то вдруг обрамляла свое белое лицо длинными локонами. Платья она меняла так часто, что прислужницы с утра до ночи возились с ее нарядами.

Когда Бесики возвращался с охоты, она выходила навстречу ему из замка, а потом звала из деревни парней и девушек, плясунов и плясуний, устраивала хороры и вообще всячески старалась развлечь своего возлюбленного.

Она совсем забросила больного мужа. За Димитрием ухаживали Гульвардис и две дворовые девушки. У

расслабленного старика тряслось все тело, он целыми днями брюзжал и бранился.

Гульвардис так надоело ухаживать за больным, что она не раз молила бога избавить от мучений и князя и окружающих и «принять, наконец, его грешную душу».

В середине лета к Анне приехал управляющий. Он извинился за опоздание, сославшись на колотье в боку. Хотя Анне и было в чем упрекнуть Росаба, она ничего не сказала и постаралась избавиться от него как можно скорее: коротко расспросила его о делах, дала ему кое-какие поручения и отослала прочь. Перед отъездом управляющий сказал Анне, что в Тандзию прибыл гонец от государя и привез приказ: всем царедворцам, где бы они ни находились, явиться ко двору.

Вечером, когда Бесики вернулся с охоты, Анна, после некоторого колебания, сказала ему, что государь требует к себе всех, кто служит при дворе.

Бесики вздохнул с облегчением. Безрассудное поведение Анны и ее пылкие ласки постепенно охладили его чувство. Узнав о приказе государя, он тотчас же стал собираться.

Анна уговаривала его остаться, убеждала, что у государя много слуг, что его отсутствия никто не заметит, что и без него Иракий справится (с делами, но Бесики твердо стоял на своем: приказ есть приказ, нужно ехать).

— Разве я сам не стремлюсь быть с тобой? Но я не имею на это права. Все явятся к царю, одного меня не будет. Пусть обо мне сразу не вспомнят. Но ведь позднее, когда я приеду, государь спросит, где я был, и я не смогу солгать...

— Ну так что же?..

— Если кто-нибудь из вражды ко мне хотя бы намекнет о нашей любви, царь поймет, почему я не подчинился приказу. А ты же знаешь, как он грозен и неутомим!

— Останься хоть на две недели,— молила Анна.— Не такой уж длинный срок, чтобы там хватились тебя!

— Нет! Ведь это царское повеление!

— Как, и на две недели не хочешь задержаться? — обиделась Анна.

Она молча вышла из комнаты и весь вечер не под-

ходила к Бесики. Горькие мысли теснились у нее в голове; ревность снова начала терзать ее.

«Не любит он меня! — думала Анна. — Нет, не любит! Он молод, сердце его стремится к другой. Но пока я жива, не уступлю его никому! Поеду с ним, заодно навещу брата, взгляну на внучку! Да, да, это я хорошо придумала!»

Анну так обрадовала эта неожиданная мысль, что она и не задумалась о препятствиях. Конечно, было неудобно оставлять больного мужа, конечно, предстоял тяжелый и далекий путь. Но не все ли равно? Зато она будет с ним, с любимым.

Вся во власти своей новой мысли, Анна легко примирилась с отъездом Бесики. Утром она спокойно простилась с ним, даже не проводила его и тотчас же принялась за сборы. Она собиралась выехать дня через два, после того как начальник крепости соберет в деревнях триста человек для ее охраны.

Такая вооруженная охрана была совершенно необходима. Путешествие без нее было сопряжено с большим риском: по дорогам рыскали шайки абрагов, и легко было попасть к ним в руки.

Бесики тоже следовало бы взять с собой стражу. Анна предлагала послать с ним хоть несколько человек, но он отказался, решив, что ехать одному безопаснее: во-первых, одного труднее заметить, во-вторых, даже заметив одинокого путника, абраги заподозрят ловушку и не тронут его. Они не раз попадались на удочку: пустив вперед одного всадника, отряд, высланный против разбойников, скрывался вблизи. Не успевали абраги окружить свою предполагаемую жертву, как грузинские воины вихрем налетали на них и уничтожали всю шайку. Наученные горьким опытом, разбойники теперь уже редко преследовали одиноких путников.

В надежде на это Бесики утром беспечно пустился в путь. Отъехав от замка Орбелиани, он с облегчением расправил плечи, словно сбросив с них тяжелую ношу, и радостно окинул взглядом ущелье Машавери. Солнечные лучи еще не победили утренней прохлады. Роса еще не высохла, алмазными слезами сверкала она на полевых цветах. Ярко-алым пламенем горели в поле маки. Порой среди трав слышался птичий гомон. Где-то вдали перепел звал свою подругу...

Бесики ехал шагом. Он вез с собой объемистые хурджины, да и не стоило с самого начала ехать быстро и утомлять лошадь — путь был далекий. Спешить было нечего, два дня опоздания не имели значения. В его воображении вставал царский дворец в Телави, полный озабоченных, занятых государственными делами придворных, он представлял себе будущие встречи с Леваном и Давидом, вечерние пирушки, споры с друзьями. Увлеченный своими мечтами, он скоро забыл и Анну и ее любовь.

Когда в Тбилиси появилась чума, Ираклий с двором переехал в селение Ираклисцихе, расположенное в семи верстах от города. Он надеялся, что мор не будет продолжаться долго и он вскоре получит возможность вернуться в столицу. Однако его надежды не оправдались: с каждым днем вести, приходившие из города, были все тревожнее. Чума захватывала все новые и новые районы. Через несколько дней она появилась и в Ираклисцихе. Пришлось покинуть это село и направиться в Телави. В селе Артозани, около самого Телави, царю сообщили, что чума докатилась и до этого города.

Ираклий приказал остановиться в Артозани, поставил на всех дорогах стражу, чтобы никто не проник в деревню, и кое-как разместил в ней свой двор. Он был в отчаянии. Помимо собственной большой семьи и огромной свиты, его сопровождали царедворцы с семьями и слугами, пришлось брать с собой множество верблюдов и лошадей, навьюченных поклажей и провиантом, а разместить все это сборище людей и животных было негде.

Не улучшались и государственные дела. Ираклий написал Тотлебену новое письмо, прося предать забвению все прошлые недоразумения, и предлагал возобновить совместные военные действия против турок. Моуратов всячески успокаивал Ираклия, уверял его, что благоприятный ответ от Тотлебена не замедлит прийти, но генерал отвечал в таком грубом тоне, что русский посол не решался переводить царю его письма.

Больше всего Ираклий боялся, что Тотлебен уйдет назад в Россию вместе со своими войсками. Стоило притихнувшим на время врагам прослышать об уходе русских, как они немедленно налетели бы на Грузию со всех сторон, словно стая волков.

Плохие вести пришли и из Эриванского ханства: хан изменил Ираклию и заключил союз с турками. Заручившись поддержкой хана, арзрумский сераскир Муштафа собрал большое войско для похода в Грузию,— так сообщали осведомители. Более того, эриванский хан послал гонцов к персидскому шаху и кубинскому хану, призывая их подняться против Ираклия.

Усиленно готовились к войне и лезгины. Царь получил письмо от аварского князя Мухаммед-Нюсел-хана, который сообщал, что Мамед-хан кумухский настойчиво предлагает ему заключить союз против Грузии. И хотя Мухаммед-Нюсел-хан уверял Ираклия в своей неизменной дружбе, стоило бы ему заметить, что дела грузинского царя пошатнулись, как и дружба и верность были бы забыты. Ожидали, что изменит и ганджинский хан, оставшийся пока верным царю и славший ему ежедневно письма с уверениями в преданности и с горячими приветствиями. В такое тревожное время нельзя было доверяться даже родному брату. Ираклий хорошо понимал, что ганджинский хан присылает гонцов только для того, чтобы узнать, как идут дела грузинского царя, и в случае чего вовремя порвать с ним.

Все это очень тревожило Ираклия, и он всячески старался удержать русские войска в Грузии.

Порой ему казалось, что и на русские войска не было больше надежды: слишком уж странно вел себя Тотлебен. Возможно, что наибольшая опасность таилась именно здесь. Давид Орбелиани уверял царя, что если бы не чума в Тбилиси, Тотлебен обязательно попытался бы захватить столицу. Нет худа без добра,— кто знает, быть может, как раз чума и оказалась спасительницей!

В таком напряженном состоянии находились дела в Картли и Кахети, когда Ираклий в средних числах июля получил донесение о том, что Тотлебен отправился в Имерети. Обрадованный этим известием, он тотчас же начал готовиться к переезду в Картли. Он решил отвезти семью в Ахалгори, а государственных чиновников разместить в Гори. Здесь решено было собрать войска для вторичного похода против турок. Собираясь выехать, Ираклий особым приказом вызвал ко двору всех царедворцев. Отсутствие их было большой помехой в ведении государственных дел. Царю на каждом шагу нужен был то один, то другой из его приближенных.

Через несколько дней после его приказа в Артозани начали съезжаться те из придворных, которые оказались поблизости. Их заставляли отсидеть трехдневный карантин и только после этого допускали в царскую ставку. Мера эта была введена по совету Моуравова. Стража ревностно исполняла приказ: кто бы ни был задержан караулом на дороге, даже сам царевич, он должен был в течение положенного срока ждать допуска в деревню: царю при этом сообщали, что прибыл такой-то и ждет распоряжений.

Не было сделано исключения и для Бесики. Когда он, утомленный долгой дорогой, подъехал с несколькими попутчиками к Артозани, стража не пропустила его.

Знойный день угасал. Широкая тень Гомборского хребта уже покрыла Алазанскую долину, но и ночь обещала быть душной. Стража расположилась на траве около дороги. Один из воинов с наслаждением пил воду прямо из кувшина, Бесики осадил лошадь и сказал:

— Дай-ка и мне, приятель!

Воин вскочил и, протянув кувшин, сказал:

— Сойдите с коня, отдохните — все равно раньше чем через три дня в деревню не впустим. Таков царский приказ!

Все приехавшие остановили лошадей. Узнав, что придется ждать здесь три дня, они спешили и растянулись тут же на мягкой траве. Начальник стражи, записав имена прибывших, тотчас же отрядил одного из воинов к государю.

Среди попутчиков Бесики был Чабуа Орбелиани. Он велел посланному особо сообщить государю, что мдиванбег Чабуа Орбелиани прибыл и ждет распоряжений.

Когда началась чума и царь переехал с самыми близкими лицами в Ираклисцихе, большинству князей было приказано отправиться в свои усадьбы и ждать там, пока царь снова не призовет их к себе. И так как Чабуа не попал в список оставленных при дворе, то ему пришлось покинуть Ираклисцихе и отправиться в Манглиси.

В деревне Чабуа жил замкнуто и большую часть времени проводил за перепиской книг. Он даже написал несколько стихотворений, хотя ему стоило огромного труда склеить строчки в какое-то подобие стихов.

Привыкшего к придворной жизни Чабуа очень тяготили тоскливые деревенские будни. И когда от царя пришел приказ явиться ко двору, радости его не было границ. В сердце его теплилась надежда, что Ираклий пошлет его куда-нибудь во главе посольства.

По пути он нагнал Бесики и, хотя терпеть не мог молодого поэта, все же предложил ему ехать дальше вместе.

Беседуя с Бесики, он всячески старался дать ему почувствовать расстояние, которое отделяло его, мдиванбега из знатной фамилии, от простого секретаря, каким был поэт.

Надменность мдиванбега только забавляла поэта, но он не дал заметить это своему спутнику и был с ним преувеличенно учтив.

Вскоре воин, посланный к царю, вернулся с большим узлом в руках. Тяжело дыша, он подбежал к собеседникам.

— Ну что, был у государя? — спросил его начальник стражи.

— Был и видел царского секретаря. Государь приказал всем подождать. Пусть, говорит, отдохнут в большом хлеву, что у въезда в село. Только господину царскому секретарю Бесариону Габашвили велено немедленно явиться к его величеству. Пусть, говорит, переоденется в эту одежду, да сначала, говорит, хорошенько вымоется с мылом, а потом пожалует. Вот и платье прислали.— Гонец приподнял с земли большой узел.

— А мне секретарь ничего не велел передать? — спросил гонца изумленный Чабуа.

— Я доложил все, что мне было сказано: явиться господину царскому секретарю Бесариону Габашвили...

— Об этом мы уже слышали! — перебил его взбешенный Чабуа.— Я о себе спрашиваю.

— Господину мдиванбегу ничего не велели передать? — спросил Бесики таким тоном, точно хотел напомнить воину: «Наверное, велели, а ты забыл!»

— Так и приказали: пусть отдохнут,— повторил посланный, отирая пот со лба.

— Не могли так сказать! — не унимался Бесики.

— Клянусь жизнью государя! Как мне сказали, я так и передаю. Не стану же я добавлять! Возьмите платье, чье оно?

Бесики взял узел и искоса поглядел на Чабуа. Тот с такой яростью крутил свои усы, будто хотел вырвать их с корнем.

За поворотом внезапно показалось селение. Бесики остановился, точно зачарованный. Плоские крыши домов пестрели ярким шелком женских платьев, маленькое, тесно расположенное село походило на чудесный цветник. День клонился к вечеру: женщины, отсиживавшиеся в течение дня от жары в домах, высыпали в красочных нарядах из комнат на крыши. Там и сям виднелись столь же богато одетые мужчины.

По улицам прохаживались вооруженные воины, среди которых выделялись хевсуры в кольчугах.

Сердце Бесики радостно забилось. Проезжая по деревенской улице, поэт со всех сторон слышал дружеские приветствия и оклики. Он столько раз кланялся в разные стороны, что у него заболела шея.

Дом, в котором поселился Ираклий, мало чем отличался от остальных деревенских строений, представлявших собой полуземлянки. Но у этого дома имелся широкий балкон, который после приезда двора весь был устлан коврами. Перед балконом дежурила дворцовая охрана, вокруг дома и на крыше стояли закованные в латы хевсуры с мечами в ножнах, отделанных серебром, и с длинноствольными ружьями.

Во дворе Бесики был встречен воином, который проводил его к царю.

В полутемной комнате горели свечи. Ираклий сидел у маленького походного столика и что-то писал. Тут же на длинной тахте разместились в ряд — царевич Леван, Давид Орбелиани и Моуравов. Они вполголоса беседовали и не сразу заметили вошедшего. Ираклий поднял голову, сдвинул очки на лоб и, узнав Бесики, ласково ему улыбнулся.

— Где ты был, сын мой? Мне сказали, что ты остался в городе. Я уже не думал увидеть тебя в живых!

Бесики опустился в дверях на колени и коснулся лбом земли.

— Подойди поближе, что ты остановился на пороге? — сказал Леван.

— Не был ли ты в зараженной деревне или около больного? — спросил Давид.

— Нет, ваше сиятельство, но... осторожность всегда уместна,— береженого бог бережет...

Ираклий попросил присутствующих оставить его наедине с секретарем. Проходя мимо Бесики, Леван шепнул ему: «Ужинать приходи ко мне».

Проводив взглядом уходящих, Ираклий спросил Бесику, давно ли он покинул Тбилиси. Узнав, что он уехал вместе со всеми, царь перестал его расспрашивать и сразу перешел к делу, по которому столь срочно вызвал его к себе. Бесики немедленно должен был отправиться в Персию, отвезти шаху письмо и как можно скорее вернуться с ответом.

— От нас до Шираза сорок дней пути,— сказал Ираклий,— если ехать с караваном. Но это слишком долго. Ты отправишься с конным отрядом. Ночью будешь в пути, а днем — отдыхать. Иначе ни вы, ни лошади не вынесете зноя. Впрочем, наставления мои не нужны — с тобой поедут испытанные люди, изъездившие Персию вдоль и поперек. Короче говоря, ты должен потратить на дорогу туда и обратно не более шестидесяти суток. А теперь слушай меня внимательно. Я посылаю Кериму письмо. Он человек неученый — читать и писать не умеет. Письмо ему прочтут, но он не очень доверяет своим людям, поэтому ты все, что надо, передашь ему на словах. Поручение мое ты должен выучить наизусть и не говорить ни одного лишнего слова. Керим хитер, он одним ловким вопросом может заставить тебя проговориться о том, что ему не следует знать.

— Государь, вы об этом говорили мне и раньше...

— Да, говорил, а теперь еще раз повторяю, чтобы ты хорошо запомнил. Мне необходимо узнать, договорился ли Керим-хан с повелителем Афганистана, из страха перед которым он не смеет ступить шагу из дому. Если мир между ними уже заключен, то Керим выступит против Турции. У него с султаном старые счеты. Обо всем этом ты сумеешь узнать от шахского визиря Нариман-хана, на дружбу которого я твердо полагаюсь. Когда-то я спас его от смерти и с тех пор считаю его преданным другом. Ты отвезешь ему письмо, которое нужно будет передать так, чтобы никто не заметил. Если будут спрашивать о наших делах, не говори ничего о том, что мы не в ладах с Тотлебенем и что генерал в Ацкури нас покинул. Помни: никогда не нужно иностранному госу-

дарю болтать о домашних делах. Зато ты сам должен стараться как можно больше узнать и присмотреться ко всему, что может нас интересовать. Не растеряйся во время беседы с ханом. Словесный поединок труднее, чем фехтование клинками. Ты хорошо владеешь словом, но шаху постарайся показаться простодушным. Скажи ему, что ты только певец и поэт, что в государственных делах ничего не смыслишь, что ты послан мной для того, чтобы своим искусством доставить ему удовольствие. Шах призовет своих певцов и устроит состязание. Тут уж ты должен отличиться. Победишь — получишь щедрую награду.

— Когда, ваше величество, прикажете выехать?

— Сегодня. Начальником твоей свиты и проводником будет Кайхосро Мурванишвили. Он уже все знает. До Нахичевани тебя будут сопровождать двести воинов. Дальше возьмешь с собой только тридцать. Между Нахичеванью и Ширазом постоянно ездят шахские курьеры, и Керим вышлет тебе охрану. Да, кстати, эриванский хан отложилась от меня, а между тем тебе придется проехать или через Эривань или через Ганджу и Карабах. Надеюсь, ты не боязлив — тогда лучше поезжай через Эривань. Опасности особой нет. Хан эриванский не посмеет открыто напасть на мое посольство. По обычаю он сам должен выехать навстречу тебе из Эривани. Если этого не случится, — ясно, что он изменил. Тогда призови к себе начальника крепости, передай ему наш приказ и сейчас же поезжай обратно, а когда скроешься из виду, поверни налево и следуй по течению Аракса. Кайхосро знает дорогу. Ночью доедешь до Шахтахта, а оттуда недалеко и до Нахичевани, где ты будешь уже во владениях Керим-хана. Теперь ступай, повидай казначея, — он снабдит тебя деньгами. Он же передаст тебе список подарков, которые ты повезешь шаху, и объяснит, как их поднести. Сейчас восемь часов. В десять придешь ко мне, и я вручу тебе письмо для Керим-хана. Иди!

Бесики низко поклонился царю и вышел. Приказ немедленно отправляться ошеломил его. Он долго стоял посреди двора, вперив взор в небо, и никак не мог сообразить, куда ему идти, кого повидать в первую очередь, с чего начать сборы. Все перепуталось у него в голове. Что сулят ему опасный долгий путь, предстоящая встреча с шахом?.. Внезапно он вспомнил о пригла-

шении Левана, представил себе ломящийся от яств стол и ощутил острый голод: он ничего не ел с утра.

Наконец Бесики собрался с мыслями и прежде всего отправился искать Кайхосро Мурванишвили, которого нашел в хижине на краю деревни, где помещались старшие военачальники.

Кайхосро встретил поэта с невозмутимым спокойствием.

— Ну как, Бесики, едем?

— Едем, да только...— оглянулся Бесики.— Как же ехать, если...

— Не беспокойся,— успокоил его Кайхосро,— все готово. Как только прикажешь — тотчас сядем на коней и в путь!

— Куда едете? — спросил длинноусый минбаш, которого Бесики видел впервые.

«В Персию», — чуть было не сорвалось с губ Бесики, но Кайхосро вовремя перебил его.

— На охоту.— Кайхосро улыбнулся и незаметно подмигнул поэту.— Разве нам и поохотиться нельзя?

— Да, да, конечно!..— растерялся Бесики.— Значит, выезжаем в десять часов.

— Я уже докладывал — мы готовы. Едем хоть сейчас.

— Где живет царевич Леван?

— Пожалуйте, я провожу.

По дороге Кайхосро сообщил Бесики приказ, полученный им от царя. «Кроме тебя, никто не должен знать, куда вы едете,— сказал Кайхосро царь.— Возьми надежных людей, таких, которые по одному твоему слову пойдут в огонь».

Леван и его гости уже сидели за столом. Бесики был встречен радостными возгласами. Кроме Давида Орбелиани, тут были Соломон Леонидзе, Агабаб Эриста-ви и телавский старшина.

— Объясни, пожалуйста, чем ты приворожил к себе государя? Он только и знает, что уединяется с тобой для каких-то таинственных бесед,— обратился Леван с улыбкой к Бесики, указывая ему на стул подле себя.— Садись сюда. Подайте рог!

— Нет, рога не надо. У меня нет времени!

— Куда ты спешишь? — удивился Леван.

— Не знаю! Туда, куда ветер дует.— Бесики отло-

мил кусок хлеба, оторвал куриную ножку и с аппетитом принялся есть.

— Если не хочешь говорить, куда едешь, скажи по крайней мере, где ты был все это время! — не унимался Леван.

Бесики показал на свой набитый рот — дескать, погоди, дай поесть. Леван укоризненно покачал головой и повернулся к Давиду. Они беседовали об уходе русских войск в Имерети. Бесики не знал о последних событиях и, услышав, что Тотлебен отбыл в Имерети, удивленно взглянул на Соломона Леонидзе, сидевшего рядом.

— Ну да, разве ты не знаешь? — ответил Леонидзе вполголоса, чтобы не мешать беседующим. — Мы боялись, что он уйдет в Россию. Государь был очень встревожен...

— Когда это случилось?

— Недели две тому назад. Там дела идут как будто бы хорошо. Получено известие, что имеретинский царь взял Шорапанскую крепость, а русско-грузинские войска — Багдадскую и Кутаисскую. Можно ожидать, что им удастся, если не произойдет никаких неожиданностей, изгнать турок из Имерети.

— Твоими бы устами мед пить, — вмешался в разговор Давид, — а по-моему, у них ничего не выйдет. Помяни мое слово, генерал рассорится и с царем Соломоном. Плохая это для нас помощь.

— Как бы то ни было, — ответил, вспыхнув, Леонидзе, — а для нас поход Тотлебена в Имерети выгоден. Пока русские войска в Грузии, враг не посмеет на нас напасть. Тем временем и чума, даст бог, прекратится, жизнь войдет в свою колею и мы возьмемся за наши дела, а там сообща расправимся и с турками. Когда ты едешь туда, куда царь тебя посылает? — спросил он Бесики.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю. Да и они знают, — Соломон кивнул в сторону царевича и Давида, — нарочно только спрашивают тебя... Ты ведь должен был сначала ехать с караваном ага Ибрейма...

Тут Соломона перебил царевич:

— О чем вы шепчетесь? Бедный поэт, как он проголодался! Дайте ему вина!

Подкрепившись, Бесики почувствовал такую уста-

лость, что едва не заснул тут же за столом. Он принял рог от виночерпия, но пить не решался, боясь, что сон вконец одолеет его. Невольно вспомнился ему дворец Анны и богато убранная комната в башне, где он так беззаботно проводил время. Сожаление охватило его. Он осушил рог, поглядел на карманные часы и вскочил.

— Куда ты, Бесики? — удивился Леван. — Где твоя учтивость? Поел, попил и бежишь прочь!

— Простите меня, ваше высочество! Я должен явиться к царю.

— Вернешься?

— Вряд ли. Должен выехать сегодня же ночью. Сами знаете, царский приказ — закон.

— Что ж, друзья, пожелаем нашему славному поэту и другу счастливого пути! Да хранит его господь от всякой напасти, — проговорил Леван.

— Аминь! — воскликнули все хором, осушили чаши и тепло попрощались с отъезжающим.

Получив от Ираклия письма и грамоты, Бесики тотчас же вместе с Кайхосро отправился к месту сбора отряда. По дороге его то и дело останавливали. Кто звал поэта к себе, кому просто хотелось поболтать с ним. У самой околицы ему преградили дорогу две женщины.

Было темно, и Бесики не узнал их, пока они не назвали себя: одна из них была Майя, другая — Анико. По их словам, они вышли пройтись, на самом же деле поджидали Бесики. Узнав, что царь спешно вызвал его и так же спешно куда-то посылает, Майя и Анико попросили у царицы Дареджан разрешения пойти на прогулку и направились к дому государя. Майе в особенности хотелось видеть Бесики. После того как Анна, обнаружив, что она была соглядатаем Дареджан, прогнала ее, Майя долгое время не появлялась во дворце. Потом нашла приют в Сачино у царицы. Некоторое время она была зла на поэта, так как, вернувшись из похода, он не обращал на нее внимания, словно не помнил, что в день отъезда клялся ей в любви. Но Бесики вообще теперь ни на кого не обращал внимания, и это успокаивало Майю.

Анико держала себя уже как взрослая: она вращалась среди придворных дам и знала все дворцовые женские тайны.

Она по-прежнему была влюблена в Бесики и, хотя теперь считалась невестой двоюродного брата царя Имерети, воображение рисовало ей другое: она — Нестан, Бесики — Тариэл, а царевич имеретинский — сын хорезмского шаха... Она видела в воображении, как Бесики пронзает мечом своего соперника. Царевича имеретинского она, однако, жалела, так как была еще не знакома с ним и он представлялся ей таким же прекрасным, как и ее возлюбленный. Когда Анико узнала о приезде Бесики в Артозани, сердце ее радостно забилося. Она побежала к Майе и предложила ей пойти вместе повидать поэта.

Прижимаясь друг к другу, стояли они теперь перед юношей, пока он учтиво приветствовал их и задавал обычные вопросы о здоровье. Он не очень-то был рад этой встрече и в душе благодарил бога за то, что есть предлог быстро прервать разговор. Опасаясь расспросов, он сократил, как мог, беседу и сразу стал прощаться, выразив сожаление, что судьба на этот раз не дала ему возможности провести с ними больше времени. Анико и Майя стали упрашивать его не торопиться, поболтать с ними, даже схватили его за руку, но Бесики ушел, пообещав скоро вновь с ними встретиться. Девушки пожелали ему счастливого возвращения и глядели вслед, пока он не скрылся в темноте.

Бесики догнал Кайхосро, и они молча продолжали путь. В темноте трудно было различить дорогу. Вскоре они подошли к околице, где стоял отряд, назначенный для охраны посольства.

— Все ли готовы? — спросил Кайхосро.

— Готовы! — послышалось из темноты.

— Садись! — скомандовал Кайхосро.

Через минуту все были на лошадях. Бесики и Кайхосро тоже подвели коней, и когда они вскочили в седла, послышался чей-то голос, читающий молитву о том, чтобы путешествие было благополучным. Выслушав молитву, отряд тронулся в дорогу.

Бесики был взволнован. Если до сих пор он не задумывался над трудностями предстоящей дороги, то сейчас в душу его закралась тревога. Сколько бед и опасностей могло ожидать его впереди! Он вспомнил скитания Жиль Блаза, рассказ о том, как разбойники захватили его в плен... Сколько раз этот испанец риско-

вал жизнью! Бесики истово перекрестился, пришпорил лошадь и последовал за Кайхосро. На душе у него было сумрачно. Мысленно он уже видел нападающих на его отряд разбойников, слышал их свирепый боевой клич, выстрелы, звон сабель. Однако ночь прошла благополучно, и рассвет застал их недалеко от крепости Уджармы. Дневной свет рассеял мрачные мысли, и Бесики, несмотря на сильную усталость, молодецкато расправил плечи. Вид увешанных сверкающим оружием всадников наполнил его гордостью. Он радовался, что его сопровождают сильные, мужественные люди, готовые по одному слову их начальника броситься в бой.

И как будто нарочно, именно в эту самую минуту где-то совсем близко раздался выстрел и послышались крики. По склону горы прямо на Бесики неслись вскачь абраги.

Кайхосро грозно сдвинул брови. Молнией блеснул на солнце его клинок, и загремел его голос:

— Бей негодяев!

Бесики не успел опомниться, как весь отряд, поднимая копытами пыль, во весь опор поскакал навстречу разбойникам.

Лошади неслись, распластываясь по земле. Боевой клич грузин был так грозен, что разбойничья шайка сразу же дрогнула и в страхе повернула назад. Только некоторые обнажили быстро сабли и понеслись на грузинских воинов. Это было безнадежным проявлением храбрости: среди грузин было немало таких джигитов, которые на состязаниях пистолетной пулей сбивали чашу с шеста, и для них справиться с этими головорезами было не трудным делом. Припав к шеям лошадей, они пустили в ход пистолеты, и абраги один за другим стали падать на землю.

Когда шайка была рассеяна и больше не было смысла преследовать тех, кто успел убежать, Кайхосро приказал остановиться, собрать трофей и изловить лошадей, всадники которых были убиты. Отряд скоро собрался на лугу, куда вместе с пойманными лошадьми были приведены трое абрагов. Их подвели к Бесики и поставили перед ним на колени.

— Откуда вы? — спросил Бесики.

Пленные что-то невнятно забормотали...

— До каких пор вы будете разбойничать в нашей

стране? Ведь мы не делаем вам ничего плохого, отчего от вас нет покоя?

— Валлах! Мы не виноваты...— пробормотал один из троих, с наголо обритой головой и бородой до самых глаз.— Валлах! Наиб приказал, разве мы можем ослушаться?

— А. куда вы ехали?

— Ахиска... Ахиска,— абраг показал рукой на юго-запад.

— В Ахалцихе,— пояснил Кайхосро.— Они называют Ахалцихе Ахиской.— Он сверкнул глазами на пленника.— Эх, снес бы я вам головы, да ваше счастье — за вас государь получит в обмен трех наших людей.

Когда собрались все воины, выяснилось, что в стычке убито тридцать семь абрагов. Воины сняли с них оружие, изловили лошадей и теперь радовались богатой военной добыче.

Грузины потерь не понесли. Только под одним из воинов пала лошадь, и, упав с нее, он вывихнул ногу.

Пленных Кайхосро отослал к царю в сопровождении трех всадников. Воина с поврежденной ногой посадил на одну из взятых лошадей и отправил вместе с пленными.

Отряд расположился на отдых тут же в поле. Лошадей пустили на траву, а люди поели и, поставив часовых, легли вздремнуть после бессонной ночи.

Когда зной стал спадать, отряд двинулся дальше. Лошадей, отнятых у абрагов, взяли с собой в качестве запасных. К вечеру отряд достиг Агджакальской крепости. Воздвигнутая некогда в пустынной степи, около того места, где река Храми вырывается из своего узкого скалистого ущелья на равнину, крепость эта должна была, по мысли ее строителей, закрыть персам пути, ведущие в Тбилиси и в Картли. Но Шах-Аббас разрушил крепость, и с тех пор она служила лишь приютом для караванов. Крепостной двор зарос высокой травой. Люди, останавливающиеся здесь на ночлег, пускали сюда пастись своих лошадей. Крепость была обнесена каменной стеной. По углам возвышались четыре башни.

Въехав в ворота, Бесики увидел пасущихся лошадей. Он осведомился, кому они принадлежат и не оставовился ли в крепости какой-нибудь вельможа.

Стража доложила, что только что приехала сестра

государя, которая со всей своей свитой остановилась здесь переночевать.

Бесики не сразу сообразил, о ком идет речь. «Откуда здесь быть Анне? — подумал он. — Что за глупость!» Но тут он увидел выходящих из крепостной церкви женщин, которые с любопытством разглядывали прибывших всадников. Среди женщин Бесики сразу узнал Анну. Он соскочил с лошади и быстрым шагом направился к ней.

— Бесики! — изумленно воскликнула Анна. — Что ты тут делаешь? Откуда?..

— Я вновь удостоился, по милости господней, видеть вас, ваша светлость! — Бесики опустил на одно колено и коснулся губами руки Анны.

— Куда ты едешь?

— Я говорил вам раньше об этом.

— Неужели туда? Так ты...

Тоскливое предчувствие охватило Анну. Она хотела сказать Бесики, что только ради него едет в Телави, что долгая разлука убьет ее, что ей трудно даже один день прожить без него... Но вокруг были люди, и ей пришлось промолчать.

Ее поездка в Телави теряла смысл.

— Государь в Телави? — спросила Анна.

— Нет, ваша светлость, — там чума.

— Боже мой! — Анна ударила себя рукой по щеке. — И там появилось поветрие?.. Пойдем к нам, в башню, расскажешь обо всем, что видел!

Вскоре подошел и Кайхосро. Он почтительно приветствовал Анну, и все направились к башне.

На следующий день Бесики покинул крепость. По обе стороны дороги простирались выжженные степи и желтая песчаная пустыня, вдали виднелись то красноватые, то серо-голубые горы, сливавшиеся на горизонте с бледным небом. Горные склоны, прорезанные каменистыми ложбинами, утратили, казалось, в колеблющемся, насыщенном горячими испарениями воздухе свою телесность, и их зыбкие, призрачные очертания мерцали в знойной мгле.

Иногда возникали миражи. Деревня и ее отражение в озере были видны так ясно, что можно было различить дома и деревья. Но стоило приблизиться к ним, как они исчезали и вокруг по-прежнему простиралась пустыня.

По каменистой дороге скользили ящерицы и змеи. Из-под груд мелких камней выползали скорпионы. Нигде нельзя было присесть или прилечь: все вокруг кишело ядовитыми пресмыкающимися.

По вечерам над землей поднимались густые тучи комаров и мошек. Не только люди должны были закрывать лица, но и лошадей приходилось защищать кисеей. Страшнее, отвратительнее всего были фаланги, огромные пауки, укусы которых нередко приносит мучительную смерть.

Все невыносимо страдали от жажды. Порой встречались так называемые «кахризы» — искусственные узкие подземные каналы, проводящие воду из горных источников в равнины. Через определенные промежутки эти каналы соединялись колодцами с поверхностью земли. Найдя такой колодец, путники блаженствовали, освежались холодной, прозрачной, как хрусталь, водой, от которой трудно было оторваться. Но кахризы встречались не часто, и не так-то легко было их отыскать.

Так, мучаясь от зноя и постоянной жажды, посольство совершало свой путь. Перед ослепленными ярким солнцем глазами Бесики стояла его родная страна со своими журчащими ручьями, волнующимися нивами, садами с изумрудной зеленью виноградников, с шумящими лесами.

Как сон, вспоминалась ему ночь, проведенная в башне Агджакальской крепости, небо, усеянное звездами, тихий стрекот цикад, взволнованный шепот Анны...

— Будешь помнить меня, Бесики?..

— Буду помнить вечно! — повторял поэт.

И вот теперь он ехал по выжженной дороге, дремал в седле и лишь временами открывал глаза, чтобы оглядеть окрестность и снова впасть в полусон.

И в дремоте ему снова и снова чудились башня, небо, усеянное звездами, страстный шепот около самого уха...

— Будешь помнить?..

— Да.

— Любишь меня?

— Да.

— Ты спишь!

— Нет, не сплю! — И Бесики открывал глаза... Грезы рассеивались... Перед ним опять желтела опаленная

солнцем степь... Он вздыхал, покачиваясь в седле... И вновь веки тяжело смыкались и слышался тихий, волнующий голос Анны.

Казалось, что эта мертвая пустыня навсегда поглотила маленький отряд... Совет Ираклия — ехать ночью, а днем отдыхать — оказался невыполнимым.

Когда Эриванское ханство осталось позади, настали темные, безлунные ночи, дорогу в темноте трудно было искать, а спать под открытым небом, да еще днем, было невозможно. Приходилось останавливаться на отдых в гостиницах или караван-сараях, где можно было накормить лошадей и поспать самим. Днем привязанных лошадей беспокоили мухи, которые приводили их в ярость и заставляли забывать о пище.

Теперь в свите Бесики было только тридцать человек. Остальных он отослал из Эривани назад. Нападения хана больше нечего было опасаться. Хан сам встретил Бесики у городских ворот, в знак почтительной покорности поцеловал и возложил себе на голову грамоту Ираклия.

— Слышал я, — сказал он, — что враги мои донесли повелителю моему, будто я собираюсь изменить ему. Это бесстыдная ложь!

Пригласив Бесики во дворец, хан оказал ему большие почести.

— Будь заступником моим перед государем, — просил он. — Пусть царь Ираклий перестанет гневаться на меня, пусть сменит гнев на милость!

А вечером пришел начальник крепости и донес, что хан ежедневно посылает гонцов в Турцию и Персию, чтобы ему прислал войско, с которым он мог бы напасть на Грузию.

— Однако, — сказал начальник крепости, — не получая определенного ответа, он оказывает тебе почести, чтобы ты не заподозрил чего-нибудь.

Когда крепостная стража увидела на дороге многочисленную свиту Бесики и хану доложили, что войска Гурджистана подошли к городу, — хан перепугался. Он боялся грузин в особенности потому, что не доверял жителям города. Армяне почитали Ираклия, видели в нем своего заступника и не простили бы хану перехода на сторону турок. Отряд Бесики горожане встретили восторженными возгласами.

Когда хан узнал, что Бесики направляется в Шираз, он дал ему свежих лошадей и послал с ним собственный отряд, сопровождавший посольство до Нахичеванского ханства. Бесики счел возможным отослать назад большую часть свиты и взял с собой только тридцать человек.

Нахичеванский хан и Беглар-бек тавризский также встретили посольство с почетом и дали для охраны свои отряды.

Самым опасным оказался путь от Тавриза до Хамадана. Несколько раз на отряд нападали кочевники. Однако испытанные в боях грузинские воины так легко отражали их нападения, что отряд ни на один лишний день не задержался в пути.

К жаре понемногу привыкли. Зной уже не так мучил людей и лошадей. Кайхосро уверял Бесики, что их спасает сухой воздух. Если бы было сыро, они просто задохнулись бы от жары.

— Далеко еще до Шираза? — спрашивал Бесики.

— Далеко! — отзывался Кайхосро.

— Ну и необъятная страна!

— Ты мало еще видел на своем веку! Проехался бы по Хоросанской пустыне до Шах-Джанабада, вот тогда сказал бы, что конца нет этой стране! Да и жарко там, как в аду. За глоток воды жизнь отдашь. Недаром у нас в Грузии пожелать человеку попасть в Джанабад — значит проклясть его. Попадешь туда — с жизнью простишься. Ветер там такой горячий, что можно изжарить на солнце шашлык!

— А ты бывал там?

— Где я не бывал! объездил всю Персию, видел Афганистан, даже до Индии добрался.

Кайхосро рассказывал Бесики о виденных им в Арабском море рыбах с длинными и острыми, как мечи, носами, одним ударом которых они разбивают дно кораблей; о чародеях Индии, которые подбрасывают в воздух канат и поднимаются по нему или разрезают человека на куски и потом оживляют его игрой на свирели.

И еще много чудесного рассказал Кайхосро.

Бесики не раз приходилось слышать такие рассказы, но сейчас они доставляли ему особенное удовольствие. Когда перед ним постепенно вырастал какой-ни-

будь персидский город с огромными куполами мечетей, с высокими минаретами, с башнями, крыши которых напоминали луковицы, и богатыми дворцами,— рассказы Кайхосро приобретали особый интерес. Все в них начинало казаться действительностью — и правда и выдумка.

В больших городах и на перепутьях дорог путники останавливались в караван-сараях. Хозяева их с большим почетом принимали посла Эрекле-хана. Ему и его спутникам отводили для ночлега лучшие комнаты. Как бы ни были заняты хозяева, они бросали все дела ради беседы со столь уважаемыми гостями.

Все города по пути были похожи друг на друга. Ни один из них не был лучше Эривани и Нахичевани, а с Тбилиси они и вовсе не могли сравниться ни по красоте, ни по величине, ни по богатству. Но стоило Бесики увидеть Исфагань, как он тотчас почувствовал красоту и величие этого города.

Бесчисленны были городские рынки, караван-сарай, дворцы и громадные мечети с высокими куполами и минаретами. Здания, покрытые синей эмалью и золотом, сверкали так, что слепили глаза. Улицы были полны народом. В толпе можно было видеть купцов в дорогих одеждах, оборванных дервишей, разносчиков товаров, представителей любой национальности—русского, француза, испанца, немца или англичанина. Одни приезжали искать счастья, другие — торговать, третьи — просто путешествовали. Без конца тянулись караваны, верблюды звенели колокольчиками. В море людских голов проплывали, лениво покачиваясь, паланкины. В них восседали длиннородые вельможи или закутанные в чадры женщины.

Бесики впервые увидел слона, которого погонял черный, как негр, индеец.

Все это великолепие подавляло, слепило поэта. Но еще больше поразило его то, что появление грузин среди этого людского моря было всеми замечено.

Со всех сторон неслись возгласы:

— Гюрджи! Гюрджи!*

Это неожиданное внимание к грузинским воинам глубоко взволновало Бесики и наполнило его гордостью.

* Грузины! Грузины!

Окинув взглядом свою свиту, он убедился, что его воины в самом деле выделялись в толпе своим изяществом и красотой. Их загорелые лица были отмечены печатью благородства.

В караван-сараяе, где они остановились для отдыха, у них нашлись знакомые персидские купцы, бывавшие в Тбилиси. Все они с интересом расспрашивали Бесики и воинов о Грузии.

Вечером Бесики и Кайхосро прошли по городу. Кайхосро уверенно пробирался по улицам Исфагани: ему знакомы были все ее достопримечательности. Сначала они направились к центру города, где возвышалась большая мечеть, называвшаяся шахской. Бесики удивился своеобразной архитектуре Исфагани. Каждый рынок, каждый квартал были обнесены высокой стеной. Казалось, город состоит не из зданий, а из собранных вместе крепостей.

В огороженные стенами кварталы и рынки вели большие ворота. Народ собирался на улицах, выходивших к городским воротам, остальные были безлюдны и казались вымершими.

Друзья осмотрели мечеть, прошли по некоторым кварталам и только что собирались повернуть обратно, как в одной из узеньких улочек наткнулись на женщину в чадре. При виде их она замедлила шаг, остановилась, испуганно оглянулась и, убедившись, что кругом нет никого, спросила Бесики:

— Вы грузины?..

— Да, грузины. А ты кто?

Женщина на мгновение приподняла чадру, и перед ними предстала красивая черноглазая девушка лет семнадцати. Но прелестное ее лицо было залито слезами: она пыталась что-то сказать, но не могла.

Бесики хотел спросить ее, как она попала сюда, но на улице послышались чьи-то шаги, девушка быстро закрылась чадрой и так стремительно убежала, что они едва успели сообразить, что случилось. Бесики сделал движение, чтобы догнать ее, но Кайхосро схватил его за руку и шепнул:

— Ты с ума сошел! Благодарю судьбу, что никто нас не видел.

— Ну и что же, если даже увидят? — Бесики покраснел от гнева. — Дочь моего народа проливает слезы

в неволе, а я должен благодарить судьбу за то, что не успел сказать ей слова утешения? Пусти меня!

— Перестань!.. Пойдем. Ее не так просто разыскать,— проговорил Кайхосро.— Легче найти в море оброненную слезу, чем снова увидеть эту несчастную в этом городе. А если и найдешь, все равно не сумеешь спасти, будь у тебя даже сила Таризла и его войско.

Подавленные мрачными мыслями, вернулись они к себе в караван-сарай. Бесики весь вечер молчал.

— Довольно, успокойся, боже мой! — говорил поэту Кайхосро.— И без того у нас немало горя... Давай-ка покушаем и ляжем пораньше. Завтра до рассвета надо отправляться. До Шираза еще семь или восемь дней пути.

Неожиданная встреча с проданной в рабство грузинкой изменила настроение Бесики. Если до сих пор он удивлялся этой незнакомой обширной стране, восхищался ее богатыми городами, ее прекрасными дворцами и мечетями, вежливостью и гостеприимством ее обитателей, то после этой встречи Персия предстала перед ним совсем в ином свете. Увидев Шираз, город, подобного которому не было не только в Персии, но и на всем Востоке, Бесики остался равнодушен к его красоте.

Город утопал в садах. Воздух был напоен ароматом роз. Они цвели всюду — на улицах, во дворах домов, посреди площадей. Мечети и богатые усыпальницы с куполами были окружены изгородями из розовых кустов. Алые, желтые и белые цветы их испускали опьяняющее благоухание. Розовое масло и розовая вода, изготовленные в Ширазе, развозились купцами по всему миру. Всякий, кто являлся к шах-ин-шаху, должен был искупаться в розовой воде. Розовой водой опрыскивали одежду, тело, усы и бороду. Сады были полны птиц, по ночам в них заливались соловьи. Над взнесенными в небо стройными минаретами кружились стаи голубей.

Но куда бы Бесики ни взглянул, перед его глазами неотступно вставало заплаканное лицо печальной девушки. В каждом доме ему мерещились проданные в рабство грузинки. Он рад был бы обратиться в прах и пепел весь этот красивый город.

Приехав в Шираз, Бесики тотчас же осведомился, где находится дворец Нариман-хана. Несмотря на то, что

чиновник Керим-хана, встретивший их у ворот города, приглашал посольство в отведенный для ханских гостей караван-сарай, Бесики прямо направился к Нариман-хану. На его счастье, визирь оказался дома. Он с большой радостью принял гостей из Грузии, а письмо Ираклия поцеловал. Воинов посольской свиты он устроил в помещениях первого этажа своего дворца, а царского посла и Кайхосро пригласил наверх, где несколько богато убранных комнат было отведено для особо почетных гостей.

Бесики сразу объявил хозяину, что торопится назад, в Тбилиси, и поэтому желал бы как можно скорее предстать перед шахом. Нариман-хан ответил с любезной улыбкой, что столь дорогих гостей он может отпустить не раньше, чем через месяц. Долго продолжался спор между гостями и хозяином. Наконец послу было обещано, что о нем на следующий день доложат шаху, а там—как прикажет повелитель. Вызвав к себе слуг, визирь приказал быть особенно услужливыми и внимательными к гостям. Слуги отвели Бесики и Кайхосро в дворцовую баню, где их вымыли душистым мылом, натерли розовой водой и облачили в новые одежды. После этого гостей пригласили к богато накрытому столу, за которым их уже ждал радушный хозяин. Лишь теперь, после горячей бани и плотного обеда, они почувствовали, как сильно устали. От долгого сидения в седле у Бесики так болели колени, что он с трудом встал из-за стола, чтобы пойти спать. Он с наслаждением растянулся на мягкой постели и проспал до утра, как убитый.

Утром поэт проснулся, разбуженный Кайхосро, который успел уже проведать своих людей и убедиться, что они чрезвычайно довольны гостеприимством Нариман-хана. Воины уверяли начальника, что с таким почетом их нигде еще не принимали.

— Вчера вечером приходил к вам человек от Александра Бакаровича, внука царя Вахтанга Шестого,— доложили они Кайхосро.— Узнав, что вы почиваете, слуга ушел обратно, но попросил передать господину послу и вам, что царевич ждет вас завтра к себе.

Изумленный Кайхосро побежал к Бесики и разбудил его, чтобы рассказать о странном приглашении.

— Постой, постой!—Бесики приподнялся, протер

глаза и уставился на Кайхосро.— Как может быть здесь царевич Александр? Ведь он в Петербурге...

— Так думал и я... Однако, как видишь, царевич здесь. Любопытно, зачем?

— Не трудно догадаться.— Бесики зевнул и стал одеваться.— Ведь он считает себя законным наследником грузинского престола. До сих пор он надеялся на русских, но, как видно, потерял надежду и приехал искать счастья у Керим-хана. Скверное дело! Он, наверное, просит войск у шаха, чтобы двинуться на Грузию.

— Почему же он тогда не обратился к туркам?

Бесики на мгновение задумался, но затем уверенно ответил:

— Обратившись к Турции, он восстановил бы против себя Россию. Даже если бы он добился успеха, императрица все равно свергла бы его с престола. Зная это, он решил сделать так, чтобы и овцы были целы и волки сыты. Царевичу известно, что русские стараются задобрить Керим-хана, чтобы он не примкнул к Турции. Кроме того, Картли и Кахети некогда были подвластны Персии, и если Керим-хан пожелает вернуть их себе, русские, может быть, и согласятся на это. Вот каковы, должно быть, расчеты царевича!

— Ловко придумано. Значит, предполагается, что Керим-хан пошлет свои войска в Грузию и объявит: «Картлийский престол должен занять законный наследник Вахтанга VI, его внук царевич Александр». Тут поднимутся все опальные картлийские князья — и попробуй бороться с ними!

— Ну, замыслить что-нибудь — это одно, а осуществить замысел — другое,—спокойно сказал Бесики.— Не следует забывать, что Керим-хан многим обязан Ираклию, который помог ему укрепиться на престоле. Не так уж легко согласится шах помочь врагу нашего государя.

— Как нам быть? Пойти к нему?..

— Ну что ты! Какое дело нам, послам грузинского царя, до царевича, скитающегося по чужим странам в поисках покровителей. Даже если он сам явится к нам, мы не имеем права его принять.

— Откуда ты знаешь, какие намерения у царевича Александра? А что, если он хочет помириться с государем? Не для того ли он решил и нас повидать?

— Много ты понимаешь в политике! Зачем было ему приезжать в Шираз, если он хочет помириться?..

И все же Бесики и Кайхосро в конце концов реши-ли не отклонять приглашения царевича, если оно будет повторено.

Нариман-хан ушел во дворец узнать у шаха, когда тот пожелает принять грузинского посла. Чтобы убить время до его возвращения, Бесики решил осмотреть город. Один из слуг визиря вызвался сопровождать почетных гостей. Втроем они обошли оружейные, шелкоткацкие и бумажные мастерские, посмотрели, как делают розовую воду, побывали в мастерских эмалировщиков, а затем посетили знаменитую мечеть, построенную шахом Атабегом, и другую — «Факили», недавно начатую Керим-ханом. Оттуда провожатый повел гостей на могилы поэтов Саади и Гафиза, которыми гордилась Персия. Над обеими могилами стояли мраморные памятники.

Когда они вернулись, Нариман-хан был уже дома. Он сообщил, что Керим-хан приказал без промедлений привести к нему посла Ираклия. Бесики хотел было уже приняться за приготовления, но визирь улыбнулся и остановил его:

— Не торопись! Ты удостоишься лицезрения шахин-шаха лишь послезавтра.— Потом Нариман-хан отвел Бесики в другую комнату и вполголоса сказал ему: — Царевич Александр виделся с шахом и просил его о помощи. Он обещал, если Керим-хан вернет ему картлийский престол, быть покорным Персии. Все это я сообщаю тебе в строжайшей тайне, смотри, чтобы никто об этом не узнал! Доведи до сведения своего государя.

— Но какой ответ дал царевичу шахин-шах? — нетерпеливо спросил Бесики.

— Шахин-шах, да славится его имя, изволил ответить так: «Не откажу тебе в милости. Жалую тебе должность сардара, а там поступим, как велит аллах».

— Но это значит, что он обещал царевичу все, о чем тот просил!

— Нет, только обнадежил его и оставил у себя,— успокоил Бесики визирь.

Бесики поблагодарил Нариман-хана за сообщение и весь день мучился сомнениями — повидаться ему с царевичем Александром или нет? Непринужденная бе-

седа с ним могла доставить Бесики много важных сведений, за которые Ираклий поблагодарил бы своего посла. Но что, если царь разгневется на него за то, что он осмелился встретиться с его врагом?

Бесики решил еще раз посоветоваться с Кайхосро, и оба сошлись на том, что нужно повидать царевича. Они отправились к Александру в тот же вечер. Царевич жил в гостинице, в которой останавливались преимущественно высокопоставленные лица, и занимал две комнаты: в одной помещались его приближенные и слуги, в другой он сам. Завидев издали на улице Бесики и Кайхосро, слуги выбежали им навстречу. Они целовали гостям руки, обнимали их колени и плакали от радости. Глядя на них, Бесики и Кайхосро сами едва не заплакались...

Слуги провели гостей к царевичу Александру, который принял их с большим радушием.

— Неужели тебе не хотелось узнать, как поживает твой отец? — спросил Александр с улыбкой и, похлопав Бесики по плечу, усадил его рядом с собой. — Вчера прибежал слуга, говорит мне: «Сын его преподобия Захарии приехал послем из Грузии!» По правде сказать, я очень обрадовался. Отец твой явился в Москве к нам, мы узнали обо всех его несчастьях, приютили его и помогли ему.

Бесики поблагодарил царевича и учтиво осведомился о его здоровье и делах.

— Правда ли, что в Тбилиси чума? — спросил Александр.

— Вам доставили неверные сведения, ваше высочество, — ответил Бесики.

— Ты от меня скрываешь правду. Впрочем, может быть, это и выдумки... Как дела Ираклия? Избежал ли хоть кто-нибудь его немилости?

— Если государь ради благоденствия страны наказывает виновного, то это простительно ему, кем бы ни был наказанный, — смело сказал Бесики, глядя прямо в лицо Александру.

Александр нахмурился.

— Вот что я скажу тебе, юноша. Государь, пекущийся о благоденствии страны, должен сделать так, чтобы подданные были довольны, а враги боялись его. Лишь тогда он достоин похвал. Перерезать горло брату,

чтобы отнять у него власть,— разве это забота о стране? Постой! Я заранее знаю твой ответ. Ты скажешь, что Ираклий стремится возродить прошлое величие Грузии и поэтому беспощадно борется как с внутренними, так и с внешними врагами... Да, я знаю, что Ираклий — бесстрашный полководец, который сам с обнаженной саблей ведет свои войска в бой. Но где слыхано, чтобы сосед ворвался в твоё жилище, отнял у тебя твоё добро и выгнал тебя из дому, утверждая, что он лучше тебя сумеет управлять твоим именем! Да ещё разорил бы всех твоих близких, объявив, что делает это для благоденствия страны! Заняв незаконно трон, Ираклий действует только ради своего благоденствия. Может быть, мы бы сделали лучше, если бы вместо России приехали сюда и просили покровительства у шаха Надира. Тогда картлийский престол остался бы в наших руках и нам не пришлось бы скитаться по миру. Кто я теперь? Как горька моя судьба! Лишившись всего, что принадлежит мне по праву, ограбленный собственным родичем, я должен искать куска хлеба и помощи при дворе чужеземного государя! Мне, потомку Давида Строителя и великой Тамары, пришлось на коленях проползти пятьдесят шагов, чтобы коснуться лбом ковра перед ногами персидского солдата, ставшего волей судьбы шахом.

Александр вскочил с места и отвернулся к окну, чтобы скрыть наворачувшиеся слезы.

Глубокое молчание воцарилось в комнате. Приближенные царевича стояли, выстроившись вдоль стен.

Молчание Бесики Александр понял как признак колебания, выражение сочувствия ему: значит, не так уж крепок трон Ираклия, если даже его чрезвычайный посол счел необходимым посетить опального царевича, домогающегося картлийской короны, и теперь выслушивает молча крамольные речи...

Вдали раздался протяжный крик муэдзина, призывавшего правоверных к вечерней молитве.

В ожидании приема у шаха Бесики расспрашивал Кайхосро о Персии, о Керим-хане.

— Ты знаешь, что правитель Персии,— рассказывал Кайхосро,— к которому мы завтра пойдем на прием, был просто-напросто рядовым воином? И кто знает, быть может, это тот самый воин, которого я однажды

угостил хорошим пинком в зад! Это было в то время, когда я вместе с другими грузинами служил под командой нашего государя в войсках Надир-шаха. Войско состояло из грузин и бахтиаров. Грузинами командовал наш государь Ираклий, бахтиарами — Али-Мардан-хан. Среди бахтиаров был некий Керим. Однажды мы с ним повздорили, и я дал ему такого пинка, что он подлетел на целый аршин. Он пожаловался на меня государю, но потом мы помирились. Уж не тот ли Керим сидит сейчас на персидском троне?..

— Вряд ли это может быть, — усомнился Бесики. — Если это так, то я готов расцеловать тебе обе руки.

— Говорю тебе, — это вполне вероятно. Ты ведь знаешь, что Али-Мардан-хан, воспользовавшись смутой после смерти Надир-шаха, попытался овладеть престолом. В этой борьбе его правой рукой был некий Керим-хан, который действительно когда-то служил в войсках Надира простым солдатом, но потом опередил всех, стал сначала юзбашем, потом минбашем и наконец сардаром. Перейдя на сторону Али-Мардан-хана, Керим взял Исфагань, водворил там порядок и обратил в бегство Азат-хана и Мухаммед-Гусейн-хана, тянувшихся к шахскому трону. Когда Али-Мардан-хан был убит (многие обвиняют в этом убийстве Керима, но я думаю, что это неправда), Керим постепенно покорил как Мазандеран, так и Азербайджан.

— Так, по-твоему, убийцы Али-Мардан-хана посланы не Керимом? — Бесики взглянул на Кайхосро с чуть насмешливой улыбкой.

— Нет! Благородство Керима известно всему свету. Чего тебе больше, он взошел на престол и все же не именуется шахом. Говорят, что он долго отказывался от престола и принял власть лишь по настойчивым требованиям соратников и единомышленников. Персия не помнит такого справедливого и великодушного повелителя.

Бесики махнул рукой.

— Ты говоришь, что Керим отказывался от престола? Но это свидетельствовало лишь о его хитрости и коварстве. Не поступи он так, кто стал бы терпеть вчерашнего оборванца на персидском троне?

— Так или иначе, но, по-видимому, он очень умный человек! .

— Вот это верно! — согласился Бесики и подошел к окну.— Смотри, сюда идет мехмендар.

Действительно, через несколько минут открылась дверь и в комнату вошел шахский мехмендар. Он почтительно приветствовал грузинского посла и передал ему от шаха убедительную просьбу — перебраться вместе со своей свитой в покои шахского караван-сарая, отведенные для почтенных гостей.

Отказаться было невозможно.

Бесики просил мехмендара передать глубокую благодарность шах-ин-шаху и спросил, когда можно будет воспользоваться предложенной милостью. Мехмендар молча указал на дверь, приглашая его отправиться тотчас же. Бесики решил предварительно посоветоваться со своим хозяином и узнать настоящую причину шахской любезности. Он не сомневался, что Керим-хан умышленно разобщает его с Нариман-ханом. Но поговорить с последним не удалось. Мехмендар не отходил от Бесики ни на шаг. Всю дорогу от дворца визиря до шахского караван-сарая у грузин не было возможности перемолвиться словом с кем бы то ни было. Когда гости расположились в своем новом жилище, мехмендар стал описывать Бесики церемониал аудиенции у шаха. Грузинский посол должен был опуститься на колени на некотором расстоянии от трона и так поднести шаху подарки Ираклия и его послание. Бесики молча выслушал мехмендара, но про себя решил, что на колени не станет.

В день, назначенный для приема, Бесики приказал своей свите одеться с особой тщательностью, начистить оружие до блеска, вымыть и почистить лошадей так, чтобы шерсть на них лоснилась.

Около полудня пришел мехмендар и сказал, что пора ехать во дворец. Бесики, облаченный в парадную одежду, сел на лошадь и, сопровождаемый мехмендаром и всей своей свитой, направился ко дворцу. Кайхосро ехал рядом с ним.

— Вот что, — сказал по дороге Кайхосро, — когда мы будем во дворце, мне придется остаться у порога зала, а ты подойдешь совсем близко к шаху.

— Ну и что же?..

— Посмотри внимательно на его лоб. Если это тот Керим, о котором я тебе говорил, у него должен быть на

лбу шрам от сабельной раны, а около правой ноздри— небольшое темное родимое пятно.

— Ты все о своем! Этого не может быть. Это не твой Керим.

— Чего не бывает на свете! — Кайхосро усмехнулся и сделал знак глазами всадникам.

Улицы Шираза огласились звуками грузинской походной песни...

Жители персидской столицы были непривычны к раскатистому, многоголосому грузинскому пению. Их слух привык к монотонным заунывным напевам, к визгливому фальцету исполнителей «шикасти» и «баяти». Длиннобородые, степенные персы, вельможи и купцы, караванщики и воины, муллы и ходжи, даже женщины в чадрах останавливались на улице и разглядывали с любопытством статных чужеземных всадников.

Звонко заливались тенора, басы отзывались низким мощным гулом:

Арало ари-арало...
Мошкара над дубом
Вилась да кружилась,
Тучею носилась,
Ветви облепила.
Дуб тряхнул ветвями,
Мошек в воду сбросил...—

пели всадники, и стройный топот их богато убранных коней вторил, словно барабанный бой, пению.

Звуки песни долетели до дворца и ворвались в окна. Окруженный своими вельможами повелитель Персии поднял голову и прислушался.

— Грузины едут, — сказал Керим-хан, улыбаясь.

Приказав встретить и немедленно ввести посла, Керим отпустил вельмож и удалился в малый зал. Он хотел побеседовать с послом Ираклия наедине.

У входа во дворец грузины соскочили с лошадей. Бесики предполагал взять с собой Кайхосро и еще двух или трех спутников, но корчибаш незаметно оттеснил от него всех воинов. Учтиво пропустив посла вперед, он приставил к остальным грузинам проводников из дворцовых служащих, которые, замедлив шаг, задержали гостей в первом же дворе. Между тем Бесики прошел сводчатую галерею и очутился во втором дворе. Здесь били фонтаны и в просторном бассейне плавали лебеди.

Двор был обнесен высокими мраморными колоннами, соединенными между собой арками. Придворные, попадавшие на пути, приветствовали грузинского посла легким наклонением головы. Корчибаш ввел его во дворец, и они пошли через ряд блиставших роскошью зал. Бесики чувствовал, что смелость постепенно покидает его. Он оглянулся, ища около себя Кайхосро, и только теперь увидел, что остался один. Подарки Ираклия несли за ним шахские слуги.

Бесики совсем растерялся. А когда черные рабы распахнули перед ним золотую дверь и он увидел в глубине зала Керим-хана, сидевшего с поджатыми ногами на троне, его объял страх.

Еще мгновение, и Бесики против своей воли преклонил бы колени, но вдруг перед его мысленным взором возник образ заплаканной грузинки, встреченной им в Исфагани. Он выпрямился и, расправив плечи, твердыми шагами пошел по ковру, которым был устлан зал. Остановившись в некотором отдалении от трона, он скрестил ноги, низко склонил голову и обратился к Керим-хану:

— Блистательного повелителя великой Персии почтительнейше приветствует посол грузинского царя придворный поэт Бесарион Габаони.

— Я рад видеть посла моего старого соратника Эрекле-хана, — донесся до Бесики ласковый голос Керим-хана. — Я вижу, что старый воин вырастил добрых соколов!

По тону, каким были сказаны эти слова, Бесики угадал, что Керим-хан улыбается. Он поднял голову и смело взглянул ему в лицо.

Узкая красная полоса — след старой сабельной раны — пересекала лоб Керим-хана, около правой его ноздри темнело небольшое родимое пятно...

Керим-хан некоторое время молчал, перебирая четки.

— Мне понятно все, что пишет мне Эрекле-хан, — сказал он, бросив взгляд на послание, которое держал перед ним придворный. — А ты что скажешь нам, сын мой? — обратился Керим к Бесики.

— Что могу я сказать, великий государь? Я только

скромный поэт и в государственных делах разбираюсь плохо.

— Тогда запомни хорошенько то, что я скажу. Напрасно Эрекле-хан думает, будто мне неизвестно, что происходит в вашей стране. Он хочет разорвать связывающую нас дружбу и ищет покровительства у северной царицы. Но это ошибка. Цари Грузии должны быть покорны Персии.

— Осмелюсь напомнить, что когда-то и владельцы Персии подчинялись афганцам,—с учтивой улыбкой возразил Бесики.

— Знаю, знаю, на что ты намекаешь... Но разве не шах Надир, слава его памяти, возвел на престол Ираклия и отца его Теймураза? После смерти НаDIR-шаха я, по велению аллаха, стал векилом Персии. Разве не имел я права требовать от Ираклия подтверждения его полной покорности? Я был бы вправе последовать примеру великого Шах-Аббаса и в случае неповиновения поднять меч против Грузии. Но я не сделал этого. Напротив, я утвердил грузинский престол за Ираклием и в благодарность за верную службу согласился подчинить ему ханства Ганджинское и Эриванское. И чем он отплатил мне? Открыл перед русской императрицей ворота Кавказа...

— Этого потребовала война с Турцией, великий государь! Ведь турки — и ваши непримиримые враги! Разве они не захватили вновь областей вашей страны, некогда освобожденных от их господства НаDIR-шахом? Мне кажется, борьба моего славного государя против Турции должна быть угодна повелителю Персии.

— Ого! — сдвинул брови Керим-хан. — Я начинаю сомневаться в том, что ты просто поэт, плохо разбирающийся в государственных делах. Придется испытать тебя! Ты должен будешь состязаться с нашими поэтами...

— Прикажете, я готов!

— Я знаю, что твои соотечественники славятся храбростью, искусством верховой езды и умением владеть оружием. Но поэтов ваших я еще никогда не слышал.

— Персидские поэты — величайшие в мире мастера слова, блистательный государь!.. Как посмею я равняться с ними?..

— Скромность украшает человека, сын мой,— сказал Керим.

Он перестал перебирать коралловые бусы четок и словно задремал, погружившись в свои думы. Все затаяли дыхание. В зале четко раздавалось тиканье стенных часов.

— Под Ахалцихом русский сардар покинул Ираклия,— заговорил Керим, словно во сне,— и оставил старого воина одного, лицом к лицу с превосходящим его врагом. Правда, Эрекле-хан победил, но ему пришлось с величайшей поспешностью вернуться в Тбилиси...

«Откуда он знает? — подумал Бесаки.— Конечно, у него есть в Тбилиси шпионы!»

Керим продолжал:

— ...Если бы русский сардар попал в Тбилиси раньше Эрекле-хана, куда девался бы царь? И вот Эрекле-хан пишет мне, чтобы я поссорился с турками и подружился с царицей Екатериной. Для чего? Чтобы она обошлась со мной столь же благородно, как с ним?

— Разрешите мне сказать!..

— Изволь, я слушаю! — Керим чуть насмешливо улыбнулся.

— Русский сардар покинул нашего государя самовольно. Он, конечно, ответит за это перед русской императрицей. Поведение одного бесчестного сардара не дает нам права сомневаться в добрых намерениях императрицы...

Керим-хан зажмурил глаза и весело засмеялся:

— Ты действительно простодушен, сын мой.

— Царь Ираклий отправил в Петербург посла с подробным донесением царице.

— А ответ он получил? — спросил Керим.

— Когда я выезжал из Тбилиси, ответа еще не было. От Тбилиси до Петербурга очень далеко — вдвое дальше, чем до Шираза!

— Почему Эрекле-хан стал воевать против турок? — продолжал Керим-хан. — Разве султан был ему плохим соседом? Почему он восстановил против себя турок, а теперь стремится и меня сделать своим врагом?

— Боже нас упаси от вражды с вами, великий государь! Но для вражды с турками у нас много причин.

— Какие?

— Вот первая причина, повелитель: турки незаконно владеют одной из древнейших земель Грузии — Самцхе-Саатабаго...

— Турки владеют и персидскими ханствами. Не дело, чтобы соседи ссорились из-за пяди земли, когда тигр у ворот.

— Есть еще причина. Вам известно, повелитель, что ахалцихский паша установил связь с Дагестаном, впустил лезгин в свой пашалык и не дает нам покоя. Они разоряют нашу страну. Отряды по сто, по двести человек прокрадываются через наши границы, нападают на деревни, уводят людей в Ахалцихе и продают их там на невольничьем рынке, как скотину, или же берут за пленных огромный выкуп. Наши жители вынуждены постоянно ходить с оружием. Дети и женщины боятся выходить из крепостей, крестьянин отправляется в поле, держа в одной руке серп, а в другой ружье. Извольте судить сами, есть ли у царя Ираклия причина примкнуть к России и поднять меч против турок?

Бесики пристально глядел на Керим-хана, который молчал, медленно перебирая четки.

— Я — старый солдат! — заговорил наконец Керим. Он повесил четки на руку, спустил ноги с трона и посмотрел послу в глаза.

Бесики склонил голову и увидел на ногах Керима пестрые шерстяные носки.

— Я — старый солдат и пережил несчетное число войн. Немало одержал я побед! После Надир-шаха Персия не знала такого непобедимого сардара, как я. И все же вряд ли аллах когда-нибудь создавал военачальника, который ненавидел бы войну больше, чем я. Я поднимаю оружие только тогда, когда нет никакой возможности договориться мирным путем. Отчего Эрекле-хан не обратился прямо в Стамбул? Надо было сказать открыто султану: «Избавь меня от лезгин, или я буду вынужден обратиться за помощью к России». Турки уже три года воюют с Россией, вряд ли они захотели бы увеличивать число своих врагов. Султан тотчас же обуздал бы лезгин, а ахалцихского пашу подчинил бы Эрекле-хану.

— Государь наш испробовал, великий повелитель Персии, все способы! Однако усилия его оказались тщетными. Турки не только не стали обуздывать лезгин,

наоборот: подарили двадцать тысяч туманов их вождю Супфав-хану и обещали ему грузинский престол! Однако господь послал победу царю Ираклию: в битве под Ахалцихе среди многих других голов скатилась на землю и голова Супфав-хана... Но вас, прославленный повелитель Персии, мой государь считает своим другом и покровителем. Он знает, что вы никогда не позволите себе отплатить злом за добро. Поистине, мне жаль царевича Александра Бакаровича...

Керим-хан поднялся. Бесики, глядя ему в глаза, продолжал:

— ...который приехал сюда из далекой России, должно быть, в надежде вернуть себе с вашей помощью картлийский престол... Но,— Бесики улыбнулся и опустил глаза,— я уверен, что вы не захотите погубить этого несчастного царевича и не допустите, чтобы он разделил судьбу Супфав-хана.

От Керима не ускользнула угроза, скрытая в вежливых словах Бесики.

— Того, что предопределено небом,— Керим поднял руки вверх,— ни я, ни какой бы то ни было смертный не в силах изменить. Царевич Александр действительно обратился ко мне с просьбой помочь ему стать царем Картли. Но я ограничился тем, что приютил его и сделал сардаром, пожалев потомка великого рода.

— Ваше великодушие известно всему миру, великий государь! О царевиче Александре я упомянул только потому, что он, наверное, неправильно обрисовал вам отношения между моим государем и Россией. Не верьте ему! Это человек, обиженный на свою судьбу и потому озлобленный.

— Знаю! Но многое из того, что рассказал мне царевич,— правда. Я узнал от него и то, что Эрекле-хан,— Керим остановился, подбирая слова,— скоро поймет истинный смысл милостей императрицы: Екатерина свергнет его с престола.

— Если это даже правда, то ведь одного желанья императрицы недостаточно, великий государь!

Керим-хан помолчал, что-то соображая.

— Хорошо,— сказал наконец он.— Я помогу Эрекле-хану договориться с турками, но он должен разорвать союз с Россией. Я сегодня же отправлю курьера к султану. Посмотрим, каков будет ответ.

— Мой государь приказал мне немедленно вернуться в Тбилиси с вашим ответом.

Керим задумался.

— Нет, лучше ты останься здесь со своей свитой, а я пошлю к Эрекле-хану своего курьера. Я должен обсудить с тобой ответ султана. Кто знает, какие условия он поставит. Твое присутствие здесь необходимо.

— Повинуюсь вашей воле! Но разрешите мне самому послать человека к моему государю.

— Ты и твои спутники у меня в гостях. У нас не принято утруждать гостей.

На этом Керим-хан закончил прием посла. Он приказал мехмендару оказывать грузинским гостям особое внимание и пригласил их всех вечером на пир. На следующее утро шах решил поехать вместе с грузинскими гостями на охоту.

После установленных выражений благодарности и почтительных поклонов Бесики, пятась, дошел до дверей и переступил порог. Черные слуги закрыли за ним тяжелую, окованную золотом дверь. Лишь тогда Бесики повернулся и быстрым шагом пошел прочь. Во дворе к нему присоединился Кайхосро.

— Как дела? — спросил он шепотом.

— Плохо! — рассеянно ответил занятый своими мыслями Бесики.

Кайхосро испугался и невольно замедлил шаг.

Бесики обернулся.

— Ну, что ты остановился? Пойдем! Ничего страшного нет, дома все расскажу!

— Ух, как ты меня напугал!..

— Идем, все на нас смотрят. Придется нам сидеть тут... два или три месяца.

— Почему?..

— Не знаю! Должно быть, у шаха есть какие-то соображения, по которым он не хочет нас отпустить.

Домой они вернулись опечаленные. Бесики лег на тахту и задумался. Напрасно Кайхосро расспрашивал его, он молчал. Потом вдруг вскочил с тахты и со смехом подбежал к Кайхосро.

— Дай твои руки! — Бесики схватил обе руки Кайхосро и поцеловал запястья.

— А! — воскликнул Кайхосро. — Так это, значит, он?

— Он самый! Где слуга? Позови его, пусть принесет нам шербету!..

Чума унесла более восьми тысяч жизней. К осени чума стала постепенно ослабевать и вскоре прекратилась.

Но постоянные переезды двора и путаница, воцарившаяся во дворце, настолько расстроили жизнь государства, что даже самые стойкие из государственных людей пали духом.

Каждый день приносил неприятные вести.

Осенью Ираклий получил сообщение, что испуганные чумой борчалинцы покинули страну. Разгневанный царь послал в погоню за ними сильный отряд во главе с Агабабом Эристави. Беглецов удалось вернуть. Царь сам встретил их у Агджакальской крепости. Сначала он гневно обрушился на них, но потом смягчился, стал вспоминать прошлые войны и верную службу борчалинцев, обласкал их, наградил многих своих соратников и разослал всех по домам.

Покончив с этим делом и успокоившись, Ираклий собрался посетить Ахтальские рудники и уже приказал было седлать лошадей, как внезапно прискакал курьер и сообщил с приезде особого уполномоченного императрицы, капитана Языкова.

— Слава богу! — воскликнул Ираклий. — Скоро ли он будет здесь?

— С часу на час. Он едет вслед за мной, — ответил курьер.

Курьер, отпущенный Ираклием, отыскал Давида Орбелиани и тайно вручил ему какую-то бумагу.

Ираклий с нетерпением ждал прибытия Языкова, приехавшего полтора месяца тому назад в Грузию, но первым долгом отправившегося в Имерети, где находился Тотдебен со своим корпусом. Ираклию это не понравилось. Он стал сомневаться в благожелательном отношении к нему императрицы. Эти подозрения стали еще сильней, когда ему сообщили, что Моуравов, вызванный к Языкову якобы для переговоров, арестован и отправлен под конвоем в Петербург.

Через некоторое время к Ираклию, находившемуся в это время в Борчало, прискакал гонец со спешным доносением. Языков собрал в Сурами князей, дворянство

и крестьян и прочел им обращение императрицы, грузинский перевод которого был разослан им в населенные пункты Картли и Кахети.

Ираклий приказал немедленно доставить ему это обращение. Его-то именно и привез курьер Языкова. Однако он вручил бумагу, как было ему приказано, не царю, а Давиду Орбелиани, беседовавшему в это время с группой придворных. Давид углубился в чтение переданной ему бумаги.

— Обращение надо огласить тут же до передачи его царю,— сказал Чабуа Орбелиани.

Давид едва сдержался, чтобы не наброситься на своего почтенного родича.

— Объясни, что случилось? Почему ты так рассвирепел?..— спрашивал Кайхосро Авалишвили.

— Дождались!..— прохрипел Давид, не сводя глаз с Чабуа.— Вот она, милость императрицы!.. Вот вам русское покровительство!

— Обращение надо огласить,— раздался из группы чей-то робкий голос.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, я прочитаю вам эту бумагу! Собрать мдиванбегов, позвать всех!..

Давид резким движением развернул сложенное обращение. Вельможи окружили его. Скоро к ним присоединились воины и дворцовые слуги. Вокруг Давида образовалась толпа людей, слушавших его с таким вниманием, что никто не заметил вошедшего неожиданно Ираклия. Царь остановился поодаль и стал внимательно слушать.

— «Объявляю,— читал Давид,— всем грузинским князьям, дворянам и народу.

Подвиглись мы по природному нашему великодушию и по усердию к православному закону в настоящее удобное время, когда Порто-оттоманская по своему вероломству разрушила бывший с нашею империею вечный мир, воспособствовать Грузинским областям к избавлению от тяжкого порабощения, в которые оныя от превозмогшаго магометанства приведены будучи, поныне злострадали и, употребляя действительно к тому все достаточные средства, ожидали с удовольствием и надеждою не токмо со стороны Грузинских владетелей без изъятия, но и каждого обитателя, к отечеству своему благонамеренного,

глубочайшего благодарения, за такое до них, несмотря на иждивения и трудности, монаршего нашего попечения, единственно в собственную их пользу распространение, а потому и совершенного их с нашего волею и руководством соображения. Но Ираклий, один из знатнейших грузинских владетелей, долженствовал по своему состоянию всем прочим служить примером, напротив того, странным своим поступком, оказанным в рассуждении нашего генерал-майора графа Тотлебена, которого мы избрали к предводительству наших войск в Грузии, оскорбя нашу собственную на сего военного начальника возложенную доверенность, как бы с умыслу и с намерением искал через то же воспрепятствовать и военным предприятиям, против общего всего христианства, но того ж самого и особенного всей Грузии неприятеля...»

— Это кто оскорбил генерала? — вдруг взревел мдиванбег Рамаз, хватая Давида за руку.

— Кто? Да государь! Или ты еще не понял, в чем дело? — ответил Давид.

— Наш государь?

— Да, наш государь! Дай дослушать до конца, вмешался Кайхосро Авалишвили.— Продолжай, Давид, читай дальше!..

— «..ибо вместо того, чтобы поступать с нашим генералом с искренностью и единодушием, общия, но согласные в произведении поисков принимать меры и действительно по оным исполнять, о прокормлении наших войск стараться, одним словом вместо того, чтобы ускорять, сколько от него зависит, совершенно благополучия Грузии, он допустил себя уловить злоумышленникам, оказавшимся из состоящих в нашей службе и, дозволяя им у себя убежища, поползнулся укрыть их от должного правосудия и наказания, и все наши войска, порученные в команду помянутого генерала, отводить от послушания, как то особливо сделал своим письмом, присланным к полковнику Клаверу во время следования его с полком в Грузию, обвиняя оным письмом графа Тотлебена совсем ложно и некстати, по наущению беспокойных и коварных людей, с коими сообщился изменой по случаю отступления его (Тотлебена) от турецкой крепости, называемой Ацквери, которое однако ж было необходимо,

в предупреждение по худым самогожь его Ираклия распоряжениям, вредных уже наступавшаго голода следствий. Граф Тотлебен, сохраняя право всемилостивейше порученного от нас ему начальства в показание, сколь тяжкое преступление составляет опорственность нашей всевысочайшей и самодержавной власти, как явная, так и не меньше коварная, а притом и, предваряя заведенных в Грузию для ее избавления наших войск употребление к исполнению посторонних и с сим главнейших и богоугодным видам немало несопряженных намерений, имел самая основательнейшия и самые убедительнейшия причины привести Ираклия в изнеможенное состояние».

Давид остановился и окинул каким-то испытующим взглядом слушателей. Все стояли в мертвом молчании, затаив дыхание.

— «Оставляя его и впредь навсегда в настоящей несчастливой участи, собственным легкомыслием навлеченной, и тем воздавая ему возмездие за причиненный во всей Грузии соблазн, мы не превзошли б пределов справедливости, но...»

— Постой, постой! — снова крикнул мдиванбег Рамаз. — Да объясни же, о ком все это говорится?

— О государе, поймешь ли ты наконец? — ответил Давид.

— О нашем государе?

— Да, о его величестве царе Ираклии. Дай дочитать.

— Не желаю слушать! — закричал Рамаз и обвел присутствующих бешеным взглядом. — Что за напасть, с кем это мы связались?.. Чего вы молчите, люди?

— Не горячись, Рамаз! — слышался мягкий, спокойный голос Ираклия.

Все обернулись и только теперь заметили, что царь стоит тут же, поблизости.

— Успокойся, Рамаз, — повторил Ираклий и, пройдя через расступившуюся перед ним толпу, сказал Давиду: — Читай дальше, сын мой!

— Простите меня, государь, что я без вашего разрешения стал читать...

— Ну что ж, сын мой, — ведь русская императрица обращается к вам, князьям, дворянам и всему народу. Читай, но только позволь и мне, как обвиняемому, присутствовать при чтении.

Давид опустил голову. Он продолжал сдавленным голосом:

— «...но, будучи склонны к милосердию, допускаем однако же заступать за него пред нашим престолом его жь самого к оному всегда и ненарушимо до сих злоключительных происшествий продолжавшейся преданности, приемля притом в рассуждение, что он впал в искушение, как выше сказано, не более по собственному своему побуждению, сколько по обольщению злохитрых людей, которых коварные внушения ему, как недостаточно сведущему правил и положений правительства нашей империи и строгости военного подчинения, могли показаться вероятными и по обстоятельству их в нашей службе бытности и что они сами по большей части из природных грузинцов. И так, если оправленной в Грузии для прекращения произшедших там неурядиц нашей гвардии капитан Языков усмотрит прямое его Ираклиево раскаяние и он подаст сему, нашей доверенности удостоенному офицеру на письме для представления нам повинную, в таком случае мы его, Ираклия, в учиненном им преступлении всемилостивейше прощаем, и, возвращая ему прежнее наше монаршее благоволение, силой сей нашей всевысочайшей грамоты возстанавливаем в прежняя достоинства, в совершенной надежде будучи, что он от подобных поползновенностей всячески впредь предостерегаться имеет...»

Давид читал, но слов его больше не было слышно. Придворные подняли такой шум, что совершенно заглушили его голос.

— Порви это мерзкое письмо, мы не желаем его слушать! — кричал начальник мандатуров Глаха Цицишвили.

Царь поднял руку. Шум тотчас же смолк.

— Господин начальник мандатуров! — послышался спокойный голос Ираклия. — Поручаю вам устроить достойную встречу уполномоченному российской императрицы. Приготовьте войска для торжества, созовите музыкантов, поднимите знамена над царским шатром и приветствуйте гостя стрельбой из крепостных пушек.

Капитан Языков действовал согласно инструкции, полученной им в коллегии иностранных дел.

Президент коллегии иностранных дел граф Панин, введенный в заблуждение донесением Тотлебена и наговорами грузинских царевичей, противников Ираклия, находившихся в Москве, предполагал, что грузинское дворянство и народ не сочувствуют Ираклию. Чтобы проверить это предположение, он поручил Языкову прощупать почву и попросил императрицу написать особое обращение к грузинским князьям, дворянам и народу. В том случае, если бы донесение не подтвердилось, Языков должен был укрепить положение Ираклия и настоять на возобновлении военных действий против турок.

Относительно подполковников Ратиева, Чоглокова и поручика Дегралье в инструкции было записано, чтобы Языков немедленно по приезде в Грузию арестовал их и выслал в Россию для предания суду военной коллегии. Что же касается Моуравова, который, по мнению коллегии иностранных дел, никакого радения в порученной ему должности не проявил, поссорил генерала Тотлебена с Ираклием и впутал грузинского царя в преступные против графа заговоры, то его, Моуравова, надлежало арестовать, а его должность вручить находящемуся при генерале капитан-поручику Львову.

Кроме всего этого, по той же инструкции капитан Языков должен был дать подробное описание Грузинского царства.

Узнав, что Тотлебен ушел с войсками в Имерети, Языков тотчас же отправился вслед за ним. После беседы с Тотлебеном и с Львовым он изменил свое мнение о событиях в Грузии.

Львов, по секрету от Тотлебена, сообщил капитану, что царь Ираклий вел себя совершенно безупречно и что запутал дела сам генерал.

Выслушав все это, Языков решил явиться к Ираклию, но сначала, как сказал ему Панин, попытался прощупать почву и обнародовал обращение императрицы, написанное под впечатлением лживых донесений Тотлебена.

Оглашение обращения рушило все предположения и ожидания Панина, поверившего Тотлебену. Всюду оно вызывало лишь возмущение.

Когда Языков увидел высокие башни Агджакальской крепости и выстроившихся перед ее стенами воинов, он понял, что предстоит торжественный прием.

За крепостными воротами его встретил Давид Орбе-

лиани, стоявший прямо и неподвижно, как каменное изваяние: его душила злоба и против Ираклия, и против посланца из России. Вдруг грянул пушечный залп. Раздались звуки торжественной музыки. Давид Орбелиани уступил дорогу Языкову и легким движением руки пригласил его к царскому шатру.

Языков пошел вперед, все ускоряя шаг, между двумя рядами придворных.

Подойдя к шатру и увидев царя, который вместе с католикосом стоял у входа, он опустился на одно колено и склонил голову.

Ираклий подошел к нему, поднял и пригласил в шатер.

Языков почтительно изъявил свою радость по поводу того, что судьба удостоила его лицезрения царя Грузии и прославленного полководца. Представив нового посла, капитана Львова, назначенного императрицей взамен арестованного Моуравова, он вручил Ираклию привезенную им грамоту.

— Совсем недавно мои подданные прочитали обращение императрицы к ним, — сказал Ираклий Языкову.

— Ваше высочество! — воскликнул с волнением Языков. — Я должен чистосердечно признаться, что совершенно иначе представлял себе положение дел. Я вижу, что сообщения Тотлебена были односторонни и неправильно освещали происшедшие здесь события. Однако они произвели свое действие. Поэтому пусть вас не удивляет и не оскорбляет гнев государыни-императрицы, который сменится полным благоволением, как только она получит мое донесение. Ваше высочество, я имею приказ выяснить в подробностях все обстоятельства дела, которое возбудило сомнения ее величества. Естественно, что императрица должна была считаться с генералом, облеченным высокими полномочиями, и верить его сообщениям. Думаю, что и вы поступили бы в подобном случае так же, как ее величество. Вы отнеслись бы к донесениям вашего генерала с большим доверием, не жели к жалобам на него со стороны какого-либо из соседних владетелей. Великодушие моей императрицы сказало в том, что, несмотря на свой гнев, она выразила вам свое благоволение. Чрезвычайно разгневавшись сперва, она в тот же день пожаловала вас высочайшей грамотой. Вы убедитесь в благоволении ее величества,

если разрешите прочесть мне грамоту сейчас перед вами.

Ираклий сказал, что он сам ознакомится с грузинским переводом послания императрицы, а Языкова попросил пока отдохнуть и вечером снова пожаловать к нему вместе с новым послом.

Языкова и Львова поместили в отдельном шатре и устроили приличествовавшее их сану угощение.

Языков был в мучительном беспокойстве и поминутно спрашивал Львова, какое, по его мнению, впечатление могли произвести на Ираклия письма Екатерины. Львов олюновался не менее Языкова.

— Какой дьявол внушил вам обнародовать это ужасное обращение?—спросил он Языкова.

— Вы с Тотлебенем и есть этот дьявол!—ответил Языков.—Расхлебывай теперь кашу, которая заварилась из-за этого обращения.

Поздно ночью Языкова и Львова снова попросили к царю. Он тепло встретил их и в присутствии католика и вельмож объявил, что по-прежнему преисполнен чувства преданности к русской императрице. Ираклий выразил надежду, что Языков тщательно расследует все обстоятельства его размолвки с Тотлебенем и беспристрастно опишет события в своем письме на имя императрицы. В доказательство своей верности союзу с Россией Ираклий выразил желание немедленно встретиться с Тотлебенем, примириться с ним и продолжать совместные действия против турок.

Языков облегченно вздохнул. Он не ожидал такого благополучного исхода дела. Ему было прекрасно известно содержание грамоты Екатерины: в ней не было ничего такого, что могло бы вызвать недовольство у Ираклия. Убедившись, что Ираклий с удовлетворением принял грамоту, Языков приободрился и через несколько дней отправил в Петербург пространное донесение графу Панину:

«Ваше высочайшее превосходительство сиятельный граф Никита Иванович!

С низжайшим моим почтением честь имею вашему высокому графскому сиятельству донести, что я отправил из города Гори курьера к вашему сиятельству сего месяца 3 числа, и за несколько дней перед тем писал я к царю Соломону, прося ево для меня приготовить лошадей. В ответ получил я от царя Соломона письмо, в ко-

тором пишет с великим неудовольствием, что гр. Тотлебен ево со всем ево войском не хочет иметь при себе и в письмах ево, царя, называет татаринном... По сим обстоятельствам я часа не мешкав, наняв лошадей, поехал в Имеретию искать царя Соломона. Нашел его в городе Кутаисе, в три дня едва мог добитца ево видеть. Когда же я царю Соломону представил, чтобы он персональную на графа досаду оставил, а корпусу нашему, как невинному в оном деле, во всех нуждах в провозе через ево землю аммуниции и протчаго помогал; — на оное царь мне отвечал при всех его князьях, что ежели государыне угодно он охотно голову свою на плаху положит, и божился Богом, когда наша государыня нам с царем Ираклием прикажется запречь вместо быков, мы станем тянуть и горы на себе возить, а графа Тотлебена после такой обиды, что он меня назвал татаринном, каким я в век мой не был, видетца с ним и вместе быть никак не могу. Преданность царя Ираклия и царя Соломона к нашей государыне — неограниченна. При отъезде моем из нашего лагеря к царю Ираклию, помирил я царя Соломона с графом, — как же скоро я уехал, то граф опять поссорился и теперь у обоих царей с графом внутренняя злоба, и хотя бы они вместе с войсками пошли, то граф им всякие досады на каждой день будет делать. Признаюсь вашему сиятельству, боюсь, чтоб напрасно головы не потерять: здешний народ совсем дикой, без просвещения, едва мог уговорить царя Соломона и привести его опять в прежние мысли. Гр. Тотлебен публично обеих царей бранит и ссчитает их как последнева солдата, им все оное через шпионов доходит; хотя они и не просвещены, однакож весьма любочестивы в своем звании царском, и графа в здешних народах до последнего человека не терпят, и как мне кажетца, ежели граф останется здесь будущую кампанию, то ничего другога как дурнова ждать не должно потому, что он, видев мою инструкцию и получа указ ея величества, в противность оных, он опять затем со всеми ссоритца и один с корпусом без помощи других под крепостью стоит.

Ее величество моя все милостивейшая государыня указать мне соизволила о всех случаях подробно писать и ваше графское сиятельство тоже подтвердили, то я как верной раб ея императорского величества и ссчитаю за должность вашему сиятельству нащот графа Тотле-

бена донести. Пребывание ево здесь ни на что иное, как толко, чтоб достать себе добычу, что доволно уже и достал и для таво точно отгоняет от себя здешних царей и один хочет города брать... Выдает граф по пяти копеек в день каждому солдату, а за деньги купить нету соли, ничего же нет... Никогда войско Российское в такой нужде не бывало,— все оное от дурного распорядка...»

У Давида Орбелиани впервые произошла размолвка с тестем. Правда, Ираклий ничем не обнаруживал своего неудовольствия, но было очевидно, что отношения между тестем и зятем утратили былую сердечность.

Нельзя было, конечно, объяснить это охлаждение чувством личной неприязни, честолюбием Давида или нежеланием царя иметь у себя помощников, оспаривающих его государственный талант и военную славу: он встречал снисходительной улыбкой разговоры о том, что Бесики и другие молодые царедворцы считают победителем турок у Аспиндзы не царя, а его зятя — Давида.

Царь все больше расходился со своим зятем, главным начальником войск и правителем двора Давидом Орбелиани, в основных вопросах политики Грузии. Давид, поддерживаемый Леваном, считал, что сближение с Россией, объединение с ней для борьбы с общими врагами, Персией и Турцией, не есть единственный путь для Грузии. Считая себя патриотами, упорно отстаивая свою точку зрения, приверженцы Давида и Левана глубоко заблуждались. Неумение разобраться в сложной политической обстановке, стремление изменить во что бы то ни стало путь, по которому вел Грузию Ираклий, поддерживаемый действительными патриотами, неизбежно толкали Давида и его сторонников в лагерь противников царя.

Давид убеждал Ираклия вернуть капитану Языкову грамоту императрицы, вызвать назад послов, отправленных в Петербург, и прервать всякие отношения с Россией...

Но напрасно Давид увещевал, настаивал, упрашивал... Царь не согласился с ним. Он считал, что, потеряв дружбу и покровительство России, Грузия скатится в пропасть.

Соображения Ираклия казались Давиду необосно-

ванными. Он был уверен, что турки, узнав о разрыве Ираклия с императрицей, немедленно заключат мир с ним. Керим-хан так же с удовлетворением примет известие о решении грузинского царя и окажет ему всяческую помощь. Таким образом, еще до окончания русско-турецкой войны Грузия получит возможность устроить свои внутренние дела: создать постоянное войско, изготовить пушки нового образца и, что важнее всего,— отстроить и заселить разрушенные деревни. Все эти мероприятия должны были, по мнению Давида, потребовать не более двух или трех лет. А тогда уже можно будет совсем иначе разговаривать с соседними государствами. Им придется тогда считаться с Грузией более серьезно, чем сейчас.

Ираклий рассеянно слушал Давида и даже не пытался оспаривать его. На все доводы у него был один ответ: «Нет!»

Давид просил царя хотя бы повременить до возвращения Бесики из Персии, а до тех пор не давать Языкову ответа.

Ираклий и на это не согласился.

Давид попытался привлечь на свою сторону мдиванбегов и других сановников, но вскоре убедился, что рассчитывать на их помощь не приходится. Будь здесь Леван... Но царевич был в отъезде, а без его помощи Давид был бессилён. Его поддержали только два или три мдиванбега, все же остальные сановники присоединились к Чабуа Орбелиани, разделявшему мнение Ираклия.

Давиду Чабуа опротивел.

— Что ты прыгаешь около русских офицеров, как комнатная собачонка,— не вытерпев, сказал он однажды мдиванбегу.— Не бойся, не убегут!

— Сказано Проклом Диадокхом...— начал, как обычно, Чабуа, но Давид нетерпеливо перебил его:

— А ну тебя! Свою голову надо иметь, а от беганья к Проклу не будет проку. Императрица нанесла нам оскорбление, а ты готов целовать сапоги ее офицерам!

— Что ж, прикажешь зверем на них глядеть? Человек приехал расследовать дело, установить, мы виноваты или генерал Тотлебен, а ты велишь не улыбаться! Не буду же я ссориться с лодочником, сидя в лодке!

— Эх, скорее бы Бесики приехал с ответом от Керим-хана! Тогда я буду знать, как поступить!

— Бесики! Ха-ха! Бесики! Вот удивил! Он, оказывается, надеется на Бесики!..

— А почему бы нет? — вспыхнул Давид.

— Я тебя считал умным человеком, а ты, оказывается, рассчитываешь, что Бесики спасет страну! Уж не думаешь ли ты, что Керим-хан станет беседовать с этим безусым юнцом о государственных делах?

— Царевич Леван тоже безусый юнец,— сказал Давид с досадой,— но думаю, что он разбирается в государственных делах не хуже, чем некоторые мудрецы из мдиванбегов!

— Сравнил! Так ведь Леван — царевич, а тот — простой попович! Какой из Бесики посол? Я просто сгораю от стыда, когда подумаю, что государь отправил его послом в Персию!

Давид быстро отошел от Чабуа. Он боялся, что не сумеет сдержаться и скажет лишнее.

Третьего ноября прискакал курьер. Он сообщил Ираклию, что приехал посол из Персии. Давид спросил, нет ли с ним Бесики, но курьер ответил, что посла Керим-хана сопровождают только персы.

Царь приказал устроить персидскому послу особенно почетную встречу.

Языков и Львов были приглашены присутствовать на приеме.

По обычаю, грузинский царь должен был выйти из крепости навстречу шахскому послу, но Ираклий решил нарушить этот старый обычай и выслать вместо себя Давида Орбелиани. Сам же он восседал на троне в своем шатре. По правую руку от него сидел католикос, по левую выстроились мдиванбеги. Языкову и Львову отвели место с правой стороны, позади католикоса. Ираклий хотел подчеркнуть перед послом Керим-хана свою неизменную дружбу с Россией.

Персидский посол оказался старым знакомым Ираклия, бахтиаром Асат-Мирзой. Царь приветливо улыбнулся ему. Выбор послом человека, хорошо знакомого грузинскому царю, показывал, что шах желает сохранить с Грузией прочную дружбу. Мать Асат-Мирзы была грузинкой, и сам он хорошо говорил по-грузински.

Асат-Мирза опустился на колени перед Ираклием, трижды коснулся лбом пола и протянул царю послание

шаха. Ираклий взял письмо, передал Давиду и с улыбкой обратился к Асату:

— Передай от меня особую благодарность шаху за то, что он прислал именно тебя. Клянусь богом, я очень рад тебя видеть, мой Асат!

— Да падут все ваши горести на голову Асат-Мирзы, о солнцеравный Иракли-хан! — ответил по-грузински Асат.

— Разве мой посол не явился к Керим-хану?

— Не знаю, великий государь. Я был в Гиране, мой повелитель спешно вызвал меня и немедленно отправил сюда. В Ширазе я провел всего несколько часов. О вашем после я ничего не слыхал.

— Как поживает непобедимый сардар, слава Персии, Керим-хан Занд?

— Мой повелитель очень встревожен, великий государь. Из этого письма вы все узнаете. Прошу вас, поспешите с ответом. Мне приказано вернуться обратно тотчас же, как только мне будет вручен ваш ответ, хотя, как вам хорошо известно, пребывание около вас для меня — величайшее счастье.

— Хорошо, Асат! Завтра же получишь ответ. А пока я постараюсь, чтобы ты не скучал. Вечером побеседуем наедине.

Ираклий задал послу еще несколько незначительных вопросов, вспомнил совместную службу в Афганистане и Индии и отметил искреннюю любовь, которую Асат-Мирза питал к грузинам.

Прием окончился. Ираклий приказал провести почетного гостя в назначенные ему покои.

При чтении царем письма Керим-хана присутствовали только католикос и Давид Орбелиани. Керим-хан предлагал немедленно расторгнуть союз с Россией и изгнать из Грузии русские войска. Взамен он обещал грузинскому царю всяческую помощь.

Считая создавшееся положение особенно благоприятным, Давид стал настойчиво предлагать последовать совету Керима.

— Государь! Мы должны стремиться восстановить былую силу и былое величие Грузии! А мы стараемся спрятаться под чьим-нибудь крылом. Но не укрыться соколенку под крылом орла! Орел его растерзает. Соколенок должен научиться летать, и когда он расправит

крылья, ни орел, ни коршун не будут ему страшны. Дружба с Россией ничего нам не даст. Неужели вы не видите, что эта огромная держава с самого же начала пытается нас поглотить? Государь, обстоятельства благоприятствуют нам. В настоящее время ни Турция, ни Персия, ни Россия не посмеют тронуть нас, потому что все они опасаются друг друга. Воспользуемся представившейся возможностью,— у нас есть время, мы можем укрепнуть и так широко расправить крылья, что и орел, и волк, и лев будут относиться к нам с почтением.

Ираклий смотрел на него, сдвинув брови, и думал совсем о другом. Посылая Бесики, он надеялся восстановить Керим-хана против Турции и, завоевав таким путем расположение императрицы, окончательно укрепить свое положение.

Екатерина должна была, по расчетам Ираклия, поручить ему вести все военные действия против турок в Закавказье и доверить командование своими войсками. Вот почему Ираклий наказал Бесики настойчиво советовать Кериму объявить Турции войну. Очевидно, молодой, неопытный посол не сумел выполнить это важное поручение. Керим-хан писал Ираклию только о том, что задержал его посла до получения от султана окончательного ответа.

Шах, конечно, лукавит: он задержал Бесики в Ширазе по совершенно иным соображениям, а своего посла отправил к Ираклию тайно от Бесики, чтобы не дать последнему возможности связаться со своим государем. Ираклий был подозрителен от природы. Поведение шаха возбудило в нем столь сильные опасения, что он не хотел и слушать соображения Давида и выразил полное согласие с католикосом Антонием, который убеждал его, что без покровительства России Грузию ожидает судьба ее южной провинции Месхети, превращенной в турецкий пашалык.

— Разве время порывать с Россией сейчас, когда уполномоченный императрицы выказывает такое почтение к государю и снимает с нас все обвинения,— добавил Антоний,— и когда сама императрица пишет в своей грамоте, что если Языков докажет правоту грузинского царя, благосклонное отношение ее к Грузии пребудет неизменным? О чем тут еще раздумывать? .

Ираклий повернулся к Давиду:

— Слова его святейшества совершенно справедливы. Ты глубоко заблуждаешься, достойный зять мой. Соображения твои можно было бы считать правильными, если бы имелась надежда, что наши извечные враги — Турция и Персия — позволят нам усилиться. Но они только ждут благоприятного момента, чтобы разорвать Грузию на части и поделить между собой. Следовать твоему совету — значит, обречь наше государство и народ на гибель. Не тебе управлять погодой в великом океане истории. Поступая по твоему, нам придется довериться судьбе. Плох тот правитель, который вверяет случаю и призрачной надежде на удачу будущее своей страны. Поверь мне, гнев императрицы менее опасен, чем полные коварства ласковые речи Керима. Конечно, русское правительство защищает, прежде всего, интересы своего государства и преследует свои цели на Кавказе. Но Россия — единовенная нам страна: наши цели в борьбе с Турцией и Персией совпадают. Нам во всех случаях надо быть с Россией. Она для нас — тот обетованный берег, куда я должен привести истерзанный бурями корабль, мою многострадальную страну.

Давид не нашел доводов, чтобы возразить Ираклию: он молча посмотрел на тестя.

Ираклий вызвал Соломона Леонидзе и вручил ему письмо Керим-хана для передачи Языкову. Он хотел показать уполномоченному императрицы, что ничего не скрывает от него.

Взбешенный этим еще больше, Давид тотчас же покинул шатер царя и приказал слугам седлать лошадей. Испросив разрешение у государя, он отправился в Тандзию навестить свою беременную супругу.

Б

есики провел в Персии почти год и вернулся в Тбилиси лишь в средних числах июня 1771 года.

Когда, миновав Телети и поднявшись на холм, он увидел вдали столицу, его охватило необычайное волнение.

День уже клонился к концу. Весь город, со своими башнями и куполами, с серебристо сверкающей лентой Куры и горделиво высившимся над ней, словно орел на утесе, замком Метехи, был опутан тонкой сетью лучей заходившего солнца. На мгновение в памяти встали ужасные картины прошлогодней чумы. Но взор Бесики различил и застланные коврами арбы, и нагруженных корзинами ослов, и горожан в высоких шапках, и играющих на улице детей. Эта картина мирной жизни сразу заслонила тяжелые воспоминания. Он хлестнул лошадь и пустил ее с холма во весь опор.

Подъезжая к баням, Бесики увидел знакомых горожан и, сняв шапку, приветствовал их...

Но никто не узнал поэта. Он сам и его свита были

одеты в персидские халаты, на головах у них были шапки, обмотанные тюрбанами, а лица у всех — опалены солнцем.

Город уже забыл о бедствиях чумы. На улицах толпился народ. Плоские крыши домов пестрели разноцветными платьями женщин. Тбилиси был полон обычного, свойственного ему жизнерадостного шума. В кузницах стучали тяжелыми молотами кузнецы, сапожники шили обувь, взмахивая вывернутыми наружу кулаками, ткачи у своих станков постукивали ткацкими гребнями, в ватных рядах по-прежнему раздавалось «вау... вау...» натянутой, как струна, теребилки. Откуда-то доносились звуки бубна и сазандари...

Бесики улыбался удивленным возгласам горожан, доносившимся до него со всех сторон:

— Ва, кто это такие?

— Разве не видишь? Шахские люди!

— Не шахские, а, кажется, наши.

— Братцы, да ведь это Бесики!

— Кто?

— Клянусь моим счастьем, это он! Бесики, ты ли это?..

— Это он, это он! Смотрите — смеется!

Шум и возгласы становились все громче и громче. Ремесленники побросали работу и высыпали на улицу. Бесики весело приветствовал их, называя знакомых по имени:

— Здравствуйте, здравствуйте, Баграт, Пируз, Аняния! Ну как вы? Я вижу, все живы, здоровы... Это ты, Кристесия? Как твои дела? А, и Миха-рачинец все еще здесь! Ты ли это, Иасэ? Как поживаешь? — Бесики соскочил с коня и обнял старого книготорговца. — Если бы ты знал, как я рад тебя видеть! А мне все казалось, что я никого больше не увижу! Слава всевышнему, все целы и невредимы!

— Эх, мой Бесики! Много ли нас осталось, — ответил Иасэ. — Только в одном Тбилиси больше четырех тысяч унесла проклятая чума! А ты сам как поживаешь? Слава богу, вернулся благополучно. Книги привез?

— Как же, привез! Такие книги, каких ты и во сне не видел!

Еще по дороге в Борчало Бесики узнал, что царя в Тбилиси нет. Поэтому нечего было торопиться во дворец.

Расставшись с Иасэ, он направился со свитой в Сионский собор, попросил священника отслужить молебен по случаю своего благополучного возвращения и лишь после этого пошел во дворец. Здесь он не нашел никого, кроме царского домоправителя Мамучи, который сообщил ему много неприятного. Больше всего Бесики огорчило известие о том, что Ираклий переселил царицу Анну-ханум в Мцхета, отведя ей комнаты в монастыре святой Нины, а палаты ее в Метехском замке занял сам.

Таким образом, у Бесики не было теперь в Тбилиси пристанища. Государь, по словам домоправителя, по-видимому, гневался на него. Царь несколько раз выражал недовольство тем, что его посол так долго задержался в Персии. Как нож, вонзились в сердце Бесики эти слова. Боясь услышать худшее, он оборвал разговор и попросил домоправителя не вынуждать его идти в гостиницу, а устроить на ночь во дворце. Потом он стал расспрашивать Мамучу обо всех своих друзьях и знакомых: где они, как живут, что поделывают? Что слышно в городе? Мамуча сообщил ему все новости. Бесики узнал, что генерал Тотлебен отозван, а на его место прислан генерал Сухотин, которого государь встретил с большим почетом; что генерал Тотлебен поссорился не только с имеретинским царем Соломоном, но и со всеми своими офицерами, а потом — и с Языковым.

— Кто такой Языков? — спросил Бесики.

— Офицер, присланный русской царицей для расследования здешних дел, — ответил Мамуча. — Он приехал сюда во время твоего отсутствия, расследовал все, что здесь понаделал Тотлебен. В Имерети этот чертов генерал такое натворил — почище, чем у нас! Только и знал, что грабил. А по отношению к царю Соломону позволил себе такую дерзость, что ты и не поверишь: обозвал его татаринном! Можешь себе представить гнев царя! После этого Соломон приказал не допускать к себе генерала на ружейный выстрел.

— А новый генерал?..

— Кто? Сухотин? А кто его знает... Не знаю, как он поладит с нашим государем. Сейчас Сухотин в Имерети, у царя Соломона. Не знаю, что бы тут было, если бы не приехал этот Языков. В апреле государь изволил поехать в Борчало; я был при нем. Вдруг из Имерети явился к государю Языков. Оказывается, в русском лагере

получили известие, будто царь Ираклий пригласил к себе турецкого посла и ведет через него переговоры с султаном. Все это, конечно, были выдумки — не турецкий посол, а хан ганджинский приезжал к государю, молил помочь ему в войне против Гуссейн-хана. Государь успокоил Языкова и посоветовал ему не верить сплетням и наговорам: грузинский царь — хозяин своего слова, тайно от союзника ничего не предпримет. После этого государь уехал в Ганджу. Там он и изволит пребывать до сих пор, но скоро — не сегодня-завтра — вернется в Тбилиси. Эриванский хан прислал царю письмо и просил прощения... Впрочем, это тебе, наверно, известно.

— Да, я это знаю, хан и со мной прислал письмо...

— О чем же еще тебе рассказать? Ах да, вот еще что: ага Ибреим получил письмо от своего приказчика из Карса. Там распространился слух, будто русский генерал привел с собой двадцать тысяч солдат, а у карсского сераскира всего-то войска человек шестьсот, не больше. Сераскир тотчас же отрядил гонца в Стамбул, чтобы ему спешно прислали войска, но надежды его напрасны. В прошлом году и ахалцихский паша и карсский сераскир умоляли султана прислать им подкрепление, да ничего не вышло. Султан, оказывается, ответил: «Сами управляйтесь со своими делами, а я ни одного человека послать не могу, у меня дела плохи, и люди мне самому нужны». Говорят, турки мрут с голоду, в Стамбуле фунт хлеба стоит девять абазов. Вот уже больше года, как ага Ибреим собирается ехать туда, да все боится. Уж у него товар гниет в кладовых, но ничего не поделаешь! Путешествие в Стамбул может ему дорого обойтись! Теперь, кажется, он хочет в Россию поехать. Вот если бы шах поссорился с турками, тогда, без сомнения, дела наши пошли бы лучше. Государь несколько раз изволил сказать, что если бы ты оправдал его надежды, от тебя давно бы уже пришли приятные вести, потому что тебе поручено убедить шаха объявить войну туркам. «Пожалуй, надо было послать к шаху кого-нибудь другого, — говорил государь, — кажется, я ошибся, поручив Бесики такое трудное посольство». А царевич Леван успокаивал государя и уверял его, что выбор правилен и что ты, конечно, постарался сделать все, что было возможно. То же самое говорили царю и Давид Орбелиани и мдиванбег Рамаз. Один только...

Мамуча вдруг спохватился и замолчал. Он чуть было не проговорился, что Чабуа Орбелиани, ядовито посмеиваясь, говорил государю: «Ну как, чего добился от шаха свирельщик? В Персию надо было послать царевича Левана или представителя какого-нибудь знатного рода».

Бесики пристально поглядел на собеседника: он сразу понял то, что не договорил Мамуча.

— Зато Чабуа, должно быть, чернил меня, не так ли? — улыбаясь, подсказал он правителю дворца.

— Нет, нет, не Чабуа, — смутился Мамуча и растерянно оглянулся, точно собираясь спастись бегством.

— Ну ладно, чего тут скрывать! Впрочем, это неважно! Скажи лучше, где царевич Леван?

— Царевича государь назначил комендантом городской крепости. Сейчас он, наверное, на крепостном валу или в Нарикальской башне. Царевич наш стал совсем мужчиной. Женил бы его государь поскорей, — уж очень кровь в нем играет. Иной раз до утра не возвращается во дворец, — где он ночи проводит, никому не известно. Часто спит в крепостной башне, там ему, по его приказу, приготовили комнату. Стоит государю уехать из города, как царевича во дворце не увидишь. Он очень обрадуется твоему приезду.

— А где царица?

— Царица изволила уехать на лето в Ахалгори. Она собирается родить. Ах да, кстати, — ведь ты не знаешь! У Давида Орбелиани родился сын.

— А сам Давид здесь? — спросил Бесики с таким видом, точно сейчас же собирался бежать к нему.

— Нет, Давид при государе, но княгиня Тамара — здесь. Она собирается ехать на лето в Телави и ждет возвращения супруга.

— Как ты обрадовал меня, Мамуча! Сейчас же явлюсь к ней и поздравлю с рождением сына. Где царевич Георгий?

— Царевич уехал в Сигнахи.

— А мдиванбеги?

— Почти все здесь.

Бесики не терпелось узнать, где Анна, что с ней, но спросить прямо он не осмелился, а домоправитель ни разу не вспомнил о государевой сестре. Как ни старался Бесики направить беседу по желаемому руслу, Мамуча,

словно умышленно, ни словом не обмолвился о том, что больше всего интересовало его собеседника. После долгих стараний выпытать что-нибудь об Анне Бесики прекратил расспросы. Мамуча в свою очередь справился о персидских делах, но молодой человек нехотя ответил ему, что расскажет обо всем позднее, и, расставшись с ним, отправился навестить княгиню Тамару. Когда он переходил площадь, кто-то нагнал его и крепко схватил сзади за плечи. Он оглянулся и увидел перед собой Левана. Друзья крепко обнялись.

— Дай-ка я погляжу на тебя! — сказал Леван, отступив на шаг. — Ты стал настоящим кизилбашем. Уж не переменил ли ты веру? Где ты пропадал до сих пор, негодник? Государь так разгневался на тебя, что сместил тебя с должности секретаря и сказал, что сгноит тебя в тюрьме, если ты еще задержишься. Ты думаешь, я шучу? Я говорю правду.

— Нечего сказать, доброй вестью ты меня встречаешь, дай тебе бог здоровья! Только этого мне не хватало!

— Не беда! Пока я жив, ничего не боюсь!

— Как же ничего не бояться, когда я даже не знаю, где сегодня переночевать.

— Почему?

— Да ведь государь переселил Анну-ханум во Мцхета, и моя комната...

— Да, да... во дворец тебя не впустят! Это верно. Но это дело можно уладить: пойдешь ко мне, в Нарикальскую башню. У меня там хорошая комната...

— Ты хочешь сразу же засадить меня в тюрьму? — засмеялся Бесики.

— Отчего же в тюрьму? Я и сам часто ночую там. Это такое чудесное место... Весь город виден, как на ладони. Куда ты сейчас собрался? Пойдем ко мне.

— Хочу посетить княгиню Тамару, поздравить ее с рождением сына.

— Пойдем вместе.

Леван схватил Бесики за руку, и оба быстрыми шагами направились к дому Давида Орбелиани.

Тамара встретила Бесики со сдержанной улыбкой и попросила его сесть. Он с любопытством рассматривал ее, поражаясь происшедшей в ней перемене. Тамару словно подменили. Куда исчезли ее юный задор, звон-

кий смех, живость речи? Он тщетно старался понять причины такой перемены.

«Что могло с ней случиться? Неужели замужество так странно повлияло на нее? — думал он. — Или, может быть, у нее какое-нибудь горе?»

Разговор не клеился. Тамара вежливо осведомилась у гостя о поездке, о том, как понравилась ему шахская столица. Занятый своими мыслями, Бесики был рассеян, отвечал неловко и невпопад. Он был настолько угнетен холодным приемом, что после обычных вежливых вопросов, поздравив княгиню с рождением сына, сразу же встал, извинился и собрался уходить. Тамара даже не попыталась его удерживать. Это тоже показалось ему странным. Он низко склонился перед Тамарой и взглядом спросил Левана — идет тот или остается.

Леван сказал Тамаре, что они снова навещают ее, и друзья вышли из дому.

— Скажи мне, что случилось с Тамарой? — спросил Бесики. — Можно подумать, что у нее какое-то горе...

— Поднимемся на башню, и я тебе все расскажу.

Они пошли по узкой лестнице мимо Сионского собора, свернули около бань в переулок и подошли к воротам Нарикальской крепости. При виде Левана стража с низкими поклонами проводила царевича и Бесики к Стамбульской башне.

Леван вызвал слугу и, приказав подать ужин в башню, повел своего друга вверх по винтовой лестнице.

Царевич достал огниво, высек огонь и зажег свечу.

Единственной мебелью в маленькой комнате была широкая тахта, но зато пол и стены были сплошь покрыты коврами. В углу были прислонены два или три длинных ружья, над тахтой на стене висели кольчуга и скрещенные сабли.

— Ну, как тебе нравится здесь? — спросил он Бесики, который тотчас же с удовольствием растянулся на тахте.

— Э, осторожно, все перепачкаешь... Сначала изволь отправиться в баню, вымойся и перемени одежду. Нужно же тебе снова стать христианином!

— Конечно, ты прав. Но скажи мне, прошу тебя, что случилось с Тамарой?

— Ничего особенного. Повздорила с теткой, с Анной, не знаю даже из-за чего. Разве не знаешь жен-

щин? Должно быть, из-за пустяков, но ссора была такая, что тетушка Анна вот уже неделю сидит, запершись в своих комнатах, и никого к себе не впускает... Что ты вскочил? Ну как — пойдешь в баню, или сначала поужинаем?

— Пожалуй, лучше пойду в баню, а тем временем и ужин подадут.

Хотя Бесики очень устал с дороги, он никак не мог заставить себя уснуть и всю ночь беспокойно ворочался в постели. Многие заботило его, но больше всего — немилость царя. Бесики было ясно, что его успехам на царской службе пришел конец. Изгнание Анны-ханум тоже не предвещало ничего хорошего. Вдобавок ко всему он был почти убежден, что его отношения с Анной стали известны. Если эта история еще не достигла ушей Ираклия, то надо было ожидать, что в ближайшее время он все узнает.

При одной только мысли об этом Бесики бросало в дрожь и лоб его покрывался каплями холодного пота.

Сон бежал от него. Темная каморка давила его, он поднялся на крышу башни и оттуда долго разглядывал город, утопавший во мраке. В душе поднималась горечь. Мелькнула мысль — не лучше ли было бы совсем не возвращаться в Тбилиси, а искать покровительства у царевича Александра, который полюбил Бесики, как сына, и уговаривал остаться с ним? Конечно, царевич Леван и Давид Орбелиани любят Бесики и покровительствуют ему, но ни один из них не посмеет вступить за него, если откроются его отношения с Анной. Гнев государя, как гром, обрушится на его голову. Он чувствовал себя маленьким ребенком, который совершил непростительную шалость и, боясь наказания, с дрожью в коленях возвращается домой.

Лишь на рассвете Бесики удалось ненадолго заснуть. Его разбудили жаркие лучи утреннего солнца. Проснувшись, он сразу вскочил с постели, оделся и пошел во дворец. Ему хотелось уйти с головой в дела и хотя бы на короткое время забыть о предстоящей грозе. Он вошел в царскую канцелярию и застал там Манучара Туманишвили, казначея Иосифа и сардара Георгия Меликишвили. Манучар Туманишвили, склонившись над столом, торопливо писал. Иосиф сидел на тахте и, покручивая ус, глядел снизу вверх на статного, рослого Георгия

Меликишвили, который с увлечением о чем-то ему рассказывал. При виде Бесики Иосиф вскочил с места и бросился ему навстречу.

— Бесики, ты ли это? Где ты пропадаешь? Наконец-то! А мы тут совсем истомились, ожидая тебя!

— Кто это? Бесики?..— поднялся с места в свою очередь, бросив перо, Манучар Туманишвили.— Давай-те его сюда!

Все трое горячо приветствовали поэта и засыпали его вопросами: как ему ездилось, кого он видел, с кем беседовал, какие вести привез из Ирана? Едва Бесики собрался отвечать, как Георгий Меликишвили воскликнул:

— Да что вы набросились на него! Надо дать ему промочить горло с дороги, а то он и рассказать ничего не сумеет! Давайте пойдем к Баграту, закажем шашлыки, выпьем вина... Государя все равно в городе нет, торопиться некуда...

— Кто сегодня дежурный мдиванбег? — спросил Иосиф.

— Иоанн.

— Если так, то идемте! Он на нас не рассердится.

Бесики отказывался идти, ссылаясь на дела и на отсутствие времени, но его подхватили под руки и потащили, не спрашивая согласия. Когда друзья пересекли двор, Бесики увидел на широкой лестнице, которая вела в верхний этаж, спускавшуюся оттуда юную девушку и невольно остановился, пораженный ее прелестью. Девушка показалась ему незнакомой. Она же, увидев Бесики, радостно всплеснула руками и, подобрав подол длинного платья, быстро сбежала вниз по ступенькам.

— Что, не узнал меня?

— Анна! Анико, вы ли это? — воскликнул Бесики.— Как вы выросли за этот год! Совсем взрослая девушка.

— Не стыдно тебе? Приехал еще вчера, а к нам не зашел! Разве ты не хочешь повидать бабушку?

— Сегодня обязательно явлюсь к ней.

— Пойдем сейчас! Куда ты собрался?

— Мне нужно по делу...— Бесики глазами показал на своих спутников, ожидавших у ворот.

— А вернешься скоро?

— Скоро,— почтительно склонил голову Бесики.—
Разрешите мне удалиться?

— Хорошо, ступай, только возвращайся поскорее!
Уходя, Анико обернулась и еще раз посмотрела на
Бесики.

У него сильно билось сердце. Все сегодня страшило
его, он был полон мрачных предчувствий.

Когда они вчетвером вошли наконец в облюбован-
ный тбилисцами погребок Баграта, Бесики сразу бро-
сился к прилавку, схватил полный кувшин вина и одним
духом опорожнил его. Друзья поглядели на него с удив-
лением.

— Это ты в Персии так научился пить? — спросил
Иосиф.

— Чего ты хочешь от него? — вступился за поэта
Манучар.— Попробовал бы ты прожить целый год без
вина — небось не кувшин, а бочку опорожнил бы! Прав-
да, Бесики?

— Где мы сядем?

— Пожалуйте на балкон! — ответил за всех духан-
щик Баграт.— Не будете же вы сидеть здесь, в духоте!
Эй, Капло! — крикнул он слуге,— достань синюю ска-
терть и накрой стол на балконе! А ты, Имеретин,— Баг-
рат зашептал на ухо другому слуге: — там, на балконе,
сидят кривой Геурк и меняла Стефан, попроси-ка их
перейти в комнату.

Когда молодые люди вышли на балкон, под которым
шумела Кура, там уже не было ни одного посетителя.
Баграт подвел их к накрытому столу, около которого
стояли слуги, почтительно ожидавшие приказаний.

— Чего вы стоите? — сказал им Баграт.— Несите
все, что нужно. Скорей! Капло, ты принеси хлеб и на-
лей в кувшины вина из освященного бурдюка, а ты,
Имеретин, достань чаши, роги, стаканы и все, что надо
для вина. Да поворачивайтесь побыстрее!

— Приготовьте шашлык! — сказал Баграту Георгий
Меликишвили и расположился перед столом на тахте,
поджав под себя ноги.

Остальные последовали примеру Георгия. Между
тем Баграт принимал от суетящихся слуг посуду и ку-
шанья, которые собственноручно расставлял на столе.

Бесики чувствовал себя уже охмелевшим. Вино, вы-
питое натошак, бросилось в голову и вызвало необычай-

ный аппетит. Он жадно набросился на еду и, не дожидаясь, пока Багра́т расставит кушанья на столе, стал чуть ли не выхватывать у него из рук хлеб, зелень и сыр. Когда подали шашлык, Георгий Меликишвили протянул ему полную чашу вина, но он отрицательно покачал головой и только потянулся за шашлыком.

Поев вволю, друзья вытерли усы пестрыми платками и снова стали передавать по кругу полные чаши. Завязалась беседа.

— А теперь,— обратился к Беси́ки Манучар,— рассказывай обо всем, что ты видел и слышал. Большое счастье выпало на твою долю — увидеть шаха и беседовать с ним!.. Расскажи нам, каков он, о чем разговаривал с тобой?

— О нем ничего интересного не расскажешь. Обыкновенный человек, на лбу — шрам от сабли...

— Так, значит, правду говорят люди, что наш Кайхосро дал ему когда-то пинка пониже спины?— с восторгом и удивлением вскричал Георгий.— Вот так потеха!

— Да еще какого пинка,— засмеялся Беси́ки, наполнил чашу и обратился к друзьям:— Давайте осушим этот сосуд за ту чудодейственную ногу, которая может одним ударом забросить басурмана на шахский трон!

— Эх, мой милый поэт,— с горькой улыбкой сказал ему казначей Иосиф,— ногу Кайхосро стоило бы благословлять, если бы она не забросила, а скинула шаха с трона... Ты лучше расскажи, что о нас говорит шах...

— Ничего.

— Ты провел у него в гостях целый год, и он ничего тебе не говорил о нас? — удивился Иосиф.

— Советовал бросить дружбу с русскими.

— Это нам известно. Прошлой осенью он даже прислал государю письмо. Сам-то шах чем нам поможет?

— Обещает спровадить турок.

— Когда? Когда нам голову снесут? Эх, Беси́ки, вижу, ты напрасно трудился при шахском дворе. Лучше было бы тебе вовремя вернуться и не навлекать на себя царского гнева.

Беси́ки опустил голову. Иосиф заметил его смущение.

— Не огорчайся, друг,— старался он успокоить поэта,— государь, может, просто разругает тебя. Когда

вспомнишь грозу, которая разразилась над судьей Иесе, то словесный гнев покажется лаской.

— А что случилось с Иесе?

— Помнишь, как в прошлом году на него одна крестьянка пожаловалась? Или тебя уже не было здесь?

— Помню.

— Так вот, государь приказал Иесе судиться с ней. Судьями были мдиванбеги Иоанн, Рамаз и Парсадан. Суд был долгий — судили, рядили, а приговора так и не вынесли. В это время в городе появилась чума, все разъехались, и дело Иесе было забыто. Когда государь и двор вернулись в город, делу снова дали ход. По приказу государя у Иесе отобрали все имения и даже выгнали вон из собственного дома.

— Как — выгнали?..

— Очень просто. Пришли мандатуры и выбросили вещи на улицу. Пять ночей Иесе со своей семьей провел на улице. Кто бы посмел приютить у себя человека, на которого обрушился гнев государя?.. Даже движимого имущества ему не оставили. Архиепископ Тбилисский сжалился над несчастным и разрешил ему занять пустой амбар недалеко от Сионского собора. Там он и живет сейчас. Видишь, — как высоко летал и как низко сел! Вот это называется царская немилость! Что в сравнении с этим любой гневный выговор!

Это своеобразное утешение только усилило смятение Бесики. Он снова наполнил чашу и, не переводя дыхания, осушил ее. Ему вспомнился Александр Амилахвари, их встреча в прошлом году около озера Кумиси. Может быть, действительно лучше было бы послушаться его и бежать вместе с Чоглоковым и Амилахвари в Россию? А может быть, следовало остаться в Персии вместе с царевичем Александром?..

И Бесики готов был уже согласиться с теми, кто уверял его, что Ираклий не оценит его верной службы, что в конце концов он разделит судьбу своего отца. Тогда Бесики не верил предостерегающим речам, ему казалось, что только враги государя могут говорить так. Но теперь ему все стало представляться в ином свете: он начинал убеждаться, что Ираклий, несмотря на свой мягкий голос и ласковое обращение, был в гневе грозен и беспощаден.

— Ох, выпьем еще, — вздохнул Бесики и мысленно

добавил: «Все равно приближается час расплаты».

Вино сделало свое дело. Тоска его понемногу заглохла. Перестав думать о грядущих бедах, он вспомнил об Анне. Ему захотелось тотчас же увидеть ее. Теперь он уже ничего и никого не боялся. Как только веселые сабутыльники покинули духан и подошли ко дворцу, Бесики попрощался с ними и, быстро взбежав по широкой лестнице, направился к покоям Анны. Кивнув головой встретившему его дворецкому, он прошел в зеркальную галерею. Здесь остановился перед зеркалом и оглядел себя. Из зеркала на него смотрел смуглолицый и черноусый молодой человек в богатой одежде. Бесики провел рукой по своим шегольским усам и вдруг заметил в глубине зеркала неподвижную фигуру женщины с длинными косами и непокрытой головой.

Он быстро оглянулся. Анна стояла на пороге своей комнаты и пристально смотрела на него. По ее лицу скользила едва уловимая улыбка...

После отъезда Бесики в Персию Анна вернулась в свой замок и провела в нем всю зиму. Весной, когда бежавшие от чумы тбилисцы стали возвращаться в город, ее тоже потянуло в Тбилиси. Оставив мужа в замке на попечении приставленных к нему слуг, она в сопровождении свиты отправилась в столицу. Анна торопилась в город, будто бы для того, чтобы привести в порядок дела, убрать комнаты, а затем уже перевезти туда и мужа; на самом же деле она спешила увидеться с Бесики, который, по ее расчетам, должен был уже вернуться из Персии. Но надежды ее не оправдались. Бесики не только не вернулся, но о нем вообще ничего не было известно. Царица Дареджан с большим сожалением передала Анне ее внучку и приказала исподволь заняться приготовлением к свадьбе.

Анико знала теперь столько дворцовых тайн, столько историй о царице Дареджан, о придворных дамах и о сановниках, что целый месяц с утра до вечера рассказывала их красавице бабушке и все же не могла исчерпать свою сокровищницу сплетен.

Анна со дня на день откладывала свой отъезд в Дманиси. Пришло лето. Скоро в городе не осталось из знати никого, кроме Анны и Тамары, ожидавшей возвращения супруга, чтобы вслед за тем уехать в Телави. Вещи ее были уложены, она то и дело высылала курье-

ров за заставы посмотреть, не едут ли царь и Давид. Это бесконечное ожидание так озлобило ее, что однажды вечером, когда Анна зашла ее навестить, она внезапно обрушилась на тетку:

— Любопытно, а ты-то зачем сидишь в городе и не уезжаешь в Дманиси? Может быть, и ты ждешь кого-нибудь?..

Анна очень обиделась на бестактность племянницы. Слова Тамары показались ей намеком на ее отношения с Бесики.

— Да, мне бы давно следовало уехать,— сдержанно ответила Анна,— но меня задержали покупки... Скоро свадьба... Ты сама знаешь, сколько хлопот с приданым.

Тамара как-то двусмысленно,— так показалось Анне,— улыбнулась. Анна вспыхнула и, нахмурившись, встала, чтобы уйти.

— Куда вы, тетушка? — стала удерживать ее Тамара.— Почему вы вдруг заторопились?

— Поделом мне! Снизойдя до дружбы с ребенком, выросшим у меня на руках, я должна была ожидать, что мне будет заплачено неблагодарностью.

— Чем я вас так оскорбила? — сказала Тамара, глядя в глаза Анне.

Ей хотелось примириться с теткой, успокоить ее, попросить прощения, но какое-то непонятное злое чувство овладело ею: она не только не находила слов примирения, но еле сдерживалась, чтобы не сказать какой-нибудь дерзости. Еще до замужества Тамара знала, что происходит с ее теткой. Она слышала о любви Анны к Бесики и в душе сочувствовала ей. Но это было до замужества, а после него характер Тамары очень изменился. Она утратила свою прежнюю веселость, стала необычайно ревнивой и набожной. Она строго осуждала всякое проявление женского легкомыслия и кокетства, одним словом — стала ханжой.

Чем больше старалась Тамара успокоиться, тем сильнее овладевала ею злость. Слово за слово, и дело дошло до резкостей.

— Человек не должен делать того,— сказала Тамара запальчиво тетке,— что ему не подобает.

Анне от этих слов едва не сделалось дурно. Известно, до чего дошла бы размолвка, если бы не подошел вовремя царевич Леван. Он посмотрел на сестру и

на тетку: первую пожурил, вторую стал успокаивать ласковыми словами:

— Чего ради вы ссоритесь, хотел бы я знать! Имений вам не делить, денег — тоже. И это — знатные дамы, близкие родственницы, члены царской семьи!

Анна ничего не ответила и, не медля ни минуты, покинула дом Тамары.

Леван сердито взглянул на сестру и вышел вслед за теткой. Дорогой он всячески старался развлечь Анну, принялся рассказывать разные потешные истории и в конце концов рассмешил ее. Она как будто успокоилась. Но как только Анна осталась одна, тоска снова овладела ею: она до поздней ночи просидела у открытого окна. Потом, улегшись в постель, велела слугам потушить свечи и всю ночь пролежала с открытыми глазами, вглядываясь в темноту. Когда наконец слезы потекли из ее сухих глаз, ее охватило чувство какого-то необычайного облегчения, почти блаженства. Она радовалась, что может плакать, сколько хочет, и никто не увидит ее слез.

Анна целую неделю не выходила из своей комнаты. Когда ей сообщили о приезде Бесики, она сама удивилась равнодушию, с которым приняла это известие. С нею произошло то же, что часто происходит с людьми, когда они заранее мысленно переживают какое-нибудь страстно ожидаемое событие. Она столько раз и так ярко рисовала себе огромную радость встречи с Бесики, что сейчас, когда он вернулся, не ощутила ничего, кроме какой-то душевной пустоты. Вернись Бесики раньше, Анна тотчас же кинулась бы к зеркалу, схватилась бы за румяна и белила... А теперь и не вспомнила о зеркале и даже не надела нового платья. Удобно расположившись на тахте, она спокойно продолжала читать «Висрамиани» и только тихо проговорила:

— Приехал? Вот как!..

Но скоро это спокойствие сменилось тревогой. Бесики не навестил ее в день своего приезда. Он даже не передал ей извинения, даже не сослался на неотложные дела. Если бы даже ничто не связывало их, Бесики обязан был сразу по приезде явиться к Анне, как к старшей представительнице царской семьи, засвидетельствовать ей свое почтение и доложить о возвращении из Персии. Царя Ираклия и царицы Дареджан в

это время в Тбилиси не было, а после них Анна была первым лицом в государстве. В ее душе все сильнее подымалось недовольство поведением Бесики. Она, дочь прославленного царского рода Багратиони, допустила этого простого человека в свою опочивальню, а он вот как отблагодарил ее за свое счастье!

«Ради него я подвергаюсь смертельной опасности, ради него я переносу оскорбительные насмешки, провожу ночи без сна! Родная сестра грузинского царя жертвует своей честью ради какого-то безвестного, худородного дворянина, а он... Где бы он мог быть сейчас?..»

— Где Бесики? — спросила Анна проходившего мимо слугу.

— Не знаю, ваша светлость, — ответил удивленный неожиданным вопросом слуга, почтительно склонив голову.

— Разущи его сейчас же!

— Слушаюсь, ваша светлость.

— Впрочем, погоди, не надо. Когда он явится, доложи немедленно.

— Слушаюсь, ваша светлость.

— Когда он спросит, дома я или нет, отвечай, что сейчас узнаешь...

Слуга вышел. Анна снова погрузилась в свои беспокойные думы. Несколько раз она ловила себя на необычайной рассеянности: целый час простояла у открытого сундука и, очнувшись, даже не могла вспомнить, что ей нужно было найти. Закрыв сундук, она подошла к окну и долго глядела на Метехи. Потом, вспомнив, что ее ждет множество неотложных дел, вышла в галерею. И вдруг увидела Бесики, стоявшего перед зеркалом...

Анна улыбнулась, но, когда молодой человек приблизился к ней, сурово сдвинула брови:

— Ты пьян!..

— Простите меня, ваша светлость, — Бесики опустился на колени перед Анной, — мужество стало изменять мне. Надо мной собираются черные тучи, вот-вот грянет гром... Опасаясь грозы, я не осмеливался к вам явиться. Не потому, что я оберегал себя...

— Верю, знаю, кого ты оберегаешь, — Анна оглянулась вокруг и знаком приказала ему следовать за собой. Они вошли в комнату. Анна села на тахту, а Бесики указала на деревянное кресло. К своему изумлению, она

спокойно смотрела сейчас на этого человека, страсть к которому принесла ей столько страданий! Она не гневалась на него, но и не испытывала прежнего волнения, встретившись с ним, наконец, после долгой разлуки. Она сразу заметила, что Бесики хмелен, и в уме ее мелькнула мысль, что это из-за нее.

В душе Анна обрадовалась, но нахмурила брови, словно собираясь пожуричь молодого человека. Но не успела она приступить к расспросам, как в комнату ласточкой впорхнула Анико. Увидев постороннего мужчину, беседующего с бабушкой, остановилась в смущении, но, узнав Бесики, вскричала с восторгом:

— Ты уже здесь, Бесики? А я только что собиралась рассказать бабушке, что встретила тебя, что ты обещал скоро к нам прийти.

Бесики встал с кресла, во второй раз за этот день поздоровался с Анико и исподтишка оглядел ее. Затем, так же украдкой, взглянул на Анну. В голове у него мелькнуло: «Боже мой, как она постарела!». Он снова посмотрел на радостно улыбающуюся Анико и поймал на себе ее восторженный взгляд. Он быстро отвел глаза и повернулся к Анне.

Анна сидела неподвижно. От ее взора ничего не ускользнуло.

— Как тебя принял шах? — спросила она, хотя совсем не об этом хотелось ей сейчас говорить.

— Да, расскажи нам! — попросила Анико, под села к бабушке, с шаловливым видом поцеловала ее в щеку и спросила: — Можно и мне послушать?

— Но только при условии, что будешь сидеть тихо и не станешь нам мешать. А еще лучше, если ты скажешь дворецкому, чтобы нам подали обед.

— Хорошо, сейчас, — вскочила Анико. — Только пусть Бесики без меня ничего не рассказывает, я сейчас вернусь.

Как только Анико вышла, Анна посмотрела на Бесики испепеляющим взглядом.

Бесики оробел и смущенно опустил голову. Анна хотела было до возвращения внучки назначить ему свидание в своем загородном саду или в тайной комнате, но волнение мешало ей говорить. Воспоминание о взглядах, которые Бесики бросал на Анико, мучило Анну. Она никак не могла заговорить, а время бежало: Анико вот-

вот должна была вернуться. Наконец тяжело вздохнула и тихо проговорила:

— «Если встречи час желанный принесет тебе лишь муки, лучше прочь беги, спасенья от тоски ищи в разлуке»,— и добавила громко: — Подумай о том, что у тебя на сердце!

Наступил день, которого так боялся Бесики. Царь, как обычно, приехал в город неожиданно, на рассвете.

Загремели пушечные залпы. Едва Бесики оделся, как ему приказали явиться к государю. Он почти бегом направился во дворец. С дрожью в коленях стал подниматься по мраморным ступеням дворцовой лестницы, стараясь угадать по взглядам придворных, встречавшихся ему на пути, сильно ли разгневан Ираклий. Потому, как здоровались с ним некоторые царские сановники, он заключил, что дело его плохо. Войдя в тронный зал, Бесики увидел Давида. Друзья радостно улыбнулись и устремились друг другу навстречу.

— Бесики! — воскликнул взволнованно Давид, заключая друга в тесные объятия.—Где ты пропадал до сих пор? Думал спастись от царского гнева?..

— Ах, Давид, скажи мне хоть ты, что ждет меня?.. Может быть, мне нужно было исповедаться и причаститься, прежде чем идти сюда? — с деланным смехом промолвил Бесики, освободившись от дружеских объятий.

— Нужно было, клянусь головой, нужно было!

— Очень гневается на меня государь?

— Не знаю. Увидишь сам.

— Давид, молю тебя, проведи меня к государю... мне страшно...

— А все-таки, где ты пропадал до сих пор?—повторил свой вопрос Давид, который пошел было с ним, но остановился, не доходя до дверей.— Почему ты так опоздал?

— Не отпускал меня этот нехристь!

— А может быть, царевич Александр?..— сказал Давид, пристально глядя на друга.

Бесики смутился.

— Откуда тебе известно про царевича Александра? — шепотом спросил Бесики и оглянулся, чтобы убедиться, что его никто не слышит.

— Гм! — усмехнулся Давид.— Как же ты, ехал по-

слово, а того и не знал, что каждый твой шаг станет известен государю, что он даже на камне сумеет увидеть твой след? Какая нелегкая занесла тебя к Александру?

— Вначале я решил разведать его замыслы, но мне стало жаль его... ведь он такой несчастный...

— Как бы не пришлось тебе пожалеть, что родился на свет божий! Послушай меня, Расскажи все без утайки государю. Скажи правду, избежишь, может быть, кары...

— Я обо всем уже сказал Левану.

— Я уверен, и от меня бы не утайл, но я и Леван не решаем дела. Не забывай, что ни я, ни царевич не сможем спасти тебя, если дела твои пойдут худо.

— Любопытно, кто донес государю? Неужели среди моей свиты был кто-нибудь...— пробормотал Бесики.

Но Давид перебил его:

— Это не твое дело. Или ты думаешь, что на свете нет людей, преданных государю?

Перед самым кабинетом оба остановились. Давид повернул назад, Бесики призвал на помощь все свое мужество, перекрестился и, словно кидаясь в пропасть, открыл дверь...

Возможно, что в другое время дела Бесики повернулись бы худо, но в это утро судьба ему благоприятствовала: Ираклий был в хорошем расположении духа. Это хорошее расположение духа было вызвано мыслью о том, что правители восточных княжеств его царства в тяжелую годину остались ему верны. Все они явились в Ганджу, поклялись в верности и поднесли богатые подарки. Даже эриванский бегларбег Гусейн-Али-хан, явно собиравшийся от него отложиться и просивший у шаха помощи, узнав, что Ираклий прибыл в Ганджу, прискакал к нему, бросился на колени и просил прощения. Эта победа тем более радовала Ираклия, что положение его, вообще говоря, было далеко не блестящим. Русские войска ушли в Имерети. Если бы Ираклий вздумал созвать войско, то никогда не собрал бы достаточного количества воинов, чтобы бороться одновременно с внутренними и внешними врагами. Платить наемным войскам у него средств не было. Правда, он полностью выплатил свой долг ага Ибреиму, но в казне после этого осталось не так уж много денег: их едва хватало на выдачу жалованья чиновникам. Суммы, которые поступали

из княжеств, плативших дань, было недостаточно для того, чтобы предпринимать какие-нибудь большие дела. Вот почему Ираклия так обрадовало изъявление покорности и преданности подвластными ему правителями. В это столь трудное для Грузии время у него появилась возможность сосредоточить все усилия на борьбе против лезгин и турок.

Ираклию необходимо было узнать, собирается ли Керим-хан примкнуть к России или же, наоборот, заключить соглашение с султаном. Поэтому, когда ему доложили о приезде Бесики, он приказал немедленно позвать его. Ираклий принял своего бывшего посла благожелательно и стал подробно расспрашивать обо всех его беседах с шахом, ни словом не обмолвившись о царевиче Александре. Царь задавал вопросы с таким спокойным видом, что Бесики понемногу овладел собой и откровенно ответил на все вопросы.

— Ваше величество, — сказал он, как бы угадав мысли, особенно беспокоившие Ираклия.— Керим-хан ни в коем случае не примирится с проникновением России в Грузию и не остановится перед тем, чтобы пойти войной на нас. Вероятно, поэтому он и держит у себя царевича Александра Бакаровича, домогающегося престола. Когда Бесики назвал Александра, Ираклий внимательно взглянул на него, но не произнес ни слова.

— Простите меня, государь, за самовольную встречу с царевичем Александром. Возможно, что мне не следовало этого делать, но никто не объяснил мне, имею я на это право или нет.

— Посол действует от имени царя, следовательно, он имеет право встречаться с кем угодно—как с друзьями, так и с врагами.

Бесики со страхом взглянул на лицо Ираклия и с облегчением почувствовал, что гроза миновала. Царь не разгневался на него даже за похвалы сопернику, а, наоборот, сам лестно отозвался о своем двоюродном брате. Он вспомнил царя Вахтанга Шестого, приходившегося ему дедом, и сказал, что, если внук унаследовал качества деда, он, несомненно, отличается всеми добродетелями, которые издревле украшают род Багратиони.

В заключение царь спросил Бесики о причине опоздания, и когда тот рассказал, как и с какими намерениями Керим-хан из месяца в месяц задерживал его,

Ираклий счел, по-видимому, эти объяснения недостаточными: он не сказал, что причины эти оправдывают царского посла, хотя ни в чем не упрекнул его. Царь дал понять Бесики кивком головы, что прием окончен и, надев очки, снова углубился в бумаги.

Бесики облегченно вздохнул и на цыпочках вышел из кабинета. За дверью он в изумлении остановился. Галерея была полна придворных и сановников. Все с нетерпением ждали окончания беседы государя с вернувшимся послом. Он только сейчас понял, что судьба его висела на волоске. Узнав, что государь беседовал очень спокойно, что все дело обошлось без наказания и даже без выговора, все стали поздравлять Бесики со спасением: тормошили, обнимали, целовали и с радостным смехом хлопали его по плечам и спине. Придворные говорили, что считали его обреченным, хотя и скрывали это от него: все ожидали, что царь отправит своего посла прямо из дворца в тюрьму.

«За что же?» — промелькнуло в мыслях у Бесики, и он окинул взором придворных, поздравлявших его. Однако он предпочел промолчать и не задал этого простого вопроса: среди окружающих его доброжелателей находились, конечно, и такие, радость которых была притворной, а поздравления лицемерными. Бесики теперь уже твердо знал, что при дворе нужно взвешивать каждый свой шаг и каждое слово. Если бы он спросил: «За что же государь должен был меня наказать?» — придворные льстецы тотчас же перетолковали бы его слова и сказали бы, что Бесики обвиняет государя в несправедливости. Поэтому он отвечал на поздравления очень сдержанно: одних благодарил за внимание, от других отшучивался. Перекинувшись словом с каждым из собеседников, он направился к Давиду, чтобы успокоиться, собраться с мыслями и складно рассказать тому, что произошло между ним и государем.

Бесики нашел своего друга в его рабочей комнате. Давид Орбелиани вместе с Леваном разрабатывал гарнизонный устав, и оба оживленно спорили о численности крепостной стражи, пушкарях, трубачах и часовых у ворот. Левану, как коменданту крепости, хотелось иметь как можно больше воинов на стенах и на башнях, чтобы всем бросалось в глаза, что царь Грузин, подобно

Тариэлу, «град имеет укрепленный, неприступный для врагов». Для этого, по мнению Левана, понадобилось бы не менее тысячи человек.

— Тысячи слишком много, — возражал Давид Левану: — содержать тысячу бездельников только для того, чтобы устроить кучку людей, бессмысленно и невозможно. А для того, чтобы сторожить заключенных в тюрьме, достаточно и десяти человек. Ого! Вот и наш поэт! Легко на помине: как раз о тюрьме говорили! — со смехом воскликнул Давид, увидев входящего друга. — Как твои дела? Обошлось?..

— Гневался на тебя государь? — спросил Леван с нетерпением.

— Я все чистосердечно доложил, но государь не изволил ничего мне сказать, так что я сам не знаю, как мои дела...

Давид и Леван переглянулись. Потом Давид спокойно сказал:

— Ты счастливо отделался. По-видимому, государь ограничится тем, что отнимет у тебя должность секретаря и больше не будет посылать с поручениями. Завтра или послезавтра я спрошу его о тебе, посмотрим, что он скажет.

Предположение Давида сбылось. Через несколько дней казначей Иосиф объявил Бесики, что по царскому указу он лишен должности секретаря и снят с довольствия. Бесики надеялся, что ему заплатят жалованье за прошлый год, но казначей ответил отказом. Он передал слова Ираклия:

«То, что следовало за службу у нас, он давно получил, а за то время, что он провел по приказу шаха при шахском дворе, пусть шах ему и заплатит».

Погруженный в тяжелые размышления, Бесики вышел из дворца и направился по Сионскому переулку к Нарикальской башне. Он был так подавлен, что не отвечал на приветствия и не замечал знакомых. Еще вчера он был важным должностным лицом, царским секретарем, царским послом... Еще так недавно он гордо беседовал с персидскими вельможами, и вот сейчас бредет, понуриив голову, почти в отчаянии, отягченный множеством неожиданно возникших забот. Прежде всего ему необходимо было найти хотя бы одну комнату внаем и

перенести туда свои вещи. Но за комнату домохозяйину следовало дать вперед годовую плату. Правда, Леван любезно предоставил ему комнату в крепостной башне, но для Бесики не было тайной, что этим помещением царевич пользовался для веселого времяпрепровождения с женщинами. Скоро он, наверное, попросит его освободить эту комнату или предложит ночевать на крыше башни.

Не привыкший к такого рода затруднениям, Бесики совершенно утратил душевное равновесие. Он шел к башне по узким переулкам и смотрел, как беззаботно суетились вокруг купцы, ремесленники, мастера.

У Сионского собора ему преградили дорогу нищие, которые постоянно толпились во множестве у церковных ворот и не давали никому проходу.

— Помогите несчастному!

— Подай что-нибудь, да не лишит тебя бог царской милости!

— Знатный господин, пожалей бедняка...

— Не пожалей денег, да ниспошлет господь покой твоим родителям!

Бесики ускорил шаги, чтобы уйти от нищих. Будь у него в кармане деньги и подай он хоть одному из них, никакими силами нельзя было бы избавиться от всей этой толпы. Они бежали бы за ним на край света, пока каждый не получил бы монету. При других обстоятельствах щедрый от природы поэт полез бы в карман, чтобы одарить бедняков, но сейчас он вынужден был бежать прочь. Ему казалось, что весь город смотрит на него. Он сгорал от стыда и делал вид, будто так глубоко погружен в раздумье, что не слышит завывания нищих, хотя они бесцеремонно хватали его за полы одежды и вопили прямо ему в лицо. Наконец, потеряв терпение, он решил перейти на противоположную сторону и спрятаться в ближайшем переулке. Вдруг он услышал голос, зовущий его по имени. Обернувшись, он увидел книго-торговца Иасэ, делавшего ему знаки рукой.

— У тебя такое лицо, точно с тобой что-нибудь произошло, — сказал Иасэ, когда оба вошли к нему в мастерскую, — по-видимому, дела твои обстоят неважно.

— Да, Иасэ, плохи мои дела. Не нужен ли тебе работник в мастерскую?

— А что случилось?

— Государь лишил меня должности и не выдал жалованья за прошлый год.

— Почему?

— Не знаю. Он послал меня к шаху, а тот задержал меня у себя на целый год. Разве я виноват?

— Конечно, ты ни при чем. Тяжелый характер у нашего государя. Если так пойдет дальше, никто не выдержит. И ведь никогда не угадаешь, в хорошем он настроении или разгневан. Все время надо быть начеку, ежеминутно рискуешь головой. У каждого человека есть друзья и враги, а мало ли вокруг государя льстецов и лицемеров? Всех приходится бояться! Какой-нибудь негодяй оклеветает тебя перед государем — и ты погиб. Я гедь не придворный, кормлюсь своими книгами — и все же, клянусь честью, боюсь рот раскрыть, а вдруг да вырвется что-нибудь такое... Сейчас же донесут государю: вот, мол, что про тебя говорит Иасэ. И доложат ведь не так, как было: все переиначат, перетолкуют.

— А где твои ученики? — Бесики оглядел мастерскую. — Почему не видно ни одного?

— Потому что нет их больше у меня, — со вздохом ответил Иасэ. — Старых растерял во время чумы, а новых еще не успел набрать. Трудное время настало, — книг не только не покупают, но и даром, кажется, не возьмут, если предложишь. А когда надо написать для кого-нибудь просьбу или грамоту, то с этим я и один справлюсь. Есть у меня приказчик и слуга — вот и все мои люди. Не так давно появился в городе один ученый, иностранец, присланный русской императрицей. Зовут его... подожди, у меня записано: фамилия такая странная, что и не запомнишь.

Иасэ взял с прилавка книгу, перелистал ее и с трудом прочел:

— Гиль... Гильденштедт.

| — Кто он такой, из каких краев?

— Родом он из немцев, но служит у русской императрицы. Мне говорили, что он академик и профессор. Так вот, я хочу сказать, что это единственный покупатель побывавший у меня после чумы, он перерыл все книги, какие есть у меня в лавке.

— Зачем он приехал?

— Говорят, хочет описать все рудные залежи, имеющиеся в Грузии. Он сейчас в городе, дожидается приема

у государя. Живет в караван-сараяе у Мелика. Но довольно о нем. Скажи лучше, что ты собираешься делать, потеряв царскую службу?

— Сам не знаю! Что говорить о службе,— у меня нет даже угла, где бы я мог приютиться.— Бесики хотел было добавить, что в карманах у него совершенно пусто, но раздумал, испугавшись, как бы Иасэ не принял эти слова за просьбу одолжить денег.— Комнаты Анны-ханум заняты государем, а мои вещи свалили в подвал.

— Переселяйся ко мне. Сейчас я один, семья моя в деревне. Отведу тебе маленькую комнату наверху. В уплату перепиши мне книжку своих стихов. Согласен?

— А ты не боишься приютить человека, впавшего в немилость у государя?

— Полно тебе! Если бы даже государь и впрямь обрушил на тебя свой гнев, меня это не испугало бы. Моя жизнь уже позади. Ступай сейчас же за своими вещами, устройся у меня, соберись с мыслями, а там поступай, как подскажет тебе разум. Чего ты испугался? Сегодня государь недоволен тобой, а завтра может вернуть тебе свое благоволение и удостоить тебя еще больших милостей. Ступай, не мешкай: тебе не придется платить за квартиру, и кормить буду бесплатно. Чего тебе еще надо?

— Ты хочешь быть моим меценатом?

— Кто такой Меценат? Тот, что покровительствовал поэтам в Риме? Пусть будет так! Кто станет осуждать меня за это? — засмеялся Иасэ и отечески похлопал Бесики по плечу.— Ступай, не теряй времени.

Бесики в тот же день перенес свое добро к старому книжнику. Иасэ был особенно доволен переездом к нему молодого поэта, потому что тот принес с собой целый хурджин персидских книг, на просмотр которых сба потратили целый месяц. На второй или третий день Бесики навестил Левана, который постарался утешить и ободрить его. Царевич обещал быть его заступником перед царем, постараться вернуть царскую милость.

— Перемелется—мука будет,— успокаивал он своего друга.— Надо подождать, пока настроение отца изменится. Если обратишься к нему не вовремя и напорешься на отказ, другой раз лучше не проси: своего слова царь не переменит.

Бесики теперь уже не имел права входить во дворец,

разве только по вызову кого-нибудь из членов царской семьи или самого царя, поэтому он не любил выходить на улицу. Ему казалось, что все смотрят на него с насмешкой, приговаривая: «Прогнали молодца из дворца, смотрите, по улицам шатается!»

Узнав об увольнении Бесики, Чабуа захихикал, перекрестился и воскликнул:

— Слава богу! Наконец-то обошлись с ним по заслугам.

После этого он не пропускал ни одного знакомого человека, чтоб не спросить его:

— Слышали, что случилось с козликом?

— С каким козликом?

— Как, вы не знаете этого? Во всем дворце только и был один козлик, тот, что пропадал целый год. Уж отчаялись найти... Поняли, о ком речь?..

Бесики знал о злых выходках Чабуа.

Однажды вечером Манучар Туманишвили подозвал Чабуа и сказал ему на ухо:

— Слышал, какие стихи сочинил о тебе твой козлик?

— Стихи?

— Да, стихи. Ведь дворец знает их наизусть. Когда государю прочли их, он изволил много смеяться и сказал: «Любопытно, сумеет ли Чабуа ответить ему такими же остроумными стихами?»

— Где эти стихи? Прочти мне их сейчас же! Я так ему отвечу, что он судьбу свою проклянет! Прочти их сейчас же!

— Помню только начало: «Афинский Аспид ахает, артачится...» Попроси лучше самого Бесики — он все прочтет. А не хочешь, обратись к Давиду Орбелиани. У него записано на бумажке. А сам я..

Чабуа так внезапно сорвался с места, что Манучар не успел закончить своей фразы.

Бесики надеялся, что царевич Леван и Давид Орбелиани не оставят своего друга, будут за него просить государя. Женщины, пожалуй, могли бы принести ему больше пользы, но у поэта не было во дворце ни одной покровительницы. Анну-ханум Ираклий выслал из Тбилиси. Царица Дареджан находилась в деревне. Тамара почему-то сердилась на него. Что касается Анны, то, при всем своем желании, она не посмела бы замолвить слово за него перед государем. К тому же она вскоре уехала

в Дманиси, не сообщив ему, где и когда они могут встретиться.

Стояло жаркое лето, зной был так силен, что днем невозможно было выходить на улицу. Жители скрывались от духоты в подвалах или в домах-полужемлянках, где царил сравнительная прохлада и дышалось немного свободнее. Человека, впервые попавшего в эти летние месяцы в Тбилиси, на его безлюдные улицы, поразили бы вид города. Он походил на пылающую, сверкающую печь, в которой обжигают известковый камень... Зато ночью тбилисцы толпились на плоских крышах своих домов, как в большой праздник. Пламя факелов и костров, огоньки фонарей боролись с ночной темнотой. С разных сторон доносился веселый говор, глухие удары бубна, вздохи тари, голоса ремесленников, залиристо певших «шикиасты» и «баяти». Нарядные стройные женщины, грациозно изгибавшиеся в танце под звуки бубна, казались эфирными, бестелесными существами.

Бесики и Иасэ редко выходили из дому по ночам: они сидели со свечой и переписывали книги. Иасэ работал над «Висрамини» Теймураза, а Бесики снимал копию со словаря Саба Орбелиани.

Однажды вечером, утомившись от долгой работы, они решили подняться на плоскую крышу и подышать свежим воздухом. Бесики уселся на ковре, поджав ноги, настроил тари и стал тихо напевать.

Понемногу он увлекся и запел так громко, что привлёк к себе всеобщее внимание. Голос его разносился далеко вокруг. Пение мгновенно привлекло к дому Иасэ тбилисских кутил. Появились кувшины, полные холодного вина, огурцы, свежая зелень, шашлык, изжаренный тут же, и Бесики за всем этим пиршеством даже не заметил, как наступило утро.

На следующий день кутилы, не дожидаясь, пока поэт появится на крыше, зашли к нему, как только стало смеркаться, и пригласили в Ортачальский сад. Ремесленники спорили между собой за честь иметь гостем поэта: каждому было лестно сидеть за одним столом с человеком, недавно еще занимавшим при дворце высокую должность, да еще с таким прекрасным певцом. Стараясь рассеять свою тоску, Бесики втянулся в эти кутежи и стал исчезать из дому Иасэ каждую ночь. Возвращался только под утро, сильно пьяный. Он был оз-

лоблен жизнью и лишь по ночам, охмелев от вина, забывал о своих обидах и горестях. Он уже и не осведомлялся о том, как складываются дела государства, хотя несколько раз встречал всезнающего Соломона Леонидзе и мог бы обо всем подробно разузнать у него.

Утром его одолевали тоска и раскаяние. Он давал себе обещание больше не пить, но вечером опять оказывался в прежней компании. Незаметно для себя Бесики опускался все ниже и ниже. И вдруг жизнь его снова совершила резкий поворот. Однажды утром к нему пришел узбаш, посланный царевичем Леваном, и передал приказание немедленно явиться во дворец.

Леван занимал три маленькие комнаты в верхнем этаже дворца. Одна служила ему спальней, другая — кабинетом, третья — гостиной. Царевич окинул молодого поэта изумленным взглядом.

— На кого ты стал похож? — сказал он. — Какой ты грязный! Почему тебя не видно? Мне говорили, что ты спился и день-деньской шатаешься пьяный по улицам.

— Правду вам доложили.

— Что же тебя заставляет вести такую жизнь?

— Разве у меня мало причин?

— Почему ты не пришел ко мне?

— А чем бы вы мне помогли?

— Не помог бы? Ну, так уходи!

— Я давно уже ушел. Дальше уходить некуда.

— Ах ты, дятел! Какое ты имеешь право так дерзко разговаривать с царевичем? — в шутку рассердился Леван. — Что за стихи ты написал на Чабуа? А ответ его ты читал? Он сочинил такие стихи, что вся твоя поэзия гроша медного не стоит перед ними. Да! Лучше тебе пойти и броситься в воду.

— Правда? — спокойно спросил Бесики. — Хорошие стихи?

— Тебе от них, во всяком случае, радости мало. А теперь слушай меня: о стихах поговорим потом. С сегодняшнего дня ты служишь у меня и должен находиться при мне неотлучно.

— Неужели это правда? — воскликнул Бесики. Глаза у него заблестели, он упал на колени и прижал к груди полу платья царевича. — Требуй от меня любой службы.

— Не дотрагивайся до меня, грязнуля! Ну что, не

ожидал такого счастья? Будешь служить хорошо, через год княжеский титул тебе пожалую, так как нельзя служить при царевиче, будучи простым дворянином. А вот и другое приятное известие. Через два месяца поедешь с посольством, во главе которого буду я, в Петербург. Хочешь еще приятных новостей, или достаточно?

— Больше не надо, боюсь, что умру от радости.

— Ха-ха-ха! — от души рассмеялся Леван, схватил Бесику за воротник и поставил его на ноги. — Дурень ты этакий! Неужели ты думал, что я оставлю друга в беде? А теперь послушай, что я тебе скажу. Вчера со мной приключилось такое, что я до сих пор в себя не приду.

— Что же такое приключилось?

— Шел я к Заргарханэ. Около Дигомских ворот вижу — идет мне навстречу молодая женщина. На вид она моложе меня. Такой красавицы я никогда не видел. Вряд ли божья мать может быть прекрасней. Я, как Тариэл, едва не потерял сознания: колени у меня подогнулись, я зашатался и чуть не упал. Кажется, она заметила меня, — во всяком случае, прекрасная незнакомка, опустив скромно глаза, быстро прошла мимо. Я пошел за ней, чтобы проследить, где она живет, и разузнать — кто она такая: девушка, замужняя женщина или вдова... Одно мне ясно — она не из знатного рода. Всех знатных девиц в Тбилиси, да и во всей Грузии я знаю наперечет. Как видно, она из горожанок. Так вот, идет она быстрыми шагами, а я — за ней, делая вид, что иду по своим делам. Миновав майдан, она свернула к баням; я испугался: вдруг она войдет в баню, тогда мне ее не найти. Но тут я вспомнил, что по субботам в бане моются мужчины, и успокоился. В самом начале переулка, который ведет к Нарикальской крепости, рядом с суннитской мечетью...

— Я знаю этот дом, — перебил Бесику.

— Знаешь? Чей это дом? Кто живет в нем? Она вошла туда. У дверей обернулась и бросила на меня гневный взгляд, который еще сильнее разжег меня... Так ты знаешь этот дом? Скажи мне, кто она, чья дочь или чья жена?

— Я знаю дом, но не знаю, кто в нем живет.

— Знаешь, что я решил? Против окон того дома, немного ниже по переулку, есть маленький холмик. Лучшего места, чтобы посидеть за чашей вина, не приду-

маешь. Я прикажу слуге, чтобы он к вечеру, когда станет прохладнее, расстелил там на лужайке скатерть и приготовил все для пирушки. Мы соберемся впятером или вшестером, предадимся веселью и издали, почтительно, как подобает рыцарям, будем петь песни в честь нежной девушки... Против твоего голоса, Бесики, не могут устоять даже камни. А сердце девушки, конечно, растает, как воск...

— «О несчастье! С любовью эти шалости не схожи; нет. День с одной, а завтра с новой...» — начал с улыбкой Бесики, но Леван прервал его:

— Довольно! Читай самому себе эти наставления. Иди лучше в дворцовую баню, выкупайся и переменн одежду. До вечера ты свободен. Скажи казначею, чтобы выдал тебе денег: небось у тебя нет даже на свечку, чтобы от радости поставить своему святому!

Через час Бесики, чисто одетый и выбритый, расхаживал по дворцовым залам и весело здоровался со встречными. Во дворце уже знали, что Бесики снова получил придворную должность, приветствовали его и поздравляли с почетным назначением. Бесики зашел засвидетельствовать почтение ко всем знакомым. Заглянул и в комнаты Тайного совета, чтобы обменяться приветствием с Соломоном Леонидзе. Тот поздравил его и показал ответные стихи Чабуа.

Бесики отбросил листок со стихами и со смехом сказал Соломону, что в эту счастливую для него минуту ничто на свете не омрачит его радости. Вечером, к тому времени, когда шестеро молодых людей, во главе с царевичем, собрались на холме возле мечети, они уж знали, что молодая красавица, вскружившая голову царевичу, — вдова купца Авета Галамбарашвили, что зовут ее Малала, что у нее трехлетний ребенок и что с ней живет старуха свекровь.

Когда опорожнили первые роги, Бесики взял саз, ударил по струнам и запел своим звонким голосом песню, которая совершенно очаровала и без того уже утратившего рассудок Левана, а прильнувший к окну черноглазой Малале дала понять, что вся эта серенада затеяна в ее честь. Нежно рокотал саз, и счастливая улыбка не сходила с уст притаившейся за окном Малалы. Сам царевич пел ей о любви!

Осень была на исходе. В городе стало прохладно. Знатные семьи постепенно стали возвращаться из деревень и загородных домов. Первой вернулась в город царица Дареджан со своей многочисленной свитой, за нею приехали Анна, Тамара, и вскоре дворец стал полон нарядных придворных дам. Бесики теперь проводил большую часть своего времени в обществе женщин. Правда, по своей должности он обязан был неотлучно находиться при Леване, но тот уже целую неделю, все дни с утра до вечера просиживал на тайном совещании у царя. В нем, кроме царевичей Левана и Георгия, принимали участие Давид Орбелиани, Иоанн Мухран-Батони, католикос и Соломон Леонидзе. Как ни старался Бесики узнать, о чем шло совещание, он так ничего и не добился. Леван и Давид на все расспросы его отвечали молчанием или шутками и тотчас же начинали говорить о чем-нибудь другом.

Бесики оказался в распоряжении придворных дам. Он читал им стихи и рассказывал о прочитанных книгах. Дамы теперь чаще всего собирались у Анны, так как царица Дареджан ожидала ребенка и поэтому жила во дворце Сачино.

Анна вернулась в город без мужа, оставив его на попечении надежных слуг. Она предполагала сразу после свадьбы Анико отправиться в Дманиси и провести там зиму. Она окончательно убедилась, что доверяться управляющему нельзя, и твердо решила взять в собственные руки управление своими владениями. Кроме того, Анна решила как-нибудь заполучить Бесики к себе на службу или добиться его назначения на какую-либо должность в крепость Ахтала. Таким образом она надеялась избежать опасностей, подстерегавших ее во дворце: после ссоры с Тамарой ей стало ясно, что ее тайна легко может обнаружиться.

Правда, ссора с Тамарой забылась, не оставив следа; по возвращении из Телави племянница с прежней любовью заключила тетку в объятия. Но сердце Анны трепетало от страха, и она с недоверием относилась даже к такому близкому человеку, как Тамара.

У Анны было еще одно неотложное дело — свадьба маленькой Анико. Она торопилась, как говорили в те времена, вручить свою внучку тому, кого судьба назначила ей в супруги, а в глубине души стремилась таким

образом уничтожить источник ревности, терзавшей время от времени ее сердце.

От ее ревнивых глаз не укрылась та радость, которая вдруг зажглась в глазах Бесики, когда он впервые после своего возвращения из Персии встретился с Анико. Теперь снова острая, мучительная ревность охватила ее еще с большей силой, чем раньше. В последнее время Анна стала заметно стареть. В волосы ее прокралась седина, и их надо было красить. На лицо легли морщины, которые трудно было скрыть даже под белилами. Эти перемены особенно бросились в глаза Анне, когда, вернувшись в город, она увидела себя в больших зеркалах дворца. Издали ее можно было принять, благодаря небольшому росту и стройности фигуры, за совсем молодую женщину, но, приблизившись к зеркалу, она сразу заметила, как изменилось ее лицо.

Анна испугалась. Решила, что все для нее кончено, а если пока еще и не все, то, во всяком случае, конец близится: исчезнут радость и веселье, молодость покинет ее, наступит закат, и жизнь окажется в прошлом. Она заметалась в тревоге. Неужели сдаться? Нет! Сердце ее еще билось пылкими желаниями. И пока не погасли эти желания, пока небо ее не заволокло покровом темноты, она решила испытать до конца чашу радости...

Решив поскорее выдать внучку замуж, Анна немедленно принялась за дело. Царевич Давид уже приехал из Мингрелии в Картли и сейчас гостил у князя Мухран-Батони. Анна немедленно отрядила гонца в Мухрани и вызвала к себе Бардга Чиковани, поверенного царевича. Ираклий уже дал согласие на брак. Решено было справить свадьбу до рождественского поста. Анна предполагала отпраздновать бракосочетание не в Тбилиси, а в Мухрани, где соберется не так много народу, да и свадебный пир продлится не более двух-трех дней. Это было тем более необходимо, что Ираклию, озабоченному делами государства, сейчас было не до свадебных пиров. Кроме того, царь считал не совсем удобным праздновать это торжество у себя. Царь Соломон, узнав об этом, мог бы подумать, что Ираклий собирается свергнуть его с престола, что с этой целью он решил породниться с царевичем Давидом — претендентом на имеретинский трон — и даже свадьбу устраивает в своем дворце. Возможно, что в опасениях Соломона и была бы доля

правды, однако Ираклий считал неблагоприятным разоблачать свои тайные намерения, тем более, что у него с имеретинским царем был заключен договор дружбы. Ираклий поговорил с сестрой и посоветовал ей отпраздновать свадебное торжество как можно скромнее, а местом для него избрать Тандзию, Телави или Мухрани. Анна остановила свой выбор на Мухрани и торопливо принялась за приготовления.

Бардга Чиковани не замедлил явиться к ней. Он доложил, что царевич Давид, наследник имеретинского престола, с нетерпением ждет женитьбы и готов хоть сейчас идти под венец. Вначале Анна была очень довольна, что все шло так гладко, как раз так, как она хотела, но затем странное поведение Бардга Чиковани смутило ее и вызвало неясные подозрения. После официальных заверений Бардга стал почему-то умолять Анну не верить, если ей доложат что-либо дурное о царевиче, что все это сплетни, что если она сомневается в его искренности, он готов поклясться на евангелии или перед образом.

Анна удивленно подняла брови и спросила его:

— О каких сплетнях ты говоришь?

— Мало ли что могут болтать враги, госпожа и царица моя!

— А что же именно?

— Может статься, что вам наговорят чего-нибудь... — смутился Бардга.

— Я слышала, что царевич страдал родимчиком, что у него была падучая. Больше я ничего не знаю.

— Это я и имел в виду, — с облегчением вздохнул Бардга, убедившись, что Анне больше ничего не известно. — Он немного болел в детстве, как и все мы.

— А сейчас у него не бывает припадков?

— О, нет, государыня! Иоанну Мухран-Батони, надеюсь, можно верить. Он подтвердит вам, что я говорю правду. Мы живем у него уже давно, и если бы царевич был действительно одержим падучей, то его светлость знал бы об этом. Царь Соломон сам страдает этой неизлечимой болезнью, вот враги и выдумали, будто царевич Давид, как его родственник, тоже унаследовал от предков этот недуг. Сказать ведь можно что угодно, а потом поди доказывай, что это ложь.

Объяснения Бардга несколько успокоили Анну, но

все же она чувствовала, что поверенный царевича что-то от нее скрывает. При других обстоятельствах одного такого подозрения было бы достаточно, чтобы отказать жениху, но сейчас она старалась не задумываться над этим.

«Все это глупости, выдуманные врагами царевича! — думала она. — Иначе разве родные его посмели бы добиваться родства с внучкой царя Ираклия? Они утрашили бы государева гнева!»

Чем больше старалась она заглушить укоры совести, тем назойливее становился внутренний голос. Ни молитвы, ни хлопоты, ни деланное оживление не помогали ей. Она суетилась, занималась счетами, проверяла приданое, разглядывала шелка, рассылала слуг в разные стороны но в ушах ее беспрерывно звучало: «Ради своего счастья совершаешь грех, приносишь в жертву своей страсти внучку!» — «Лжешь!» — мысленно кричала в ответ Анна, но бес, притаившийся где-то в уголке ее души, прямо повторял: «Ради своего счастья, ради своего счастья, ради своего счастья!»

Анна потеряла покой, ее мучила бессонница. Старающаяся утомить себя, она до рассвета читала при свечах псалмы, но сон не касался ее глаз, и между строк, словно вертлявые бесенята, мельтешили слова: «Ради своего счастья, ради своего счастья».

Как-то ночью покрасневшими от бессонницы глазами она прочла слова псалма: «Господи боже, повелитель жизни моей, денно и нощно взываю я к тебе, услышь, внимли мольбам моим, ибо преисполнилась горечи душа моя и жизнь моя стала мучением ада!» Но голос страсти заглушил эти слова. В отчаянии забросив книгу в угол, Анна вскочила с места.

Она подбежала к зеркалу и стала вглядываться в свое отражение. Перед нею была какая-то посторонняя женщина со всклокоченными волосами и мрачным, потемневшим лицом, готовая кинуться, чтобы задушить ее. «Что тебе надо? — Анна стремительно приблизила свое лицо к зеркалу. — Что тебе надо?.. Да, ради своего счастья я поступаю так! Оставишь ли ты меня в покое, наконец? Душа моя на пороге преисподней, но я не боюсь, не боюсь!..»

Нечаянно коснувшись лбом холодного стекла, она вздрогнула, опомнилась, снова легла в постель и мгновенно заснула как убитая.

Наутро Анна спокойно глядела на свое отражение в зеркале, служанки заплетали ей косы, одевали ее, украшали драгоценностями, и она, довольная собой, радостно улыбалась.

Подозрения Анны насчет царевича Давида Георгиевича не были напрасны. Он от рождения был слабоумным. Родители немало помучились с ним, приглашали к нему врачей, испробовали множество средств, но все было безуспешно. Наконец приглашенный из Рима врач убедил родителей, что этот врожденный недуг неизлечим, и посоветовал приставить к царевичу слугу или дядьку-дворянина, который держал бы молодого человека в страхе и предупреждал бы его сумасбродные выходки.

Этот страх мог быть внушен только безжалостными побоями. Но не так-то просто было найти дядьку для царевича: он сам обладал недюжинной силой, и одолеть его было не легко. После долгих поисков родители остановились на сыне кормилицы царевича, который рос вместе с ним и намного превосходил его силой. Римский врач подробно объяснил слуге, как ему поступать в затруднительных случаях, и предупредил родителей, чтобы те не мешали воспитанию сына и не поддавались чувству сострадания.

С детства привыкший к царевичу и не стеснявшийся его, сын кормилицы усердно выполнял предписания врача: он несколько раз в присутствии родителей жестоко избил своего господина. Напрасно несчастный молил родителей о помощи, отец хладнокровно объяснил ему, что если он будет вести себя пристойно, то и бить его не станут, а мать, глотая слезы, подтвердила слова отца.

Давид был вынужден покориться судьбе, и вскоре сын кормилицы Росто́м или, как его называли домашние, Росто, так хорошо вышколил своего воспитанника, что у царевича совершенно не осталось собственной воли. Он вполне подчинился своему слуге, редко раскрывал рот, а если разговаривал, то не иначе, как заглядывая в глаза своему дядьке и дрожа от страха. После каждой провинности царевича Росто, выждав, чтобы они остались вдвоем, заманивал его в подвал и

брался за палку. Если Давид пытался защищаться, Росто бросал его на землю и пускал в ход ноги.

После подобных уроков воспитателя царевич по несколько дней лежал в постели, а Росто, озлобленный против всего мира, опускался на колени в людской и часами молился:

— Господи! Спроси с того, кто ввел меня в этот грех! Ты знаешь, что я невиновен! Верни этому несчастному разум и сними с меня этот крест!

Эта своеобразная и жестокая обязанность заставила Росто привязаться к царевичу и полюбить его какой-то болезненной, самозабвенной любовью. Он готов был ради царевича идти на край света. Чего бы ни пожелал Давид, Росто бросался выполнять его желание. Но как только у царевича начинался приступ болезни, дядька снова становился неумолимым палачом.

Некоторое время царевич и Росто жили одни на берегу Ингури, в плетеной хижине Бардга Чиковани, и не показывались никому на глаза. Так продолжалось, пока дядьке не удалось вышколить своего питомца, после чего они переселились во дворец Дадиани, в помещение, отведенное для гостей. Здесь Давида облачили в богатые одежды и постепенно стали приучать к придворным обычаям, к обращению со знатными и высокопоставленными людьми. Росто неотлучно находился при нем: во время празднеств и приемов во дворце верный слуга возносил благодарность богу, видя, что его господин хорошо ведет себя в обществе. Давид был совершенно невежествен и по большей части не принимал участия в беседах, не понимая ни слова из того, о чем говорили вельможи. Он вмешивался в разговор только тогда, когда к нему обращались с вопросом. По каким-то особым, никому, кроме него, не заметным признакам, Росто угадывал заранее приближение припадка и тотчас же выводил Давида. Увлекал больного в подвал и брал в руки плеть. Испуганный царевич тотчас же съеживался, как собачонка, забивался в угол, закрывал голову руками и жалобным голосом молил своего дядьку:

— Росто, не бей меня, пожалей. Я буду лежать смирно и рта не раскрою...

И действительно, Давид лежал тихо, без движения, а Росто стоял рядом, прислонившись к двери, с плетью или палкой в руке, терпеливо дожидаясь, пока окончат-

ся припадок и царевич заснет. Проснувшись, царевич ничего не помнил. С покорной улыбкой он спрашивал своего слугу и наставника:

— Долго я спал, Росто? Скажи, почему я так люблю спать на сене? Ты, наверное, опять бил меня?...

— При посторонних не спрашивай, бил ли я тебя. Ты царевич, тебе нельзя срамиться!

— При посторонних не надо спрашивать. Это я понимаю. Дай мне умыться, а потом пойдем на охоту.

Чем дальше, тем реже вспыхивали приступы странной болезни царевича. Казалось, по мере того, как он становился старше, его окрепший организм одолевал врожденный недуг. Грамоте он так и не мог научиться, и когда родители упрекали и стыдили сына: «Как ты, не зная грамоты, взойдешь на престол?» — царевич простодушно отвечал:

— Как взойду, так и взойду. Для этого не нужны книжки.

— Сбросят тебя с престола, сынок, что тогда?

— Кто сбросит? Кроме Росто, меня никому в целом мире не одолеть, а Росто говорит: «Ты только усядься покрепче на троне, а там ничего не бойся!..»

— Но как же ты, неграмотный, будешь править страной?

— Подумаешь — править! У меня будут мдиванбеги. Прикажу им, и они станут править, это их дело. Разве Соломон по книжкам правит?

— Соломон житья никому не дает, от него и своим и чужим одинаково тяжело, — говорил сыну Георгий. — Он ожесточился против самых близких ему людей — видишь, отнял у меня трон и заставил жить при чужом дворе, чужой милостью.

Георгий надеялся при помощи владетеля Мингрелии Кация Дадиани вернуть себе имеретинский престол. Кация был непримиримым врагом царя Соломона и всячески покровительствовал его противникам. Изгнанного из Имерети Георгия он приютил у себя, окружил вниманием и заботами. Он же посоветовал Георгию породниться с Ираклием, чувствуя, что и кахетино-картлийский царь не в ладах с царем Имерети, что он постарается при первом же благоприятном случае свергнуть его и посадить на трон своего родственника — царевича Давида. Кация был хитер. Он понимал, что Ираклию на

руку иметь на имеретинском престоле слабоумного царя, которого он мог бы полностью подчинить себе или по крайней мере держать под своим влиянием. Надежды Кация и Георгия сбылись. Ираклий изъявил согласие на брак Давида с внучкой, и вскоре празднично одетого царевича отправили с большой свитой в Картли.

В замке Мухран-Батони все с любопытством следили за Давидом, чтобы проверить правильность ходивших о нем слухов, но не могли заметить ничего плохого. Приехав в Тбилиси, Иоанн Мухран-Батони поклялся Анне, что все слухи о болезни царевича — ложь, что лучшего зятя нельзя пожелать. Он уговаривал Анну поскорее обвенчать внучку, так как княгиня все еще раздумывала, справить ли свадьбу до наступления поста или отложить ее еще на год. Царица Дареджан советовала ей в этом году устроить только обручение, а с венчанием подождать до следующего года.

Анна готова была уже согласиться с царицей, но однажды вечером к ней прибежала ее верная служанка Гульвардис и сообщила под секретом, что по пути в казнохранилище, где у нее было какое-то дело, она услышала за занавеской, в одном из дворцовых переходов шепот: «Милый». Узнав по голосу Анико, Гульвардис осторожно заглянула за занавеску и...

— Боже милосердный,— перекрестилась Гульвардис,— что я увидела...

— Что ты увидела? — с замиранием сердца спросила Анна и тут же добавила с отчаянием в голосе: — Нет, нет, лучше не говори!.. Это был он? Да? Говори, что же ты молчишь? — Голос ее перешел в хриплый шепот, она почти задыхалась.— Это был он? Да?.. Что было дальше? Говори же!

— Да, это был он, госпожа! Анико обнимала его за шею...

Анна схватила руку служанки. Под ногтями, впившимися судорожно в кожу, показалась кровь. Гульвардис терпеливо вынесла боль и попыталась успокоить госпожу. Анна приказала ей повторить подробно все сказанное. Гульвардис нечего было добавить к своему рассказу, так как Бесики и Анико тотчас же расстались. Бесики быстро снял руку Анико со своей шеи и сказал, что это безумие, что если их застанут здесь, они погибнут.

— Это все?

— Все, клянусь вашим счастьем! Я стояла за колонной, но они меня не заметили и разошлись.

— Хорошо,— кусая губы, произнесла Анна.— Хорошо. Всем, кто сегодня захочет видеть меня, скажи, что я нездорова и не принимаю. Анико удали от меня на эти два дня, чего бы это ни стоило. Скажи, что бабушка приказала ей поехать в Сачино навестить царицу. Принеси мне бумагу и перо, я хочу написать письмо к Мухран-Батони...

— Но ведь князь Мухран-Батони находится в Тбилиси! Он приехал сегодня!

— Он здесь? Тем лучше. Передай ему, что я прошу его пожаловать ко мне.

Иоани Мухран-Батони был вызван Ираклием в Тбилиси по очень важному делу: ему было не до свидания с Анной. Он должен был срочно ехать в Ахалцихе.

События в Имерети, неудачная осада крепости Поти генералом Сухотиным, его решение увести сильно поредевшие от походов и губительной малярии войска в Россию резко изменили обстановку.

Ираклий был хорошо осведомлен об этих событиях. Уход русского корпуса из Грузии ставил его в безвыходное положение. И вдруг царю доложили, что в Тбилиси прибыл католический священник из Ахалцихе с каким-то тайным поручением. Принятый Ираклием, он сообщил, что тайный посол султана желает встретиться с грузинским царем и просит назначить место свидания.

Посоветовавшись с членами своей семьи и самыми ближайшими сановниками, Ираклий решил принять посла в Триалети, у Хертвиси, куда днем раньше был послан с войсками Агабаб Эристави.

Хертвисский бек отложился от ахалцихского паши и прислал к Ираклию человека с просьбой направить к нему войска, которым он обещал сдать Хертвисскую крепость. Это был весьма благоприятный случай. Ираклий был уверен, что ахалцихский паша не станет защищать крепость отложившегося бека. Таким образом он получал возможность еще раз доказать русской императрице, что продолжает войну против Турции, и заранее, на случай ухода русских войск из Грузии, подготовить почву для переговоров с турками.

Как только Ираклий расположился лагерем у Та-

бискури, неожиданно явился уполномоченный русского правительства Львов, который, по предложению царя, должен был в это время находиться в Имерети.

Ираклий приветствовал его, подробно расспросил об имеретинских делах и попросил отправиться в грузинский лагерь в Хертвиси, где он, как знаток военного дела, мог оказать большую помощь Агабабу Эристави в овладении крепостью. Львов немедленно отправился в Хертвиси. Ираклий на другой же день выехал на охоту и, как будто случайно, натолкнулся на стоянку пастухов, где его ждал посол только что назначенного ахалцихского паши Сулеймана. Передав Ираклию письмо от паши, он сообщил, что султан принял во внимание просьбу повелителя Персии Керим-хана и готов, если Ираклий порвет с Россией, забыть все прошлые разногласия. Паша просил Ираклия направить в Ахалцихе посла, чтобы окончательно договориться и выработать условия мира. Ираклий поручил ведение переговоров Иоанну Мухран-Батони.

Среди хлопот и приготовлений Иоанн мучительно старался вспомнить о каком-то забытом деле. И лишь благодаря сазу, попавшемуся ему на глаза, он вспомнил о том, что забыл: по приезде в Тбилиси ему надо было повидать Бесики.

Как только Бесики явился, Иоанн подробно рассказал ему о событиях и, отечески похлопав по плечу, добавил:

— Твои дела идут хорошо. Мне кажется, государь сожалеет, что разгневался на тебя.

— Да продлится жизнь нашего государя! А я-то все гадал,— улыбнулся Бесики,— что это за тайное дело, в которое не посвящают даже вельмож.

— Дело действительно тайное, сын мой. Тебе я рассказал о нем потому, что ты принимал в нем участие. Смотри, не проговорись никому — ведь если русские узнают об этих делах, выйдет большая неприятность.

Вошел слуга и передал Иоанну просьбу сестры государя немедленно ее посетить.

— Должно быть, по поводу свадьбы,— сказал Иоанн,— а у меня сейчас и времени нет для этого! Ну, что же делать, придется исполнить просьбу — ведь она сестра государя. Пойдем со мной, Бесики.

Дом Иоанна стоял у Речных ворот, на той самой

улице, которая вела от Анчисхатской церкви к палатам царевича Георгия и выходила на площадь перед дворцом. Иоанну и Бесики надо было пройти всего около двухсот шагов. По дороге они продолжали беседу. Бесики не собирался идти к Анне, но, увлекшись беседой, он не заметил, как они прошли весь путь и очутились в дворцовой галерее. Мухран-Батони продолжал оживленно разговаривать, и Бесики, который стеснялся его прервать, шел за ним, точно на поводу, пока оба не очутились в гостиной Анны.

Взгляд, каким Анна встретила появившегося в ее гостиной Бесики, ошеломил его. Он почувствовал смещение и страх. Чтобы скрыть свою растерянность, низко склонил голову.

— Мне кажется, что я здесь лишний, с вашего разрешения я удалюсь!

Не дожидаясь ответа, он отступил к дверям и торопливо вышел из комнаты, точно вытолкнутый взглядом Анны.

Правда, тревожные предчувствия не давали покоя Бесики все эти дни, но он не ожидал, что эти предчувствия так скоро окажутся действительностью. Началось все это несколько дней тому назад, когда поэт, встретив случайно в одном из зал дворца взволнованную чем-то Анико и заметив ее заплаканные глаза, спросил ее о причине слез. Анико, всхлипывая и обнимая его, сообщила ему, что ее скоро выдадут замуж, но что она всегда любила и будет любить только его одного. Это неожиданное признание так поразило Бесики, что сначала он не ощутил ничего, кроме удивления, и постарался все обратить в шутку. Но при каждой новой встрече, стоило ему увидеть светящиеся радостью глаза Анико и услышать ее звонкий голос, он не только не старался погасить разгоравшуюся в ней любовь, но и сам все больше поддавался охватившему его чувству. Так произошло и в тот раз, когда Гульвардис оказалась случайной свидетельницей их свидания.

Разгневанный взгляд, который бросила на Бесики Анна, мгновенно отрезвил его: он понял, как сильно провинился перед нею. Проходя по галерее, он машинально глядел по сторонам, словно ища выхода из своего ужасного положения, и неожиданно встретился с Анико. Девушка шла из сада, — радостная, счастливая,

своей любовью, полная мыслей о возлюбленном. Она знала, что никогда не сможет стать его женой, но это не тревожило ее. Она даже не задумывалась над этим. Она любила Бесики наивной любовью и, считая себя победительницей над всеми поклонницами поэта, была преисполнена чувством необычайной гордости.

С сияющими глазами шла Анико из сада, когда вдруг встретила Бесики и услышала от него, что не должна принимать всерьез их любовь: ей нужно забыть обо всем, что было между ними.

— Я только пошутил,— добавил Бесики.— Разве допустима любовь между нами?

В первую минуту Анико показалось, будто ее окатили холодной водой,— она вздрогнула и растерянно заморгала глазами. Придя в себя, пристально поглядела на Бесики и, убедившись, что сказанное им — не шутка, ударила его по лицу с такой силой, что на щеке появился отпечаток всех ее пяти пальцев. Гордо подняв голову, она быстро прошла в свою комнату, едва сдерживая себя, чтобы не разрыдаться.

— Что ты это написал, юноша? — Леван взял в руки листок, прилег на тахту и начал: — «Сад тоски...»

— Не надо, не стоит читать! — поэт протянул руку, чтобы вырвать листок у царевича.

Леван отбел его руку.

— погоди, дай прочесть. Я хочу узнать, что за тоска овладела тобой, пока меня не было здесь:

В сад тоски влекла меня прохлада,
Розу мнил сорвать у водопада,
Но тайлась хитрая засада:
Мне стрела досталась, не услада...

Кто же эта роза? Говори сейчас же!

— Никто. Разве каждое стихотворение, написанное поэтом...

— Молчи. Знаю я твои проделки.

Бесики вновь попытался отнять стихи у Левана.

-- Прочти потом...

— Да погоди же!

Изменил ты розовому краю...

— Убери руку!

Для другой горит твоя лампада...

Бесики отнял наконец листок у Левана, который расхохотался, прочитав последнюю строчку.

— Скажи правду, которая из женщин упрекает тебя в непостоянстве? Супруга ага Ибрейма? Но ведь у тебя сейчас должен быть медовый месяц: ага уехал в Россию. Впрочем, кажется, я все понял. Ты явился к ней, как Автандил к Фатьме, а она выпроводила тебя вон!

Левану, утомленному делами, хотелось отдохнуть, он был расположен шутить и забавляться. Он приказал затопить камин в большой комнате и в ожидании ужина развлекался беседой со своим другом.

— Ты слышишь? Говори сейчас же, кто эта другая, для которой горит твоя лампада? — настаивал Леван.

— Когда государь изволит вернуться?

— Ты отвечай лучше на мой вопрос. Не твое дело, когда изволит вернуться государь. Кто она? Сандухт? Или Ашхен? Ну, чего молчишь? Ох, и устал же я! Столько времени в седле, а завтра опять ехать, — на этот раз в Мухрани, на свадьбу Анико.

— Я должен сопровождать тебя?

— А как же? Ты правитель моего двора, мой министр и мой постельничий... Кстати, как идут мои дела с Малалой? Я могу ее повидать сегодня ночью?

— Я хочу попросить ваше высочество кое о чем...

— А ну-ка, вставай! — И Леван слегка подтолкнул Бесики носком сапога. — Уселся у меня в ногах, точно ангел смерти!

— Ангел смерти не садится в ногах!

— Зажги свечи. Не видишь, темно. Позови дворецкого, пусть несет все, что полагается для ужина.

Пока Бесики звал слуг, явились и гости. Пришли Давид Орбеллиани, мдиванбеги Рамаз, Сулхан Бектабегшвили и Агабаб Эристава.

— А ну-ка, шурин, — воскликнул Давид, входя в комнату, — где твой ужин?

— Сейчас! Все готово! — Леван встал, чтобы приветствовать гостей. — Пожалуйста! Кого я вижу! Это ты, Агабаб? Когда ты вернулся?

— Только что, — ответил Агабаб и погладил свои длинные усы, словно собирался заложить их за уши. — Мы уже давно были бы здесь, но обоз с добычей задержал нас.

— Крепость взяли?

— Разве вам не докладывали?

— Я ничего не знаю.

— Мы овладели городом и разрушили окрестные деревни. Взяли бы и крепость, но российский уполномоченный Львов посоветовал нам оставить ее. Он считает, что пользы от этой крепости не будет никакой, так как вплотную над ней расположено плоскогорье и она совершенно беззащитна. Достаточно врагу занять плоскогорье, и несколько стрелков перебьют весь гарнизон. Держать гарнизон в Хертвиси нет никакого смысла: зимой дороги в Грузию будут отрезаны, и турки, которые занимают Ацкури, Ахалцихе и Ахалкалаки, получат полную возможность вернуть себе крепость.

— Это правда,— заметил Леван.

— Так как у нас не было пушек, мы и решили не трогать запертый в крепости гарнизон. А добычи у нас так много, что мы ее еле привезли.

— И, сверх того, около двухсот человек взято нами в плен,— добавил Давид и нетерпеливо оглянулся.— Где же икра, форель, карпы?..

Давид был в прекрасном настроении. Дела, по его мнению, шли хорошо. В вопросах внешней политики он как будто бы взял верх. Ираклий вынужден был пойти на мир с Турцией.

— Где же твое гостеприимство, я спрашиваю? — повторил Давид.

Вместо царевича ему ответил Бесики, появившийся в дверях:

— Все готово, ужин несут.

— Бесики, и ты здесь? — радостно воскликнул Давид.— Ну, как ты поживаешь, отверженный? Давно я не слышал твоего пения! Зато уже сегодня заставлю тебя петь, пока не охрипнешь! Где твой тари?

— Ты спроси, до песен ли ему? Он гуляет по саду тоски,— вмешался Леван и с улыбкой посмотрел на Бесики.

— Что он потерял в саду тоски? Пусть переселится в сад веселья, тем более, что дела его идут хорошо. Я замечаю, что государь начинает вновь к нему благоволять. Леван, когда государь придет, мы с тобой постараемся, чтобы он вернул Бесики должность секретаря. За что его наказывать? Оказывается, что он-таки не

плохо повел дела у шаха! Мы не так богаты образованными людьми, чтобы швыряться ими.

Леван согласился с Давидом и позвал гостей к столу, на котором слуги расставили фарфоровые тарелки и высокие хрустальные бокалы.

— Унесите прочь бокалы, — приказал слугам Давид, — разве мы женщины, чтобы пить вино из наперстков? Давайте сюда чаши, кубки, роги!

Все сели за стол, за исключением Бесики, которому по должности не полагалось сидеть при царевиче. Он стал за стулом Левана, но Давид подозвал его и посадил рядом с собой.

— Иди сюда, царевич разрешает! Садись, настрой свой тари.

— Ты, я вижу, в самом деле расположен пировать, — заметил Рамаз Давиду.

— Почему же нет? Ведь Агабаб вернулся с войны победителем. Разве нам не следует это отметить? Как ты думаешь, Агабаб?

— Потому-то мы, грузины, так часто и пируем, что постоянно сражаемся. Хоть бы один год прошел без войны, — со вздохом сказал Рамаз.

— Надо завести хорошее войско, много пушек, оружия, тогда и отдохнем, — ответил Давид. — Если соседи почувствуют, что мы сильны, то и воевать с нами не рискнут.

— Благослови тебя бог! Да разве мы сами этого не знаем? Но ведь содержать постоянное войско не так-то просто! Ну-ка, сосчитай, во что обойдутся хотя бы пять тысяч человек! Сколько платил государь черкесам, не помнишь? По десяти рублей. Если считать на каждого солдата даже по пяти рублей в месяц, и то на все войско получится триста тысяч в год! Разве мы выдержим такой расход? Наша страна разорена, да и мало ли других расходов у государя?

— Набеги дагестанских горцев обходятся нам гораздо дороже! Если так продолжится, у нас скоро совсем ничего не останется. Надо пойти на жертвы, без них ничего не делается. Надо, чтобы вся страна сообща помогла государю. Снимем с себя дорогие украшения, заложим часть имущества, соберем нужную сумму и дадим государству твердую опору. Ничего особенного не случится, если вместо фарфоровых тарелок мы будем

ставить на стол глиняные миски и вместо шелковых рубашек наденем холщовые. Повторяю,— если не пойти на жертвы, ничего не добьемся.

— Эх, мой Давид! Мы-то с тобой, может быть, и рады поступиться своим добром, но не все так думают! Убегут к царевичу Александру и протрубят на весь свет: наш государь задумал нас разорить.

— Пусть убегают! Обойдемся без них.

— Послушай, Давид,— остановил разгоряченного зятя Леван, молча следивший за беседой,— послушай, мне пришла в голову мысль... Разве нельзя, вместо того чтобы содержать постоянное войско на жалованье, установить в стране обязательную поочередную службу? Постановим, что каждый грузин должен прослужить в армии один месяц в году, находясь на собственном иждивении. Для такого войска не потребуется больших расходов из государственной казны.

— Это великолепно придумано! Тебя осенила блестящая мысль,— воскликнул Давид, обняв и поцеловав шурина.— Теперь нам легче будет убедить тех, кто против постоянного войска.

Мысль об учреждении всеобщей воинской службы очень понравилась Ираклию; он тотчас же созвал Тайный совет, чтобы узнать мнение своих вельмож и сановников.

Совещание происходило в малом зале дворца. На нем, кроме царевича Левана, Давида Орбелиани, мдиванбегов и сардаров, присутствовали также секретари и другие высшие должностные лица. На совещании выяснилось, что осуществить это дело не так-то просто. Нужно было по крайней мере два года предварительной работы, чтобы создать первый вооруженный отряд, набранный по новому закону. Прежде всего требовалось провести перепись населения со всем его имуществом и взять на учет каждого мужчину, способного нести военную службу. Нужно было установить, у кого есть военное снаряжение — палатки, бурки, выяснить, есть ли у каждого воина лошадь, мул или верблюд и способен ли будет призванный прокормить себя. Только для проведения переписи необходимо было не менее ста человек, на обучение которых ушло бы немало времени. Длительного срока требовала бы и сама перепись. А ведь после

нее надо обработать собранный материал и заполнить учетные книги.

Чабуа Орбелиани решительно выступил против этого мероприятия. Он с ядовитой улыбкой слушал Давида, когда тот излагал свои предположения перед собравшимися. Давид сидел рядом с Леваном, за спиной которого стоял Бесики. Глядя на эту группу, Чабуа почему-то решил, что мысль о создании войска принадлежит поэту. Этого было достаточно, чтобы настроить его против всего предприятия. Он с такой иронической улыбкой слушал приверженцев Давида, точно хотел сказать: «Господи, помилуй, сколько дураков на этом свете!» Временами он вставлял слово, иронизируя над «фантазерами».

— Что? Наведем ужас на врага?.. Конечно, так оно и будет. Дагестанские горцы, конечно, со страху и носу больше к нам не покажут. Несчастные, что с ними будет?..— Потом он тихо зашептал соседу на ухо: «Интересно знать, сколько воинов даст Бесики из своего имения?»— Подавляя смех, Чабуа прикрыл рот рукой и сделал вид, будто внимательно слушает говорившего.

В эту минуту раздался глуховатый голос Ираклия:

— Что скажет нам Чабуа?

Чабуа несколько смутился. Он не знал, каково мнение самого Ираклия. Поэтому он начал излагать какие-то путаные, общие соображения:

— Каждая мысль должна исходить из знания, опыта, иначе она не имеет цены. Я никогда, нигде не читал и не помню, чтобы в прошлом где-нибудь существовал такой порядок военной службы. Посудите сами, государь! Как можно устанавливать месячный срок службы и брать воинов по очереди? Люди заняты разными, очень далекими одно от другого делами. Кузнецы куют, ткачи ткут, земледельцы пахут, пастухи пасут скот. Что станет со стадом, если пастухи пойдут на военную службу?

— Ведь не всех же пастухов сразу мы собираемся призвать,— прервал Чабуа царевич Леван.— Для каждого будет установлена очередь. В один месяц пойдет один, в следующий месяц призовем другого...

— Пусть даже так,— настаивал Чабуа,— это еще хуже для дела. Чтобы составить один отряд, нужно собрать людей со всех концов Грузии. От Сурами до Сигнахи надо идти десять дней. Десять дней туда и де-

сять обратно,— сколько же времени воин должен провести на службе? Все время уйдет на дорогу, и наше царство уподобится бессмысленно суеющемуся муравейнику. И какое же войско получится из этих людей? Какой убыток государству: оторвать хороших мастеров и ремесленников от их дела и без всякой пользы гонять по дорогам! Хороший ткач за двадцать дней может соткать по крайней мере двадцать локтей шелковой ткани или сукна, земледелец может намолотить двадцать коди хлеба, пастух — подонть и остричь сотню овец и изготовить сто кругов сыра! Вы же оторвете всех этих людей от дела, а пользы от них никакой не получите. Человек, никогда не державший сабли в руках, никогда не стрелявший из ружья, на войне не пригодится. Каждый должен заниматься своим делом. Недаром мудрый Руставели сказал:

Пусть судьбой доволен каждый, кто чего ни удостоен,
Долг трудящихся — трудиться, храбрецом да будет воин!

— Что же, по-вашему, надо делать? — спросил Ираклий, взглянув из-под сдвинутых бровей на Чабуа.

— Жить по-прежнему, пока Россия не возьмет нас под свое покровительство и не защитит нас. При необходимости будем каждый раз, в случае угрозы войны, созывать войско. Но прежде всего надо стараться, чтобы Россия...

— Ну, а если императрица не захочет приютить вас под своим подолом? Что тогда? — неожиданно спросил Давид. — Где вы предполагаете укрыться в этом случае?..

Со всех сторон раздался смех. Сам Ираклий не мог удержать улыбку, но тотчас же снова принял серьезный вид и обратился к зятю с упреком:

— Сын мой, Давид, не подобает вам столь непочтительно отзываться о господине мдиванбеге.

— Простите, ваше величество... — Давид приложил руку к сердцу и низко склонил голову. — Трудно сдержаться, когда наше бескорыстное желание укрепить и возвеличить государство некоторые люди поднимают на смех только для того, чтобы показать свое красноречие. Мне кажется, что почтенному моему родственнику лишний раз хочется блеснуть своей ученостью. Только поэтому он поднимает голос против создания постоянного

войска. Господь нам явил свою милость, внушив царевичу Левану блестящую мысль. Вправе ли мы ею пренебрегать?

— Месяц службы в войске не может никого отяготить, — сказал мдиванбег Иоанн Орбелиани, мнение которого всегда было решающим на совещаниях. — Поистине, счастливая мысль пришла в голову царевичу Левану. Мы должны взяться за ее исполнение. Необходимо немедленно приступить к переписи населения.

— Я думаю, ваше сиятельство, что именно вам подobaет стать во главе этого дела, — обратился Ираклий к Иоанну. — И лучше всего если вы сейчас же приметесь за работу.

— Прошу прощенья, ваше величество, но я боюсь, что не справлюсь с этой задачей... Не лучше ли поручить ее кому-нибудь другому?

— Кому же, как не вам, человеку ученому, знатоку астрономии и математики, поручить это дело? Кто другой справится с ним лучше вас? В недельный срок составьте подробную смету. Выясните, сколько нужно денег и что еще может понадобиться для этого дела. Восемьдесят в помощь счетоводов и через неделю доложите нам свои соображения. Попробуем, быть может, наши труды не пропадут напрасно... Нам кажется, что не следует отвергать счастливую мысль.

— Свидетель бог: если бы я знал, что мысль эта принадлежит царевичу, я ни слова не сказал бы против, — поспешил согласиться Чабуа.

Он хотел что-то добавить в свое оправдание, но царь прервал его.

— Я решил, — объявил Ираклий собравшимся, — направить к императрице посольство во главе с царевичем Леваном и католикосом Антонием. Пусть они выяснят окончательно, как Россия относится к нам.

Давид наклонился к Левану и шепнул ему на ухо: — Напрасная потеря времени. Правда, тебе это будет полезно — побываешь в России, увидишь Петербург... Но толку мы не добьемся никакого.

— Возможно, — ответил Леван.

— К тому времени, когда ты вернешься из России, мы с Бесики уже соберем войско и по всем правилам выстроим его перед тобой. Правда, Бесики? — обратился Давид к поэту.

— Бесики я беру с собой.

— Поглядите-ка на эту певчую птичку! Побывал в Персии, теперь полетит в Россию, скоро весь мир облетает! Ну и счастье же тебе, Бесики!

«Счастье, — подумал Бесики, — счастье у меня собачье: то дадут пинка, то бросят кости!»

Давид, по-видимому, угадал его мысль, потому что спросил Левана:

— Ты напомнил государю о Бесики?

— Конечно.

— И что же?

— Государь ответил: «Служит же он у тебя, чего ему еще нужно? Служить у царевича так же почетно, как и у царя». Поговори сам с государем, тебя он скорее послушается.

Совещание постепенно превратилось в непринужденную беседу. Чабуа то и дело поглядывал на группу друзей — Давида, Левана и Бесики. Он несколько раз ловил на себе их насмешливые взгляды. Решив, что молодые люди насмеются над ним, Чабуа поднялся с места и направился к ним, чтобы проверить свое подозрение.

«Если они замолчат, когда я подойду, значит, разговор был действительно обо мне», — подумал он.

Они при его приближении действительно умолкли, а Давид встал и подошел к Ираклию.

Чабуа проводил его сердитым взглядом и сказал с укором:

— Что я ему сделал? За что он так невзлюбил меня?

— Вы ошибаетесь, ваше сиятельство, — ответил ему Леван. — Давид вас любит не меньше, чем кто-либо другой.

— Знаю, знаю, как он меня любит...

— Но он готов вступить в смертный бой со всяким, кто хвалит русских, — продолжал Леван.

— А русские чем прогневали его?

— Обращение императрицы просто возмутило его.

— Кому удавалось сорвать розу без шипов? Но сомневаюсь, чтобы причина была в этом... Должно быть, есть что-нибудь другое...

— Нет, клянусь жизнью государя.

— Значит, мысль об учреждении поочередной воинской службы принадлежит вам? Знай я об этом, ни сло-

ва бы не сказал против. Я думал, что это наш свирельщик выдумал. Как же я не учел, что после моих стихов он и рта не посмеет раскрыть!

— Неужели? — удивился Леван. — Но он, кажется, и не читал ваших стихов. Бесики, ты читал стихи господина Чабуа?

— Не помню, — ответил Бесики и обратился к Чабуа: — если вы хотите получить ответ, я могу удовлетворить ваше желание, не знакомясь с вашими стихами.

— Хвалиться будешь потом, когда ответишь! — обрвал его Чабуа и с самоуверенным видом направился к царю, около которого только что освободилось кресло.

Ираклий был занят беседой с Давидом и не сразу обратил внимание на Чабуа, который нетерпеливо ждал, чтобы царь повернулся к нему и дал ему возможность начать разговор. Чабуа хотел во что бы то ни стало прочесть царю свои стихи: было известно, что, прочитав эпиграмму Бесики, Ираклий от души смеялся и выразил сомнение в том, что Чабуа сумеет на нее ответить.

Давид попросил государя оказать милость Бесики и вернуть ему должность царского секретаря. Услышав имя поэта, Чабуа немедленно полез в карман, достал оттуда листок и невежливо вмешался в разговор:

— Я слышал, государь, что вы изволили сомневаться, сумею ли я ответить нашему несравненному поэту?

Давид нахмурился. Вмешательство Чабуа в беседу в такую минуту, да притом еще с чтением комических стихов, в которых Бесики беспощадно высмеивался, могло испортить дело. Он хотел было сказать Чабуа, что сейчас не время для стихов, но Ираклий опередил его и сказал с улыбкой мдиванбегу:

— Ну-ка, прочтите!

Чабуа начал читать свою эпиграмму. Любезная улыбка постепенно сошла с лица Ираклия: каждая строчка стихотворения источала яд. Ираклий нахмурился, но, чтобы не обескуражить Чабуа, похвалил стихи, назвал их остроумными и, обратившись к Давиду, сказал:

— Поэту лучше оставаться поэтом. Не к лицу Бесики звание царского секретаря. Ему пристало писать стихи, петь их, наигрывая на тари, и вести остроумную беседу. К тому же он скоро уезжает вместе с царевичем в Россию.

Давид кинул сердитый взгляд на Чабуа. Продолжать дальше разговор о Бесики было явно бесцельно. Он поклонился Ираклию и отошел к одной из групп беседующих.

Бесики одолевала тяжелая тоска. Он заперся в своей комнате и с утра до вечера сидел перед камином. Счастье, казалось, повернулось к нему спиной — на каждом шагу его подстерегали неудачи.

С Анной он не смел встречаться. Анико прислала ему письмо, в котором проклинала его и запрещала показываться ей на глаза. Государь отказал ему в должности секретаря. Чабуа читал всем и каждому свои стихи. Говорили, что он прочел их и Анне. А несколько дней тому назад, Кайхосро Мурванишвили, отозвав в сторону Бесики, шепотом передал свой разговор с одним воином из крепостной стражи — Беруча, который уверял его, что своими глазами видел, как Тотлебен писал письмо ахалцихскому паше. Рассказчик был возмущен тем, что Бесики, которому он сообщил о письме, даже не подумал доложить о нем государю.

— Что ты натворил, — сказал Кайхосро, — ты знаешь, что тебе будет, если государь узнает об этом? Хорошо еще, что я сумел уверить Беруча, будто бы ты сообщил государю все, что тебе было рассказано. Ну, а если Беруча попадет на глаза Ираклию и захочет сам рассказать ему о происшедшем? Хорош ты будешь!

Ко всему этому вскоре прибавилось еще одно ужасное известие: Давид Цицишвили, служивший в Москве и приехавший в Тбилиси, сообщил Бесики, что он, Цицишвили, встретил в Астрахани Александра Амилахвари, который рассказал ему, как бежал из тюрьмы, как по дороге его и Чоглокова нагнал сын преподобного Захари и уступил ему свою лошадь. Расставшись с Бесики и перевалив через Триалетские горы, беглецы повстречали людей Ираклия, которые схватили Чоглокова, а Александра, не опознав, отпустили.

— Я удивляюсь, что вижу вас на свободе, — добавил Цицишвили. — Сомневаюсь, чтобы царь Ираклий, узнав о вашем поступке, оставил вас в живых. Что касается меня, то я обещаю вам молчать; но что, если кто-нибудь случайно расскажет об этом царю или если ему напишут из Москвы?

— Когда я встретил этих людей на дороге,— сказал Бесики,— мне и в голову не пришло, что это беглецы. В стране свирепствовала чума... Она косила жителей Тбилиси, все разбежались в разные стороны, чтобы спастись от смерти. Кто в такое время стал бы думать о беглых арестантах! Каждый человек в те дни жаждал творить добро, чтобы отвратить гнев господний от нашей страны.

Но напрасно Бесики подбодрял себя и пытался оправдать свои поступки. Он сам чувствовал несостоятельность своих доводов. Он ежеминутно вспоминал теперь то о письме Тотлебена, то о своих встречах с царевичем Александром Бакаровичем в Персии, то о побеге Амилахвари. Мысль, что все может обнаружиться, приводила его в ужас.

, Обуреваемый мрачными мыслями, Бесики утратил покой, пытался залить тоску вином, но вино не помогало. Особенно страдал он от того, что ни с кем не мог поделиться своими тревогами и тем самым хоть немного отвести душу. Ах, если бы Леван был царем! Тогда Бесики не о чем было бы беспокоиться. Леван понял бы его без долгих объяснений. Он слегка пожурил бы поэта, и этим бы все ограничилось.

— Ваше высочество, я хочу вам поведать одну тайну, но только не выдавайте меня,— обратился однажды Бесики к Левану, который только что вернулся с званого ужина и, перед тем как лечь спать, грелся у камина.

Леван с юношеским нетерпением взглянул на Бесики, который в эту минуту снимал подвязки с его ног.

— Тайну? Какую тайну? Погоди, как пишет о тебе Чабуа?.. «Воспитанник турка!» Эх ты, воспитанник турка!

— Государь собирается объявить вас наследником.

— Это я и без тебя знаю. Но кто тебе сказал об этом?

— Вы меня не выдадите?

— Чудак, ты еще потребуй с меня письменное обещание!

— Я не шучу. Меня предупредили: если кто-нибудь узнает об этом, у меня вырвут язык.

— И хорошо сделают! На что тебе такой язык, который не сумел дать достойного ответа даже Чабуа! Но я все шучу. Говори, откуда ты узнал?..

— Государь продиктовал мне в ночь перед аспиндз-

ским боем свое завещание. Я своими руками написал: «Наследником грузинского престола после нас объявляю царевича Левана».

— Неужели это правда? — изумился Леван.

— Клянусь вашим счастьем!

— Почему же ты до сих пор не говорил мне об этом?

— Государь приказал мне никому не говорить, даже вам...

— А что он приказал написать о Георгии?

— Предназначил ему престол католикоса.

— Разве Георгий согласится стать монахом? Грузинский престол принадлежит ему, и я не стану его оспаривать, если Георгий сам не пожелает отречься, подобно царевичу Иосифу в Имерети, который уступил трон брату своему Соломону, а сам принял схиму и стал католикосом.

— Если Грузия обречена на гибель, то на кахетино-картлийский престол взойдет Георгий, а если ей суждено спастись, — взойдете вы!

— Ты льстишь мне?

— Если я говорю, чтоб льстить вам, пусть бог поразит меня на месте. Не гневайтесь на меня за то, что я дурно отзываюсь о вашем брате, но я должен сказать откровенно — он не создан быть царем.

Бесики заметил, что его сообщение сильно взволновало Левана.

— А где же завещание? — спросил Леван.

— Я вернул его государю тотчас же после сражения.

— Может быть, государь разорвал его?

— При мне государь положил его к себе в карман, а что сделал с ним дальше, — не знаю. Наверное, завещание хранится у государя. Эх, дал бы бог дожждаться этого дня! Ни о чем больше не мечтаю!

— Что ты такое говоришь, безумец! Значит, ты мечтаешь о смерти моего отца?

— Боже меня упаси! — испугался Бесики. — Как вы могли подумать такое? Все говорят, что в вашем лице Грузия обрела второго Ираклия, что счастлива страна, имеющая двух достойных правителей. Почему бы в Картли не править одному Ираклию, а в Кахети — дру-

гому, как это было при жизни деда вашего царя Теймураза?

— Тсс... тише! — Леван закрыл рукой рот Бесики. — Уж не хочешь ли ты разделить судьбу моей бабушки Анны-ханум?

Бесики изумленно взглянул на него.

— Ты ведь знаешь, что она всячески старается отнять у Ираклия Картли и возвести меня на картлийский престол.

— Я впервые это слышу, и, должен сознаться, эта мысль мне очень нравится.

— Что? — загремел Леван. — Ты хочешь, чтоб я сейчас же повесил тебя?

— Можете отрубить мне голову, — Бесики упал на колени и, подняв лицо, смело взглянул в глаза Левану, — я все же буду повторять свое...

— Тише... Что ты болтаешь, дурак! Ты думаешь, что я честолюбивый выскочка, которому льстивыми словами можно внушить преступные желания? Мне ли, потомку Багратионов, сыну столь прославленного отца, забыть, что царствовать — это значит нести тяжелое бремя? Царствовать — это значит служить стране. И если мы преданы нашей отчизне, то должны стремиться к объединению грузинских земель, а не к раздроблению Грузии... Признаюсь тебе чистосердечно, что желаю царствовать, но только после моего отца, и хочу быть царем всей Грузии, Западной и Восточной.

Леван посмотрел пристально на Бесики и повторил:

— Да, хочу быть царем всей Грузии. Так оно и будет, если буду жив!

— Да исполнится все по вашему желанию!.. — Бесики снял с Левана башмаки, подал ему туфли и выпрямился в ожидании приказаний царевича.

Всю ночь в голове у Бесики теснились мучительные мысли. Он беспокойно метался в постели. Перед его глазами возникали то царевич Леван, то Давид Орбелиани. Они ничего не боялись — ни острых сабель врага, ни гнева государя...

— И я не боюсь! — вскричал Бесики, проснулся и вскочил с постели.

Вокруг не было ни души. Царевич спал в соседней комнате.

Маленьким царевичам очень хотелось поехать на свадьбу Анико, но решено было взять одного Иулону, как старшего. Второй по старшинству — царевич Вахтанг уверял, что он ничем не хуже брата, так как ему уже исполнилось десять лет. Тихий и застенчивый Теймураз не отставал от старших братьев. Следующий за ним — Мириан подражал Теймуразу. Одному было восемь, другому семь лет, и их можно было принять за близнецов. Если они плакали, то оба разом, дружно, как хорошо спевшиеся певцы.

Две старшие дочери Ираклия от Дареджан — царевны Мариам и Кетеван — старались успокоить братьев ласками и увещаниями, но так как они сами были недостаточно почтенного возраста — одной было пятнадцать, другой — четырнадцать лет, — то царевичи не обращали никакого внимания на их уговоры и ревели все сильнее и сильнее.

— Оставьте нас в покое, — накинулся Вахтанг на сестер, — вы-то небось едете? Нацепили на себя новые платья, чтобы понравиться женихам...

— Что за глупости ты болтаешь! — рассердилась Мариам на брата.

— Я все знаю, — упрямо продолжал Вахтанг. — Ты кривляешься перед Давидом Цицишвили, который ходит без усов, точно патер... А ты, Кетеван, стараешься понравиться Иоанну Мухран-Батони...

— Убирайся отсюда! — накинулась на него Кетеван.

— Иоанну Мухран-Батони, Иоанну Мухран-Батони! — выкрикивал Вахтанг, убегая от Кетеван. — Лысому Иоанну Мухран-Батони!..

Рассерженные сестры наверное поколотили бы своих несносных братьев, если бы не вошедшая в это время Анико, которая сразу успокоила их. Она обещала взять всех на свадьбу в качестве дружек, а затем стала шептаться с Мариам и Кетеван. Анико была озадачена странной болезнью своей бабушки. Похоже, что у нее ничего не болит, но она лежит в постели целыми днями, не приглашая врачей, не принимая лекарств и не желая никого видеть — даже ее, Анико, близко к себе не подпускает. Только Гульвардис может войти к ней в любое время.

Так рассказывала Анико. Она чувствовала, что с ее обожаемой бабушкой происходит что-то неладное: как

же иначе, если она не допускает к себе даже любимую внучку, с которой скоро расстанется?

Приближался день свадьбы Анико. Из Мухрани в Тбилиси и обратно скакали гонцы, во дворце суетились, укладывали приданое, готовили свадебные подарки. Все с нетерпением ждали торжественного дня. Одна Анна не разделяла общего радостного волнения, словно все происходящее вовсе не касалось ее. Накануне отъезда в Мухрани она внезапно объявила, что не сможет присутствовать на свадьбе из-за болезни, и просила передать Тамаре просьбу быть посаженной матерью Анико.

Ее поведение удивило и царицу Дареджан. Несмотря на беременность, из-за которой врачи запретили ей длительные прогулки, царица спустилась из Сачино во дворец, чтобы навестить Анну. Невестка и золовка с обычной вежливостью приветствовали друг друга. Анна попыгалась встать, но Дареджан не разрешила. Внимательно посмотрев на золовку, она обещала прислать к ней самых лучших врачей.

— Где у тебя болит, милая Анна, около сердца или под лопаткой? Может быть, это болезнь легких, которую называют чахоткой? Говорят, что ее трудно излечить, но если вывезти больного на свежий воздух, он быстро поправляется.

— Ни у кого в нашем роду не было болезни легких, откуда бы ей взяться у меня! — ответила Анна.

— Может быть, лучше отложить свадьбу до рождества? К тому времени ты поправишься, государь освободится от дел, и я, может быть, тоже смогу присутствовать..

Царице Дареджан было ясно, что Анна слегла в постель вовсе не из-за болезни, что ее терзает какое-то горе, причину которого Дареджан не могла разгадать. Она была хорошо осведомлена об отношениях между ее золовкой и Бесики: на мгновение у нее мелькнула мысль, что причина болезни Анны — опала ее возлюбленного.

Она решила принять все меры, чтобы выпытать у Ираклия все, что ему известно. Анна, в свою очередь, почувствовала, что Дареджан считает ее болезнь притворной, что она сгорает от желания узнать причину ее горя. Вскоре явилась и Тамара, которая тут же накинулась на Анну.

— На что это похоже! — возмущалась она. — Как это можно — не присутствовать на свадьбе единственной внучки? Надо ехать, хотя бы даже пришлось отправляться на носилках.

— Конечно, я поеду, поеду, — успокаивала ее Анна, — если даже придется на носилках, в чем, я уверена, нет никакой необходимости...

Анне действительно хотелось быть на свадьбе своей любимицы, но когда она думала о том, что ей придется не раз обнимать Анико, губы которой касались шелковистых усов Бесики, в ее душе поднималась буря. Ночью, после ухода Дареджан и Тамары, Анна позвала Гульвардис, чтобы узнать от нее, где Анико и как она себя чувствует. Гульвардис доложила госпоже, что Анико примеряет свадебное платье в присутствии царевен Кетеван и Мариам и что они все трое весело и звонко хохочут. Анико, по-видимому, так рада своей свадьбе, что ни о чем другом не думает. Вместо того чтобы проливать слезы, как подобает невесте, она весело смеется, как будто собирается на бал.

— Ты не выдумываешь? — удивленная Анна приподнялась на постели.

— Умереть мне на этом месте, если выдумываю!

— Значит... — Анна замолчала, но Гульвардис и без слов поняла мысль своей госпожи.

— Фи! — презрительно фыркнула она. — Много ли понимают в любви молодые девушки? Они только подражают тому, что вычитали из книг. Нестан-Дареджан любила Таризэла, Тинатин любила Автандила — вот и они, как только завидят красивого молодого человека, начинают писать ему любовные письма, клясться в верности. А сами-то ничего не смыслят... ничего не смыслят в любви... Их любовь — детская игра.

— Значит, ты говоришь... Ступай и сейчас же приведи ее.

Гульвардис отправилась за Анико. Анна встала с постели и начала одеваться.

Вскоре в комнату ворвалась Анико в сопровождении Кетеван и Мариам. Все трое, увидев Анну на ногах, да еще в нарядном платье, пришли в восторг, окружили ее и едва не задушили в объятиях.

— Тетушка! Милая тетушка! — вперебивку тарато-

рили Кетеван и Мариам. — Ты здорова? Значит, едешь на свадьбу! Едешь?

— Еду, еду, успокойтесь, — отбивалась от них Анна, а затем, со всех сторон оглядев Анико, сказала: — Что это ты нарядилась? Куда торопишься? Сердцу не терпится? Рада? Все смеешься...

— А почему мне плакать? — удивилась Анико. — Я рада тому, что вижу тебя здоровой.

— Неправда, неправда, она радуется, что выходит замуж! — закричали, наперебой Кетеван и Мариам. — Сама нам сказала.

— Ты на самом деле рада?.. — с дрожью в голосе спросила Анна и остановилась, испугавшись собственного голоса.

Анико опустила глаза. Взволнованный, робкий голос Анны проник ей в самое сердце. Она обвила обеими руками шею бабушки, прижалась к ней и зарыдала. Казалось, что девушка задыхается от смеха и всеми силами старается его унять.

Анна сразу забыла мучительную душевную боль, которая не оставляла ее все эти дни, и крепко прижала к груди свою любимую маленькую Анико. Нежно и взволнованно ласкала она внучку, а когда та успокоилась, отослала ее спать, позвала слуг и с обычной своей распорядительностью принялась за дела.

Она лично проверила все приданое, спустилась во двор чтобы посмотреть на арбы, нагруженные разным добром, и даже заглянула на кухню, где повара изготавливали сладкое печенье.

Уже светало, когда усталая Анна вошла в свою комнату и принялась раздеваться. Нечаянно взглянув в зеркало, она испугалась своего лица. Глаза ее глубоко впали, щеки втянулись — вместо прекрасной Анны из зеркала глядело на нее привидение.

— Боже мой, на кого я стала похожа! — воскликнула Анна. — Что это, от бессонной ночи или я так состарилась за эти три дня?

В храме все стояли торжественно и чинно, время от времени крестились, и казалось, что нет на свете людей, счастливее и беззаботнее этих царевичей и царевен. Так думали две деревенские женщины, у которых хватило

смелости войти в церковь и наблюдать из укромного уголка за венчанием имеретинского царевича.

Обе женщины часто крестились, вытягивали шеи и вертели головами, чтобы рассмотреть каждого из присутствовавших в отдельности.

— Куда это я попала, родные мои! — шептала одна из них, повыше ростом, с обгорелым от солнца лицом. — Ты погляди, Калуа, на невесту! А жених-то, жених какой красивый!

— Ох, уж и какой красивый, соседка! — согласилась вторая, совершенно потрясенная видом знатных людей, разодетых в парчу и золото.

— Гляди, гляди, а это кто? Царица наша? Какая красавица! А это, верно, государь наш? — продолжала высокая женщина.

— Должно быть, он! — соглашалась вторая, стараясь разглядеть царя и царицу, хотя ни Ираклия, ни Дареджан в церкви не было.

Каждая из женщин принимала за царя, того вельможу, который нравился ей больше других. Высокая женщина приняла Анну за царицу, а Иосифа Корганашвили — за Ираклия, на которого он действительно был похож. Вторая крестьянка приняла за царя и царицу Давида Орбелиани и Тамару.

— Господи, помилуй и спаси! В жизни не видела столько господ вместе! — говорила высокая женщина.

— Вот и удостоилась царя с царицей увидеть! Что, рада небось, Калуа?

— Известно, рада.

Простодушным цилканским женщинам это собрание блестящих вельмож представлялось сонмом особых, счастливых и прекрасных существ, чуждых человеческих недостатков.

Они не поверили бы, если бы перед ними кто-нибудь раскрыл все сложное сплетение любви и ненависти, дружбы и предательства, добрых и злых желаний, самых противоречивых стремлений, которое опутывало этих знатных, блестящих людей.

Вот стоит новобрачный — имеретинский царевич Давид, юноша с щегольскими усиками, в белой черкеске, расшитой золотом, с маленькой имеретинской шапочкой, висящей сейчас на шнурке у него за плечами: на голове у царевича золотой венец. Не шевелясь, чуть приоткрыв

рот, он смотрит то на священника, то на своего верного Росто, неподвижно стоящего у колонны.

Росто не спускает глаз с царевича и время от времени еле заметным движением головы успокаивает его. Он терзается страхом — как бы царевич не натворил чего-нибудь во время венчания, и непрерывно повторяет про себя одну и ту же молитву: «Господи, помоги мне в этот трудный час! Господи, пронеси мимо нас беду!»

Когда Росто впервые увидел невесту, он почувствовал к ней такую жалость, что ужас обуял его.

— Нет, не простит нам господь этого греха! Такого ангела отдаем в руки нашему безумному царевичу! — думал Росто. Страх его еще более усилился, когда, войдя в церковь, он увидел строгий лик Христа, изображенный на стене. В ужасе и отчаянии дядька несколько раз перекрестился и тут же дал обет внушить царевичу не прикасаться к супруге, пока на то не будет воли божьей.

Анико сгорала от любопытства: ей не терпелось рассмотреть своего жениха. Вначале он ей совсем не понравился. Невольно сравнивая его с Бесики, Анико испытала боль и разочарование. Царевич был долговязым, сутулым, длинноносым, глаза у него были выпучены, рот полуоткрыт. Девушка едва не разрыдалась от огорчения, но потом постепенно привыкла к внешности жениха, который как-никак был потомком Багратионов и наследником престола. Скоро он стал казаться ей даже красивым. Обряд венчания представлялся ей игрой, точно они венчались не всерьез, а для забавы, как дети, играющие в женитьбу. И они, как свойственно детям, сразу подружились.

Анна, чуть бледная, прекрасная, как мраморная статуя, стояла неподвижно и следила за ходом обряда. Она знала, что где-то за ее спиной, в задних рядах, стоит Бесики и, вероятно, испытывает двойные муки. Если он действительно любит Анико, то зрелище этой свадьбы должно причинить ему жестокие страдания. Встретившись с Бесики здесь, в Мухрани, Анна успела кинуть на него уничтожающий взгляд, красноречиво говоривший, что между ними все кончено. Потом она все время делала вид, что не замечает его, и испытывала острое наслаждение, чувствуя, как он взволнован и опечален ее холодностью.

Равнодушие Анны не на шутку встревожило Бесики.

Втихомолку наблюдая за ним, замечая его растерянность, читая мольбу в его взгляде, она чувствовала, что понемногу успокаивается, что к ней возвращается ее беззаботность, что ее охватывает какая-то радостная надежда. Вот и сейчас, стоя в храме, она следила глазами за женихом и невестой, рассматривала ряды икон в иконостасе и ни на минуту не переставала ощущать присутствие Бесики, который стоял позади Левана, рядом с Манучаром Туманишвили, наклонив голову и устремив взгляд в каменный пол. Анна по какому-то наитию чувствовала, что замужество Анико не причиняет ему никаких страданий и что в настоящую минуту его терзает лишь мысль о ней, об Анне.

Она не ошибалась: Бесики действительно думал о ней. Левая щека и ухо у него пылали, словно после пощечины. Время от времени он проводил рукой по щеке и тотчас же вспоминал звонкую пощечину Анико, которая так безжалостно отрезвила его. Бесики внезапно осознал в тот памятный день, что шел к гибели. Поэтому замужество Анико не огорчило его, хотя ему и стало ясно сейчас, что только ее одну любил он искренней, безмерной любовью. Но Анико была недоступна для него. В прекрасном цветнике придворных дам у него, опьяненного ароматом роз, фиалок и нарциссов (Бесики сравнивал каждую женщину с каким-нибудь цветком), закружилась голова, и он позволил себе полюбить девушку из царской семьи!..

Снова тучи сгустились над головой поэта: гром мог грянуть каждую минуту, и в страхе перед грозой он лихорадочно искал путь к спасению. Им овладела настойчивая мысль — во что бы то ни стало поговорить с Анной, вернуть себе ее расположение. Если перед государем у него были такие сильные заступники, как царевич Леван и Давид Орбелиани, то от гнева Анны его мог защитить только бог, — больше Бесики не на кого было надеяться. А гнев Анны мог оказаться страшнее гнева государя. Необходимо было выбрать удобную минуту и сказать ей, что он никогда не переставал любить ее, что он — все тот же преданный ей Бесики, каким был всегда.

Но Анна, казалось, навсегда закрыла для него свое сердце. Ни разу не дала она ему почувствовать, что он может надеяться на прощение.

Венчание закончилось благополучно, и Росто вздохнул с облегчением. Имеретинский царевич вел себя хорошо. Правда, временами он проявлял необычайное простодушие, но в подобных случаях молодым людям это не возбраняется. Поэтому никто не обратил внимания, когда царевич попытался взять кадило из рук священника, решив, по-видимому, что это так и полагается, или когда он, схватив чашу со святыми дарами, попытался ее осушить, вместо того чтобы только благоговейно прикоснуться к ней губами.

Уже смеркалось, когда свадебная процессия вернулась из Цилкани в Мухрани. Мать Иоанна Мухран-Батони, княгиня Хорешан, встретила гостей во дворе замка. Она положила по куску сахара в рот жениху и невесте и под звуки зурны, под радостные крики и грохот приветственных ружейных выстрелов позвала всех к накрытому столу. Новобрачных посадили на особое возвышение, и свадебный пир начался. Однако пиршество не ладилось: гости сидели скучные, за столом не было обычного оживления. Напрасно домоправитель Мухран-Батони Иовел Зедгинидзе, избранный тамадой, изо всех сил старался развеселить гостей...

Бесики сидел в конце стола вместе с музыкантами и наблюдал за окружающими, среди которых его внимание особенно привлек Элизбар Эристави, дядя Анико. Род Эристави подвергся опале за участие в заговоре против Ираклия. Правда, царь простил отца Элизбара Георгия и даже назначил его начальником телохранителей, но сын, по-видимому, не очень-то полагался на царскую милость и не показывался на глаза ни отцу, ни другим своим близким родственникам, жившим в Тбилиси.

Наследственные имения были у него отобраны царем. Тем не менее он как-то умудрялся существовать, проводя по нескольку месяцев в гостях то у одного, то у другого князя. Ираклий не раз вызывал его к себе, так как до него дошли сведения, что Элизбар готовит заговор против царя и втягивает в него картлийских князей. Ссылаясь то на болезнь, то на неотложные дела, Эристави неизменно уклонялся от встречи с царем. Никто поэтому не ожидал, что он явится в Мухрани на свадьбу Анико: все были удивлены, когда опальный князь въехал во двор замка и, подскакав к балкону,

громко поздравил свою племянницу. Войдя в пиршественный зал, он окинул собравшихся ястребиным взглядом, а потом внимательно осмотрел каждого из гостей по очереди. Элизбар был уверен, что царю не замедлят сообщить о его присутствии на свадьбе. Он приехал, чтобы попить, но хотел так рассчитать время, чтобы покинуть Мухрани прежде, чем ему будет угрожать какая-либо опасность.

Леван радушно приветствовал Элизбара, посадил его рядом с собой и старался быть особенно внимательным к нему. Царевич выразил надежду, что Элизбар отправится в Тбилиси вместе с ним, чтобы предстать перед государем и оправдать себя. Леван сказал, что сам будет посредником между ним и Ираклием и обещал привести дело к доброму концу.

Элизбар не сомневался в искренности Левана, но прекрасно знал, что Ираклий неумолим в борьбе со своими врагами, и поэтому не решался положиться на обещание царевича.

Заметно было, что Элизбар почти не пил вина: опальный князь тревожно вглядывался в лица присутствующих, точно старался прочесть по ним, который из гостей собирается предать его в руки царя. Он, по-видимому, не узнал Бесики, так как наклонился к соседу и шепнул ему что-то на ухо, указывая на поэта глазами. Получив ответ, князь улыбнулся, а потом, улучив удобную минуту, подошел к Бесики и сел рядом.

— Не узнал я тебя,— сказал он и похлопал поэта по плечу.— Помнишь, как мы с тобой удили рыбу в Куре? Как ты изменился с тех пор! Вырос, стал мужчиной.

Бесики не только не ходил с Элизбаром в детстве на рыбную ловлю, но даже и разговаривать с ним ему никогда не доводилось. Решив, что его принимают за кого-то другого, он удивленно посмотрел на собеседника. Элизбар, видя его недоумение, добавил:

— Преподобный Захария, твой отец, обучал меня закону божьему, и я отношусь к нему с большим почтением.

Затем, нагнувшись к самому уху Бесики, он зашептал:

— Слышал я, что ты ездил в Персию и встречался там с Александром Бакаровичем. Ну, как царевич? Расскажи мне о делах и намерениях его высочества.

Бесики насутился и кинул на Элизбара такой взгляд, что тот сразу почувствовал неуместность своей просьбы. Они немедленно переменили предмет разговора и приняли участие в общем веселье. Позже, на расвете, когда уже за столом царил беспорядок, когда от крика и пения охрипших гостей стоял звон в ушах, Элизбар схватил за руку Бесики, увлек его на балкон и снова попытался завести разговор о царевиче Александре Бакаровиче. Но и на этот раз его постигла неудача: внезапно на дороге послышался топот копыт...

Элизбар весь превратился во внимание.

Во двор въехал главный мандатур со своей свитой. Он соскочил с коня, бросил поезда стремянному и быстрым шагом направился к дому. Бесики проводил его взглядом. Было очевидно, что мандатур прибыл неспроста. Бесики поспешил в зал, чтобы узнать, в чем дело. Элизбар встревоженно оглядывался по сторонам: он не сомневался, что главный мандатур приехал за ним, и приготовился к бегству.

В зале по-прежнему раздавались голоса пьяных гостей, нестройное пение, шутки, хохот. При виде Бесики гости стали наперебой подзывать его, упрашивая спеть что-нибудь. Туманишвили даже вскочил с места, нетвердыми шагами подошел к поэту и схватил его за руку.

— Иди сюда, нехристь ты этакий, перс краснобородый! Слыханное ли это дело — ты на свадебном пиру и ни разу не спел?

Бесики, слегка сопротивляясь, пошел за Манучаром. И вдруг он увидел в дверях бледного, как смерть, слугу, кинувшегося к домоправителю Мухран-Батони и что-то зашептавшего ему на ухо. Домоправитель только что собирался провозгласить новый тост и негодуя взглянул было на слугу, осмелившегося ему помешать, но негодование на его лице немедленно сменилось выражением крайнего удивления. Он поставил чашу на стол и о чем-то спросил слугу. Тот снова зашептал ему на ухо... Йовел Зедгинидзе встал из-за стола и поспешно вышел из зала.

Эта сцена была замечена многими из гостей. Раздались встревоженные голоса:

— Что случилось?

— Почему он ушел?

— Тамада покинул нас!..

— Говорят, приехал главный мандатур.

— Не собирается ли он взять кого-нибудь из нас под стражу? Почему он не войдет сюда?

Поднялся шум. Гости повскакали с мест и с недоумением глядели друг на друга.

— Бесики, ты не знаешь, что случилось? — услышал Бесики знакомый голос.

Он быстро обернулся.

Перед ним стояла встревоженная, немного бледная Анна.

Бесики растерялся от неожиданности, но сердце подсказывало ему, что Анна, хотя и кажется равнодушной, думает о нем, тревожится за него. Вот и сейчас она взволнована потому, что боится — не за ним ли приехал мандатур.

Бесики улыбнулся ей и ответил с преувеличенной почтительностью:

— Не знаю, ваша светлость. Но я немедленно осведомлюсь и доложу вам. Думаю, что ничего серьезного не может быть.

Он низко поклонился ей и тотчас спустился в нижний этаж, где увидел гостей, столпившихся вокруг главного мандатура. Гости охали, вздыхали, качали головами.

— Что случилось? — спросил Бесики мандатура.

— Беда, — отвечал тот. — Скончался супруг княгини Анны, князь Димитрий. Не знаю, как ей сообщить об этом в самый разгар свадебного торжества! Что за несчастье стряслось над нами! Веселье обратилось в скорбь!

Смерть такого дряхлого, изнуренного болезнями старика, как Димитрий Орбелиани, не была ни для кого неожиданностью. Но так как супруг Анны занимал высокую должность и, главное, был зятем государя, все старались сделать вид, что очень огорчены его кончиной. Возникло замешательство. Никто не знал, как быть, — сообщить Анне немедленно о том, что случилось, или дождаться окончания свадебного пира. Во всяком случае, никто не желал взять на себя неприятную обязанность вестника горя. Неожиданно для всех Бесики разрешил затруднение: получив ответ на свой вопрос, он быстро поднялся в верхний этаж и все рассказал Анне.

Анна вскрикнула, пораженная внезапной вестью, но

Бесики уловил на ее лице мимолетное выражение радости. Вслед за тем она страдальчески сдвинула брови, и в зале раздались явно неискренние причитания:

— Горе мне, горе! Вот до чего довелось дожить! Пожалейте меня, христиане! Покинул меня супруг мой, нет у меня больше моего Димитрия...

Она закинула назад голову, пошатнулась и, вероятно, упала бы, если бы множество рук не протянулось, чтобы ее поддержать. Женщины окружили Анну, повели ее к тахте, осторожно усадили и стали прыскать на нее водой. Потом все уселись рядом с ней на тахте и принялись снимать с нее украшения и распускать волосы. Мужчины тоже приняли скорбный вид, хотя многие из них толком и не знали, кто умер. Некоторые из них, услышав: «Димитрий скончался» и даже не разобрав, о каком Димитрии идет речь, принялись бить себя в грудь и плакать пьяными слезами.

Среди общего плача и причитаний только Леван и Бесики были спокойны и сдержанны. Леван не видел от Димитрия ни худа, ни добра. Старый Орбелиани вспоминался ему вечно больным и прикованным к постели. Неискренность окружающих бросилась ему в глаза: скорбь была притворная, сожаление лицемерно. Покойный прошел свой жизненный путь, и все давно уже ждали его смерти: скорбеть о нем было излишне. Леван вежливо выразил сочувствие тетке и вышел на балкон.

Бесики хотелось последовать за своим покровителем, но он был вынужден остаться в зале, чтобы отвечать на вопросы любопытных. Каждому хотелось самому проверить правильность известия.

— Что, что? Умер Димитрий? Это правда? Кто тебе сказал? Главный мандатур? А где он сейчас?

Росто был больше всех взволнован этой суматохой. Он вообще страшился всяких неожиданностей и непредвиденных событий.

Воспользовавшись переполохом, он схватил за руку Давида, отвел его от новобрачной и зашептал ему на ухо:

— Ну, родной, теперь держись, будь умницей! Смотри, не осрами меня! Знаешь, кто умер?

— Ну, конечно, знаю, как не знать.. Умер дедушка моей невесты.

— Ну, так подойди теперь к бабушке твоей жены

и вырази ей свое сочувствие. О ком я говорю, знаешь? Вон она, видишь,— красивая женщина, что сидит на тахте? Постой, постой! А что ты ей должен сказать, знаешь? Ну, так слушай. Подойди к ней и скажи: «Ма-тушка, большое несчастье стряслось над нами! Тяжко наказал нас господь, отняв у нас надежду нашу, а у государя нашего правую руку его». Скажешь? А ну-ка, повтори.

— Скажу, почему не сказать? Подойти к ней сразу?

— Сейчас же и подойди. Потом вернись ко мне сюда, я должен тебе кое-что еще сказать.

— Что ты должен сказать? Скажи сейчас, скажи, прошу тебя!

— Вот что. Ты теперь целый год не должен прикасаться к своей жене.

— Почему?

— Не имеешь права. Таков закон. Бога прогневишь,

— Ну, если таков закон, то и не буду прикасаться, что же делать,— простодушно ответил царевич и направился к Анне.

Росто, не спуская с него глаз, следовал за ним на некотором расстоянии.

Анна спокойно выслушала сочувственные слова Давида, матерински нежно обняла его и поцеловала в лоб.

— Пусть твоя жизнь будет долгой и счастливой, сын мой. Дай бог нам прожить столько, сколько он прожил. Жаль только, что он покинул нас в этот счастливый для тебя день.

— Я теперь целый год...— начал было Давид, но в ту же минуту почувствовал, что Росто крепко, словно клещами, сжал его руку выше локтя. Царевич немедленно умолк.

— Не будем больше беспокоить ее светлость,— почтительно сказал Росто и отвел немедленно подчинившегося ему Давида.

Суматоха, охватившая дом, скоро улеглась. Анна попросила гостей не прекращать дозволенного богом брачного веселья, а сама направилась в маленькую дворцовую церковь Мухран-Батони, чтобы отслужить панихиду по усопшем супруге. Но пир, конечно, не мог продолжаться, и гости отправились вслед за Анной в церковь.

Улучив время, Бесики пошел разыскивать Элизбара

Эристави, но нигде не мог найти его. Поэта вдруг потянуло к опальному князю: он почувствовал к нему такую близость, точно это был единственный человек, которому он мог без опасения открыть свое сердце. Он обошел дворец, все его закоулки, расспрашивал всюду об Элизбаре. Наконец узнал от стражи у ворот, что князь сел на лошадь и уехал, покинув вместе со своими пятью спутниками замок в ту самую минуту, когда запирали ворота. Очевидно, он бежал прежде, чем выяснилась причина появления главного мандатура.

Бесики досадливо махнул рукой, не зная, куда идти. Перед дворцовой церковью стояла толпа народа. Поэт направился ко дворцу и поднялся во второй этаж. Пиршественный зал был пуст. На столе в беспорядке громоздились драгоценная посуда, зажаренные бараны, блюда, полные плова, малые и большие сосуды для вина. Ни одного слуги в зале не было. Бесики взглянул на балкон и увидел там Анико, прислонившуюся к колонне и смотревшую вниз на двор.

Он тихо приблизился к ней и кашлянул. Анико обернулась.

— Бесики, это ты? — обрадовалась она. Потом подошла к глазам шелковый платок и глухо проговорила:— Нет у меня больше дедушки...

— Лучше вовремя умереть, чем зажитья на свете. Ваш дедушка, пошли ему бог царствие небесное, был очень стар. Не надо скорбеть о нем. Не печальтесь, царевна!

— Меня даже не взяли в церковь. Мне сказали, что я не должна плакать, и оставили здесь одну.

— Вам правду сказали, ваша светлость.

— Почему ты не внизу?

— Я искал вашего дядюшку, Элизбара...

— Ах, ведь я на тебя сердита, — вдруг прервала его Анико и, надув губы, отвернулась в сторону. — Я забыла, что решила не разговаривать с тобой.

Бесики с улыбкой смотрел на нее и молчал. Анико быстро обернулась, чтобы проверить, не ушел ли он. Убедившись, что он стоит на месте, она снова отвернулась и продолжала, словно разговаривая сама с собой:

— Трус! А я-то воображала себе его Таризлом. Любопытно, зачем он пришел сюда? Может быть, он соби-

рается сразиться с сыном хорезмского царя? — Анико насмешливо пожала плечами и снова оглянулась.

Бесики по-прежнему стоял на месте. В глазах Анико играла лукавая улыбка.

— Скажи мне, ведь это ты нарочно тогда придумал, будто только в шутку ухаживал за мной? Побоялся сказать правду?

— Каюсь, солгал...

— Ты лжешь и теперь! Уйди от меня! — притворно рассердилась Анико, но не могла удержать улыбку. — Скоро рассвет! — сказала она после минуты молчанья.

— Свет погас для меня навсегда, — чуть слышно прошептал Бесики.

Анико с удивлением посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что солнце моей жизни сегодня закатилось и никогда больше не взойдет для меня. Оно будет теперь светить имеретинскому царевичу!..

В словах Бесики было столько искреннего горя, что сердце Анико сжалось от тоски. Впервые за все это время она почувствовала всю серьезность того, что произошло: сегодня кончилась ее беззаботная молодость, она больше не свободна в своих чувствах и поступках, она — замужем за человеком, которого не любит, а тот, кто любим ею, потерян навсегда.

— Бесики! — прошептала она и горько заплакала, спрятав лицо в шелковый кружевной платочек.

Когда, успокоившись, она оглянулась, Бесики уже не была на балконе. Вокруг толпились люди, старавшиеся успокоить ее и уверявшие, что невесте не подобает плакать в день свадьбы.

Золотая осень была на исходе. Стояли солнечные жаркие дни. Только по ночам чувствовалось, что приближается зима: воздух быстро остывал, и уже нельзя было выходить на улицу в легком платье. В Тбилиси начали съезжаться семьи вельмож и богатых купцов; проводившие знойное лето и осень в своих поместьях или на дачах. Они возвращались в столицу обычно уже после того, как в деревнях был собран урожай и отпразднованы все свадьбы.

Во дворце участились приемы. Знатная молодежь почти каждый вечер собиралась во дворцовых залах для

игр и веселья. Бесики, естественно, был частым гостем этих веселых собраний. Княгиня Анна была в трауре и отсутствовала. Ей полагалось определенный срок провести в уединении, дабы ее не упрекнули в том, что она недостаточно глубоко скорбит об утрате мужа.

В один из таких осенних вечеров вернулся из России ага Ибреим. Войдя в дом, он обнял жену и попросил приготовить ему белье, чтобы сейчас же отправиться в баню. Жена засуетилась. Прибежала Джаваира и, приветствуя брата, стала расспрашивать его о поездке в Россию. А через минуту, вслед за Джаваирой, пришел царский дворецкий и передал купцу приказ немедленно явиться к царю.

Ага Ибреим хотел привести себя в порядок, хотя бы переменить одежду, но дворецкий заставил его тотчас же следовать за собой.

Ираклий принял ага Ибреима в своей маленькой комнате и милостиво позволил купцу облобызать его колено.

— Слава всевышнему, что вижу тебя целым и невредимым,— сказал Ираклий.— Ну как съездил? Удачно? Впрок пришелся мой совет?

— Впрок, ваше величество. У купцов говорится, что в торговле важен почин. Во всяком случае, я убедился, что Россия — единственная страна, с которой мы можем безопасно и выгодно вести торговлю.

— Продал все, что взял с собой?

— Я ездил, чтобы узнать, какие товары можно продать и купить там. Я мало что взял с собой и сейчас жалею, что не взял весь товар: все бы из рук вырвали...

— Где был? В Москве?

— В Москве и в Казани. Есть там такой город на реке Волге.

— Привез что-нибудь с собой?

— Много разного товара, но каждого понемногу. Я и не подозревал, что столько наберется. Русские мне понравились: простой народ, гостеприимный, веселый и доверчивый. Только очень долго любят торговаться. Зато товар дают в кредит под честное слово. «Уговор дороже денег»,— говорят они.

-- Ты ехал через Ширван?

-- Да. Проехал через Баку.

-- Знаю, бывал. Там есть храм огнепоклонников.

— Неугасимый огонь пылает над землей. Это горит нефть, такая же, как у нас в Навтлуги. В Баку я сел на корабль. Заезжал в Дербент. Потом с большим трудом добрался до Астрахани. Там я перегрузил товары и по реке плыл до Казани. Оттуда доехал на подводах до самой Москвы. Был среди тамошних грузин...

— Ну, ну,— насторожился Ираклий,— что обо мне говорят?

— Ваши враги, государь, видно, надеялись, что императрица вместо вас возведет на картлийский престол Александра Бакаровича. Теперь эта надежда у них пропала, и по их разговору я понял, что русская императрица к вам особо благосклонна. Бежавший отсюда Александр Амилахвари добивался приема у императрицы, но она не приняла его. Говорят, что даже сановники не пожелали с ним говорить.

— А он сейчас в Москве?

— Да, я видел его. Мне передали, что он собирался выехать в Имерети, к царю Соломону. Среди московских грузин прошел слух, что царь Соломон замышляет заговор против вас. Говорят, что утопающий хватается за соломинку,— вот и они, заговорщики, хотят ухватиться за Соломона...

— Значит, Амилахвари едет в Имерети! Ну что ж, посмотрим, что у него из этого выйдет.

— Я слышал, что он написал книгу, в которой старается вас очернить. Не знаю точно, в чем он вас обвиняет. Сам я книги не видел.

— А ты не знаешь, выехал он уже или нет?

— Кажется, уже выехал. Надо сказать, что ваших противников становится в России все меньше, особенно после того, как императрица стала благосклонно относиться к вашему величеству. Многие из грузин решили вернуться на родину и поступить к вам на службу. Это, видимо, перепугало ваших врагов, и они опять стараются замутиль воду.

— Все это пустяки,— махнул рукою Ираклий,— ты мне лучше скажи, сможем ли мы завести торговлю с Россией?

Купец задумался.

— Думаю, что сможем,— сказал он наконец.— Привозить из России можно многое — сахар, чай, скобяные товары, полотно и другие ткани, стекло, украшения раз-

личные. Ну, а на вывоз, думаю, лучше всего пойдет шелковая пряжа, шерсть, кожа...

— А вина?

— О, конечно, и вино, но не знаю, в чем его можно будет возить. В бурдюках разболтается и прокиснет. Бутылок мы здесь не делаем.

— В бочках.

— На верблюдах и лошадях везти неудобно, да и дорого. Стакан вина будет стоить столько, что никто его не купит. Эх, ваше величество, пока у нас не будет хороших и безопасных дорог, до тех пор о хорошей торговле и думать не приходится.

— Я расспрашиваю тебя, чтобы знать, какие выгоды может дать России наша торговля. Русские заинтересуются этим во время переговоров с нами.

— Это правильно. Зачем же Россия должна взваливать на себя тяжелое бремя покровительства нам, ежели не увидит и от нас пользы для своего государства?

— Ну, я вижу, ты очень устал,— сказал ему Ираклий,— не буду тебя больше задерживать, завтра доскажешь все.

Купец извинился перед царем и поспешил домой. В доме он застал, кроме сестры, всех родственников, которые наперебой стали его поздравлять с благополучным возвращением.

Беседа Ираклия с ага Ибреимом, доказавшая практическую возможность и выгодность торговых связей между Грузией и Россией, послужила толчком к тому, чтобы вопрос о взаимоотношениях Грузии с северным соседом снова стал предметом обсуждения в Тайном совете. Окончательно убедившись в том, что в Петербург необходимо направить чрезвычайное посольство, Ираклий приказал царевичу Левану и католикосу Антонию готовиться к отъезду в Россию. Дольше ждать было невозможно. Иоанн Мухран-Батони не привез из Ахалцихе ничего утешительного. Недавно назначенный ахалцихский паша неожиданно стал вести себя так, будто не Турция добивалась мира с Грузией, а наоборот. Переговоры не привели ни к какому решению и были отложены до получения ответа от султана. Овладев Крымом, Россия нанесла Турецкой империи сокрушительный удар, и турки пытались миром с Грузией укрепить свое положение.

ние хотя бы на Кавказском театре военных действий. Однако неудачная осада генералом Сухотиным Поти ободрила ахалцихского пашу, считавшего теперь, что нет нужды идти на большие уступки. Он прекрасно понимал, что Турции нелегко враждовать с грузинским царем, но ему было также известно, что Ираклий, желая покончить с опустошительными набегами лезгин, готов договориться с турками.

Несмотря на бесплодность переговоров с турками, в Тбилиси распространились слухи о мире с Турцией. Эти слухи совпали с известием об уходе русских войск из Грузии. Слухи и сплетни росли, как болотная трава. Особенно волновались купцы, прослышавшие, что царь собирается завести собственное регулярное войско, и боявшиеся, что расходы по содержанию этого войска лягут на их плечи.

В городе на каждом шагу можно было слышать разговоры:

— Слыхали?..

— Что?

— Оказывается, государь повелел, чтобы каждый, кто может держать оружие в руках, служил в царских войсках.

— Что ты? Как это так? Все обязаны?..

— Конечно, все! А ты хочешь, чтобы Стефан кушал плов, а Погос держал ружье? Так, что ли?

— Что ты, разве это можно?

— Русские ушли — на кого же нам теперь надеяться? Или, по-твоему, нам войско не нужно?

— Конечно, нужно! Надо удержать русских.

— Удержать... Тебя, что ли, об этом спросят? Вот погоди, как на службу призовут да еще налог заставят платить по двенадцать туманов в год, тогда посмотрим!..

Временами разговоры принимали такой характер, что собеседники начинали шептаться и оглядываться по сторонам — не подслушивает ли кто-нибудь. Особенно горячился известный своей смелостью купец Стефан Бастамашвили, не боявшийся царских соглядатаев и откровенно высказывавший все свои мысли.

Однажды среди беседующих купцов неожиданно появился старшина Иосиф Бебуташвили. Стефана хлопнули по колену, предупреждая его, чтобы он замолчал. Но Стефан и при Иосифе не замолчал, чем привел в

смятение остальных купцов. Говорить так дерзко про государя, да еще в присутствии такого важного лица, значило обречь себя на гибель: перепуганные купцы готовы были провалиться сквозь землю. Но совершенно неожиданно для них Иосиф даже не пожурил Стефана.

Старшина был частым гостем в русском посольстве, и благодаря его близости с послом, капитан Львов был подробно осведомлен обо всех этих событиях.

Двадцатого ноября Львов послал Панину письмо, в котором между прочим писал:

«Из переписки моей с генералом Сухотиным, которая недавно была переслана мною вашему сиятельству, узнаете о действиях царя Ираклия, а также о заключении им мира с ахалцихским пашою. Этим заключенным миром его светлость навлекли на себя большинства своих подданных, особенно усердных к нам князей, явное недовольство, что вместе с полученным известием о покорении нами Крыма весьма поколебало царя Ираклия, который, чтобы это весьма непристойное к нам действие как-нибудь искупить, искал разные средства, и отчасти его искупил походом на Хертвиси и разорением турецких сел...»

Ираклий и сам прекрасно знал, что происходит в городе, но это его совершенно не беспокоило — с внутренними затруднениями он легко мог бы справиться. Гораздо больше волновала его надвигающаяся на страну опасность: Ираклий знал, что когда в Грузии не останется больше русских войск, Турция и Персия поведут себя иначе, а дагестанские горцы, науськиваемые и поддерживаемые турками, набросятся со всех сторон на страну.

Тридцатого декабря, накануне отъезда Левана и Антония в Россию, Ираклий созвал совещание. Кроме членов посольства, царь пригласил присутствовать мдиванбегов и сардаров. Он желал обсудить вместе с ними условия, на которых Грузия могла бы принять русское подданство. Эти условия были заранее им выработаны, и сейчас он огласил их.

Ираклий выражал согласие принять подданство русской императрицы и просил, чтобы в Грузию было прислано регулярное войско численностью в 4000 человек. Грузинский престол должен был принадлежать грузинскому царю и его потомкам. Грузинская церковь сохраняла главенство католикаса, сан которого оставал-

ся неприкосновенным. Россия должна была вернуть в Грузию освобожденных из крымского плена грузин. Для расходов на содержание войск русское правительство обязывалось предоставить Грузии заем с условием погашения его в течение нескольких лет.

При согласии России на эти условия Ираклий обещал отправить ко двору русской императрицы в качестве заложников одного из царевичей, нескольких князей и дворян.

Сверх того, он брал на себя следующие обязательства:

Половину доходов, получаемых от разработки рудных богатств в Грузии, вносить в казну ее величества.

Установить во всем своем царстве ежегодный денежный сбор в пользу России в размере четырнадцати шаури (около 70 коп.) с каждого жителя.

Ежегодно посылать русской императрице четырнадцать лучших лошадей.

Отправить с собственным караваном и сдать в Кизляре две тысячи ведер самого лучшего вина.

После прихода русских войск в каждом вновь присоединенном или освобожденном от турецкого владения крае учреждать денежный сбор в таком же размере, какой установлен для русского крестьянства.

И, наконец, когда в Грузии наступят мир и спокойствие, призвать для службы в войсках у императрицы крестьян по столько же душ со двора, как и в России.

— Нет ли чего-нибудь в этих условиях, что оскорбляло бы наше достоинство? — спросил Ираклий присутствовавших, окончив чтение и окинув их взглядом поверх очков.

— Без сомнения, нет, — ответил за всех Чабуа. — Это едва ли десятая доля того, что мы отдавали шаху; но Персии мы подчинялись, а у русской императрицы просим только покровительства. Я думаю, напротив, что мы берем на себя слишком мало обязательств, государь, боюсь, как бы...

— Нет, это не мало! — прервал его Ираклий. — Слишком большая тяжесть может раздавить нас. Сказано — обещать много, значит рано состариться. Русская императрица богата, она не ждет от нас иной выгоды, кроме того, чтобы Грузия стояла несокрушимой крепостью на границе ее великого государства. Наш зять,

князь Давид Орбелиани, хмурится и глядит на нас с укором. Чувствую, что он чем-то недоволен. Может быть, ты поделишься с нами своими мыслями, сын мой?

— Ничего особенного, государь,— ответил Давид с поклоном и улыбнулся.— Я вспомнил одну басню и, если вы не разгневаетесь, расскажу ее.

— Какую басню?..

— В книге Саба-Сулхана Орбелиани «Мудрость вымысла» евнух Рукха рассказывает басню об устрице. Когда устрица увидит поблизости рака, она смыкает створки своей раковины. Рак же, подойдя вплотную к устрице, ставит свою клешню около самого устья створок и ждет. Как только створки на мгновение раздвигнутся, он немедленно просовывает между ними свою клешню. Постепенно он проникает внутрь раковины и съедает все, что там есть. Господь дал нам в числе прочих благ исполинские горы, которые крепче любых крепостных стен. Может статься, что мы, подобно устрице из басни, открываем вход в свою крепость и позволяем раку просунуть в нее свою клешню.

Ираклий, казалось, не сразу понял смысл речей своего зятя. Некоторое время он пристально смотрел на Давида. Все замерли в ожидании, что ответит царь.

— Гм... сомневаюсь, чтобы нас можно было сравнить с тем слабым, податливым существом, которое скрывается между створками морской раковины,— в голосе Ираклия чувствовались гнев и недовольство.— Не подобает так говорить и о России.

Ираклий склонился над листом бумаги, который держал в руках: казалось, он собирался продолжать чтение, на самом же деле старался подавить вспышку нарастающего гнева.

— Правда, риторика есть искусство, наделенное великой силой,— продолжал Ираклий, точно разговаривая сам с собой,— слово убеждающее есть орудие в делах гражданских, в искусных речах выражается красота мысли. Но в делах государственных риторика холодного разума предпочтительнее риторики горячего чувства.

Давид встал, приложил руку к сердцу и низко склонил голову:

— Простите мне дерзкие речи, ваше величество. Что мне делать, если сердце мое жжет жестокий огонь? Не гневайтесь и не осуждайте меня.

— Не осуждаю и не гневаюсь, — смягчился Ираклий и улыбнулся зятю, который стоял перед ним с опущенной головой, как ребенок, покорно ожидающий наказания, — речи, имеющие в виду благо отечества, дозволены и благословенны господом. Нам необходимо уберечь страну от множества бедствий. Если дело требует, не надо щадить никого. По-вашему я ошибаюсь? Не стесняйтесь говорить мне правду. Я ищу покровительства России для того, чтобы добиться мира и спокойствия, чтобы возродить страну, заселить деревни, заняться разработкой рудных залежей, накопить богатство... Нам необходимо передохнуть хотя бы на короткий срок. В палящий зной мы стремимся к тени. Никто нас за это не осудит. Итак, что же вы, господа, приговорите? Может быть, я не прав?

— Истинны, истинны ваши слова, государь, да благословит господь ваши думы и замыслы, — почти в один голос ответили собравшиеся. Все разом заговорили, поднялся шум, зал стал похож на пчелиный улей.

Мнение царя разделяли почти все присутствовавшие, кроме Давида и его единомышленников: они хранили гробовое молчание.

Все как будто было готово к отъезду, и, однако, Леван не сумел двинуться в путь раньше января. По приказу Ираклия-царевича и католикоса Антоний должны были выехать каждый в сопровождении тридцати человек. Свиту Левана составляли десять князей и двадцать дворян. Свиту Антония — десять епископов и двадцать священников. Многие из них, в свою очередь, брали с собой поваров, пекарей, конюхов, караванщиков и других слуг. Кроме того, посольству был придан охранный отряд из шестисот человек. Нужно было взять с собой целые горы поклажи и съестных припасов для такого огромного количества людей. Особенно сложно оказалось уложить собственные вещи Левана. Это было обязанностью Бесики. Он, как камердинер царевича, должен был в точности знать, где находится каждая его вещь, каждая часть его одежды, чтобы в случае необходимости сразу найти ее. А Леван брал с собой до шестидесяти смен разного платья.

Наконец четвертого января все было готово, чтобы на следующее утро тронуться в путь. Погода выдалась

прекрасная, солнечная, теплая. Воздух был так ясен, что из Тбилиси можно было видеть вершину Казбеги.

Вечером Ираклий приказал отслужить молебен в Сионском соборе, чтобы благословить отъезжавших в дальнюю дорогу. Царь и придворные отправились в храм, где уже их ожидало духовенство в полном облачении во главе с архиепископом тбилисским. Католикос Антоний находился в своей резиденции в Мцхета, где и должен был вместе со свитой присоединиться к поезду Левана.

Сионский сбор был переполнен знатью и любопытными горожанами. Бесики следовало находиться поблизости от Левана, но он предпочел затеряться в задних рядах. Ему не хотелось попадаться на глаза царю. Он радовался предстоящему путешествию и больше, чем Леван, торопился с отъездом. Ничто не могло больше удержать его в столице — ни беспечная, веселая дворцовая жизнь, ни юные красавицы, ни любовные приключения...

Правда, во время всего этого длительного путешествия ему предстояло постоянно находиться вблизи католикоса, который ненавидел поэта, но путешествие было так интересно, чужая, незнакомая страна настолько занимала его, что Бесики согласился бы ехать туда даже вместе с самим дьяволом.

Он стоял погруженный в свои думы, как вдруг кто-то взял его за локоть, повернул к себе и сделал знак следовать за собой. Бесики с удивлением оглядел незнакомого длинноусого мужчину, одетого в платье горожанина. Лишь когда они вышли из церкви, он узнал в незнакомце своего дманисского приятеля Мгелику. Не веря своим глазам, попятился и снова оглядел с головы до ног своего спутника.

— Откуда ты? Когда приехал?..

— Недавно. Пожалуйте за мной.

— Куда? Зачем?

— Все расскажу по дороге. Путь у нас недалекий, сейчас придем — только пройти Сейдабад.

— Как поживает ее светлость?

— Хорошо, грех жаловаться.

— Она, наверное, в Дманиси? Должно быть, после смерти мужа не показывается на свет божий? Ведь еще не прошло сорока дней.

Мгелика взглянул на Бесики и улыбнулся.

— Госпожа сейчас здесь. Это она приказала мне привести вас.

— Она здесь? — Бесики остановился и вскинул голову, словно конь, осаженный резко натянутыми поводьями. — Куда же мы идем?

— Госпожа находится не во дворце, а в своем собственном доме в конце Сейдабада. Княгиня приехала в город с закрытым лицом и велела никому не говорить о ее приезде. Мне приказано разыскать вас и немедленно привести к ней.

Они быстро миновали Турецкую площадь и Дабаханский мост, прошли переулок около бань и, свернув направо, очутились перед домом, выстроенным на персидский лад. Дом был окружен высокой стеной и не имел ни одного окна, выходившего на улицу. За стеной был, по-видимому, сад, так как поверх нее, словно вязанки хвороста, торчали оголенные ветви деревьев.

Мгелика отворил калитку и, когда оба вошли во двор, указал Бесики на двери дома, а сам остался сторожить у выхода на улицу.

Анна полулежала на тахте. Она была одета как монашенка, в черное простое платье. В углу хлопотала Гульвардис. Когда Бесики вошел, служанка исчезла. Анна, слегка приподнявшись, протянула ему руку.

— Иди сюда, дай на тебя поглядеть! — Она взглянула на Бесики, который почтительно приложил к ее руке. — Не будь я такая усталая, побила бы тебя.

— Я достоин наказания, но молю о прощении. Я не посмел нарушить приказания царевича Левана и не был на похоронах вашего супруга...

— Ах, это неважно! — Анна села и пригласила Бесики сесть рядом. — Говорят, ты собираешься сбежать от меня в Россию? Это правда?

— Сбежать? Я должен сопровождать царевича. Я ведь служу у него.

— Я не пушу тебя.

— Это невозможно, ваша светлость. Разве это в моей воле?

— Не пушу. Ты должен быть со мной. Ты должен быть моим, Бесики, я не могу жить без тебя. В эти дни в Дманиси я чуть с ума не сошла от одиночества. Я богата и знатна, у меня громадные поместья, деревни,

дворцы, но зачем мне все это? Я возьму тебя на службу, назначу своим управляющим, и ты станешь хозяином всего, что у меня есть. Мы будем вместе...

Анна торопилась высказать все сразу. Она лихорадочно бросала отрывистые слова и протягивала руки к Бесики, словно боялась, что он убежит от нее, если она не схватит его вовремя и не удержит около себя.

Бесики смотрел на Анну испуганными глазами. Он и в самом деле рад был бы бежать от нее куда глаза глядят... В скромном черном платье Анна выглядела еще красивее, чем обычно. Но ее навязчивая любовь стала тяготить Бесики.

— Я не о себе беспокоюсь, ваша светлость!.. Себя погубите!

— Пусть! Если я погибну, то с тобою вместе!

— Все узнают...

— Мне ни до кого нет дела! Садись ко мне поближе, дай я обниму тебя... вот так. Я была сердита на тебя. Я думала, что ты... — Анна запнулась и не посмела выговорить имя Анико, — ...что ты любишь другую. Ведь я ошиблась?.. Да? Ошиблась? Скажи мне правду!

— Ошиблись...

— Поклянись!

— Клянусь! Пресвятой богородицей клянусь, что никогда... но, ваша светлость...

— Почему ты не договариваешь? Ты хитришь со мной.

— Ваша светлость, как спастись от гнева царя, если он узнает?..

— Ничего он не узнает! А если узнает, пусть только посмеет что-нибудь сделать! Послушай, Бесики, это из-за тебя я приехала в Тбилиси! Сегодня же я договорюсь с Леваном, чтобы он отпустил тебя, а завтра уедем в Дманиси.

— Это невозможно!

Анна резко оттолкнула его от себя.

— Ты отказываешься?

— Ваша светлость...

— Ты отказываешься?

— Ваша светлость... — Бесики вскочил с тахты и схватился за кинжал. — Мне осталось одно — в доказательство своих слов убить себя на ваших глазах!

Лезвие кинжала сверкнуло в воздухе. Анна вскрикнула и схватила поэта за руку.

В комнату вбежала служанка, но Анна махнула ей рукой, чтобы она ушла, и потянула к себе Бесики.

— Брось кинжал! Вот так. Садись сейчас же сюда и говори, почему ты не можешь ехать со мной?

Бесики молчал. Анна пристально смотрела на него и тяжело дышала. Маленький кинжал с серебряной рукояткой тускло блестел у нее в руке.

— Почему это невозможно? — Анна дотянулась до пояса Бесики и медленно вложила кинжал в ножны. — Говори, почему ты молчишь?

— Властительница моя, неужели вы сами не чувствуете, что это невозможно? Что я скажу царевичу? Какую я могу выдумать причину?

— Скажи, что ты нездоров, что у тебя объявилась какая-то болезнь, что ты не можешь двигаться. Разве мало можно найти причин?

— Не поверят. Кроме того, когда Леван узнает, почему я обманул его, ведь он отрубит мне голову. Лучше вы сейчас собственными руками вонзите мне в грудь кинжал...

— Нет, это ты должен рассечь мне грудь кинжалом. Так будет лучше. Милый мой, единственная моя отрада, молю тебя, останься со мной... Ты должен, слышишь, должен сделать невозможное. Помни, что твоя Анна ни минуты не сможет жить без тебя здесь. Что тебе надо в далекой, холодной России? Останься здесь, со мной, не бойся ничего. Ох, сейчас я узнаю, любишь ты меня или нет!

— Ваша светлость!..

— Погоди. Если любишь — останешься, если нет — уедешь. Сейчас же ступай к Левану и, как только получишь ответ, немедленно сообщи мне его. Я буду ждать тебя здесь. Я не принуждаю тебя, поступай так, как подскажет тебе сердце...

И Анна, слегка подталкивая Бесики, выпроводила его из комнаты. Потом она приказала Гульвардис зажечь огонь в камине, расположилась перед ним в кресле и при свете большой восковой свечи до рассвета читала «Витязя в тигровой шкуре». Когда же утренний свет поглотил сияние свечи, она приказала слуге приго-

товить лошадей и немедленно, закрыв лицо покрывалом, выехала в Дманиси.

Пятого января стояла ясная, но холодная погода: солнце совершенно не грело. Анну, закутанную в бурку, после бессонной ночи знобило. Она усиленно подгоняла свою лошадь и ни разу не обернулась назад, в сторону Тбилиси...

Пятого января 1773 года, ровно через год после отъезда из Тбилиси, в бревенчатом доме на главной улице Астрахани, где помещался царевич Леван, собрался весь состав посольства. Надо было решить вопрос: ждать ли дальше приглашения императрицы или возвращаться на родину? Астраханский губернатор Никита Бекетов со всей учтивостью заявил царевичу, что до получения указания от ее императорского величества он не имеет права пропустить посольство дальше. Губернатор обещал царевичу и католику немедленно послать в Петербург курьера и заверял их, что ответ получится не позже, чем через полтора месяца.

Бекетов всячески старался развлекать царевича: давал балы в его честь, устроил для него охоту на волков, показывал ему бесчисленные табуны лошадей, возил на корабле по Каспийскому морю. Для того, чтобы объяснить действия русского правительства, он ссылался то на наводнение, вследствие которого будто бы закрылись все дороги, то на чуму в Москве, заставившую установить всюду карантин, — но царевич ему не верил. Он каждый раз выслушивал объяснения Бекетова с нахмуренным лицом и всячески давал ему почувствовать свое недовольство.

Когда, проснувшись утром 5 января 1773 года, Леван вспомнил, что истек уже год с тех пор, как посольство покинуло Тбилиси, он тотчас же вскочил с постели и приказал слуге позвать на совещание всех сопровождавших его князей, дворян, епископов и священников. Пригласить католика он отправился сам.

— Я думаю, — обратился Леван к собравшимся, — что нам не стоит больше ждать. Мера оскорблений переполнена, и мы могли убедиться в непочтительном отношении к нам со стороны русского правительства. Правда, духовный отец наш, его святейшество католикос Антоний, советует нам терпеливо ждать, но, по-мо-

ему, лучше поскорее покинуть эти места, дабы не подвергаться дальнейшим унижениям. Русские войска, оказывается, полностью выведены из Грузии. Чего же мы здесь ждем? Ясно, что императрица решила порвать с нами. Вот уже год, как она заставляет нас ожидать у своих дверей, не желая принять хотя бы в качестве простых гостей! Я решил вернуться в Грузию и надеюсь, что его святейшество согласится со мной.

— Я полагаю, сын мой,— ответил спокойно Антоний,— что раз мы уже потеряли так много времени, то можем подождать, потерпеть еще две недели. У ее величества могут быть свои веские соображения. И другим посольствам приходится подолгу ждать... Ведь еще не получен ответ на последнее письмо губернатора императрице. К тому же мы не можем вернуться домой без разрешения государя нашего.

— Я беру на себя всю ответственность перед государем,— прервал католикоса Леван,— только уедем отсюда! Достаточно унижений!

— Сын мой, мы приехали сюда затем, чтобы решить судьбу нашей родины, а для этого, если потребуется, можно вынести и бóльшие унижения.

Все согласились с католикосом, и хотя многих не меньше, чем Левана, томило ожидание, решено было ждать дальше, тем более, что царь не прислал никаких новых распоряжений.

Леван был вынужден подчиниться мнению большинства. Он по целым дням молча сидел у окна и смотрел на замерзшую реку, на вытащенные из воды суда, на перевернутые вверх дном лодки, на покрытое серосиними тучами небо...

Один только Бесики осмеливался заговаривать с царевичем и то лишь для того, чтобы позвать его к столу или робко напомнить ему, что его ждут гости. Все считали, что один поэт мог бы развеселить царевича, и осыпали его упреками за то, что он, будучи наперсником Левана, не старался рассеять его тоску. Никто не знал, что Бесики страдал не меньше Левана и что в начале путешествия царевич сам старался его развеселить. В первые дни после отъезда из Тбилиси он так упорно молчал, точно дал обет не размыкать губ до смерти.

— Что с тобой, соловей? — спрашивал его Леван.—

Нельзя ли нам узнать, в чем дело? Не слышишь? Может быть, язык проглотил? Болит что-нибудь? Нет? Так что же с тобой? Отчего ты онемел до того, что даже не удостоишь нас ответом? Может быть, горишь в огне любви? Эй ты, рыцарь, отвечай! — тормозил друга Леван, стараясь развлечь его веселыми шутками.

Но Бесики оставался безучастным ко всему окружающему. Отъезд его из Тбилиси произошел в такой спешке, что ему не удалось повидаться с Анной. Множество дел навалилось на него в ночь перед отъездом: он не успел оглянуться, как настало утро. Хотел написать Анне письмо, попросить прощения за то, что не сумел исполнить ее желание, но как только рассвело, Леван отдал приказ трогаться в путь. Сам Ираклий провожал царевича до Мцхета, и, разумеется, в этой сумятице не приходилось и думать о письме.

Бесики успокаивал себя мыслью, что напишет своей столь вероломно покинутой возлюбленной с дороги, но и это оказалось невозможным. В Мцхета посольство остановилось лишь на короткое время — чтобы только отслужить молебен и сейчас же продолжать путь. Дни были зимние, короткие. Утром, когда садились на лошадей, было еще темно. Весь день ехали без отдыха и расседывали лошадей опять в темноте. Ночевали все вместе, в полутемных хижинах, где не только невозможно было писать, но даже едва удавалось различать друг друга.

Постепенно Бесики забыл не только о письме, но и о самой Анне. А когда, миновав Кизляр, они повернули к Астрахани и перед ним впервые открылась величественная картина моря, такого же безбрежного, как и степи, поглотившие их караван, Бесики погрузился в удивительный мир каких-то совершенно новых, необычных ощущений. Он точно забыл о действительности, о человеческих чувствах. Он как бы растворился в этом необозримом пространстве, будившем мысль о бесконечности вселенной. Бескрайние степи и облака над ними, синь моря, теряющаяся вдаль, опять степи и облачный небосклон от одного края земли до другого... Правда, в течение некоторого времени, оглянувшись, можно было увидеть покрытые снегом исполинские вершины Кавкасион, но вскоре и они исчезли, потонули в сиренево-голубой мгле. Вокруг расстилались безбрежные сте-

пи, небо было покрыто то прозрачными и легкими, как вуаль, то рваными, похожими на клочья ваты облаками. Местами виднелись скопления туч, похожих на свирепых, лохматых великанов. Потом показались стоянки кочующих калмыков и табуны их рыжих лошадей...

Наконец путешественники достигли Волги. На противоположном берегу раскинулся город с высоко взметнувшейся колокольней и целым лесом корабельных мачт в гавани. Бесики после путешествия в Персию не в диковинку было пересекать большие пространства, но там каждая область была ограничена, отделена от других областей. Там горы разделяли страну на тесные участки, здесь же земной простор был так величественно безграничен...

Перед ними раскинулся город с прямыми широкими улицами, со стройными рядами бревенчатых домов, с заваленной бочками, мешками и тюками пристанью, с караванами верблюдов. Как только посольство разместилось по домам и стало известно, что придется ожидать здесь разрешения следовать дальше, Бесики сел писать Анне письмо, которое сейчас же отправил с гонцом, посланным в Тбилиси. После этого он сразу успокоился, как будто маленького почтительного письма было достаточно, чтобы Анна простила его.

Бесики сразу повеселел и теперь в свою очередь старался приободрить царевича, который, столкнувшись с непредвиденным препятствием, сразу же пришел в дурное настроение. Поэт пел царевичу под аккомпанемент тари, писал песни и сочинял комические стихи. Если бы не общество этого жизнерадостного человека, Леван едва ли сумел бы один справиться со своей тоской. Бесики был также поставщиком всяческих новостей. Он бывал в городе, ходил на пристань и на постоянные дворы и всегда знал, что творилось вокруг: сколько судов прибыло из Персии, куда направляются караваны верблюдов, кто приехал в город или уехал из города. Он первый узнал о приезде персидского посла, прибывшего на большом корабле. Никита Бекетов встретил посла на пристани и сразу отправил его в Петербург.

Это так подействовало на царевича, что он стал собираться в Грузию, но Антоний твердо воспротивился его решению и отечески посоветовал терпеливо переносить все неприятности. Это было в середине лета. Осенью

посол Керим-хана, возвращаясь из Петербурга, снова появился в Астрахани. Узнав, что послы царя Ираклия все еще ожидают разрешения ехать дальше, он рассмеялся. «Слава аллаху! Поймут ли наконец грузины, что им надо держаться дружбы с нами, а не искать новых друзей?»

Когда Левану рассказали об этом, он помрачнел и сел писать отцу письмо. Он умолял Ираклия не унижать себя и не делать своих послов посмешищем в глазах всего света, а разрешить им вернуться назад, если он хочет увидеть своего сына живым. Ответа Леван не получил. Из Моздока пришло сообщение, что в Кавказских горах выпал большой снег и все дороги закрыты. Ничего другого не оставалось, как сидеть и терпеливо ждать. Самыми тяжелыми и скучными оказались последние две недели. Леван твердо решил отправиться не позднее двадцатого января в обратный путь и считал не только дни, но и часы, оставшиеся до намеченного им срока.

Семнадцатого января прискакал фельдъегерь из Петербурга. Он привез губернатору рескрипт императрицы, которым грузинскому посольству разрешалось явиться к ее величеству. Бекетов так обрадовался, что тотчас же явился с этой вестью к Левану.

Все торопливо приступили к дорожным приготовлениям. Панин писал, что согласно желанию императрицы свита царевича Левана и католикоса-патриарха Антония должна состоять не более, чем из двенадцати человек, а остальные члены посольства царя Ираклия должны вернуться назад в Грузию. Губернатор хотел в точности выполнить приказ Панина, но Леван твердо заявил, что каждого представителя царской семьи должно сопровождать обязательно не меньше десяти человек. В конце концов Бекетов согласился на то, чтобы вся свита посольства состояла из двадцати человек. Вечером в канцелярию губернатора явился начальник телохранителей царевича, Заал Бараташвили, и продиктовал губернаторскому секретарю список лиц, которые должны были сопровождать царевича и католикоса. Переводчик, канцелярский священник Гавриил Яковлев, не только переводил на русский язык названия должностей, занимаемых спутниками царевича, но и старался переделывать их фамилии на русский лад.

— Как? Судья Кайхосро Андроникашвили? — пере-

спрашивал Яковлев и диктовал секретарю: — Пиши: «грузинский судья Кайхосро Андроников».

— Мдиванбег Сулхан Бектабегшвили, — продолжал Заал.

— Мдиванбег? Погоди, как это будет по-русски? Мдивани — секретарь, а мдиванбег... да, обер-секретарь Сулхан Бектабегов... Адъютант царевича Заал Баратов...

— Почему Баратов? Пусть напишет Бараташвили...

— По-русски так получается. Дальше?

— Еще запиши мейтара царевича, дворянина.. Ну, этого нашего, как его зовут? Сына Захарии Габашвили...

— Мейтар? — призадумался Яковлев. — Что такое мейтар? Ах да, вспомнил, пиши: камердинер Бесарион Габаонов.

— Письмоводитель Георгий Степанашвили.

— Писарь Георгий Степанов, — продолжал Яковлев.

Таким образом был составлен список. Записали суффраджа — кухмистером, книжника — библиотекарем, личного слугу царевича — камер-лакеем, казначея — ключником. Заалу объявили, что по приказу из Петербурга царевичу Левану со свитой, так же как некогда царю Теймуразу, будет выдаваться на расходы по 420 рублей, а во время пребывания в Петербурге — по 1000 рублей в месяц. Кроме того, для сопровождения особы царевича был назначен эскорт из двадцати солдат с одним прапорщиком, двумя сержантами, двумя капралами и одним барабанщиком.

Чем ближе была цель путешествия, тем бодрее становилось настроение царевича, тем почтительнее и внимательнее становились встречающие. У московской заставы Антония и Левана встретил с музыкой и пальбой из пушек сам градоначальник. Затем обоих послов посадили в кареты, а остальных в возки и повезли в храм Василия Блаженного. Антоний отслужил здесь службу на грузинском языке, а свита его исполняла грузинские церковные песнопения. Бас архидиакона Гайоза привел всех присутствующих в изумление. Вокруг говорили, что такого громового баса в московских храмах давно не слышали. На патриаршую службу собралось множество проживающих в Москве грузин, узнавших о приезде царевича и католикоса. Все, кто не считал себя противником Ираклия или Антония, поспешили в храм Василия Блаженного. Грузины из Тбилиси и грузины, принадле-

жавшие к грузинской колонии в Москве, знакомые или незнакомые между собой, взволнованно обнимались, приветствуя друг друга.

Переселение грузин в Россию и образование ими грузинской колонии в Москве — одно из выдающихся явлений в истории русско-грузинских отношений.

Связь между Россией и Грузией зародилась еще во времена Киевской Руси.

Древнерусская литература содержит рассказ об участии грузин (обезов) в художественной росписи Киево-Печерской лавры.

Когда Владимир Мономах (1053—1125), объединивший русские земли, разгромил половцев и южная граница его государства подошла к Черному морю, Киевская Русь, с ее богатой, близкой грузинам культурой, смогла установить более тесные связи с единой ей Грузией. Эти связи поддерживались через русское княжество в Тмутаракани (Таманский полуостров), откуда шли дороги в Абхазию.

«Нет сомнения,—пишет в «Истории государства Российского» Карамзин,—что Россия издревле находилась в связи с единой Грузией: Изяслав I, как известно, был женат на княжне Абассинской, а сын Андрея Боголюбского был супругом славной грузинской царицы Тамары. Сия связь, прерванная нашествием Батыевым, возобновилась: послы князя иверского Александра... в 1492 году приехали к Иоанну требовать его покровительства».

Взаимное влияние русской и грузинской культур нашло отражение и в русской литературе. Интересным литературным памятником конца XV и начала XVI столетия является повесть о грузинской царице Динаре, написанная под влиянием сказаний и народных преданий о царице Тамаре.

Русско-грузинские связи возобновились и развились в XVI—XVII веках, в период, когда Россия превратилась в могущественное централизованное государство, а Грузия была крайне ослаблена феодальными смутами, междоусобными войнами и опустошительными нашествиями турок и персов. Это вынуждало грузинских царей обращаться к единой России за поддержкой и помощью против сильных и опасных врагов.

Россия оказывала отдельным грузинским царствам и княжествам заступничество, материальную и военную помощь. Известно, что царь Иван IV направил в Грузию отряд казаков, а в 1585—1587 годах между Россией и Кахети был заключен договор об обмене послами. Русское посольство, помимо дипломатической деятельности, собирало сведения о состоянии земледелия и торговли в Грузии, отправляло в Москву образцы руды и выясняло, каким образом можно наладить русско-грузинскую торговлю через Астрахань и другие города.

Считая, что только Россия может защитить единоверную ей Грузию, кахетинский царь Теймураз I присягнул в 1639 году на верность и подданство Российскому государству: в 1658 году он приехал для переговоров с царем Алексеем Михайловичем о военной и денежной помощи. В Москве с 1686 по 1703 год жил вместе с матерью внук Теймураза I, будущий царь картлийский — Ираклий I.

В последующий период приток грузин в Россию (в Москву) усилился. Значение и последствия этого переселения, говорится в истории Грузии, были многообразны. Убежища в России искали прежде всего те грузины, которых ожидала жестокая кара со стороны Турции и Персии за сближение с Россией, или грузины, гонимые их политическими противниками, находившимися у власти.

Во второй половине XVII века в Москве уже образовалась обширная грузинская колония. В начале XVIII века она разрослась еще больше. Это совпало с расширением и укреплением русско-грузинских отношений. В 1699 году в Москву переселился по приглашению Петра I царь Арчил II, вынужденный покинуть Грузию. Будучи историком, литератором и поэтом, он написал в Москве значительную часть своих произведений, составил по поручению Посольского приказа записку о состоянии Грузии с приложением ее географической карты и открыл в Москве с согласия Петра I первую грузинскую типографию.

Сын Арчила II, царевич Александр, сопровождал Петра I в заграничное путешествие. Он был назначен Петром, как хороший знаток артиллерийского дела, начальником Артиллерийского приказа, а вслед за тем

получил звание генерал-фельдцейхмейстера, впервые установленное тогда в России.

Историческая необходимость — защита южных окраин от персидских и турецких завоевателей, потребность в безопасных торговых путях на Восток — вынуждала Россию продвигаться к Кавказу. В XVIII столетии последовал ряд русско-турецких и русско-персидских войн. В этих войнах Грузия была на стороне России. Во время персидского похода Петра I в 1722—1723 годах царь Картли Вахтанг VI заключил с ним военный союз. Он рассчитывал с помощью России освободить страну от персидского господства и вернуть захваченные турками южногрузинские земли. Русские и грузинские войска должны были соединиться для совместных действий против персов. Петр намеревался овладеть Баку и построить при впадении реки Куры в Каспийское море город для торговли с Грузией, Персией и Индией. Русские войска заняли Дербент и несколько ханств. Однако соединиться с грузинскими войсками, стоявшими у Ганджи, довести поход до конца им не удалось. Россия, укрепившись на западном и южном побережье Каспийского моря, заключила с Персией мир. Вахтанг VI был уведомлен Петром I, что поход решено отложить до следующей весны.

Вахтанг очутился в крайне тяжелом положении. Обвиненный персидским шахом в измене, он был лишен престола в пользу царевича Константина. В стране разразилась междоусобная война. Турецкие войска вторглись в Картли и захватили Тбилиси. Вахтанг был вынужден вместе с детьми, ближайшими сподвижниками и со свитой в 2000 человек искать убежища в России. Грузинская колония в Москве разрослась еще больше, усилилась ее культурно-просветительная деятельность. Обширную литературную деятельность развил сам Вахтанг VI, переведший на грузинский язык многие литературные произведения того времени. Ему помогали его сыновья. Один из них, Вахушти Багратиони, написал, в числе других трудов, книгу «Описание царства Грузинского». Будучи весьма просвещенным для того времени человеком, он участвовал в основании Московского университета.

Крупную роль в грузинской колонии играл сподвижник и друг Вахтанга, дипломат, ученый и литератор Сулхан-Саба Орбелиани. С деятельностью колонии связаны

имена грузинских поэтов Мамуки Бараташвили и Давида Гурамишвили.

Книги, печатавшиеся в грузинской типографии, и в числе их — учебники, переведенные с русского языка на грузинский, пересылались в Грузию.

Большая часть грузин, переселившихся в Россию, приняла русское подданство и поступила на царскую службу. Они получили от русского правительства поместья и крепостных. Грузины составили один из четырех гусарских полков, сформированных в первой половине XVIII столетия. В этом полку, принявшем участие в Семилетней войне против Пруссии, служил поэт Давид Гурамишвили.

В Петербурге своими обширными знаниями и выдающимися дипломатическими способностями выделялся Гарсеван Чавчавадзе, игравший заметную роль в политических делах и пользовавшийся большой популярностью среди грузинского дворянства. Ираклий II чрезвычайно ценил Чавчавадзе, являвшегося убежденным сторонником сближения Грузии с Россией, и назначил его первым своим полномочным представителем при Екатерине II.

Грузинская колония способствовала, по свидетельству историков, знакомству русских с Грузией и грузин с Россией, содействовала развитию, укреплению русско-грузинских политических, экономических и культурных связей. Она являлась живым выражением веры грузинского народа в то, что Россия является единственным христианским государством, имеющим в Закавказье непосредственные политические интересы, что эти интересы совпадают с политическими интересами Грузии и что только Россия может оказать ей действительную помощь.

Появление в Москве приехавшего из Грузии посольства было для грузинской колонии большим событием. Московские грузины расспрашивали приезжих гостей о родственниках и знакомых, оставшихся в Грузии, о своих поместьях и вообще обо всем, что произошло на родине во время их отсутствия.

Какой-то молодой человек бросился к Бесики, расцеловал его со слезами на глазах и спросил:

— Не узнаешь?

— Осэ! — воскликнул Бесики и уставился на своего

брата, словно не веря глазам.— Осэ, мальчик мой, неужели это ты?

— Да, это я, я! Но как ты изменился, я еле узнал тебя!

— Где отец, где матушка?

— Все здесь.

— Здесь, в храме?

— Нет, не в храме, но в Москве. Разве мыслимо, чтобы отец пришел сюда? Ведь здесь Антоний!..

— Ах, как я торопился вас увидеть! Говори, как вы живете?

— Не спрашивай!..

— Нуждаетесь?

— Да еще как!.. Пойдем же! Или ты не собираешься нас навестить?

— Как не собираюсь! Сейчас возьму разрешение у царевича.

Бесики еще при отъезде из Тбилиси мечтал о встрече с родными, которых он не видел с момента изгнания Захарии. Он тотчас же обратился к Левану и попросил царевича разрешить ему повидаться с родителями. Однако неожиданно для него царевич отказал ему в этом и приказал ни на шаг не отходить от посольства. Бесики не смог даже вернуться к брату, чтобы переговорить с ним. Только при выходе из храма он улучил минуту и издали знаками показал Осэ, чтобы тот сам пришел в гостиницу, где, как полагал Бесики, они должны были ночевать. Но предположения Бесики и тут не оправдались. Гостей посадили в кареты и повезли в старый летний дворец Петра Первого, расположенный довольно далеко от города, на большой Петербургской дороге. На следующий день Бесики, сидя в санях вместе с Леваном, уже мчался в Петербург. Он так и не успел повидать родных.

— Не печалься, юноша,— утешал поэта Леван,— успеешь свидеться со своими на обратном пути. Я сам пойду к твоему отцу, чтобы сказать ему слово утешения.

Пятого февраля они подъехали к городской заставе Петербурга, у которой их встретил почетный караул.

Гостей поместили в одном из свободных домов вице-канцлера князя Алексея Михайловича Голицына.

...И вот, еще ровно через год, 5 февраля 1774 года Левану сообщили, что на этот день назначена ему ауди-

енция у ее императорского величества государыни императрицы Екатерины Второй, каковая состоится в большом зале дворца...

А до тех пор, в течение года, гостей развлекали балами, маскарадами, осмотром достопримечательностей Петербурга, охотой, учениями, смотрами.

Цесаревичу Павлу очень понравился его сверстник, царевич Леван: они почти не расставались. Павел назначал плац-парады в честь Левана и даже провел морские маневры в Кронштадте, во время которых с палубы флагманского корабля показывал грузинскому царевичу, как должны корабли принимать боевой строй и как нужно приближаться к вражеским судам, чтобы взять их на абордаж.

Но Леван был весь поглощен целью своего приезда. А ответ, как нарочно, запаздывал. Единственным успехом Левана был пока приказ об освобождении Антона Моуравова. Тотчас по приезде царевича в Петербург жена Моуравова явилась к нему и, бросившись на колени, умоляла помочь мужу, который уже два года томился в крепости.

— Его обвиняют в том, что он был близок к грузинскому царю,—говорила она.—Разве это преступление?..

Леван обещал сделать все возможное и действительно при одной из встреч с императрицей улучил удобную минуту, чтобы сказать ей, что он готов взять на себя вину Моуравова перед ее императорским величеством, если таковая действительно существует. Но так как, по его мнению, Моуравов ни в чем не виноват, то, он, царевич Леван, просит ее величество освободить бывшего посла из крепости.

— Разве Моуравов в крепости? — удивилась императрица и обратилась к Панину: — Отчего вы мне не говорили об этом, граф? Разве он в чем-нибудь провинился? Расследуйте, прошу вас, его дело и, если возможно, исполните желание царевича.

Недели через две Панин известил Левана, что его желание исполнено: надворный советник Антон Романович Моуравов освобожден из тюрьмы и, как знаток грузинского языка, назначен в прежнем чине переводчиком коллегии иностранных дел вместо умершего подполковника Абазадзе.

Вскоре к Левану явился и сам Моуравов. Облобы-

зав колени царевича, он разрыдался и довел его тоже до слез. После этого расцеловал каждого из присутствовавших — Бесики, Кайхоро Андроникашвили и Сулхана Бектабегшвили. Он не находил слов для выражения своей благодарности каждому из них. Все четверо долго беседовали о Грузии и делах посольства. Леван хотел узнать, можно ли рассчитывать на благоприятный исход переговоров. Моуравов сказал царевичу, что, по его мнению, императрица не даст определенного ответа грузинской депутации, пока окончательно не выяснится исход войны с Турцией. Правда, русские войска победоносно продвигались вперед, но во время мирных переговоров, чтобы закрепить за собой завоевания в Крыму и на Балканах, русское правительство могло пойти на некоторые уступки и оставить Кавказ вне сферы русского влияния. Все зависело от того, насколько удачно сложатся обстоятельства. Не исключено было и обратное: Россия могла оказаться вынужденной усилить продвижение на Кавказ и не выпускать его из сферы своего влияния. В последнем случае, говорил Моуравов, императрица, вероятно, согласится на любые условия и окажет покровительство Грузии. Так или иначе, необходимо было набраться терпения и ждать.

От простых объяснений Моуравова точно пелена спала с глаз Левана. Вникнув в сущность событий, он стал спокойно смотреть на них. Его перестали занимать плац-парады и балы, устраиваемые в его честь. Большую часть своего времени он проводил в обществе католикаса Антония, которому были отведены покои в одном из ближайших монастырей.

Пятого февраля грузины вновь надели парадные одежды. Леван и Антоний заняли места в золоченой карете, остальные разместились в колясках или сели на коней, и посольство в сопровождении почетного эскорта отправилось во дворец.

На лестнице их встретил гофмаршал. Они поднялись в верхний этаж. В большом, ослепительно сверкающем зале Левана и Антония приветствовали граф Никита Панин и князь Голицын. Оба низко склонились перед ними и проводили их до трона императрицы.

Екатерина встретила послов милостивой улыбкой и поздравила их с наградами. Леван был удостоен ордена

святой Анны первой степени, а Антоний — драгоценной панагии.

Цесаревич Павел собственноручно прикрепил орден к груди грузинского царевича. После этой церемонии все замолчали. В зале воцарилась мертвая тишина.

— Мы весьма довольны вашим приездом и пребыванием в столице нашей,— прервала наконец молчание Екатерина,— но дела государственные складываются таким образом, что мы считаем наилучшим исполнить вашу просьбу и отпустить вас обратно в Грузию. Приезд ваш еще раз подтверждает безграничную преданность нам грузинского царя и углубляет нашу постоянную веру в разумную благожелательность этого христианского властителя к российскому скипетру. Посему мы, с присутствующим нам человеколюбием, не щадили сил, дабы распространить заботу и покровительство наше на государство, находящееся за пределами Российской империи, и, невзирая на трудности, послали туда войска. Исходя из подобных суждений и помыслов, мы были бы весьма рады принять во внимание просьбу грузинского царя, если бы...

Царевич с напряженным вниманием слушал Екатерину. Он не понимал ни слова, а переводчик переводил очень плохо, так что Леван только по выражению лица императрицы старался уловить смысл ее слов.

Внезапно переводчик замолк.

Царевич взглянул на императрицу и понял, что надеяться на благоприятный исход дела не приходится...

— ...Если бы исполнение вашей просьбы,— продолжала императрица,— действительно могло принести пользу. Но при нынешних условиях совершенно иные меры необходимы как для нашей империи, так и для Грузии. Дела наши идут к тому, чтобы заключить мир с Портой. Посему возвращение в Грузию русских войск, уже однажды отозванных нами оттуда, может еще сильнее озлобить Турцию и вновь разжечь пламя войны.

Леван уже не слушал императрицу. Еле заметным движением глаз равнодушно оглядывал он внимательно слушающих вельмож и шелковое платье императрицы, а иногда, словно молясь, поднимал взгляд к позолоченному потолку. Угасли все надежды, напрасными оказались все их труды и усилия. Прошло ровно два года и один месяц с тех пор, как они выехали из Тбилиси. За это

время Ираклий несколько раз писал Левану и Антонию, чтоб они приложили все усилия и во что бы то ни стало уговорили императрицу принять Грузию в свое подданство. В последнее время письма Ираклия были полны такого отчаяния, что Леван не мог без страха подумать о возможности отказа со стороны Екатерины. Как показаться в этом случае на глаза отцу? Но теперь, когда он понял, что надежды больше нет, им овладело нетерпеливое желание поскорее вернуться к себе на родину.

Между тем императрица продолжала свою речь, и переводчик почтительно и тихо бормотал около уха Левана:

— Ее величество изволит говорить, что... при заключении мира с Турцией будет обращено внимание на положение Грузии, что она приложит все усилия, дабы не оставить вашу страну без своих забот...

— Передайте благодарность ее величеству!

— Императрица вручает вам высочайшую грамоту для передачи его высочеству царю Ираклию.

— Передайте благодарность ее величеству! — Леван взял свиток, поцеловал его и оглянулся назад.

Бесики, склонившись, протянул руку. Царевич передал ему грамоту.

Аудиенция окончилась.

После ухода грузинских послов императрица, по привычке тучных и пожилых людей, еще некоторое время продолжала сидеть на троне, словно в кресле, как бы отдыхая. Раскинув в стороны свои пухлые руки, она вздохнула с облегчением.

— Слава богу, отделались от них, — сказала она. — Не могу не признаться, что я не без волнения ожидала этой аудиенции. Мне было неприятно отказать им в просьбе, но что делать? Теперь не время вмешиваться в дела Грузии. А все же мне их жаль...

Императрица посмотрела на Голицына, а затем перевела взгляд на Панина.

После окончания аудиенции Панин собирался последовать за гостями, чтобы передать царевичу заранее заготовленное письмо к царю Ираклию. Он ждал ухода императрицы, которую по обыкновению сановники почтительно провожали до дверей ее покоев. Но, увидев, что Екатерина не собирается уходить, граф насторожил-

ся. Видно было, что завяжется неофициальная беседа о грузинских делах, и присутствие князя Алексея Голицына могло придать этой беседе нежелательное для Панина направление. Голицын слыл покровителем грузин и часто упрекал и даже уличал Панина в двойственной политике по отношению к Грузии. А сейчас, когда императрица не без колебаний отпустила Левана и Антония, Голицын мог воспользоваться удобным случаем и склонить ее в пользу Ираклия. И действительно, прежде чем Панин успел что-либо ответить по поводу сожалений императрицы, Голицын сказал:

— Осмелюсь доложить, ваше величество: положение Грузинского царства наитяжелейшее. Грузия близка к гибели. И, что особенно прискорбно, в этом, несомненно, виноваты мы. Втянув грузин в войну против Турции, мы сейчас оставляем их на произвол судьбы. А ведь так мало они просили, всего четыре тысячи солдат..

— Не в количестве солдат дело, ваша светлость,— сказал вдруг резко Никита Панин, который до этого хмурился и морщил уголки глаз,— хотя для нас сейчас и столько послать было бы не под силу...

— О, я понимаю, князь,— с улыбкой сказала императрица,— вы особенно, должно быть, недовольны, но сейчас мы ничего не можем для них сделать.

— Наши добрые намерения мы должны в первую голову осуществлять в пользу нашего государства,— сказал Панин.— Если добродетель вредит пользе государства, это уже не добродетель, а зло. Вам, ваше сиятельство, должно быть известно, что посылка войск в Грузию вызовет излишние осложнения с Портой. Отводом своих войск мы сделали туркам некоторую уступку, чтобы удержать за собой наши завоевания на Балканах. Англия и Франция усиленно уговаривают турок не прекращать войны, твердя, что у нас начались мятежи и что туркам удастся не только вернуть утраченное, но даже кое-что отвоевать...

— Грузию она отвоюет наверное, и мы навсегда потеряем эту благодатную страну,— возразил Голицын.

— Нет, этого не будет,— уверенно сказал Панин.— Во-первых, с царем Ираклием не так-то легко справиться, во-вторых, Порта не нападет на Грузию, потому что это может испортить ее отношения с Персией. А если даже Турция и выступит против Ираклия, что вообще

мало вероятно, по высказанным мною соображениям,— ну, что ж, это будет именно то, что весьма отвечает нашим целям и задачам. Мы отвлечем силы неприятеля с Балкан... и то, что мы смогли сделать посылкой войск в Грузию, мы сделаем, отозвав их из нее. Сей тактический маневр похвально одобрен Румянцевым...

— Не могу не сказать, что сие весьма жестоко по отношению к грузинскому престолу...— сказал Голицын и посмотрел на императрицу, ища сочувствия на ее лице.

Екатерина снисходительно улыбнулась ему, как любимцу, которому все прощают, и сказала, слегка картавя и растягивая слова:

— Князь, вы со своим русским, добрым сердцем и страстью покровительствовать всем угнетенным достойны священного сана, а не звания вице-канцлера.

Голицын вежливо улыбнулся на эту шутку императрицы и, разведя руками, слегка наклонившись, сказал:

— Не будь этих черт у русского человека, вряд ли он смог бы так далеко продвинуть границы своего государства. Мы добрые христиане, а не жестокие магометане или лиходеи католики, которые именем Христа истребляли гугенотов. А на ту беспредельную преданность русскому престолу, кою проявил и проявляет грузинский царь, я, как русский человек, беря пример с вашего величества, не могу не отвечать такой же верностью этому маленькому государству... Ваше величество сами изволили сейчас высказать сожаление по поводу того, что не смогли исполнить просьбу царя Ираклия. Я по глазам царевича видел, сколько грусти...

— Ах, грузинский царевич меня просто очаровал,— перебила Екатерина.— Должна признаться, что до сих пор у меня к царю Ираклию было неприязненное чувство. Я его представляла себе грубым, злым и диким варваром. Но после знакомства с сыном у меня совершенно переменялось мнение об отце. Редко видела я такого воспитанного и образованного молодого человека. Никита Иванович, да и вы, Алексей Михайлович,— обратилась к Панину и Голицыну императрица,— разве вы не должны сопутствовать гостям? Их угощают в малом зале...

— Я им должен еще передать письмо к царю Ираклию,— сказал Панин,— разрешите удалиться.

Оба сановника откланялись, но Голицын, направля-

ясь к двери, слегка задержал шаг, пропуская вперед Панина и, словно что-то вспомнив, повернулся к императрице. Князь хотел воспользоваться хорошим настроением Екатерины и сказать еще несколько слов в оправдание своих мыслей, но было уже поздно: императрица уже удалялась в свои покои, и Голицын волей-неволей последовал за Паниным.

Гостей пригласили в малый зал, где был сервирован стол для кофе с изысканными сладостями. Подойдя к Левану, Панин передал ему письмо для Ираклия, написанное еще год тому назад. Панин в утро аудиенции вспомнил об этом письме, разыскал его и, когда перечитал, то обрадовался, так как оказалось, что письмо не надо было и переписывать. В продолжение всего этого года в грузинском вопросе не произошло никаких изменений...

Гофмаршал передал Левану просьбу цесаревича Павла не торопиться с отъездом.

Леван попросил передать цесаревичу благодарность и, откланявшись, вместе со своей свитой отправился домой.

Было всего три часа пополудни, но уже смеркалось. День был серый, туманный. Подавленные и угрюмые, вернулись грузины из дворца. Те, кто оставались дома, стали их расспрашивать об аудиенции, но по лицам вернувшихся поняли без слов, как обстоит дело.

Все долго сидели молча, погруженные в невеселые думы.

В комнате стало совсем темно.

— Зажгите свечи, — сказал Леван, — не сидеть же нам в темноте!

Слуги засуетились, и через несколько минут посреди комнаты появился канделябр с зажженными свечами.

— С завтрашнего же дня начать готовиться к отъезду и... в путь! — сказал Леван.

— Неужели все было напрасно? — вздохнул кто-то в углу комнаты.

Леван бросил взгляд в ту сторону, чтобы увидеть, кто произнес эти слова, но лица всех присутствующих выражали одну и ту же мысль.

— Я все думаю, как показаться на глаза государю? — сказал католикос. — Перед отъездом из Грузии

он говорил мне: «Я твердо надеюсь на тебя. Леван еще очень молод, с ним, быть может, и не станут считаться. Сделай все возможное, чтобы Грузия не оказалась отданной на растерзание волкам». Как же я предстану теперь перед государем? Нет, нет, лучше я еще раз пойду к императрице и брошусь перед ней на колени...

— Ваше святейшество, вы напрасно потревожите себя. Государственные дела не вершатся молитвами и просьбами.

— Я буду молить императрицу о спасении христианского царства нашего...

— Разве мало мы молили? Вице-канцлер Голицын также старался не меньше нас. И однако...

— Ну и что — однако? — разгорячился вдруг судья Кайхосро Андроникашвили. — Хорошо ли это — восставить нас против турок, рассорить с султаном, заставить запутаться в долгах, ввергнуть нас во всяческие бедствия, а потом бросить на произвол судьбы? Разве так поступают?..

— Будем молить всевышнего о спасении отчизны нашей, — перекрестился Антоний.

Все последовали его примеру.

Леван усмехнулся. Антоний нахмурил брови и строго взглянул на него.

— Простите меня, ваше святейшество... Я вспомнил притчу об утопающем, который взывал: «Господи, спаси», а ему ответили: «Помахай руками и спасешься». — Леван поднялся с места. — Мы сами, своими силами должны уладить свои дела. Ни враги, ни друзья — никто не будет уважать нас, пока мы будем слабыми. Друг, которого надо тащить на спине, никому не нужен... Мало ли у императрицы забот со своей необъятной страной, — а тут еще мы с нашими постоянными мольбами о помощи! Разве я не прав?..

Беседа еще не была окончена, когда слуга доложил, что приехал вице-канцлер князь Алексей Михайлович Голицын. Все повскакали с мест и засуетились. Леван и Антоний писали Ираклию, что Голицын — единственный сановник при дворе, не жалеющий сил, чтобы привести дела Грузии к доброму концу. В ответ на это Ираклий написал Голицыну благодарственное письмо, в котором сообщал, что вместе с царем имеров Соломоном отправляется в поход на Ахалцихе и надеется вновь с божьей

помощью нанести удар врагу. Пусть же его высокопревосходительство поддержит ходатайство грузинских послов, а его, Ираклия, князь может считать своим преданным другом и слугой.

— Сожалею, что не сумел исполнить вашу просьбу,— сказал Голицын после обмена приветствиями Левану и Антонию,— но не надо огорчаться, не надо огорчаться. Я все же надеюсь...

— Неужели, ваше сиятельство?..— просиял Антоний.— А мы здесь уже предались отчаянию.

— Я приказал готовиться к отъезду,— сказал Леван.

— Правильно изволили поступить. Императрица желает этого, и вам следует исполнить желание ее величества. Но я все же хочу до вашего отъезда еще раз попытаться убедить государыню.

— Заранее приношу вам глубочайшую благодарность, но думаю, что ваша попытка останется бесплодной, ваше сиятельство, ибо, вероятно, ее величеству придется послать большие силы против мятежника Пугачева. Я сомневаюсь, чтобы императрица могла оказать одновременно и нам помощь.

— Гм... ваше высочество, вы сильно преувеличиваете значение пугачевского бунта. Не те причины вынуждают нас отложить на время заключение союза с Грузией, который в будущем станет необходимым не только для вас, но и для нас самих. Кавказ — это та крепость, которая надежным стражем станет на южной границе Российской империи. Я неоднократно доказывал государыне, что нам необходимо установить твердые дружеские взаимоотношения с Грузией и принять ее под свое покровительство на любых условиях. Императрица разделяет это мнение, но в настоящий момент обстоятельства сложились таким образом, что мы вынуждены разочаровать вас. И все же — есть еще маленькая надежда... Я хочу еще раз попытаться.

— Приношу вам глубокую благодарность, ваше сиятельство.

— Во всяком случае не отчаивайтесь. Возможно, что условия, которые мы предполагаем поставить Турции при заключении мира, принесут вам большую пользу, чем посылка войск в Грузию. Мы потребуем от Порты неприкосновенности вашей страны.

Слова Голицына вновь обнадежили Левана и Анто-

ния. Но и последняя попытка вице-канцлера не имела успеха. Тринадцатого февраля, накануне отъезда грузин из Петербурга, Голицын написал Ираклию длинное письмо, в котором уверял царя, что никогда не оставит его страну без внимания и постарается при заключении мира с Портой добиться как можно более благоприятных условий для Грузии.

Четырнадцатого февраля послы со своей свитой покинули Петербург. Предстояло проехать более трех с половиной тысяч верст. Этот длительный и тяжелый путь казался тем безотраднее, что послы ничего утешительного передать Ираклию не могли.

В Москве царевич задержался больше чем на месяц, так как на юго-востоке России все еще полыхал пожар крестьянской войны, «пугачевского бунта», как называли ее в Петербурге. От генерала Михельсона, посланного против Пугачева, не было никаких известий. Москва глухо волновалась. После прошлогодней чумы, после недавнего мятежа рабочих людей, ремесленников и дворовых все ждали новых бедствий. Город был полон помещичьих семей, бежавших из губерний, охваченных крестьянским восстанием. Приехавшие с ними слуги распространяли среди населения слухи о разгроме помещичьих имений, о даровании Пугачевым свободы народу. На площадях, на постоянных дворах, в трактирах только и было разговоров, что о грозных событиях, охвативших Россию.

Путешественники на этот раз остановились в селе Всесвятском, что под Москвой. Несколько дней Антоний и Леван были заняты осмотром всего того, что было создано здешними грузинами, в особенности — грузинской типографии. Они принимали стариков соотечественников, приходивших повидать их и засвидетельствовать свое почтение. Из всех грузин — жителей Москвы — лишь двое не только не пожелали видеть послов из Грузии, но и всячески поносили их. Это были Александр Амилахвари, ненавидевший царевича Левана, и Захария Габашвили, который при одном упоминании имени Антония воздевал руки горé, сотрясая небо и землю проклятиями.

В первый же день после приезда, как только начало смеркаться, Бесики попросил у Левана разрешения и от-

правился повидать своих родных. Захария жил в самой Москве, на Пресне, где проживали и родичи покойного царя Вахтанга.

Вся семья с радостными криками бросилась навстречу Бесики. Мать, братья и сестры со слезами на глазах обнимали и целовали его. Только один отец не подошел к нему.

— Не хочу его видеть! — кричал он в ярости. — Уберите его прочь с моих глаз, не подпускайте ко мне! Этот нечестивец (Захария имел в виду Антония), этот святотатец отнял у меня даже сына, подкупил моего мальчика и заставил его служить себе! Зачем ты пришел? Соглядатаем тебя прислали? Что ему надо от меня, этому бесу?..

— Перестань, довольно! — прикрикнула на него Родам, которая не могла налюбоваться на сына. — Господь осчастливил меня, привел ко мне моего первенца, а ты все не можешь забыть свои дразги... Не гнечи господу, иди сюда, обними сына...

— Не хочу! Не нужен мне сын-безбожник, сын-нечестивец, — твердил Захария, хотя заметно было, что говорит он так только из упрямства, а на самом деле больше всех был рад увидеть сына. — Прочь, прочь, ветрогон!..

Наконец старик не выдержал, обнял сына и разрыдался:

— Мальчик мой! Бессовестный ты, совсем нас позабыл!.. Как ты живешь? Постой, дай погляжу на тебя! Экий ты стал молодец, дай бог тебе счастья!

Бесики не видел своих родных больше десяти лет. Он нашел, что старики заметно изменились. Захария совсем поседел, лицо Родам избородили морщины. Братья и сестры выросли, их и вовсе нельзя было узнать.

Осушив слезы, Захария стал подробно расспрашивать сына, как он живет, затем рассказал грустную повесть собственных бедствий. По обстановке в квартире, по одежде родных Бесики понял, что они живут в тяжелой нужде. Избалованный, привыкший к роскоши царского двора, Захария сейчас скорее походил на нищего монаха, нежели на придворного священника.

— Что ты смотришь на меня, сынок? Удивляешься моему виду? Небось глядишь на эти лохмотья и вспоминаешь мои прежние шелковые рясы? Не беда, сынок,

не сокрушайся. Господь наш Иисус Христос сказал: «Кто возвысит себя, тот да будет унижен, а тот, кто унижает себя, да возвысится». Сокрушайся и печалься надо о том, что святой нашей грузинской церковью за-владел нечестивый еретик. Здесь он?..

— Здесь.

— Может быть, он и тебя околдовал? Удивляюсь, как он терпит тебя на царевичевой службе?

— Его святейшество и не замечает меня. За все это время он ни разу на меня не взглянул. Однажды только, когда ему впервые показали меня и сказали, что я — стихотворец Бесики, сын священника Захария, он изволил изречь, что не удивляется моему стихотворству, ибо из дьявольского гнезда может выйти только дьявольское.

— Дар песнопений посылается человеку свыше! Чего же хочет от тебя этот безбожник?

— Довольно, отец, об этом. Поговорим о тебе. Что ты собираешься делать дальше? До каких пор ты будешь жить в такой нищете? Не собираешься ли вернуться?..

Оказалось, что Захария давно решил вернуться в Грузию, что он рассчитывает найти приют у имеретинского царя Соломона. Посол царя Соломона Давид Квинихидзе обещал Захарии всяческую помощь и заверил, что царь имеретинский Соломон примет его с почетом, окажет внимание и милость. Но Захария все еще надеялся примириться с Ираклием и не уехал тогда вместе с Квинихидзе. Теперь, впрочем, он готов был немедленно двинуться в путь и ожидал лишь приезда посла из Имерети.

Бесики утешал и ободрял родителей, как мог. Он оставил старикам все свои деньги и посоветовал, как только представится возможность уехать в Имерети.

— Хорошо, сынок, так и поступим, — ласково согласился Захария. — Но почему ты не расскажешь нам, как ты жил все это время, что с тобой было? Как поживает Анна-ханум?

— Анну-ханум государь изгнал из Тбилиси и поселил в Мцхета, но она не оставляет нас своими заботами и покровительством. Она очень любит царевича Левана — ведь он ее воспитанник...

— Я слышал, что государь посылал тебя в Персию?

— Да, но...

— Знаю и то, что он разгневался на тебя и лишил должности царского секретаря. Мы тебя давно ждали. Писем ты не писал, и нам приходилось узнавать о тебе от других.

— Ты думаешь, письма посылать — простое дело? — улыбнулся Бесики. — Трудно найти такого верного человека, которому можно было бы доверить письмо. Тотчас же снимут копию и представят государю, да еще с каким толкованием! А там изволь оправдываться — кто тебе поверит?

— Что ж, такова неизлечимая болезнь придворной жизни. Каждую минуту приходится быть начеку. Не то что письмом — неосторожным словом можно себя погубить!

— И еще как, — улыбнулся Бесики. — Знаешь, что случилось с судьей Иесе? У него отняли все, чем он владел, лишили должности, выгнали из дому и оставили под открытым небом...

— Боже милостивый, — перекрестился Захария. — За что?

— Одна крестьянка донесла царю, будто бы он, Иесе, сказал ей: «Еще Ираклий не сделался царем, когда я уже был твоим господином».

— И за это лишили сана столь высокопоставленное лицо? Вот что, сынок, лучше уйди и ты от Ираклия, пока не поздно, иначе не миновать тебе беды. Видно, дьявол завладел душой и разумом государя. За ересь Антония господь наказывает его покровителя! Вижу я, что зло поселилось в доме Ираклия.

— Перестань болтать глупости! — прикрикнула на Захарию его жена, которая с тех пор, как попала на чужбину, не выносила недоброжелательных речей о царе. — Как ты смеешь дурно отзываться о царе? Не верь ему, сынок, он не ведает, что говорит. Только и знает, что клянет весь свет, как сварливая старуха.

О многом надо было поговорить сыну и родителям, так давно не видевшим друг друга. Быстро прошел короткий зимний день. Когда Бесики вспомнил, что пора возвращаться домой, к царевичу, было уже за полночь, и ему пришлось остаться ночевать у родителей.

Через несколько дней Бесики пришел к своим с Леваном. Он рассчитывал, что посещение царевича обод-

рит Захарию. Вместе с тем ему хотелось показать отцу, как он близок с сыном царя, как хорошо принят при дворе. Захария опустился на колени, чтобы приветствовать царевича. Из глаз его ручьем лились слезы, он бил себя кулаком в грудь и бормотал:

— Господи, благодарю тебя за то, что осчастливил меня лицезрением... моего... царевича... Гряди, семья Давидово!.. К коленям твоим припадаю...

Леван поднял старого священника и стал его успокаивать. Зрелище нужды, в которой жил Захария, глубоко взволновало его. Не зная, как одарить старика, он вручил ему кошелек, полный денег, приказал Бесики захватить с собой в следующий раз и передать отцу всю их лишнюю одежду и обещал выхлопотать у Ираклия прощение ему... Но о примирении с Антонием даже не заикнулся...

За день до этого Антоний был в гостях у московского митрополита Никодима, и тот упрекнул католика в ереси: по дошедшим до него слухам, глава грузинской церкви был чуть ли не католиком. Разъяренный Антоний уверял Левана, что сплетня эта идет от Захарии, и требовал от царевича, чтобы тот добился у московского градоначальника ареста непокорного священника. После этого Леван, конечно, не мог и подумать о примирении католика и Захарии; он даже решил скрыть от Антония, что посетил старого Габашвили.

— Антоний клянется, что лишь благодаря вам мы потерпели неудачу в России, — с улыбкой сказал Захарии Леван. — По его словам, вы распространили слух, будто бы Антоний отвратил грузинскую церковь от святых заповедей, принял католичество и стремится привести Грузию под власть римского папы.

— Великий боже! Пусть земля разверзнется подо мной и поглотит меня, если в этом есть хоть крупица правды...

— По мнению Антония, слухи, распространенные вами, привели к тому, что русская императрица отказала нам в нашей просьбе. Следовательно, это вы погубили все надежды государя нашего, моего отца.

— Если я повинен в этом, — Захария стал на колени, — пусть отец наш небесный... Господи, спаси и помилуй! Бесики, сын мой! — вскочил на ноги Захария. — Я умоляю царевича оставить тебя здесь со мной. Не воз-

вращайся в Грузию! Не имея возможности причинить мне зло, Антоний обрушит свой гнев на тебя, очернит тебя перед государем и... тем самым отомстит мне. Видишь, как хитро он придумал, будто я виноват в неудаче посольства!..

— Успокойтесь, ваше преподобие! — уговаривал Захарию Леван. — Не знаю, как государь, а я не разделяю мнения католикоса, хотя я так подавлен неудачами, что готов поверить даже в колдовство.

После беседы с Леваном Захария окончательно убедился, что для него путь к возвращению в Тбилиси навсегда закрыт. Теперь он тревожился уже не за себя, а за сына. Он умолял царевича быть и впредь покровителем Бесики и охранять его от всяких дворцовых опасностей.

Леван успокоил Захарию и уехал.

Через месяц московский градоначальник сообщил царевичу, что дороги безопасны, и посольство стало спешно собираться в путь.

Улица перед домом, отведенным царевичу, была запружена народом. Множество саней перед крыльцом, военный эскорт, грузины, собравшиеся, чтобы попрощаться с соотечественниками, привлекали толпу любопытных.

— Что случилось? Кто это такие?

— Говорят, грузинский царевич уезжает.

— Вот оно что!..

Особенно предприимчивы были девушки. Стремясь «взглянуть на царевича», они толкались в толпе и всячески пробирались вперед. Пристав с толстой шеей отеснял толпу назад, рыча, как сторожевая собака.

Был здесь и Захария с семьей. Он стоял на противоположной стороне улицы и издали смотрел, как садились в сани отъезжавшие члены посольства.

Вдруг толпа всколыхнулась и подалась вперед. Из дворца вышел католикос в сопровождении священников, а за ним появился царевич Леван.

Захария с ненавистью взглянул на католикоса и спрятался за чьей-то спиной, чтобы не попадаться на глаза своему смертельному врагу. Ему хотелось еще раз на прощанье полюбоваться сыном... Он страшно обрадовался, когда увидел, что Бесики садится в сани вместе с царевичем Леваном.

— Господи, помоги моему сыну! Господи, пошли долгую жизнь царевичу!— благословлял Захария обоих юношей.

Передние сани тронулись и, позванивая бубенцами, помчались по заснеженной улице. За ними последовали вторые.

Послышались голоса:

— Счастливого пути!

— В добрый час!

— Привет нашей земле! Нашим горам и долам, нашим пепелищам!..

Тронулись и остальные сани. Толпа раздалась. Несколько человек побежало за санями, крича что-то вдогонку.

Звон колокольчика становился всё глуше, и вот уже сани скрылись из глаз. На улице остались одни грузины: несмотря на сильный мороз, они долго стояли, медля разойтись...

В средних числах августа 1774 года посольство царя Ираклия вернулось из России на родину. Прошло почти три года с того дня, как Бесики покинул Грузию, и не мало значительных событий произошло за это время.

Самым главным из этих событий был уход русских войск из Грузии.

Известие об этом с быстротой молнии облетело все Закавказье, дошло до Турции и Персии.

Зашевелились враги, встревожились друзья.

Ираклий тотчас же послал в Имерети, к Соломону, гонца с предложением встретиться для установления окончательного мира и согласия. Он предлагал соединенными силами выступить против Турции, рассчитывая усилить этим расположение императрицы к Грузии. Соломон, возлагавший дотоле все надежды на Россию, был вынужден забыть о розни с Ираклием и серьезно подумать о тесном союзе с ним. Поэтому он тотчас же ответил, что готов к переговорам и желает встретиться как можно скорее. Ираклий также не задержался с ответом и сообщил, что согласен на совещание в любое время.

В конце июня оба царя встретились на картлийско-имеретинской границе. В присутствии российского посла Львова они заключили договор, по которому обя-

зывались предать забвению все существовавшие между ними разногласия и действовать сообща против врагов Грузии, Российской империи и всего христианского мира. Цари условились оказывать друг другу военную помощь. Сверх того, обе стороны приняли обязательство не укрывать у себя государственных преступников, преследуемых другой стороной: тех же из них, кому было предоставлено право убежища до заключения договора, обязались немедленно выдать друг другу. В случае возникновения мятежа в одном из двух царств, другое немедленно должно было прийти ему на помощь.

Отправив один экземпляр этого договора, подписанный обоими царями и скрепленный их печатями, в Петербург, Ираклий и Соломон принялись за военные приготовления.

В средних числах октября Соломон перешел через реку Лиахви с имеретинским войском. Ираклий расположился лагерем около Гори. Сначала Соломон, не желая удаляться от своей границы, требовал идти в Ахалцихе через Боржомское ущелье. Ираклий же предлагал пройти по Атенскому ущелью в Джавахети и напасть на турок со стороны Ахалкалаки, так как Боржомское ущелье, с его хорошо укрепленной Ацкурской крепостью, могло оказаться слишком большим препятствием. В конце концов Соломон согласился с доводами Ираклия, и объединенные грузинские войска вторглись в Ахалцихский пашалык.

Грузины осадили Ахалкалаки, взяли город и разослали летучие отряды по окрестным деревням. Отряды эти дошли до самого Карса и Ардагана, уничтожили хлебные запасы турок и захватили огромное количество скота.

На шестой день после начала похода Ираклий получил сообщение, что в Кахети появились отряды лезгин. Это известие и внезапная болезнь Соломона вынудили грузинские войска снять осаду с Ахалцихе и повернуть назад.

Правда, уже в Гори Соломону стало лучше, но он все же решил вернуться в Имерети. Прискакавший в Гори гонец сообщил, что две тысячи лезгин во главе с Муцалом напали на селение Шилду и пытаются овладеть крепостью...

Через два дня Ираклий был уже около Шилды. Он,

как вихрь, налетел на отряд Муцала и разгромил его. Но через несколько дней пришло новое тревожное известие — три тысячи дагестанцев напали на Лоре. Борчалинский султан Гусейн-оглы сообщал, что если не подоспеет помощь, его владения будут разорены дотла.

Ираклий настиг врага у границы Казах-Шамшадинского ханства и уничтожил почти без остатка весь отряд, вторгшийся в Лоре. Не успел он передохнуть, как пришлось выступить против аварского хана, напавшего на Тушети.

По дороге Ираклия дважды останавливали гонцы: один привез известие о нападении горцев на Манглиси. Второй, из Карагаджи, сообщил, что лезгины увели стада верблюдов, а пастухов захватили в плен и что необходима немедленная помощь, иначе будет поздно.

Ираклий послал в Манглиси сардара Агабаба, а в Карагаджи — Давида Орбелиани, сам же продолжал путь в Тушети.

Доехав до селения Алвани, он узнал, что тушины собственными силами справились с врагом, но зато из Цхинвали сообщили, что лезгины напали на Кехви и Ачабети и, опустошив эти деревни, направились к Ахалцихе. В довершение всего, из Дманиси прискакал гонец, посланный Анной, которая тоже просила защиты от дагестанцев, разоривших пять ее деревень и угнавших жителей в Турцию.

Ираклий не знал, куда посылать сардаров, кому оказывать помощь в первую очередь. Войск у него было мало.

В деревнях люди боялись выходить в поле на работу. Больше половины полей с прошлого года осталось невспаханными, а на тех, которые были засеяны, урожай погибал на корню.

Ираклий с нетерпением ждал возвращения Левана и Антония, в надежде, что они приведут с собой русские войска.

— Как видно, усилия моих послов увенчаются успехом, — говорил он часто среди близких. — Они бы не запоздали с возвращением, если бы потерпели неудачу.

Ираклий был так уверен в прибытии русских войск, что сначала даже не удостоил вниманием просьбу Давида Орбелиани разрешить ему провести перепись в Карли и Кахети. Лишь из уважения к зятю, не желая оби-

жать его отказом, дал требуемое разрешение, но вместо шестисот туманов, которые просил Давид, отпустил только триста, сказав, что и этого слишком много.

Давид был вынужден покориться, хотя и встретил распоряжение царя со скрытым раздражением. При подсчете расходов выяснилось, что для переписи необходимо было не менее тысячи туманов. Опасаясь, что государь испугается этой суммы и вовсе откажется от переписи, Давид решил взять половину расходов на себя и доложил Ираклию, что шестисот туманов ему будет достаточно.

Вначале, как известно, Ираклий одобрил мысль царевича Левана о создании постоянного войска и даже созвал по этому поводу особое совещание. Однако после неудачного похода на Ахалцихе и разорительных набегов северокавказских горцев, он перестал верить в осуществимость этого дела. Он не надеялся собрать войско в истощенной войнами и разоренной набегами стране. Он скорее готов был теперь согласиться с Чабуа Орбелиани, утверждавшим, что грузины не способны к несению постоянной воинской службы.

Чабуа поддерживал новый зять государя, Давид Цицишвили, которого Ираклий назначил тбилиским градоправителем и сардаром. Давид был потомком грузинского князя, уехавшего в Россию вместе с царем Вахтангом, и Ираклий породнился с ним, чтобы заручиться поддержкой этого знатного рода и тем самым обезвредить Александра Бакаровича, домогавшегося картлийского престола (те же соображения заставили Ираклия породниться и с Иоанном Мухран-Батони).

В душе Давида Цицишвили жило твердое, унаследованное еще от предков убеждение, что единственный путь к спасению Грузии — союз с Россией. Он часто беседовал об этом с Ираклием в присутствии Чабуа. В то время как Давид Орбелиани с утра до вечера работал в нижнем этаже дворца с передисчиками, стараясь выполнить свой замысел, в верхнем этаже дворца Давид Цицишвили и его родственник Чабуа Орбелиани уверяли Ираклия, что со дня на день надо ждать прибытия русских войск, что императрица не посмеет отказать католикосу, что она обязательно пришлет войска, что напрасно Давид Орбелиани трудится сам и заставляет трудиться людей: из его затей все равно ничего не выйдет.

Слушая рассказы о происках своих противников, Давид продолжал свое дело. Составив подробные книги учета населения, подведя итоги и сопоставив все данные, он выяснил, что Грузия способна выставить семьдесят тысяч воинов одновременно, а при установлении месячной очередности может держать под ружьем постоянное войско не менее чем в пять тысяч человек. Давид был очень доволен полученными результатами. По предварительным его расчетам, пяти тысяч человек было совершенно достаточно для того, чтобы защитить Грузию от набегов дагестанских горцев.

Сообщение Левана о неудаче петербургских переговоров сразило царя. Он долго сидел молча, словно окаменев. Чабуа и Давид Цицишвили боялись взглянуть ему в глаза и только переспрашивали гонца — не ошибается ли он и не скрывает ли царевич правду, чтобы неожиданно обрадовать отца?

— Хорошо было бы, если бы так... Но все, что я рассказал,— правда!.. Видели бы вы, что у нас творилось перед отъездом из Петербурга! Мы не знали, как показаться на глаза государю с такими вестями.

Ираклий вызвал Давида и выслушал его отчет о реписи. Он долго просматривал представленные ему учетные книги. Он даже не выехал навстречу сыну и целый день провел во дворце. Только вечером, когда Антоний и Леван со своей свитой уже подъезжали к Тбилиси, Ираклий направился за городскую заставу встретить их. Он принял благословение католикоса, обнял сына и поздравил обоих с благополучным возвращением. Потом, во дворце, Ираклий до утра слушал их отчет о поездке в Петербург.

Дальний путь и более чем двухлетнее отсутствие сделали свое дело: Бесики, казалось, совершенно забыл о прошлом. Он не боялся больше ни встречи с Анной, ни царского гнева. Путешествие закалило его: он много видел и много испытал.

Когда посольство проехало Дарьяльское ущелье и вдали показались горы Грузии, Бесики охватило огромное чувство радости. Он с гордостью посмотрел на снежную вершину Казбека, окинул взглядом неприступные крепости, защищавшие хевсурские и мохевские деревни, и позднее, уже за перевалом, не мог оторвать глаз от

бархатных, покрытых лесом, вздымающихся до самого неба гор Арагвского ущелья. После долгого отсутствия поэт по-новому взглянул на родные горы, ему открылось совершенно особенное величие его маленькой страны. Он словно впервые увидел высоту этих вздымающихся к облакам гор, буйный бег пенящихся потоков, острый, орлиный взгляд своих соотечественников, легкость, с которой они быстро продвигались по горным тропам.

В Гудамакарском ущелье к Левану явились триста хевсуров, которые с почестями приветствовали его и сопровождали до Тбилиси.

Бесики с восторгом смотрел на этих мужественных воинов в диковинной одежде, на их рубахи с вышитым воротом, на чохы из домотканной шерсти с узором на плечах и с белыми крестами на спине, на ружья, сабли и посеребренные, сверкающие на солнце щиты.

Какими величественными показались Бесики Ана-нурский замок с его большой красивой церковью и храм Светицховели во Мцхета с высокой зубчатой оградой и башнями по углам! Правда, эти храмы нельзя было сравнить с теми, которые поэт видел в России, но они были полны какого-то особенного величия.

Один только Тбилиси разочаровал Бесики. Ему хотелось увидеть большую, прекрасную столицу, но, когда он взглянул на город с возвышенности, у него сжалось сердце. Какими жалкими показались ему после Москвы и Петербурга тбилисские дома, узкие, кривые улицы, запущенные сады! Поэт всеми силами старался уверить себя, что все это полно величия и красоты, но, когда в его памяти ожили Зимний дворец императрицы Екатерины, набережная Невы, Летний сад с прямыми, как стрела, аллеями, с мраморными бассейнами, с чудесными статуями и фонтанами,— фантазия отказалась ему служить: его родной город никак не выглядел большим и прекрасным. Правда, ему приходилось видеть богатые и большие города в Персии, но между ними и Тбилиси не чувствовалось такой разницы: персидские города были похожи на столицу Грузии.

И только дворец Ираклия, с мраморными колоннами, эмалевыми сводами и зеркальными залами, полный золота и хрусталя, сверкал, как драгоценный камень, среди невзрачных кирпичных городских домов.

Ко времени приезда посольства дворец был почти

пуст. В городе стояла летняя жара, и все, кто мог, уехали из него. Во дворце оставались только должностные лица, связанные службой и вынужденные поэтому переносить нестерпимый тбилисский зной.

Тотчас по приезде Бесики вместе с другими членами посольства отправился в серную баню, чтобы знаменитой, бьющей из недр земли целебной водой смыть с себя дорожную пыль и грязь.

На обратном пути он заглянул к Иасэ, который отечески обнял его и поздравил с благополучным возвращением.

— Я вижу, ты хочешь объехать весь мир от края до края,— с улыбкой сказал старый книготорговец.— Скоро не останется ни одного уголка на земле, где бы ты не был! Ну, садись, рассказывай, где побывал, что видел.

— Все расскажу, мой Иасэ, но сначала рассказывай ты. Какие у вас новости?..

— Что тебе рассказать, мой Бесики? Дворцовые новости другие знают лучше меня. Государь выдал замуж двух своих дочерей — одну за Иоанна Мухран-Батони, другую — за Давида Цицишвили. За это время у Ираклия родилось еще двое детей.

— После Александра?

— Сразу после вашего отъезда в Россию родился мальчик, которого назвали Луарсабом; недавно родился еще мальчик, которому дали имя Парнаоз. Дай бог ему долгой жизни, но... О чем еще рассказать? Имеретинский царь Соломон и наш государь подписали договор, по которому между ними устанавливается дружба. По договору ни один из них не должен укрывать у себя людей, бежавших из владений другого. Они обязались немедленно выдавать беглецов.

— Как! — вскричал Бесики.— Это ты наверное знаешь?

— Да.

— Мой отец собирается искать убежища в Имерети. Так, значит, его...

— Эх, мой Бесики, договоры подписываются, но не всегда выполняются. Недавно наш государь приютил у себя Мефодия, сына рачинского владетеля Ростома, а царь Имерети дал убежище Элизбару Эристави.

— Значит, Элизбар Эристави бежал?

— Ты знаешь его? Это дядя Анико Орбелиани.

— Знаю, как не знать...

— Он теперь живет при дворе имеретинского царя и, как говорят, — в большом у него почете. Как видишь, и наши цари не выполняют условий. Ах да, вспомнил забавный случай! Произошел он несколько дней тому назад. К царевичу Георгию приехал в гости из Мухрани новый царский зять, считающий себя наследником имеретинского царя, — царевич Давид со своей супругой Анико. Вечером, когда они сидели на балконе, с минарета раздался голос муэдзина, призывавшего правоверных к вечерней молитве. «Ах, чтоб тебе пусто было! Откуда взялся муэдзин в христианском городе?» — закричал Давид, схватил ружье и выстрелил в муэдзина. Удивляюсь, как он попал на таком расстоянии! Оказывается, царевич Давид — замечательный стрелок. Выстрелил и сбросил муллу с минарета, словно птичку с ветки! Когда государь узнал об этом, поднялся такой шум, что словами не описать. «Кто пригласил сюда этого дурака? Где слыхано, чтобы этакий чурбан считался наследником престола?» — гневался государь. Царевич Георгий с трудом успокоил его: «Простите его, он гость мой, да и к тому же думал сделать святое дело, — говорил он отцу. — Мало ли наших священников и монахов уничтожили мусульмане? Стоит ли говорить об одном убитом муэдзине?» Знаешь, что ответил царевичу государь? «Я вижу, сынок, что и в тебе не больше ума, чем в этом имеретине! Горе мне! Ну и наследник у меня!» И вот уже несколько дней, как царевич со стыда нигде не смеет появиться.

— Значит, Анико здесь?..

— Здесь. Я видел ее в Сионском соборе. Не узнаешь ее — пополнела, похорошела — глаз не оторвешь! Она стала украшением нашего города — как когда-то ее бабушка. А княгиня Анна после смерти мужа ни разу не появлялась в Тбилиси — живет безвыездно в своем Дманисском замке и, говорят, собирается постричься в монахини. Эх, какая красавица увяла в сиделках у больного старика!..

— Все это очень интересно, но скажи лучше, как ты-то сам поживаешь? — спросил Бесики, чтобы переменить тему разговора. — Набрал ли опять учеников? Переписываешь ли книги? А я в России видел типографию...

— Хорошие?

— Стоит посмотреть. Есть там мастера-резчики, граверами называются. Посмотрел бы, с каким искусством они вырезают рисунки,— право, изумишься!

— И так же хорошо печатают?

— И так же искусно печатают. Я привез оттуда книги... Русские, иностранные и грузинские. Ты ведь знаешь, что в Москве печатают грузинские книги?

— Молитвенник, часословы, псалтыри?..

— Нет, и мирские.

— Молитвенников и здесь печатают немало. Склады полны церковных книг. А вот покупатели каждый день спрашивают «Витязя в тигровой шкуре» и достать не могут. Они идут к нам, и мы переписываем экземпляр за экземпляром. Но все хотят иметь печатную книгу, неохотно берут рукописную. Печатные книги легче читаются, да они и красивее. Я просил митрополита, чтобы он сдал мне типографию в аренду. Какое там! Рассердился и с тех пор покоя мне не дает: переписываете, мол, бесовские книги, народ развращаете... Представь себе, грозился даже, что, когда приедет католикос, меня совсем выселят из Тбилиси...

— За что?

— Откуда я знаю? Оказывается, у них непроданных книг набралось на две с половиной тысячи туманов. Конечно, типографии трудно выдержать такие убытки. А светских книг они ни за что не хотят печатать. Говорят, что сначала надо сбыть имеющийся товар..

— Не горюй, мой Иасэ,— утешал Бесики старого книготорговца,— скоро все наладится, вот увидишь...

— Эх, как же наладится, когда вы вернулись из России ни с чем? Войска-то вы с собой не привели!

— Может быть, это и к лучшему. Свое собственное постоянное войско соберем...

— Напрасные мечты! Постой, куда ты торопишься?

— Скоро опять буду у тебя,— ответил Бесики уже из-за дверей.

— Постой, не хочешь ли посмотреть свои стихи? Я переписал маленькую книжку, и теперь весь город мне покоя не дает. Послушай, что я расскажу!..— кричал ему вслед Иасэ, но Бесики был уже далеко.

Он надеялся встретить во дворце Анико, которая,

по его расчетам, должна была прийти повидать Левана, но надежда его не оправдалась.

Во дворце было много народу. В царских покоях, ожидая аудиенции, толпились высшие сановники и вельможи. В нижнем этаже собрались секретари, мушрибы и другие должностные лица. Заметив Бесики, все бросилось ему навстречу и окружили тесным кольцом.

— Ну-ка, рассказывай! — нетерпеливым тоном потребовал от Бесики Соломон Леонидзе. — Авось хоть ты объяснишь мне, что случилось: мы совсем сбились с толку.

— Что же вам рассказать? Во-первых, приехали мы без русского войска.

— Это нам и без тебя известно.

— Во-вторых, Россия оказалась огромной страной.

— И это знаем. Ты расскажи нам, что видел.

— Правда ли, что мужчина с усами не смеет показаться на глаза императрице? — спросил Манучар Туманишвили.

— Знатные люди действительно бреют усы и бороды. Право, если бы не брюки, мужчин нельзя было бы отличить от женщин. Волосы у них длинные и по-женски заплетены в косы или рассыпаны локонами по плечам. А штаны на них такие, что, по-нашему, скорее похожи на исподние.

— Постой, нашел время разговаривать об усах да бородах! — прервал Бесики Соломон. — Ты скажи лучше: правда ли, что в России не существует наследственных должностей?

Бесики собрался было отвечать, но в это время в дверях показался слуга и громко обратился ко всем присутствующим:

— Кто здесь Габашвили? Супруга его высочества имеретинского царевича просит господина Габашвили к себе.

Бесики пришлось покинуть огорченных слушателей и последовать за слугой.

Переступив порог комнаты, Бесики растерянно остановился: он не верил своим глазам и спрашивал себя, не привели ли его сюда по ошибке.

Можно ли было представить себе, что Анико за какие-нибудь два-три года так сильно изменится? Лицо

ее было теперь еще прелестней, чем раньше, но куда исчезли детски чистое его выражение и невинный взгляд? Перед ним была трепещущая от сдерживаемой страсти женщина с глубокими прекрасными глазами и влажными губами.

— Здравствуй, Бесики,— протяжно, чуть нараспев проговорила Анико и протянула к нему обе руки так, словно хотела его обнять. Она усадила его рядом с собой, и беседа завязалась.

Анико глядела в глаза Бесики и улыбалась: было ясно, что предмет беседы ей совершенно безразличен. Взор ее понемногу затуманился, внезапно она вздрогнула, схватила руку поэта, потом засмеялась и тряхнула головой так, как будто хотела отогнать дурные мысли.

— Ну, как,—спрашивала она,— утомила тебя поездка в Петербург? Да? А почему?..— Анико снова засмеялась и посмотрела ему в глаза.

Этот бессмысленный вопрос смутил Бесики. Он не знал, как себя вести. Обычная смелость покинула его, он опасливо оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что их никто не видит. Впрочем, внешне в их поведении не было ничего такого, что могло бы вызвать подозрение постороннего человека. Они сидели рядом, на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы не нарушать правил приличия.

«Как она смотрит на меня!» — подумал Бесики и спросил:

— Надеюсь, ваша светлость, вы вполне счастливы?

— Счастлива ли я? Да, конечно.. Почему бы мне не быть счастливой? — по лицу Анико скользнула мимолетная тень.— Да, я счастлива. А ты думал — я не вынесу разлуки с тобой?

— Вы шутите, ваша светлость!

— А ты не любишь шуток?—Лукавый огонек мелькнул в глазах Анико.— Если бы ты знал, как я обрадовалась твоему приезду! Я так истосковалась... Ведь я одна — одна-одинешенька!

— Почему? Ведь у вас есть супруг! Какое же это одиночество?

Анико вздохнула и безнадежно махнула рукой.

— Видно, что ты еще очень молод!..

Бесики усмехнулся.

— Чего смеешься? Оттого, что ты старше меня го-

дами, ты думаешь, что и знаешь больше моего? — Анико нахмурила брови и исподлобья взглянула на него. — Ты еще совсем ребенок!

— Почему вы чувствуете себя одинокой?

— Я совсем, совсем одинока, — внезапные слезы подступили к глазам Анико, она закрыла лицо руками, потом вытерла глаза шелковым платочком и попыталась улыбнуться. — Все меня забыли...

— А как же бабушка ваша, княгиня Анна?

— Ах, бабушка совсем оставила меня, с тех пор как я вышла замуж. В прошлом году я поехала к ней и целый год провела в Дманиси, но она и близко меня к себе не подпускала. А больше у меня никого и нет! Все избегают меня, точно я зачумленная. А чем я провинилась? Дома своего у меня нет, живу то здесь, то там. А еще называют меня наследницей имеретинского престола! Дождусь ли я его когда-нибудь?

— Дождетесь и, надеюсь, пожелуете мне тогда должность своего секретаря! — с улыбкой сказал Бесики. — Я непременно приеду к вам, в Имерети.

— Правда? — обрадовалась Анико. — Ты будешь моим первым визирем. Как это называется по-русски? Кан...

— Канцлер.

— Да, да, канцлер.. Ты будешь моим канцлером.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Бесики, правда, что у русской императрицы много любовников?

Бесики вздрогнул. Он взглянул в глаза Анико и прочел ее мысли. В голове его мелькнуло: «Она хочет сделать меня своим любовником».

— Не знаю, но говорят..

— Что говорят?

— Говорят, что она приказала удушить своего мужа и что отец цесаревича Павла — некий Салтыков...

— Это правда? — спросила Анико с таким волнением, как будто от достоверности этого слуха зависело что-то очень важное для нее. — Я тоже слыхала и очень хотела узнать, правда ли это?

— По-видимому, правда. Впрочем, такие вещи, разумеется, держат в строжайшей тайне.

— Но ведь были у нее возлюбленные и после Салтыкова?

— Говорили о графе Орлове, но теперь появилась новая звезда, Потемкин, который и владеет сердцем царицы.

— Сколько лет русской царице?

— Примерно, сорок пять.

— А этот Потемкин, должно быть, совсем старик?

— Нет, он моложе царицы.

— Боже мой! Как это можно? Я понимаю, что мужчина может быть старше своей возлюбленной, но, чтобы женщина...— и Анико пожала плечами, не замечая, что лицо Бесики залилось румянцем.— Но продолжай рассказывать. Почему ты молчишь? Каждое слово из тебя приходится вытаскивать клещами.

— Что же вам рассказать?..

— Все, все по порядку.

— На это не хватит не только сегодняшнего вечера, но и двух месяцев.

— Вот и хорошо! Ты будешь рассказывать, а я — слушать. На зиму я остаюсь в Тбилиси. Буду жить здесь во дворце, совсем одна — в бабушкиных покоях. Мой муж, должно быть, уедет в Мингрелию, а если и останется, то будет жить у царевича Георгия, потому что боится показаться на глаза государю. Представь себе, этот дурень застрелил муэдзина!

— Может быть, он принял его за лисицу? — засмеялся Бесики.

— Не знаю. Государь так разгневался, что чуть не повелел нам обоим уехать. Ты будешь приходить ко мне?

— Буду считать себя счастливым, если удостоюсь ежедневного лицецерения вашей светлости.

— И обо всем мне расскажешь?

— Готов к вашим услугам.

— Правда?..— многозначительно спросила Анико.

— Правда,— с улыбкой ответил Бесики, словно подтверждая ее тайную мысль.

Они снова взглянули в глаза друг другу и ясно прочли то, что таилось в сердце каждого; смутились, оба сразу опустили глаза и сдержанно, неловко засмеялись.

Бесики собрался уходить, но Анико схватила его за руку:

— Постой, куда ты торопишься?

— Я должен идти.— Бесики оглянулся: ему послы-

шался подозрительный шорох в соседней комнате. Он быстро встал и направился к двери.

— Придешь еще?..— крикнула ему вслед Анико.

— Приду, ваша светлость.

Как только Бесики ушел, в комнату из другой двери тихо проскользнул Росто и с мрачным видом остановился у стены. Увидев Росто, Анико вздрогнула от неожиданности.

— Что тебе здесь надо? — сердито спросила она слугу.

— Госпожа...— Росто запнулся, слова не шли у него с языка.

— Я спрашиваю, что тебе здесь надо?.. Не слышишь?

— Госпожа... царевич, ваш супруг — мой молочный брат. Я умру ради его чести. Не допущу...

— Что?..— Анико оглянулась вокруг, ища чего-то. Увидела кинжал, схватила его и кинулась к Росто, как тигрица: — Как ты смеешь со мной так разговаривать?

— Госпожа...

Анико взмахнула рукой и ударила кинжалом плашмя по щеке Росто. Тот дернул головой от боли, но она ударила его еще раз, по другой щеке.

— Госпожа...— упал на колени Росто, — убей меня, если хочешь.

— Ты все свое? Вот тебе, вот тебе! — и Анико изо всех сил била слугу кинжалом, но притом так ловко, что даже не оцарапала его. Дрожа от гнева, наносила она удары и приговаривала: — Если ты боишься бога, почему ты допустил, чтобы я вышла замуж за слабоумного?

Устав бить свою терпеливую жертву, она отбросила в сторону кинжал и в изнеможении, еле переводя дыхание, упала на тахту.

Росто продолжал стоять на коленях около дверей, закрыв голову руками.

— Госпожа...— прохрипел он, — лучше сейчас же убей меня, не то я убью соблазителя и возьму на душу тяжкий грех.

— Хватит с тебя и того греха, который ты совершил, когда обрек меня на несчастную жизнь. Убирайся отсюда!

— Госпожа, не толкай меня на злое дело, будь милостива.

— Все равно нам с тобой не миновать ада, так не отравляй же напрасно ни мне, ни себе земного существования. Убирайся отсюда, и чтобы это больше не повторялось!

Росто тяжело поднялся и, сутулясь, неловко, как медведь, поплелся из комнаты.

Леван убедил царя не откладывать призыва в войско и сразу приступить к набору. Списки были уже готовы, оставалось только отдать распоряжение о явке призываемых. На следующий день после приезда Левана по всей Грузии были разосланы гонцы для обнародования царского указа и списков тех, кто призывался в первую очередь.

Горцы — мохевцы, тушины, пшавы и хевсуры — были освобождены от службы в постоянном войске, так как они, по существу, несли военную службу, охраняя северо-восточные границы страны.

После обнародования указа в пункты, назначенные для сбора, стали прибывать люди, и к первому сентября все призванные были уже на своих местах.

Первого октября во Мцхета справлялся престольный праздник, так называемая «Мцхетоба». Народ начал собираться со всех концов Грузии еще накануне. По дорогам ползли большие, крытые коврами арбы, на которых восседали нарядно одетые женщины. Мужчины шли пешком или ехали верхом, вооруженные ружьями и длинными кинжалами. Паломники, остерегаясь нападения абрагов, двигались большими группами. Из горных районов прибыли в праздничных пестрых одеждах мохевцы, пшавы и хевсуры. Все они — как мужчины, так и женщины — ехали верхом.

Вечером накануне праздника Мцхета и вся округа кишели народом. Горели костры, у арб сутились женщины. Мужчины большей частью сидели в кругу и вели оживленную беседу. Там и сям расхаживали продавцы товаров, приехавшие из Тбилиси. Тут были еврей-коробейники, продававшие ткани, иголки, ножницы, гребенки, зеркальца и разную мелочь; армяне, предлагавшие дорогую парчу, каракулевые шапки, серебряные изделия и обувь; ремесленники, продававшие свои изделия — ножи и бритвы, сабли и кинжалы; персы, торговавшие

сахаром, кишмишом, рахат-лукумом и другими сладостями.

По обычаю, люди проводили эту ночь, не смыкая глаз, в веселии, в плясках. Женщины и старики, исполняя обет, данный богу, ползли на коленях; они держали в руках огромные клубки ниток и обматывали ими подножие храма. У некоторых на шее висело ярмо с тяжелыми цепями. Бездетные женщины, моля бога даровать им детей, надевали на себя железные пояса и так же на коленях по многу раз обходили собор.

В самой церкви непрерывно шла служба. Всенощную служил сам католикос. Храм был ярко освещен сотнями самодельных восковых свечей, длиною в человеческий рост — по росту того человека, о ком молились.

Вечером в народе прошел слух, что прибыл царь, и все засуетились. Говорили, что Ираклий приехал на престольный праздник, но потом выяснилось, что он явился в мцхетский лагерь, к сардару Агабабу Эристави с оружием, маленькой палаткой, буркой и с запасом харчей. Лагерь был расположен на поляне у полуразвалившейся крепости Бебрис-Цихе. Эта местность была удобна тем, что здесь сходились все дороги как из Арагвского ущелья, так и из долины Куры, — вот почему она была выбрана как место сбора призванных в войско.

Прибывающие направлялись к палатке Агабаба Эристави, отмечавшего их в книгах с помощью двух писарей и проверявшего списки. Крестьяне являлись большей частью группами; многие из них были односельчанами.

Когда Ираклий подъехал к палатке сардара, Агабаб Эристави только что заканчивал регистрацию группы людей из деревни Лило. Ираклий был одет в будничное платье и ничем не отличался от спутников, окружавших его. Ехал он не во главе отряда, а смешавшись с остальными. И тем не менее, когда он проезжал между сгрудившимися ополченцами, бывалые войны узнали его и зашептали:

— Смотри, сам царь здесь..

— Да ну? — сомневались те, которые не знали Ираклия в лицо. — Который?

— Вот тот, с проседью в бороде.

— Не может быть! Разве царь так ездит? Верно, кто-нибудь, похожий на него.

— Да нет, ей-богу же, он!

Весть о прибытии царя быстро распространилась по всему лагерю. Люди повскакали со своих мест и устремились за группой всадников.

У палатки Агабаба Эристави Ираклий спешил. Из палатки вышел Агабаб и, подойдя к царю, хотел его приветствовать по принятому обычаю, то есть встать на колени и поцеловать подол царской чохы, но Ираклий знаком остановил его.

— Постой, Агабаб,— сказал он,— я здесь не царь, а простой воин и прибыл к тебе, чтобы отбыть положенный срок военной службы. Продолжай свое дело, а мы пойдем займем свои места.

Поклонившись в знак повиновения, Агабаб вернулся в палатку, и вскоре оттуда послышался его зычный голос. Он кричал на молодого парня, который явился вместо одного азнаура, заплатившего ему за это.

— Ты что мне басни рассказываешь? — кричал на него Агабаб.— Сейчас же поезжай обратно и скажи этому подлецу, чтобы завтра же был здесь, не то отсидит он у меня не один месяц. Сам царь пожаловал служить простым солдатом, а он... уж не думает ли, что раз он дворянин, так может вместо себя других нанимать?

— Он только что женился и... — запнулся парень.

— Ну и что ж, что женился? Я сам из-под венца в Индию пошел воевать, два года с женой не спал, а он, видите ли, на один месяц не может отлучиться. Поезжай сейчас же и передай мое приказание. Я с ним поговорю!

Люди, окружавшие палатку и слышавшие слова Агабаба, захохотали. Увидя, что Ираклий тоже улыбается, они засмеялись еще сильнее, как бы стараясь привлечь к себе внимание царя.

До церкви было недалеко, и Ираклий, отдав приказ ставить палатки, в сопровождении придворных, среди которых был и Бесики, отправился в церковь. Минувя поляну и вступив на узкую улицу города, которая вела к собору, он увидел, что вся дорога запружена народом. При виде Ираклия люди расступались, приветствуя его веселыми возгласами. Подвыпившие хевсуры с красными лицами бесцеремонно хватали и целовали благоговейно полы его чохы. Женщины высоко поднимали детей, показывая им Ираклия, который, не замедляя шага, от-

вечал всем приветливыми кивками головы. У входа в храм Ираклия обступили нищие. Их было много: стариков, калек, большей частью греков, бежавших из Турции. Пав ниц, они протягивали к царю грязные руки, прося милостыню. Ираклий велел раздать им медные монеты и вошел в церковь. За ним, толкаясь и давя друг друга, устремились потоком сотни людей.

К утру Агабаб и его писари закончили учет прибывших людей и разбили всех на отряды и десятки. Каждым десятком командовал опытный воин. Затем было объявлено, что, за исключением караульных, которые назначались в порядке очереди, остальные должны были каждый день упражняться в военном искусстве под командой своих начальников. Только по случаю престольного праздника им разрешалось в первый день принять участие в торжестве.

Десятком, в который был включен Ираклий, командовал лилойский крестьянин Дугаба. Он в недоумении разводил руками, хлопал себя по лбу и говорил:

— Вот беда, что мне делать? Как командовать царем? Где это слыхано, чтоб крестьянин шел впереди царя?

Дугаба, конечно, понимал, почему Ираклий пожелал отслужить свой срок в войске простым солдатом. Этим он подавал пример, который должен был стать образцом поведения для всех. Всем от мала до велика надо было внушить, что военная служба — долг каждого мужчины, способного носить оружие. Это, в особенности, относилось к дворянам и князьям, считавшим, что для них необязателен призыв в войска, или же думавшим, что они непременно должны занимать должности начальников, независимо от того, знают военное дело или нет. Об этом было много толков и суждений. Даже высшие сановники, недоумевая, спрашивали друг у друга, как им нести военную службу, если они не знают военного дела.

Теперь вопрос был решен для них просто и ясно. Все должны были явиться на сбор, как простые воины. Ясно был решен вопрос и для крестьян, ибо многие из них шли в войско с большой неохотой. Каждый старался отложить свою очередь призыва на зимние месяцы. Теперь и крестьяне должны были понять, что главным делом для них было исполнение долга перед родиной,

и если сам царь первым явился на службу, то никто не должен был даже пикнуть о том, что из-за личных дел желал бы отложить срок своего призыва.

Дугаба все это понимал. Он знал, что царь для виду действительно будет вести себя как простой солдат. Но все же был смущен и не мог представить себе, как приступить к делу.

Днем после заутрени снова разгорелся пир. Церковная площадь была заполнена рассевающимися в круги пирующими. Ираклий со своими любимцами — хевсурами, пшавами и несколькими кахетинцами и картлийцами, — заняв уголок в ограде церкви, тоже предался веселью, как и другие.

После полудня люди начали разъезжаться, и площадь около собора скоро опустела. Прибывшие из отдаленных мест хотели до вечера дойти до укрепленных постов, чтобы переночевать в безопасности, а ближние старались просто засветло попасть домой.

К вечеру, когда жара спала, Ираклий позвал Дугабу и, спустившись вместе с ним к берегу Арагви, усадил старого воина рядом с собой, чтобы побеседовать.

— Ну, расскажи, как живешь, Дугаба, как жена, дети? — спросил Ираклий. — Сыновья небось уже большие?

— Два взрослых сына погибли на войне.

— Знаю, Георгий и Дато. Хорошие были ребята, царство им небесное.

— Эх, что и говорить! Теперь у меня два мальчика остались, старшему двенадцать, а младшему восемь лет, и две девочки.

— Мало у тебя детей, Дугаба. Вон у меня сколько, пятнадцать!

— Будь я царем, я бы их с полсотни завел, — с улыбкой сказал Дугаба.

Ираклий улыбнулся, а затем, подавив улыбку, с серьезным лицом обратился к Дугабе:

— Тебя, наверно, удивило, что царь служит простым воином?

— Удивило. Трудно мне понять, хотя я и догадываюсь...

— Дугаба, ты умный человек, знаешь жизнь и поймешь меня. Мне надо подать пример всем, кто призван в войско. Трудное, но нужное дело мы затеяли, Дугаба.

Страну нужно спасать, дать возможность людям свободно вздохнуть. Рассчитывать на помощь России пока нельзя... Значит, сами себя должны защищать.

— А что случилось, государь? Ведь говорили, что русская царица обещала помочь, прислала войско, а теперь выходит, что все не так...

— Видно, русская императрица не очень довольна нами,— сказал Ираклий,— да и генерал ее оказался плохим..

— Это я знаю. Но мы-то разбили турок у Аспиндзы,— значит, не плохо воевали..

— Как видно, этого мало. Что же делать, постараемся заслужить ее помощь, но и самим не быть слабыми. Вот я и решил установить поочередную воинскую службу. Посмотрим, что из этого выйдет. А может, и никакой помощи нам не потребуется — сами одолеем своих врагов.

Ираклий испытующе смотрел на Дугабу, желая на его лице прочесть, что думает этот бывалый человек, а вместе с ним и другие крестьяне. Дугаба слушал царя с поникшей головой. Он некоторое время молчал, потом поднял голову и, глядя на другой берег реки, как бы про себя проговорил:

— Хорошее дело, что и говорить, вы задумали, государь, да только мала и слаба наша страна. Слава богу, мы с вами исходили мир вдоль и поперек, были в Индии, Афганистане, в Ширазе и Багдаде, конца-краю нет этим странам, а нашу — от одного края до другого за день проскачешь... Мало нас, а вокруг враги. Без помощи сильного, верного соседа мы себя не защитим. Самым верным и сильным нашим помощником может быть только Россия. Мы ведь одной веры с нею, православной.. Нет житья нашему крестьянину. Пахать он должен с ружьем за плечами, сеять, жать, молотить, не выпуская из рук оружия: того гляди, налетят проклятые абраги. О сборе хорошего урожая и думать не приходится. А ведь все мы крепостные и должны по закону платить князьям и помещикам большие подати. Наши лилойцы за счастье считают, что они крепостные вашей супруги, да и ваши крепостные благодарят бога, что они под сенью царя, который о них заботится и охраняет от врагов, но ведь не все господа хороши. Есть и такие, что лютостью не лучше абрагов..

— Значит, так и надо устроить, чтобы в стране даже одиночным крестьянам не страшно было жить,—чтобы у них всегда была надежная охрана от врагов! — перебил его Ираклий.— Потому и учредили мы нынешний порядок военной службы. Я ведь понимаю — тяжело крестьянам отлучаться из дому на месяц, но лучше пожертвовать одним месяцем, а остальные одиннадцать месяцев жить спокойно.

— Верно, государь, что и говорить. Конечно, вам лучше знать, на то и вручены мы богом вам на попечение..

Бесики устроился в палатке рядом с царским секретарем Манучаром Туманишвили. В свободное время оба они подолгу беседовали о том, почему царь решил отбывать сбор простым воином. Манучару, как родовитому князю, не нравилось поведение Ираклия, панибратство его с крестьянами.

— Это что же такое,—говорил он Бесики,—если сам царь так поступает, то нас, князей, уже ни во что не будут ставить. Посадишь вошь на палец ноги, она тебе на голову залезет. Нехорошо это...

— Почему нехорошо? Царь ведь — слуга народа,— ответил Бесики.

— Тсс... Молчи. Еще услышат крестьяне и подумают, что, если царь их слуга, тогда князя — их прислужники, а дворяне вроде тебя..— или, кажется, ты тоже стал князем?—ну, все равно,— а дворяне, мол, уж вообще черт знает что...

— Строго говоря, так оно и есть. Князь потому и получает оброк от крестьян, что он должен оказывать им попечительство, охранять от врагов, вершить правосудие, оказывать помощь. Ведь раньше, говорят, не было князей, а был глава племени, который..

— Знаем мы эти сказки. Князь есть князь, а крестьянин и даже дворянин, как бы он ни отличился, никогда не сравняется с князем. Разве дворовая собака может стать гончей, как бы хорошо ни лаяла?

— Однако гончая — тоже собака, а не какое-либо другое животное,— сказал с улыбкой Бесики.

— Но между ними есть разница,— не унимался Манучар.

— Конечно, среди собак тоже бывают князья, как среди князей часто попадаются собаки...

Манучар посмотрел на своего приятеля и не знал, рассердиться на эту шутку или рассмеяться.

— Конечно, гончая тоже собака, но если ты этим думаешь сравнить меня с мужиками, то глубоко ошибаешься.

— Перед богом все равны.

— Перед богом, может быть, и равны, но на земле мы пока что подчиняемся ниспосланному нам богом законам. А тут что же это получается? Согнали нас вместе, как баранту, ни различия, ни уважения, даже велют спать рядом со вшивыми мужиками в одной палатке, и я должен дышать вонючим воздухом, который исходит от их смрадных овчин и потных тел. Но и это мало — мужиков сделали нашими начальниками..

— В бою родовитость и звание не помогают, нужно знать военное дело и быть храбрым воином.

— Ну вот, скажешь тоже! От того, что вонючая лошадь может тащить больше груза, чем породистый скакун, ее не наряжают в сбрую, отделанную золотом, и не ставят во главе скакунов.

Бесики собрался было ответить, но, когда вспомнил, как неуклюже скакал Манучар на лошади во время военных занятий, ему стало понятно, почему так остро задело этого царедворца ущемление его сословного превосходства.

Вскоре выяснилось, что многие князья и даже дворяне разделяли мнение Манучара. Они хоть и не смели явно высказывать свое недовольство поведением Ираклия, но часто перешептывались между собой, укоризненно покачивая головами. На глазах у царя, подражая его примеру, они беспрекословно подчинялись своему начальнику, будь он незнатного рода или даже собственный их крепостной, но стоило Ираклию немного отойти в сторону, как подобные воины сразу принимали надменный вид и совсем не слушались командиров...

На исходе второй недели военных занятий гонец, прискакавший из Мухрани, сообщил, что отряд лезгин, возвращаясь из Ахалцихе, совершил набег на деревню, разграбил ее, угнал в плен около тридцати человек и направился в сторону Сагурамо.

Агабаб Эристави тотчас же явился к царю за советом, но тот с улыбкой сказал ему:

— Ты начальник лагеря и сардар, а я простой воин. Управляйся самостоятельно. Посоветуйся лучше с Дугабой.

— Я думаю, ваше величество, что они не пойдут в сторону Жинвали или Душети. Нужно немедленно скакать наперерез, обойдя Зедазени.

— А ты что скажешь, Дугаба? — обернулся Ираклий к старому воину.

Дугаба почесал затылок, подумал немного и отрицательно покачал головой.

— Наперерез нельзя. Если бы у них имелась только одна дорога, можно было бы опередить и устроить засаду. Надо нагнать их. Они везут награбленное добро и не могут быстро двигаться. Для преследования нужно отрядить человек двести отборных всадников. Если они направились по Тианетской дороге, им не пройти прямым путем — там ведь наш лагерь, — стало быть, они постараются проскользнуть выше Алвани и по гребню податься к Дидо. У Тианети мы их настигнем...

— Вот что, — обратился Ираклий к Агабабу, — тебе незачем оставлять лагерь. Поручим Дугабе отобрать человек двести и немедленно пуститься в погоню, а ты постарайся, — повернулся Ираклий к Дугабе, — взять в свой отряд побольше знатных людей — у них хорошие лошади.

Дугаба понял и ухмыльнулся. Он уже свыкся со своим положением начальника.

Через полчаса отряд уже был готов выступить в поход.

В число отобранных воинов попали Бесики и Манучар, и теперь они ехали рядом. Манучар был не в духе, так как ему не разрешили навьючить на лошадь ни сумки с провизией, ни бурки для ночлега, а велели только сунуть в карманы несколько лепешек. Во время проверки газырей, оказалось, что у знатного вояки не было ни крупинки пороха: под хохот окружающих Манучару пришлось бежать обратно в палатку за порохом.

Отряд вытянулся цепочкой и, извиваясь по узкой дороге, продвигался скорым, но ровным шагом.

— И это называется ехать вдогонку? — буркнул

Манучар.— Надо скакать, а не плестись мертвым шагом; что, разбойники нас будут ждать?

— Ты постарайся ехать так,— сказал ему с насмешкой Бесики,— чтобы другие не обгоняли тебя, а то через час очутишься в хвосте отряда.

Действительно, как только отряд перешел вброд Арагви и начал подниматься по крутому подъему, Манучар, незаметно для себя, стал отставать и вскоре оказался в самом конце колонны, которую замыкал коренастый воин. Ему, видно, было поручено следить за отстающими, чтобы они не вздумали улизнуть обратно. Поэтому он искоса посмотрел на Манучара и спросил:

— Что случилось с вашей лошадью — не запаленная ли она?

— Да нет,— ответил Манучар,— рысь у нее плохая, все кишки мне растрясла, вот и приходится мне ехать шагом. Думал, хорошую лошадь купил, а подсунули настоящего одра.

Манучар злобно стегнул своего коня, и тот, стремительно ринувшись вперед, чуть не выкинул седока из седла. Князь смешно подскакивал и был похож на встряхиваемый бурдюк. Слышалось какое-то уханье и бульканье. Манучар, всеми силами стараясь удержаться в седле, переваливался то влево, то вправо. Больно прикусив во время тряски язык, он со злости опять стегнул коня и догнал Бесики.

— Ты где пропадал? — спросил Бесики.— Мы думали, не случилось ли чего с тобой.

Манучар не ответил. Язык у него болел, как будто ошпаренный кипятком.

Миновав Сагурамо, отряд напал на след противника и безостановочно двигался вперед. Остановились на один час, чтобы дать отдохнуть лошадям и немного их подкормить.

Манучар едва слез с седла. Разминая ноги, он попросил Бесики присмотреть за его лошадью, а сам растянулся на траве. Он уже собирался заснуть, как вдруг раздалась команда «по коням». Манучару пришлось снова садиться в седло, хотя он чувствовал себя совсем разбитым.

— Убить бы такую лошадь,— прошипел он,— замучила она меня.

— Давай я сяду на твою, а ты на мою,— предложил Бесики.

— Ох, сделай милость,— обрадовался Манучар.

Как голько Бесики сел на лошадь Манучара и стегнул ее, он тотчас почувствовал, что это был прекрасный иноходец, езда на котором несколько не утомляет человека. Лошадь, почуяв умелого ездока, пошла таким прекрасным и равномерным аллюром, что привела в восторг Бесики. А Дугаба, увидя, какой резвый шаг у его лошади, приказал ему ехать впереди, во главе разведчиков.

Светало, когда разведчики, подъезжая к перевалу, заметили на фоне светлеющего неба нескольких человек, стоявших на коленях. Воздев руки к небу и глядя на восток, они молились. Это были дозорные вражеского отряда, оберегавшие дорогу с тыла, но сейчас их взоры были направлены в противоположную сторону: они надеялись, что аллах не даст неприятелю напасть на них во время молитвы.

Спешившись, Бесики со своими спутниками начал ползком подкрадываться к дозорным. Сердце у него сильно стучало, и он едва переводил дух. Бесшумно подкравшись, разведчики, обнажив кинжалы, в несколько прыжков очутились около молящихся, которые хотя и слышали приближение врага, но даже не пошевелились. Только один из них, молодой лезгин, оглянувшись, посмотрел презрительно на грузинских воинов и снова повернулся лицом к востоку, продолжая молитву. Это смутило Бесики и его спутников. Подбежав к лезгинам, погруженным в молитвенный экстаз, и быстро обезоружив их, разведчики окружили всех, но дали им возможность окончить молитву. Вскоре послышался конский топот, и из лесной чащи выскочили всадники во главе с Дугабой. В этот момент молодой лезгин пронзительно свистнул. Разведчик, державший пленного за шиворот, повернул его лицом к себе и всадил ему в грудь кинжал по самую рукоятку.

Отряд Дугабы не успел еще перевалить через гребень, как уже завязалась схватка: из ущелья послышались выстрелы, крики, гиканье всадников, лязг оружия. Манучар, и сейчас оказавшийся в хвосте отряда, увидя Бесики, придержал свою лошадь.

— Что это? Что вы тут делаете?

— Иди сюда, помоги стеречь пленных,— сказал Бесики,— там и без тебя управятся.

— А это кто убит? Наш? Нет, не наш,—ответил сам себе Манучар, слезая с лошади и еле переступая с ноги на ногу.— Ты мне мою лошадь верни, это не конь, а ко-рова. Где моя лошадь?

— Вот там, вместе с другими,— указал Бесики в ту сторону, где разведчики оставили коней.— Постереги пленных вместо меня, а я поскачу вниз.

Сказав это, Бесики вскочил на коня, на котором приехал Манучар, и поскакал в ту сторону, откуда слышались крики. Манучар же подошел к пленным и, как царский секретарь, начал их допрашивать.

Бесики тем временем доскакал до полянки, где увидел толпу женщин и детей, которые радостно переговаривались и суетились. Там и сям виднелись разбросанные тюки, медные котлы и отнятое у абрагов добро. В одном месте у края поляны группа всадников, окружив пленных, что-то кричала им, размахивая оружием над головами. То со стороны гребня, то со стороны речки появлялись отдельные всадники, которые гнали перед собой или вели пленных. Там и сям валялись убитые.

Бесики поскакал к группе соотечественников, вырванных из неволи и ликовавших от радости.

Все они наперебой кричали ему что-то, но в этом неистовом крике ничего нельзя было понять. Женщины хватили его за одежду, целовали ему руки. У одной из девушек платье было так изорвано, что лоскутья его не могли прикрыть грудь, которую она закрывала скрещенными руками, напоминая изображение мученицы на фреске в церкви. Когда Бесики скинул чоху и, сняв свой шелковый архалук, протянул ей, чтобы она надела его, девушка упала на колени и стала целовать ему ноги. Смущенный Бесики набросил на нее архалук и, еле освободив ноги из ее цепких рук, отъехал в сторону.

Вскоре собрался весь отряд. Оказалось, что почти все участники набега были или перебиты или взяты в плен.

Это была первая победа после введения воинской повинности. Не только Бесики, но и все участники похода были охвачены такой безудержной радостью, что начали обнимать и целовать друг друга, поздравляя с победой. Они вернулись в лагерь вместе с освобожден-

ными соотечественниками; гоня перед собой взятых в плен лезгин и распевая боевые песни. Пленные шли, едва волоча ноги, понутив свои бритые, непокрытые головы, со связанными за спиной руками. Их подгоняли освобожденные из плена крестьяне, браво гарцуя на конях своих похитителей.

Когда отряд возвратился в лагерь, Дугаба поскакал вперед, чтобы сообщить царю о победе. Но Ираклия не оказалось на месте. Он уехал с другим отрядом в Джавахети, чтобы отразить большой отряд лезгин, разоривших деревни близ Дзегви. Воины, остававшиеся в лагере, встретили прибывших ликованием.

После небольшого отдыха все расселись на поляне и вытащили из хурджинов хлебные лепешки, сыр, куски холодного вареного мяса, а некоторые и бурдючки с вином. Победа располагала всех к веселью, и вскоре скромная трапеза превратилась в пир. Там и сям слышались здравицы в честь победителей, за спасенных из неволи людей. Заиграла зурна. Молодые воины пустились в пляс. Заложив полы своих чох за пояс, они то плавно носились по кругу среди зрителей, хлопающих в ладоши, то, слегка подавшись одним плечом, мчались вперед, будто рассекая незримые волны бушующего веселья, то стремительно кружились, выводя замысловатые письмена на иссохшей от зноя земле. Были и такие, которые своим неуклюжим танцем, трясущимися животами и медвежьей повадкой вызывали дружный хохот.

До позднего вечера продолжалось веселье. Пирующие только тогда разошлись по своим палаткам, когда на западе погасла последняя полоска закатного зорев, а на небе зажглись первые звезды. Но освобожденные крестьяне не собирались спать: сбившись в кучу около костра, они продолжали беседовать.

Проходя мимо них, Бесики и Манучар невольно задержались, прислушиваясь к разговорам. Их внимание привлекла пожилая женщина, сидевшая на земле и громко говорившая окружающим:

— ...Двенадцать детей у меня было, трое погибли в битвах, пятерых похитили абаги и продали в Турцию,— в ее голосе слышались нотки плача,— две из них девочки: одной было десять, когда ее увели, другой—одиннадцать. Где они теперь, мои несчастные? А сыновья? Один взрослый был, семнадцати лет, а двое

совсем маленькие — пяти и шести годков. — Женщина начала бить себя в грудь кулаком, на минуту поникла головой, утерла слезу кончиком платка и продолжала: — Этих двух, думала, и не увижу больше, но, боже, как велика твоя справедливость! Сегодня в первый раз почувствовала я радость материнского сердца, — причитала крестьянка, и вдруг, переменяв плачущий тон на грозный и повелительный, воскликнула: — Что это у нас трепали языками — не хотим служить, у нас свои дела? Разве могут быть более великие дела, чем те, что мы сегодня видели?..

— Правду говоришь, мать, правду! — подтвердили другие.

— Князь говорил: мне, дескать, люди для своих дел нужны, на винограднике, в поле, на огороде. Не пущу никого...

— Это горбун говорил, — заметил Манучар, обращаясь к Бесики, — брат Мухран-Батони, он — против Ираклия.

— ...Ну и всыпали ему царские есаулы! — продолжала женщина. — Ему что? Самого его, горбуна, никто не похитит. Говорят, что он с абрагами даже заодно, тайком откуп получает за крепостных, похищенных у него же самого. Что ему страдания бедных матерей!

От усталости и выпитого вина у Бесики кружилась голова, глаза слипались, но он упорно сопротивлялся сну. Ему хотелось без конца веселиться, говорить со всеми, делиться мыслями. Он уже собрался было расположиться у костра, но Манучар потянул его к палатке:

— Идем спать.

— Не хочу спать, — ответил Бесики, но все же, шатаясь от усталости, пошел за Манучаром. — Ты понимаешь, что мы сегодня сделали?

— Отстань, пожалуйста, — огрызнулся Манучар, — я так устал, что, пусть даже весь свет погибнет, — пальцем не пошевелю!

Манучар прошел в палатку, а Бесики, проводив его насмешливым взглядом, присел на камень и обвел взором местность. Горы зубчатым силуэтом окружали широкую долину, по которой лентой серебрилась Арагви. На вершине остроконечной скалы гигантским орлом высился монастырь Джвари, а направо, в самом городе Мцхета, виднелся храм Светицховели, вокруг которого,

как птенцы около матери, ютились маленькие домики и небольшие церковки. Легкий ветерок приносил с собой запах выжженных солнцем трав. Звенели цикады. Снизу, от берега реки, доносилось кваканье лягушек. На небе одна за другой зажигались звезды, а там, вдали, на востоке, непрерывные вспышки молний стрелами пронизывали тучи, грозно нависшие над горами.

«Боже, какая красота, какое величие! — думал Бесики. — Как прекрасна жизнь!»

Почувствовав приятную истому во всем теле, он так крепко заснул, прислонившись к камню, что на другое утро, когда первые лучи солнца ударили ему в глаза, долго не мог вспомнить, каким образом он очутился у этого камня..

Положительные результаты призыва в войско не замедлили сказаться. Почти одновременно с уничтожением отряда лезгин около Гартискари был рассеян другой их отряд близ Сурами. Вскоре прискакал гонец и сообщил, что истреблены один за другим еще два отряда, вткнувшиеся в Кахети.

Лучшие дагестанские удалыцы взяли за оружие, чтобы отомстить за гибель отцов и братьев. На этот раз в Дагестане взяли за оружие и седобородые богатыри, испытанные в битвах. Всю зиму готовили они молодежь к большому походу.

Двенадцать тысяч лезгин появились весной у рубежей Картли и Кахети. Но на границе между Кахети и Чари-Белакани врага встретил царевич Леван, ахалцхское направление было преграждено Давидом Орбелиани, а около Крцхинвали на дагестанцев напал Агабаб Эристави. Лишь пятьсот или шестьсот человек из отрядов противника вернулись назад.

Но набеги не прекращались. Многочисленные отряды лезгин опять обрушились на Грузию. И снова им был учинен ужасный разгром. Все дороги в Картли и Кахети оказались закрытыми. Куда бы ни кидались они, всюду их ждала гибель.

Набеги становились все реже и реже и наконец совсем прекратились.

Вся страна облегченно вздохнула. На полях вновь зазвучали трудовые песни. Маленькие пастухи смело выгоняли свои стада на тучные луга. Люди перестали брать

с собой в дорогу оружие. Женщины безбоязненно носили обед своим мужьям на отдаленные пашни. Жизнь постепенно наладилась. Деревни застраивались, в городах появились купцы с чужеземными тканями, с металлическими изделиями, со всяким красным товаром. Они продавали свои товары и скупали для вывоза в Россию и в другие страны растительные краски, шелковую пряжу, вино, шерсть, хлопок, пшеницу.

Во внешних делах государства также произошел благоприятный поворот. Осенью 1774 года Ираклий получил высочайшую грамоту от русской императрицы. Грамота была составлена в благожелательном, дружественном тоне. Екатерина сообщала, что она не забыла обещания, данного царевичу Левану в Петербурге. В мирный договор с Турцией введен отдельный пункт, по которому Порты отныне навеки обязуется не чинить никаких притеснений Грузинскому царству, запретить увозить в неволю грузинских юношей и девушек и признать независимость Грузинского царства, за исключением тех его областей, которые издавна принадлежали Турции.

Оба царя, Ираклий и Соломон, получили выписку из Кучук-Кайнарджийского договора, относившуюся к Грузии:

«Копия с двадцать третьего артикула из мирного трактата, между империями Всероссийскою и Портою Оттоманскою заключенного при деревне Кучук-Кайнарджи, в четырех часах от города Силистрии, июля 10 дня 1774 года».

Артикул двадцать третий.

«В части Грузии (Имеретии и Мингрелии) находящиеся крепости Багдадчик, Кутаис и Шоропань, Российским оружием завоеванные, будут Россиею признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле или с давнего времени были под владением блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими; а по размене настоящего трактата во условленное время Российския войска выйдут из помянутых провинций Грузии и Мингрелии. Блистательная же Порты с своей стороны обязуется, в сходственность с содержанием первого артикула, дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том краю в течение настоящей войны каким ни есть образом ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказы-

вается она требовать дани отроками и отроковицами и всякого рода других податей; обязывается не почитать между ими никого за своих подданных, кроме тех, которые издревле ей принадлежали. Все замки и укрепленные места, бывшая у Грузинцев и Мингрельцев во владении, оставить паки под собственною их стражею и правлением, так как и не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви, и не препятствовать поправлению старых и созиданию новых, и да не будут притесняемы какими либо требованиями от губернатора Чилдирского и от прочих начальников, и офицеров к лишению их имений. Но как помянутые народы находятся подданными блистательной Порты, то Российская империя не имеет совсем впредь в оныя вмешиваться, ниже притеснять их».

Эта статья мирного договора являлась большой поддержкой для Восточной Грузии в столь тяжкое для нее время. Вот почему послание Екатерины вызвало во дворце всеобщую радость.

Вскоре к этому прибавилось еще одно радостное событие: из Персии вернулись послы Ираклия — Глаха Цицишвили и Гиви Туманишвили, привезшие царю богатые подарки от Керима-хана — тканые золотом халат и пояс, серого коня в золотой сбруе и пару львят в железной клетке.

Послы сообщили государю, что между Турцией и Персией возникли разногласия и что Керим-хан, по-видимому, стремится привлечь на свою сторону Ираклия.

Вскоре из Стамбула тоже вернулся грузинский посол — Мирза Гурген Эниколопашвили, с которым прибыл посол самого султана. Он поднес государю подарки от вновь взошедшего на престол султана Ахмета: коня в богатой тяжелой золотой сбруе, меховую шубу с плеча султана, часы с секундной стрелкой, осыпанные бриллиантами. Великий визирь султана, Азам, прислал украшенную бриллиантами золотую табакерку и нагрудную алмазную звезду тончайшей работы, в центре которой красовался рубин, размером с ноготь большого пальца.

Ясно было, что султан добивался дружбы Ираклия в ожидании войны с Керим-ханом.

Той части вельмож и сановников, которые разделяли взгляды Левана и Давида, положение Грузии казалось блестящим.

Опальный судья Иесе Туманишвили, терпеливо

ждавший царской милости, записал в своем дневнике: «Все поразились, осмотрев подарки султана. Каждый благодарил и славил бога за счастье, ниспосланное нам. Дружба султана и шаха, благосклонность русской императрицы, сыновнее почитание со стороны подданных и много еще другого — великое счастье выпало на долю государя».

Но действительность не была похожа на это словословие.

Если крестьяне и горожане, ремесленники и купцы радовались временно обретенному наконец миру, то совершенно иными настроениями жили крупные феодалы и придворная знать. Среди них с новой силой вспыхнули распри и вражда. Возобновилась ожесточенная борьба за влияние при дворе, за царские милости, за высокое положение. Придворные подкапывались друг под друга, не брезгали в этой борьбе никакими средствами.

В центре всех интриг стояла царица Дареджан, которую раздражало все усиливающееся влияние при дворе ее старшего зятя Давида Орбелиани. Святая за него свою падчерицу, царица втайне надеялась безболезненно удалить их обоих из Тбилиси. Правда, родной ее сын Леван был в тесной дружбе с Давидом, но Дареджан так ненавидела Тамару, что за одно с ней невзлюбила и ее супруга. В дружбе Левана и Давида ей мерещилась какая-то скрытая опасность, и она всячески старалась рассорить друзей.

А Леван и Давид в последнее время действительно приобрели большое влияние в делах государства и по существу стали правителями страны. Этому способствовали блестящие результаты введенной по их инициативе воинской повинности, которая привела к упорядочению внутренних дел страны и укреплению ее внешнего положения.

Но тяжкий недуг, подтачивавший Грузию в течение последних столетий, отнюдь не был исцелен. Продажность и вероломство феодалов, их междоусобная борьба за расширение своих владений, за власть, не сдерживаемая более страхом перед нападением со стороны Персии и Турции, по-прежнему расшатывали царский трон и мешали Ираклию укрепить государство.

Еще тогда, когда Леван уезжал в Россию, Ираклий, проводив сына и вернувшись в столицу, получил донесе-

ние о заговоре князей Мачабели. В этом заговоре принимал участие Заал Орбелиани, который послал своего сына в Россию будто бы для получения образования, а на самом деле для того, чтобы установить связь с тамошними противниками Ираклия.

Узнав о заговоре, Ираклий немедленно заключил всех членов рода Мачабели в тюрьму. Они под пыткой назвали своих единомышленников, в том числе и Элизибара Эристави. Но остальные заговорщики спаслись бегством: одни нашли приют в Имерети, другие — в Ахалцихе. Чтобы навсегда избавиться от вероломного соседа, Ираклий решил свергнуть Соломона и посадить на имеретинский престол Левана. Своей мыслью он поделился с Давидом Орбелиани.

Это было первым шагом к объединению Восточной и Западной Грузии.

Давид Орбелиани в строжайшей тайне сообщил Левану о своей беседе с Ираклием. Вскоре намерение государя стало известно приверженцам царевича и вызвало среди них восторг. Молодежь стала собираться то у Левана, то у Давида, то у Соломона Леонидзе. Во дворце пошли сплетни и перешептывания.

Услышав о тайных собраниях молодежи, узнав, что на них бывает Бесики и даже, по слухам, является одним из главных зачинщиков этих собраний, Чабуа решил, что затевается какое-то нехорошее дело не столько в ущерб феодалам, сколько во вред отношениям Грузии с Россией.

Он решил во что бы то ни стало узнать тайну и любыми средствами добиться изгнания Бесики из дворца.

Леван и Давид старались использовать в своих политических целях влияние на государя. Леван руководил делами по призыву в войско и все то время, когда не находился в лагерях, проводил в своей канцелярии, проверял списки, подсчитывал лошадей, распределял оружие и, по собственному выражению, не имел даже времени, чтобы почесать голову.

Давид взялся в свою очередь привести в порядок внутренние дела и прежде всего вовлечь в работу праздных сановников, занимавших государственные должности. Все дела царской канцелярии он распреде-

лил по отделам, а ведать этими отделами поручил мдиванбегам. Иоанну Орбелиани было вверено школьное дело и книгопечатание, Теймуразу Цицишвили — судопроизводство, Чабуа Орбелиани — государственный архив, мдиванбегу Рамазу — горнорудное дело. Далее Давид постановил, чтобы и мдиванбеги являлись к нему ежедневно с докладом о ходе порученных им дел.

Последнее распоряжение вызвало недовольство сановников: они лишились возможности видеть царя с глазу на глаз. Теперь им доводилось встречаться с Ираклием лишь во время совещаний, где было не так легко вести с ним тайные разговоры. Сначала никто не понял истинного смысла нового распоряжения, но вскоре противники Давида почувствовали, к чему это привело, и возмутились. Они попадали в подчинение к царскому зятю, а с этим никто из них и, в первую очередь, родственники Давида Орбелиани, не хотели согласиться. Начались тайные переговоры, беганье с жалобами к царице Дареджан. Однако в первое время положение оставалось неизменным. Недовольные не могли найти повод, который позволил бы им поколебать положение Давида: Ираклий с улыбкой слушал царицу, но советов ее не принимал.

Все это не могло не отразиться на отношении к Грузии подвластных ей ханов и соседних владетелей. Не проходило месяца, чтобы кто-нибудь из них не явился в сопровождении многочисленной свиты к Ираклию для изъявления покорности или дружбы. Ираклий оказывал высоким гостям широкое гостеприимство, устраивал в честь их пиры, охоту, джигитовку, представления клоунов и акробатов и щедро одарял не только каждого из своих гостей, но и всех членов свиты.

К царю один за другим явились эриванский хан Гусейн Али, которому надо было покаяться перед Ираклием во многих грехах, правитель Ганджи — Мамед-хан, повелитель далекой Хои — Ахмед-хан, шакский правитель — Хаджи-Юсуф, дед которого Хаджи-Чалаб некогда был в кровной вражде с Ираклием, и, наконец, уже поздней осенью — владетель Карабаха — Ибрагим-хан. Последнего ввиду отсутствия Ираклия принимал царевич Леван. Узнав, что Ибрагим-хана сопровождает известный азербайджанский поэт Вагиф, Леван поручил его попечениям Бесики.

Вагиф оказался веселым собеседником. Он попросил Бесики показать ему город и добавил, что хочет усладить себя прекрасным зрелищем.

Бесики сначала сводил поэта в баню, где он выкупался в горячей серной воде, бьющей из недр земли. Вагиф пришел в изумление. Ничего подобного он никогда не видел.

— Теперь я понимаю, почему все ваши женщины и мужчины так прекрасны! — сказал Вагиф. — Поразительно! Это не вода, а источник жизни и красоты. Аллах всемогущ, и сила его неизмерима. Наверно, он создал эту воду для райских гурий, а люди завладели ею.

После осмотра бань поэты направились во дворец. Вагиф с жадным любопытством смотрел на женщин, которые, не в пример азербайджанским женщинам, ходили с открытыми лицами, и на каждом шагу выражал перед Бесики свой восторг. Они проходили мимо Сионского собора, когда молящиеся выходили из него после обедни.

В числе других женщин из храма вышла Агико и, улыбнувшись Бесики, прошла мимо них. Вагиф проводил ее взглядом и слегка дрожащим голосом спросил:

— Кто эта женщина? Неужели это — земное существо? А может быть, ваш бог создал Грузию для того, чтобы повергнуть в прах ислам? Если аллах единственный бог во вселенной, то как мог он допустить, чтобы такие прекрасные существа были христианками? О аллах! Я отступаю от тебя!.

Вечером во дворце был дан пир. По заведенному порядку, на такой пир можно было попасть только по приглашению царя или правителя двора. Ираклий всегда с большим вниманием составлял список приглашаемых лиц, чтобы не забыть никого из вельмож, которым хотел оказать честь сидеть с ним за одним столом. Придворные обычно с трепетом ждали приглашений: быть или не быть званым на царский пир значило очень многое для каждого. Не попасть за царский стол считалось настоящим несчастьем..

Левану все это было прекрасно известно, но он приказал дворецкому пригласить только самых близких к нему вельмож. Поэтому в число приглашенных не попали многие придворные сановники и даже некоторые родственники царской семьи.

Вечером, когда пир во дворце был в полном разгаре, Чабуа, которому не сиделось дома, вышел прогуляться: он был крайне возмущен тем, что его обошли приглашением. Пройдя узкий переулок, где находился его дом, он пошел вдоль Серебряного ряда. Золотых дел мастера почтительно приветствовали вельможу, а цеховой голова Степанэ с удивлением спросил его:

— Почему вы не на пиру, ваше сиятельство?

— Не на пиру?.. Ах, да..— с равнодушным видом процедил Чабуа и махнул рукой, как бы говоря: «Надоели мне эти пиры».

Выйдя на дворцовую площадь, Чабуа решил пойти в собор к вечерне. Навстречу ему ехала рысью группа всадников. Он посторонился, чтобы дать им дорогу. Внезапно одна из лошадей остановилась вплотную около него. Женщина в черной одежде, сидевшая на лошади, спросила его:

— Неужели я так изменилась, что и близкие не могут меня узнать?

— Анна! — воскликнул Чабуа. — Это вы! Как мог я узнать вас, дорогая, вы нарядились во все черное, точно монашенка!

Анна легко соскочила с лошади, бросила поводья стремянному и вместе с Чабуа направилась ко дворцу. Вооруженная стража почтительно пропустила их.

Чабуа хотел тут же попрощаться с Анной, но она не отпустила его.

— Пойдем со мной! — сказала она. — У меня к тебе есть важное дело.

Оба они неспешным шагом поднялись по мраморной лестнице во второй этаж, прошли сводчатую галерею и очутились в другой, круглые окна которой выходили в большой зал. У окон столпились женщины и с любопытством глядели вниз, на пирующих. При виде Анны и Чабуа они вскрикнули и стайкой, словно испуганные ласточки, выпорхнули из галереи.

Анна бросила взгляд в окно и спросила Чабуа:

— Что там происходит?

— Царевич Леван устроил пир в честь карабахского хана.

— А почему ты не с ними? — спросила Анна, с лю-

бопытством разглядывая пирующих и, по-видимому, ища кого-то среди них.

— Я ведь не зурнач, чтобы быть званым на такой пир. Я только придворный и мдиванбег.

— Как ты сказал? — с удивлением взглянула на него Анна. — Почему ты должен быть зурначом?

— А потому, милая моя Анна, что теперь к сановникам относятся, как к зурначам, а зурначей почитают, как вельмож.

— Не понимаю! — Анна снова поглядела в окно и, по-видимому заметив того, кого искала, долго с напряженным вниманием следила за ним, прикусив нижнюю губу. Потом отвела взгляд от окна и спросила Чабуа:

— О ком ты говорил? Где государь?..

— Его величество изволил уехать в Ахталу — осматривать медные рудники.

Анна отошла от окна и направилась к своим покоям. Чабуа последовал за ней.

После отъезда Левана в Россию Анна лишь один раз приезжала в Тбилиси и то всего на несколько дней. Все остальное время она провела в Дманиси. Первое время она целые дни читала книги и молилась. Гостей принимала редко и даже не вмешивалась в домашние дела: ими распоряжалась Гульвардис. Верная служанка отдавала распоряжения даже управляющему Росабу.

Лишь через год Анна получила письмо Бесики, посланное с дороги, в котором он просил прощения за то, что не мог повидать ее перед отъездом, и сообщал, что царевич не согласился освободить его от поездки в Петербург.

Если бы письмо Бесики пришло вскоре после отъезда посла, Анна, возможно, изорвала бы его на мелкие клочки: оправдания были еще более оскорбительны, чем сам отказ. Но время уже сделало свое, и письмо Бесики теперь только успокоило Анну. Оно оказалось целительным бальзамом для сердечной раны, начинавшей затягиваться. Анна отдалась чувству ожидания. Она заметно оживилась, даже повеселела и занялась кое-какими делами. Стала вызывать управляющего для отчета, лично руководила застройкой деревень и несколько раз объехала все свои поместья.

Все это смягчало ее тоску. Время летело незаметно, и, узнав о возвращении Левана и Антония, Анна даже

удивилась тому, что два с половиной года прошли так быстро. Она собралась было в Тбилиси, но раздумала: поездка в город в такую жару показалась ей утомительной, да и незачем было давать Бесики повод думать, что она приехала ради него. И Анна решила терпеливо ждать, в уверенности, что Бесики каким-либо образом постарается увидеться с ней или по крайней мере пришлет ей письмо. В привычном для нее ожидании опять незаметно прошло много времени. Но однажды в солнечный морозный день сердце Анны сжалось внезапной тоской. Она вдруг поняла, что больше не существует для Бесики, что все ее ожидание — самообман, что возлюбленный потерян для нее с того самого дня, когда уехал в Россию.

Потом она вдруг вспомнила, что Анико в Мухрани и часто наезжает в Тбилиси, живет во дворце, хотя ее муж останавливается, как обычно, у царевича Георгия...

Анна приказала седлать лошадей...

По дороге ее преследовала навязчивая картина: вернувшись неожиданно во дворец, она открывает дверь своей спальни и застает там Бесики вдвоем с Анико. С мучительным, но вместе с тем опьяняющим чувством мстительного удовлетворения представляла себе Анна их испуганные, растерянные лица, искаженные страхом возмездия, их унижение...

Она так привыкла к этой воображаемой картине, что когда через круглое окно галереи увидела Бесики среди пирующих, то испытала разочарование. Ей было как будто жаль, что предвкушение мести не оправдилось. Анико она не застала во дворце. Служанка доложила ей, что внучка ее уже несколько дней гостит у Тамары.

Это известие не только не успокоило, но еще более раздражило Анну. Она уже не надеялась вновь завоевать сердце молодого поэта: ею сейчас руководило только чувство ненависти. Она во что бы то ни стало хотела уличить Анико и Бесики в преступлении и искала точных улик. Ей нужно было завладеть письмами, которые они, должно быть, писали друг другу, узнать, как часто и где они встречаются.

Анна пригласила Чабуа сесть, а сама вышла в соседнюю комнату в сопровождении служанки и, едва успев снять шубу, кинулась к маленькой шкатулке Ани-

ко. Шкатулка была заперта. Служанка подала связку ключей, но Anne сейчас было не до того, чтобы подбирать их по одному. Она схватила маленький кинжал, лежавший рядом, просунула лезвие под крышку и нажала. Крышка с треском отскочила, Анна схватила груды лежавших в шкатулке писем и принялась нетерпеливо их перебирать. Свои собственные письма она узнавала с первого взгляда и отбрасывала в сторону, остальные же внимательно просматривала. Писем Бесики в шкатулке не оказалось.

Служанка, дрожа от страха, наблюдала за княгиней.

— Где же еще она держит свои письма? — спросила Анна, собирая листки и складывая их обратно в шкатулку. — Не слышишь? Тебя спрашивают!..

— Не знаю, ваша светлость!

— А в кого она влюблена, этого ты тоже не знаешь?

— Ах, боже мой, как вы можете говорить такое, ваша светлость! — ударила себя по щеке служанка. — При таком супруге, как у нее... разве можно...

Анна с презрением поглядела на молодую служанку: «Ну, конечно, это наперсница Анико: от нее не добьешься правды даже пыткой».

— Ступай, скажи Гульвардис, чтобы она поручила арбы Мгелике, а сама немедленно пришла сюда!

— Я сообщу царевне о вашем приезде.

— Делай, что тебе приказывают! — нахмурила брови Анна. — Она и без тебя узнает.

Служанка бросилась вон из комнаты. Анна собралась было продолжить поиски, но, вспомнив, что в соседней комнате ее ждет Чабуа, вышла к нему.

— Извини меня, Чабуа, — сказала она мдиванбегу и, подобрав подол платья, села рядом с ним. — Признаться, дорога очень утомила меня. Чем трястись на арбе, я предпочла ехать верхом и теперь едва держусь на ногах...

— С непривычки, конечно, трудно...

— Что нового у вас? Я так одичала в деревне, совсем не знаю, что делается на свете.

— Что же вам рассказать? Новое у нас — постоянная воинская служба.

— Об этом я знаю.

— Помещики жалуются: не все ли, мол, равно — волк тебя загрызет или волкодав?

— Почему так?

— А потому, что люди отбились от работы, земля не вспахана, поля не засеяны. Чем же голод лучше дагестанских горцев? Давид воображает, что сделал великое дело для страны, и задрал нос, точно не царь Ираклий, а он является главой страны. А какие порядки завел при дворце! Только и старается, что на каждом шагу оскорбить нас. Без разрешения нам нельзя теперь даже войти во дворец.

— Кому? Вам? Мдиванбегам?..

— Испокон веков доступ к царю был свободен для мдиванбегов, а теперь... Стоит ли говорить?.. Зато ликут шуты и свирельщики. Разгуливают по дворцу, точно члены царской семьи. Впрочем, от Бесики всего можно ожидать. Ведь он заслужил любовь царевича тем, что приводит к нему, простите за непотребное выражение, потаскух со всего города!

— Как?.. Что ты мне сказал, Чабуа? Всем известно, что царевич неводержан и падок до женщин, но неужели...— Анна не решилась выговорить слово «потаскушка»,— неужели он может прикоснуться к дурной женщине? Боже, что я слышу! Как он мог дойти до этого?

Анна собиралась еще что-то сказать, но тут в комнату вбежала Анико, бросилась бабушке на шею и, прежде чем Анна успела что-нибудь сообразить, покрывала ее поцелуями.

— Милая, родная бабушка, нет, не бабушка, а мама, как я рада, что ты приехала! Я уж думала, что никогда тебя не увижу! — Анико села рядом с Анной и стала восторженно разглядывать ее.— Как ты поживаешь, милая моя, хорошая? — И Анико, обняв бабушку, прижалась щекой к ее щеке.

— погоди ты, сумасшедшая! — сказала Анна и невольно улыбнулась внучке: — Где ты была?

— У Тамары. Она сейчас придет, ей только нужно переодеться. Я тотчас полетела сюда, не стала ее дожидаться. Но почему ты такая хмурая?..

На следующий день Ираклий неожиданно прибыл в Тбилиси.

Во дворце только что закончился пир. Гости разошлись по домам. Слуги убирали стол и лакомились

обильными остатками кушаний. Они передавали друг другу шашлык, сладкий плов, нетронутые куски жареных фазанов и цыплят и провозглашали тосты друг за друга. Этот новый пир был в разгаре, когда в дверях вдруг раздался испуганный голос одного из слуг:

— Государь приехал!..

У ворот царя никто не встретил, кроме дежурного юзбаша. Оказалось, что домоправитель спустился в кухню, а все остальные придворные спали крепким сном после пира. Возвращение государя оказалось неожиданным для всех.

Ираклий молча поднялся по лестнице в большой зал и так же молча окинул взглядом слуг, застывших в почтительных позах с низко склонёнными головами.

Дежурный юзбаш вполголоса доложил царю о приезде карабахского хана и о пире, устроенном в честь гостя царевичем Леваном. Ираклий молча выслушал юзбаша и прошел в свои покои. Молчание царя не предвещало ничего доброго.

Юзбаш понял, что государь не в духе. Он поделился своими впечатлениями с домоправителем, который тем временем прибежал из кухни и не знал, как поступить: войти к государю без зова или дожидаться, пока его позовут. После недолгого колебания он решил подождать, пока царь позовет его.

— Ступай, порасспроси у тех, кто приехал с царем, — что он?.. В каком настроении?.. А я тебя подожду, — сказал правитель юзбашу.

— У государя дергалось левое плечо! — сказал юзбаш.

— Горе нам! Значит, государь и впрямь сильно разгневан. Над чьей же головой грянет гром?... Горе тому, несчастному, — прошептал домоправитель и перекрестился. — Господи, помилуй!..

Резко зазвонил колокольчик. Дворецкий, торопливо крестясь, бросился на зов государя.

Ираклий, который уже успел переодеться в домашнее платье, смотрел в окно на город. Он бросил через плечо взгляд на домоправителя и снова повернулся к окну:

— Пировали? — спросил он, не оборачиваясь.

— Карабахский хан...

— Знаю! — прервал его царь. — Кто был на пиру?

— Царевич пожелал пригласить... ?

— Только своих друзей. Что делалось за столом?

— Все было хорошо, государь...

— Ибрагим воздавал Левану хвалу, а его придворный поэт сравнивал Левана с падишахом и говорил, что ему, Левану, следует быть царем... Сладким ядом одурманивают моего сына, чтобы вызвать в нем преступные помыслы против меня. Любопытно знать, кто внушил такие мысли карабахскому поэту?..

Домоправитель молчал, опустив голову. Ираклий отвернулся от окна и пристально поглядел на него.

— Почему ты молчишь? — спросил царь.

«Боже мой, — подумал дворецкий, — когда ему успели доложить обо всем?»

— Как пел ему этот чужестранец? «Ты достоин быть падишахом»? Кто сидел рядом с ним?

— Не могу сказать, не помню, — домоправитель напряжением памяти старался восстановить в уме картину пира. — Кажется, Бесики...

— Бесики, Бесики... — прервал его Ираклий, словно что-то вспомнил при этом. На мгновение он задумался и молча глядел в пространство. — А Чабуа был приглашен?

— Нет, государь.

— Попроси его прийти ко мне завтра в одиннадцать часов.

Домоправитель собрался было уходить, но Ираклий знаком приказал ему следовать за собой и медленным шагом вышел из комнаты. Он шел по галерее и всматривался во все и во всех странным, пристальным взглядом. Попадавшие ему навстречу слуги низко склоняли головы. Колени у них подгибались от страха, они казались восковыми фигурами.

Ираклий молча прошел одну галерею и с площадки лестницы оглядел вторую. Заметив проходившую по ней служанку Анны, он вопросительно посмотрел на домоправителя.

— Ее светлость княгиня Анна Орбелиани, — доложил скороговоркой домоправитель, — изволили сегодня приехать из Дманиси.

Ираклий внезапно свернул в галерею, которая вела к комнатам сестры.

Служанка, издали увидев государя, помчалась со всех ног докладывать госпоже.

— Слава богу, хоть раз вспомнил обо мне! — сказала Анна брату, когда тот вошел к ней в комнату. — Но, может быть, ты просто сбился с дороги?

Ираклий обнял ее.

— Как поживаешь, дорогая сестра? Я, кажется, пришел не вовремя? — И царь показал глазами на девушку, которая перед его приходом заплетала Анне косы, а сейчас почтительно стояла в сторонке, опустив голову.

— Ничего, мы уже кончаем. — Анна сделала служанке знак уйти, а сама быстрыми движениями пальцев стала доплетать одну из своих многочисленных тонких, как шнурок, и длинных косичек. Она почувствовала, что Ираклий сейчас в таком расположении духа, когда самое лучшее не попадаться ему на глаза. — Я вижу, что кто-то рассердил тебя! — сказала она. — Садись, садись, ты никуда не торопишься?

— Никто меня не рассердил! — сказал Ираклий. — Сама жизнь меня сердит, милая сестра.

— Боже милостивый! Почему же она должна тебя сердить? У тебя, по-моему, нет причин быть недовольным. С турками ты в мире, с персами — тоже, русская императрица дружит с тобой, внутри страны все покорны тебе...

— Ты так думаешь? — прервал ее Ираклий.

— Одна только мачеха не подчинилась тебе, но ты...

— Ее-то я и должен благодарить за воспитание моего любимого сына! Еще молоко не обсохло у него на губах, а он уже думает отнять у меня престол...

— Полно! — сказала Анна с улыбкой. — Как ты только мог подумать об этом? Должно быть, кто-нибудь донес тебе на Левана. Разве можно верить доносчикам?

— Если бы я обращал внимание на доносы, мне пришлось бы поверить, что ты действительно сделала этого юнца Бесики своим любовником.

— Боже мой! — вырвалось у Анны. Она смертельно побледнела и едва не упала в обморок.

Ираклий испугался. Он тут же стал просить у сестры прощения, сказав, что не должен был передавать ей дворцовые сплетни, и постарался поскорее переменить разговор. Но Анна больше не слушала его. Бледная, с

широко раскрытыми глазами, глядела она в пространство, вдыхая запах надушенного шелкового платка...

— Пойдем посмотрим моих львов,— сказал Ираклий сестре и взял ее за руку. — Они, должно быть, так выросли, что могут съесть целого буйвола.

Анна пошла с ним, хотя ноги плохо подчинялись ей.

По дороге Ираклий всячески развлекал сестру и даже старался шутить, но его плохое настроение не только не проходило, а, напротив, ухудшилось еще больше. Сейчас он сердился на себя за то, что невольно выдал свою супругу, сообщившую ему о любви Анны к Бесики. Он мог оказаться виновником смертельной вражды между Анной и Дареджан. Анна, конечно, сразу сообразила, что подобные разговоры с государем никто не посмел бы вести, кроме царицы.

Они спустились во двор и направились к реке. Там, в глубине сада, виднелась небольшая каменная площадка с круглым куполом посредине. Это была крыша подвала, выходявшего одной стороной на берег Куры: только отсюда можно было войти в него.

Как только домоправитель увидел, что царь направляется к клетке, в которой содержатся львы, он тотчас же послал слугу за старшим сокольничим. Когда Ираклий и Анна приблизились к куполу, появился и сокольничий, почти бежавший навстречу царю и на ходу поправлявший одежду. Ираклий едва взглянул на него и, склонившись над куполом, стал смотреть в оконце. Однако сначала нельзя было ничего разобрать в полутьме.

— Сейчас я открою ставни окна, что со стороны реки, ваше величество, так вы ничего не увидите,— сказал сокольничий и сбежал по ступенькам.

Через некоторое время послышался стук открываемых ставен. Ираклий и Анна одновременно заглянули в маленькое оконце и ясно увидели весь подвал. Испуганные стуком и ослепленные резким светом львы со страхом смотрели на окно с железными решетками. Один из них стоял, другой, распластавшись на полу, бил по камням тяжелым хвостом. Из окна поднимался тяжелый смрад. Пол подвала был усеян множеством костей.

— Если я вовремя не переведу их отсюда, они задохнутся от собственного смрада,— сказал Ираклий.

— Куда ты хочешь их отправить? — спросила Анна.

— В Телави. Я помещу их в большой башне,— от-

ветил Ираклий и снова стал смотреть в оконце. — Разве пристало царю зверей жить в неволе, да еще в такой грязи?

— Они совсем не страшные,— сказала Анна.

— Как и все цари, правда? — засмеялся Ираклий, и плечо его странно задергалось.

— Мне кажется, если я подойду и приласкаю их, они не тронут меня.

— Может случиться, что они даже поцелуют тебе руку. У львов такой обычай,— пошутил Ираклий. — Тому, кто подойдет к ним, чтобы приласкать, они целуют протянутую руку.

Вслед за сокольничим подошел перс Файзулла, которого Керим-хан прислал вместе со львами, чтобы ходить за ними. Файзулла приветствовал царя, опустившись перед ним на колени, и поцеловал край царской одежды. Столь же благоговейно, но издали, он приветствовал и Анну.

— Быстро подрастают наши львы, Файзулла! — обратился Ираклий к персу. — Но почему они без грив? Разве это две львицы?

— Нет, государь, львица только одна, другой — лев, но он еще слишком молод, чтобы иметь гриву. Она отрастает у льва только на третий год...

— Неужели правда? — удивилась Анна и стала вглядываться в животных, точно стараясь отличить льва от львицы.

— Их сегодня еще не кормили, государь, и потому они сердятся,— продолжал Файзулла. — Я прикажу слугам принести мяса.

— Постой! — остановил его Ираклий. — Будут они охотиться, если впустить к ним живую козу?

— О! — улыбнулся Файзулла. — Ваше величество сейчас же может собственными глазами увидеть, как охотится царь зверей!

Файзулла ушел и вскоре возвратился в сопровождении слуги, который вел на веревке большого козла.

Подвал, служивший помещением для львов, имел две двери; одна из них выходила на дворцовый двор, рядом с лестницей, спускающейся к берегу Куры. Дверь эта была загорожена железной решеткой, но между железными прутьями можно было протолкнуть козла. Слуги легко втокнули животное в обиталище львов. Запах,

который стоял в клетке, встревожил козла: он сейчас же прыгнул к окну, зацепился за решетку передними ногами, а задними стал скрести стену, чтобы подтянуться к отверстию между прутьями.

Почувствовав, что бежать через окно невозможно, козел, охваченный смертельной тоской, пронзительно заблеял. Ослабевшее тело его медленно стало сползать вниз.

Оба зверя не шевелились и с недоумением смотрели на застывшее в страхе животное. Но как только раздалось блеяние козла, львы одновременно сорвались с места. Один из зверей, тот, который находился ближе к окну, опередил другого. Мощным прыжком перенесся он к окну, взвился вверх — и зубы его сомкнулись на горле жертвы. Схватив козла, лев прыгнул назад с такой легкостью, точно нес в пасти клочок шерсти, а не двухпудовое животное.

— Вот так малыш! Видела? Словно перышко, подхватил огромного козла! — сказал Ираклий и отошел от окошка.

Анна с минуту еще продолжала смотреть в окошко, но потом закрыла глаза рукой и отшатнулась. Из подвала послышался львиный рык.

— Что, подрались? — спросил царь. — Как бы они не разорвали друг друга.

— Нет, великий государь, — ответил перс Файзулла, — это брат и сестра, они не причинят вреда друг другу.

Ираклий вздрогнул: ему почудился особый смысл в этих словах. Он бросил на Анну быстрый взгляд, левое плечо его снова свела судорога.

Во дворце воцарилась тишина, не предвещавшая ничего доброго. Весть о том, что государь в гневе, мгновенно облетела комнаты, залы, галереи и башни дворца. Все умолкли и притаились. Слуги разговаривали шепотом, ходили на цыпочках, поминутно крестились, старались вообще не показываться господам на глаза.

Леван еще сладко спал после хмельной вчерашней ночи, когда в комнату вошел Бесики и стал будить его, чтобы сообщить ему о приезде государя. Царевич сладко потянулся, едва раскрыл глаза и снова хотел было по-

грузиться в сон, но Бесики не отставал от него и тряс что было мочи.

— Что, тебе жизнь надоела?—закричал Леван, приподнявшись на постели и устремив на Бесики грозный взгляд.

— Мне-то не надоела, а вот, если вы, ваше высочество, дорожите головой, советую вам поскорее подняться. Государь сильно разгневан, и никто не знает, по какой причине.

— Сильно разгневан?..

— Так говорят. Он приехал рано утром и, никому не сказав ни слова, прошел прямо в свои покои. Потом он вышел и направился к княгине Анне...

— А разве Анна здесь?.. Ах, да,—вспомнил Леван, —ведь она приехала вчера вечером. Ну, что ж дальше?..

— Больше я ничего не знаю.

— А почему ты так бледен? Ты-то чего испугался? Дай мне одеться. Впрочем, лучше немного подождем. Сделаю вид, что сплю... Ты тоже оставайся пока здесь, скажи слугам, что я сплю, и позаботься, чтобы меня никто не смел тревожить. Тем временем государю попадет-ся под руку кто-нибудь из придворных или слуг, он устроит хорошую встряску своей жертве, и гнев его сразу утихнет. Должно быть, какой-нибудь донос...

— Совершенно верно. И знаете, о чем?

— О чем?

— О вчерашнем пире. Ему донесли, что вы держали себя как царь и что карабахский хан пожелал вам поскорее взойти на грузинский престол...

— Что за глупости! — вскричал Леван и вскочил с постели. — Любопытно знать, кто мог рассказать отцу такую чепуху?

— Соглядатаев у царя много...

— Для чего ему соглядатаи, которые лгут? погоди, я немедленно обо всем разузнаю, и доносчику несдобровать...

— Что пользы бороться с доносчиками? Уничтожьте одного — появится другой. Не станет второго — появится третий, четвертый, пятый, десятый, сотый... Со всеми не управишься. Да и как узнать, кто доносчик? Спросить у государя?..

Леван устремил на Бесики пристальный взгляд. С

минуту он стоял, не двигаясь, потом сердито махнул рукой, повалился на постель и уставился в потолок.

— Значит, лучше молчать?..

— Да, лучше молчать. Мне кажется, что не в этом причина государева гнева. Другое тревожит меня...

Бесики подошел к окну и стал смотреть во двор.

Никогда еще не чувствовал он такого страха перед будущим. Когда ему сказали, что государь пожелал видеть свою сестру, сердце его затрепетало, колени его дрожали так сильно, что он едва дошел до спальни Левана. Инстинкт самосохранения подсказывал ему, что нужно делать: спуститься во двор, вывести из конюшни лошадь, сесть на нее и, чтобы не возбуждать подозрений, медленно, шагом выехать из дворцовых ворот. Стража решит, что он едет куда-нибудь недалеко по поручению Левана. Выбравшись из дворца, нужно так же спокойно проехать через город, а миновав заставу, хлестнуть лошадь и помчаться по дороге без оглядки...

Беседа с Леваном на мгновение заставила Бесику забыть об этих мыслях, но скоро желание бежать овладело им с новой силой, и он машинально подошел к окну, чтобы убедиться в том, можно ли незамеченным спуститься во двор. Там он увидел Ираклия и Анну, о чем-то оживленно беседовавших. Царь и его сестра направились к подвалу, где содержались львы, и через окошко в куполе стали глядеть на зверей. Бесики видел, как государь подал знак Файзулле и как привели красивого большерогого козла, как бросили его львам. По саду разнеслось душераздирающее блеяние обреченного животного.

Леван приподнялся на постели и спросил, что случилось.

— Ничего особенного, — ответил Бесики. — Живого козла бросили львам.

— Вот оно что, — недовольно протянул Леван и снова улегся на постель. — Житья не стало от этих львов. Развели такой смрад, что в сад нельзя выйти. Хорошо, что их скоро отправят в Телави...

Бесики следил взглядом за Анной и Ираклием, которые отошли от львиной клетки, миновали дворцовый сад и вошли во дворец. Никогда раньше Бесики не ощущал с такой остротой царственного величия этих двух людей.

Теперь только понял Бесики, каким счастьем было для него покровительство Анны. Как он был неосторожен в своих отношениях с ней! Царственная женщина полюбила его, а он по юношескому легкомыслию так небрежно, почти презрительно обошелся с ней: Бесики вспомнил, что прошло уже больше года после его возвращения из России, а он ни разу даже не написал ей в Дманиси. И Бесики испуганно засуетился.

Он вышел в свою комнату и поспешно переоделся в новое платье — то, в котором был на пиру. Погруженный в невеселые мысли, он долго расчесывал перед зеркалом свои волосы. Очнувшись от дум, взглянул он на гребень и изумился: среди волос, приставших к гребню, блестело несколько седых нитей. Бесики придвинулся вплотную к зеркалу и стал внимательно рассматривать свое лицо. Он так обрадовался седине, как будто с ее появлением все в его жизни должно было измениться. Теперь, когда у него седина в волосах, он уже не юноша, и это, наверное, будет приятно Анне.

Он немедленно отправился искать Анну. Узнав от слуги, что она вернулась во дворец, он попросил доложить о себе. Слуга весело побежал, чтобы передать его просьбу, но сразу же вернулся. С минуту он недоуменно глядел на поэта и наконец проговорил:

— Княгиня не хочет вас принять... Сама придет, сказала, посмотреть на вас, на мертвого. Такая злая, что подступиться к ней нельзя!..

Теперь уже Бесики было ясно, что только бегство может спасти его. И, однако, он твердо знал, что не сдвинется с места. Он чувствовал, что, подобно зачарованной птице, не шевельнет крыльями, пока его не запрут в клетку. Да и как бежать, если царские согладатки уже следят, несомненно, за каждым его движением.

— Чем вы ее рассердили? — спросил слуга.

— Ничем. Должно быть, ее светлость просто не в духе. — Бесики отошел от слуги и, едва передвигая ноги, поплелся в свою комнату.

Все последующие дни он жил как в тумане. Он потерял ощущение времени, не отдавал себе отчета в своих поступках, не соображал, с кем и о чем говорит.

Так прошло несколько дней, и хотя все во дворце ожидали, что гнев царя разразится вот-вот над чьей-нибудь головой, все обошлось благополучно. Правда,

Ираклий был чем-то разгневан, но с обычным прилежанием занимался делами. В первый же день после его приезда взволнованный Леван вбежал к нему и заявил, что готов наложить на себя руки от отчаяния, узнав, как его оклеветали перед государем и отцом. Ираклий спокойно выслушал сына, сказал ему несколько ласковых слов и, с улыбкой взглянув ему в лицо, потрепал по щеке. Ожидаемой ссоры между отцом и сыном не произошло.

Причина дурного расположения царя была не в людях. В течение последних лет у него накопилось большое количество долгов. Теперь, когда внешние и внутренние дела государства поправились, кредиторы царя почтительно, но настойчиво стали напоминать ему, что пора расплатиться с долгами. Правда, главный царский кредитор ага Ибреим согласен был ждать, но зато мелкие займодавцы не давали царю покоя. Война с Турцией обошлась более чем в полмиллиона рублей. Военная добыча не покрыла и четверти расходов. Ираклий написал императрице, надеясь, что она возместит ему затраты из сумм, которые Турция должна была заплатить по мирному договору. Ответ императрицы запаздывал, проценты по займам нарастали, кредиторы отказывались дольше ждать. Между тем царская казна была пуста. Подвластные Грузии области не платили податей в срок, а то, что поступало из них, сразу же уходило на неотложные нужды. Ахтальская руда не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Греки едва выплавляли из нее серебра на полтораста туманов, затратив на уголь около ста. Они уверяли царя, что так всегда бывает в начале разработки рудника, что скоро они подойдут к главной жиле и тогда будут получать по фунту чистого серебра из каждых десяти фунтов породы. Но пока что все это было гадательно, и Ираклий не возлагал серьезных надежд на ахтальское серебро.

Необходимо было немедленно найти какой-нибудь выход из положения. Царь созвал мдиванбегов на совет, но они не сказали ничего дельного. Чабуа по-прежнему надеялся на помощь русской императрицы. Иоанн Орбелиани рассчитывал на серебряные и золотые рудники.

Это напрасное совещание расстроило Ираклия еще больше. Он видел, что, если так продолжится, придется продать все свое имущество и даже семейные драгоценности, чтобы только избавиться от кредиторов.

Однажды, когда царь сидел у себя в кабинете, предаваясь мрачным размышлениям, к нему явился Осепа. Он пришел по поручению армянского епископа, который приказал ему передать Ираклию тысячу туманов, пожертвованных армянским духовенством. Епископ следовал примеру католикоса Антония, который вручил царю три тысячи туманов на государственные нужды. Но за этим скрывалась и другая цель: армянское духовенство добивалось запрещения деятельности католических миссионеров в Грузии. Ираклий тотчас же сообразил, что из этого дела можно извлечь пользу, и со вниманием выслушал Осепу.

— Поглядите, что они творят! — говорил Осепа. — Скоро в наши армянские церкви будут заходить одни священники, а прихожан у них совсем не останется. Разве это хорошо? С незапамятных времен мы, армяне и грузины, живем общей жизнью и одинаково славим господа нашего Иисуса Христа. А теперь наша паства говорит: «Мы католики...» Слыханное ли дело? Клянусь жизнью, эти католические патеры врут: они никакие не врачи. Они не лечат людей, а обманывают их, чтобы совратить в свою веру. Много они понимают во врачевании!

— Что же я могу сделать, мой Осепа? — ответил Ираклий. — Ведь не мною это заведено. Вот уже более двухсот лет католические миссионеры проповедуют в Грузии. Они не делают никакого вреда и приносят нам много пользы, тогда как армянские ростовщики совсем задушили меня...

— Что вы, государь?

— К сожалению, это так...

— Ну что ж... свое ведь просят — не чужое... Надо в их положение войти.

— А кто же мой должник? Мало ли я пролил крови за нашу землю и за всех вас? С кого мне ее спросить?

Осепа ничего не мог ответить на это. Он вынул из кармана пестрый шелковый платок, вытер пот, выступивший у него на лбу, и шепотом, точно сообщая большую тайну, проговорил:

— Пойду-ка я к епископу и скажу ему: дело это не малое, исполнить вашу просьбу не так просто. Пусть он поручится перед армянскими купцами за те двадцать тысяч туманов, которые вы им должны, а мы ему дадим вкладную или заемное обязательство. Поручите это де-

ло мне, государь, я сразу же примусь за него и ручаюсь за успех!.

Вечером Осепа вновь явился к царю и доложил, что епископ согласен избавить его от кредиторов-армян, если государь в свою очередь согласится запретить деятельность католических миссионеров и изгонит их из Грузии.

— Мы же, государь, дадим епископу заемное письмо на всю сумму долга с обязательством выкупить его в течение десяти лет. От процентов епископ отказывается. Лучших условий нельзя пожелать.

Иракий не дал сразу ответа. Он хотел посоветоваться с Антонием.

Солнечная погода внезапно сменилась ненастьем. Дождь, начавшийся ночью, моросил весь день без перерыва. Порывами дул холодный ветер, гнавший по небу лохматые тучи. Дороги тонули в непролазной грязи. На улицах блестели лужи. Горожане не выходили из домов. Город точно вымер.

На шумных тбилисских базарах стало безлюдно, непривычно тихо. На пустых площадях изредка появлялись разносчики со своими ослами. Они согревали под мышками мокрые озябшие руки и выкрикивали охрипшими от стужи голосами:

— Угли! Угли!

Купцы и ремесленники заперлись в лавках и мастерских. Одни занимались своим делом, другие грелись возле жаровен, не зная, как убить время. Даже в кабаки никто не заглядывал, и только игорные дома были полны народу. Тут с утра до вечера играли в карты, в нарды, шахматы, слышался сухой стук катящихся по доске костей, выкрики игроков и галдеж зрителей, наблюдавших за игрой. Шахматисты сидели молча, с напряженными лицами, уставясь в доски.

Тбилисцы считали, что плохая погода приносит неудачу в делах. Ремесленники в такие дни работали вяло, большую часть времени отдавали болтовне, обмениваясь новостями и сплетнями.

— Слышали, армянский епископ и католические патеры рассорились. Говорят, просят государя, чтобы он их рассудил.

— Мало того! Толкуют, что католикосе Антоний уже

созвал священников со всей Грузии, чтобы обсудить эту свару..

— Да, похоже, что это правда: город полон священников, набрались отовсюду — едут на лошадях, идут пешком.. Если пройдешь около Сионского собора, подумаешь, что попал на вороний пир..

Священники, действительно, несмотря на непогоду, прибывали в Тбилиси один за другим в течение всего дня. Митрополитов и епископов сопровождала свита, а некоторых даже военная охрана.

Церковный собор был созван католикосом для того, чтобы обсудить вопрос о затруднениях, создавшихся в книжном деле.

Антоний произнес длинную речь, в которой упрекал духовенство за то, что оно не заботилось о нравственном воспитании своей паствы и ничего не делало, чтобы просвещать народ и прививать ему любовь к духовным книгам. Вследствие этого не только среди мирян, но и в самом духовенстве возник разврат, укоренились дурные привычки.

— Из Бодбе в Тбилиси приезжает священник,— сказал католикос,— является в наш книжный склад и просит продать ему книгу «Тимсариани» царя Теймураза! Господи, спаси нас от греха! Я не мог узнать имя этого иерея, чтобы тотчас же лишить его сана... Нужно было бы для примера всенародно расстричь такого нечестивца.

— Это, наверное, был Зосим,— пропищал необыкновенно тоненьким голосом маленький бодбийский митрополит Иоанн и переложил посох из левой руки в правую. Он был вдвое ниже своего посоха и, сидя в кресле, напоминал сову, усевшуюся под деревом.— Давно пора расстричь богоотступника!

— Никозская епархия занимается перепиской греховных книг,— продолжал католикос.— Мне доставили одну такую книгу, переписанную неким иноком Тадеозом. Чего только вы не найдете в этой книжке! Греховные стихи изгнанного из дворца ашуга Саят-Новы, пустую и непристойную беседу двух вельмож, также написанную стихами, и еще бесчисленное количество всяких непристойностей...

— Инок Тадеоз? — удивился никозский епископ Афанасий.— Ваше святейшество, вы, наверное, говорите

о Давиде Амилахвари. Это он, постригшись в монахи, принял имя Тадеоза. Но что мне с ним делать? Посмею ли я упрекнуть отпрыска княжеского рода?..

— Церковь господа нашего Иисуса Христа не знает различия между рабом и свободным, князем и крестьянином! Архиепископ руставский, должно быть, почитает за честь переписку книги Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с греховными комментариями царя Вахтанга.

— Я никогда и не помышлял о том, чтобы ее переписать! — воскликнул дрожащим голосом тощий архиепископ Стефан.

— Не ты, но твои священники. Пусть никто не думает, что эта книга, принятая во дворцах вельмож и царей, не приносит вреда. Девушки и юноши, подражая Нестан и Тариэлу, влюбляются и пишут друг другу любовные послания. Чтобы быть красивыми, как Нестан, женщины красят себе лицо, мажут брови и ресницы сажей, срезают волосы у мертвых и вплетают их в свои косы, чтобы они ниспадали до пят. Замужние женщины, презрев святость брака, добиваются любви женатых, а вдовы бегают за юношами. Еще немного, и вся страна превратится в вертеп разврата. Эта книга, снабженная безбожными комментариями царя Вахтанга, должна быть уничтожена.

Арсений, митрополит тбилисский, сжал свою бороду в горсти, точно выжимая из нее воду, и сказал, обращаясь к католикозу:

— Греховные книги мы соберем и сожжем,— это дело легкое. Но как нам быть с придворным поэтом, который что ни день сочиняет новые стихи и распространяет их по всему городу? Был случай, когда какие-то подвыпившие люди вздумали петь его стихи в церкви!

— Кого вы имеете в виду?..

— Бесики, сына попа Захарии.

Католикос несколько мгновений смотрел на митрополита в упор, но ничего не ответил. Потом, окинув взглядом собрание, продолжал прерванную речь...

Совещание «святых отцов» затягивалось. Правда, вопрос о книгах на словах был разрешен: пастыри душ обязались всемерно распространять книги духовного содержания, во множестве накопившиеся в патриаршей типографии. Но тут же священники в свою очередь ста-

ли жаловаться католикусу на свои нужды и затруднения. Церкви были разорены, во многих храмах не было не только церковных книг, но даже образов, не говоря уже о дарохранительнице, у священников — облачения. От обнищавших прихожан не поступало никакого дохода, и пастыри, чтобы спастись от голода, часто должны были своими руками возделывать взятые в аренду клочки земли. Многих служителей бога трудно было отличить от крестьян. Что же удивительного, если какой-нибудь священник, под давлением нужды, переписывал развлекательную книгу для продажи, чтобы поддержать свою семью.

Антоний терпеливо выслушал все эти жалобы и уже собрался отвечать на них, когда вошедший послушник объявил о приезде государя.

Пастыри поднялись с мест и почтительно приветствовали царя. Ираклий подошел под благословение к каждому из епископов и занял место рядом с католикусом. Епископ бодбийский осведомился у государя о здоровье членов его семьи. Вслед за ним вступил в разговор епископ цилканский, а потом и другие. Во время этой беседы Ираклий, вспомнив, словно ненароком, просьбу армянского епископа, обратился к Антонию за советом, как поступить?

Антоний поморщился с неудовольствием. Он не мог посоветовать царю отклонить просьбу армянского епископа. Отец Бесики — Захария — обвинял его когда-то именно в склонности к католичеству: взять под защиту католических миссионеров перед собранием грузинского духовенства значило бы дать повод к новым подобным же обвинениям. Но вместе с тем Антонию не хотелось и поддержать просьбу армянского епископа: его тревожили участившиеся случаи перехода грузин в грегорианство. Изгнание католиков из Грузии устранило бы значительную силу, противодействующую армянскому духовенству, и привело бы к грегорианству немало православных грузин, особенно из числа укрывавшихся в городе крестьян, подмастерьев и всех тех, кто занимается торговлей.

— Господи, вошли язычники во владение твое и осквернили храм твой! — Антоний перекрестился и опустил голову. После довольно долгого молчания он спокойно, но сурово обратился к Ираклию:

— Я понимаю, в сколь тяжелом положении находится государство, знаю и то, что нельзя его улучшить, если царская казна пуста, но решать духовные дела, сообразуясь с доводами корысти, считаю недостойным. Эчмиадзинский патриарх без конца рассылает свои послания для оглашения в церквях, чтобы восстановить свою паству против католиков. Он запрещает армянам даже обмениваться приветствиями с католиками. Почему армянский патриарх так ополчился на католиков?

— Потому что он действует из корысти,— прервал его Ираклий,—заботится о своих священниках. Он боится потерять прихожан и лишиться доходов.

— Истинная правда, государь, но наши-то священники в чем провинились? Вот послушайте их — они доложат вам о своем бедственном положении...

— Разве я сам не знаю, ваше святейшество, как трудно им приходится? Именно поэтому, для благоденствия страны...

— Должны мы продать душу грегорианцам! — неожиданно воскликнул митрополит тбилисский, который отличался смелостью своих речей. — Зачем же мы осудили Захарию Габашвили, который денно и ночью призывал к изгнанию католиков из Грузии и сам был за это изгнан из наших пределов?

— Я уверен, что это дело рук Захарии,— пропищал епископ бодбийский.

Это глупое замечание вызвало улыбку даже у Антония.

— Захария тут ни при чем,—сказал католикос,—да и душу мы не продадим грегорианскому патриарху, если дадим согласие на то, чтобы католическим миссионерам запретили приобщать армян к римской церкви.

— Не только армян, но и грузин! — добавил Арсений.

— Да, и грузин,—подтвердил Антоний. — У нас имеются другие, гораздо более серьезные заботы. Мы должны выкорчевать немало плевел. В доме нашем поселился дьявол, и святая вера иссякнет в сердцах детей наших, если вовремя не пресечь зла...

Ираклий с недоумением глядел на Антония. Он не догадывался, чего добивается католикос. Наконец из витиеватых речей Антония он понял, что тот ополчается против некоторых светских книг и требует их уничтоже-

ния, не делая исключения даже для «Витязя в тигровой шкуре» с комментариями царя Вахтанга VI. Ираклий кинул быстрый взгляд на Антония.

— Впервые слышу, чтобы великую книгу Руставели называли источником зла и вместилищем порока. Значит, наши православные предки были слепы!

— Они не были слепы, государь!.. Я имею в виду не все книги Руставели, а те, в которых содержатся греховные комментарии царя Вахтанга VI. Эти книги ныне вновь смущают соблазном души христиан. Женщины бесстыдно красят себе лицо, а юноши самым непристойным образом поют девам о любви. Далеко незачем ходить — ваш придворный поэт посвящает вдовам любовные стихи...

Ираклий резко поднялся с места. Он подумал, что епископ понимает под «вдовой» Анну, и хотел оборвать разговор. Между тем католикос имел в виду стихотворение Бесики, посвященное вдове Малале. Оно распевалось по всему Тбилиси, и Антоний, поневоле обратив на него внимание, поручил одному из послушников записать стихотворение и показать ему. Оказалось, однако, что оно ничем не отличается от любых других подобного же рода стихов, на каждом шагу распеваемых ашугами. Антоний не обратил на стихи особого внимания, а сегодня лишь случайно, к слову, упомянул их.

Но слова католикоса поразили Ираклия в самое сердце. Сначала он рассердился на Антония, который, казалось ему, позволил себе оскорбительный намек на поведение сестры царя, но потом он обратил свой гнев против Бесики, наглость которого возмущала его.

— Да свершится воля вашего святейшества, — сказал он Антонию. — Светские книги должны быть рассмотрены церковным советом и наиболее греховные пусть будут изъяты. Все на земле подчиняется господнему промыслу, а исполнителями воли его являетесь вы, пастыри душ наших.

Ираклий поклонился присутствующим, быстро вышел на балкон и подозвал телохранителя.

— Ступай к начальнику мандатуров и передай мое повеление: Бесики взять под стражу и заключить в Метехи. Судья Теймураз Цицишвили пусть немедленно явится ко мне...

Анна собиралась уехать в Дманиси и ждала только хорошей погоды. Она торопилась закончить в деревне все свои дела и переехать на зиму в столицу. Истомленную одиночеством Анну пугали долгие и тоскливые зимние дни в дманисском замке. До сих пор жизнь ее была заполнена ожиданием: теперь ей уже нечего было ждать. Все свои книги она прочитала по два, по три раза. В Тбилиси она могла если не развлекаться, то хотя бы доставать новые книги. Да и государь просил ее остаться в столице, так как царица Дареджан, которая была снова беременна, собиралась провести зиму в Телави и дворец оказался бы без хозяйки. Анна догадывалась, что было и другое побуждение, которое заставляло Ираклия стремиться приблизить к себе сестру. Он имел виды на огромные владения ее покойного мужа, не оставившего прямых наследников: в будущем, если бы Анна того пожелала, эти владения могли стать собственностью одного из сыновей Ираклия. Да и сейчас она почти все, что приносили ее имения, доставляла в житницы и кладовые Ираклия, никогда не спрашивая, куда девается ее добро... Всеми расходами ведал правитель царского двора.

Проснувшись и выглянув в окно, Анна увидела, что идет дождь, и долго не вставала с постели. Она лежала, погруженная в думы, неподвижно вытянувшись под одеялом и устремив глаза в потолок. Накануне она выслушала исповедь Анико и неожиданно для себя узнала такие вещи, что гнев ее сменился глубокой жалостью. Анико откровенно рассказала ей о безумии своего мужа, о том, что в течение целого года после свадьбы царевич не подходил к ней. В конце концов она убедилась в том, что он слабоумный и что во время его припадков приходится прибегать к побоям.

Правда, обо всем этом Анна слышала и раньше, еще до обручения Анико, но тогда слухи о слабоумии царевича казались ей придворными сплетнями. А сейчас, когда она убедилась, что все это чистая правда, что она по собственной воле обрекла свою любимую внучку на такую же полную страданий жизнь, какую была ее собственная, сердце ее сжалось. В ней заговорила совесть.

— Лишь одно утешает меня,— говорила Анико,— другого такого послушного мужа нет на свете. Он го-

тов исполнить все, что я ему прикажу. Велю я ему кинуться в воду — он побежит топиться, если не удержат его силой. Что бы я ни сделала, все ему кажется правильным. Однажды я спросила его, как он поступит, если застанет меня в объятиях другого мужчины. Он ответил: «Поступлю так, как ты прикажешь». Несчастный!

— Если судьбой суждено ему вступить на императорский престол, ты будешь неограниченной повелительницей страны. Быть может, провидение уготовило тебе этот удел, дитя мое! — Анна вытерла платочком глаза и ободряюще улыбнулась Анико. — Поэтому тебе уже заранее надлежит вести себя с достоинством, чтобы все почувствовали, что ты создана быть царицей и управлять судьбами государства. О болезни твоего супруга знаем только ты, я да еще, может быть, два-три родственника. Все остальные будут видеть в нем только человека с мягким, слабым характером. Когда люди увидят, что муж покорен тебе, вся власть в стране, даже если ты этого не захочешь, окажется в твоих руках. Ни один государственный вопрос не будет решаться без тебя. Ты будешь действительно царицей и повелительницей Имерети.

Анико рассказала Анне все дворцовые новости и сплетни, а потом бабушка и внучка, утомленные разговором, разошлись по своим комнатам. Анна долго не могла уснуть: ее одолевали мрачные мысли. Она невольно позавидовала своей служанке, сладкий храп которой доносился из соседней комнаты.

Лишь перед самым рассветом удалось Анне забыть-ся чутким сном. Проснувшись она очень рано. В окно тускло глядело серое небо. Шел дождь. Она долго лежала без движения, прислушиваясь к глухому шуму дождя, наконец взглянула на часы и удивилась: было двенадцать часов. Вспомнились жестокие слова, которые вчера, будучи в гневе, она приказала передать Бесики в ответ на его желание повидать ее. Анна почувствовала раскаяние. Хотя она и уверяла себя, что разлюбила поэта, но где-то в тайниках ее сердца еще тлела надежда, что он остался ей верен... Анна испугалась, что ее ответ навсегда оттолкнет от нее молодого поэта, стала искать ему оправдания, вспомнила, что не нашла никаких улик, подтверждающих ее подозрения, что ни разу не застала предполагаемых влюбленных вместе, не уз-

нала ничего, порочащего их, и не заметила в поведении Анико ничего подозрительного. Припомнилось Анне, что Бесики, тотчас же по ее приезде явился к ней... И все озлобление Анны понемногу исчезло. Она находила простое объяснение всему, что прежде вызывало ее подозрения, и уже во всем оправдывала своего возлюбленного. Он не навестил ее в Дманиси? Ну так что же? Разве так легко приближенному царевича освободиться от службы? Да еще для того, чтобы повидать такую возлюбленную, имя которой он и во сне страшится произнести! Бесики ни разу не написал ей письма? Но как он мог осмелиться написать ей любовное письмо! Ведь оно могло стать смертным приговором для них обоих! Бесики ухаживал за Анико? Что ж, быть может, это делалось для отвода глаз. Разве мог он так вероломно изменить Анне, которой столько раз клялся в любви, которую осыпал такими пламенными поцелуями, что, казалось, мог сжечь ее своим огнем?..

Анна вскочила с постели и приказала служанке дать ей одеться. В это утро она особенно долго сидела перед зеркалом, занимаясь своим туалетом. Она искусно наложила на лицо белила, так, что исчезли все морщины, потом заячьей лапкой навела румянец на щеки и подрисовала брови.

Было уже за полдень, когда Анна, оправив свое длинное шелковое платье, в последний раз оглядела себя в зеркале. Пока она сидела за туалетом, Анико несколько раз забегала к ней и в восторге обнимала ее.

— Ах, какая ты красивая! — восклицала она. — Ты просто ослепительна! — и она тормошила Анну, торопя ее: обеим еще предстояло идти в гости к Тамаре.

Анна внимательно рассматривала себя в зеркало.

— А Бесики я понравлюсь? — внезапно вырвалось у нее. Она сама испугалась своих слов, точно человек, который нечаянно спустил курок пистолета и боится, что пуля попала в кого-нибудь.

Анико ответила бабушке тоном своенравной девушки, которой уже наскучили ее поклонники:

— Бесики! Эка невидаль! Подумаешь — важное дело понравиться Бесики!

Обе женщины накинули плащи и вышли из комнаты. Проходя по верхней галлерее дворца, они заглянули

в круглое окно и увидели, что в большом зале снова накрывают столы.

— Карабахский хан решил, должно быть, совсем не уезжать отсюда? — весело сказала Анна. — Пировать каждый день — где это слыхано?

— Так подобает царям. Когда я стану имеретинской царицей и ты приедешь ко мне в гости, я буду в течение целого года устраивать пиры в твою честь.

— Ах, только бы мне довелось увидеть тебя царицей, а пиры я сама буду устраивать тебе хоть по два раза в день.

Между бабушкой и внучкой окончательно воцарились мир и согласие. Они быстрыми шагами спустились по лестнице, пересекли площадь и направились ко дворцу Давида Орбелиани. Анна не ожидала, что у Тамары будут гости, и в изумлении остановилась на пороге, увидев, что гостиная ее племянницы полна народу. Но среди гостей не было ни одной женщины.

Анна обвела присутствующих взглядом и увидела в углу зала Бесики. Он побледнел, когда она вошла, и теперь глядел на нее широко раскрытыми глазами.

— Когда вы приехали, Давид? — обратилась Анна к Орбелиани.

— Только что, ваша светлость, — ответил Давид, пододвигая к ней кресло. — Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, но мы, кажется, помешали... Я хотела видеть Тамару. Она дома?

— Дома и сейчас выйдет.

— Анна, вы ли это? — слышался знакомый голос.

Дверь отворилась, и в зал вошла, сверкая бриллиантами и жемчугами, пышно разодетая Тамара. Она обняла тетку, поцеловала Анико и повела обоих в свою комнату, говоря на ходу:

— Пойдем ко мне. Они тут беседуют о своих делах, и мы им помешаем. Потом они отправятся во дворец пировать, а мы останемся здесь одни и, если вы пожелаете, устроим свой женский пир.

Они сели. В камине весело гудело пламя. Анна протянула руки к огню. Завязалась оживленная беседа.

— Ах, милая Тамара, что может быть лучше каминна? Я никак не могу привыкнуть к стенным печам, которые брат велел устроить во дворце. Правда, комнаты

хорошо обогреваются, но, если я не вижу огня, мне все кажется, что я не могу согреться.

— А знаешь,— перебила Анну Тамара,— какие чудесные зонтики привез из России ага Ибреим? Они продаются у него в лавке по три миналтуни.

— Правда? Я еще не была в караван-сараяе. Что он еще привез?..

— Превосходное русское полотно,— сказала Анико. — Я такого еще не видела.

— Вот хорошо, что ты мне сказала! Ну, а еще что?

Из большой гостиной донесся какой-то шум. Женщины недоуменно переглянулись. Тамара встала и пошла узнать, что случилось. Анна и Анико проводили ее взглядом и застыли в напряженном ожидании.

Шум как будто утих, но Тамара не возвращалась.

— Что там происходит? — спросила Анна.

Анико вскочила.

— Пойду узнаю.

Она побежала вслед за Тамарой. Дверь в зал осталась полуоткрытой, и Анна ясно расслышала слова Тамары:

— А они не сказали — за что?..

Несколько голосов одновременно ответило Тамаре, и Анна не смогла разобрать слов. Она встала и направилась вслед за племянницей и внучкой. Сердце подсказывало ей, что случилась какая-то беда. В гостиной все были на ногах и растерянно смотрели друг на друга. Тамара о чем-то спрашивала Давида, глядевшего с мрачным видом в сторону...

— Что случилось? — спросила Анна внучку, бросившуюся взволнованно ей навстречу.

— Бесики взят под стражу.

— Бесики?... — Анна смертельно побледнела. — За что?..

— Не знаю. — И Анико прижала к губам скомканный платок, чтобы не разрыдаться.

Анна невольно бросила взгляд в тот угол, где стоял Бесики, когда она и ее внучка входили в зал. Хотела было о чем-то спросить Анико, но раздумала и направилась к Давиду.

— Что случилось, Давид? — спросила она,

Давид, не обращавший внимания на вопросы жены, повернулся к Анне.

— Что случилось?.. — повторил он злобно вопрос Анны.— Позор и бесчестье, вот что! Какой стыд!.. Не знаю, что и сказать,— развел руками Давид.— Мы погрузились с головой в болото зависти и злобы, ябедничества и интриг! Мы задыхаемся в этой трясине. Если бы не ябедничество и не доносы — зачем бы государь велел заточить Бесики в тюрьму? Кому он мешал? Жил при дворе безобидный, нищий поэт, сочинял прекрасные стихи. В чем он мог провиниться?

— Успокойтесь, друзья мои, Леван поговорит с государем, и Бесики освободят,— сказала Тамара, но по тону ее чувствовалось, что она сама не верит своим словам.

Анна тут же стала прощаться и, хотя ее усиленно уговаривали остаться обедать, поспешила домой. Анико она не взяла с собой, приказав ей остаться у Тамары.

Кое-как добежав до своих комнат и заперев за собой дверь, Анна без сил упала на тахту, зарылась головой в подушки и зарыдала.

Долго оставалась она в таком положении. Потом вскочила и стала хлопотливо собираться.

Она решила поговорить с братом, выпросить прощение Бесики.

— Будь что будет! — повторяла она про себя.— Да, да, будь что будет!..

На вершине скалы, над обрывом, чернела высокая башня — одна из башен Метехского замка. Отсюда был виден весь город. В маленькой комнате, составлявшей верхнюю часть башни, было темно.

В стенах ее чуть светлели узкие бойницы. Через одну из них виднелись Кура и сейдабадская дорога. Другая выходила на Татарскую площадь. Третья позволяла окинуть взором дворец и чугуретскую отмель. Сейчас можно было рассмотреть лишь сказочно сверкавший дворец с его цветными узорчатыми окнами, которые казались картинами, висевшими на бархатной стене ночи. На противоположном берегу Куры, против окон дворца, усевшись вокруг костра, коротали ночь пастухи. Закутанные в бурки, с высокими овчинными шапками на головах, сжимая свои длинные посохи, неподвижно сидели они у огня. Колеблющееся пламя отбрасывало на землю их тени.

Бесики стоял, прикинув к узкой бойнице, и не мог оторвать глаз от этого зрелища.

Вот они сидят прямо против дворца, не зная, что такое царский гнев, не страшась мести и доноса. Они свободны и могут идти, куда им вздумается. Если ночь застигнет их в пути, расстелят бурки на земле и уснут на них, как на самой мягкой постели. Вольно дышится им, и недаром они поют:

Двое нас, ты да я,
Друг мой, бурка моя.
Прикорнем под кустом —
Вот и будет нам дом...

А какую песню спеть сейчас Бесики? В башне темно, хоть глаз выколи. На холодном полу нет даже охапки сена, чтобы прилечь.

Бесики глядит, не отрываясь, на ярко освещенные окна дворца. Он знает, какой комнате принадлежит каждое из этих окон. Почти все они освещены. Может быть, и Анна, вот так же прильнув к своему окну, смотрит в ночь, на темную башню, в которой заточен ее возлюбленный...

Бесики отходит от бойницы и опускается на холодный пол. В его воображении встает ярко освещенный дворцовый зал, полный пирующих гостей. Сверкают алмазами хрустальные подвески канделябров. Во главе стола, под позолоченным балдахином, сидит царь, рядом с ним царевич и почетный гость. Все взгляды устремлены на Бесики, который, подыгрывая себе на сазе, произносит нараспев, по восточному обычаю, хвалебные стихи.

Звонкой и чистой струей льется под сводами голос Бесики, но не хвалебная и не любовная песнь получается у него, а нечто иное:

Я утратил ту, что жизнью моей была,
Я утратил блаженство, радость во мне умерла.
Я утратил рай, я визвергнут в пучину зла,
Я утратил звезду, что к счастью меня вела,
Я утратил Минерву, чья мудрость светлее дня.

Холод скоро вернул поэта к действительности. Исчез сверкающий зал. Вокруг — опять непроглядная темь.

Дрожь прошла по телу Бесики. Он поднялся с пола, отыскал бойницу и снова устремил взор в темное про-

странство. Дворец со своими горящими окнами был похож на многоглазого дракона. Чудовище дышало огнем, рассыпая вокруг разноцветные искры, и время от времени с треском, шипением и свистом выбрасывало в небо красные, зеленые и желтые огненные полосы. Еще вчера этот фейерверк доставил бы наслаждение Бесики, который любил потешные огни и восхищался искусством шваба — пиротехника Якоба, но сейчас эти взлетающие в небо ракеты только наводили на него ужас.

Взошла комета—кровавый след среди ночи.
Мир несчастий и бед глядит мне в очи.

Неужели это Анна уговорила царя заточить в башню своего любовника и сейчас ломает руки в раскаянии? А может быть, это Чабуа наябедничал?.. Нет, конечно, это Анна приказала бросить его в темницу, чтобы отомстить ему.

«Сама приду посмотреть на него, на мертвого»,— вспомнил он ее слова. Уж не хочет ли она поцеловать его отрубленную голову, как Иродиада?..

Со двора донесся до него звук шагов. Через некоторое время звякнул ключ в замке, дверь со скрипом отворилась и в сопровождении двух тюремных стражей с факелами вошли судья Теймураз Цицишвили, секретарь Гохар Бегтабегшвили и чиновник для допроса— Давид Херхеулидзе.

Стражи укрепили светильники в бойницах и принесли скамью для царских чиновников. Все трое сели. Бесики хотел поздороваться с ними, но они так холодно посмотрели на него, что он замер.

— По повелению его величества, царя Ираклия,— начал судья Теймураз,— должен быть подвергнут допросу приближенный царевича Левана Бесарион Габашвили, сын священника Захарии Габашвили, именуемый при дворе и называющий себя в своих писаниях Бесики. Давид Херхеулидзе, приступай к допросу.

— Как твое имя?

— Будто не знаешь!—горько улыбнулся Бесики.— Ведь у тебя все уже записано!..

— Отвечай, когда спрашивают! — закричал Херхеулидзе, выкатив на него глаза.

Губы Бесики перекошились судорогой.

— А если не отвечу?..

— А если не ответишь, тогда...— Херхеулидзе обернулся к двери и крикнул: — Джалил, сюда!

В комнату вошел рыжебородый палач. Он нес в руках орудия своего мрачного ремесла. Швырнув их в угол, Джалил посмотрел на царских чиновников в ожидании дальнейших приказаний.

— Ну-ка, заставь его заговорить, Джалил!—сказал Херхеулидзе, показывая глазами на узника.

Палач выбрал из своих орудий плетеный ремень, к концам которого были прикреплены палки для закручивания. Потом он подошел к Бесики и, вывернув ему руку привычным и быстрым движением, заставил поэта упасть на колени перед судьями. Вслед за тем схватил и другую руку, вывернул за спину обе их и крепко стянул ремнем, концы которого стал закручивать палками все туже и туже. Он делал это до тех пор, пока по вздрагиванию лопаток жертвы не убедился, что следующий оборот палок сделает боль нестерпимой.

Бесики глядел на Херхеулидзе, кусая губы от боли. Он до последней минуты не принимал происходящего всерьез и думал, что чиновники только притворяются грозными, чтобы напугать его, а затем добродушно посмеяться над ним. Но сейчас он понял, что все это — не шутка. Эти важные чиновники, еще вчера подобострастно улыбавшиеся Бесики и считавшие за честь для себя его дружбу, сейчас обращались с ним, как с преступником, и держались так, словно никогда не были знакомы с ним.

— Как твое имя? — повторил свой вопрос Херхеулидзе, движением головы подавая знак Джалилу.

Бесики вдруг почувствовал такую невыносимую боль, что невольно застонал, хотя перед этим твердо решил вынести любые муки, не издавая ни звука. Лоб его покрылся каплями холодного пота. Он устремил взор на Теймураза и спросил:

— Скажите, чего вы хотите от меня? Зачем вы оскорбляете меня? В чем я провинился? Почему вы обращаетесь со мной, как с разбойником?

— Ты хуже разбойника,— ответил Херхеулидзе вместо судьи.— Почему ты не отвечаешь на мои вопросы?

— Меня зовут Бесики.

— Из какого ты рода?

— Из рода Габашвили.

— Хорошо. Ну, теперь расскажи судье, какие преступления ты совершил против его величества, царя Грузии Ираклия?

— Никаких.

— Как это никаких? Что ж, значит, государь напрасно приказал тебя взять под стражу? Поглядите-ка на него! Не хватает только того, чтобы он обвинил государя в несправедливости!

— Говорю тебе, я не совершал никаких преступлений!

— Джалил!

Снова нечеловеческая боль заставила Бесики сначала застонать, а потом закричать звериным, душераздирающим криком. Из глаз его хлынули слезы, жилы на висках надулись, пот струями полился со лба.

— Говори! — не отставали от него чиновники.

— Никаких, говорю тебе!.. Ох! Боже мой! Скажу... все скажу.

Херхеулидзе сделал знак рукой палачу. Бесики перевел дыхание.

— О чем говорить, не знаю... Не могу же я клеветать на себя! Вы сами скажите, в чем я обвиняюсь, а я отвечу — правда это или нет.

— Ты сам лучше всех знаешь свои грехи. Сознайся, и дело с концом. И нас не мучай, и самого себя. Ведь все равно мы заставим тебя во всем сознаться!

Бесики внезапно что-то вспомнил...

— Господин судья, почему вы обращаетесь со мной не по закону?

— Что ты имеешь в виду?..

— Разве в законах царя Вахтанга не сказано, что, если царь повелевает предать кого-нибудь пытке или казни, исполнитель царской воли обязан подождать тридцать дней, так как царь за это время может смиротвориться. Есть ли такой закон?..

— Да, есть... — согласился Теймураз. — Благодарю судьбу, что он пришел тебе на память! Джалил, развяжи ему руки. Доложу государю. Как он прикажет, так и будет.

Все трое вышли. Джалил развязал руки Бесики, собрал свои орудия и пошел за тюремщиками, унесшими факелы, чтобы посветить судьям.

Узник снова оказался в кромешном мраке. Обесси-

ленный перенесенной пыткой, он улегся на холодный пол и стал широко раскрытыми глазами глядеть в темноту. Огненные точки плавали перед его взором. Они кружились, как светлячки. Бесики закрыл глаза, но светлячки не исчезали, они роились в темноте, летали во всех направлениях, то потухая, то снова загораясь.

Долго царила вокруг мертвая тишина. Но вдруг снова раздался звук отпираемого замка, дверь заскрипела, и в камеру вошел тюремный сторож с факелом в руке.

— Ушли! — сказал он и присел около Бесики. — Ну, как ты себя чувствуешь, Бесики? Все еще болит?

— Болит... Но кто ты такой? Я тебя что-то не узнаю.

— Неужели не узнаешь? — удивился сторож. — Ох, смотри, что сделали с человеком — знакомых не узнает? Кушать хочешь? Хочешь, я тебе вина принесу? Оно сразу вернет тебе силы.

— Не боишься?

— Чего бояться? Начальника стражи здесь нет, юзбаш тоже только что ушел. Больше мне бояться некого. Потерпи малость, я сейчас вернусь.

Сторож ушел и скоро вернулся с кувшином вина и небольшой сумкой, из которой он извлек глиняную чашу и немного пищи.

— На, выпей! — тюремщик налил вина в чашу и протянул ее Бесики. — Что, руки болят? Дай-ка, лучше я сам тебя напою. — Он просунул руку под спину Бесики, осторожно приподнял его и поднес к его губам чашу с вином, после чего предложил ему кусок хлеба с сыром.

Бесики отрицательно замотал головой.

— Не хочу. Лучше достань мне немного сена, подстелить под себя.

— Сена? Это дело легкое. Сейчас принесу столько, что хватит и подстелить и накрыться. Эх, знал бы ты, что творится в городе из-за тебя! Люди плачут, сокрушаются — нашего, говорят, певца бросили в тюрьму. Цеховые старшины решили обратиться к царю с прошением: этот человек, пишут они, дарил нам радость. Как бы ни было велико его преступление, мы хотим выкупить его кровь! Вот какие дела!

Сторож снова ушел и вернулся с такой огромной охапкой сена, что едва пролез в дверь. Он расстелил се-

но на полу и помог Бесики, с трудом доползшему на коленях до своего убогого ложа, улечься.

— Ах ты, несчастный, как они тебя отделали! И за что?.. Ничего плохого ты не сделал, никого не убил, никого не ограбил... Должно быть, лихие люди наябедничали...

Бесики снова пришли на ум зловещие слова Анны: «Приду посмотреть на него, на мертвого». Он вспомнил ужасную боль, которую испытал во время пытки, посмотрел на свои истерзанные, беспомощно распростертые руки, и страшная злоба поднялась в его груди. Он решил послать Анне записку.

— Слушай! — сказал он сторожу. — Как твое имя?

— Георгий я, Наникашвили. Вспомнил теперь?

— Ах, так это ты, Георгий! — Бесики сделал вид, что узнал сторожа, хотя на самом деле имя это ничего не говорило ему. — Так вот, Георгий, у меня есть просьба к тебе.

— Приказывай!

— Ты должен достать мне бумагу, перо и чернила.

— Бумагу? Где же мне достать ее?

— Не сейчас, нет. Завтра сходи к книжнику Иасэ, что живет около Сионского собора, и передай ему мою просьбу. Он даст тебе все, что мне нужно, а ты прине-сешь сюда. Понял? Мне необходимо написать письмо одному человеку. Эта проклятая боль до завтра, наверное, пройдет, и я смогу двигать рукой.

— Хорошо, это дело нетрудное. Больше тебе ничего не нужно?

— Ничего... А теперь ступай отсюда, чтобы никто не застал тебя здесь.

С этими словами Бесики положил голову на сено и сразу заснул. Он даже не заметил, как ушел сторож, унеся с собой факел.

Свеча давно догорела и погасла, но Анна не позвала прислугу, не потребовала другую свечу. Она сидела в темноте и, не отрываясь, глядела на Метехский замок. Она ждала конца пиршества, чтобы тотчас же после разъезда гостей пойти к Ираклию. В галерее сторожила ее служанка, которая должна была сообщить ей, когда гости встанут из-за стола и Ираклий удалится в свои покои.

Вечером несколько раз к ней заходила Анико. Она сообщила, что встретила Левана и попросила выручить Бесики. Царевич сказал, что все уладится, что против поэта выдвинуты глупые обвинения: нельзя же наказывать человека за любовные стихи, посвященные какой-то вдове. Анна по-своему истолковала это сообщение и окончательно решила пойти к государю, чтобы спасти Бесики во что бы то ни стало. У нее не было ни малейшего сомнения в том, что она и есть та самая вдова, которой поэт посвятил свои стихи.

Уже рассветало, когда служанка прибежала сказать Анне, что гости расходятся и что государь ушел к себе. Не медля ни минуты, Анна отправилась к брату. В галерее она столкнулась с Чабуа Орбелиани. Анна хотела сделать вид, что не заметила его, но он остановил ее, пожелал доброго утра и завел разговор.

— Хочу пойти к государю, пока он один,— сказал Чабуа.— Подумайте только,— он, оказывается, разрешил католику сжечь светские книги! Бесики заключен в тюрьму за то, что будто бы пишет греховные стихи и распространяет порок и разврат. На что это похоже? Где это слыхано, чтобы поэта заточили в темницу за сочинение любовных стихов? Попрошу государя освободить его.

— Ах, какое доброе дело вы бы сделали, ваше сиятельство! — сказала Анна с мольбой в голосе.— Государь непременно вас послушается.

— Правда, Бесики—мой враг, но это не значит, что я должен радоваться, если его осудят без вины. К тому же я забочусь не об одном Бесики. Конечно, я глубоко почитаю Антония, но предавать огню «Витязя в тигровой шкуре» лишь потому, что он был напечатан с греховными, как утверждают наши церковники, комментариями царя Вахтанга VI, ни ему, ни кому другому я не позволю.

— Пойдем, Чабуа. Я тоже иду к государю.

Когда они вошли в кабинет Ираклия, он, позевывая, просматривал какие-то бумаги.

— Что тебя привело сюда в столь ранний час? — спросил Ираклий, бросив на сестру удивленный взгляд.— И вы здесь, Чабуа? Я думал, что вы уже дома. В чем дело?..

— Государь, повелите освободить Бесики! — сразу выпалил Чабуа.— Прошу вас, освободите его, если за

ним нет особенной вины. Он рос вместе с вашим сыном! Это одаренный юноша. Не губите его напрасно...

— Твое великодушие меня не удивляет, Чабуа, но я не ожидал от тебя обвинения в несправедливости!

— Простите, государь,— Чабуа не ожидал такого ответа и растерялся.— Боже меня упаси обвинять вас в несправедливости! Я хотел сказать,— если он не совершил большого преступления...

— Любопытно знать, почему ты так усиленно защищаешь его? Ведь он как будто твой враг?..

— Так говорят, но есть враги опаснее Бесики... Государь, зная людей, я уверен, что многие будут считать меня причиной всех его несчастий... Я и осмеливаюсь обратиться к вам с просьбой...

Ираклий отрицательно покачал головой.

— Напрасно ты потревожил себя, Чабуа.

— Я позволю себе еще раз повторить свою просьбу. Я встревожен, государь. Католикос приказал предать огню светские книги...

— Знаю, что ты хочешь сказать,— прервал его Ираклий,— знаю и соглашаюсь с тобой: это в самом деле невиданный, достойный порицания приказ. Я не слыхал, чтоб кто-нибудь в мире, кроме инквизиторов, сжигал книги на кострах. Но, скажите, разве вправе я, с моей полуразоренной страной, восстанавливать против себя церковь? У католикоса свои соображения. Он хочет очистить святую веру Христову от ереси. Издав поэму Руставели, наш покойный дед царь Вахтанг снабдил ее своими комментариями, в которых доказывает, что эта книга якобы проникнута духом священного писания, и приравнивает ее к евангелию. Ясно, что церковь не может примириться с этим, и католикос приказал изъять именно это издание...

— Они отбирают все рукописные книги.

— Нельзя винить главу церкви за то, что невежественные ее служители, не поняв приказа католикоса, нарушают его. Надо сказать об этом Антонию. Вот уж, воистину,— заставь глупца богу молиться, так он лоб расшибет... Но знай, Чабуа, что есть бессмертные книги. А ты, мой Чабуа, должен простить своему государю, если, имея в виду интересы государства, он закрывает иногда глаза на злые деяния. Главное сейчас — возродить, укрепить Грузию.

— Дожить бы до этого!..

Ираклий немного задумался, теребя свою редкую бороду. Когда он снова заговорил, голос его звучал убедительно и проникновенно.

— Да, дожить бы!.. Но вряд ли нам это удастся, если мы не обретем покровительства Российского государства. Наша страна и народ стоят перед угрозой полного опустошения и уничтожения. Я вынужден просить соседних ханов направлять ко мне всех тех из их подданных, кто пожелает переселиться в Грузию. Это противно нашей вере и не одобряется, наверное, народом. Но что делать? До каких пор ждать мне, чтобы наше население увеличилось? Да и как грузины могут растить детей, если им приходится непрерывно воевать, если крестьян разоряют иноземные хищники, если они гибнут в битвах с врагами, а женщин и детей лезгины, действующие по наущению Турции, угоняют и продают в рабство?.. Наши соседи,— не только мусульмане, которым за уничтожение христиан обещан рай,— это варвары, ужасная, беспощадная сила.

— Да, государь, история Грузии — свидетельство того, что они задались безумной целью совершенно истребить наш народ. В нашем царстве едва ли осталось пятьсот тысяч человек. А ведь царица Тамара правила тысячами тысяч...

— Ты прав... Сейчас только единственная страна во всем мире — Россия — может противостоять прожорливым хищникам — Турции и Персии и сокрушить их силу. Наше спасение — в союзе с этим великим христианским государством, православной, как и мы, веры. Цель моей жизни — добиться покровительства России. Если я это сделаю, то смогу спокойно сойти в могилу, ибо знаю, что народ мой снова воскреснет, а потомки долго будут вспоминать меня с благодарностью.

— О государь, это великое дело!..— воскликнул взволнованно Чабуа.

— Да, великое дело, и не так легко свершить его. Даже некоторые самые близкие мне люди не понимают меня и мешают претворить мои замыслы в жизнь. Свое возмущение Тотлебом они перенесли на русских и Россию. Они не понимают, как извилист и труден путь, ведущий Грузию к возрождению. И все же с каждым шагом мы приближаемся к намеченной цели. Разве не

ясно, что пребывание русских войск в Грузии при всей низости Тотлебена, помешавшего широким совместным действиям грузин и русских против турок, принесло немалую пользу нашему общему делу. Мы лучше узнали друг друга, сблизились больше, чем раньше. Я верю и знаю, что не за горами тот день, когда с помощью русских войск турки будут изгнаны из Ахалцихе и Ахалцихского пашалыка, что исконные грузинские земли Месхети снова станут нашими. Мой сын Леван, мой зять Давид и их друг Бесики точно сговорились между собой, чтобы противодействовать мне. Поддавшись чувству, они больше прислушиваются к голосу сердца, чем разума. Посмотрим, как они поведут себя дальше. Не захотят идти со мной, не поймут, в чем нуждается сейчас Грузия, не исправятся — что ж, придется поступить с ними так же, как я поступаю со своими врагами. Пусть пеняют тогда на себя.

— А Бесики, государь?..

— Бесики не будет освобожден и прошу больше не заговаривать со мной о нем. Всего доброго, князь!

Чабуа почтительно склонился перед царем и вышел из комнаты. Ираклий проводил его взглядом и повернулся к Анне. Пылающий взгляд сестры смутил его.

— Ну и утомил меня этот пир! — проговорил Ираклий и зевнул, делая вид, что не замечает волнения Анны. — Однако ты рано поднялась! Или не спала всю ночь?

Анна придвинулась вплотную к брату, схватила его руку повыше локтя и судорожно сжала ее.

— Скажи, за что заточен Бесики в Метехи?

— Прежде всего за оскорбление, нанесенное тебе.

— Мне?..

— Да, тебе. Католикос сказал, что он посвятил «какой-то вдове» свое стихотворение. Я понял, что ты и есть эта вдова. Как посмел этот молокосос нанести оскорбление женщине из рода Багратиони? Я завтра прикажу снести ему голову!..

— О боже! — простонала Анна и закрыла руками лицо. — Ты не посмеешь, государь, не посмеешь! Знай, что я люблю этого юношу!..

— Анна, что ты сказала?.. — глухо проговорил потрясенный Ираклий. — Ты любишь юношу, который мог

бы быть по годам твоим внуком! И ты смеешь заявлять мне об этом?

— Я твоя сестра и дочь царя Теймураза, государь!

— Понимаю. Ты унаследовала любострастие своего отца!

— Нет, нет... Я не любострастна!..

— Довольно, замолчи! — крикнул Ираклий — Я и так знаю, кто ты такая!

— Кто я такая?.. Я женщина, которой впервые улыбнулось счастье на склоне ее дней. Моя жизнь была кромешной ночью... Только теперь меня коснулся солнечный луч. Я хочу насладиться светом и теплом хоть на закате жизни. Не отнимай у меня солнца, брат мой, прославленный воин и рыцарь! Пощади меня, великий государь, молю тебя, как простая подданная твоя, как женщина...

— Боже милостивый, до чего ты дошла! О чем ты говоришь!.. Пристало ли члену царской семьи просить у государя, чтобы он узаконил прелюбодеяние? Забота о государстве должна быть у тебя в мыслях денно и ночью!

— Государство?.. Вечно твое государство! Во имя государства ты пожираешь, как дракон, всех нас и само это государство. Сейчас же освободи Бесики! Хватит с тебя крови царевича Паата!

— Правду говорят, что женщина, пока у нее есть муж,—голиаф, а когда останется без мужа — голиаф из голиафов! — сказал, усмехнувшись, Ираклий. Он был немного навеселе, а в таком состоянии никогда не гневался.— Успокойся, сестра!

— Одну сестру ты отправил в Персию и выдал за муж за нехристя, меня отдал дряхлому, немощному князю в надежде на то, что он скоро умрет и его владения достанутся тебе. Что ж, радуйся—все вышло, как ты хотел! Возьми же все, что тебе нужно, мне ничего не жаль. Хочешь, я отдам в твою казну все мои драгоценности, только исполни мою просьбу!

— Анна, послушай меня,—спокойно сказал ей Ираклий.—Обойди весь мир, и ты не найдешь царя, которому бы выпало на долю с самого рождения беспрестанно сражаться, защищая свою страну. Одному мне бог послал такой удел! Во всем мире не найдешь ты сейчас царя, который бы сам вел свои войска в сражение и

бился с саблей в руке, как простой солдат. И это тоже предопределила мне воля божья. Смерть тысячу раз глядела мне в глаза. Не раз бывала у меня возможность уклониться от боя, в котором только чудо спасало меня от гибели, но я не пользовался этой возможностью. Чего же ради я так поступал? Неужели для того, чтобы пожрать собственную страну?..

— Прости меня, брат!..— Анна упала на колени.

— ...Чтобы завладеть твоими владениями, чтобы думать только о своих удовольствиях? Всю свою жизнь я провел в походах и битвах. Редко удается мне проспать спокойно ночь в своей постели. Наверно, так и настигнет меня когда-нибудь смерть в открытом поле. Я знаю, что священный долг царя—забота о подданных. Если бы я не знал этого, разве не мог бы я проводить жизнь в удовольствиях и наслаждениях?.. А ты говоришь, что я дракон, который пожирает страну! Нет, сестра, несправедливы твои упреки! Встань, я не хочу, чтобы ты стояла передо мной на коленях.

Он обнял Анну, помог ей встать и усадил в кресло. Анна, закрыв лицо платком, беззвучно рыдала.

— Мы стоим на такой высоте, что нас все видят,— продолжал Иракий.— Ошибки наши представляются миру увеличенными во сто крат. И потому мы должны отказываться от многого, что не возбраняется простым смертным. Мы не имеем права есть до пресыщения и пить до опьянения. Мы всегда и везде обязаны помнить прежде всего о государстве и нести с благодарностью вседержителю тяжелое бремя, возложенное на нас. Будем молиться. Молитва ободрит наши души и поможет нам перенести все наши тяготы и печали.

— Ты прав,— сказала Анна сквозь слезы.— Самое лучшее для меня — уйти от мира. Я постригусь... я удалюсь в Мгвимский монастырь, если ты позволишь..

— Как хочешь. Я не буду неволить тебя. Обдумай как следует, взвесь и решай сама. Зимой я тебя никуда не отпущу, а весной... как пожелаешь...

— Но одну просьбу мою ты должен исполнить!

— Какую?..— Иракий взглянул Анне в глаза и понял ее без слов.— Хорошо, обещаю... он останется жив.

Вернувшись к себе, Анна подошла к зеркалу и долго смотрела на свое отражение: она прощалась со своей красотой, со своей любовью как с жизнью... И вдруг

она увидела перед собой монахиню с увядшим лицом, в грубой одежде. В глазах у нее потемнело, все вокруг завертелось...

Когда Анна открыла глаза, она лежала в постели. Над нею, вся в слезах, стояла Гульвардис, старавшаяся привести ее в чувство.

— Ах, милая госпожа!.. Слава богу!..

— Что случилось?

— Не знаю... Когда я вошла в комнату, вы лежали на полу без чувств.

— Лежала на полу?

— Горе мне! Я чуть не сошла с ума!

— Ничего, ничего. Это, наверное, от бессонницы. Поди принеси мне чаю. Который час?

— Скоро двенадцать. Сейчас я подам вам чаю! — Гульвардис исчезла, но почти тотчас же вернулась и подала госпоже небольшую записку.

Анна развернула листок.

— От кого? Кто принес?

— Мне передал слуга и сказал, что принес какой-то мальчик.

Письмо было написано неразборчивым почерком, Анна с трудом прочла его.

«Ваша светлость!

Жизнь моя обратилась в ад, я терплю невыносимые муки. За что вы разгневались на меня? Если я обречен на гибель, подобно беззащитному животному, брошенному вами на растерзание львам, молю вас, о солнце, блистающее в высоте, прекратите мои муки и пришлите мне скорей яд, чтобы я мог, не медля ни минуты, расстаться с этим миром. Пусть рука, которая ввергла меня в пучину мрака, сама протянет мне чашу с напитком, извлеченным из жала змеи. Я приму ее, как последний поцелуй...» — письмо прерывалось на этих словах.

Анна перекрестилась и еле слышно прошептала:

— Разве может быть на свете яд, горше этого письма?

По городу рыскали монахи и рылись в книгах, хранившихся у горожан. Обнаружив тетрадку стихов или книгу светского содержания, они тотчас уносили их. Горожане возмущались, отказывались сдавать книги. Обыски производились лишь в домах грузин. Им не под-

вергались ни армяне, ни татары, ни евреи. Поэтому некоторые горожане, не боявшиеся проклятия католикоса, отдавали свои книги на хранение иноверцам.

— Что это такое? Светопреставление, что ли наступило? — с удивлением спрашивали длиннородые мастера и ремесленники.

— Книготорговца Иасэ схватили и заключили в церковную тюрьму.

— Все его книги бросили в Куру.

— Да ведь и Бесики-то, оказывается, схвачен за то, что писал любовные стихи.

— Так ведь он же не монах, чтобы писать молитвы! Что они выдумали! Разве не сказано у самого Руставели:

Третий род стихов пригоден для веселых песнопений,
Для пиров, забав, любовных писем и шутливых поношений.

— Зря ты вспомнил Руставели! Разве не видишь, как расправляются с его книгой? В Куру бросают...

— Пока я жив, своей не отдам!

— Попробуй, так с тобой расправятся, что своих не узнаешь! Нет, брат, от приказа католикоса никуда не уйдешь! Нарушишь — тебя не будут пускать в церковь.

— И пусть не пускают. Я и сам теперь в церковь не пойду. Не хочу ни Сионского собора, ни Анчисхати! Буду молиться с армянами или католиками, а то пойду в мечеть. Чего им от меня нужно?..

— Не кощунствуй!

— Так не годится, люди! Что вы словно воды в рот набрали? Довольно молчать! — крикнул знаменитый кулачный боец, ткач Дарчия. — Пойдем к царю. Слава богу, мы, кажется, не под турками и не под персами живем. Есть у нас наш грузинский государь!

Когда-то Дарчия таким же точно образом собрал горожан и повел их на дворцовую площадь. Тогда дело касалось нового закона о налогах, и достаточно было кликнуть клич, как весь город поднялся на ноги. Дарчия думал, что и сейчас будет то же самое, но ошибся. Все были согласны, что творится большая несправедливость, но никто не трогался с места. Собралось лишь несколько человек, да и те скоро разошлись по домам: хлопот, дескать, не оберешься. Дарчия с горечью покачал головой и пошел в кабачок Баграта залить досаду вином.

Монахи продолжали рыскать по городу в поисках книг. Некоторые из них настолько обнаглели, что пытались даже проникнуть в дома знатных людей, но хозяева вытолкали их за двери.

Вскоре во дворе Сионского храма выросла целая гора книг. Помимо первопечатных грузинских книг, среди которых было восемьсот экземпляров поэмы Руставели, там можно было найти во множестве старинные грузинские, арабские и персидские рукописи, французские, итальянские и русские книги.

Католикос приказал взамен изъятых книг выдать населению бесплатно евангелие, псалтырь и молитвенники.

Придворный священник Лука вместе с другими прислужниками складывал книги в хурджины. Послушники уносили их и сбрасывали с моста в воду. Прежде чем положить книгу в хурджин, Лука внимательно просматривал ее, бормоча про себя:

— Книга латинская, а может, русская или французская?.. Одному богу ведомо, какие мерзости она проповедует или какие прелюбодеяния описывает. Да будет сия книга ввергнута в геенну огненную...

— Книга, писанная на языке нечестивых, персов, или арабов, или турок, которую я, невежда, опять-таки не могу прочесть, да будет предана огню или же брошена в Куру.

— Книга, называемая «Шах-Наме», описывающая дела персов, да будет брошена в воду...

— «Витязь в тигровой шкуре», напечатанный в типографии царя Вахтанга. Да будет книга сия ввергнута во ад,— он торопливо перекрестился и добавил:— и я вместе с нею, и я, грешный, вместе с нею... Еще «Витязь в тигровой шкуре» — одна, две, три, четыре книги. Книга арабская... нет... постой...

Лука, которому трудно было читать без очков, отодвинул подальше от глаз маленькую, красивой вязью написанную книгу, чтобы разобрать ее мелкие буквы. На первый взгляд это была арабская рукопись, так как каждая ее страница была покрыта золотом и окаймлена прихотливым орнаментом.

— «О, зачем ты, мир коварный, ввергнул нас в круговорот»,— с трудом прочел Лука.— Всемогущий

боже... снова «Витязь в тигровой шкуре»!..— Рукописная книга времен царицы Тамары!..

Он быстро перелистал книгу и отыскал в конце дату. Витыми буквами было написано: «Книга сия переписана во времена царствования Давида Нарина, в лето 1245».

— Вот это — вещь! Поглядите, как искусно она переписана! — Лука со вздохом посмотрел на книгу с позолоченными страницами.— Почему мы теперь не умеем делать такие.

— Мало того, что мы их не делаем,— с горечью проговорил один из послушников, которому, очевидно, не нравилось все происходящее,— мы выбрасываем в реку даже то, что было сделано раньше.

— Молчи, не гневи бога! — крикнул Лука на послушника.— Тсс, тише! Тьфу, тьфу, плюю на дьявола, отрекаюсь от нечистого!

Лука хлопотливо бросал книги в хурджин. Едва взглянув на какую-нибудь из них, он громко приговаривал:

— Тьфу, тьфу, плюю на дьявола, уберите от меня эту греховную книгу! — и кидал ее в мешок.

Веселый священник надеялся, что своими прибаутками и суетней развлечет окружающих, так что они забудут о маленькой книжке, сунутой им в карман...

Но Лука ошибся.

От гареджийского дьякона, уже двадцать лет мечтавшего о священническом сане и с этой целью поступившего в келейники к католикоосу, не ускользнуло ни одно движение Луки. Он тотчас же доложил Антонию, что священник спрятал в карман какую-то греховную книгу.

Антоний в этот день был с утра в плохом расположении духа. Он, как верный слуга святой церкви, мог испытывать удовлетворение, уничтожая вредные, греховные книги, но, увидев во дворе храма целую гору книг, почувствовал угрызения совести. Изящные, с любовью и тщанием написанные и разрисованные книги возбуждали в Антонии чувство невольного уважения. К тому же он знал, что сожжение еретических книг по постановлению церковных соборов во времена инквизиции было сурово осуждено историей. В нем нарастало чувство острого недовольства собой. Раздражение его уси-

ливалось сознанием, что ошибку уже нельзя исправить. Отобранные у горожан книги непременно нужно было сжечь или выбросить в воду — Антоний не мог отменить свое решение. Раздраженный и раздосадованный, он старался как можно скорее закончить начатое дело, и когда гареджийский дьякон доложил ему о поступке Луки, он немедленно спустился во двор.

— Достань из кармана книгу, которую ты утаил! — приказал он священнику.

Лука торопливо погрузил руку в глубокий карман своей рясы, но запутался и долго возился, пока сумел извлечь оттуда книгу.

— Ты, вместителище скверны! Что это такое? — Антоний вырвал из рук священника книгу и быстро перелистал ее. — Стихи Бесики! Господи, помилуй! Что еще у тебя в кармане?

Лука снова торопливо полез в карман и протянул Антонию вторую книгу.

— Что это?.. «Витязь в тигровой шкуре», написанный на позолоченных листах бумаги! Кто приказал отбирать все книги Руставели? Ведь было приказано уничтожить только те, которые отпечатаны при царе Вахтанге с его безбожными примечаниями.

— Ваше святейшество, это — древняя книга... какое искусство показал переписчик, трудившийся в столь далекие времена!..

— Евангелие и молитвенник — вот книги, которые ты должен всегда держать в руках, а отнюдь не те, кои порождены грехом. Воистину, ты достоин быть извергнут из святой церкви и проклят навеки!

— Прости, святой отец! — Лука бросился на колени перед Антонием и припал лбом к земле.

— Моли бога, дабы простил тебе грехи твои! Считаю за лучшее удалить тебя из города и из дворца, назначаю дьяконом в Цалку. Завтра же отправляйся туда пешком. А в пути приказываю питаться одним хлебом!

Передав книги келейнику, Антоний вернулся к себе в палаты. Он распорядился пересмотреть тщательно книги, принесенные для уничтожения, и отдать не подлежавшие изъятию в царскую библиотеку.

Лука долго лежал ничком на земле. Он никак не мог прийти в себя. Для него, обремененного большой семьей, приговор католикоса был уничтожающим. Он и

теперь, получая жалованье придворного священника, с трудом содержал многочисленную семью. Как же мог он просуществовать в Цалке с доходом простого дьякона?

— Святой боже,— Лука приподнял голову и оглянулся вокруг. — У кого просить защиты?..

Обратиться к самому царю? Но это было бесполезно. Лука знал, что Ираклий не станет вмешиваться в распоряжения католика.

Лука решил просить о заступничестве у Левана и поспешил во дворец. Кряхтя и вздыхая, взобрался он по лестнице наверх и разыскал царевича.

— Защити, царевич,— бросился он на колени перед Леваном,— спаси от гибели!

— Что случилось, мой Лука? Не просишь ли ты у меня отпущения грехов? — с улыбкой спросил его Леван.

— Католикос лишил меня сана и посылает в изгнание.

— За что?..

— На горе себе я спрятал в карман книгу Бесики.

Леван нахмурился.

— Книгу Бесики? — повторил Леван.— Что говорить о книге, когда я не знаю, как спасти самого Бесики...

Один за другим сменялись томительные, мрачные дни. К ним прибавились еще более томительные, бессонные ночи. Казалось, и друзья, и враги забыли о Бесики. Никто не приходил к нему. Он сидел в совершенном одиночестве и дрожал от холода. Раз в день сторож приносил ему черствый хлеб и маленький кувшин воды. Он ставил кувшин на самом пороге, клал на него хлеб и тотчас же закрывал дверь. Георгия, который покровительствовал Бесики, куда-то убрали. Последнее время дежурили другие сторожа.

Непривычный к холоду и голоду, Бесики утратил бодрость и ослабел. Почти все время он проводил, лежа на сене. Почувствовав однажды укол в шею, дотронулся пальцем до больного места и поймал черного клеща. Все тело сразу зачесалось, он чуть не разорвал на себе одежду. Вскочив на ноги, заметался по камере. Сено внушало ему теперь и страх, и отвращение. Противно было прикоснуться к нему. Так бегал он взад и вперед, пока ноги не стали подкашиваться от усталости. Упав ничком на сено, Бесики предался мрачным думам. Ужас

сковал его при одной мысли о том, что пройдут тридцать дней, и судьи опять придут к нему для допроса. Они приведут с собой палача Джалила, и снова начнутся пытки.

Но, может быть, его и не будут больше пытать, может быть, мучители не захотят тянуть целый месяц и сразу прикончат его — поставят на краю скалы и столкнут в реку. О, каким бы это было счастьем в сравнении с теми страшными муками, которым он подвергнется через месяц!

Бесики каждую ночь проводил в подобных мыслях. Его постоянно напряженный слух привык ко всем ночным звукам: он прислушивался к журчанию реки, к глухому звону далекого тари, к пению петухов, к карканью ворон на рассвете, к лаю и рычанью собак, к звону церковных колоколов, к протяжным возгласам муэдзина... В тягостной тревоге ждал он, что вот-вот раздастся звук шагов и в дверь войдет палач. Но проходил день за днем, и никто не показывался. «Все меня забыли,— повторял измученный, обессиленный Бесики,— даже Леван! Кажется, сама смерть забыла обо мне. Неужели Анна не получила моего письма? Неужели она не сжалится надо мной и не пришлет мне яду, чтобы пресечь мои мучения».

Однажды вечером внезапно загремел тяжелый замок и дверь отворилась.

— Здравствуй, скворец! — раздался громкий голос.

Бесики вскочил. Он остолбенел от неожиданности и даже не ответил на приветствие. На пороге стоял Леван.

— Как поживаешь, стихотворец? — Леван оглянулся, рукой показал своим спутникам, чтобы они не входили, закрыл дверь и снова обратился к Бесики: — Ну, что ты подделываешь? Покорно ожидаешь приговора? Дела твои плохи. Анико не дает мне покоя, все просит спасти тебя. Но ведь ты знаешь моего отца — он никому не прощает вины.

— Хотел бы я знать, в чем моя вина?..

— Молчи! Все открылось. Хочешь, перечислю твои преступления? В Цхинвали, когда ты был у Тотлебена...

— О боже, ведь я сказал тебе...

— Постой, мне совсем не нужны твои оправдания. Почему ты не сообщил государю, что Тотлебен послал письмо ахалцихскому паше? Мало ли что ты мне гово-

рил. Ты царю должен был сказать. Виновен ты в этом или нет? Виновен. Вот тебе одно преступление. Выхав из Тбилиси во время чумы, ты встретил по дороге Александра Амилахвари, который бежал из тюрьмы. Правда, то были тяжелые дни и все потеряли голову, но разве трудно было найти мандатура и сказать ему, чтобы он задержал беглеца? Знаю, ты скажешь — недостойно мужчины предавать несчастного. Может быть, на твоём месте я поступил бы так же, но зато и был бы готов принять наказание. Вот тебе второе преступление... В Персии ты подружился с царевичем Александром Бакаровичем. Знаю, ты скажешь, что он наш родственник, двоюродный брат моего отца, и что ты не мог вести себя иначе... Но все же это тяжкая вина. Это — третье преступление... Говорить дальше?.. Думаю, перечисленного достаточно, чтобы снести тебе голову. Так оно и случилось бы, если бы твой покровитель Леван не позаботился о тебе. Слушай внимательно! Я не могу освободить тебя, но я помогу тебе бежать. Тебе, конечно, нельзя жить ни в Тбилиси, ни в другом каком-нибудь картлийском или кахетинском городе.

Леван скрыл от Бесики, что побег его устраивался с разрешения Ираклия.

— Я предпочитаю смертную казнь.

— погоди, не торопись! Ты должен бежать в Имерети и там дожидаться меня и объединения грузинских царств по обе стороны Лихских гор. Мой отец давно бы расправился с царем Соломоном, если бы не боялся возстановить против себя Турцию. Дело нужно провести так, чтобы не сердить ни Турцию, ни Персию. Имеретинский престол займет твой друг и покровитель Леван. Это будет действительно объединение Грузии. Видишь, как судьба благосклонна к нам? Благодаря стараниям моего деда и отца сначала объединились Картли и Кахети, мы теперь объединим всю Грузию.

Бесики внезапно почувствовал прилив сил: он восхищенно глядел на царевича и уже не помнил ни о тюрьме, ни о печальной своей судьбе, которую проклинал несколько минут тому назад.

— Когда я должен отправиться в Имерети? Сейчас? — спросил он Левана.

— Нет, не сейчас. Приблизительно через месяц, когда все забудут о тебе и о твоём деле. Сюда придет че-

ловец, который поможет тебе бежать. Но знай, стража не будет предупреждена, и если кто-нибудь заподозрит побег или увидит тебя потом, после побега, в городе, то в тебя будут стрелять. Будь сугубо осторожен. Мы же, узнав о побеге, подыдем тревогу, пошлем за тобой погоню и поручим нашему послу в Имерети требовать у Соломона, чтобы он выдал тебя. Но ты не бойся — Соломон не только не выдаст, а, наоборот, примет тебя с большим почетом, так же, как мы приняли бежавшего из Имерети Георгия Абашидзе. Ты должен сделаться поверенным его тайн. Можешь клеветать на нас, сколько хочешь, но помни, что там, в Имерети, ты являешься тайным представителем царевича Левана.

— Понимаю.

— Связь со мной ты будешь держать через католического миссионера Франческо и кутаисского купца, армянина Гарегина. Он часто приезжает сюда за товарами. Вот и все. Все ли тебе ясно?

— Ясно. Я готов.

— Итак, до свиданья, мой Бесики! Может быть, нам доведется вновь сойтись вместе, и тогда мы возблагодарим бога за эту милость. Но может случиться, что мы умрем, так и не увидев больше друг друга. Тогда... Тогда пусть, уйдя в тот мир, мы останемся друзьями...

— До свидания, ваше высочество! — Бесики склонился и поцеловал колено Левана. — Ваши слова воскресили меня из мертвых. Правда, тяжело мне расстаться с Тбилиси, но для вас я готов перенести любые превратности и невзгоды.

Он встал и смахнул навернувшиеся на глаза слезы.

— Простите меня за все... Я не дерзну роптать на судьбу, которая, послав мне жизнь, полную страданий, удостоила зато чести быть вашим другом. Прощайте, ваше высочество!..

— Прощай, Бесики! Постараемся увидеться вновь как можно скорее.

— Аминь!

Леван ушел. Бесики, оставшись один, предался мечтам и совсем позабыл о том, где он находится. Он вообразил, как он выберется из тюрьмы, вскочит на лошадь и помчится в Имерети. Он думал о трудностях, которые ему придется преодолеть по пути, прежде чем он доберется туда. Он мысленно проходил весь этот путь до кон-

ца, а потом начинал сначала, и с каждым разом его мечты делались все смелее и смелее.

Через несколько дней волнение Бесики улеглось. Мысли о побеге ему надоели, и он уже не знал, чем себя занять. Любовные стихи не шли на ум. Он стал всматриваться в речные валуны, из которых были сложены стены, в плиты пола, усеянного сеном. В одном месте увидел он вдавленную меж ними свинцовую пулю, достал ее и, очистив от земли, царапнул по каменной стене, как это делал в детстве. Пуля оставила след — черную черту, и вдруг Бесики осенила мысль исписать стихами отполированные рекой валуны. Правда, таких удобных для письма камней в стене было немного, но все же достаточно, чтобы нацарапать на них целую поэму. Бесики отколупнул от стены два небольших камня и начал катать между ними пулю, чтобы сделать из нее некое подобие карандаша. Вскоре он уже держал в руке небольшую свинцовую палочку и начал разглядывать стенную кладку, решая, с какого камня начать.

Но о чем же можно написать?..

И вдруг перед его мысленным взором снова промелькнула Ацкурская крепость, обстрел ее русскими пушками, вылазка турок, смятение среди воинов, атака турецкой конницы хевсурами...

Поэт вспомнил все это и, подойдя к стене, некоторое время водил ладонью по камню, как бы снимая пыль и разглаживая его, а затем начал тщательно выводить строку за строкой.

Ярким пурпуром играет ратный дол и берег Мтквари.
Там османы в их бурнусах, словно в рдеющем пожаре.
Серебро доспехов! Злато! Взор метался в этой яри.
О клинки лезгинов! Лучших нет в Хорезме на базаре.

Камень был исписан. Бесики взялся за другой. Он писал, не останавливаясь:

Русские в зелено-красном и в лазурном красовались.
Бляхи медные сверкали, роем звезд переливались.
Гром оружия, ружей грохот гулом в небе отозвались.
У царя картвелов мысли к бурям битвы порывались.

Камни постепенно запестрели написанными стихами. Местами свинец почти не оставлял следа на камне...
Воспоминания набегали наподобие морских волн.

Они катились и захлестывали поэта, исписывавшего стихами камни башни Метехи. Вот перед его глазами Давид Орбелиани:

...Натиск твой первоначальный копыеносцев сбить стремится.
И гигант, и человек ты, и сверкающая птица.
Разметал отряды вихрем ты, мелькая, как зарница.
Став для них жерновом тяжким, чтобы в кровь их погрузиться.

Так писал Бесики, вспоминая Аспиндзскую битву, и в первый раз, даже не заметив того, написал длинную поэму, восхвалявшую Давида Орбелиани.

...Беглецы, твой слыша голос, встали, словно в землю врыты,
А затем к тебе помчались,—и с тобой в порыве слиты.
И татары не успели за рекой найти защиты.
У перил моста сгрудились уstraшенные сунниты.

...Там, без брода, мчатся в реку, обезумев от испуга,
Здесь теряющие разум бьют кинжалами друг друга.
С толку сбил ты убежавших, велика твоя заслуга.
Восхваляемый, косил ты, и пришлось османам туго.

Кто же мог не поклоняться? Каждый раз, увидя снова
Лик, чью сладостную прелесть описать не может слово,
Все о бедах забывали, и печаль была готова
Улететь. А ныне — горе! — я гоним и нет былого.

Когда Бесики кончил писать и оглядел стены, он увидел, что почти не осталось ни одного камня, на котором бы не были написаны стихи. Прочесть их не смог бы никто, кроме самого поэта. Он с одного взгляда распознавал написанное и заучивал наизусть с тем, чтобы через много лет воспроизвести на бумаге эту поэму, столь не похожую на его придворную лирику.

Дни мелькали за днями. Бесики привык к своим мечтам и забыл, что ему в самом деле предстояло вскоре бежать. Когда однажды, в рождественскую ночь, до его ушей донесся сверху какой-то шум, он не сразу понял, в чем дело. Когда же с потолка по веревке спустился человек, он вскочил на ноги, пораженный неожиданностью.

— Кто ты? — спросил он так же шепотом.

— Я — Гогия Фатрели. Не узнал? Ну, друг, теперь будь молодцом. Можешь подняться сюда по веревке?

— Попробую. Как ты сюда попал?..

— Сейчас не время разговаривать. Нужно выбрать-ся отсюда, пока сторожа не вернулись из церкви.

Бесики схватился за веревку, но не смог подтянуться на руках. Гогия подхватил его, как ребенка, и поставил к себе на плечи. Бесики кое-как дотянулся до отверстия в стене под самой крышей, пролез в него и очутился на свободе. Он вздохнул всей грудью. Над головой его раскинулось небо, усеянное звездами.

— Ложись, чего ты стоишь? Ты с ума сошел! — зашептал Гогия, как только узник высунул голову из отверстия. — Ты хочешь, чтобы тебя подстрелили?

Гогия осторожно взглянул во двор крепости и знаком показал Бесики, чтобы тот спускался по веревке, привязанной к зубцам башни, прямо на берег Куры. Беглец протиснулся между двумя зубцами, взялся за веревку и окинул взглядом город. Окна в домах были освещены, всюду мерцали огни. Издали доносились звуки сазандари. Среди темных улиц там и сям мелькали прохожие с факелами или фонарями. У въезда на мост сидели вокруг костра караульные.

Бесики вдруг осознал, на какой огромной высоте он находился. Ноги и руки у него слегка задрожали, но он пересилил себя, схватился за веревку и, оттолкнувшись от стены, повис в воздухе. Он изодрал себе локти, ударился коленом об острый камень, а в руках ощутил такую жгучую боль, что едва не выпустил веревку. Он стал быстро спускаться. Почувствовав под ногой выступ скалы, он остановился, передохнул и взглянул вниз. Где-то глубоко под ногами, во мраке, шумела река. Бесики снова стал спускаться.

Вдруг во дворе крепости раздались крики, и один за другим грохнули два выстрела. В ту же секунду Гогия Фатрели быстро скользнул вниз по веревке и почти что сел на плечи Бесики.

— Быстрее! — шепнул он.

Бесики ослабил пальцы, сжимавшие веревку, и полетел вниз со страшной скоростью. Точно раскаленным железом обожгло ему ладони... Он с размаху упал на тропинку перед пещерой Або Тбилели. Не успел он прийти в себя, как Гогия уже тряс его за плечи.

— Скорей вставай! Иначе мы погибли.

Снова затрещали ружья, засвистели, зацокали, удаляясь о скалу, пули.

Гогия поднял узника и, поставив его на ноги, пустился вниз, словно проваливаясь в глубокую тьму. Бесики, скользя и падая, последовал за ним. Он ударился грудью о выступ скалы и расцарапал себе в кровь лицо об острые камни. Наконец, не удержавшись, просто покатился вниз и грузно шлепнулся о мягкий, как тесто, мокрый песок. Бесики не в силах был пошевелиться: шум реки, кипевшей водоворотами в теснине под мостом, оглушил его. Он не расслышал, как позвал его Гогия. Щека его очутилась в воде, которая быстро набралась в ямку, выдавленную в песке головой.

— Что с тобой?..— тряс его изо всех сил Гогия.— Ты не можешь двигаться?..

Подхватив Бесики на руки, словно ребенка, Гогия с шумом вошел в воду и посадил его в заранее приготовленную лодку. Лодка накренилась и наполовину наполнилась водой. Если бы Гогия сел в нее, не вычерпав воду, она неминуемо пошла бы ко дну. Думать было некогда,— по мосту бежали воины с ружьями. Гогия изо всех сил толкнул лодку к противоположному берегу и сам поплыл за нею. Течение влекло их, и они быстро скрылись за скалой.

Через минуту беглецы очутились около устья речки Дабаханки. Гогия вытащил Бесики из лодки, взвалил его себе на спину и скрылся под сводами моста. Освободившуюся лодку понесло вниз по течению. С моста слышался сухой треск выстрелов. Гогия оглянулся. На башне стояли сторожа, освещавшие факелами путь человеку, осторожно спускавшемуся по оставленной беглецами веревке. Гогия как-то по-особенному хмыкнул, что должно было выражать радость по поводу удачи и насмешку над преследующими. Подхватив быстро свою тяжелую ношу, он стал взбираться вверх по тропинке и скоро скрылся в узком темном переулке.

Когда Бесики пришел в сознание, он увидел что лежит в маленькой комнате с низким потолком, освещенной только плоской. Около него стояли двое мужчин. Один из них был Гогия Фатрели, другой — лекарь Иване Турманидзе.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Бесики? — с отече-

ской заботой спросил Гогия.— Как тебе не стыдно? Или ты не мужчина?

— Где я?

— Не бойся, мы в безопасности! Болит у тебя что-нибудь? Вот я привез к тебе Иване. Узнаешь его?

— Иване?..

— Да, нашего Иване Турманидзе.

— Ну-ка, разденем его, посмотрим, что с ним,— прервал их лекарь и тотчас же принялся расстегивать застёжки на одежде Бесики.

— Не беспокойся, переломов нет!—успокоил он Бесики после того, как внимательно осмотрел его.— Правда, расшибся ты здорово, и вся кожа у тебя на руках содрана. Но это пустяки! От моей мази за неделю заживут все раны.

Пока Турманидзе смазывал и перевязывал раны, Гогия рассказал Бесики о том, что происходило в городе:

— Настоящее татарское нашествие. По городу бегают люди с факелами, обшаривают каждый уголок. Говорят, что государь обещал сто золотых тому, кто поймает Бесики. Человек пятнадцать уже схватили, но не могут же они все оказаться тобой! Мандатуры совсем растерялись. Поймали одного борчалинца: ты, дескать, только прикидываешься мусульманином, а на самом деле ты и есть Бесики! До утра, наверное, многих заберут — даже священников. Мало ли как Бесики мог переодеться!

— А ты разгуливаешь по городу без опасений? — спросил Бесики.

— Конечно! Никому невдомек, что это я устроил твой побег! Ха-ха-ха!.. Я больше всех старался поймать тебя. То зову: «Скорее сюда, он здесь!», то кричу: «Вон он там, держите его!» И того борчалинца тоже я заставил задержать...

— Где мы сейчас?

— Не все ли равно тебе? Нас здесь никто не найдет. Чего тебе еще надо?

Турманидзе ушел. Гогия покормил больного и пожелал ему спокойной ночи.

Бесики думал, что на следующий же день поднимется с постели, но ошибся. На следующий день боль стала сильнее, и он очень мучился. На третий день ему так

сдавило грудь, что он едва мог дышать. Турманидзе дважды в день навещал беглеца и перевязывал раны.

Лишь через десять дней Бесики встал с постели. Все время Гогия был с ним. Он рассказывал, что происходит в городе, и составлял вместе с Бесики план побега. После долгого обсуждения, как все лучше устроить, они решили выйти из города по обходной телетской дороге, подняться в Коджори и уже оттуда направиться через Цалку и перевал Цкра-цкаро в Имерети. В городе уже забыли о бегстве Бесики: все были уверены, что его давным-давно нет в Тбилиси. Теперь переодетому беглецу уже нетрудно было уйти незамеченным.

Долгожданный день настал... С утра стояла тихая, ясная морозная погода. Над крышами бань клубился пар, поднимавшийся к вершине Нарикальского холма и облаком окутывавший высившуюся на скале крепость. Город был полон обычного шума — слышались стук молотов в кузницах, скрип аробных колес, свист плетей, топот копыт и голоса прохожих...

Бесики окинул на прощанье столицу долгим взглядом. На глазах у него были слезы.

Перед ним промелькнула вся его прошлая жизнь... Стремительный поток событий, в котором навсегда потерялась и роковая любовь Анны, и ставшая тоже роковой дружба с Леваном и Давидом...

И вдруг все минувшее властно заслонил неизгладимый образ Анико. С поразительной ясностью вспомнилось их последнее свидание, ее протяжный, напевный голос, глаза, затуманенные сдерживаемой страстью, улыбка и детская радость встречи с ним, его шутовское предсказанье. И вот сегодня он сам — на пути в Имерети... Неужели шутка, подсказанная тогда придворной учтивостью и жалостью к собеседнице, станет действительностью? Неужели ему суждено быть возлюбленным Анико, вершителем судеб ее царства?.. Кто знает, быть может, его изгнание — это дорога в обетованную землю?.. Да, да! Он любой ценой вырвет у судьбы свое счастье!..

Он пошатнулся.

— Бесики, что с тобой? — спросил испуганный Гогия.

— Ничего... Скорее, скорее уйдем отсюда!

Ведя на поводу навьюченных хурджиными лошадями,

беглецы благополучно миновали городские ворота.

Тихим шагом путники прошли Ортачала и стали подниматься на Телетский хребет.

С дороги они еще раз увидели Тбилиси. Чем выше поднималась тропинка, тем шире разворачивалась внизу панорама города. Взгляду Бесики постепенно открывались окрестные горы, далекие поля, за ними, еще дальше — новые горы, все необозримое пространство, рассеченное надвое серебристой лентой реки...

Ни один путник не мог пройти равнодушно мимо этого места. Каждый останавливался здесь и подолгу, будто зачарованный, не мог оторвать взора от величественной картины города веков. Над Тбилиси, прильнувшим к крутому могучему склону Мтацминды, прирощенным крепко к скалам, теснившимся вокруг, опоясанным, словно стальным обручем, крепостной стеной, — струился, как над гигантским легендарным жертвенником, голубоватый дым... И казалось, что это плыла и таяла паутина легчайших, неуловимых облаков, пронизанная сверкающими стрелами лучей восходящего солнца...

Подъем кончился. Тропинка повернула к Шавнабаде. Тбилиси навсегда скрылся из глаз Бесики.

Был январь тысяча семьсот семьдесят седьмого года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После побега Бесики, в судьбе которого имеретинский царь Соломон принял самое горячее участие, прошло два года. Жизнь в Восточной Грузии протекала некоторое время спокойно, и государственные дела складывались как будто хорошо. Но с ходом событий все яснее становилось, как шатка была основа этого благополучия, обретенного благодаря удачному стечению обстоятельств.

Леван, Давид и их сторонники глубоко ошибались, принимая улучшение отношений с Персией и Турцией за доказательство правильности политики, которую они навязывали Ираклию. Никакие случайности, никакие неудачи царя или успехи его противников не могли изменить путь, по которому шла Грузия,— путь сближения с Россией. Никакие усилия врагов России не могли помешать ей укреплять свое могущество и продвигаться, ограждая свои земли от хищных завоевателей, стремясь к новым рынкам, которых требовало развитие торговли, и обеспечивая безопасность торговых путей,— на юг, к Кавказу, к южному побережью Каспия и к берегам Черного моря.

Понадобилось немного времени, чтобы жизнь разрушила все надежды и расчеты сторонников ориентации Грузии на Восток. Не удалось им также превратить Грузию с помощью постоянного войска в сильное, единое государство: этому мешали и собственные феодалы, и их турецко-персидские покровители.

Леван и Давид надеялись на дружбу Керим-хана. Однако действительное отношение персидского властителя к Грузии лучше всего определялось условиями, которые он диктовал при переговорах, стараясь рассорить Грузию с Россией. Впрочем, политику восточного влады-

ки направляла не его, а чужая рука. Это была рука Англии, пытавшейся всеми средствами помешать продвижению России на Кавказ. В угоду своим английским друзьям Керим-хан предоставил им ряд больших привилегий и, в особенности, право на беспошлинную торговлю. Английские правители, стремившиеся к захвату Кавказа, нашли в Персии и Турции послушных исполнителей своей воли.

Керим-хан умер в 1779 году, оставив в наследство своему преемнику государство, по внешнему виду более крепкое, чем то, которое получил он сам. Но едва этот «скромный» диктатор (он так и не провозгласил себя шахом) сошел в могилу, как в Персии снова вспыхнули смуты, разгорелась борьба вокруг шахского трона. На корону предъявил свои права и владетель Ширвана Фатали-хан. Но, чтобы захватить власть в Персии, ему надо было обеспечить свой тыл, покорить Восточное Закавказье, покончить с самым опасным противником — с Ираклием. Решив объединить против Грузии мусульман всего Кавказа, Фатали-хан объявил ей священную войну. Ему удалось привлечь на свою сторону ганджинского и эриванского ханов. Ираклий действовал быстро и решительно. Он заключил союз с карабахским ханом Ибреимом и в том же году разбил наголову войска ширванского владетеля. Это отрезвляюще подействовало на ганджинского хана: он сложил оружие.

Вслед за этим Ираклий двинулся против эриванского хана. Несмотря на то, что тот изъявил покорность, с изменником все же решено было расправиться. Его спасла от кары лишь неожиданно изменившаяся обстановка: угроза войны между Имеретинским и Кахетинско-Картлийским царствами. Царь Соломон, подозревая, что Ираклий собирается, с согласия турок, захватить Имерети и отнять у него трон, решил предупредить его и напасть первым. Вокруг имеретинского царя сгруппировались кахетинско-картлийские феодалы, недовольные Ираклием. Среди них видную роль стал играть и Бесики. Желая использовать против Ираклия близкого некогда к нему человека, Соломон не только приютил беглеца, но даже пожаловал ему княжеский титул и назначил правителем своей канцелярии.

Увлекаемый честолюбивыми мечтами, мыслью о том, что сама судьба направляет его, Бесики, в Имерети,

некогда преданный слуга и друг Левана забыл свою клятву остаться верным царевичу до гроба: он всей душой стал служить своему новому покровителю.

Беглецы из Кахети и Картли уверяли Соломона, что они поднимут в Восточной Грузии восстание, если там появится царевич Александр. Поверив им, Соломон решил пригласить царевича в Имерети и направил к нему в Персию Бесики.

Дорога через Восточную Грузию для посланца имеретинского царя была закрыта. Ему пришлось пробираться через почти неприступный горный перевал Шаривчек на Северный Кавказ и проделать тяжелый, долгий путь до Астрахани, чтобы оттуда отплыть к персидским берегам. После тридцатидневного плавания по Каспийскому морю Бесики прибыл в Решт. Отсюда он отправился в Шираз, разыскал опального царевича, выполнил поручение имеретинского царя и вернулся вместе с Александром Бакаровичем в Имерети.

Соломон торопился начать военные действия. Он боялся опоздать, так как Ираклий возобновил, по совету доверенных русского правительства, прибывших в Тбилиси, переговоры с Россией о протекторате над Кахетино-Картлийским царством. Успеху их способствовало новое обострение отношений между Россией и Турцией. Многие заставляло Ираклия действовать быстро и решительно — придворные интриги, разгоревшаяся борьба дворцовых партий, внезапная, при таинственных обстоятельствах, смерть царевича Левана и, наконец, неудача замысла создать постоянное войско. Дело, начатое так успешно, со смертью Левана заглохло. Призываемые перестали являться на сборные пункты, так как никто не требовал их явки, никто не наказывал уклонявшихся.

Веской причиной, побуждавшей Ираклия не настаивать на восстановлении поочередной военной службы, являлась вспыхнувшая с новой силой борьба феодалов против царя, возможность перехода части постоянных войск на сторону его врагов. На эти войска рассчитывали, между прочим, противники Ираклия, бежавшие в Имерети и обещавшие Соломону поднять восстание в пользу царевича Александра.

Ираклию пришлось возобновить наем войск, содер-

жание которых поглощало и без того скудные доходы государства.

Единственным выходом из создавшегося положения мог бы явиться, по мнению грузинских патриотов, лишь протекторат России.

Положение Ираклия было гораздо прочнее, чем казалось его врагам. Царевич Александр очутился в роли жалкого неудачника и авантюриста. Прибыв в Имерети, он отправился в сопровождении группы картлийских феодалов, пригретых имеретинским царем, в Картли. Он был уверен, что там с появлением его действительно вспыхнет восстание. Но напрасно рассылались во все уголки гонцы. К царевичу примкнуло лишь несколько князей с горсткой воинов. Царь Соломон не посмел поддерживать открыто клику картлийских мятежников, и царевич бежал из Картли. В поисках союзника он очутился в резиденции Фатали-хана. Последний принял его очень радушно и обещал дать войска для похода в Кахети и Картли. Враги Ираклия уже торжествовали победу. Однако и этот замысел людей, не желавших считаться с действительностью, превратился в авантюру с жалким концом.

Фатали-хану пришлось по требованию русского правительства передать царевича Александра России. Искатель царской короны очутился на тюремной скамье: он был, по просьбе Ираклия, взят русскими властями под стражу.

Успеху переговоров о протекторате России над Кахетино-Картлийским царством способствовали разгром дворцовой партии противников сближения Грузии с Россией. Первым из них понес кару Бесики. После того, как умер Леван, единственным влиятельным вожаком этой группы остался старший зять царя Давид Орбелиани. Ираклий не посчитался ни с заслугами князя, ни с родственной близостью к нему. Он лишил его всех званий, сместил с должности правителя двора и изгнал из Тбилиси. Эта беспощадная расправа с одним из видных представителей царской семьи оказала должное воздействие на всех сторонников восточной ориентации.

Двадцать четвертого июля 1783 года в крепости Георгиевск, на Северном Кавказе, был подписан трактат — «Дружественный договор», — установивший протекторат Российской империи над Восточной Грузией.

Таким образом, Ираклию после долгих усилий удалось, преодолев множество препятствий и сломив яростное сопротивление своих врагов, завершить дело, начатое его предшественниками: Россия приняла Кахетинско-Картлийское царство под свою могущественную руку.

Двадцатого августа того же года Тбилиси торжественно отпраздновал подписание Георгиевского трактата, а в октябре тбилисцы дружески встречали русские войска, вступившие по договору в столицу Грузии.

Убедившись в том, что Ираклий вышел победителем из борьбы со своими врагами, Бесики, затаивший глубоко свои замыслы, стал еще ревностнее служить Соломону. Участвуя во всех его походах, завоевав беспредельное доверие своего нового покровителя, он получил в награду большие поместья. Отец поэта, прибывший со своей семьей из России в Кутаиси, был радушно принят имеретинским царем.

Перед Бесики открылась дорога к власти и, как ему казалось, к полному счастью: его честолюбивые мечты становились как будто действительностью...

В 1782 году царь Соломон умер. Борьба вокруг имеретинского трона закончилась победой группы имеретинских феодалов, связанной с картлийскими эмигрантами, среди которых по-прежнему большую роль играл Бесики. На престол был возведен двоюродный брат Соломона — царевич Давид. Слабоумный царь не мог править государством, разбираться в самых простых делах. Он увлекся земледелием и целые дни проводил в поле: сам ходил за плугом или перекапывал, на потеху своим подданным, кукурузу...

Анико Орбелиани, ставшая имеретинской царицей, что еще недавно казалось ей недостижимым, полновластно правила Имерети. Она приблизила к себе своего дядю Элизбара Эристави и Бесики. Эти два князя сделались фактическими властителями страны. Особенно сильным было влияние Бесики, ставшего фаворитом царицы.

Если молодой слабоумный имеретинский царь вместо управления государством занялся земледелием, то царица предавалась больше любви и веселью, нежели государственным делам. Став ее фаворитом, Бесики старался укрепить свое положение в государстве и весьма шаткий имеретинский трон. Теперь и ему стало

ясно, что этого нельзя сделать без помощи русской императрицы. Он убедил царицу в необходимости добиться покровительства России и вскоре выехал в Петербург с многочисленным посольством. В своих переговорах с русским правительством он решил использовать выгодное стратегическое положение Имерети. Захватив сравнительно небольшими силами Черноморское побережье, можно было бы отвлечь к Кавказу большие силы турок и развернуть со стороны Балкан решающее наступление на Константинополь. В Петербурге этим планом, по-видимому, заинтересовались, и Бесики был направлен со своей миссией в Кременчуг, где находилась ставка Потемкина.

Приняв Бесики, Потемкин ознакомился с его планом. Имеретинский посол уверял главнокомандующего, что при первом же появлении русских войск, поддержанных войсками Имерети, абхазский, мингрельский и гурийский владетели, не подчинявшиеся имеретинскому царю, изъявят покорность России. После этого можно было бы собрать на месте сорокатысячное ополчение, которое под предводительством русских офицеров совместно с русскими войсками обеспечило бы победу над турками и изгнание их с Кавказа. Потемкин обещал заняться этим планом.

Бесики, окрыленный надеждами, мечтал уже не только о покорении Черноморского побережья, но и о вторжении в Восточную Грузию. Он решил свергнуть Ираклия и объединить всю Грузию с помощью русских войск, под властью имеретинской царицы. Будущее Грузинское царство представлялось ему похожим, в некотором роде, на Российскую империю: если Россией правила с помощью всесильного фаворита Потемкина императрица Екатерина, то Грузией будет править фаворит царицы Анны Бесарион Габашвили. Участь слабоумного царя Давида уподобилась бы участи слабоумного императора Петра III. Увлеченный своими мечтами, поэт утратил всякое представление о действительности.

Действительность же оказалась значительно сложнее и запутаннее, чем это представлялось поэту-мечтателю. У Потемкина был точно разработанный план действий в Закавказье. На Северном Кавказе, под руководством его внучатого племянника, давно уже шли боль-

шие приготовления к походу через Карабах и Восточную Грузию в Персию. Этот поход неизбежно привел бы и к военным действиям, с помощью войск царя Ираклия, против турок. План Бесики, казавшийся ему самому решающим, мог лишь быть частью больших стратегических и политических замыслов Потемкина. У него в руках был проект русско-армянского договора, составленный архиепископом Иосифом Аргутинским, о восстановлении Армянского государства. В конечном итоге Потемкин предполагал создать в Закавказье под протекторатом России союз трех государств — Грузии, Армении и Албании (древнее название Азербайджана).

«Приуготовляется Вашему императорскому величеству слава,—писал Екатерине II граф Безбородко по поводу проекта Потемкина,—...приобрести новые земли к империи Вашей, посредством сих приобретений обеспечить и границы наши и владычество берегами Каспийского моря, открыть новые ветви торговли и основать новые царства...»

Эти царства должны были служить опорными плацдармами, форпостами России в борьбе с Персией и Турцией, за спиной которых все настойчивее действовала Англия, решившая воспрепятствовать России утвердиться на Кавказе свое влияние.

Но и грандиозный план Потемкина был снят с порядка дня. Одной из главных причин этого явилось резкое изменение обстановки на Кавказе.

Так, неумолимым ходом истории были попутно разбиты и честолюбивые мечты Бесики...

В Имерети дела приняли тоже плохой для Анны и ее фаворита оборот. Имеретинские феодалы, оттесненные любимцами царицы, начали выражать недовольство. Самые влиятельные из них составили заговор и отправили своих представителей к Ираклию с просьбой низложить их безвольного, слабоумного царя и присоединить Имерети к Кахетинско-Картлийскому царству.

Ираклий созвал чрезвычайный совет из высших сановников и духовных лиц. Все были, казалось, согласны принять просьбу имеретинской знати. Ираклий сперва колебался, но затем ответил решительным отказом.

— Турция,—говорил он,—считает Имерети своим владением и рассчитывает снова утвердиться там. Если мы присоединим силой это царство к Картли, то турки

не останутся перед тем, чтобы объявить нам войну. Надо действовать осторожнее и умнее, иначе придется воевать в очень невыгодных условиях.

Ираклий счел более благоразумным добиться передачи имеретинского трона своему внуку Давиду Арчиловичу. В этом случае Имерети внешне сохранила бы независимость, и у Турции не было бы повода к вмешательству во внутренние дела Грузии.

Совет принял предложение царя. Выполнение его началось немедленно. Ираклий отправил тайно в Кутаиси три тысячи воинов. Имеретинский царь Давид был низложен. У слабоумного царя хватило соображения бежать в Ахалцихе и обратиться за помощью к ахалцихскому паше. Анна решила искать защиты у своего деда — Ираклия. Она отправилась в Тбилиси, но ей не было разрешено остаться в столице. Низвергнутой царице, подвергнувшейся преследованиям, пришлось поселиться в Телави. Прошло не мало времени, прежде чем Ираклий смилостивился и подарил ей имение Кепинисхеви.

Жизнь, история не желали считаться с мечтами Бесики, тщетно ожидавшего в резиденции Потемкина обещанных ему войск. Когда ставка была перенесена в город Яссы, он вместе с другими послами последовал за главнокомандующим.

Записи некоторых грузин, находившихся в Яссах, свидетельствуют о том, что Потемкин якобы выделил для грузинского похода двенадцатитысячный отряд. Были подготовлены и царские инвеститурные знаки — корона, скипетр, порфира, герб Багратионов, царское знамя, орден Андрея Первозванного, драгоценное кольцо с печатью и золотые часы, усыпанные бриллиантами...

Но Бесики суждено было отправиться без всяких почестей в иной путь... Он внезапно умер от какой-то, как говорили, загадочной болезни. Ему было в это время сорок лет...

Не довольствуясь скромной, незаметной, скучной жизнью у себя на родине, бывшая имеретинская царица Анна уехала в Россию. Там она была принята с почестями, положенными для царских особ. Она поселилась в Москве, куда позднее прибыл и ее сын Константин.

Потеряв всякую надежду вновь стать имеретинской царицей, Анико примирилась со своей участью. Един-

ственным ее утешением стали воспоминания о прошлом. Все события последних лет промелькнули для нее как чудесный весенний день... Причины крушения ее счастья остались для нее совершенно непонятными: она винила во всем судьбу и злых людей, завидовавших ей. Анико бережно хранила тетрадь со стихами Бесики, чтение которых доставляло ей до последних дней безмерное наслаждение: ведь это были стихи, посвященные ей.

Ну, а княгиня Анна?.. Придворные говорили, что она удалилась в монастырь, чтобы скрыть от людей под темными сводами пришедшую все-таки к ней старость...

Старая жизнь умирала. Феодалы Кахети, Картли и Имерети доживали свои последние годы... Объединенная Грузия, связав свою судьбу с судьбой России, шла навстречу новой жизни.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- Абраги** (абреки) — в грузинском значении этого слова — преимущественно горцы, совершавшие набеги на грузинские земли с целью разорения их и захвата людей в плен для продажи на невольничьих рынках.
- Автандил** — один из героев поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».
- Азнаур** — дворянин.
- Амилахори** — шталмейстер, придворный чин.
- Асасбаш** — начальник городской стражи.
- Бандули** — мягкая кожаная обувь для хождения по горам.
- Бахтиары** — горское племя в Персии.
- Бегларбек** — правитель провинции.
- Векил** — уполномоченный.
- Вере** — речка и местность в окрестностях Тбилиси.
- Визирь** (вазирь) — высший правительственный сановник.
- Гавджапа** — один из видов азартной игры.
- Гвираби** — тоннель, потайной ход.
- Гоми** — один из видов проса и крутая каша из крупы гоми.
- Горда** — сабля.
- Грегорянство** — армянское вероисповедание.
- Гурджи** — грузин.
- Давтари** — журнал, дневник, записная книга.
- Давтархана** — канцелярия.
- Дайра** — бубен.
- Дарбазы** — зал, комната во дворце, главная большая комната в крестьянском доме.
- Делибашы** — в буквальном переводе: сумасшедшие головы, головорезы.
- Джиглар** — стремянный.
- Диванхана** — секретариат.
- Дядойцы** — этническая группа Дагестана.

Зурна — кавказский музыкальный инструмент. Зурной называют и ансамбль, состоящий из трех музыкантов.

Ираклисцихе — крепость Ираклия.

Кабахи — ристалище, поле для игры, состязаний.

Каджи — злые духи.

Кетхуда — богатый купец.

Кизилбаш — красноголовые. Так называли турок, которые носили красные головные уборы.

Киса — суконная варежка для мытья тела.

Коди — мера зерна.

Кортохи — перевал на границе Западной и Восточной Грузии.

Корчибаш — начальник телохранителей.

Коса — безбородый.

Куларагаси — начальник слуг.

Лечаки (личак) — платок, вуаль.

Мандатур — начальник царской полиции. **Мандатуртухуцеси** — главный начальник, полицмейстер.

Мацови — вид кислого молока.

Мдиванбег — высший сановник, советник, судья.

Мдивани — секретарь, писмоводитель.

Мейтари — камердинер.

Мелик — градоначальник, городской старшина.

Мехмендар — правитель царских гостиниц.

Миналтун — серебряная монета, равная одному рублю.

Минбаш — начальник тысячи.

Моларетухуцеси — главный хранитель царских сокровищ.

Моурав — управляющий городом.

Мушриб — бухгалтер, счетовод.

Муштеид — глава мусульманского духовенства.

Нагара — горн, фанфара.

Нагархана — дом трубачей или музыкантов.

Нарды — распространенная в Грузии настольная игра.

Нестан — героиня поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Пареши — слуга, лакей, прислужник.

Пашалык — провинция, управляемая пашой.

Перхули — хороводная пляска.

Савзи-сурха — игра.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Сазандари — музыкальный ансамбль, в переносном смысле — свирельщик, импровизатор.

Сарайдар — зодчий, смотритель дворцов.

Сардар — военачальник, генерал.

Саркардар — главный начальник, смотритель.

- Сахлтухуцеси** — правитель двора.
Сачино — название дворца царицы Дареджан; в буквальном переводе — кругозор. Такое название дворец получал потому, что был расположен на возвышенности, господствовавшей над городом. Частично сохранился до наших дней.
Сераскир — военачальник, управляющий провинцией.
Спаспет — военачальник.
Суннит — магометанин, придерживающийся «сунны» (изустных рассказов о Магомете).
Сын хорезмского шаха — один из героев поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

- Таблисчир** — игра слов: «гроза стола», «гроза трапезы».
Тагви —мышь.
Тари — восточный струнный инструмент.
Тариэл — один из героев поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».
Торня — грузинская пекарня с печью, врытой в землю.
Туман — десять миналтуни или рублей.

Устабаш — глава ремесленников.

- Хатайцы** — враги царя Индии в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», разгромленные Тариэлом.
Хачапури — род пирога, начиненного сыром.
Хелада — глиняный кувшинчик для вина.
Хурджин — переметная сумка.

- Чоха** — кафтан, армяк.
Чурчхела — сладость; готовится из виноградного сока и орехов.

- Шербет** — восточный напиток; готовится из воды, лимона, амбры и сахара.
Шнит — отвергающий учение «сунны» (см. суннит).
Шоти — род грузинского хлеба.

- Эджа** — миля, шесть тысяч шагов или локтей.
Эджиб — придворный чин вроде адъютанта.
Эристав — правитель провинции.
Эшикагасбаш — церемониймейстер.

Юзбаш (узбаш) — сотник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая, перевод А. Зардншвили	5
Книга вторая, перевод Э. Ананишвили	171
Книга третья, перевод Э. Ананишвили и Р. Микадзе	365
Послесловие	566
Пояснительный словарь	575

АКАКИЙ ИОНОВИЧ БЕЛИАШВИЛИ
БЕСИКИ
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Редактор Г. Бебутов.
Художник Д. Цицишвили.
Технический редактор Г. Мурадханян.
Корректоры Н. Оганян, А. Проскурина.
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано к печати 15 октября 1959 г. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂
9,06 бум. листа = 29,72 условн. печ. листа. Учетно-издательских
листов 32,84. Заказ 1639. Тираж 100.000 (50001—100000).

Цена 11 р. 35 к.

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока». Тбилиси,
пр. Руставели, 42.

Типография № 1 Главного управления издательств и полиграфиче-
ской промышленности Министерства культуры Армянской ССР.
Ереван, ул. Алавердяна, 65.